the dirt
Mötley Crüe
THE DIRT
MOTLEY CRÜE
BOTTLED ADRENALINE
Mötley Crüe

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта невероятная и захватывающая автобиография изучает мятежную жизнь одной из наиболее влиятельных икон американской рок-истории Motley Crue.

- Motley Crue
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: “ПЁСТРЫЙ ДОМ”
    - Глава первая
    - Глава вторая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ: РОЖДЕННЫЙ СЛИШКОМ СВОБОДНЫМ[1]
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвёртая
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: “ЛЮБИМЕЦ ГОРОДА”
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвёртая
    - Глава пятая
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: “КРИК НА ДЬЯВОЛА”
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвёртая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ: “СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ”
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвёртая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
  - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: “ДЕВУШКИ, ДЕВУШКИ, ДЕВУШКИ”
    - Глава первая

- Глава вторая
- ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: “НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ ЛУЧШИХ ДРУЗЕЙ ТОРГУЮТ НАРКОТИКАМИ”
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
- ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ: “НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ ЛУЧШИХ ДРУЗЕЙ ТОРГОВАЛИ НАРКОТИКАМИ”
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
- ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ: “НЕ УХОДИ ВО ГНЕВЕ”
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
- ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ: “БЕЗ ТЕБЯ”
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая

        - Глава одиннадцатая
    - ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ: “ПУШКИ, ЖЕНЩИНЫ, ЭГО”
        - Глава первая
        - Глава вторая
        - Глава третья
        - Глава четвёртая
        - Глава пятая
        - Глава шестая
        - Глава седьмая
        - Глава восьмая
        - Глава девятая
        - Глава десятая
        - Глава одиннадцатая
    - ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ: "ГОЛЛИВУДСКАЯ КОНЦОВКА"
        - Глава первая
        - Глава вторая
        - Глава третья
        - Глава четвёртая
        - Глава пятая
        - Глава шестая
        - Глава седьмая
        - Глава восьмая
        - Глава девятая
        - Глава десятая
        - Глава одиннадцатая
    - ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ
    - От переводчика
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Motley Crue
Грязь

Посвящается нашим жёнам и детям в надежде на то, что они простят нас за всё, что мы когда-либо совершили.

История, которая будет здесь рассказана, написана более чем одним пером, поскольку в суде история преступления рассказывается более, чем одним свидетелем.

Уилки Коллинз "Женщина в белом" 1860

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: “ПЁСТРЫЙ ДОМ”

Глава первая

ВИНС

“О НАШЕМ ПЕРВОМ ДОМЕ (ЕСЛИ ЕГО МОЖНО ТАК НАЗВАТЬ), ГДЕ ТОММИ БЫЛ ПОЙМАН СО СПУЩЕННЫМИ ШТАНАМИ И СВОИМ «ХОЗЯЙСТВОМ» В ЧУЖОЙ «НОРЕ»; О ТОМ, КАК ПОДОЖГЛИ НИККИ К ВЕЛИЧАЙШЕМУ НЕСЧАСТЬЮ ДЛЯ КОВРА; ГДЕ ВИНС ЖАЖДЕТ НАРКОТИКОВ ДЭВИДА ЛИ РОТА; А МИК СКРОМНО И ОПРАВДАННО ДЕРЖИТСЯ В СТОРОНЕ ОТ ВСЕГО ЭТОГО”

Ее звали Бульвинкль (Bullwinkle — лось, персонаж мультфильма). Мы называли ее так, потому что лицом она очень походила на американского лося. Но Томми, даже притом, что он мог получить любую девчонку на Сансет Стрип (Sunset Strip), которую только пожелал бы, не хотел порывать с нею. Он любил ее и хотел жениться на ней, потому что, по его рассказам, кончая, она могла забрызгать всю комнату.

К сожалению, это было не единственным, что она могла заставить летать по всему дому. Ещё были тарелки, одежда, стулья… но в основном это были её кулаки, что вполне было в её духе. До того времени я жил в Комптоне (Compton), я никогда раньше не видел, чтобы кто-то мог обладать такой силой. Одно не к месту сказанное слово или взгляд заставляли ее взрываться в ревнивом гневе. Однажды ночью Томми попытался не пустить её в дом, закрыв дверь на щеколду (замок был давно сломан, т. к. дверь уже неоднократно ломала полиция), тогда она схватила огнетушитель и бросила его через большое окно, чтобы пробраться внутрь. Полицейские приехали снова той же ночью и наставили на Томми пистолеты, в то время как мы с Никки прятались в ванной. До сих пор не могу понять, кого мы тогда боялись больше: Бульвинкля или полиции.

Стекло мы так и не вставили. Это было слишком сложной работой для нас. Теперь после вечеринок люди могли стекаться в наш дом, расположенный неподалёку от «Whisky A Go-Go», либо через разбитое окно, либо через изуродованную гнилую коричневую парадную дверь, которая оставалась закрытой только потому, что мы сворачивали кусок картона и подсовывали его под низ. Я делил комнату с Томми, в то время как Никки, этот засранец, отхватил себе большую комнату. Когда мы поселились там, мы договорились меняться, чтобы каждый месяц кто-то

получал отдельную комнату в своё личное пользование. Но у нас никогда не получалось соблюдать этот порядок. Это было слишком сложной работой для нас.

На дворе был 1981-ый год, и мы были без гроша, с одной тысячью экземпляров семидюймового сингла, которые наш менеджер отпечатал для нас, и с десятком вещей, записанных на наше имя. В передней находился один кожаный диван и стереосистема, которую родители Томми подарили ему на Рождество. Потолок был покрыт маленькими круглыми вмятинами, т. к. каждый раз, когда соседи жаловались на шум, мы предпринимали ответные меры, стуча в потолок ручками швабр и гитарными грифами. Ковер был испачкан алкоголем, кровью и окурками от сигарет, стены чернели обожженными обоями.

Квартира кишела паразитами. Если нам нужна была духовка, то необходимо было выдерживать её при высокой температуре в течение добрых десяти минут, чтобы убить полчища насекомых внутри неё. Мы могли бы использовать ядохимикаты, чтобы истреблять тараканов, ползавших по стенам, но мы просто брали спрей с лаком для волос, подносили зажигалку к носику и сжигали ублюдков заживо. Конечно, мы могли позволить себе (или позволить себе украсть) такие важные для нас вещи, как, например, лак для волос, т. к. нам просто необходимо было делать высокие начёсы для выступлений в клубах.

Кухня была меньше, чем ванная, и такая же гнилая. В холодильнике обычно было немного старого тунца, пиво, болонская колбаса «Oscar Mayer», майонез с истёкшим сроком годности, иногда даже хот-доги, если это было начало недели (мы воровали их из винного магазина, который находился внизу или покупали их на отложенные деньги). Тем не менее, обычно Большой Билл (Big Bill) — двухсоткилограммовый байкер и вышибала из «Трубадур» («Troubadour» — название клуба) (который умер год спустя от передозировки кокаина) — приходил и с'едал все наши хот-доги. Мы всегда боялись сказать ему, что это единственное, что у нас было из еды на тот момент.

Были, правда, пара человек, которые жили на нашей улице, кто испытывал к нам чувство жалости, поэтому время от времени они приносили нам по большому шару спагетти. Когда мы по-настоящему испытывали нужду, Никки и я встречались с девчонками, которые работали в продовольственных магазинах, только для того, чтобы разжиться продуктами. Но выпивку мы всегда покупали на собственные деньги. Это было делом чести.

В раковине догнивали: два стакана и одна тарелка (это всё, что у нас было из посуды), которые мы иногда ополаскивали.

Порой было достаточно заплесневелого куска кекса, зачерствевшего на тарелке, чтобы заменить нам полноценную пищу, и Томми никогда этим не гнушался. Всякий раз, когда накапливался мусор, мы открывали маленькую скользящую дверь в кухне и выбрасывали его во внутренний дворик. Теоретически, внутренний дворик мог бы служить приятным местом, где могли поместиться мангал и кресло, но вместо этого там находились мешки, банки из-под пива и пустые бутылки, нагромождённые настолько высоко, что каждый раз, когда мы открывали дверь, нужно было сдерживать весь этот хлам, чтобы он не посыпался обратно в дом. Соседи жаловались на запах и крыс, которые целыми стаями бегали по всему нашему внутреннему дворику, но было совершенно бесполезно заставить нас что-то с этим поделать, даже после того, как у нашей двери появились представители лос-анджелесского департамента здравоохранения с судебным постановлением, обязывающим нас устранить ту экологическую катастрофу, которую мы устроили.

Но по сравнению с ванной наша кухня выглядела безупречной. За эти приблизительно девять месяцев, пока мы жили там, мы никогда не чистили туалет. Томми и я были еще подростками: мы просто не знали, как это делается. Мы бросали туда тампоны, оставшиеся в душе от девчонок, приходивших накануне ночью, слив и зеркало была черны от крашеных волос Никки. Мы не могли позволить себе — или просто были слишком ленивы, чтобы позволить — туалетную бумагу, поэтому там были заляпанные дерьмом носки, билеты на наши собственные концерты и страницы из журналов, разбросанных по всему полу. С обратной стороны двери висел плакат «Slim Whitman». Я даже не знаю почему.

Из ванной прихожая вела к двум спальням. Ковер в холле был покрыт обугленными пятнами, потому что во время репетиций нашего шоу мы поджигали Никки, и горящая жидкость всегда стекала по его ногам прямо на многострадальный ковёр.

Спальня, которую делили мы с Томми, была налево от прихожей, она была полна пустых бутылок и грязной одежды. Мы спали на матрасах, лежавших прямо на полу и покрытых простынями, цвет которых напоминал цвет раздавленного таракана. Однако мы считали нашу комнату весьма цивилизованной потому, что у нас была зеркальная дверь в уборную. Именно, что БЫЛА… Однажды ночью к нам пришёл Дэвид Ли Рот (David Lee Roth) с большой грудой всякой дури, которую он по обыкновению носил с собой, и сел на пол спиной прямо к этой самой двери. Пока он так сидел и что-то увлечённо нам рассказывал, дверь вдруг ни с того ни с сего сорвалась с

петель, упала на него сзади и треснула пополам, ударившись о его затылок. Дэйв приостановил на полсекунды свой монолог, а затем продолжал, как ни в чём не бывало. Он, казалось, не заметил что произошло — он даже не просыпал ни крупинки своего «волшебного порошка».

У Никки в комнате был телевизор и несколько дверей, которые открывались в гостиную. Но он наглухо заколотил их по вполне определённым причинам. Он любил сидеть на полу, сочиняя “Shout at the Devil”, в то время как все веселились вокруг него. Каждый раз, когда мы играли в «Виски» («Whisky-A-Go-Go» — название клуба), половина толпы заваливала к нам домой после концерта и всю ночь пили, нюхали, кололись… короче, делали всё, что только могло прийти им в голову. Тогда я был единственным из нас, кто принимал наркотики внутривенно, потому что блондинка по имени Лави (Lovey), избалованная бисексуалка, не брезгавшая групповушкой, у которой был «280Z» (модель спортивного автомобиля «Nissan»), показала мне, как нужно вводить кокс.

Среди тех, кто к нам захаживал почти каждую ночь, были бывшие члены таких групп панк-сцены, как «45 Grave» и «Circle Jerks», в то время как парни из новоявленных металлических команд, таких как «Ratt» и «W.A.S.P.», предпочитали тусоваться во внутреннем дворе или на улице. Девочки приходили к нам, как на работу — посменно. Одна могла выходить через окно, в то время как другая уже входила в дверь. У нас с Томми было собственное окно, а у Никки было своё. Нужно было только сказать: “Есть там кто-нибудь? Заходи!”. И они входили, хотя идти приходилось иногда через всю гостиную.

У нас часто бывала одна тёлка, противная рыжая краснокожая толстуха, которая не могла даже протиснуться в окно. Но у неё был «Ягуар Экс-Джей-Эс» («Jaguar XJS»), который был любимым автомобилем Томми. Он хотел водить эту тачку больше всего на свете. Наконец, она сказала ему, что, если он её трахнет, то она разрешит ему водить её «Ягуар». Той ночью я и Никки пришли домой и обнаружили тощие ноги Томми, распластанные по полу, и эту огромную голую дрожащую массу, беспощадно подпрыгивающую на нём вверх и вниз. Мы просто переступили через него, взяли ром и Колу и сели на нашем покосившемся диване, чтобы понаблюдать за этим зрелищем: вместе они напоминали красный «Фольксваген-жук» с четырьмя белыми покрышками, под днищем которого лежал механик. Когда «механик» закончил работу, он застегнул свои штаны и посмотрел на нас. “Мне нужно идти, джентльмены, — он сиял от гордости — я собираюсь прокатиться на её тачке!” Затем он рванул на улицу

сквозь хлам в гостиной, через сломанную переднюю дверь, мимо шлакобетонных блоков и плюхнулся в автомобиль, довольный собой. Это был не последний раз, когда мы заставали эту парочку за “скреплением” дьявольской сделки. Мы жили в этом свинарнике почти столько же, сколько ребенок остаётся в чреве матери перед тем, как появиться на свет. В течение всего этого времени, пока мы жили там, мы хотели получить контракт на запись альбома. Но то, к чему мы пришли, в конце концов, были — выпивка, наркотики, тёлки, нищета и постановления суда. Мик, который жил со своей подругой в Манхэттен Бич (Manhattan Beach), постоянно твердил нам, что это не лучший способ для получения контракта. Но я всё-таки думаю, что он был неправ. Это место было местом рождения «Motley Crue», и словно свора бешеных псов мы покинули суку с переизбытком безрассудного и агрессивного тестостерона в нашей крови, чтобы зачать миллионы внебрачных металлических групп.

Глава вторая

МИК

«ОБ ЭТОМ ДОМЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТОРОННЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ, ГДЕ ПОСТУЛИРУЕТСЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ БУЛЬВИНКЛЕМ И ВНЕЗЕМНЫМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ»

Как-то я сказал им: «Знаете, в чём ваша проблема? Чем больше дури вы потребляете, тем больше вы рискуете подсесть на это дело. Это замкнутый круг!». Затем я взял стакан и бросил его через всю комнату, но никто не мог понять, что происходит. Я всегда был одним из тех, кто знает, как делать такие вещи, чтобы не подсесть. Предполагаю, что я был там посторонним.

У меня была квартира в Манхэттен Бич, где мы жили с моей подругой. Долгое время я к ним не совался. Наконец, я побывал в их доме и увидел всё это. Мне уже давно минул 21 год, а они всё ещё были как 18-тилетние. Я заехал к ним как-то на Рождество, у них была маленькая ёлка, которую они украли и украсили банками из-под пива, женскими трусами, какими-то соплями, иглами и дерьмом. Прежде, чем мы поехали на выступление в «Country Club» той ночью, они выволокли эту ёлку во внутренний двор, облили её бензином и подожгли. Им казалось это забавным, но по мне — она просто воняла. Знаете, вся эта хрень мне очень быстро надоела. Там всегда было настолько грязно, что, если провести пальцем по любой поверхности, то под ногти тут же набивалась грязь. Я предпочитал оставаться дома, пить и терзать свою гитару.

Никки гулял с какой-то ведьмой, которую трахал в туалете (или может быть в гробу у неё дома). Томми гулял с… я не могу вспомнить ее имени, но мы называли ее Бульвинкль. Однако американский лось — не самое симпатичное животное. Она была абсолютно безбашенной — срывала огнетушители со стен, разбивала ими окна, чтобы войти в дом. По мне, она была тупой, молодой и собственнической натурой, к тому же, ещё и сумасшедшей. Я бы никогда не смог пролезть через разбитое окно, рискуя поранить себя.

Что там внутри у таких людей? — для меня это слишком большая загадка. Все любят искать пришельцев, но я думаю, что мы сами и есть пришельцы. Мы — потомки нарушителей спокойствия с других планет. Точно также как Австралия была тюрьмой для Англии, куда они ссылали всех своих преступников,

то же самое можно сказать и о Земле. Это планета, где они высадили нас. Мы — безумные гребаные людишки, взявшиеся неизвестно откуда, просто горстка мусора.

У меня болит спина!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: РОЖДЕННЫЙ СЛИШКОМ СВОБОДНЫМ [1]

Глава первая

НИККИ

“ОБ ИСПЫТАНИЯХ И МУКАХ ЮНОГО НИККИ, ГДЕ НАШ ГЕРОЙ: БЫЛ ЖЕСТОКО ИЗБИТ ЗА ТО, ЧТО ЧИСТИЛ ЗУБЫ НЕ В ТОМ НАПРАВЛЕНИИ; ИЗУЧАЕТ ТОНКОСТИ, КОТОРЫЕ НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ ПРИ ЗАБОЕ КРОЛИКОВ; ИСПОЛЬЗУЕТ КОРОБКУ ИЗ-ПОД ЗАВТРАКА ДЛЯ САМООБОРОНЫ; ДЕРЖИТ ЗА РУКИ СЛАДКУЮ САРУ ХОППЕР; И ПРОДАЕТ НАРКОТИКИ”

Мне было четырнадцать лет, когда я арестовал свою мать. Она была в бешенстве оттого, что я допоздна где-то шатался, не делал уроки, слишком громко играл на гитаре, одевался, как неряха… не могу вспомнить, что ещё ей не нравилось, но я решил, что с меня хватит. Я разбил свой бас об стену, раскидал стереосистему по всей комнате, сорвал со стен плакаты «MC5» и «Blue Cheer» и пробил дыру в черно-белом телевизоре в передней. После этого я громко хлопнуть входной дверью. На улице я методично бросил по камню в каждое окно нашего дома.

Но это было только начало. Я хорошо спланировал то, что должно было последовать за этим. Я побежал к близлежащему дому, где жили дегенераты, с которыми я любил вмазаться, и попросил нож. Кто-то бросил мне стилет. Я вытащил лезвие, вытянул свою левую руку, покрытую браслетами, воткнул в неё нож чуть выше локтя и продвинул его вниз примерно на четыре дюйма, достаточно глубоко, чтобы кое-где была видна кость. Я не чувствовал боли. На самом деле, я даже подумал, что это выглядит довольно круто.

Затем я вызвал полицию и сказал, что моя мать напала на меня.

Я хотел, чтобы они забрали ее, чтобы я мог жить один. Но мой план имел неприятные последствия: полиция сказала, что, если ей будут пред’явлены обвинения, то, как малолетнего, живущего на её попечении, они должны будут поместить меня в детский дом до тех пор, пока мне не исполнится восемнадцать. Это подразумевало, что я не смогу играть на гитаре в течение последующих четырёх лет. Но то, что я не буду играть на гитаре в течение четырех лет, означало, что я не буду этого делать уже НИКОГДА. А я очень этого хотел. Уж в этом я никогда не сомневался.

Тогда я заключил сделку со своей матерью. Я сказал ей, что я

откажусь от обвинений против неё, если она отстанет от меня, оставит меня в покое и позволит мне быть самим собой. “Ты больше не должна вмешиваться в мою жизнь, — сказал я ей, — поэтому просто отпусти меня”. И она отпустила.

Я больше никогда не возвращался. Это была запоздалая развязка моих давних поисков независимости и спасения. Всё началось, как в песне классика панка Ричарда Хелла (Richard Hell) «Blank generation» (”Пустое поколение”): “Я твердил «позвольте мне выйти отсюда», ещё до того, как родился на свет”. (”I was saying let me out of here before I was even born.”)

Я родился 11 декабря 1958 года, в 7:11 утра, в Сан-Хосе (San Jose). Я родился, что называется, ни свет ни заря, и, вероятно, поэтому, до сих пор привык рано просыпаться. Моей матери очень «везло» на фамилии, которые она получала от всех своих мужей. Она была урождённой Дианой Хэйт (Deana Haight) — девочка с фермы из штата Айдахо с искрящимися глазами. Она была остроумна, решительна, деятельна и чрезвычайно хороша собой, словно звезда киноэкрана пятидесятых годов, с элегантно короткой стрижкой, ангельским лицом и фигурой, которая заставляла мужчин на улице замедлять шаг при виде её. Но она была «паршивой овцой» в своём семействе, полная противоположность ее совершенной, избалованной сестрицы Шэрон (Sharon). У неё был неукротимый и дикий характер: совершенно капризная, склонная к случайным приключениям и абсолютно неспособная создать хоть какое-то подобие стабильности. Она определенно была моей матерью.

Она хотела назвать меня толи Майклом, толи Расселлом, но прежде, чем она смогла это сделать, медсестра решила спросить моего отца, Фрэнка Карлтона Феранна (Frank Carlton Feranna) (который несколькими годами позже оставил ее, а, к счастью, и меня), как следует меня назвать. Он наплевал на желание матери и назвал меня Фрэнком Феранна, в честь самого себя. Так они и записали в моём свидетельстве о рождении. С первого же дня моя жизнь пошла наперекосяк. Наверное, в тот момент мне следовало бы заползти обратно в утробу и попросить создателя: «Не могли бы мы начать всё сначала?».

Мой отец ещё достаточно долго ошивался где-то поблизости так, что у меня даже успела появиться сестра, о которой, впрочем, как и о моем отце, у меня нет никаких воспоминаний. Моя мать всегда говорила мне, что моя сестра, когда была маленькой, ушла, чтобы жить отдельно, и мне не разрешалось с ней видеться. Только спустя тридцать лет я узнал правду. Для моей матери, беременность и дети были опасной роскошью, ей советовали быть осторожней, но этому совету она следовала недолго, до тех пор,

пока не начала встречаться с Ричардом Прайором (Richard Pryor).

Большая часть моего детства прошла мимо таких понятий, как «сестра» и «отец». Я никогда не думал о себе, как о несчастном подростке из разбитой семьи, потому что я не представлял наш дом как-то иначе, чем просто мать и я. Мы жили на девятом этаже Клуба Сент-Джеймс (St. James Club), тогда он назывался Сансет Тауэрс (Sunset Towers), на Сансет Бульвар (Sunset Boulevard). Всякий раз, когда я становился помехой для неё, она отправляла меня к бабушке с дедушкой, которые постоянно перемещались с места на место, живя то в чистом поле в Покателло, штат Айдахо (Pocatello, Idaho), то на камнях Южной Калифорнии (Southern California), то на свиноферме в Нью-Мексико (New Mexico). Мои бабушка и дедушка постоянно угрожали оформить опекунство и забрать меня к себе, если моя мать не прекратит вести разгульную жизни. Но она никогда бы не бросила меня и никогда бы не остановилась. Ситуация изменилась к худшему, когда она присоединилась к оркестру Фрэнка Синатры (Frank Sinatra) в качестве бэк-вокалистки и начала встречаться с басистом Винни (Vinny). Я наблюдал, как они все время репетировали со звездами того времени, такими, как Митци Гейнор (Mitzi Gaynor), Каунт Бэйси (Count Basie) и Нельсон Риддл (Nelson Riddle), которые прошли через их оркестр.

Когда мне было четыре года, она вышла замуж за Винни, и мы переехали в Лэйк Тахо (Lake Tahoe), который в то время становился мини-Лас Вегасом. Я просыпался в шесть утра в небольшом коричневом доме, где мы жили, и играл один на улице, кидая в пруд камешки и ожидая, когда они, наконец, встанут с кровати, что обычно случалось не раньше двух часов пополудни. Я знал, что очень опасно будить Винни, потому что он мог меня ударить. Он всегда был в ужасном настроении и при наличии малейшего повода вымещал свою злость на мне. Однажды днем он принимал ванну и вдруг заметил, как я чищу зубы из стороны в сторону, вместо того, чтобы делать это сверху вниз, как он меня учил. Он встал, голый, волосатый и весь покрытый бисером водяных капель, словно горилла, попавшая под ливень, и ударил меня кулаком прямо в голову так, что я рухнул на пол. Тогда мать, как обычно, покраснела и набросилась на него, а я в тот момент побежал к пруду, чтобы спрятаться.

На то Рождество я получил два подарка: пока я играл на улице, мой отец зашёл к нам домой, и, толи в качестве невнятного жеста, чтобы загладить свою вину, толи, проявив истинные отцовские чувства, ограниченные, правда, весьма скромными доходами, оставил мне в подарок красные пластмассовые санки с кожаными ручками. Вторым же подарком

стало рождение моей сводной сестры Сэси (Cecі).

Мы переехали в Мексику, когда мне было шесть лет. Или мать и Винни скопили достаточно денег, чтобы взять тогда годовой творческий отпуск, или они бежали от кого-то (скорее всего, это были полицейские)… Они никогда не говорили мне почему. Все, что я помню это то, что мать и Сэси летели туда самолётом, а я должен был пересечь границу в Корвэйр (Corvair) с Винни и Бэль (Belle — Красавица). Бэль — была его немецкая овчарка, которая, подобно самому Винни, постоянно нападала на меня безо всякой причины. Мои ноги, руки и туловище были покрыты следами укусов ещё долгое время. Именно поэтому я до сих пор и не выношу этих грёбаных овчарок. (Я упомянул об этом просто потому, что Винс купил себе овчарку.)

Мексика была, наверное, лучшим временем моего детства: я бегал голышом с мексиканскими детьми по пляжу около нашего дома, играл с козами и цыплятами, разгуливающими повсюду, ел севиче («ceviche» — блюдо мексиканской национальной кухни), ходил в город за приготовленными на огне кукурузными початками, обернутыми в фольгу, а, когда мне было 7 лет, я впервые курнул «травку» вместе с матерью.

Когда Мексика им надоела, мы возвратились в Айдахо, где моя бабушка и дедушка купили мне мой первый патефон — маленькую серую пластмассовую игрушку, которая могла крутить только синглы (маленькие виниловые пластинки, как правило, с одной песней на каждой стороне). Игла у него была на крышке, и всякий раз, когда крышка была закрыта, играла песня, а как только крышку открывали, он останавливался. Я имел обыкновение слушать все время Элвина и «Бурундуков» (Alvin and The Chipmunks), которых мать никогда не позволяла мне забывать.

Год спустя мы все погрузились в трейлер «U-Haul» и прибыли в Эль-Пасо, штат Техас (El Paso, Texas). Дедушка спал в спальном мешке на улице, бабушка дремала на сидении трейлера, а я спал, свернувшись калачиком на полу, словно собака. Когда мне исполнилось восемь лет, меня уже тошнило от этих путешествий.

После такого сумасшедшего количества переездов, где большую часть времени я проводил наедине с самим собой, дружба стала напоминать мне телевизор: это было что-то такое, что можно было переключать время от времени, чтобы отвлечь себя от того факта, что я совершенно одинок. Всякий раз, когда я был в компании детей моего возраста, я чувствовал себя неуклюжим и неуместным. В школе у меня были проблемы с успеваемостью. Трудно сосредоточиться на учёбе, если знаешь, что не пройдёт и года, как я уеду и никогда больше не увижу

никого из этих учителей и ребят.

В Эль-Пасо дедушка работал на бензоколонке «Shell», бабушка оставалась в трейлере, а я ходил в местную начальную школу, где дети были просто безжалостны. Они толкали меня, дразнили и говорили, что я бегаю, как девчонка. Каждый день, когда я шел одни в школу, я должен был проходить через двор средней школы, где меня забрасывали футбольными мячами и едой. К ещё большему моему унижению, дедушка остриг мои волосы, которые мать всегда позволяла мне отращивать, и сделал мне «flattop» («плоская макушка» — название мужской стрижки) — не самая модная причёска для конца шестидесятых.

Со временем мне понравилось жить в Эль-Пасо, потому что я начал проводить много времени с Виктором (Victor), гиперактивным мексиканский мальчишкой, который жил на другой стороне улицы. Мы стали лучшими друзьями и делали все вместе, что позволило мне не обращать внимания на множество других детей, которые ненавидели меня за то, что я был бедным белым калифорнийским отребьем. Но как только я начал привыкать к этой жизни, последовала неизбежная новость: мы снова должны были уезжать. Я был опустошен, потому что на этот раз я должен был кого-то покинуть, а именно Виктора.

МЫ ОКАЗАЛИСЬ В САМОМ ЦЕНТРЕ ПУСТЫНИ, в Энтони, штат Нью-Мексико (Anthony, New Mexico), потому что моя бабушка и дедушка думали, что они смогут заработать больше денег на свиноферме. Вместе со свиньями мы также выращивали цыплят и кроликов. Моя работа заключалась в том, что я должен был брать кролика за задние лапы и вгонять палку сзади под основание его черепа. Его тело билось в конвульсиях у меня в руках, из носа капала кровь, а я в это время стоял и размышлял: “А ведь он был моим другом. Я убиваю своих друзей”. Но в то же самое время я знал, что такова была моя роль в семье; это то, что я должен был делать, чтобы стать мужчиной.

Школа находилась в девяноста минутах езды на автобусе по немощеной дороге, и это было настоящей пыткой. Когда мы приезжали, старшие дети, которые сидели в задней части автобуса, валили меня на землю и стояли надо мной, пока я не отдавал им свои деньги, которые мне давали на завтраки. После первых семи раз я поклялся, что этого больше не будет. На следующий день это случилось снова.

На следующее утро я взял с собой металлическую коробку для завтрака «Apollo 13» («Аполлон 13» — название американского космического корабля) и на автобусной остановке наполнил её камнями. Как только мы доехали до школы, я

выбежал из автобуса, и, как обычно, они меня догнали. Но на этот раз я начал размахивать коробкой, ломая носы, круша головы и разбрызгивая кровь повсюду, пока коробка не раскрылась при встрече с лицом одного из этих ублюдков.

Они больше никогда со мной не связывались, и я чувствовал свою силу. Вместо того, чтобы скукоживаться в окружении старших детей, я теперь просто думал про себя: “Только попробуйте меня тронуть, я вам быстро надеру задницы”. И я так и делал: если кто-нибудь толкал меня, я сразу же давал отпор. Я был сумасшедшим, и они все начали понимать, что им лучше держаться от меня подальше. Теперь, когда я оставался один, вместо того, чтобы бросать камешки, я начал бродить по грязной дороге с моей коробкой-«оружием» и собирать в неё всё живое и неживое, что приковывало моё внимание. Моим единственным другом была старая леди, которая жила в трейлере поблизости, совсем одна в самом центре пустыни. Она сидела на своей кушетке с поблёкшими цветами на обивке и пила водку, а я в это время кормил золотую рыбку.

После года проживания в Энтони бабушка и дедушка решили, что выращивание свиней не такое прибыльное дело, как они рассчитывали. Когда они сказали мне, что мы возвращаемся обратно в Эль-Пасо и будем жить в одном квартале от нашего старого дома, я был в полном восторге. Ведь это означало, что я снова увижу своего друга Виктора.

Но я уже не был прежним — я был ожесточенным и деструктивным, а Виктор нашел себе новых друзей. Я проходил мимо его дома, по крайней мере, два раза в день, чувствуя свою отрешённость, и гнев нарастал ещё больше, когда я шёл через двор средней школы, где меня забрасывали различными спортивными снарядами, по пути в Gasden District Junior High, где я учился. Я просто ненавидел это. От злости я начал красть книги и одежду из чужих шкафчиков, ходил в центральный магазин «Piggly Wiggly’s», воровал там леденцы и заедал их «Hot Wheels» — попкорн в мешочках по десять центов, в надежде, что меня не поймают. На Рождество дедушка продал часть самого дорогого, что у него было, включая радиоприёмник и свой единственный костюм, только для того, чтобы купить мне индейский нож, и я вознаградил его жертву тем, что резал им шины у автомобилей. Месть, ненависть к самому себе и скука проторили мне дорогу в несовершеннолетнюю преступность. И я хотел идти этой дорогой до самого конца.

Бабушка и дедушка, в конечном счете, возвратились в Айдахо, на шестидесятиакровое поле в Туин Фолс (Twin Falls). Мы жили рядом с силосной ямой, которая наполнялась шелухой и

отходами, остававшимися после уборки урожая. Всё это сваливалось в кучу, смешивалось с химикалиями, закрылось пластиковой крышкой и оставлялось гнить в земле до тех пор, пока не становилось достаточно вонючим, чтобы этим можно было кормить коров. Тем летом я жил жизнью Гекельберри Финна (Huckleberry Finn — герой романа американского писателя Марка Твена) — ловил рыбу в ручье, гулял по железнодорожным рельсам, подкладывал мелкие монетки под колёса проезжающих поездов и строил форты из стогов сена.

Большинство вечеров я бегал вокруг дома, воображая, будто езжу на мотоцикле, затем запирался в своей комнате и слушал радио. Однажды ночью ди-джей поставил песню «Big Bad John» («Большой плохой Джон») в исполнении Джимми Дина (Jimmy Dean), и в тот момент я совершенно потерял голову. Она как косой скосила всю мою скуку. Песня была мощная и стильная: это было круто. “Есть! Я нашёл, — подумал я, — это то, что я искал”. Я так много раз звонил на радиостанцию, чтобы заказать «Big Bad John», что, в конце концов, ди-джей сказал мне, чтобы я прекратил звонить.

Когда началась школа, всё повторилось в точности, как в Энтони. Дети дразнили меня, и я снова должен был пустить в ход кулаки, чтобы остановить их. Они высмеивали мои волосы, мое лицо, мои ботинки, мою одежду — ничто не оставалось без внимания. Я чувствовал себя, как головоломка с одной потерянной частью, и никак не мог понять, что же это за часть и где её следует искать. Тогда я присоединился к футбольной команде (football — речь идёт об американском футболе), потому что насилие было единственной вещью, которая заменяла мне любой смысл и дарила ощущение власти над другими людьми. Я делал это первоклассно, и, хотя я играл и в нападении, и в защите, я преуспевал именно как защитник на последней линии, где я мог крушить куотербэков (разыгрывающих). Мне нравилось делать больно этим засранцам. Я был абсолютным психом. Я мог так завестись на поле, что иногда срывал с себя шлем и начинал лупить им других ребят, точно так же, как это было с моей «Apollo 13» в Энтони. Мой дедушка до сих пор говорит мне: “Вы играете рок-н-ролл точно так, как будто играете в футбол”.

Через футбол постепенно пришло уважение, и через футбол же пришло признание со стороны девчонок. Они начали замечать меня, а я начал замечать их. Но как только я, наконец, начал находить для себя хоть какую-то нишу, бабушка и дедушка снова переехали. Теперь это был Джером, штат Айдахо (Jerome, Idaho), и я снова должен был начинать всё сначала. Но на сей раз, было отличие: благодаря Джимми Дину, у меня теперь была музыка. Я

мог слушать радио по десять часов в день: «Deep Purple», «Bachman-Turner Overdrive», «Pink Floyd»… Однако первой записью, которую я приобрёл, была «Нильсон Шмильсон» («Nilsson Schmilsson») в исполнении Гарри Нильсона (Harry Nilsson). У меня просто не было выбора.

У одного из моих первых друзей, жлоба по имени Пит (Pete), была сестра — загорелая белокурая провинциальная горячая штучка (hottie). Она всегда ходила в коротких обрезанных джинсах, что вызывало у меня приступы желания и паники одновременно. Ее ноги были словно золотые арки, и каждую ночь всё, о чём я мог мечтать, лёжа в кровати, было то, как хорошо было бы вогнать между ними. Я следовал за нею повсюду будто клоун, спотыкаясь о собственные ботинки. Она болталась в аптеке, киоске с содовой водой и в магазине грампластинок, где, когда я, наконец, скопил достаточно денег, чтобы купить альбом «Fireball» группы «Deep Purple», она так улыбнулась мне своими большими белыми зубами, что внезапно я обнаружил, что покупаю «Нильсон Шмильсон», только потому, что она упомянула о нём.

Это был город Джером, который повёл меня вниз по узкой дорожке, которая, спустя годы, приведёт меня в Общество Анонимных Алкоголиков, где, по иронии судьбы, я встретился и подружился с Гарри Нильсоном. (на самом деле, в бредовом состоянии воздержания, мы фактически обсуждали с ним возможность сотрудничества на альбоме). Джером имел самый высокий процент токсикоманов на душу населения по сравнению с любым другим городом Соединенных Штатов, что было внушительно для городка с населением всего в три тысячи человек.

Я подружился ещё с одним мужланом по имени Аллан Викс (Allan Weeks), и мы проводили большую часть времени у него дома, слушая «Black Sabbath» и «Bread», уставившись в школьный ежегодник и рассуждая о том, за какими девчонками мы хотели бы приударить. Конечно же, когда речь заходила о конкретных действиях в этом направлении, мы имели довольно жалкий вид. На танцах в средней школе, мы всегда стояли снаружи, слушая доносившуюся из-за дверей музыку и испытывая смущение всякий раз, когда мимо нас проходили девчонки, потому что мы очень боялись танцевать с ними.

Той весной мы услышали, что приезжает местная группа, чтобы выступить в нашей школе, и купили билеты. Басист был огромный негр с повязкой на голове, как у Джими Хендрикса (Jimi Hendrix), а у гитариста были длинные волосы и байкерские усы, как у Ангелов Ада (Hell’s Angel). Они казались настолько

крутыми: у них были настоящие инструменты, большие усилители, и они приковывали к себе внимание трёхсот очарованных гимназистов Джерома. Это был первый раз, когда я видел живую рок-группу, и я был охвачен благоговением (хотя они, наверное, ненавидели всех, кто пришёл на их выступление в этой задрипанной школе в маленьком городишке). Я не помню ни то, как они назывались, ни то, как они звучали, ни то, исполняли ли они кавера или свои собственные песни. Все, что я помню, это то, что они были похожи на богов.

Я был слишком бестолковым, чтобы иметь хоть один шанс с сестрой Пита, так что я согласился на Сару Хоппер (Sarah Hopper): жирная, веснушчатая девчонка в очках, никаких коротеньких шортов, а ноги её скорее больше походили на одутловатые полукруги, чем на золотые арки. Держась за руки, Сара и я прогуливались по центру Джерома, который размером был всего с один квартал. Потом мы шли в аптеку или смотрели на те же самые грампластинки снова и снова. Иногда, чтобы произвести на неё впечатление, я выходил с альбомом «Beatles», спрятанным под моей рубашкой, и мы слушали его в безукоризненном доме, где жили ее квакеры-родители (квакеры — члены религиозной общины).

Однажды ночью, я лежал на зеленом, цвета авокадо, ковре моих бабушки и дедушки, когда их черный бакелитовый телефон, которым пользовались настолько редко, что он просто висел на стене без стола и стула поблизости, вдруг зазвонил.

“Я хочу сделать тебе подарок” — голос на другом конце провода принадлежал Саре.

“Хорошо, а что это?”, - спросил я.

“Я назову тебе только инициалы”, - ворковала она в трубку, — ”B.J.”.

А я ответил: “Что это?”

“Я сижу с детьми. Приходи”.

Пока я шёл к ней, я перебирал в голове возможные варианты — пластинка Билли Джоэла (Billy Joel), фигурка младенца Иисуса (Baby Jesus), большой косяк (Big Joint)? Когда я пришёл, то увидел, что на ней было красное дамское бельё, которое плохо подходило ей по размеру, принадлежавшее, судя по всему, хозяйке дома.

“Ты хочешь пройти в спальню?”, - спросила она, заложив руку за голову и опершись локтем о стену.

“Зачем? “, — спросил я, как идиот.

Вот так, в то время, как дети играли в соседней комнате, я впервые занимался сексом и обнаружил, что это очень похоже на мастурбацию, но требовало гораздо больших усилий.

Сара, однако, не отпускала меня так просто. Она хотела этого все время: пока ее родители готовили для нас печенье на кухне, я трахал их дочь в соседней комнате. В то время как ее родители были в церкви, мы делали это в автомобиле. Это становилось рутиной, пока ко мне не пришло внезапное осознание, которое, приходит ко всем мужчинам, по крайне мере, один раз в жизни: я трахаю самую уродливую девчонку в городе. Почему бы не перейти на качественно новый уровень?

Таким образом, я бросил Сару Хоппер, а также свалил и от Аллана Викса. И меня совершенно не заботило, что они чувствовали, потому что я впервые имел смелость думать, что смогу стать выше всего этого. Вместо этого я начал болтаться с классными ребятами, такими как 136-тикилограммовый мексиканец по имени Бубба Смит (Bubba Smith). Я стал светским парнем и пристрастился к алкоголю и наркотикам, которые, как я думал, заставят меня выглядеть круто, особенно в свете ультрафиолетовых фонарей, которые я вскоре купил в свою спальню. А любой подросток в доме знал, что, если у кого-то в спальне есть ультрафиолетовые фонари, то этот ребенок больше не ваш. Теперь он принадлежит только своим друзьям. Прощай шоколадное печенье и «Beatles», здравствуй марихуана и «Iron Maiden».

Я был все еще далек от самых крутых ребят в Джероме. У них были автомобили; у нас же были велосипеды, на которых мы любили гонять по парку и терроризировать прогуливающиеся парочки. Я приходил домой поздно, абсолютно обкуренный, и смотрел “Don Kirshner’s Rock Concert” (”Рок-концерт Дона Киршнера” — телевизионное шоу). Бабушка и дедушка пытались любым способом сдерживать меня или читали мораль. Но однажды я взбесился. Это было для них уже слишком, чтобы воспитывать меня каждую ночь. Поэтому они отослали меня жить с матерью, которая переехала с моей сводной сестрой Сэси в Куин Энн Хилл (Queen Ann Hill), в окрестности Сиэтла (Seattle), где они жили с ее новым мужем, Рамоном (Ramone), большим добродушным мексиканцем с зализанными назад черными волосами, у которого была крутая приземистая тачка.

ЗДЕСЬ, НАКОНЕЦ-ТО, БЫЛ БОЛЬШОЙ КИШАЩИЙ ГОРОД, ползающий и порочный, достаточно большой, чтобы угодить моим пристрастиям к наркотикам, алкоголю и одержимости музыкой. Рамон слушал Эль Чикано (El Chicano), Чака Мэньона (Chuck Mangione), «Слай и Зэ Фэмили Стоун» (”Sly and The Family Stone”), а также все виды испаноязычного джаза и фанка, который, между затяжками косячка, он пытался учить меня играть на раздолбанной, расстроенной акустической гитаре, на

которой не было струны «ля».

Вскоре мы, КОНЕЧНО ЖЕ, переехали в место, которое находилось поблизости, под названием Форт Блис (Fort Bliss) — куча маленьких четырёхквартирных домишек для неимущих. В первый день в школе, вместо того, чтобы бить меня, мои одноклассники спросили, играю ли я в какой-нибудь группе. И я ответил им, что играю.

Я должен был добираться до школы на двух автобусах, и как-то, убивая время в ожидании второго автобуса, я на полчасика зашёл в магазин музыкальных инструментов под названием «Уэст Мьюзик» (”West Music”). Там на стене висела красивая гитара «Les Paul» с золотым верхом, у которой было чистое богатое звучание. Когда я играл на ней, я пытался вообразить, что я на сцене со «Stooges», посылаю в зал визжащие гитарные соло, кружась, как Игги Поп (Iggy Pop), терзая микрофонную стойку, и публика прорывалась к сцене подобно тому, как это было в гимнастическом зале школы в Джероме. В школе я подружился с рокером по имени Рик Ван Зант (Rick Van Zant), длинноволосым наркоманом, который играл в группе, и у которого была гитара «Stratocaster» и «маршальский» комбик. Он сказал, что ему нужен басист, но у меня не было инструмента.

Поэтому как-то днём я зашел в магазин «Уэст Мьюзик» с пустым футляром от гитары, который я одолжил у одного из друзей Рика. Я попросил дать мне форму для заявления о приёме на работу и, когда парень отвернулся, чтобы найти её, я быстро сунул гитару в футляр. Моё сердце билось сквозь майку, и, когда он вручил мне бланк, я едва мог говорить, Пока я изучал его, я заметил, что ценник от гитары остался висеть снаружи футляра. Я сказал ему, что вернусь позднее и принесу заявление, затем вышел так неосторожно, как только мог, случайно ударяя обращающим на себя внимание футляром в стены, двери и ударные установки.

Итак, теперь у меня была гитара. Я был готов делать рок, поэтому направился прямиком на репетиционную базу Рика.

“Вам нужен басист? — я сказал ему, — я к вашим услугам”.

“Вам нужна бас гитара”, - поглумился он.

“Прекрасно”, - ответил я, бросил футляр на стол, открыл его и вытащил моё новое “приобретение”.

“Ты — идиот, это же гитара!”.

“Я знаю, — солгал я, — буду играть бас на гитаре”.

“Ты не будешь этого делать!”

Так что скоро я распрощался с моей первой гитарой, продав её, а на вырученные деньги приобрёл блестяще-черный бас фирмы «Rickenbacker» с белой накладкой. Каждый день я

пробовал учить «Stooges», «Sparks» (особенно “This Town Ain’t Big Enough for Both of Us”) и «Aerosmith». Я ужасно хотел присоединиться к группе Рика, но они, впрочем, как и я, знали, что играю я дерьмово. Кроме того, они в большей степени были приверженцами рокеров с традиционными грандиозными рифами, таких как Ричи Блэкмор (Ritchie Blackmore), «Cream» и Элис Купер (Alice Cooper) (особенно «Muscle of Love»). Парень, живший по соседству с Риком, собирал состав для своей группы «Mary Jane’s», поэтому я попробовал присоединиться к ним, но я был безнадежен. Все, что я мог — брал одну ноту и держал её примерно в течение тридцати секунд в надежде на то, что она была правильной.

Наконец, находясь вне тусовки «от восемнадцати и старше», я попытался туда проникнуть. Я встретил парня по имени Гэйлорд (Gaylord) — панк-рокера, у которого была собственная квартира и группа «Vidiots». Каждый день после школы, я шел к нему домой и напивался до отключки, слушая «New York Dolls», «MC5» и «Blue Cheer». Там всегда была дюжина приглэмованных, а-ля «New York Dolls», цыпочек и пижонов с накрашенными ногтями и косметикой на глазах. Нас называли Whiz Kids («вундеркинды», золотая молодёжь), не потому, что мы были сообразительны и проворны — а мы были такими — а потому, что мы ярко одевались, подобно Дэвиду Боуи (David Bowie), чей альбом «Young Americans» только что вышел. Как и английские стиляги, мы продали бы все свои наркотики, только для того, чтобы купить одежду. Я практически переехал к Гэйлорду и перестал бывать дома. Я принимал наркотики постоянно — «травка» (pot), мескалин (mescaline), кислота (acid), амфетамин (crank) — и вскоре я стал добросовестным панк-рокером Whiz Kids, торгующим для них наркотиками.

Я начал встречаться с девчонкой по имени Мэри (Mary). Все называли её Лошадиная голова (Horsehead), но я любил ее по одной простой причине: она любила меня. Я был счастлив хотя бы потому, что она прямо говорила мне об этом. После недель наркотиков и рок-н-ролла я был крут, но все еще патетичен (чувствителен, жалок). Накрашенные ногти на руках и ногах, рваный панковский прикид, размалёванные глаза и бас гитара, которую я таскал с собой повсюду, хотя всё ещё не играл ни в одной группе.

Мы выделялись, и где бы мы ни появились, над нами непременно смеялись. В школе мне пришлось ввязаться в драку, потому что группа черных подростков назвала меня Элис Боуи (Alice Bowie) и перегородила коридор, чтобы не дать мне пройти. На пути из школы домой я начал замышлять ограбления. Я стучал

в двери домов, мимо которых проходил, если два дня подряд никто не отвечал, то следующим днем я выбивал заднюю дверь и брал то, что только мог спрятать под курткой. Я приходил домой со стерео, телевизорами, светильниками, фотоальбомами, вибраторами… всё, что мне только попадалось под руку. В нашем квартале я обчистил всё до основания, облазил каждый угол и даже вскрывал стиральные машины ломом в поиске «четвертаков» (монета достоинством в 25 центов). Я все время был зол — отчасти, из-за грёбаных наркотиков, от которых сильно зависело моё настроение, отчасти потому, что я обижался на мать, и отчасти потому, что ЭТО было обязательным атрибутом панк-рока.

Почти каждый день я продавал наркотики, крал всякое дерьмо, ввязывался в драки и жарился на кислоте. Я приходил домой, ложился на диван, врубал по ящику телешоу “Don Kirshner’s Rock Concert”, а затем вырубался сам. Моя мать не знала, что происходит: Гей я? Натурал? Серийный убийца? Актёр? Мальчик? Мужчина? Инопланетянин? Кто? Сказать по правде, я и сам этого не знал.

Каждый раз, когда я переступал порог дома, мы начинали ругаться. Ей не нравилось то, во что я превращался, а мне не нравилось то, какой она была всегда. Поэтому однажды это и случилось: я не мог больше этого выносить. На улице я был свободен и независим, но дома, как предполагалось, я был ребенком. Я больше не хотел быть ребенком. Я хотел, чтобы меня оставили в покое. Поэтому я разнёс нашу квартиру, порезал себя ножом и вызвал полицию. По большому счету, это помогло, ибо вскоре я уже был свободен от неё.

Ту ночь я провёл с моим другом Робом Хемфиллом (Rob Hemphill) — придурком, помешанным на «Aerosmith», который корчил из себя Стивена Тайлера (Steven Tyler). Он считал, что Тайлер — это панк, которому Мик Джаггер (Mick Jagger) и в подмётки не годится. После того, как его родители выгнали меня, я спал в автомобиле Рика Ван Занта. Я пытался просыпаться перед тем, как его родители уходили на работу, но обычно они находили меня спящим на заднем сидении. В третий раз, когда они поймали меня, они позвонили моей матери.

“Что происходит с вашим сыном? — спросил мистер Ван Зант, — он ночует в моем автомобиле”.

“Он сам за себя отвечает “, — сказала моя мать и повесила трубку.

Когда я мог, я ходил в школу. Это был хороший способ делать деньги. Между занятиями я крутил косячки для ребят, зарабатывая по пятьдесят центов за пару. После двух месяцев

хорошего бизнеса, директор школы, обходя закоулки, поймал меня с мешком марихуаны на коленях. Это был мой последний день в школе. Я побывал в семи школах за одиннадцать лет и, так или иначе, был сыт по горло. Будучи теперь свободным от школы, я проводил свои дни под мостом на 22-ой улице, где убивали время другие изгнанные и уволенные. По-любому, идти мне было некуда.

Я нашел работу на Виктория Стэйшн (Victoria Station) в качестве посудомойки и снял квартиру с одной спальней на семь человек, которые также, как и я, бросили школу. Я украл другой бас, а что касается с'естного… я ждал, когда на Виктория Стэйшн выбрасывали мусор, где помощники официанта могли выкинуть остатки мяса. Я быстро погружался в депрессию: только год назад я был готов принять весь мир, а теперь моя жизнь катилась в никуда. Когда я сталкивался с моими старыми друзьями, например, с Риком Ван Зантом или Робом Хемфиллом, или с Лошадиной головой, я чувствовал себя отчужденным, как будто я вылез из грязной канавы и запачкал их.

Я не испытывал желания продолжать работать, поэтому я бросил работу. Когда я смог позволить себе платить за жильё чуть больше, я переехал к двум проституткам, которые меня пожалели. Я жил в их кладовке, развесив плакаты «Aerosmith — Get Your Wings» и «Deep Purple — Come Taste the Band» на стенах, которые заставляли меня чувствовать себя как дома. Впереди была пустота. Однажды, я пришел домой в свою кладовку, а мои матушки-шлюхи исчезли. Владелец их выгнал, так что мне пришлось вернуться в автомобиль Ван Зантов. Зима приближалась стремительно, и я дико мёрз по ночам.

Чтобы достать денег, я начал продавать перед концертами мескалин, завёрнутый в шоколадную обёртку. На шоу «Rolling Stones» в Сиэтл Колизей (Seattle Coliseum) ко мне подошел прыщавый парень и предложил мне купить немного мескалина. Я согласился, потому что он предложил хорошую цену, но как только я это сделал, из ближайшего автомобиля выскочили два копа и надели на меня наручники. Парень оказался агентом. Они затащили меня под Сиэтл Колизей, били и требовали назвать им какие-то имена.

Однако, по каким-то причинам, они не арестовали меня. Они взяли все мои данные, угрожая мне десятилетним тюремным сроком минимум, а затем отпустили. Они сказали что, если они ещё когда-нибудь увидят меня снова, даже если я ничего не сделаю, они посадят меня за решетку. Я чувствовал себя так, как будто моя жизнь летит ко всем чертям: мне негде было жить, я никому не верил, и, в конце концов, я никогда не играл ни в

одной группе. Фактически, как музыкант я был полное дерьмо. Как раз за неделю до этого я продал свою единственную бас гитару, чтобы на вырученные деньги купить наркотики для сбыта.

Поэтому я сделал единственно возможную вещь, которую мог сделать панк-рокер, упавший на самое дно: я позвонил домой.

“Я должен уехать из Сиэтла, — умолял я свою мать, — мне нужна твоя помощь”.

“Почему я должна помогать тебе?”, - спросила она холодно.

“Я просто хочу навестить бабушку и дедушку”, - попросил я.

На следующий день моя мать приехала, чтобы посадить меня на междугородний автобус. Она действительно не хотела видеть меня снова, но она и не хотела доверять мне деньги. Также она не преминула напомнить мне, что она — многострадальная святая, потому что помогает мне, а я — эгоистичный сопляк. Но единственная вещь, о которой я мог думать в тот момент, была “Бум! Я уезжаю и больше никогда не вернусь”.

Все, что у меня было из музыки в дороге — записи “Aerosmith” и “Lynyrd Skynyrd” и потрепанный бум-бокс. Я прослушал эти кассеты много раз, пока не добрался, наконец, до Джерома. Я вышел из автобуса на пятнадцатисантиметровых платформах, в сером твидовом двубортном пиджаке, с огромной шевелюрой и лакированными ногтями. Лицо моей бабушки побелело.

Вдали от Сиэтла и моей матери, я не причинял никому никаких неприятностей. Весь конец лета я работал на ферме, таская поливочную трубу. Я скопил денег, которые заработал, и фактически купил гитару — фальшивый «Gibson Les Paul», который продавался в оружейном магазине за 109 $.

Моя самодовольная тетка Шэрон несколько раз посещала ферму со своим новым мужем, большой шишкой в мире звукозаписи из Лос-Анджелеса по имени Дон Циммерман (Don Zimmerman). Он был президентом Кэпитол Рекордс (Capitol Records), родного дома Битлз (The Beatles) и Свит (Sweet), и он начал присылать мне рок-журналы и кассеты. Однажды, после получения его последней посылки меня осенило: здесь, в гребаном штате Айдахо, я слушал Питера Фрэмптона (Peter Frampton), в то время как в Лос-Анджелесе «Ранауэйз» («The Runaways») и Ким Фаули (Kim Fowley), и Родни Бингенхаймер (Rodney Bingenheimer), и чуваки из журнала «Creem» бывали на всех вечеринках в хипповых рок клубах. Всё это дерьмо происходило там, а я пропускал это.

Глава вторая

МИК

«О ВОСХИТИТЕЛЬНОМ И СЛУЧАЙНОМ СТОЛКНОВЕНИИ МИКА С ПРОДАВЦОМ СПИРТНОГО»

В «Стоун Пони» («Stone Pony») брали два бакса за рюмку текилы, но я не собирался платить им. Той ночью мы должны были пить бесплатно, т. к. в то время я играл в группе, играющей южный рок (southern-rock band), которая была у них на хорошем счету. Первоначально они назывались «Десятиколёсный драйв» («Ten-Wheel Drive»), но я сказал им, что, если они хотят, чтобы я присоединился к ним, то им следует сменить название. Теперь мы были «Пауки и Ковбои» («Spiders and Cowboys») — название, которое по 10-тибальной шкале тянуло на 4,9.

В Северном Голливуде я спускался по Бёрбанк Бульвар (Burbank Boulevard) в магазин «Магнолия Ликёр» («Magnolia Liquor»), чтобы взять полпинты дешевой текилы. Было холодно, как у ведьмы за пазухой, и я, уставившись в землю, всю дорогу думал о том, как мне научить «Пауков и Ковбоев» хорошей музыке. Я не провёл всю свою жизнь, играя на гитаре, пренебрегая своими детьми, моей семьёй, моим преподаванием — ничем, поэтому я вообще легко мог обойтись без южного рока.

Когда я вошёл в магазин, парень за прилавком поглумился: “Ты похож на рок-н-роллера”. Я не могу сказать, был ли он любезен или посмеялся надо мной. Я посмотрел на него и увидел парня с дикими крашеными черными волосами, неряшливой косметикой и кожаными штанами. Думаю, я сказал ему, что он напоминет мне рок-н-роллера тоже.

Я всегда ищу людей, с которыми я мог бы играть, поэтому я решил задать ему несколько вопросов и посмотреть, есть ли у него шансы.

Он только что переехал сюда и жил со своими тетей и дядей, который был важной шишкой в Кэпитол Рекордс или где-то там ещё. Его звали Фрэнк (Frank), он играл на басу и был похож на вполне нормального парня. Но затем он сказал, что слушает «Aerosmith» и «Kiss», а я терпеть не могу «Kiss». Они никогда мне не нравились, мать их. Я немедленно вычеркнул его из списка возможных людей, с которыми я мог бы играть. Я увлекался хорошей музыкой, такой как Джефф Бек (Jeff Beck) и «The Paul Butterfield Blues Band».

“Слушай, — сказал я парню, — если ты хочешь увидеть реального гитариста, подгребай в «Stone Pony» после работы.

Он был высокомерным парнем, и я не думал, что он придёт. Кроме того, на вид ему было лет семнадцать, так что я сомневался, что ему позволят войти внутрь. Фактически, я забыл о нем, пока не увидел его во время шоу. Я играл слайдом, используя при этом микрофонную стойку и вытворяя все эти безумные соло так, что его челюсть просто отвисла. Кто-то, проходящий мимо, помог ему её захлопнуть.

После выступления мы пропустили по несколько рюмочек и говорили о всяком дерьме, о котором говорят люди, когда выпьют слишком много текилы. Я дал ему свой телефонный номер. Я не знал, позвонит ли он мне когда-нибудь, т. к. я отправлялся на Аляску (Alaska), чтобы дать несколько концертов. Так или иначе, мне было плевать: ему нравились «Kiss».

Глава третья

НИККИ

“ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОЛОДОГО НИККИ, ЕГО СРАЖЕНИЕ С ОДНОРУКИМ ПРОТИВНИКОМ, НАБУХШИЙ ЧЛЕН И ДРУГИЕ, ДОСТАТОЧНО УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ”

Мой дядя Дон меня словно завербовал.

Он позволял мне водить его пыльный синий «Ford F10» — пикап с толстыми радиальными шинами; он выбил для меня работу в магазине звукозаписей «Мьюзик Плас» («Music Plus»), где управляющий наполнял наши носы кокаином; он таскал меня с собою по торговым рядам, где купил мне брюки клёш и обувь «Capezios»; он приносил мне плакаты «Свит», чтобы я мог обклеивать ими свою комнату. И новая музыка наваливалась на меня отовсюду — «X», «The Dils», «The Germs», «The Controllers». Лос-Анджелес был тем самым местом, которое я давно искал, и я был без ума от него.

Это продлилось всего несколько месяцев прежде, чем я все испортил и снова стал бездомным и безработным.

У моих дяди и тёти я чувствовал себя словно панк-рокер, которого арестовали в середине фильма «Предоставьте это Биверу» («Leave It to Beaver»). Их семейство вело размеренную жизнь американских яппи в безупречном домике, с безупречным плавательным бассейником. Дети катались на велосипедах на улице, пока с наступлением сумерек мамочка не позовёт их обедать. Они вытирали ноги, снимали обувь, мыли руки, произносили молитву и клали салфетки на колени. Есть среди нас те, кто видит жизнь как войну и те, кто видит её как игру. Это семейство не принадлежало ни к одним, ни к другим: они предпочитали сидеть где-то в стороне и наблюдать на расстоянии за тем, что происходит.

Для меня жизнь была войной: во мне сидело беспокойство, сочившееся изо всех моих пор. Я носил красные штаны в обтяжку со шнуровкой впереди, «Capezios» и косметику. Даже когда я пробовал сойтись с ними, у меня ничего не получалось. Однажды мой кузен (двоюродный брат) Рики (Ricky) гонял мяч по двору со своими друзьями, и я попробовал присоединиться к ним. Я просто не смог этого сделать: я не помнил, ни как бит по мячу, ни как бросать, ни где стоять — абсолютно ничего. Я пытался подбить их на какое-нибудь забавное приключение, например, поискать

выпивку, убежать из дома, ограбить банк… хоть что-нибудь. Я хотел поговорить с кем-нибудь о том, почему у Брайена Коннолли (Brian Connolly) из «Свит» чёлка завивается внутрь, но я не мог. Они просто смотрели на меня, как будто я прибыл с другой планеты.

Тогда Рики спросил: “Ты носишь косметику?”

“Да”, — сказал я ему.

“Мужчины не носят косметику”, — сказал он твердо, словно это был закон, а его друзья, поддержали его, словно это была комиссия по соблюдению нравственности.

“Там, откуда я приехал, носят”, — сказал я, повернулся на своих высоких каблуках и убежал прочь.

В торговых рядах я видел девчонок с причёсками а-ля Фарра Фосетт (Farrah Fawcett — актриса, популярная в 70-80-ых годах), делающих покупки в «Контэмпо» («Contempo» — магазин модной одежды), я думал только об одном: “Где же моя Нэнси?” Я был Сидом Вишесом (Sid Vicious) в поисках своей Нэнси Спанген (Nancy Spungen).

В конечном счете, я стал просто полностью игнорировать моих кузенов. Я сидел в своей комнате и играл на басу через старый усилитель, который был размером в полстены и был предназначен для стереосистемы, а никак не для подключения инструментов. Когда я соизволял сесть с ними за обеденный стол, я не читал молитвы и вообще был не слишком учтив. Я расспрашивал Дона о таких вещах, как: “Расскажи мне о «Свит», мужик! Эти парни принимают много наркотиков?” Я шатался по клубам и возвращался домой, когда мне вздумается. Как только они пытались навязывать мне свои правила, я посылал их ко всем чертям. Я был высокомерным, неблагодарным маленьким дерьмом. Поэтому они выгнали меня, и я ушёл в ярости. Я был так же зол на них, как и на свою мать, и снова оказался один, обвиняющий кого угодно, только не себя самого.

Я нашел квартиру с одной спальней около Мелроуз Авеню (Melrose Avenue), обманул домовладелицу, и она разрешила мне снять её без залога. Я не платил ей ни пенни в течение восемнадцати месяцев, даже при том, что я сумел на некоторое время удержаться на работе в «Мьюзик Плас». Магазин был раем — кокаин, «травка» и сексапильные девушки, которые постоянно там ошивались. У меня была табличка рядом с книгой отзывов: “Бас-гитарист ищет группу”. Люди спрашивали: «Кто этот бас-гитарист?” Когда я говорил им, что это я, они принимали это к сведению. Некоторые говорили мне о прослушиваниях и приглашали меня на выступления.

Одним из таких парней был рок-певец и парикмахер (это

всегда плохое сочетание) по имени Рон (Ron), которому нужна была квартира. Я позволил ему остановиться у меня. У него была куча подруг, и вскоре у нас была своя маленькая тусовка. В «Мьюзик Плас» я встретил фигуристую девчонку по имени Алли (Alli), и мы, фыркая, как слоны, от транквилизатора «Канебенол» («Canebenol»), попивая пиво, зависали в рок-клубе под названием «Старвуд» («Starwood»). Затем мы возвращались назад в мои апартаменты, трахались и слушали «Runt» Тодда Рандгрэна (Todd Rundgren). У меня были бесплатные наркотики, записи и секс, который я хотел. Также я купил автомобиль, «Плимут» 49-го года ('49 Plymouth), который стоил сто долларов и был таким дерьмовым, что, когда я решил заехать за Алли домой к его ролителям, мне пришлось в'езжать в горку задним ходом, потому что двигатель отказывался ехать туда по-другому.

Затем меня уволили из «Мьюзик Плас». Управляющий обвинил меня в краже денег из кассы, а я послал его.

"Сам пошёл!", — завопил он мне в ответ.

Ослеплённый гневом, я бил его кулаком в лицо и в живот. Я вопил: «Ну! И что ты мне сделаешь?"

А сделать он мог немногое: у него была одна рука.

Но самое плохое было то, что он был прав: я крал деньги из кассы. Я был неуравновешенным парнем, который не любил, когда его обвиняли, даже, если это было заслуженно.

В КОНЦЕ КОНЦОВ, Я НАШЕЛ РАБОТУ, продавая пылесосы «Кирби» («Kirby») по телефону, но это было не единственное, чем я занимался. Один из продавцов рассказал мне о работе по чистке ковров, которая была доступна любому, кто имел автомобиль. Так что я взял работу по паровой чистке ковров с единственной целью — проникать в жилище людей, устанавливать отпариватель перед дверью в спальню, дабы держать хозяев на расстоянии, а самому в это время потрошить их аптечки в поисках наркотиков. За дополнительные деньги я приносил с собой бутыль с водой и говорил людям, что это — «Скотчгард» («Scotchgard» — средство для пропитки ковров), и, типа, я могу обработать их ковры так, чтобы грязь больше не приставала к ним. Я об'яснял, что текущая цена — 350$ за обработку всего дома, но т. к. я — студент, совмещающий работу и учёбу, я сделаю это за сто баксов, если они заплатят мне наличными и сохранят это в тайне. Так что я ходил по всему дому, разбрызгивая воду и воруя всякую всячину, в надежде на то, что они не заметят этого в течение нескольких дней.

У меня появилось достаточно много денег, но я все еще не платил за квартиру. Жилой комплекс, где я обитал, был похож на Мелроуз Плэйс (Melrose Place) для бомжей. Моими соседями была

молодая пара, и, когда они ссорились и разбегались, я стал трахать жену, пока муж не возвращался назад. Затем мы с ним подружились и занялись продажей таблеток (quaaludes — депрессант), потому что в том месяце они вошли в моду. Кажется, я дошёл до того, что глотал их столько же, сколько и продавал.

В то же самое время я начал организовывать свою первую группу, объединившись с Роном и некоторыми его друзьями: девчонкой по имени Рэкс (Rex), которая пела и пила как Дженис Джоплин (Janis Joplin), и ее другом, которого звали Блэйк (Blake) или как-то так. Мы назвали себя «Рэкс Блэйд» («Rex Blade»), и, надо сказать, мы отлично смотрелись. У нас были белые штаны, со шнуровкой спереди и сзади, обтягивающие черные топы и крысиные волосы, которые напоминали Лейфа Гэрретта (Leif Garrett — актёр) в плохой день. Мы репетировали в офисном здании рядом с тем местом, где играли «Мо Мос» («Mau Maus»). К сожалению, звучали мы не столь же хорошо, как выглядели. Вспоминая прошлое, я понимаю, что единственной вещью, для чего нужна была «Рэкс Блэйд», было то, что это служило хорошим оправданием для потребления наркотиков, к тому же, я всегда мог наплести девчонкам, что играю в рок-группе.

Как обычно, мое дерьмовое отношение сделало и этот период моей жизни весьма коротким. Я думаю, что все мои переживания были всегда настолько короткими и преходящими, что, если хоть что-нибудь начинало обретать черты стабильности, я впадал в панику и, в конце концов, спасался бегством. Так что, я был отвергнут «Rex Blade», ибо совершил классическую ошибку для музыканта из начинающей рок-группы, которую многие совершали до меня и будут совершать до скончания времён. Это случается, когда ты впервые начинаешь писать песни. Твои слова кажутся очень важными, ты имеешь собственное видение, которое не совпадает с видением других. Ты слишком самовлюблен, чтобы понять, что единственный способ становиться лучше — это слушать других людей. Эта проблема возникла из-за моего упорства и непостоянства. На месте Рекс или Блэйка я тоже вышвырнул бы меня из группы, вместе с моими песенками в три аккорда, которые я считал просто шедеврами.

Это был последний раз, когда я слышал его голос.

Я проплакал много часов подряд, я вытаскивал пластинки из картонных обложек и бросал их в противоположную стену, наблюдая, как они разлетаются на мелкие кусочки. Я хватал куски винила и скрёб ими свои руки вверх-вниз и крест-накрест до тех пор, пока на красной распухшей коже не выступали капельки крови. Хотя я не думал, что смогу уснуть той ночью, но, так или иначе, первое, что я сделал, проснувшись следующим

утром удивительно спокойным, я решил изменить своё имя, данное мне при рождении. Я не хотел всю оставшуюся жизнь таскать его, как ярмо, и быть тёзкой этого человека. Какое он имел право сказать, что я — не его сын, если он даже никогда не был мне отцом? Сначала я убил Фрэнка Феранна Младшего в песне «On with the Show», написав:

«Фрэнки умер прошлой ночью
Говорят, он покончил с собой
Но мы-то знаем
Как всё было на самом деле»

("Frankie died just the other night
Some say it was suicide
But we all know
How the story goes")

Затем я сделал это официально.

Я помнил, что Энджи всегда рассказывала мне о своём старом друге из штата Индиана, парне по имени Никки Сикс (Nikki Syxx — обратите внимание на написание фамилии), который играл в кавер-группе, входившей в число сорока лучших кавер-групп, а позднее — в сёрф-панк-команде (surf-punk outfit) под названием «John and The Nightriders». Мне нравилось его имя, но я не мог просто так украсть его. Так что я решил взять себе имя Никки Найн (Nikki Nine — девять). Но все сказали, что это слишком по-панковски, а панк-рок в то время был в моде. Мне нужно было что-то более рок-н-рольное, и Сикс (Six — шесть) было то, что надо. Поэтому я решил, что какой-то сёрфер, играющий панк-рок, не заслуживает такого крутого имени, и вскоре я подал заявление о том, чтобы официально сменить имя на Никки Сикс (Nikki Sixx). Это было похоже на похищение его души, потому что годы спустя люди будут подходить ко мне и говорить: "Никки, чувак, помнишь меня, я из Индианы?" Я отвечал, что никогда не был в Индиане, а они говорили: "Да ладно, мужик, я видел тебя с «John and The Nightriders»."

Как-то во время тура «Girls, Girls, Girls», переключая каналы телевизора в гостиничном номере, я увидел на экране странного суб'екта с землистым цветом кожи и длинными волосами, у которого брали интервью. Услышав слова: "Он — дьявол!", я остановился, чтобы посмотреть. Далее последовали бессвязные разглагольствования: "Он взял мое имя, высосал мою душу и продал её всем вам — я был настоящим Никки Сиксом (Nikki

Syxx). А он использует мое имя, чтобы распространять слово Сатаны.” Никки Сикс (Nikki Syxx), или Джон, как его теперь звали (здесь уместно упомянуть, что Джон (Иоанн) — это святой из нового завета, который возвещал о конце света), стал заново рожденным христианином.

ЭНДЖИ УБЕДИЛА МЕНЯ ПЕРЕЕХАТЬ к музыкантам, которые жили позади цветочного магазина, напротив Халливуд Хай Скул (Hollywood High School). Там была масса желающих стать рок-звёздами, они заполонили весь дом: спали в ванне, на крыльце, за диванными подушками. Но однажды кто-то из них сжег это место дотла. Я возвращался с работы и обнаружил толпу любопытных студентов вокруг тлеющего дома. Со своим басом в руке — я всегда брал его с собой на случай, если кто-то вздумает его украсть — я вбежал внутрь, чтобы посмотреть, нельзя ли спасти что-нибудь ещё из моих вещей. Я заметил, что пианино, взятое в аренду одним парнем, который поехал навестить своих родителей, всё ещё стояло целёхонькое, так что я выволок его из дома. Поблизости, на Хайлэнд Авеню (Highland Avenue), был музыкальной магазин, куда я и продал его за сто долларов.

Энджи позволила мне переехать с нею в Бичвуд Каньон (Beachwood Canyon), где я зависал целыми днями, слушая ее пластинки и крася свои волосы в разные цвета, в то время как она добывала для нас деньги, работая секретаршей. Я больше не думал о пианино до тех пор, пока шесть месяцев спустя в дверях нашего дома не появились двое полицейских, разыскивающих парня по имени Фрэнк Феранна, который украл пианино. Я сказал им, что не знаю никого с таким именем.

Когда Лиззи и я пытались создать нашу собственную группу, я приехал с Энджи на Редондо Бич (Redondo Beach), где она репетировала со своей группой. Я ненавидел их, потому что они слушали «Раш» («Rush»), у них было много гитарных педалей и говорили они всё время о каких-то «примочках» (hammer-ons), а у самого от’явленного из них были кучерявые волосы. Если и есть одна генетическая особенность, которая автоматически делает человека непригодным для того, чтобы играть рок, так это кудри. Нет ни одного кудрявого музыканта, кто был бы крут; такие люди как Ричард Симмонс (Richard Simmons) — парень из «Greatest American Hero» и вокалист из «REO Speedwagon» были кучерявыми. Исключениями, пожалуй, являются Иэн Хантер (Ian Hunter) из «Mott the Hoople», волосы которого скорее спутаны, чем вьются, и Слэш (Slash), но его волосы пушистые, а это круто.

У женщин таким эквивалентом мужских вьющихся волос является косоглазие. Если есть одна генетическая черта у женщин, которая предопределяет их ненависть ко мне, это

наличие косоглазия. Мне всегда не везло с косоглазыми женщинами. Так случилось, что одна из них была соседкой Энджи по комнате. Однажды ночью я напился и попытался залезть к ней в постель, а она на следующий день рассказала об этом Энджи. Я пытался убедить Энджи, что просто перепутал её кровать с кроватью соседки, но она знала меня слишком хорошо и вышибла из дома. Я переехал в наводнённую наркотиками, изобилующую проститутками трущобу Голливуда, и сконцентрировался на лежании в собственной кровати и организации моей группы вместе с Лиззи.

Мы нашли барабанщика по имени Дэйн Рэйдж (Dane Rage) — загорелого гиганта, носившего собачий воротник; клавишника по имени Джон Сэнт-Джон (John St. John), который от выступления к выступлению таскал за собой здоровенный орган «Хаммонд Б-3» («Hammond B3»); и певца по имени Майкл Уайт (Michael White), который, по его заявлению, однажды сделал какую-то запись для трибьют-альбома «Лэд Цеппелин» («Led Zeppelin»). Сразу же нужно отметить, что этот последний был не тем человеком, которого мы искали, т. к. у него были кудрявые волосы, и он немного косил на один глаз.

Мы бродили по Голливуду на высоких каблуках, с начёсанными волосами и прочими атрибутами, чем повергали в шок поклонников «Раш» и «динозавров» «Лэд Цеппелин». На дворе стоял 1979-ый год, и нас сильно беспокоило то, что рок-н-ролл был уже мёртв. Мы были и «Mott the Hoople», и «New York Dolls», и «Sex Pistols»; мы были всем, но о нас ещё никто ничего не знал. В нашем алкогольном воображении, мы были самой крутой грёбаной группой на земле, существовавшей когда-либо, и наша самонадеянность (и, конечно же, алкоголизм) после всего лишь несколько выступлений в «Старвуд» привлекла фанатических групиз (groupies — больше, чем просто поклонницы). Мы назвали себя «Лондон» («London»), но по сути мы были «Motley Crue» даже прежде, чем стать настоящими «Motley Crue».

Если бы только не Майкл Уайт. Все, что я презирал, он — боготворил. Если я любил «Стоунз», он любил «Битлз». Если я любил сливочное арахисовое масло, он любил шоколад. Поэтому мы уволили его за то, что у него были кудрявые волосы, поместили об’явление в «Ресайклер» и встретили Найджела Бенджамина (Nigel Benjamin), который был настоящей звездой рок-н-ролла в нашем понимании не только потому, что у него были прямые волосы, но и потому, что он пел в «Mott the Hoople» в качестве дублёра Иэна Хантера. Он писал великолепные тексты, а когда вставал к микрофону, то вопил как резаный. Он действительно мог петь как никто другой из тех групп, в которых

я побывал прежде. Итак, у нас был сумасшедший клавишник, у которого был свой собственный «Хаммонд»; барабанщик с большой североамериканской ударной установкой; и британец-вокалист. Мы были — круче некуда.

Я был так возбужден, что позвонил моему дяде в «Кэпитол» и потребовал: “Я хочу получить поддержку Брайена Коннолли из «Свит»!”

“Что?!”, - спросил он недоуменно.

“Знаешь, у меня есть потрясающая группа, и я хочу послать ему несколько фотографий”.

Я послал Коннолли фотографии, и, при поддержке моего дяди, он согласился, чтобы я позвонил ему на следующей неделе. Я провёл целый день дома, прокручивая в голове то, что я ему скажу. Я брал телефон и начинал набирать номер, но затем вешал трубку.

Наконец, я набрался храбрости. Как только он поднял трубку, я сходу повёл речь о «Лондон», что мы на пути к большому успеху, и что мы могли бы воспользоваться его советом или его поддержкой, или каким-либо наставлением, которое он мог бы дать. Возможно, однажды мы могли бы организовать совместный тур.

“Ты закончил, приятель?”, - спросил он.

Я замолчал.

“Я получил ваши фотографии и музыку”, - продолжал он. “И я вижу, что вы пытаетесь что-то делать. Но я не могу вам помочь”.

“Мужик, мы собираемся стать величайшей группой в Лос-Анджелесе, и я думаю, что это было бы хорошо для нас… ”

Он прервал меня: “Да, ну, в общем, я уже слышал всё это раньше, приятель. Мой совет — вам не следует бросать вашу основную работу. Играя такую музыку вы никогда не станете популярными”.

Я был опустошен. Он был моим идолом, но теперь в одночасье он превратился в моего врага: циничная рок-звезда, сидящая на троне из дерьма в своём лондонском особняке.

“Ну что ж, — сказал я, — мне жаль, что вы так думаете”. Я повесил трубку и полчаса сидел, уставившись на телефон, не зная, смеяться мне или плакать.

В конечном счёте, это только придало мне сил двигаться вперёд и заставить Брайена Коннолли пожалеть о том дне, когда он оскорбил меня. Нашим менеджером был Дэвид Форэст (David Forest) — изощрённый гений, который управлял «Старвуд» наряду с Эдди Нэшом (Eddie Nash), который позднее был замешан в деле Джона Холмса (John Holmes) (когда порно-звезда был обвинен в избиение до смерти четырех человек в доме торговца

наркотиками в Лорел Кэньон (Laurel Canyon)). Форэст, всегда щедрый, дал мне и Дэйну Рэйджу работу в клубе — уборка, а днём занятие плотницким делом. Это выглядело так — ночью «Лондон» играли, разбрасывали конфетти и ставили всё с ног на голову, а на следующий день нам платили за то, что мы всё это приводили в порядок.

Только через знакомство с Форэстом я осознал весь тот упадок, который принесло смешение диско и рока на Лос-Анджелесскую клубную сцену. Я сидел в офисе с ним и такими людьми, как Беб Бьюэлл (Bebe Buell) и Тодд Рандгрэн (Todd Rundgren), которые отравляли моё восприимчивое сознание рассказами о передозе Стивена Тайлера и о том, как Мик Джаггер пришёл за кулисы, в то время как все групиз вырубились от героина. Ещё я видел местных героев типа Родни Бингенхаймера (Rodney Bingenheimer) и Кима Фаули (Kim Fowley). Я имел столько бесплатного рома и колы, сколько хотел, плюс я узнал все о наркотиках, название которых прежде только лишь слышал. Это были настоящие наркотики. И я их любил.

Я был молод, хорош собой и имел длинные волосы. Я прислонялся к стене в «Старвуд» в ожидании тонких каблучков с сверхнапряжением в штанах, с чёлкой на глазах и высоко поднятым носом. Не сказать, чтобы я был озабочен этим, но я делал это. Я мог спать, пока не нужно было встать и сделать что-то, чтобы заработать денег, был ли это телефонный маркетинг или продажа всякого дерьма по домам, или работа в «Старвуд». Ночью я шел в «Старвуд» и пил, и дрался, и трахал девок в ванной. Я действительно думал, что я стал моими гребаными героями: Джонни Тандерсом и Игги Попом.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, я понимаю, насколько наивным и невинным я был тогда. Не было ещё никаких самолетов и полностью распроданных стадионов, никаких особняков и «Феррари». Не было никаких передозировок и оргий с вставлением гитарных грифов в задницы тёлкам. В клубе я был всего лишь дерзким ребёнком, который, как и многие другие до и после него, думал, что набухший член и горящие ноздри означают, что ты — король Мира.

Глава четвёртая

МИК

«ЦЕННЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ УРОК ОТНОСИТЕЛЬНО СУЖДЕНИЯ О ЛЮДЯХ ПО ВНЕШНИМ ПРИЗНАКАМ, ВКЛЮЧАЯ НЕДОСТАТОК ВЕСА И НАГНОЕНИЯ НА ТЕЛЕ ЖАРЕНОГО ЦЫПЛЁНКА»

Я подвергаю сомнению многие вещи и формирую своё собственное мнение. Эти суждения для меня столь же существенны как ракетные технологии или что-то ещё. Кто говорит, что вы должны верить чему-то только потому, что вы читали об этом в книге или видели в кино? Кто эти люди, которое утверждают: “Это единственно верный путь”? Когда все верят в одни и те же вещи, они становятся роботами. У людей есть мозги: они могут постичь что угодно, например, как летает НЛО.

Когда я учился в начальной школе в 50-е, в разгар холодной войны, у нас были тренировки под названием «пригнись и спрячься» («duck-and-cover»). Нам говорили, что, если упадёт водородная бомба, все, что мы должны будем сделать, забраться под наши парты и прикрыть головы руками. Сегодня кажется смешным, что парта должна была защищать нас от радиации и полного уничтожения, но в то время мы испытывали пиетет к, возможно, интеллектуальным и информированным людям, которых мы называли своими учителями. Помню, я записал в моей записной книжке большими буквами «ПРИГНИСЬ И СПРЯЧЬСЯ» с кавычками по бокам и гигантским знаком вопроса. Что за шутка. Эта черепашка оказалась полной ерундой.

Я имел обыкновение собирать и хранить записные книжки и бумаги с моими заметками, которые я писал с самого детства. Через какое-то время, многое из того, что я написал, становилось реальностью. В 1976-ом году, когда моя группа «Уайт Хорс» («White Horse»), входившая в сороковку лучших (Top 40 band), была на последнем издыхании, готовая к тому, чтобы её пристрелили, мы репетировали в гостиной дома, где все мы и жили, когда вошёл басист и сказал: «Да мы, в натуре, похожи на пёструю кампанию» («Well, this certainly is a motley-looking crew»). После репетиции, я поднялся наверх в свою комнату и записал эти слова в свою записную книжку — Motley Crue, затем ниже написал большими буквами — MOTTLEY CRU и сказал себе, что моя группа обязательно будет называться «Mottley Cru». Я хотел,

чтобы «Уайт Хорс», которая действительно была неплохой командой, начали играть свои собственные песни и стали «Mottley Cru». “Почему бы не попробовать делать что-то оригинальное? Ведь мы по-любому голодаем!”, - сказал я им. Они ответили тем, что выперли меня из группы. Так что я ушёл, прихватив всё: колонки, прожекторы, фургон.

Я поместил объявление в специальное издание «Ресайклер» («Recycler»), которое гласило: “Внеземной гитарист к услугам других инопланетян, которые хотят завоевать Землю”. В то время я называл себя Зорки Шарлеман (Zorky Charlemagne), поэтому я использовал это имя в тексте об’явления и получил несколько по-настоящему причудливых предложений по телефону, но ни от кого, кто был бы вменяем. Я поиграл в группе под названием «Вендетта» («Vendetta» — тоже Top 40), что позволило мне заработать достаточно денег, чтобы купить комбик «Marshall» и гитару «Les Paul». Другие маршальский комбик и «Les Paul» я купил, возвратившись из тура по Аляске, и поместил ещё одно объявление в «Ресайклер». Обычно люди пишут об’явления, которые начинаются с буквы «Эй» («А» — неопределённый артикль в английском языке и первая буква алфавита), типа, “превосходный гитарист ищет группу”, только для того, чтобы их сообщение оказалось в начале списка. Мне было плевать, потому что я знал, что мое объявление сработает независимо от того, где оно находится. Это выглядело так: “Громкий, неприличный и агрессивный гитарист ищет работу”.

На моё об’явление ответил парень с усами Гитлера из «Спаркс» («Sparks»). Но я сказал ему, что я не люблю его музыку, и лишь впустую потрачу его и своё время, если приеду к нему на прослушивание. Я полагаю, что он уважал меня за это. Какая-то дрянная группа из Редондо Бич (Redondo Beach), которая потом стала толи «Poison», толи «Warrant», толи ещё как-то, и которая развалилась в 80-ых, позвонили потому, что видели, как я играл в «Pier 52». Я так им и не перезвонил. Цитируя Энди Уорхола (Andy Warhol) — “У каждого есть пятнадцать минут славы”. Цитируя меня — “Желаю, чтобы у них их не было”.

Я думаю, что Никки, наконец, нашел моё об’явление и позвонил. Мы поговорили некоторое время и условились о дне встречи. Я погрузил свою гитару и маршальские комбики в крошечную «Мазду» («Mazda»), которая принадлежала моему другу Стику (Stick) и повёз всё это в Северный Голливуд (North Hollywood). Никки и я поздоровались словно два абсолютно незнакомых человека: ни один из нас не вспомнил, что встречал другого прежде. Он изменил имя, и его волосы, черные как уголь, переливались всеми цветами и спадали на лицо; я не узнал бы

его, если даже он был моим собственным отцом. Потребовалась неделя или две прежде, чем он спросил: “Эй, ты случайно не тот странный парень, который однажды заходил в винный магазин… “. Я не мог в это поверить: он действительно превратился в себя самого.

Никки сказал, что он оставил свою старую команду «Лондон», потому что слишком многие там, пытались тащить группу в совершенно разных направлениях. Теперь он пытался организовать свой собственный проект и осуществить своё собственное видение. Я притворился, будто я с ним согласен, но я знал, что он был все еще молод и наивен в музыкальном плане, но я мог повлиять на него, чтобы реализовать своё направление. На той репетиции мы играли несколько песен, которые написал Никки — “Stick to Your Guns”, “Toast of the Town”, “Public Enemy #1″. У них был этот женоподобный парень, имя которого я не буду упоминать, который играл на гитаре. Первое, что я сделал, когда вошел, сказал: “Он не будет этого делать”. Они сказали, что, если я хочу, чтобы он ушёл, я должен сам сказать ему об этом. Это был первый день, а они уже заставили меня делать их грязную работу.

Также там был по-настоящему тощий парнишка с огромной опухолью на подбородке, напоминавшей Чикен МакНаггетс (Chicken McNugget — толстый бутерброд с ресторане «МакДональдс»). Он сказал, что его толкнули или, споткнувшись на ступеньках в «Газзарис» («Gazzari’s» — ночной клуб) прошлой ночью, он разбил губу. Я не знал, что именно было с его лицом, но это было похоже на конкретный второй подбородок. Парень утверждал, что играет на барабанах, хотя он казался слишком молодым и худым для того, чтобы делать это хорошо. Но когда он начал играть, то оказался не промах. Он действительно поражал своей игрой. Его звали Томми (Tommy).

И только подумайте, об’явление в «Ресайклер» нашёл вовсе не Никки. Это был Томми. Он звонил. Он оставил сообщение. Он устроил так, чтобы всё это случилось. И он был человеком, который умел играть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: “ЛЮБИМЕЦ ГОРОДА”

Глава первая

ТОММИ

«О КРАСНОЙ ЯГОДЕ, КОТОРАЯ ЗАСТАВИЛА СЕРДЦЕ ЮНОШИ ВОСПЫЛАТЬ ОГНЁМ СТРАСТИ; О ПЕРСПЕКТИВАХ “ОБРАЗОВАНИЯ”, ДЕМОНСТРИРУЕМЫХ УЧАСТНИЦАМИ ВОЛЕЙБОЛЬНОЙ КОМАНДЫ; И ДРУГИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О СЧАСТЛИВОМ ДЕТСТВЕ»

Чу-у-у-у-ува-а-а-а-ак. Да-а, мать твою. Наконец-то. Сколько комнат будет у Никки, брат? Чёрт побери. Этот парень пытался засадить за решётку собственную мамашу. Я люблю его; мы были фактически женаты все эти двадцать лет (книга была написана в 2001-ом году). Но иногда это переходило всякие границы. Нет, я не похож на него. Я — безнадежный грёбаный романтик. Это часть меня, о которой многие люди даже не подозревают. Они знают всё, что им хочется знать обо мне, но они ни хрена не знают о моей душе. Это плохо, чувак, но это-то и хорошо. Все просто за-ши-бись.

Моя судьба была решена, когда я почувствовал свою первую страсть к этой классной девочке, которая жила вниз по улице в Ковина (Covina). Я преследовал её повсюду. Я следил за нею на своём велосипеде, а по ночам шпионил за ней в окно, словно маленький охотник. Все, чего я хотел, чтобы она поцеловала меня. Я видел, как целуются мои папа и мама, и это выглядело достаточно круто. Я полагал, что я готов к тому, чтобы испробовать это на себе.

Опыт показывает, что, если вы за кем-то долго бегаете, то очень скоро он начнет бегать за вами. Через некоторое время моя соседка сама начала следовать за мной по пятам, и мы просто сходили с ума друг по другу. Однажды, каким-то образом, мы оказались в зарослях кустарника в этой прохладной тенистой траве, где нас никто не мог видеть. На низеньких кустарниках росли маленькие ярко-красные ягоды. Они были точно такого цвета, как её губы. Не раздумывая, я сорвал одну ягоду и положил её между нашими ртами. Затем мы оба обхватили её губами и впервые поцеловались. Это было настолько романтично и удивительно: я представлял, что, если мы поцелуемся с помощью этой волшебной ягоды, то с той минуты мы станем кем-то ещё. Возможно, она превратится в принцессу, а я стану рыцарем, который увезёт ее из Ковина на своём белом коне. Мы поскачем к

моему замку, а все соседи, глядя на нас, будут спрашивать: кто эти красивые принц и принцесса. И с тех пор мы жили бы долго и счастливо. До тех пор, пока кое-кто не с'ел и не уничтожил волшебную ягоду. Если бы этого не случилось, мы не возвратились бы обратно в Ковина и не оказались бы снова всего лишь двумя маленькими глупенькими детишками. Это именно то, что всегда случается в моей жизни: всегда есть грозовая туча, прячущаяся неподалёку в ожидании, чтобы испортить все хорошее и безупречное.

Недавно я пошел к психоаналитику, и он сказал мне, что я унаследовал эту тучу от моей матушки. Ее жизнь была похожа на такую тучу: все хорошее было окружено трагедией. Ее звали Вассиликки Пападимитриу (Vassilikki Papadimitriou), и она была «Мисс Греция» в пятидесятых годах. Мой папа — Дэвид Ли Томас (David Lee Thomas) — был армейским сержантом, и предложил моей маме руку и сердце сразу же, как только увидел её впервые. Они поженились через пять дней после встречи, точно так же, как Памела (Pamela) и я, спустя почти сорок лет. Он не говорил ни слова по-гречески; она не говорила ни слова по-английски. Они рисовали картинки, когда хотели сказать что-нибудь друг другу, или она писала что-нибудь на греческом, а мой папа изо всех сил пытался понять смысл написанных слов при помощи греко-английского словаря.

До меня она шесть раз пробовала завести ребёнка: пять раз она терпела неудачу, а, когда она забеременела в шестой раз, мой брат умер через несколько дней после рождения. По каким-то причинам это было слишком рискованно для неё. Я не знаю, как у неё хватило смелости попробовать ещё раз. Но когда она забеременела в седьмой раз, то даже отказалась вставать с кровати на протяжении всех девяти месяцев на случай, если что-то пойдёт не так.

Только после того, как я родился, мои родители оставили Афины и переехали в пригород Лос-Анжелеса под названием Ковина. Это было тяжело для моей матери. Раньше она была привлекательной моделью, а теперь она жила в Америке, где должна была зарабатывать на жизнь уборкой чужих квартир, словно грёбаная прислуга. Она всегда стеснялась своей работы. Она жила в новой стране с незнакомцем, который неожиданно стал ее мужем. У неё не было ни родных, ни друзей, ни денег, и она едва говорила по-английски. Она очень скучала по родному дому, наверное именно поэтому она назвала мою младшую сестру Афина (Athena).

Мой папа работал в дорожном департаменте Лос-Анжелеса, занимаясь ремонтом дорожной техники и грузовиков. Моя мама

всегда надеялась, что он будет зарабатывать достаточно денег, чтобы она смогла оставить свою работу и нанять домработницу, но у него это так и не получалось.

Психоаналитик сказал, что моя мама передала мне сильное каждодневное беспокойство, с которым она жила в Америке, особенно, когда я был маленьким ребенком. Она разговаривала со мной на греческом, но я был не в состоянии понять ни слова. Для меня было загадкой, почему я понимал всех окружающих, но не мог разобрать того, что говорит мне моя собственная мать. Аналитик сказал, что такие переживания ведут к постоянному страху и чувству незащищённости, которые я испытываю даже будучи уже взрослым человеком.

Однажды, я пришёл на сеанс к аналитику в короткой майке с длинными рукавами, он увидел мои татуировки, и чуть было сам, мать его, не потерял рассудок. Я рассказал ему о моих родителях, и как они общались между собой, когда я был ребенком. На моём следующем сеансе он сказал, что он думал о моей семье всю неделю и пришел к выводу: “В раннем детстве вы наблюдали, что люди рисовали картинки, чтобы общаться друг с другом. Теперь вы используете эти татуировки как вид связи с внешним миром”. Он указал на то, что многие татуировки были символами вещей, которые я хотел иметь в жизни, например, рыбка кои (koi), которую я изобразил на коже задолго до того, как она появилась в пруду нашего дома. У меня также есть татуировка леопарда, и на днях я собираюсь купить этого долбанного леопарда. Я хочу, чтобы этот крутой котяра лежал на моём диване каждый раз, когда я возвращаюсь домой из тура.

ЛЮДИ ГОВОРЯТ, ЧТО ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ПРЕДСКАЗАТЬ ваше будущее, что никто не знает, что именно жизнь приготовила для вас. Но я-то знаю, что это полная чушь. Это не просто образы в виде татуировок, которые позднее стали для меня реальностью. Это уходит корнями куда более глубоко. Я предсказал своё будущее, когда мне было три года, своим ребяческим стремлением производить как можно больше шума с помощью горшков и кастрюль, выстроенных в ряд на кухонном полу, по которым я колотил ложками и ножами. Мой друг Джеральд (Gerald) говорит мне теперь, что тогда-то я и осознал в своей душе, чего я хотел от жизни на самом деле. И тот день, когда я начал производить этот ужасный грохот посредством маминой кухонной утвари, был днем, когда я обнаружил в себе это стремление. Но в то время я ещё не подозревал об этом. Я был слишком глуп.

Вместо этого, когда я увидел, как молочник играет на

аккордеоне, я решил, что я хочу учиться играть на аккордеоне. Поэтому я забросил свою детскую ударную установку, которую купили мне мои родители, чтобы держать посуду в чистоте подальше от пола, и начал брать уроки игры на аккордеоне вместе со своей сестрой. Затем учитель танцев увлёк нас своими занятиями, моя сестра и я настолько загорелись этим, что начали заниматься стэпом и присоединились к балетной труппе, которая мне нравилась намного больше, т. к. там я мог танцевать с девочками. Какой там, на хрен, бейсбол в парке с другими парнями: я только и желал, чтобы пообниматься с девчонками.

После танцев я бредил пианино, но оказалось, что это всего лишь гребаная зубрёжка, я играл гаммы много раз подряд, пока мне не захотелось убивать людей, и начать хотелось прямо с моего учителя по фортепиано. Затем я увидел в комиссионном магазине гитару и зациклился на гитаре. Мой аккордеон был электрическим, фирмы «Да Винчи» («DaVinci»), я пропускал его звук через дисторшн (гитарная примочка), что звучало чудовищно, и играл на нём «Smoke on the Water», пока моя мама, наконец, не сломалась и не купила мне эту гитару. Я играл на ней через тот же аккордеонный усилитель так громко, как только мог. Окна были открыты, так что каждый по соседству знал, что у меня теперь есть долбаная гитара. Я даже вытаскивал всё это во двор и рубал там, чтобы все могли меня видеть. Не знаю почему, но я хотел, чтобы люди обратили на меня внимание. Я до сих пор так поступаю: я делаю какие-то вещи потому, что они мне нравятся, но при этом мне необходимо признание. Это всегда приносило мне массу удовольствия, но и доставляло кучу хлопот.

К счастью, никакие Свидетели Иеговы (христианская секта) не заглянули в наш дом, когда я был ребенком, иначе, вероятно, я торговал бы сейчас Библиями. Вместо этого, после того, как в школе меня приняли в маршевый оркестр для игры на малом барабане во время футбольных матчей, я вновь возвратился к ударным, которые с тех пор всегда были у меня на первом месте. Мой отец купил мне мой первый малый барабан на Рождество. Это была не какая-нибудь картонная коробка, чувак, не гребаная крашеная консервная банка и не перевёрнутый вверх дном горшок. И, если бы мой папа не заставлял меня сидеть и зубрить все эти гаммы на пианино, изучать такты, ритмы и размеры, я никогда бы не научился стучать за такое короткое время.

Поскольку я пишу эти строки в то время, когда мой отец лежит на смертном одре, я не знаю, как я могу воздать ему за всё то, что он когда-то сделал для меня. Я наблюдаю, как он медленно умирает — ему, вероятно, осталось жить год, максимум — и, когда он смотрит на меня, слёзы текут из его глаз. А когда я

смотрю на него — на этого человека, который только и делал, что всегда поддерживал меня — я не могу помочь ему, и только лишь плачу. После покупки барабана, он заключил со мной соглашение, что остальную часть ударной установки я должен буду приобрести самостоятельно. Он сказал мне: “Я не буду покупать её для тебя потому, что в этом случае ты не будешь её ценить. Но я помогу тебе, и наше соглашение служит для того, чтобы, если что-то пойдёт не так, и ты просрочишь свои платежи, я всегда смогу прикрыть тебе спину”. Затем он, чёрт побери, помог мне оборудовать комнату в гараже с настеленными на пол коврами, дверью из двойного слоя фанеры и звукоизоляцией, сделанной из картонных коробок из-под яиц. Мои родители оставляли свой автомобиль на улице только для того, чтобы я мог иметь звукоизолированную комнату для упражнений. И тогда, когда я был готов к тому, чтобы приобрести свой первый автомобиль, мой отец снова заключил со мной соглашение о ссуде. Он никогда не мог пройти и мили, гуляя со мной за руку, но, если я вдруг падал, пытаясь ходить самостоятельно, он всегда поднимал меня.

Теперь у меня была моя собственная комната для упражнений, каждый ребенок в школе, который когда-либо играл или просто видел гитару, хотел производить впечатление, играя рок, и обычно это были одни и те же песни «Лед Цеппелин», которые игрались снова и снова. Не многие родители позволили бы своим детям делать это в их доме. Единственное правило, которое установили мне мои предки — никакой музыки после десяти вечера, и я его соблюдал. Какое-то время, по крайней мере.

Музыка была всем, о чём я думал в школе: моими любимыми предметами были музыка и рисование, где я со своими друзьями мог делать рок-н-рольные майки. Также я наслаждался игрой в волейбол в составе смешанных команд (мальчики и девочки). Правда, это не имело никакого отношения к музыке, но имело много общего с рок-н-роллом, если вы понимаете, о чём я говорю.

Каждый день я ходил на свои три любимых урока, а затем пропускал остальную часть школьных занятий и колотил в свои барабаны весь день, пока мои родители были на работе. Перед тем, как моя мать приходила домой, я выходил погулять, чтобы убить немного времени, а затем возвращался домой, как будто я только что пришёл из школы. Это был хороший план, пока я не начал заваливать восьмой класс.

Мой учитель — Мистер Уокер (Mr. Walker) — каждый день записывал наши оценки в маленькую книжечку, закрывал её и клал в свой ящик. Так, вместе с парой других ребят, которые тоже

были далеко не отличники, я разработал план, чтобы украсть эту книжечку, когда он выйдет из класса покурить свою трубу. Мое условленное место было на первом ряду, поэтому, когда однажды утром он вышел покурить, я подбежал к его столу, перегнулся через него, пошарил рукой в ящике и вытащил оттуда черную книжицу.

Я проделал всё это и вернулся на своё место как раз к его возвращению. Пока он обсуждал с учениками «Убить пересмешника» («To Kill a Mockingbird» — роман американской писательницы Харпер Ли), я передал книжку Реджи (Reggie), который сидел позади меня, он поднял руку и попросился выйти в уборную. Я последовал за ним, также как и третий парень. Мы встретились в одной из кабинок туалета и положили книжку на крышку унитаза. Реджи вынул свою зажигалку и поджёг её. Мы были идиотами, брат: мы думали, что, если мы уничтожим её, то все наши проблемы мигом решатся, и Мистер Уокер будет вынужден перевести нас в следующий класс. К тому же, мы были вдвойне глупы, думая, что трое подростков, засевшие на десять минут в уборной, не вызовут никаких подозрений.

В то время, пока мы спешили поджечь книгу с разных сторон, дверь кабинки неожиданно распахнулась. На пороге стоял Мистер Уокер, его лицо было красным, как пожарная машина. Это не предвещало ничего хорошего, чувак. Пока мы все дули на книгу, пытаясь разжечь огонь, он схватил нас за гребаные уши. Клянусь Богом, мои ноги не касались пола по пути в кабинет директора. В кабинете директора напротив стены стоял стул, и когда настала моя очередь зайти туда, он заставил меня сесть лицом к стене и взяться за поручни.

“Уткнись глазами в эту точку на стене! “, — пролаял он.

“В какую точку? “, — спросил я. Затем, внезапно, посыпались удары, один за другим, прямо по моей гребаной заднице. Он вышиб из меня всё дерьмо, а затем исключил из школы. Мои родители чуть было не стёрли меня в порошок.

Как бы там ни было, но я всё-таки закончил школу Саус Хиллс Хай Скул (South Hills High School), где присоединился к корпусу маршевого оркестра, которым я так восхищался, когда был ребенком. Поскольку мы соревновались с другими школами, я должен был изучить все виды трюков: вращение палочек, стучание по ободу барабана и всякое другое дерьмо, которое фактически превращалось потом в настоящее театральное действие. Ребята, игравшие на басовых барабанах, крутили свои молоточки на ремешках вокруг запястий, в то время как все барабанщики подбрасывали в воздух палочки и щёлкали ими в унисон, не прекращая при этом маршировать. Все, чему я

научился в корпусе, я использовал потом в своей игре в Мотли.

Ко всему прочему в школе я все еще продолжал заниматься балетом. Всюду, куда я приходил, люди называли меня “человек-оркестр” (”band fag” — не уверен в точности перевода). Но ведь я не играл на флейте: я был гребаным барабанщиком. Это бесило меня, т. к. я был единственным человеком, кто думал, что я крутой.

Капитаном барабанщиков был высокий, темноволосый парень по имени Трой (Troy), который слишком рано прошёл половое созревание: его кости, похоже, распирали его тело изнутри, а лицо было всё испещрено шрамами от прыщей. Я был всего лишь новичком, но быстро начал делать успехи и вскоре уже превосходил других, т. ч. довольно скоро он почувствовал, что я угрожаю его авторитету командира. Как-то раз, за день до практики я наклонился, чтобы поднять свой барабан, когда он хлопнул меня по спине. Когда я обернулся, он стукнул меня по носу так, что тот оказался на другой стороне моего лица. Я пошел в больницу, где мне сделали анестезию, зафиксировали мой нос парой зажимов и с хрустом поставили его на своё прежнее место. Но после этого он уже никогда не выглядел как прежде: он и до сих пор кривой.

Я никогда больше не видел его, потому что после этого, мои родители продали свой дом и переехали в другой, который находился в пятнадцати минутах езды от прежнего. Я начал второй год в школе Ройал Оук Хай в Ковина в районе Сан Димас (Royal Oak High in the Covina/San Dimas area).

Именно там я организовал свою первую группу «U.S. 101». Я спросил моих родителей, можем ли мы репетировать в гараже, и они, чёрт возьми, разрешили. Гитарист нашей группы Том (Tom) увлекался серфингом и любил «Бич Бойз» («Beach Boy»). Даже при том, что я считал «Бич Бойз» тупым педерастическим дерьмом, я вынужден был играть с ним, поскольку мне нужна была практика игры с действующими музыкантами. (Два члена даже продолжили потом формировать группу «Autograph».)

Начиная с балета и кончая корпусом барабанщиков, я всегда был аутсайдером (чужаком). Будучи в реальной рок-группе, тем не менее, я внезапно осознал, что это круто — быть не таким, как все. Существует большая разница — быть убогим отщепенцем или быть привлекательным одиночкой. И то, что моя группа никуда не годилась, не имело никакого значения. Мы начали играть на школьных танцах и на вечеринках во дворах: везде, где было нужно и не нужно. Именно на одном из таких выступлений я впервые увидел самого, чёрт побери, крутого парня в мире. Он был серфером с длинными белокурыми волосами, высоко

взбитыми на макушке, точно так, как у Дэвида Ли Рота. Он был одет в строгий, абсолютно белый костюм, и он был в группе, куда более лучшей, чем моя. Он ходил в школу Чартер Оук Хай (Charter Oak High), примерно в миле от моей школы. Но его выгнали со второго курса, и он начал ходить в нашу школу. Как только он прошёл через двойные двери парадного входа — брюки с низким поясом, обтягивающие задницу и бёдра и расклешённые к низу и белая футболка без рукавов — вы не поверите, произошёл коллективный экстаз. Все девчонки онемели от щенячьей любви к этому длинноволосому серфенгисту-рокеру. Его звали Винс Уортон (Vince Wharton).

Я подошел к нему на следующий день после занятий и сказал: “Эй, мужик, как дела? Меня зовут Томми, я играю на ударных. Я слышал, что ты играешь в группе”.

Его группа называлась «Рок Кэнди» («Rock Candy»), и я начал ходить на дворовые вечеринки, чтобы выпить и понаблюдать, как они играют. У Винса был удивительный голос: он делал кавера на «Чип Трик» («Cheap Trick») и его голос звучал в точности как голос Робина Зандера (Robin Zander). Также он пел кое-что из «Sweet» и «Aerosmith».

Для меня Винс был Богом. Он пел в классной группе, он был потрясным серфером, девочки падали в обморок всякий раз, когда он проходил мимо, и плюс ко всему, ходили слухи, что ещё до того, как он поступил в среднюю школу, у него родился сын. Я думал, что мне очень повезло, что он соизволил поговорить с таким тощим неудачником, как я. Я никогда даже представить себе не мог, что стану настолько крутым, что буду играть с этим парнем в одной группе.

Глава вторая

ТОММИ

«ОБО ВСЁМ, ЧТО КАСАЕТСЯ ФОРМИРОВАНИЯ «MOTLEY CRUE»: БЕСПОРЯДОЧНЫЕ СБОРЫ МЕНЕСТРЕЛЕЙ, ПОДМАСТЕРИЕВ И НЕГОДЯЕВ»

Это был значительный момент для «Suite 19»: наше первое выступление в «Старвуд». Я так волновался, потому что, если вы играете в «Старвуд», то вы всегда нервничаете. Мужик, когда я впервые приехал в этот долбаный Голливуд, я пошел в «Старвуд», чтобы посмотреть на «Джудас Прист» («Judas Priest»). Я был поражен: британские рок-звезды, которые прилетели в Голливуд со всем своим оборудованием и кожаными штанами. И я их видел. Я чуть было не сошёл с ума, когда они играли “Hell Bent for Leather”. Они играли самую тяжелую музыку, которую я когда-либо слышал, и я представлял себе, что они, наверное, трахнули уже миллион тёлок. Ну, может чуть поменьше.

В отличие от «U.S. 101», «Suite 19» играли собственные темы. Моя подруга, девушка из группы поддержки по имени Вики Фронтир (Vicki Frontiere) (ее мать, Джорджия (Georgia), владела футбольной командой «Rams», а ее бабушка, Люция Памела (Lucia Pamela), записала бесславный альбом о жизни в открытом космосе), сказала мне, что они («Suite 19») ищут барабанщика. Мы были идеальным сочетанием: три длинноволосых чудика, всех нас выперли из школы и все мы продолжали учиться, сбегая с занятий, чтобы играть всякое дерьмо под сильным влиянием Эдди Ван Хейлена (Eddie Van Halen). Мне было семнадцать лет, и я не мог поверить, что играю в этом убийственно мощном трио.

В то время я заметил, что весь «Старвуд» обклеен плакатами группы под названием «Лондон». Спустя несколько недель после нашего выступления, я пошел посмотреть на них, и, мужик, эти парни были круче, чем грёбаный «Джудас Прист». Они выглядели как тёлки, подобно «New York Dolls» или типа того, в сумасшедших костюмах в этот долбаный горошек. Я же выглядел, как изнурённый костлявый клон Элиса Купера в леопардовых штанах из спандекса (эластичная искусственная ткань), которые обтягивали мои цыплячьи ляжки. Но они («Лондон») были такими классными, мать их, и привлекали массу горячих цыпочек. Когда я увидел, как Никки крутит свой бас на сцене, я подумал: “А это ещё что за пёс?”. У него были безумные волосы, которые

сходились к его скулам, словно у дорогого щенка с Беверли Хиллс, который стал беспризорным и переживал не лучшие времена.

«Suite 19» распались после того, как мы исчерпали все идеи по копированию гитары Эдди Ван Хейлена. Я недолго поиграл ещё с одной командой, но она развалилась после того, как я начал встречаться с сестрой вокалиста. Ее звали Джессика (Jessica), и я думал, что она чертовски сексуальна, потому что она была наполовину мексиканкой, с натуральными маленькими титьками, весёлой улыбкой и пухленькими щёчками. В первый раз мы трахнулись, когда я затащил её в свой фургон, и уже через несколько минут облизывал её снизу. Она била кулаком в стену и кричала: “О, Боже! Я сейчас кончу!” Я начал сильнее орудовать языком, как вдруг она взревела, как неистовый горный лев и ее пипка, в буквальном смысле слова, взорвалась. Вода вырвалась наружу и забрызгала всё вокруг. Она кончила так, будто танкер налетел на мель, и это была самая крутая вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни. Тогда я подумал: “Боже мой, я люблю эту девочку. И только её!”

Каждый день после репетиции я сажал её в свой фургон, мы парковались где-нибудь в тихом местечке, и каждый раз она орошала этим дерьмом всё вокруг. Я любил, чтобы она делала это прямо на меня. Однако, в конце концов, мой фургон начал вонять. Однажды днем, я возил маму в магазин, и она всю дорогу спрашивала, чем это пахнет. Я притворился, будто ничего не знаю.

Позже Винс прозвал её Бульвинкль (Bullwinkle), потому что, по его словам, её лицо было похоже на лося. И, возможно, так оно и было на самом деле, но мне было плевать. Она открыла для меня двери в умопомрачительный секс. Она была моей первой настоящей подругой, и я думал, что все девчонки кончают именно таким образом. Когда же я понял, что это не так, мне было очень трудно расстаться с нею.

(Единственная другая девушка из тех, кого я встречал, и кто мог делать что-то подобное, была подруга порно-звезды Дэби Даймонд (Debi Diamond) — наполовину индианки, ростом под два метра. Годы спустя, когда Бульвинкль была уже просто унылым воспоминанием, я работал с Трэнтом Рэзнором (Trent Reznor) из «Nine Inch Nails» в студии «Эй-энд-Эм» («A&M»). Был день рождения его басиста Дэнни Лонера (Danny Lohner), поэтому я привёл Дэби и ее подругу в качестве подарка. Постреляв немного виноградинами из своей пипки, дабы поразвлечь нас, подруга Дэби села на пианино, в то время как Дэби принялась ласкать её ртом. В какой-то момент девочка откинула голову

назад, застонала и на высоте двух метров от пола пустила по воздуху струю прямо во фруктовую вазу, стоявшую на другом конце комнаты.)

Итак, пока я трахал Бульвинкля и подыскивал другую группу, гитарист «Suite 19», Грэг Леон (Greg Leon), начал поигрывать с Никки, который покинул «Лондон» и пытался с ним вместе организовать новую группу. Никки видел «Suite 19» той ночью в «Старвуд», и ему понравился мой стиль. Грэг дал ему мой телефон, и вскоре я отправился на встречу с ним в «Дэннис» («Denny's») на пересечении Бёрбанк Бульвар (Burbank Boulevard) и Ланкершем (Lankersham) в Северном Голливуде. Я был настолько взволнован, потому что, по сути, чувствовал себя всего лишь маленьким грёбаным панком. Никки мог распродать уик-энды в «Старвуд» и в «Виски», что делало его настоящим рок-божеством в моих глазах. Когда он сел напротив меня, я ещё больше занервничал, потому что за его остроконечными черными волосами я не видел, с кем разговариваю. Мне хотелось пошутить, типа: "Где этот парень?" Я хотел заказать ему собачьего печения, но я не знал, обладает ли он чувством юмора. Кстати, я не знаю этого и поныне.

После ланча мы отправились в эту маленькую дерьмовую лачугу в Северном Голливуде, которая в любой момент могла просто развалиться. Он пил и закусывал за счет какой-то девчонки по имени Лора Бэлл (Laura Bell), барабанщицы из группы под названием «Орхидеи» («Orchids»), с которой он познакомился через Кима Фаули (Kim Fowley). Он поставил мне несколько демо-записей, над которыми он работал, и инстинктивно я начал выстукивать партию ударных на столе, точно также, как я делал это на кухне, будучи ребенком. Наша энергетика была одинаковой, и мы оба это немедленно подметили. Было ясно, что очень скоро мы будем работать вместе. Никки был заводным пацаном (driven dude), и я был таким же одержимым. Мы хотели взорвать сцену, диктовать правила на Стрип (The Strip — название центрального участка бульвара Сансет в Голливуде), громить и трахать всё, что движется.

Пару дней спустя я привёз свою ударную установку к Никки и мы начали джемовать, только бас и барабаны, на покоробленном полу в передней его дома. Комната служила кухней, гостиной, столовой, местом для репетиций и офисом с большим платяным шкафом в стене, который заменял Никки спальню. Каждые несколько минут в течение репетиции Никки брал телефон, набирал номер и пытался впаривать кому-то электрические лампочки. Это была его работа.

Древесина на стенах дома была гнилой и потрескавшейся, и жуки, выползавшие из трещин, нападали на любую еду, которую мы забывали убрать со стола. Если вы делали себе бутерброд, то его нужно было всё время держать в руках, иначе ватага насекомых набрасывалась на него. Я нервничал из-за того, что играл в другой группе с Грэгом Леоном, но чёртов Никки вышвырнул Грэга. Грэг был великолепным гитаристом — он и Эдди Ван Хэйлен были, пожалуй, лучшими гитаристами на сцене — но он был слишком обычным парнем, и Никки это не нравилось. Он сказал, что в Грэге нет изюминки, которая была у «New York Dolls» и «Stooges». Он хотел, чтобы каждый видел и думал точно так же, как и он сам.

Через объявление в «Ресайклер» («Recycler») мы нашли другого гитариста — Робина (Robin). Робин был довольно талантлив, но он был педиком, и все об этом знали. Он заправлял свою рубашку в брюки, мыл руки перед тем, как притронуться к гитаре, разогревался, играя гаммы, и, вообще, вёл себя так, будто он поступил в университет для получения учёной степени по классу гитары. Пожалуй, всё, что в нём было стоящего, так это его шикарные волосы.

Мы продолжали просматривать «Ресайклер», надеясь найти второго гитариста, который был бы уродливым и достаточно сумасшедшим сукиным сыном, чтобы он мог уравновесить Робина. Однажды я нашел то, что нужно: “Громкий, грубый и агрессивный гитарист ищет работу”. Я позвонил и оставил этому парню свой номер, и, спустя неделю, в парадную дверь Никки раздался робкий стук.

Мы открыли дверь, снаружи стоял маленький тролль с черными волосами до самой задницы, в ботинках на высоких платформах, обмотанных клейкой лентой, чтобы они не развалились. Он напоминал разорившегося, болезненно-испуганного, странно выглядящего родственника Кузена Итта (Cousin Itt — персонаж сериала «Семейка Адамсов»). Я захохотал и крикнул Никки: “Иди сюда! Ты должен заценить этого парня!” Когда Никки и он встали лицом к лицу, было похоже, будто «Семейка Адамсов» («Addams Family») встретилась со «Скуби Ду» («Scooby Doo» — сериал про собаку). Никки, возбуждённый, оттащил меня в сторону. “Я не могу поверить! — сказал он, — он один из нас!”

За спиной Кузена Итта кто-то зашевелился, неся маршальский комбик, это был коротышка по имени Джон Крауч (John Crouch), или Стик (Stick), который ходил по пятам за своим шефом, и чья главная ценность в жизни, казалось, состояла в том, что у него был автомобиль, маленькая «мазда», из одного окна

которого в тот мокрый весенний день высовывался монитор, а из другого торчал гриф гитары. (Справедливости ради, надо сказать, что Стик также имел талант бегать за буритто [burrito — мексиканский блинчик с начинкой]).

Мы установили оборудование Мика, и Никки показал ему, открывающий рифф для “Stick to Your Guns”. Мик напряжённо наблюдал, сутулясь и потирая свои беспокойные руки, словно богомол, затем схватил свою гитару и сыграл какое-то дерьмо, сделав рифф настолько искаженным и безумным, что мы даже не смогли его узнать. Фактически, я не знал, как судить: был ли он хорошим гитаристом или нет. Больше всего другого меня впечатлила громкость, с которой он играл. И ещё мне понравилась его странная внешность и звук: как будто он прибыл с другой планеты, населенной разновидностью существ, настолько продвинутых в акустике, что им даже не требовалось принимать ванны.

Закончив, Кузен Итт повернулся ко мне, глаза-бусинки пылали сквозь его запутанные волосы, и сказал: “Давай-ка сгоняем за шнапсом”. Мы взяли галлон шнапса в винном магазине (американский галлон — 3,78 литра водки!!!), выпили и поджемовали ещё часок. Затем Кузен Итт снова заговорил. Он утянул Никки и меня в сторону и пробормотал что-то о Робине. Затем он, будто своенравный старик, обратился к Робину и сказал ему: “Ты уволен. Есть только один гитарист в моей группе, и это — я”. Нам даже не нужно было обсуждать, подходил ли Мик для группы или нет: парень был уже принят.

Робин посмотрел на Никки, затем на меня, и ни один из нас не промолвил ни слова в его защиту. Его лицо стало мрачным, затем красным, а потом он бросил свою гитару и разрыдался. Он действительно был как девчонка.

После того, как Робин утащил своё дерьмо домой, Никки покрасил мои волосы в черный цвет, чтобы это соответствовало ему и Мику. Также они подбили меня сделать мою первую татуировку: Майти Маус (Mighty Mouse), мой самый, чёрт побери, любимый мультяшный персонаж. Он напоминал мне меня самого: он маленький — я тощий, мы оба всегда пытаемся спасать положение, и мы оба всегда получаем девчонку в самом конце. Я попросил, чтобы художник, который делал татуировку, изобразил Майти Мауса прорвавшимся сквозь басовый барабан с палочками в руках.

Никки, Мик и я начали репетировать каждый день, и было удивительно, сколько новых песен придумывал Никки. Позднее мы зависали в «Старвуд», как будто мы были уже рок-звездами. Единственное, чего нам не доставало, так это вокалиста.

Мы прослушали одного тупого парня по имени О'Дин (O'Dean), который пел голосом — что-то среднее между «The Cult» и «Scorpions». Он был удивительным певцом, но Никки он не нравился, потому что он не звучал как Брайен Коннолли из «Sweet». Другая проблема О'Дина состояла в том, что он очень беспокоился о паре ультрачистых белых перчаток, которые он всегда носил. У него была навязчивая идея, что перчатки создавали некую ауру, и мы пытались не перечить ему в этом, потому что он был всё, что мы имели на тот момент.

Мы отправились в студию, чтобы сделать запись некоторых песен Никки: "Stick to Your Guns", "Toast of the Town", "Nobody Knows What It's Like to Be Lonely" и темы группы «Малинки» («Raspberries») "Tonight". Нам дали только два часа, и когда мы исчерпали своё время, Никки заставил меня пойти, трахнуть инженера. Ее зубы торчали наружу, словно шнуровка на волейбольном мяче, но она была хороша и имела приличное тело. Она отвезла меня к себе на квартиру, где был крутейший траходром. Вокруг кровати была натянута москитная сетка, и я никогда не испытывал ничего подобного. Тогда я был маленьким грязнулей, который хотел попробовать все ароматы, так что я сказал ей: "Ничего себе, я бы хотел здесь трахнуться". Мы хорошо провели время, и она устроила так, что мы получили бесплатное время в студии до тех пор, пока мы не начали нагло злоупотреблять гостеприимством.

Во время записи последней песни, когда мы делали демо-запись "Toast of the Town", О'Дин отказался снимать свои перчатки, чтобы хлопать на заднем плане. Он думал, что, если он снимет свои перчатки, то это разрушит его магию, хотя единственной мистической загадкой было то, откуда у этого парня такой хороший голос. Никки был разгневан, когда О'Дин не стал хлопать, как это делали «Sweet» в песне "Ballroom Blitz". Так или иначе, Мик тоже ненавидел его, т. к. думал, что он жирный ублюдок, дерьмовый певец, да в придачу ещё и долбанный спиритуалист.

"Мне не нравится этот парень", - бормотал Мик во время репетиций. "Он — хиппи. А я ненавижу хиппи".

Я сказал Никки: "Мик не думает, что О'Дин — бог" (Здесь игра слов: Один — бог скандинавской мифологии).

"Нет, чёрт побери", - сказал Мик. "Я хочу этого тощего белобрысого засранца, я видел его в «Старвуд» прошлой ночью с этой группой «Rock Candy»".

"Ты имеешь ввиду Винса?! ", — спросил я.

"Да, чёрт побери, я имею ввиду Винса", - нахмурился на меня Кузен Итт. "Вот это парень. Меня даже не волнует, умеет он петь

или нет. Вы видели, что он делал с этой толпой? Вы видели, что творилось с этими девчонками, и как он преподносит себя на сцене?”

“Я ходил в школу с этим парнем”, - сказал я ему. “Девчонки обожают его”.

Я дал Винсу свой номер телефона на их выступлении, но он мне так и не позвонил. После того, как мы уволили О’Дина, я заскочил к Винсу домой, оставил ему плёнку с демо-записью и пригласил его к нам на прослушивание. Мы ждали в течение нескольких недель, что Винс позвонит или приедет, но он так и не появился. Наконец, я не выдержал и позвонил ему сам.

“Я пытался тебя достать”, - сказал Винс. “Я случайно постирал свои джинсы с твоим номером телефона в кармане и никак не мог тебе перезвонить”.

“Слушай”, - сказал я ему. “Это твой последний шанс, чувак. Ты должен оценить эту группу, в которой я играю. Материал, который мы играем, просто сорвёт тебе крышу. Никки Сикс в группе, и у нас есть этот классный гитарист, который похож на Кузена Итта из «Семейки Адамсов»!”

“Хорошо”, - сказал Винс. “Моя группа кинула меня прошлой ночью, и я сейчас на грани ухода. Вот, что я скажу: я под’еду в субботу. Где вы будете?”

Суббота выдалась хорошим днем: солнца не было, и с моря дул прохладный бриз. Я пил шнапс, Никки глушил «Джек Дэниелс», а Мик потягивали свой «Кайлуа» («Kahlua» — мексиканский кофейный ликёр) снаружи репетиционной студии «IRS» в Бербанк, когда Винс подкатил на «280Z» (марка спортивного автомобиля «Nissan») с этой девочкой, которую мы тут же прозвали Лави (Lovey — Милочка), потому что она была блондинка, богатая и самодовольная, как Лави Хауэлл (Lovey Howell) из «Гиллиганз Айлэнд» («Gilligans Island» — телевизионное шоу).

Она вышла из автомобиля и посмотрела на нас так, словно она была его менеджером. “Так, я должна посмотреть на этого гитариста, действительно ли он так хорош, если собирается играть с тобой, малыш”, - проворковала она, тут же начав выводить нас из себя. Винс стоял там, словно маленький ребенок, наполовину нахальный, наполовину смущённый, с платиновыми белокурыми волосами, взрывающимися из его головы подобно фейерверку. Никки дал ему слова, и он начал петь. Он немного врал на верхах, но он поражал своими правильными замечаниями и оставался в тональности. И вдруг начало происходить что-то невообразимое: его писклявый высокий голос объединился с крысиным сбивчивым басом Никки, обдолбанной гитарой Мика и

моими, слишком насыщенными и возбужденными, ударными. И это звучало так, как надо, несмотря на все подпевки Лави, которая продолжала жаловаться, что эти песни не подходят для Винса.

Никки тут же начал переписывать свои песни под голос Винса, и первым результатом стала “Live Wire”. Мы стали «Motley Crue» в один момент. В тот самый момент, разрази меня гром. Мы создали одну из наших классических песен за пять минут при первом же джеме с Винсом. Я не мог в это поверить. «Missing Persons» репетировали по соседству, и мы так завелись, что для прикола, схватили замок, висящий снаружи их двери, и заперли их в студии. Я не знаю, как они выбрались оттуда, если они вообще сделали это когда-либо.

Глава третья

ВИНС

«О РОКОВОМ РЕШЕНИИ, ДОСТОЙНОМ ВЕЧНОГО ПОМИНОВЕНИЯ, И ОБ ОТЧАЯННОМ СПАСЕНИИ ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ»

Я действительно был весь в белом. Я носил белые атласные штаны с белыми пушистыми гетрами, ботинки «Capezio», цепи вокруг талии и белую футболку, которую я разрезал спереди и сшил половинки шнуровкой. Я красил свои волосы в такой белый цвет, какой только было возможно получить, и начёсывал их до такой степени, что это добавляло добрых полфута (15 см) к моему росту. Я пел с «Rock Candy» в «Старвуде» и не хотел от жизни ничего лучшего.

Затем, на одном из наших шоу появился Томми и попытался все испортить. Я не видел его целый год с тех пор, как я покинул школу. Он носил яркие кожаные штаны, тонкие каблуки (stiletto heels), черные крашеные волосы и ленту вокруг шеи. Фактически, он только начинал выглядеть круто.

“Блин!” — воскликнул я. “Что ты с собой сделал?”

“Я теперь играю в группе, чувак, — сказал он, — вон с теми парнями”. Он показал рукой на двух других черноволосых рокеров в углу. Я узнал одного из них, это был сумасшедший, пропитанный наркотой, неудачник басист из «Лондон»; другой был старше и выглядел очень серьёзно. Этот тип не был из тех, кто приходит в «Старвуд», чтобы оттянуться. Из угла старший парень осматривал меня сверху донизу, словно я был куском говядины.

“Я рассказал им про тебя, брат”, - сказал Томми. “Они видели тебя сегодня, и они в восторге. Я знаю, что ты сейчас играешь в группе, чувак, но всё же приходи поджемовать с нами. У нас офигенный материал”.

Томми попросил меня прийти на прослушивание с его группой в следующий уик-энд. Я был счастлив в «Rock Candy», но, так или иначе, я согласился, чтобы не обидеть его. Он действительно выручил меня, когда я сбежал из дома, учась в средней школе. Он разрешил мне спать в своём фургоне. А после того, как его родители обнаружили бездомного пацана, живущего в их машине, со всей его одеждой, упакованной в чемодан «Henry Weinhard», они позволили мне спать на полу в спальне Томми,

пока я не нашел себе новое жильё.

В то время я работал электриком на строительстве «Макдоналдса» в Болдуин Парк (Baldwin Park). Чтобы удержаться на работе, я начал встречаться с дочерью босса, Лиа (Leah) (не путайте с нынешней женой Винса Лиа Джерардини [Lia Gerardini]), высокой, не особо привлекательный бисексуальной блондинкой, которая путём сложного умственного заключения пришла к выводу, что она похожа на Рэнэ Руссо (Rene Russo — голливудская актриса). Она показывала людям фотографии Рэнэ Руссо и говорила им, что это она, чему я практически поверил. Лиа (позже, кто-то из группы переименовала её в Лави [Lovey]), была неприлично богатой наркоманкой, она купила мне мои первые кожаные штаны за пятьсот долларов, чтобы я мог одевать их для выхода на сцену. Я начал жить с нею и водить ее «280Z». Она же сводила меня с ума. И я прилипился к ней не только из-за денег, автомобиля, дома и работы, но ещё и потому, что она научила меня внутривенно вводить кокаин, и я был практически завербован ею. Мы сидели на полу в ее ванной и кололи его друг другу, в то время как ее родители ели или спали внизу в холле.

Однажды утром, после четырехдневной бессонной вечеринки, мое тело начало складываться пополам. Было 7 утра, и я должен был отправляться на работу. Меня рвало всю дорогу, я ничего не мог с этим поделать. На работе я начал слышать голоса, видеть людей, которых в действительности не существовало, и фактически беседовать с ними. Каждые несколько минут или около того, воображаемая собака пробегала мимо меня, и я оглядывался ей вслед, пытаясь выяснить, куда она побежала.

Той ночью я пришел домой с работы и проспал в течение почти двадцати часов. Я проснулся абсолютно никакой, и едва начал смотреть более-менее прямо, как ко мне заскочил Томми. У него была плёнка с песнями для меня, чтобы я мог выучить тексты. Я слушал их и пытался удержаться то от рвоты, то от смеха. Не было ни одной причины, по которой я должен был играть с этой хромой группой, если её вообще можно было назвать группой. У них даже не было названия.

Так что я продинамил их репетицию, а когда Томми позвонил, чтобы выяснить что случилось, объяснил, что я случайно постирал джинсы, в которых лежала бумажка с его номером телефона. И он мне поверил. Я даже никогда не стирал свою одежду, я никогда не носил джинсы и, кроме того, я точно знал, где живёт Томми. Я, возможно, заглянул бы к нему, если бы хотел поговорить с ним. Несколько дней спустя я услышал, что они нашли вокалиста, и я был рад за них. Это подразумевало, что я больше не должен буду скрываться от Томми, когда увижу его

на улице.

На следующей неделе «Rock Candy», как предполагалось, должны были играть на домашней вечеринке в Голливуде. Я появился полностью в белой атласной униформе, но наши басист и гитарист так и не приехали. Я стоял там как разодетый идиот вместе с нашим барабанщиком, в то время как переполненный людьми дом, в течение двух часов требовал музыки. Я был зол, как чёрт, мать их. Когда я позвонил гитаристу той ночью, он сказал, что он не хочет больше играть рок-н-ролл: он состриг свои длинные белокурые волосы, накупил кучу тонких кожаных галстуков, и решил, что «Rock Candy» теперь будет группой новой волны (new wave band).

Так случилось, что на следующий день позвонил Томми и сказал, что их новый вокалист уволен. Ему повезло. Он заполучил меня, когда я был обескровлен.

КОГДА «MOTLEY CRUE» ПОЯВИЛИСЬ НА СЦЕНЕ, это была скорее не группа, а банда. Мы напивались, потребляли сумасшедшее количество кокаина и ходили кругами на наших тонких каблуках, повсеместно спотыкаясь. Сансэт Стрип (Sunset Strip) был выгребной ямой порочности. Проститутки в спандексе и на шпильках ходили вверх и вниз по улицам, панки сидели группами вдоль всего тротуара и громадные толпы нью-вэйверов (new-wavers), одетых в черное, красное и белое, стояли возле каждого клуба в громадных очередях длинною в квартал. Ким Фаули (Kim Fowley) ходил вверх-вниз по Сансет, выискивая девочек и пихая их в разные группы, в то время как Родни Бингенхаймер (Rodney Bingenheimer) входил с напыщенным видом в клубы, словно низенький, бледный мэр Лос-Анджелеса, способный решать судьбы групп одной лишь ротацией синглов в своём радиошоу. Каждый уик-энд огромные банды ребят из Северного Голливуда, Шерман Оукс (Sherman Oaks) и Сан Вэлли (Sun Valley) наводняли сцену, оставляя висеть над Стрип (the Strip) густое облако брызгов лака для волос «Aqua Net».

Всякий раз, когда мы не выступали, мы делали круг — «Виски» («Whisky»), «Рокси» («Roxy») и «Трубадур» («Troubadour») — развешивая одновременно по четыре плаката на каждой стене и фонарном столбе. Если у любой другой группы висел один плакат на стене, то у нас должно было быть целых четыре: это было правилом Никки.

Мне было восемнадцать, и я был слишком молод, чтобы входить в большинство мест, поэтому я пользовался свидетельство о рождении Никки, которое гласило, что меня зовут Фрэнк Феранна. Каждый на входе знал, кто я такой по «Rock

Candy», но они впускали меня всё равно. Когда клубы начинали закрываться, мы отправлялись в «Радугу» («Rainbow»). Это место было устроено в виде круга, где собирались самые крутые рокеры и самые богатые ублюдки, сидевшие за столиками в самом центре. Парням должен был быть двадцать один год, чтобы им можно было войти в клуб, но девчонкам могло быть и восемнадцать. Парни сидели на своих обычных местах, а девочки ходили по кругу, пока их не подзывали к чьему-нибудь пустующему стулу. Они продолжали кружиться, словно грифы над добычей, пока вы не заполняли ими весь ваш столик.

Потом все вываливали на стоянку: Рэнди Роадс (Randy Rhoads), гитарист Оззи Осборна (Ozzy Osbourne), висел на дереве вниз головой и орал, в то время как наркоманы пробовали догнаться, и каждый пытался сжульничать на девочках. Вскоре мы с Роббином Кросби (Robbin Crosby) и Стифеном Пирси (Stephen Pearcy) из «Ratt» (которые в то время играли только кавера на песни «Judas Priest»), начали называть себя «гладиаторами» и давать друг другу звания, типа «фельдмаршал» или «король». Однажды ночью, мы с Никки познакомились с абсолютно одинаковыми рыжеволосыми блондинками близняшками (strawberry blond identical twins), которые занимались продажей жевательной резинки «Doublemint», и возвращались домой тем вечером. Позднее мы все еще не могли точно сказать кто из них кто, поэтому каждую ночь в «Радуге» мы должидались, пока они сами подойду к нам, чтобы поздороваться, т. к. нам не хотелось подойти и схватить не ту девчонку.

Даже при том, что кокаин нам был не по карману, мы всегда могли его нюхать. Мы находили кого-то, у кого он был, и затаскивали их в «Чеви» (У Томми был фургон «Шевроле») (Tommy’s Chevy van), который стал нашей вечеринкой на колёсах (party truck). После «Радуги» каждую ночь, мы гуляли по Санта-Моника Бульвар (Santa Monica Boulevard), где молодые рокеры и актеры, которые так ничего и не достигли, работали сутенёрами. Украденных денег нам хватало, чтобы купить буритто с яичной начинкой от «Noggles». Затем мы откусывали один конец у буритто и засовывали свои члены в теплое мясо, чтобы отбить запах чужой пипки, чтобы наши подруги не могли узнать, что мы с кем-то трахались, или так напивались, что с трудом залезали в фургон Томми.

Я не знал, что думать о Мике. Он был сумасшедший. Он сидел в противоположном от меня углу клуба и что-то писал на куске бумаги. Затем он приносил его, и там было написано что-то вроде “Я тебя убью”. Его лицо было потрепанным и небритым, и он имел обыкновение все время кусать Томми за сосок. Всё, что

только мог сделать Томми, легонечко отпихнуть его от себя и сказать: “Прекрати, это раздражает”.

Через свою дневную работу в «Старвуде» Никки каким-то образом сумел уговорить своего босса разрешить нам отыграть там наши первые выступления: по два сэта в пятницу и в субботу на разогреве у «Y&T». И даже на сцене, мы действовали скорее как банда, чем как группа.

Мик нервничал, потому что прежде на репетициях мы никогда не прогоняли шоу целиком. Мы даже не знали, каким будет сэт-лист, пока Никки в последнюю минуту не написал его неряшливым почерком на листах бумаги и не разложил их на полу сцены. Во время исполнения нашей первой песни “Take Me to the Top” люди вопили, “Пошли вон!” и показывали нам средний палец (flipping us the bird). Затем один придурок в черной майке с надписью «AC/DC», харкнул прямо на мои белые кожаные штаны. Не раздумывая, я спрыгнул со сцены во время проигрыша, взял его голову в замок и начал его мутузить. Помнится, Никки огрел его по голове своим белый басом «Thunderbird». Он размахивал им, словно молотком для силомера в цирке и саданул им какого-то парня по ключице. Если бы у парня на голове был надет колокол, то он улетел бы, пробив крышу.

Мы играли настолько неряшливо, что я не мог сказать, где заканчивалась одна песня и началась другая. Но мы выглядели неплохо, а дрались еще лучше. К концу второго сэта той ночью, многих из наших врагов мы превратили в наших фанатов. Они рассказали своим друзьям, и на следующий вечер пришло больше людей, чтобы посмотреть на нас.

Когда «Y&T» вышли для второго сэта в субботу, половина зала опустела. В следующий раз, когда мы выступали с «Y&T», мы были уже хэдлайнерами.

Одним из наших первых больших фанатов был Дэвид Ли Рот. Всего за год до этого, когда «Van Halen» играли на Лонг Бич Арена (Long Beach Arena), я продавал на стоянке левые футболки с их символикой. Теперь же, Рот ходил посмотреть на мою группу. Хотя все мы знали, что делает он это не потому, что ему нравится наша музыка, а потому что он любит цеплять девочек, которые приходили посмотреть на нас, и это нам льстило. Мы были группой без контракта: он же был рок-звездой.

После нашего первого выступления в «Трубадуре», Дэвид подошел ко мне. “Винс”, - сказал он. Ты знаешь что-нибудь о музыкальном бизнесе?”

“Да, ты договариваешься о выступлении и играешь музыку”, - ответил я.

“Нет”, - он сказал. “Это не совсем так. Давай встретимся завтра в ресторане «Canter’s Deli» на Фэйрфаксе (Fairfax) в три часа дня”.

На следующий день, Дэвид подтянулся на своём длинном «Mercedes-Benz» с нарисованными черепом и перекрещенными костями. Он усадил меня напротив и начал монолог на тему рок-бизнеса: он назвал, какие существуют подводные камни, как избежать жульничества, и какие пункты в контраке следует устранить.

“Не связывайтесь с маленькой компанией по распространению записей”, - сказал он, поливая горчицей копчёную говядину (pastrami). “Вы должны иметь свои записи на Таити (Tahiti). Если их нет на Таити, то их нет нигде”.

Он продолжал: “Только не подписывайте контракт ни с каким менеджером. Не заключайте сделку только ради денег. Вы должны сами следить за тем, на что тратятся ваши деньги, и как они возвращается”.

Всем, что он узнал за последние семь лет, он поделился со мной из явного великодушия его пропитанного алкоголем сердца. Я понятия не имел, о чем он говорил, потому что я не знал ничего о бизнесе. Вскоре я подтвердил это тем, что допустил одну из самых глупых ошибок в своей карьере. Я подписал десятилетний контракт со строителем, который смыслил в этом деле даже меньше, чем я сам.

Я встретил его после того, как шофёр Мика и добытчик буритто, Стик, начал приводить свою сестру на репетиции, где мы делали запись песен, которые стали потом нашим первым синглом “Stick to Your Guns” и “Toast of the Town”. Она один в один была похожа на Стика, за исключением того, что у неё был всего один зуб и странное хитроумное устройство, которое напоминало змею, обвившуюся вокруг ее волос. Она была настолько уродлива, что даже Томми не стал бы спать с нею. Ее муж выглядел очень подозрительно, тонкий, как рельс — владелец строительной компании с размером мозга, как у Барни Файфа (Barney Fife — комедийный актер 60-ых), но с сердцем большим, чем титька стриптизерши. Его звали Аллан Коффман (Allan Coffman), он был из Грасс Вэлли (Grass Valley) из Северной Калифорнии, и по каким-то причинам он хотел взойти на рок-сцену. Он напоминал психованного яппи, с бегающими глазками, как будто он всё время ждал, что кто-нибудь выпрыгнет из теней комнаты и нападет на него. Когда он напивался, то начинал лихорадочно обшаривать кусты, мимо которых мы проходили, чтобы удостовериться, что там никто не прячется. Только годы спустя мы выяснили, что он служил в военной полиции (М.Р.) во

Вьетнаме.

Когда Стик привёл его на репетицию, казалось, что он никогда прежде не видел рок-группы. А мы никогда не видели менеджера. Он сказал, что он хочет вложить свой капитал в нас, и дал нам пятьдесят долларов — первые деньги, которые мы заработали как группа; мы тут же подписали с ним контракт. Типичный пример, который мы будем повторять в течение всей нашей карьеры — в одну минуту, мы потратили все деньги на пакет кокаина, насыпали его змейкой в одну длинную линию на столе и вынюхали.

Коффман решил субсидировать нас, потому что он думал, что это будет дешево. Панк-группа, возможно, обошлась бы дёшево. Но мы не были панк-группой: мы заставили его купить пиджак из змеиной кожи и черные штаны для Томми, новый кожаный пиджак для Мика и пару ботинок за шестьсот долларов для Никки. Тогда, если мы хотели что-то, что имело три цифры на ценнике, мы должны были это украсть.

Коффман думал, что он обучит нас в Грасс Вэлли и заставит нас отработать все наши капризы на живых выступлениях. Мы спали в его гостевом трейлере и ездили автостопом в город, деревенский рай всего с одной дорогой: Мэйн Стрит (Main Street — главная улица). Несмотря на дерьмовость местечка, мы не воздерживались от ношения тонких каблуков, использования лака для волос, красно-окрашенных ногтей, ярко-розовых штанов и косметики. В полной экипировке мы шатались по барам, пытаясь потягаться в скорости с дальнобойщиками и подцепить их подружек. В первую же ночь один из Ангелов Ада (Hell's Angel — байкерская организация) вошел в бар и остановился перед байкером с татуировкой Ангелов на руке.

"Ты больше не заслуживаешь того, чтобы быть Ангелом Ада", - сказал он спокойно. Затем он щелкнул лезвием своего выкидного ножа и прямо на месте срезал им татуировку у парня.

Один из концертов, который Коффман выбил для нас, проходил в месте под названием «Томминокер» («Tommyknocker»), который на афишах был анонсирован как: "Голливудская костюмированная ночь" («Hollywood Costume Night»). Мы вошли и увидели дюжину ковбоев с их подругами, которые были пристёгнуты к ним наручниками. Все были озадачены: они думали, что пришли посмотреть на Голливуд и не понимали, с какой планеты мы прилетели; мы думали, что мы — Голливуд и понятия не имели, с какой планеты прибыли они.

Мы сыграли "Stick to Your Guns" и "Live Wire," но они только уставились на нас еще более изумленно. Тогда мы решили пообщаться с ними на их языке и врезали "Jailhouse Rock" и

“Hound Dog”, от которых у них сорвало крышу. Той ночью мы играли “Hound Dog” пять раз, а затем спасались бегством через черный ход прежде, чем нас убьют.

Той ночью, кто-то сказал нам о вечеринке в городе. Мы отправились туда, и там было полно горячих цыпочек, которых мы никогда не видели прежде. Приблизительно через пятнадцать минут Томми подтолкнул меня и сказал: “Это не тёлки, чувак”. Мы посмотрели вокруг и поняли, что мы окружены сумасбродными мужланами и деревенскими гомиками, которые вероятно носили одежду своих жен и подруг. Я спросил здоровенного блондина, стоявшего рядом со мной, есть ли у него кокс, и он продал мне мешок за двадцать долларов. Я вошел в уборную, чтобы уколоться, и чуть было не убил себя. Это была детская присыпка. Я был в бешенстве.

Когда педик не закотел возвращать мне мои деньги, я стянул с него его парик, раскрутил и ударил его в лицо. Кровь потекла по его помаде, струясь вниз по его подбородоку. Внезапно дюжина жлобов-трансвеститов ринулась на нас, молотя и пиная нас своими высокими каблуками прежде, чем выбросить нас на улицу как разорванный и кровоточащий голливудским хлам.

На следующий день, Коффман устроил наше первое радиоинтервью. Мы появились в студии с раздутыми губами, ушибами и чернотой вокруг глаз. И мы очень боялись: прежде мы никогда не давали радиоинтервью. Они спросили нас, откуда мы, мы молча посмотрели друг на друга, а затем Мик сказал: «Марс».

После всех других кошмаров, которые Коффман называл учёбой, мы мигрировали обратно на юг в Лос-Анджелес, давая концерты и развешивая плакаты на каждой телефонном будке. Они высадили меня у дома Лави, и через минуту я был уже в ванне, ширяясь с нею, в то время как она несла вздор о том, как Аллан Коффман собирается измотать нас, и как мы должны позволить ей управлять нашей группой с помощью денег её папаши. Она выводила меня из себя, тем более, что я начал спать с куда более чудной, более симпатичной и более нормальной девчонкой-серфингисткой, которая жила вниз по улице. Лави и я туссовались той ночью до рассвета в доме парня, который был наследником корпорации «U.S. Steel» (крупнейшая сталилитейная компания), но жил в запущенном доме с одной спальней, потому что его семейство лишило его наследства.

Следующим вечером я всё ещё кололся с Лави, у нас должно было быть выступление в «Country Club», и когда я вспомнил, что через десять минут должен быть там, это была катастрофа. У меня не было автомобиля или любого другого средства, чтобы спуститься с холма, на котором она жила. Я рванул из дверей и

побежал вниз с холма, пока не начал спотыкаться. Я добрался до клуба, опоздав на 45 минут, и всё ещё был в банном халате. Парни беспокоились. Они были в бешенстве, что я обкололся и появился, одетый как старик. Они сказали мне, что, если я уколюсь еще хоть раз, то они меня уволят. Они были настолько разъярены и убеждены в своей правоте, что несколько лет спустя, мне было трудно не сострить что-нибудь, когда Никки и Томми прочно подсели на иглу.

С той ночи я решил сбежать от Лави. Я как будто был выброшен на остров Гиллиган, зависимый от ее денег и ее автомобиля, но, если я уйду, то лишусь её источника наркотиков. Несколько дней спустя, в то время как Лави спала, Томми заехал к нам. Я завернул свою одежду в бумагу и бросил её назад его фургона. Я не оставил записки и даже не потрудился позвонить ей потом. Каждый день после этого она заезжала к Томми, надеясь застать меня там. Но мне удалось избегать ее в течение трех дней. Затем, когда мы готовились к выступлению в «Рокси», я опередил её, увидев, как она протискивается сквозь толпу, и сказал охране вышвырнуть ее.

Позднее, в том же месяце, я переехал в квартиру с двумя спальнями на Кларк Стрит (Clark Street) (всего в пятидесяти шагах от «Whisky A Go-Go»), которую Коффман купил, чтобы держать Никки, Томми и меня вместе и рядом с клубами. Я больше не видел Лави с тех пор, и только пятнадцать лет спустя, опять в «Рокси», когда я играл сольный концерт, после шоу, около полуночи, она пришла за кулисы и тянула за собой маленькую девочку, она сказала, что это ее дочь.

Всего лишь несколько месяцев спустя, я увидел ее в новостях: ей нанесли шестьдесят ножевых ранений, когда сделка с наркодилером пошла не так. Я часто задаюсь вопросом, что случилось с ее дочерью, и надеюсь, что это был не мой ребёнок.

Глава четвёртая

«БИОГРАФИЯ ГРУППЫ, РАЗОСЛАННАЯ ПО ПОЧТЕ, С УКАЗАНИЕМ ВОЗРАСТА, ПРАВОПИСАНИЕМ ИМЁН И МЕСТ РОЖДЕНИЯ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ, ВЫПУЩЕННАЯ В НАДЕЖДЕ НА УЛУЧШЕНИЕ СКУДНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ УСПЕХА; ПОЛНЕЙШЕЕ ОТСУТСВИЕ ДРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МУЗЫКАЛЬНОМ БИЗНЕСЕ; И С УЧАСТНИКАМИ ГРУППЫ, СЛИШКОМ МОЛОДЫМИ, ЧТОБЫ ВРАЩАТЬСЯ ВО ВЛИЯТЕЛЬНЫХ КРУГАХ, ЧТО ВЕСЬМА ЗАКАЛИТ ИХ ХАРАКТЕР»

Coffman & Coffman Productions
156 Mill Street
Grass Valley, CA 95945

ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ: 22 июня 1981 года

«Motley Crue» — коммерческая хард-рок-группа, громко заявившая о себе в восьмидесятые. Всего за несколько месяцев «Motley Crue» стала самой горячей группой в Южной Калифорнии. «Motley Crue» установили небывалые рекорды посещаемости в «Трубадуре» в Голливуде и полностью распродали «Country Club» и «Whisky A Go-Go». «Motley Crue» — одна из немногих групп, которая играла в «Roxy Theater» без поддержки компании звукозаписи. «Motley Crue» скоро выпустит свой дебютный альбом на своём собственном лейбле — «Leathur Records». Они дарят невообразимое живое шоу, которое возбуждает, заставляя публику двигаться. «Motley Crue» — есть, на что посмотреть, и есть, что послушать. «Motley Crue» — четыре одаренных артиста, прилагающих все усилия для того, чтобы создавать музыку на все времена.

NIKKI SIXX, бас-гитара и вокал, 22 года, произвел впечатление на голливудскую сцену со своей прежней группой «London». Никки — исключительный автор песен, на которого сильно повлияли «Sweet» и «Cheap Trick», и это вдохновение в большой степени передалось музыке «Motley Crue».

MICK MARS, 25 лет, возможно, самая большая заявка на успех из Ньюфаундленда (Newfoundland) (притом, что Мик родился в городе Терре-Хот, штат Индиана [Terre Haute, Indiana] в 1951-ом году, и к тому времени ему уже исполнилось 30 лет — прим. пер.). Уникальная эмоциональная гитара Мика об’единяет быстроту игры с большим талантом шоумена. Мик помогает на вокальных партиях, и его умение сочинять песни превосходно

сочетается со способностями Никки. Вместе они создают большинство того, что назвается «Motley Crue».

TOMMY LEE, возраст 21 год, ударные, это высокая энергия, воплощенная в одном человеке. Когда Томми берёт в руки палочки, никто не может усидеть на месте. Играет ли он на палках, барабанах, тарелках, гонгах, коу-беллах или просто на деревяшках, для способностей и таланта Томми это не имеет значения. Он — ещё один важный компонент, уникальным образом способствующий «Motley Crue».

VINCE NEAL (обратите внимание, имя Винса написано неправильно), светловолосый, 21 год, ведущий вокалист и автор текстов, трепещите девичьи сердца. Винс командует сценой, за каждым его движением напряжённо наблюдает публика. Уникальный стиль Винса сочетает в себе диапазон влияния от Джона Леннона (John Lennon) до Робина Зандера (Robin Zander). Он — последняя частица, составляющая группу «Motley Crue».

Когда Никки, Мик, Томми, и Винс собрались вместе впервые, то волшебство не заставило себя ждать, и на свет родились «Motley Crue».

Творческий гений этих четырех исполнителей ясно показал новую музыку, о которой ещё не скоро забудут. Их музыка и талант — новая движущая сила в роке. Темы, которые затрагивают их песни, вовлекают аудиторию в музыкальную действительность повседневной жизни, выражение радостей и трагедий, с которыми сталкивается сегодняшняя молодежь. «Motley Crue» — это то, что ждала молодежь восьмидесятых — звук, который заставляет двигаться, слова, которые говорят, и внешность, которую создали наши герои.

«Motley Crue» — не восстание, а революция в рок-музыке. Возвращение к глубокому звуку Битлз (Beatles), воскрешённому с новой энергией в восьмидесятых.

За интервью и дополнительной информацией пожалуйста обращайтесь в «Coffman and Coffman Productions»: (916) 273-9554.

Глава пятая

НИККИ

«ПОДРОБНЕЕ О ДЖЕНТЛЬМЕНЕ, КОТОРЫЙ ИСПОЛЬЗУЕТ СВОИ КУЛАКИ ДЛЯ НАЛАЖИВАНИЯ СВЯЗЕЙ, УБЕЖДЕНИЯ И ТВОРЧЕСКОГО ВДОХНОВЕНИЯ»

Я слушал его похвальбу целый час. У него были тёмно-рыжие волосы, бритые виски — жалкое подобие могавк (mohawk — племя американских индейцев) и серьга в ухе, которое даже не было проколото по-настоящему. Подобно любому другому позёру панк-рокеру, он болтался той ночью в «Whisky A Go-Go», наблюдая за агонией лос-анджелесской панк-сцены. Дэвид Ли Рот, Роббин Кросби и Стивен Пирси из «Ratt» зависали той же ночью вместе с нами в Пёстром Доме (Motley House). Маленький панк пытался доказать нам, что он был бОльшим рок-н-рольщиком, чем любой из нас, что он был более жестоким и диким чем я, хотя было ясно, что он — всего лишь богатый, плохо воспитанный мальчик из Орандж Кантри (Orange County — крупнейший округ Южной Калифорнии), вбивший себе в голову, что он панк. Наконец, я не выдержал.

“Ты — не панк, твою мать, ты — хрен моржовый!” Я спрыгнул с дивана, прижал его голову к столу, оттянул ему ухо и придавил его пальцами к деревянной крышке стола. Затем, на глазах у всей комнаты, я вбил гвоздь прямо через мочку его уха.

“А-а-а-а-а-а-ай!” — вопил он, корчась от боли, прикованный к столу, словно цепной пёс.

“Вот теперь ты — панк-рок!” — сказал я ему. Мы прибавили громкость на стереосистеме, и продолжили вечеринку, как будто его там не было. Когда я проснулся на следующий день, он ушел, но гвоздь загадочным образом все еще торчал в столе. Представляю себе, что ему пришлось проделать, чтобы сбежать.

Я достиг нового этапа в моей жизни. Я больше не был угнетённым, обманутым, сопливым, бесталанным подростком, умоляющим крутых парней позволить мне играть в их группе. Я был в крутой группе. Я записывал свой собственный альбом со своими собственными песнями. У нас была собственная квартира в самом центре музыкального круговорота, которая была единственным местом, где можно было расслабиться после выступлений. Мы раз’езжали повсюду в «Кадиллаках», которые Коффман арендовал для нас. Неблагодарные, мы могли отломать

им двери или разбить вдребезги, не думая о том, сколько они стоят.

Когда мы выходили на улицу вместе — четыре выродка — разодетые, словно портовые шлюхи, людей притягивала наша энергия. Если мы шли в «Трубадур», то все шли с нами. Если мы расходились, клуб моментально пустел. Было похоже, что мы становились королями Лос-Анджелеса. Казалось, каждый парень хотел быть похожим на нас, а каждая цыпочка хотела трахаться с нами, и все, что от нас требовалось — просто быть группой.

Это было самое лучшее время в моей жизни, но оно же было и самым мрачным временем. Я был ходячим террором. Заноза в моём плече выросла до размеров огромной глыбы (chip on my shoulder — устойчивое выражение, означающее чьё-либо вызывающее поведение; поиск повода для драки) и, если кто-нибудь пытался её тронуть, я разбивал ему лицо. Человек, похожий на ротвейлера или тигра — очень красивое животное, но стоит только его задеть, а вы в этот момент оказываетесь где-то поблизости, то считайте, что вам не повезло, независимо от того, кто вы такой.

Как бы там ни было, я был именно таким человеком. Однажды ночью, когда я проснулся после хмельного дня, мы с Винсом пришли на выступление в «Whisky A Go-Go» раньше обычного. Когда я вошел, какой-то хрен с перьями вместо волос поглумился: “Кем это ты себя возомнил? Китом Ричардсом (Keith Richards) или Джонни Тандерсом (Johnny Thunders)?”

Я не промолвил ни слова. Я схватил его и начал бить лицом о барную стойку, разбивая стаканы и заливая прилавок кровью. Вышибала подошёл ко мне и, вместо того, чтобы выгнать меня, улыбнулся. “Круто, чувак” — сказал он. “За это тебе полагается бесплатная выпивка. Не возражаешь, Сикс, если я буду звать тебя Мухаммед Али (Muhammad Ali — великий американский боксёр)?”

Он проводил нас с Винсом наверх, и мы продолжили пить «Джек Дэниелс». Однако в то время, пока одна девочка в баре «передёргивала мне затвор», Винс куда-то пропал. Я прочесал весь клуб и расспросил о нём каждого. Только позднее, когда я выходил из клуба, я обнаружил его, лежащим под синим «Форд Малибу» («Ford Malibu»). Он был в полной отключке, а его ноги торчали из-под машины, как у автомеханика. Я притащил Винса домой, где мы обнаружили девочку, которая была прикована наручниками к его кровати. Хотя Томми нигде не было видно, было ясно, что она была одной из его жертв — дочь одного известного спортсмена. Я видел ее недавно, она работала на пиратском корабле в Диснейлэнде. Было приятно видеть её в

наручниках.

Винс отрубился рядом с девочкой, которая все ещё была пристёгнута к его кровати. Когда он проснулся в полночь, девчонка ушла, Томми вернулся, и все мы снова покинули дом.

Той ночью была вечеринка в Хайат Хаус (Hyatt House) — примерно шестьдесят человек, набившихся в одно помещение. Изящная, темнокожая девочка с громадными сиськами в обтягивающем платье, которую я знал, схватила меня за руку и, произнося что-то нечленораздельно, спотыкаясь, потащила меня в маленькую комнатку размером с чулан. Она с трудом расстегнула мои кожаные штаны, схватила мой член, поставила меня к стене, задрала своё платье и ловким движением ввела меня в себя. Мы потрахались какое-то время, затем я сказал ей, что мне нужно сходить в ванную. Я направился в сторону вечеринки и наткнулся на Томми. “Чувак, пойдём”. Я схватил его. “У меня там тёлка в чулане. Пошли со мной, только не говори ни слова. Когда я тебе скажу, начинай ее трахать”.

В чулане я встал непосредственно позади Томми. Он трахал ее, в то время как она схватила мои волосы и вопила: “О, Никки! Никки!” Затем Томми и я прошли с нею по нескольку раундов, я снова смотался на вечеринку и схватил какого-то тощего парня в свитере с надписью «Rolling Stones», вероятно это был чей-то брат.

“Поздравляю!” — сказал я ему. “Сегодня ты лишишься девственности”.

“Нет, мужик”. Он взглянул на меня тревожными глазами, широко раскрытыми и напуганными. “Я не хочу!”

Я втолкнул его в крошечную каморку и запер его там с девочкой. Я слышал его крик и вопли, “Выпусти меня отсюда, ты ублюдок!”

Я был настолько пьян, что, когда проснулся на следующий день, я ничего не помнил об этом, пока не зазвонил телефон. Это была та самая девчонка.

“Никки”, - сказала она, ее голос дрожал. “Меня изнасиловали вчера ночью”.

Мое сердце упало куда-то в кишки, а тело похолодело. Воспоминания прежней ночи постепенно возвращались, и я понял, что я, наверное, зашёл слишком далеко.

Затем она продолжила: “Я поймала машину от Хайат Хаус, чтобы доехать до дома, а этот парень подобрал меня и изнасиловал в своём автомобиле”.

“Боже мой”, - сказал я. “Мне очень жаль”.

Сначала я почувствовал колоссальное облегчение, потому что это означало, что не я ее изнасиловал. Но чем больше я об этом думал, тем больше я понимал, что я в значительной степени

повинен в этом. Я балансировал где-то на грани дозволенного. Более того, я был способен на ещё большую низость, чем эта.

На Стрип была одна бездомная девчонка: она была молоденькая, сумасшедшая и всегда носила костюм Золушки. Однажды ночью мы сняли её и привезли к нам домой, чтобы Томми попробовал с нею переспать. Пока он был с нею в кровати, мы украли ее костюм. После того, как она покинула дом в слезах и в одежде Томми, которая висела на ней, как на вешалке, никто больше никогда не видел ее на улице.

После того, как мы отняли одежду у бездомной девочки, для нас больше не существовало никаких табу. Я даже пытался трахнуть мать Томми, но потерпел неудачу; когда его папа узнал об этом, он сказал мне: “Если ты сможешь, то сделай это”. После этого, я начал встречаться с немецкой моделью, по крайней мере, по словам одного тощего немца она была моделью. У неё были фотографии, где она зависала в кругу парней из «Куин» («Queen»), поэтому я был впечатлен. Ее сосед сверху Фред (Fred) хотел научить меня курить кокаин (freebase), очень раздражал немку, которую мы прозвали Гиммлер (Himmler — Генрих Гиммлер — один из главных военных преступников фашистской Германии). Каждую неделю Гиммлер заглядывала к нам домой, и мы праздновали Нацистские Среды (Nazi Wednesdays — по аналогии с праздником Святой Среды [Holy Wednesday]). Мы маршировали по всему дому с нацистскими повязками на рукавах, вскидывали руки и орали «зиг хайль» (sieg-heiling). Вместо факелов по стенам висели тараканы, которых мы поджигали с помощью лака для волос. Мы выковыривали их из трещин и сжигали вместе с их сородичами в духовке. Умирая, они вставали на задние лапки, а затем опрокидывались на спину, в то время как мы лаяли на них на псевдо-немецком.

“Эй, — ругалась она своим глубоким гортанным акцентом, — это не змешно. Много миллионоф людей умерли в таких печах”.

После того, как мы расстались, я встречался с группи, у которой была узкая талия, стрижка под Шину Истон (Sheena Easton — шотландская певица, популярная в Штатах в 80-ых) и глаза с выражением «трахни меня». Ее звали Стефани (Stephanie), ее родители владели сетью роскошных гостиниц, и она была достаточно сообразительной, чтобы понять, что самый быстрый путь к нашим сердцам лежит через то, чтобы приносить нам наркотики и жратву. Я встретил ее в «Старвуд», когда она зависала в компании парней из «Ratt». Я любил встречаться с нею: мы отправлялись к ней на квартиру, нюхали кокс и глотали таблетки (quaaludes), а затем я трахал её, и это было восхитительно, ведь у меня совсем не было денег, чтобы покупать

дурь, и я не мог трахнуть самого себя. (Хотя я намереваюсь сделать это в этой книге.) Она позволяла мне делать всё, что угодно: в одну из наших первых встреч, она вытащила меня пообедать, и я прямо под столом трахнул её горлышком бутылки.

Однажды ночью Винс, Стефани и я болтались в «Радуге», глотая таблетки (quaaludes) и эскарго (escargot — улитки, блюдо французской кухни) и блюя под стол каждые пятнадцать минут. Мы были просто никакие, мы забрали ее к себе домой, и всё закончилось в кровати Винса. Мне никогда это не нравилось: Томми и Винс всегда ложились с тёлками вместе в одну постель. Я же не мог терпеть присутствие парня. Я не смог их разбудить и, в конце концов, возвратился в свою комнату, оставив их двоих в покое. Это был последний раз, когда я видел Стефании голой, так как, если вы оставили Винса в одной комнате с девочкой, у которой есть деньги и хороший автомобиль, можете считать, что всё кончено. После этого они встречались ещё достаточно долго и даже собирались пожениться, пока Винс не нашел себе более богатую девчонку, Бет (Beth), с белокурыми волосами и ещё лучшим автомобилем «240Z».

Я не знаю, как далеко могло бы зайти наше кровосмешение, но, так или иначе, мы достигли следующего уровня как группа, хотя мы даже не верили в то, что следующий уровень вообще существует. Проблема была в посещаемости наших концертов и поддержании молвы о нас. Однажды ночью мы даже позвали Эльвиру (Elvira — творческий псевдоним американской актрисы Кассандры Питерсон [Cassandra Peterson]), которая согласилась представлять нас, если Коффман заплатит ей пятьсот долларов и прокатит её на черном лимузине. Чем дольше мы жили вместе, тем лучше становились наши шоу, потому что у нас было больше времени для того, чтобы выдумывать разные нелепые выходки на сцене. Винс начал отрезать бензопилой головы у манекенов. Блэки Лоулесс (Blackie Lawless) перестал поджигать себя на сцене, потому что страдал от ожогов кожи, поэтому я взял этот приём на вооружение, так как мне было плевать на боль. Я был готов глотать гвозди или трахать разбитую бутылку, если это могло привлечь больше людей на наши концерты.

С каждым новым выступлением наше оформление сцены выглядело всё лучше и лучше: у Мика была дюжина прожекторов, которые он купил у Дона Доккена (Don Dokken) и мониторы, которые он украл у своей бывшей группы «White Horse». У нас была грязно-белая, запачканная кровью, простыня, которую мы сняли с кровати Томми и большими черными буквами написали на ней наше название. Вдохновлённые «Queen», Томми и Винс соорудили трех'ярусную ударную установку: рама два на четыре

метра была покрашена в белый цвет и обтянута поверх черной тканью с установленными на ней пятнадцатью вспышками, а также черепами и барабанными палочками. Вся эта конструкция весила примерно тонну, и был жуткий геморрой — собирать и разбирать её каждый раз. Также мы сделали маленькие коробочки из разноцветного оргстекла с лампочками внутри. Всё шоу было сплошной мешаниной того, что, по нашему мнению, выглядело круто и в то же время не требовало никаких затрат. Мы красили пластик на барабанах, устанавливали канделябры вдоль всей сцены, прикрепляли головы кукол на концы барабанных палочек, повязывали какие-то платки, где только было можно, украшали наши гитары цветной лентой, обворачивались телефонными шнурами и использовали самые свирепые записи, которые мы только могли найти, чтобы раскачать толпу перед нашими выступлениями.

Когда мы полностью распродали ряд шоу в «Виски», я был в таком исступлении, что позвонил моим бабушке и дедушке и сказал: “Вы не поверите! Мы распродавали три ночи в «Виски». Мы сделали это, чёрт побери!”.

“Сделали что?.. “, — спросил дедушка. “Никто даже не знает, кто вы такие”.

И он был прав: мы распродавали шоу за шоу, но ни один лейбл не подписывал с нами контракт. Нам говорили, что наше живое выступление слишком беспорядочное, и нет ни одного шанса, что наша музыка будет когда-либо крутиться на радио или входить в чарты. Хэви-метал мертв, твердили нам; всё, что имело значение — новая волна. Если мы не звучали как «Go-Go’s» или «Knack», то мы их не интересовали. Мы ничего не знали ни о чартах, ни о директорах радиостанций, ни о новой волне. Все, что мы знали, были долбаные обшарпанные маршальские комбики, взрывной рок-н-ролл у нас в штанах и сколько кокаина, Перкодана (Percodan — таблетки), quaaludes и алкоголя можно было достать бесплатно.

Единственная причина, по которой я хотел записать альбом, состояла в том, что я мог таким образом производить ещё большее впечатление на девочек, рассказывая им об этом. Так что мы решили эту проблему, создав наш собственный лейбл «Leathur Records». Мы купили время в самой дешевой студии, которую только смогли найти: крошечное здание в плохом районе на Олимпик Авеню (Olympic Avenue) за шестьдесят долларов в час. Мику понравилось это место, потому что там был большой микшерский пульт (Trident board) и очень маленькие комнатки, которые, как он сказал, подходили лучше для естественной реверберации. Мик уволил звукоинженера и ввел в дело Майкла

Уогнера (Michael Wagner) — общительного розовощёкого немца, который работал с метал-группой «Accept». Вместе мы выплюнули «Too Fast for Love» за три пьяных дня. Когда мы не смогли ни с кем договориться о распространении альбома, Коффман делал это сам, раз'езжая повсюду в своём арендованном «Линкольне» и пытаясь уговорить магазины звукозаписей продать хотя бы пару копий. В течение четырех месяцев, однако, у нас появился дистрибьютор «Гринворлд» («Greenworld») и мы продали двадцать тысяч альбомов, что было неплохо для записи, на производство которой было потрачено шесть тысяч долларов.

Мы праздновали выпуск альбома вечеринкой в «Трубадуре», который был одним из моих любимых клубов, потому что там был один парень, из которого я действительно любил вышибать дерьмо. У него были длинные волосы, и он боготворил нас, но он был чересчур надоедливым, из-за чего и страдал. Только я толкнул его назад через Томми, который встал на четвереньки позади него, как вдруг я увидел девчонку с густыми платиново-белыми волосами: яркий румянец на щёчках, тёмно-синие тени на веках, черные кожаные штаны в обтяжку, панковский ремень и черные сапоги с высокими ботфортами.

Она подошла и сказала, "Привет, я Лита. Лита Форд (Lita Ford) из «Runaways». Как тебя зовут?"

"Рик" (Rick), — сказал я.

"Правда что ли?", - спросила она.

"Да, я Рик". Я был очень самодовольным и думал, что каждый должен знать моё имя.

"Жаль, — сказала она, — а мне казалось, что ты кто-то другой".

"Ну, значит, тебе неправильно казалось", - поглумился я и как обычно задрал нос кверху.

"Очень жаль, Рик, — сказала она, — потому что я хотела расколоть с тобой таблеточку (quaalude)".

"Правда?" Я заинтересовался.

"Я думала, что ты Никки".

"Я Никки! Я Никки!" Я чуть было не обмочился от удовольствия, как пёс в предвкушении лакомства.

Она откусила половину таблетки и положила её мне в рот, и это было что-то…

Мы начали болтать и оттягиваться. Прежде, чем я встретил её, я думал о большинстве женщин то же самое, что я думал о своей первой подруге, Саре Хоппер (Sarah Hopper) — надоедливые существа, которые иногда полезны в качестве альтернативы мастурбации. Но Лита был музыкантом, и я мог соотносить себя с нею. Она была милой, умной и абсолютно нормальной

женщиной. В разъяренной буре, на которую стала похожа моя жизнь, она была кем-то, за кого я мог уцепиться; кем-то, кто помогал мне твёрдо стоять на ногах.

Однажды ночью Лита, Винс, Бет и я вышли из «Радуги», когда какой-то байкер начал ездить вокруг девчонок и спрашивать, не хотят ли они с ним потрахаться. В то время байкеры об'явили войну рокерам. Мы понаблюдали с минуту, а затем подошли к нему. Мы были в хорошем настроении, поэтому мы не ударили его. Мы попросили его прекратить. Он впился в нас взглядом, а затем сказал, чтобы мы отвалили.

Я носил цепь вокруг талии, пристёгнутую к кожаным штанам застежкой. Я выхватил цепь и начал крутить ею в воздухе, круша головы. Вдруг ещё пара человек присоединилась к драке. Один из них, волосатое чудовище шесть на четыре фута, налетел на меня, как бык, выбив из меня дух и оттесняя меня обратно к кустам. Я опустил цепь на землю, а он схватил мою руку своей кожаной перчаткой, зажал её у себя во рту и ударил по ней прямо в кость со всей силы. Я закричал, адреналин ударил мне в голову, я схватил цепь и начал хлестать его прямо по лицу.

Внезапно он оттолкнул меня, вытащил пистолет и сказал, "Ты арестован, ублюдок". В волнении я даже не понимал, что два человека, которые присоединились к драке, не были друзьями рокера, это были полицейские, работавшие под прикрытием. Они семь раз саданули меня по лицу дубинками, сломав мне одну скулу и поставив синяк под глазом. Затем они надели на меня наручники и бросили в полицейскую машину. С заднего сидения я видел, как Винс убегал, словно расфуфыренный трусишка (glam chicken), вероятно, потому, что совсем недавно, за несколько недель до этого, он был арестован в «Трубадуре» за избиение девчонки, которой не понравилось обмундирование морской пехоты США, в которую он был одет.

"Гребаный панк", - орал на меня большой полицейский. "Избиение полицейского. Ты понимаешь, что ты делаешь?"

Автомобиль с визгом остановился в начале переулка. Он схватил меня одной рукой сразу за оба локтя, вытащил из машины и бросил на землю. Затем он и его напарник принялись бить меня ногами в живот и по лицу. Всякий раз, когда я поворачивался на живот, чтобы попытаться защитить себя от ударов, они переворачивали меня снова таким образом, чтобы бить по самым уязвимым местам.

Той ночью я оказался в тюрьме весь в крови, со смазанной косметикой и сломанными ногтями. Мне вменяли нападение на полицейского с применением смертоносного оружия. Я провёл там две ночи с полицейскими, которые угрожали засадить меня

на пять лет без права на досрочное освобождение. (Полиция, однако, не перестала давить на обвиняемых, не смотря на недавно разразившийся скандал, когда множество людей обвинили полицейских в преследованиях и избиениях на Сансет Стрип.)

Лита заложила свой прекрасный «Firebird Trans Am» (спортивная модель автомобиля фирмы «Понтиак») за тысячу долларов, чтобы внести за меня залог. Мы шли три мили от тюрьмы обратно к Пёстрому Дому, чтобы встретиться с группой, которая зависала той ночью в «Виски». Позднее, под грохот, издаваемый подругой Томми Бульвинклем, крушащей всё ценное, что было у нас в доме, я вытащил желтую тетрадку в линейку и выразил весь свой гнев:

Сверкающий бой
Слышен лязг стальных поясов
Нечестивые наслаждаются снова
Уличным кровавым наваждением

Я слышал, как воют сирены
Моя кровь холодела в венах
Видишь, как багровеют мои глаза
Тебе конец, ты заражён моей болезнью.

(A starspangled fight
Heard a steel-belted scream
Sinners in delight
Another sidewalk's bloody dream

I heard the sirens whine
My blood turned to freeze
See the red in my eyes
Finished with you, you'll make my disease.)

Нет, последняя строчка никуда не годилась. Только я её вычеркнул, как дверь моей комнаты слетела с петель и на пол рухнул Томми, на голове у него была открытая рана, над ним, словно раз'ярённый лось, возвышалась Бульвинкль.

"Твоя кровь заливает мой путь" ("Your blood's coming my way") набросал я чуть ниже.

Лучше, но не идеально.

Следующим утром судебный пристав доставил мне уведомление о выселении. Мы жили в доме девять месяцев,

постоянное питье, драки, траханье, репетиции и тусовки, мы все были больны и измучены. Нам было нужно немного материнской заботы. Поэтому я переехал с Литой на Колдуотер Кеньон (Coldwater Canyon) в Северном Голливуде. Винс двинул на квартиру к Бет. А Томми поселился у Бульвинкля. Я не знаю, где был Мик: возможно, мы оставили его висеть вниз головой в одном из наших чуланов. Мы даже не потрудились проверить.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: “КРИК НА ДЬЯВОЛА”

Глава первая

ТОМ ЗУТОТ[2]

«СОТРУДНИК ОТДЕЛА ПРОДАЖ «ЭЛЕКТРА РЕКОРДС» («ELEKTRA RECORDS») ВВЯЗЫВАЕТСЯ В АВАНТЮРУ, ГДЕ ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЕ, ЧТО ГРУППА С САМОЙ ДУРНОЙ СЛАВОЙ ИМЕЕТ МЕНЕДЖЕРА С ЕЩЁ БОЛЕЕ СОМНИТЕЛЬНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ»

Я думаю, единственное, что всегда вело меня по жизни, это моя одержимость. В достижении своих целей я всегда выбирал свой собственный путь, не оглядываясь ни на кого. Точно также, когда, учась в школе, я был ди-джеем школьной радиостанции в Парк Форест, штат Иллинойс (Park Forest, Illinois), я услышал о радио-конференции в университете Лойола (Loyola University) и записался на неё. Именно там я обнаружил, что могу получать записи бесплатно. Наша школьная радиостанция работала в течение многих лет, и за всё это время никому даже в голову не пришло, что покупать альбомы вовсе не обязательно.

Моей первой работой после школы была работа в департаменте писем «Chicago WEA» (звукозаписывающий лейбл) в отделе по распространению — место, которое я получил только потому, что впечатлил кого-то на лейбле тем, как вымаливал по телефону предоставить мне бесплатные записи «Cars». В конечном счете, та же самая страсть привёла меня в Лос-Анджелес, где я работал помощником в отделе продаж «Электра Рекордс», которая тогда занималась такими исполнителями, как Джексон Браун (Jackson Browne), «Queen», «The Eagles», Линда Ронстадт (Linda Ronstadt) и «Twennynine» с Ленни Уайтом (Lenny White).

Я думаю, что не будь я предприимчивым, я никогда бы не потащился в ту ночь четверга на Сансет Стрип. Это было ранним вечером, я шёл по Сансет в надежде перекусить в кафе под названием «Ben Frank’s», которое всегда было битком набито молодыми рокерами, обсуживаемыми семидесятилетними официантками, которые работали там, наверное, со времён Ланы Тёрнер (Lana Turner — голливудская актриса 40-50-ых годов), когда я заметил, как сотни подростков пытаются пройти на концерт в «Виски». Я взглянул на афишу, чтобы узнать из-за чего такой сыр-бор, там было написано: “Motley Crue. Билетов нет”. Те же страсть и одержимость, которые привели меня в Лойола, потащили меня туда, в то время как в животе у меня урчало от голода. В витрине магазина звукозаписи на углу, «Ликерис

Пицца» («Licorice Pizza»), я увидел огромный плакат с изображением четырех расфуфыренных, облачённых в кожу, гермафродитов, отщепившихся от «New York Dolls». Я также заметил, что они выпустили альбом на их собственном лейбле «Leathur». Для группы, у которой даже не было контракта, создавать такую истерию в «Виски» было большой редкостью. Я должен был на их видеть.

Я подошёл к входной двери, вытащил свою визитную карточку «Электры» и обманул их, сказав, что я сотрудник «A&R» на лейбле («Artists and Repertoire» — подразделение, ответственное за поиск и заключение контрактов с новыми исполнителями). Я всегда пытался заставить лейбл подписывать группы, которые мне нравились, но они никогда меня не слушали. Я приносил им “I Love Rock and Roll”, Джоан Джетт (Joan Jett), которую я нашел на второй стороне европейского сингла; “Tainted Love”, «Софт Сэл» («Soft Cell» — дуэт, в котором начинал Марк Элмонд); «The Human League»; и даже «Go-Go’s». И всё это они пропустили мимо ушей. Я был слишком застенчив, чтобы попрекать их этим, хотя… Я был счастлив уже тем, что в свои двадцать лет уже работал на звукозаписывающем лейбле в Лос-Анджелесе.

В клубе — клуб забит до отказа — неистовствовали пятьсот подростков под этих «Motley Crue». А они выглядели восхитительно. Никки был настолько интенсивен, складывалось впечатление, что, если бы он не играл басу, то непременно убивал бы кого-нибудь на улицах. Он бил по струнам с такой силой, что кожа лопалась на его пальцах. Глядя на него, комок подступал к горлу — кровь летела от его пальцев, как будто это были не струны, а лезвия.

Винс выглядел лучше всех остальных и был самым харизматичным певцом, которого я когда-либо видел: женские ноги раздвигались только лишь от одного его вида на сцене. Он был полной противоположностью гитариста, который был похож на одно из перевоплощений Сатаны, хотя он, как оказалось, был самым славным из всей группы (когда не пил). Томми напоминал перевозбуждённого подростка, но в то же самое время складывалось впечатление, что он единственный настоящий музыкант в группе. Он был высококлассным барабанщиком, хорошим шоуменом и постоянно находился в движении. Он напоминал стержень, который скрепляет все это вместе.

После шоу, я нашел их менеджера и сказал ему, что хотел бы привести группу на встречу в «Электру». К моему удивлению, он совершенно не обратил на меня никакого внимания. Вместо этого он сказал мне, чтобы я связался с «Гринуорлд» («Greenworld»),

маленьким местным дистрибьютором, который занимался продажей их альбома. По совпадению в городе проводилась выставка музыкальной торговли, и у «Гринуорлд» там был свой киоск. Я поговорил с человеком по имени Аллен Нивен (Allen Niven), который отослал меня обратно к странному менеджеру группы, чрезвычайно серьезному строительному подрядчику по имени Аллан Коффман.

Прежде, чем всерьёз взяться за «Motley Crue», я хотел удостовериться, не переступаю ли я свои границы в «Электре». Я спросил «A&R» отдел, могу ли я подписать группу, и они рассмеялись мне в лицо. Но я был настойчив. Я собрал все письма от «A&R» отдела, в которых они отклоняли группы, которые я приносил им, и которые впоследствии выпустили свои хиты на других лейблах. По настоянию моего босса отдела продаж, я представил письма Джо Смиту (Joe Smith), председателю «Электры», который, к моему удивлению, обратил на это внимание. “Хорошо, умница-парень”, - сказал он мне. “Ты думаешь, что сможешь это сделать? Прекрасно. Тогда давай подписывать эту группу, и посмотрим, насколько ты хорош в деле”.

Я был посмешищем всего Голливуда из-за того, что начал обхаживать этих парней. Музыкой, которая была популярна в то время, была британская новая волна — «Haircut 100», «A Flock of Seagulls», «Dexy’s Midnight Runners». Подростки-хиппи слушали Элвиса Костэлло (Elvis Costello), «Clash» и другие группы, находившиеся на заключительном этапе движения панка. Все продолжали смеяться надо мной, т. к. я пытался подписать металлическую группу. Они подходили ко мне на работе и говорили, “Что это ты задумал? Это не будут крутить по радио. Ты не можешь повторно изобрести «Kiss»”. Но я верил в «Motley Crue», потому что та толпа в «Виски» верила в «Motley Crue». Вам не нужны уши, чтобы быть искателем талантов; вам нужны глаза.

Так, на своё крошечное жалование помощника отдела продаж, я начал угощать «Crue» на широкую ногу, которые, я думаю, только и приходили ради того, чтобы поесть нахаляву. В течение каждого обеда, Томми безумно суетился — точно так же, как и на сцене, он всё ещё не умел держать себя в руках; Мик с каждым выпитым стаканом становился всё более демоническим, пока ему не начинали мерещиться лиловые человечки за соседними столиками; а Винс обычно трахал официантку в уборной. Никки был единственным, кто относился к встречам серьезно: в голове он планировал каждый шаг для будущего группы. Он знал, что подростки были помешаны на новой волне, что они были озлоблены на продажный панк, и что им до смерти

надоели «Fleetwood Mac», «Foreigner», и попса, которую крутят по радио. Он хотел расширить ту аудиторию из пятисот подростков в «Виски» до масштабов национальной революции рок-н-ролла, которую «Motley Crue» собирались совершить. И он это сделал. Но не без тяжёлой борьбы.

Когда мы были, наконец, готовы подписать контракт, внезапно на горизонте появились «Вёджин» («Virgin Records» — компания звукозаписи). Они встретились с группой и принесли портфель, полностью набитый десятью тысячами долларов наличными, чтобы помахать им перед их голодными физиономиями. «Вёджин» тогда не имела ни лейбла, ни дистрибьютора в Америке. Они работали из Англии, и теперь пытались совратить «Motley Crue», говоря им, что они могли бы подобно «Beatles», «Rolling Stones» и «Led Zeppelin» ворваться в Америку, став популярными сначала в Англии. Я думаю, что это было весьма романтичное предложение для группы, а также соблазнительный наличный аванс размером в десять тысяч долларов, хотя на самом деле сделка стоила всех ста тысяч.

В конце концов, не смотря на то, что «Вёджин» предложили примерно двадцать пять тысяч долларов, больше чем мы, группа решила, что для лос-анджелесской рок-группы будет более разумно подписать контракт с лос-анджелесским рок-лейблом (никто из нас не знал, что «Электра» скоро переведёт свои офисы на Манхэттан [Manhattan]). После того, как мы согласовали наши заключительные пункты и согласились подписать контракт, Коффман, группа, некоторые из штатных сотрудников «Электры» и я решили отпраздновать это событие в «Каса Кугатс» («Casa Cugats») — мексиканском ресторане, принадлежащем королю румбы Хавьеру Кугату (Xavier Cugat). «Motley Crue» не требовалось много, чтобы начать вечеринку, так что ребята довольно быстро наклюкались.

Странно, я ожидал сумасшедших проделок от группы, но никак не от их встревоженного менеджера. Однако он так опьянел, что под конец начал говорить по-вьетнамски, как будто он снова был солдатом морской пехоты. Он был убежден, что за столиками прятались желтолицые, а на кухне располагался склад с боеприпасами. Он хлопнул ещё одну рюмку, а затем убежал в уборную.

Когда прошло нескольких минут, а он так и не появился, Мик попросил меня сходить посмотреть, всё ли с ним в порядке. Я всегда думал о Коффмане как о порядочном парне, который служил сиделкой для этой необузданной группы, поэтому для меня было ударом, когда я застал его за процессом выдирания телефона-автомата из стены уборной. Я вытащил его оттуда и

попросил кого-то из отдела прессы «Электры» проследить за группой и оплатить счет, а сам повёз Коффмана домой в своей потрепанной служебной машине.

Пока мы ехали на север по Ла Сьенэга (La Cienega Boulevard), он пытался оторвать ручку от двери автомобиля. Как только мы добрались до развилки на Санта Моника (Santa Monica Boulevard), он открыл дверь и выкатился из машины на середину перекрёстка. Я оглянулся назад и увидел его на середине проезжей части, ползающим на животе подобно солдату с винтовкой. Автомобили с сигналами и руганью пролетали мимо него, и было только делом нескольких секунд прежде, чем кто-нибудь раздавит его на месте. Я остановился, выскочил из машины, подбежал и схватил его. Он начал меня бить и гневно ругаться, ему казалось, что я был северо-вьетнамским солдатом, который пытается захватить его в плен. Я действительно думаю, что он мог бы меня убить, но каким-то неимоверным усилием я сумел вернуть его в автомобиль и привезти в его гостиничный номер.

Ко времени, когда я вернулся в ресторан, вечеринка продолжалась уже в другом месте. Неделю спустя, наконец, подписи в контракте были поставлены, и группа настаивала на том, чтобы лейбл оплатил ещё одну вечеринку. Так что мы сели в наши служебные машины и повезли их в ресторан «Бениана» («Benihana») на Ла Сьенэга. Всё началось как очень чинный обед, с поваром, который демонстрировал нам свои трюки с ножом. Группа кое-что ела и много пила. Винс, конечно, пил больше всех. Я заметил, что его стакан с «Маргаритой» был отколот, поэтому он заказал себе другой. Когда я посмотрел на него снова, новый стакан тоже оказался разбит, и он снова настаивал на замене. Озадаченная официантка принесла ему еще один напиток и тщательно проверила стакан, чтобы удостовериться, что на нём не было никаких сколов и трещин. Как только она ушла, Винс засунул стакан себе в рот и зубами откусил край стекла. “Этот парень точно чокнутый”, - подумал я. “Он легко мог порезать себе язык или разорвать губы в клочья”.

Винс встал, подозвал официантку и обвинил ее в том, что она нарочно приносит ему разбитые стаканы. Она искренне поклялась, что, когда принесла ему стакан, он был цел. Затем она обратилась ко мне за раз’яснением. Я не хотел неприятностей ни для неё, ни для Винса: “Возможно, посудомоечная машина неисправна”, - вяло предположил я.

Тогда она принесла ему ещё одну «Маргариту» и вместе с менеджером отошла в угол, чтобы понаблюдать за Винсом. Не подозревая, что за ним шпионят, Винс снова откусил край

стакана. Тут же к нам подскочил менеджер и попытался вышибить нас из ресторана, в то время как официантка вызывала полицию. Я быстро оплатил счёт и прервал вечеринку.

Большинство вечеров с ними были похожи на этот: либо что-нибудь ломали, либо кто-нибудь напивался до отключки. С ними никогда не было легко. Глава «A&R» отдела в «Электре», Кенни Баттис (Kenny Buttice), был раз'ярён, узнав, что я перешагнул через его голову и получил разрешение от Джо Смита на подпись контракта с группой. Поэтому он сделал все, что было в его силах, чтобы осложнить мне жизнь. Первоначально мы просто собирались повторно выпустить альбом «Too Fast for Love», который они записали самостоятельно, но Баттис убедил лейбл, что качество звука недотягивает до радийных стандартов и единственный выход это заново микшировать альбом.

Я был против этого, и группа тоже нервничала, но если пересведение было необходимым условием для того, чтобы сделать группу приоритетом в «Электре», мы должны были подчиниться. Когда они выбрали Роя Томаса Бэйкера (Roy Thomas Baker), чтобы переделать запись, я фактически обмочил свои штаны. Я, в свои двадцать лет, познакомился с эксцентричным британским диссидентом, который продюсировал «Queen», «Foreigner», «The Cars», «Journey» и многие другие удивительные записи. И хотя его сведение на последней минуте (last-minute mixing), фазирование (phasing) и другие хитрости убрали часть сырого обаяния оригинального звучания альбома «Motley», я многое узнал, наблюдая за тем, как он работает, и слушая его рассказы. После того, как группа проводила целый день в студии, он обычно приглашал их к себе домой, где они нюхали кокаин с его прозрачного рояля, в то время как он рассказывал им о времени, когда Фредди Меркьюри (Freddie Mercury) писал "Богемную Рапсодию" ("Bohemian Rhapsody"), сидя за этим самым роялем и получая при этом минет.

RTB (Ар-Ти-Би), как мы его называли, был человеком, который очень любил устраивать шикарные вечеринки. С ночи четверга до понедельника в его доме был бесконечный парад интересных людей, красивых женщин, изысканной выпивки и многого другого. Это был совершеннейший продюсерский притон на холмах Сансет Драйв (Sunset Drive), от пульта управления на его кровати до ковров с высоким ворсом на полу. Это был предел наслаждений: двадцать голых людей купающихся в джакузи, пища, поедаемая с женских тел и ещё много того, о чём вы, я или Калигула (Caligula) могли только мечтать. «Motley Crue» и RTB были идеальной партией.

Там я всегда чувствовал себя смущённым, словно подросток

из Чикаго, который каким-то образом оказался в этом очаровательном кино, где я встретил всех моих любимых рок-звёзд — Элтона Джона (Elton John), Рода Стюарта (Rod Stewart), парней из «Queen», «Journey» и «Cheap Trick». Некоторые вечеринки были настолько угарными, что RTB нажимал все свои кнопки на пульте и запирал всех в доме. Поэтому, если кто-нибудь из гостей хотел уехать, он должен был получить на это разрешение охраны, которая должна была удостовериться, что он не слишком пьян, чтобы сесть за руль. RTB был разумным парнем. Он знал, что, если он хочет и дальше проводить время подобным образом, то должен минимизировать возможность возникновения несчастных случаев, за которые он будет считаться ответственным. Контролируя, таким образом, состояние гостей своего дома, он, скорее всего, спас не одну жизнь.

Когда мы заканчивали пересведение «Too Fast for Love», Коффман ни с того ни с сего решил послать группу в тур по Канаде, даже притом, что ещё не было никакого альбома, в поддержку которого можно было бы устраивать тур. Мы возразили и сказали ему, что это не имеет смысла, но Коффман был непреклонен.

Мы никогда не понимали, почему Коффман заставил группу совершить поездку по Канаде, пока правда не всплыла позже во время судебного процесса: он продал часть своей доли в группе парню из Мичигана по имени Билл Ларсон (Bill Larson), который вложил все сбережения своих родителей — приблизительно двадцать пять тысяч долларов — чтобы владеть пятью процентами акций корпорации «Motley Crue». Таким образом, Коффман, чтобы собрать побольше денег, должен был послать группу в тур на север. Поэтому группа прибыла в Канаду, чтобы предпринять печальную и бедственную поездку с коменеджером, которого они прежде никогда даже не видели и ничего о нём не знали. Были угрозы взрывов, проблемы на границе, кулачные драки, обдолбанные хоккеисты, сломанные кости (по большей части у Коффмана) и полицейские, оцеплявшие сцену на некоторых выступлениях, чтобы публика не убила группу.

Вскоре после этого Коффман исчез, прихватив с собой весь аванс «Электры» и деньги бедного мичиганского парня. Возможно, он сбежал, потому что группа начала задавать слишком много вопросов о том, куда уходили все их деньги — деньги, которые, как он, вероятно, считал, причитались ему после того, как он закладывал свой дом три раза, чтобы заплатить за все эти арендованные автомобили и гостиничные номера, и за бог-знает-что-ещё, что группа успела натворить. В конечном счете, человеком, который пострадал больше всего, оказался Билл

Ларсон, отец которого умер от сердечного приступа из-за перенесённого потрясения. Ларсон пред'явил иск, хотя не было никакой надежды на то, что повестка в суд будет когда-нибудь вручена Коффману. Единственное, что я слышал, жена Коффмана развелась с ним, его дети перестали с ним общаться, а сам он стал набожным христианином.

КОГДА "ЭЛЕКТРА" ВЫПУСТИЛА «Too Fast for Love», это было какое-то бедствие. Приоритетом для лейбла в то время была австралийская группа под названием «Cold Chisel», и все в отделе продвижения (promotions department) были поглощены созданием их очередной большой вещи. Так случилось, что во время селекторного совещания я услышал, как один региональный промоутер сказал главе департамента по радиовещанию (radio department), "Слушайте, у меня есть радиостанция в Денвере (Denver) и ещё одна — в Колорадо-Спрингс (Colorado Springs), которые крутят только «Motley Crue». Их не интересуют «Cold Chisel», но я пытаюсь их убедить".

"Мне насрать на «Motley Crue»", - вопил в ответ глава радиоотдела. "Они — не приоритет. Я не желаю о них слышать. Скажите этим ребятам, что, если они ещё раз дадут в эфир «Motley Crue», то пускай лучше трахнут себя сами".

Когда я это услышал, я пришёл в ярость. Было и без того скверно, что лейбл не помогал «Motley Crue», но сейчас они фактически пытались им навредить. Поэтому я насвистел об этом Джо Смиту. Из-за этого инцидента и ещё нескольких подобных вещей, глава отдела продвижения был уволен. Примерно в то же самое время на лейбл пришёл Том Верман (Tom Werman) в качестве нового главы «A&R». Верман продюсировал первый альбом Тэда Нюджента (Ted Nugent) и часть лучшей музыки «Cheap Trick», и он настолько был заинтересован в «Motley Crue», что настаивал на создании их следующего альбома. Он и Никки очень соответствовали друг другу: Никки играл роль плохого парня, но в то же самое время он придавал огромное значение популярности и хотел, чтобы его музыка перешла в разряд основных тенденций в рок-музыке, что, собственно, и пытался делать Верман с группами, которые он продюсировал.

Несмотря на все усилия отдела продвижения саботировать альбом, по какой-то таинственной причине «Too Fast for Love» разошёлся более чем стотысячным тиражом, вопреки предсказаниям полного провала. Я не знал, что делать, потому что у группы был контракт с главным лейблом, она продала приличное количество дисков, могла полностью распродать любой клуб в Лос-Анджелесе, о них уже шла молва в

определённых кругах и, к тому же, они начинали писать материал для своего второй альбом, но у них по-прежнему не было никакого менеджера, и все они были разбиты и голодны. Я старался лучше заботиться о них.

Когда мне было шестнадцать лет, Лита Форд был девочкой, о которой я мечтал: абсолютная рок-лисица («fox» означает ещё — «симпатичная девушка»). Плакатами «Runaways» была обклеена вся моя спальня в доме моих родителей. Теперь, всего пять лет спустя, я привёл на фирму «Motley Crue», а Никки Сикс жил с одной из «Runaways». И я не просто болтался с ними, я давал им продовольствие и деньги. Я заглядывал в дом Никки и Литы, когда мог и приносил им: мороженое «Haagen-Dazs» или сэндвич «Subway». Люди постоянно твердили, что эта парочка живёт, как кошка с собакой, но им всегда было весело вместе. С течением времени, и их дом становился всё более жутким. Однажды, я заскочил к ним и увидел «Некрономикон» («Necronomicon»), книгу заклинаний черной магии, лежавшую на столе. Никки всё глубже углублялся в сатанинский материал и хотел назвать альбом «Крик с дьяволом» («Shout with the Devil»). Это не понравилось бы лейблу, и это не нравилось мне. Я знал, что отдел продвижения будет использовать это название в качестве оправдания, чтобы полностью игнорировать альбом.

Однажды ночью я пришёл к ним, чтобы переговорить с Никки об изменении названия. Когда я вошел, он и Лита, сидели на диване, прижавшись друг к другу. “По-моему, у меня едет крыша”, - сказал Лита. “В этой квартире происходит что-то сверх’естественное”.

“Что ты имеешь ввиду?”, - спросил я, глядя вокруг на недавно нарисованные пентаграммы и готические картинки, которые Никки намалевал на стенах и на полу.

“Просто, происходит что-то невероятное”, - сказала она. “Двери комнат сами открываться и закрываться, слышатся странные звуки, а вещи летают по всей квартире безо всякой на то причины”.

“Слушай, Никки”, - сказал я. “Ты должен прекратить дурачиться со всем этим сатанинским дерьмом и черной магией. Это мощный материал, и если ты не знаешь, что ты делаешь с собой, то хотя бы не делай глупостей в отношении альбома”.

Но Никки не обратил внимания на мою пылкую речь. “Это ничто”, - сказал он. “Это всего лишь выглядит круто. Это — бессмысленные символы и вообще дерьмо. Я просто делаю это, чтобы побесить людей. Это всё чушь, будто я поклоняюсь Сатане или что-нибудь в этом роде”.

Я знал, что я не мог заставить его передумать, поэтому уехал.

Когда я возвратился две ночи спустя, вилки и ножи торчали в стенах и в потолке, а Никки и Лита выглядели куда более бледными и больными, чем обычно.

“Что, черт возьми, парни, вы с собой сделали?”, - спросил я.

“Мы ничего не делаем, мужик”, - сказала Лита. “Я пыталась тебе сказать: просто, всякий хлам летает здесь сам по себе”. Как только она это сказала, как вдруг, и я клянусь Богом, я увидел своими собственными глазами, как нож с вилкой поднялись со стола и вонзились в потолок прямо над моей головой. Я встревожено посмотрел на Никки. “Больше никакого «Крика с дьяволом», если ты продолжишь кричать с дьяволом, ты себя убьёшь”.

Хотите — верьте, хотите — нет, но я действительно полагаю, что Никки бессознательно выпустил наружу очень опасное зло, которым сам уже не мог управлять, поэтому он был на грани причинения серьезного вреда самому себе. Никки, должно быть, понял то же самое, потому что он самостоятельно решил изменить название альбома на «Крик на дьявола» («Shout at the Devil»). До сих пор тот случай остается одной из самых загадочных вещей, которые я когда-либо видел в своей жизни.

К счастью, вскоре я встретил антрепренера по имени Дуг Талер (Doug Thaler), а он знал парня, Дока МакГи (Doc McGhee), у которого было много денег, и который хотел заняться менеджментом. Док был очаровательным низеньким парнем, который умел говорить правильные вещи. “Мы сделаем «Motley Crue» самой великой рок-н-ролл-группой в мире”, - сказал он. “И даже если «Электра» не даст на это денег, это сделаю я”.

Казалось, всё складывается превосходно: «Motley Crue» теперь имели деньги, у них был парень по имени Барри Левайн (Barry Levine), помогавший им с их имиджем, и они стали приоритетом компании. Благодаря искусным махинациям Дока, его богатой фантазии и щедрым подношениям, Никки, наконец, находился на рубеже перехода от восстания в «Виски» к революции на стадионах. Но, конечно, ничто не происходит для этих парней без борьбы.

Проснувшись несколько недель спустя, я узнать, что Джо Смит был уволен, и компанией управлял теперь парень по имени Боб Красноу (Bob Krasnow). Он уволил Тома Вермана и заменил его Роем Томасом Бэйкром, что было просто превосходно, потому что теперь было даже больше причин ходить на вечеринки к RTB, а Верман все еще хотел продюсировать альбом. Но как только мы были готовы приступить к записи, Красноу прилетел в Лос-Анджелес и вызвал Вермана и меня к себе на встречу.

“Рок-н-ролла не будет”, - сказал он нам. “Я решил, что не

хочу видеть никаких рок-групп на лейбле. Я не взял бы даже Оззи Осборна (Ozzy Osbourne), если бы вы принесли мне его бесплатно на серебряном блюде".

"Почему Вы увольняете группу, которая продает много альбомов? Это, по меньшей мере, неразумно, Боб!"

"Это — «Электра Рекордс», Том", - сказал он. "У нас есть традиции прекрасных и талантливых артистов, таких как Линда Ронстадт (Linda Ronstadt), «Doors» и Джексон Браун (Jackson Browne). Я не в цирковом бизнесе. И я не дам им ни пенни".

"Их менеджеры желают сами заботиться о продвижении группы и затратах на тур".

"Слушайте", - сказал он. "Группа просто ужасна. Я видел их видео, и оно меня сильно смущает. У меня была плёнка с «MTV»".

"Как?! Но мы только что запланировали тур для группы вместе с «Kiss». Вы не можете этого сделать".

"Я слышал об этом, и я отменил даты".

Я позвал Дуга Талера и Дока МакГи, чтобы они встретились с Красноу, и он сказал им то же самое. Тогда они спросили его, что необходимо сделать, чтобы освободить «Motley Crue» от их обязательств перед «Электрой».

"Вот, что я вам скажу", - смягчился Красноу. "Вы делаете лучшую запись, на которую только способны. Не волнуйтесь о деньгах, но и держите бюджет в разумных пределах. Я не буду обещать вам, что я его выпущу, но я обещаю, что помогу вам сделать это где-нибудь еще".

Если бы их уволили тогда и они потеряли бы импульс своего роста, то это, вероятно, был бы конец «Motley Crue». Но, к счастью, случилось нечто, что заставило Боба передумать. И этим «нечто» стал Американский Фестиваль (US Festival). Меньше, чем через год, Красноу в бандане с надписью «Motley Crue» в Мэдисон Сквер Гарден (Madison Square Garden) будет вручать группе награды за золотые и платиновые продажи альбома.

Глава вторая

ВИНС

«ДЕНЬ ПУБЛИЧНОГО ТРИУМФА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ВЗАИМНЫМИ ОБВИНЕНИЯМИ, ПОСКОЛЬКУ НАШ ГЕРОЙ ПОДДАЁТСЯ СВОИМ ОСНОВНЫМ ИНСТИНКТАМ, О ЧЁМ НЕ СЛЕДОВАЛО БЫ РАССКАЗЫВАТЬ ВО ВСЕХ ВОЗБУЖДАЮЩИХ ПОДРОБНОСТЯХ В ЭТОМ КРАТКОМ ОТЧЁТЕ ИЗ ОПАСЕНИЯ РАЗВРАТИТЬ САМЫХ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ»

Это был день, когда новая волна умерла, а рок-н-ролл взял власть в свои руки: 29 мая 1983 года. День второй трехдневного Американского Фестиваля (US Festival).

Кружась в вертолете над сотнями тысяч подростков — первый вертолет, на котором мы когда-либо летали — нам казалось, будто вся клубная сцена с Сансет Стрип на эти две ночи пятницы и субботы переместилась на поле, где в этот душный, жаркий весенний день яблоку было негде упасть. Ozzy Osbourne, «Judas Priest», «Scorpions» и «Van Halen» выступали перед тремястами тысячами подростков. И мы в том числе.

В каждом городе Америки, должно быть, есть свой собственный аналог Сансет Стрип. Это больше не было андеграундом. Это было массовое движение, и все мы встретились, наконец, чтобы нанести на карту новое государство. Смотря на все это с вертолета, с бутылкой «Джека» в левой руке, мешком пилюль — в правой, и блондинистой головой, подпрыгивающей вверх и вниз между моих коленей, я почувствовал себя королём Мира. Это ощущение длилось примерно секунду. Затем мне стало очень страшно.

У нас был всего один альбом, и он только что застрял в чартах на строчке номер 157. Большинство этих подростков, вероятно, даже не знало нас. Они простояли на жаре весь день, и, возможно, будут ненавидеть нас, потому что с нетерпением ждут Оззи и «Van Halen».

Я сделал ещё один большой глоток «Джека», мы приземлились и встретили наших новых менеджеров, Дока МакГи, который, по сути, был наркодилером с хорошей деловой хваткой, и Дуга Талера, его подхалима. Там был и парень, который подписал нас на «Электру», Том Зутот, со своей подругой, удивительно горячей цыпочкой. Надо сказать, что Тому везло с женщинами. Я пошел в раздевалку, чтобы нанести грим и

одеться, а заодно поинтересоваться, мог ли я чем-нибудь помочь очереди девочек и репортеров, ждущих снаружи. После того, как прошло всего несколько минут, раздался ужасный удар в дверь.

“Ты должен был быть на сцене ещё десять минут назад”, - вопил Док. “Пошёл вон отсюда, мать твою”.

С того момента мы играли “Shout at the Devil”, я знал, что мы так решили. У меня не было никаких причин для волнения. Эти люди никогда не слышали песню прежде: мы ведь только начали делать запись альбома. Но к концу песни они уже пели, опережая нас и поднимая в воздух свои кулаки. Я взглянул на толпу — с каждым словом, которое я пел, с каждым звуком гитары Мика, толпа колыхалась в ответ. В тот момент я понял, почему у рок-звёзд такое высокое самомнение: со сцены Мир кажется всего лишь безликой, однородной, послушной массой, простирающейся, насколько только может видеть глаз.

Мик покинул сцену первым и пошел назад к трейлеру, который служил нам раздевалкой. Внутри его ждала его подруга, которую мы звали Вещь (The Thing — также персонаж «Семейки Адамсов» — бегающая рука, если помните), большая противная брюнетка, у которой рукава вечно были закатаны выше локтя. Как только он вошёл в дверь, отыграв самый великий концерт в своей жизни, она наотмашь ударила его кулаком прямо в лицо безо всяких объяснений. (Помнится, в Манхэттен Бич (Manhattan Beach), она иногда напивалась, била его, а потом выгоняла из дома, после чего он звонил Никки или мне и отчаянно просил нас забрать его с его собственного порога).

После этого, как в тумане, были алкоголь, наркотики, интервью и тёлки. Помнится, заходя за кулисы, я увидел подругу Тома Зутота, которая разделась до леопардового купальника, потому что снаружи было очень жарко. Я схватил ее, прижал мое потное лицо к ее лицу и засунул свой язык прямо ей в горло. Она прижала своё тело к моему и укусила меня за губу.

Я привёл ее в трейлер — пройдя мимо Мика, который сидел на ступеньках, держась руками за голову — и зарылся лицом в её титьки. Именно в этот момент раздался стук в дверь, и писклявый голос сказал, “Эй, это Том. Я могу войти? ”

“Что тебе нужно? “, — спросил я, беспокоясь, что он меня видел.

“Я просто хотел сказать, что вы были и-и-изумительны. Это было лучшее ваше шоу, которое я когда-либо видел”.

“Спасибо, чувак”, - сказал я. “Слушай, я буду через минуту. Просто мне нужно немного остыть”.

Затем я сорвал купальник с его подруги и хорошенько её оттрахал, пока он ждал снаружи.

Никки покраснел, когда я рассказал ему, что я сделал. “Ты, гребаный козёл! “, — закричал он. “Ты что, не можешь держать свой член при себе? Этот чувак подписал нас. Если он узнает, он может разозлиться на нас, а это серьезно повредит нашему новому альбому”.

“Сожалею”, - ответил я. “Но это, если только он узнает”.

Глава третья

ТОМ ЗУТОТ

«О ДЕЛИКАТНОМ ВОПРОСЕ, ЗАТРОНУТОМ ВО ВРЕМЯ КРАТКОГО ИНТЕРВЬЮ С ТОМОМ ЗУТОТОМ, НЕВИННЫМ И ИСПОЛНЕННЫМ БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ ПОКРОВИТЕЛЕМ»

Расскажи мне об Американском Фестивале.

Я просто помню эту возбуждённую чудовищную толпу и, что группа получила немалые деньги от какого-то парня из «Apple» за то, что играла этот концерт перед всеми этими людьми.

Ты помнишь еще что-нибудь примечательное о том дне?

Ну, это было что-то сверхъестественное — наблюдать со стороны то, как они играют средь бела дня.

Ты пришёл на фестиваль не один?

Я пришёл с Доком [МакГи] и Дугом [Талером].

Кто-нибудь еще был с тобой?

Да, со мной была моя подруга.

Что-нибудь странное произошло с твоей подругой в тот день?

Нет, по крайней мере, я этого не припомню.

Просто Винс сказал, что он переспал с нею.

Он спал с моей подругой?!?

Он сам сказал мне об этом.

Нет, должно быть, это была не она.

Он сказал, что она была одета в леопардовый купальник.

Хорошо, значит это была другая девушка. Вряд ли девушка, которая действительно что-то значила бы для меня, носила бы леопардовый купальник. Наверное, это была какая-нибудь девица, которая увивалась возле меня в тот день. Никки, вероятно, волновался из-за этого все эти годы, но она ничего для меня не значила.

Это был Винс, а не Никки.

Это был Винс? Ну, у Винса всегда был нескончаемый поток

девочек. Он мог оприходовать десяток девочек перед выступлением и десяток после. Глядя на него, всё время думаешь, “Мужик, откуда он берёт столько сил?” Он никогда не мог остановиться. Я был поражен, когда узнал, что у него есть постоянная подруга. Когда она была рядом с ним, было похоже, что они муж и жена, но через минуту, когда она отворачивалась, он уже трахал кого-то ещё. Я не удивлен. Я думаю, если попытаться припомнить, это была девушка, которую я обычно, время от времени, вытаскивал на некоторые выступления, чтобы хорошо провести время, и может быть это была она. Ее звали Аманда (Amanda), кажется, она была из Сан-Диего (San Diego). Это было ещё до того, как я встретил подругу, о которой подумал сначала. Если подумать, то я припоминаю, что она носила что-то обтягивающее из материала расцветки в виде шкуры леопарда.

Ты расстроился?

Если бы это был кто-то, кто для меня важен, я не взял бы её на рок-шоу подобное этому. Я определенно не оставил бы никого в трейлере с любым из членом «Motley Crue».

Был ещё один раз, когда у меня была другая подруга, которую Никки откровенно трахнутый. Она была тусовочной девчонкой, и болталась со мной за кулисами. А Никки просто взял, наклонил её и сделал это практически у меня на глазах. У неё были месячные. Это было грубо. Она даже не попыталась остановить его. Я был знаком с нею всего пару недель, и это была наша вторая или третья встреча. После этого у нас не было с ней серьёзных отношений. Но я не упрекнул Никки. Думаю, отчасти, девушки использовали меня, чтобы попасть за кулисы. Так что я полагаю, что это был довольно хороший способ узнать, кто из них чего стОит. Мне было около двадцати одного года. Я не был готов к женитьбе или серьезным отношениям. Я думаю, что Никки, по крайней мере, ничего не скрывал. Кажется, он сказал, “Эта цыпочка, которая с тобой, действительно прелесть. Ты не возражаешь, если я ее нагну?” И я сказал, “Нет, я не возражаю. У меня с ней ничего серьёзного”.

Но вот про Винса я, определённо, не знал.

Глава четвёртая

НИККИ

«ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ, НЕВЕРОЯТНЫХ И ПОДЧАС ЭКСКРЕТОРНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОШЛИ С НАШИМИ ГЕРОЯМИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ С МЕНЕСТРЕЛЕМ ОЗЗИ ОСБОРНОМ И ЕГО ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ СУПРУГОЙ ШЕРОН»

Это было начало конца — настолько далеко впоследствии зашла забава под названием: неограниченный кокаин. Томми был знаком с этими подозрительными личностями из Сими Вэлли (Simi Valley), которые заходили в «Чероки Студиос» («Cherokee Studios»), где мы записывали «Shout at the Devil», и приносили нам унции кокса. Мы могли проторчать в студии в течение трех дней, занимаясь непосредственно записью, и даже не задумывались о том, что мы работали, как проклятые. Винс развесил по стенам картинки из порно-журналов, и девочки струились в студию рекой, а выходили из неё трахнутые микрофонами в операторской, бутылками на кухне и ручками швабр в туалете, т. к. мы уже исчерпали все идеи относительно того, что с ними делать.

Рэй Манзарэк (Ray Manzarek), клавишник «Doors», работал по соседству, он заходил к нам почти каждый день, выпивал наше бухло и разочарованный уходил. Мы никогда не были большими фанатами «Doors», поэтому нас это просто бесило. Из уважения мы ничего не говорили, но мы всегда задавались вопросом: если Рэй такая скотина, то каким же тогда был Джим Моррисон (Jim Morrison)?

Позднее кокаин сделал из меня затворника и параноика. Но тогда это была всего лишь тусовочная дурь (party drug), нечто более забавное, что помимо воздуха наполняло мои ноздри. Однажды ночью Томми, его барабанный техник Спайди (Spidey) и я выпивали в подвальчике на углу рядом со студией, пытаясь снять кокаиновое похмелье. Два полицейских, сидящих поблизости, начали нас подзуживать, отпуская неоригинальные комментарии, типа: “Красивые волосы, девочки”. Затем, после того, как алкоголь подействовал, мы сунули в рот ещё немного болеутоляющего, чтобы окончательно прийти в норму, и вышли наружу к их патрульной машине. Окно было опущено, так что все мы выстроились друг за другом, по очереди помочились на сидение и ретировались. В студии Томми так торкнуло, что он

бросил кирпич в стекло операторской. Мы действительно не знали, что мы делаем, и каково это — записывать профессиональный альбом.

Следующим утром мы всё еще торчали в студии, записывая “I Will Survive”. Там был гонг, висящий на веревке над нашими головами, мы изо всей силы натянули веревку, а затем отпустили её, после чего гонг начал вращаться, издавая жуткий мерцающий звук. Пока он вращался, мы лежали на спине и пытались произнести нараспев “Иисус есть Сатана” (”Jesus is Satan”) задом наперёд, что звучало похоже на “омлет и вино” (”scrambled eggs and wine”) или что-то вроде этого. Наш звукоинженер в тот день уволился. Он сказал, что все мы одержимы нечистой силой. И, возможно, так оно и было на самом деле.

Мы экспериментировали с черной магией, читая книги заклинаний и оккультные издания, которые только могли достать. Запись молитвы “God Bless the Children of the Beast” была фактически вдохновлена вступлением к альбому «Diamond Dogs» Дэвида Боуи (David Bowie). Нам, конечно, многое могло просто привидиться, но было похоже, что мы действительно начали притягивать к себе какое-то зло.

У меня были идеи относительно альбома и тура, связанные с массовой психологией зла эпохи постфашизма и с книгами Антона ЛаВэя (Anton LaVey) по Сатанизму, который, по сути, больше являлся суб’ективной философией с отвратительным названием, нежели действующей религией. У меня были грандиозные планы создать на сцене нечто среднее между нацистским сборищем и черной церковной мессой с символикой «Motley Crue» вместо свастик повсюду. Я даже искренне верил, что Рональд Уилсон Рейган (Ronald Wilson Reagan — тогдашний президент Америки) был Антихристом, потому что в каждом из его имён было по шесть букв — 666. В Библии сказано, что у Антихриста будет голос льва, который услышат все народы. Я говорил всем, что ему выстрелят в сердце, и он исцелится быстрее, чем любой другой человек. Именно так всё и случилось. Он был дьяволом, на которого я хотел, чтобы все кричали. Я погружался в это всё сильнее. Затем, по дороге домой с сатанинской сессии “I Will Survive” автомобиль Томми загорелся. Винс постоянно разбивал вдребезги свою машину. И разные предметы поднимались вверх и летали по всему нашему с Литой дому. Всё это начало нас тревожить. А затем со мной произошёл несчастный случай.

На гонорар от «Warner/Chappell» я купил свой первый настоящий автомобиль «Порше» («Porsche»). Это была моя радость и гордость. Томми и я носились на нём с педалью газа в пол по

Сансет Бульвар (Sunset Boulevard) в 2 часа ночи, осушив предварительно четверть галлона (примерно 1 литр) «Джека». Мы не осознавали, чем может обернуться глупое пьяное вождение, которое, спустя всего год, приведёт к беде. Даже когда нас тормозили полицейские за превышение скорости, они всего лишь заставляли нас выбросить нашу выпивку, а затем позволяли нам ехать дальше. А мы даже не осознавали, как нам повезло: мы только негодовали из-за того, что было слишком поздно, чтобы купить ещё алкоголя.

После нескольких месяцев, уделяя этой тачке больше внимания, чем я когда-либо уделял девушке, я приехал на одну из вечеринок Роя Томаса Бэйкера (Roy Thomas Baker). Все мы нюхнули кокса с его стеклянного рояля, а затем, сбросив одежду, запрыгнули в джакузи. Нас было примерно человек пятнадцать, кто там толпился, включая Томми. Он, наконец, свалил от Бульвинкля и встречался теперь с тёлкой из Флориды (Florida), которая хотела стать моделью, по имени Хани (Honey). Неожиданно у Томми вскочила гигантская эрекция, он повернулся к Хани и приказал, “Ладно, сучка, пососи-ка моего «петушка»”. Она наклонилась и отсосала у него прямо у всех на глазах. Когда она закончила, он тут же заставил ее сделать это ещё раз. Она вернулась к своей работе, но на сей раз Томми требовалось намного больше времени, и его это начало раздражать. Он устроил ей разнос за то, что она, мол, плохо справляется со своей работой и вообще делает всё неправильно. Наконец, она сделала всё правильно и даже предусмотрительно проглотила, чтобы не запустить в бассейн будущих детей Томми. Всего пять минут спустя Томми заставил её работать снова.

Я думаю, той ночью многие друзья RTB прониклись уважением к Томми: мало того, что он был сложён, как небоскрёб, мало того, что у него был нескончаемый оргазм, но он ещё и делил его с другими. Он посмотрел на кольцо парней, сидящих вокруг джакузи, которые в шоке и изумлении наблюдали за происходящим, и приказал, чтобы Хани продолжила работать по кругу, отсасывая у каждого. Несколько месяцев спустя, мне было трудно снова представить себе эту картину, когда я сидел за обеденным столом со счастливой парой и родителями Томми в Уэст Ковина (West Covina). Просто она не была похожа на девушку, которую вы приведёте в дом своей матери, если, конечно, вы не выросли на Банни Ранч (Bunny Ranch — знаменитый публичный дом).

Я отказался от предложения Томми и передал эстафету дальше, не из уважения к нему, а просто потому, что я был уже достаточно обтрахан, чтобы включиться в эту игру. Фактически, я

решил совсем покинуть вечеринку. Я был слишком обдолбан, сконфужен и хотел видеть Литу. Проблема состояла в том, что RTB, как обычно, запер все двери и заблокировал выходы, чтобы удостовериться, что никто не сядет пьяным за руль. Хуже того, я понятия не имел, куда я подевал свою одежду.

Абсолютно голый я подбежал к стене и взобрался по ней. Когда я спустился вниз с другой стороны, я заметил, что порезал камнями грудь и ноги, из которых теперь сочилась кровь. Снаружи две девчонки, которые не могли пройти на вечеринку, ждали в «Мустанге» 68-го года (’68 Mustang). “Никки!”, завопили они. К счастью, я всегда оставлял свои ключи в машине — впрочем, я поступаю так и поныне. Так что я прыгнул в свой «Порше», надавил на газ и помчался вниз с холма. «Мустанг» завизжал шинами на гравии и пустился вслед за мной. Я втопил под девяносто (90 миль в час — около 160 км/ч), оглянулся назад, чтобы посмотреть, оторвался ли я от них, и, как только я это сделал, внезапный страшный удар отбросил меня на приборную панель. Я врезался в телеграфный столб. Теперь он «сидел» в автомобиле рядом со мной на месте искорёженного пассажирского кресла. Если бы кто-нибудь сидел там, его голову сплющило бы, как сковородку.

В шоке я вылез из машины и застыл перед грудой дымящегося изуродованного металла, который когда-то был моей истинной любовью. Машина была полностью разбита и не подлежала ремонту. Девчонки, которые преследовали меня, уехали, вероятно, испугавшись ещё больше, чем я сам. И я был один — голый, окровавленный и ошеломлённый. Я попытался поднять руку, чтобы поймать машину, но острая боль пронзила меня от локтя до плеча. Я пошел по направлению к Колдуотер Кэньон (Coldwater Canyon), где меня подобрала одна пожилая пара и, не обмолвясь ни словом о том факте, что я был совершенно голый, привезла меня в больницу. Врачи наложили повязку на моё плечо — оно было сломано — и с банкой пилюль от боли отправили меня домой. Следующие три дня я провёл в забытьи, фактически, на одних таблетках.

Кроме Литы, никто не знал, где я. Все, что знала группа, было то, что мой «Порше» лежал разбитый на полдороги с холма, и меня нигде не могли найти. По сей день я все ещё сомневаюсь, что по мне кто-то скучал: никто даже не потрудился позвонить мне домой, чтобы узнать, всё ли со мной в порядке. Единственной хорошей вещью, которую я извлёк из этого случая, было то, что я на всю жизнь полюбил Перкодан (Percodan — сильное болеутоляющее средство).

Автомобильная катастрофа вкупе со всем остальным жутким

и опасным, что происходило с нами, вернула меня к действительности, и Лита уговорила меня отказаться от моего заигрывания с Сатанизмом. Вместо этого меня начал поглощать героин, сначала убивая боль в плече, а потом, убивая боль жизни, боль, от которой героин был наилучшим лекарством. Винс нашел девчонку, которая научила его это делать. Он принёс кусок горючей смолы, лист фольги и какую-то самодельную трубку, сделанную из картона, обмотанного скотчем. Мы брали щепотку героина, клали его на фольгу, нагревали её снизу и всасывали дым, пока горящий шар катался по фольге. На нас находил такой грёбаный столбняк, что мы только и могли — сидеть на диване, уставившись друг на друга.

Довольно скоро мы начали получать героин более высокого качества через басиста, который играл в местной панк-группе и был хорошим другом Роббина Кросби из «Ratt». Как только они вдвоём показали нам, как использовать иглы, они уже валялись повсюду. Первые разы я просто падал в обморок. Когда я приходил в себя, все смеялись надо мной, потому что в течение пятнадцати минут я просто лежал на полу посреди комнаты. Слабостью Винса были женщины, и с теми первыми разами я понял, что мой порок это наркотики, на всю оставшуюся жизнь. Я изобрел спидболы (speedballs) даже без чьей-либо помощи. Однажды днем я заинтересовался, будет ли введение кокса вместе с героином препятствовать тому, чтобы я терял сознание. Тогда я сделал свой первый спидбол и не упал в обморок. Правда, все эти пятнадцать минут, которые я обычно проводил в отключке на полу ванной, меня рвало по всей комнате и туалету. Но я был не прочь поблевать. Я всегда был хорош в этом.

К счастью, с одной рукой я не мог колоться самостоятельно. Это держало меня под контролем. Я также не мог играть на басу, но с нашим продюсером Томом Верманом (Tom Werman) это не было проблемой, потому что он постоянно звонил на «Электру» и жалобно убеждал кого-то в том, что я не могу играть, а Винс не может петь. Так что я приходил в студию с рукой на перевязи, просто околачивался там, балдел и наблюдал за процессом.

Верман твердил мне на протяжении всей сессии, “Что бы вы ни делали, не заглядывайте в мои рабочие записи. Там есть вещи, где я размышляю о перспективах развития вашей музыки, и я не хочу, чтобы вы беспокоились по этому поводу”. Конечно, это было худшее, что он мог нам сказать. С тех пор мы всё время пытались выяснить, что же такое он там пишет. Но всякий раз, когда он выходил из студии, он брал свои заметки с собой. Однажды вечером, когда он пошел в ванную, он их забыл. Я подбежал к микшерскому пульту, возбуждённый от мысли, что сейчас я,

наконец, узнаю, что на самом деле у него в голове. Я открыл записную книжку и прочёл следующее: “Не забыть покосить лужайку в воскресенье. Не забыть получить балетные туфли для школьной постановки. Купить новую клюшку для гольфа…”. Я вскипел от ярости: я даже не мог предположить, что человек, который называл себя нашим продюсером, мог думать о чем-то другом, кроме как о «Motley Crue» и рок-н-ролле.

Я вышел из студии, чтобы найти его, но регистратор остановила меня. В соседней студии работал Элис Купер (Alice Cooper), и я в течение многих дней упрашивал её позволить мне встретиться с ним. Он казался мне больше, чем Богом. И сегодня было моё счастливое воскресение. “Он готов встретиться с вами”, - сказала она. “Он сказал, чтобы вы ждал его в комнате рядом с его студией в три часа”.

В три около его студии стоял безупречно одетый человек в костюме, с портфелем в руках. “Элис появится через секунду”, - сказал он мне, как будто я собирался встретиться с Крестным отцом. Минуту спустя дверь студии отворилась, и откуда-то повалил дым. Из центра облака медленно возник Элис Купер. В руках он нёс ножницы, которые он всё время открывал и с лязгом захлопывал. Он приблизился ко мне и сказал, “Я — Элис”. И все, что я мог вымолвить, было, “Чёрт, точно ты!” С таким появлением, он действительно был Богом. Только годы спустя я выяснил, что дым действительно был.

К тому времени, когда моя рука зажила, наш второй альбом «Shout at the Devil» был закончен, и мы снова были готовы играть живые концерты. Когда мы жили вместе, мы без конца смотрели «Безумного Макса» («Mad Max») и «Побег из Нью-Йорка» («Escape from New York»), пока каждая сцена не отпечаталась в нашем сознании. Нам начал надоедать образ глэм-панка, т. к. слишком много других групп копировали его, поэтому наш внешний облик начал развиваться в направлении между двумя этими фильмами. Перевоплощение началось однажды ночью на шоу в «Санта Моника Сивик Сэнтр» («Santa Monica Civic Center»). Джо Перри (Joe Perry) из «Aerosmith» был мертвецки пьян, когда я зашел к нему, взял жирный карандаш и намазал им под моими глазами в стиле «Дорожного воина» («The Road Warrior» — вторая часть фильма «Mad Max»). Джо сказал, что это выглядит круто, и этого одобрения мне было достаточно. Позднее я надел скреплённые вместе наплечные доспехи и нанёс боевую раскраску под глазами, подобно одному из газовых пиратов в «Дорожном воине». Затем мне пришлось заставить кого-то смастерить для меня высокие кожаные ботинки с петардами, вмонтированными в каблуки, которые испускали дым, когда я нажимал на кнопку. На заднике

сцены мы нарисовали силуэты разрушенного города, взяв за основу «Побег из Нью-Йорка», наши усилители были сделаны в виде шипов, а возвышение, на котором стояла ударная установка, напоминало груду булыжников от взорванной автострады.

МЫ ДУМАЛИ, ЧТО МЫ САМЫЕ ПЛОХИЕ СУЩЕСТВА на всём белом свете. Никто не мог сравниться с нами в умении создавать проблемы, и никто не мог избегать неприятностей так легко, как мы. Впрочем, мы ни с кем и не соревновались в этом. Чем более испорченными мы становились, тем больше людей думали, что мы такие, и всё больше подталкивали нас на то, что мы должны стать ещё хуже. Радиостанции приводили к нам поклонниц (groupies); менеджмент снабжал нас наркотиками. Все, кто нас встречал, убеждались в том, что мы постоянно трахаемся и катимся вниз по наклонной. Мы, не задумываясь, могли вытащить свои члены и помочиться прямо на пол во время интервью на радиостанции или трахнуть ведущую эфира, если она была хоть малость симпатичной. Нам казалось, что мы возвели поведение животного на уровень искусства. Но затем мы встретили Оззи.

Мы не были в восторге, когда «Электра Рекордс» сообщили нам, что они заполучили для нас открывшуюся вакансию разогревающей группы в туре Оззи Осборна (Ozzy Osbourne) «Bark at the Moon». Мы отыграли несколько концертов с «Kiss» после выхода «Too Fast for Love», и мало того, что они были мучительно скучны, но, к тому же, Джин Симмонс (Gene Simmons) вышвырнул нас из тура за плохое поведение. (Вообразите мое удивление семнадцать лет спустя, когда мне позвонил крутой бизнесмен Джин Симмонс, когда я писал эту самую главу, с просьбой предоставить ему права не только на с'ёмки фильма «The Dirt», но также и эксклюзивные права на фильм об истории «Motley Crue» в вечное пользование).

Мы начали подготовку к туру с Оззи в Лонг Вью Фарм, штат Массачусетс (Long View Farm, Massachusetts), где репетировали «Rolling Stones». Мы жили в верхних комнатах, а я попросил их поселить меня там, где спал Кит Ричардс (Keith Richards), и это оказался какой-то сарай. Наши водители лимузинов привозили нам из города столько наркоты и проституток, что мы с трудом могли держать глаза открытыми во время репетиций. Томми и я держали ведро, которое стояло между нами, чтобы, в случае чего, было куда взблевнуть. Однажды днем наш менеджмент и компания звукозаписи нагрянули, чтобы посмотреть, прогрессируем мы или нет, а я всё ещё был под балдой.

Мик, наш беспощадный надзиратель, наклонился к микрофону и об'явил собравшейся массе бизнесменов и

управляющих, от которых зависело наше финансирование: “Возможно, мы могли бы сыграть для вас эти песни, если бы Никки всю ночь не ширялся героином”. Я был так взбешён, что бросил свой бас на землю, подощёл к его микрофону и схватил стойку. К тому времени Мик был уже у двери, я погнался за ним вниз по переулку, оба на высоких каблуках мы были похожи на двух борцов кэтфайт (catfight — женская борьба).

Тур начался в Портленде, штат Мэн (Portland, Maine), и мы пришли на арену, чтобы посмотреть, как Оззи проводит саундчек. Он носил огромный жакет, сделанный из лисьего меха, и был украшен фунтами золотых драгоценностей. Он стоял на сцене с Джейком И. Ли (Jake E. Lee) на гитаре, Руди Сарзо (Rudy Sarzo) на басу и Кармином Эпписом (Carmine Appice) на барабанах. Это не будет ещё одни тур «Kiss», подумал я тогда. Оззи был колышущимся, пульсирующим комком нервов и сумасшедшей, непостижимой энергии, который рассказал нам, что, когда он был в «Black Sabbath», он принимал кислоту каждый день в течение целого года, чтобы посмотреть, что из этого получится. Не было ничего, что Оззи не делал бы за этот год и, в результате, не было ничего, что он мог бы вспомнить из того, что делал.

Мы зажили с ним душа в душу с самого первого дня. Он взял нас под своё крыло и заставил нас чувствовать себя комфортно перед лицом двадцати тысяч зрителей каждой ночью, поднял наше самомнение на прежде недосягаемый для нас уровень. После первого шоу, меня посетило чувство, подобное тому, которое я испытал, когда мы распродали нашу первую ночь в «Виски». Только оно было больше, лучше и намного ближе к победной черте, где бы она ни находилась и чем бы она ни была. Маленькая мечта, которая была у нас, когда мы жили вместе в Пёстром Доме (Motley House), начинала становиться реальностью. Наши дни убийства тараканов и траханья в обмен на продовольствие были закончены. Если выступление на Американском Фестивале (US Festival) было всего лишь маленькой искоркой, слабо озарившей наш путь, то тур с Оззи был спичкой, от которой загорелась вся группа. Без него мы, вероятно, были бы одной из тех лос-анджелесских групп, таких как «Лондон» («London») — бесспорные звезды, которые никогда не выстрелят.

Оззи едва ли мог провести ночь в своём автобусе: он всегда был в нашем. Он внезапно вламывался к нам в дверь с мешочком, полным кокса, и при этом пел, “Я — человек крелла, сожру весь крелл, какой смогу, а я смогу” (”I am the krelley man, doing all the krell that I can, I can” — крелл это кокаин), и мы нюхали крелл всю ночь напролет, пока автобус не останавливался, и мы не

оказывались в следующем городе.

Однажды, этим городом оказался Лэйкленд, штат Флорида (Lakeland, Florida). Мы вывалили из автобуса под палящим полуденным солнцем и направились прямиком в бар, который был отделен стеклянной перегородкой от плавательного бассейна. Оззи стянул свои штаны и зажал долларовую купюру у себя между ягодицами, затем вошёл в бар, предлагая доллар каждой паре внутри. Когда пожилая леди начала проклинать его, Оззи схватил ее сумочку и убежал. Он возвратился к бассейну, одетый в одно короткое ситцевое платье, которое он нашел в сумочке. Мы нахваливали его новый наряд, хотя не были уверены, была ли его проделка свидетельством злого чувства юмора или серьезного случая шизофрении. Все больше и больше я склонен доверять последнему.

Мы болтались там — мы в футболках и коже, Оззи в платье, как вдруг Оззи слегка подтолкнул меня локтем. “Эй, напарник, кажется, у меня есть, чем вмазаться”.

“Чувак, — сказал я ему, — у нас нет кокса. Может быть, я смогу отослать за ним водителя автобуса”.

“Дай мне соломинку”, — сказал он, оставшись безразличным к моим словам.

“Но, чувак, не никакого кокса”.

“Дай мне соломинку. У меня есть доза”.

Я вручил ему соломинку, он подошёл к трещине в тротуаре и наклонился над ней. Я увидел длинную колонну муравьев, идущую к маленькой песчаной горке на обочине тротуар. И только я успел подумать, “Нет, он этого не сделает”, как он это сделал. Он засунул соломину себе в нос и, со своей голой белой задницей, выглядывающей из-под платья, похожей на дыню с вырезанным тонким ломтиком, втянул целую колонну муравьев, щекочущих ему нос, одним единственным чудовищным вдохом.

Он встал, откинул назад голову и, мощно сопя правой ноздрёй, заключил, что, вероятно, запустил одного или двух заблудших муравьёв себе в горло. Затем он задрал сарафан, схватил свой член и помочился на тротуар. Даже не обращая внимания на растущую аудиторию — все прогуливающиеся наблюдали за ним, в то время как старухи и семейства у бассейна делали вид, что ничего не замечают — он встал на колени и, вымочив подол платья, начал лакать из собственной. Он не просто щелкал языком, он, словно кот, долго, в течение нескольких минут, медленно и основательно вылизывал её. Затем он встал и, сверкая глазами и ртом, мокрым от мочи, посмотрел прямо на меня. “Сделай это, Сикс!”

Я сглотнул и немедленно покрылся потом. Но это было

давлением пэра, поэтому я не мог отказать. В конце концов, он так много сделал для «Motley Crue». И, если мы хотели поддержать нашу репутацию самой кретинической рок-группы, я не мог отступить на глазах у всех присутствующих. Я расстегнул молнию на своих штанах и вытащил свой член на виду у всех в баре и вокруг бассейна. “Да мне, собственно, плевать”, — думал я, чтобы успокоить себя, пока делал свою лужу. “Я оближу мою мочу. Кому какое дело? В конце концов, это всего лишь часть моего тела”.

Но как только я наклонился к луже, чтобы закончить то, что начал, Оззи оттолкнул меня и сам плюхнулся в неё. Там, на четвереньках у моих ног, он лакал мою мочу. Я вскинул руки вверх: “Ты победил”, — сказал я. И он действительно победил: с того момента, мы всегда знали, что везде, где бы мы ни находились и что бы мы ни делали, был кто-то, кто был ещё более болен и отвратителен, чем мы сами.

Но, в отличие от нас, Оззи имел сдержанность, предел, совесть и тормоз. И эта сдержанность воплощалась в форму невзрачной, полной, низенькой англичанки, от одного только имени которой дрожали губы и подкашивались колени: Шерон Осборн (Sharon Osbourne), трудяга и педант, как никто другой из всех, кого мы когда-либо встречали, женщина, присутствие которой могло мгновенно возвратить нас назад к нашему забытому детскому страху перед авторитетом.

После Флориды Шерон присоединился к туру, чтобы восстановить порядок. Внезапно Оззи превратился в идеального мужа. Он ел свои овощи, держал её за руку и ложился спать сразу после каждого выступления, без всякой дури в носу и мочи во рту. Но одного Оззи ей было мало. Шерон хотела, чтобы и мы вели себя подобным образом. Когда она вошла в нашу раздевалку и обнаружила там девчонку на четвереньках и четверых нас, стоящих со спущенными штанами и с выражением “виноватых маленьким мальчиком” на наших лицах, она издала указ. Она больше не позволяла нам принимать наркотики, приглашать девочек за кулисы или развлекаться любым другим способом вплоть до настольных игр. Чтобы удостовериться, что её правила выполняются, она исключила алкоголь из нашего рациона и назначила себя единственным хранителем и распространителем пропусков за сцену. Мы настолько расстроились, что нам пришлось заставить компанию по производству мерчендайза, которая путешествовала вместе с нами, сделать новую футболку. Спереди футболки было изображено улыбающееся лицо, пронизанное кровавыми отверстиями от пуль. На спине был круг с колонкой, содержащей слова: “секс, веселье, выпивка,

вечеринки, уличные гонки, пипка, героин, мотоциклы" ("sex, fun, booze, parties, hot rods, pussy, heroin, motorcycles"). Круг перечёркивала жирная красная черта, а ниже было написано "Безрадостный Тур: '83-'84″ ("No Fun Tour: '83-'84″). Мы раздали майки всем, включая Оззи.

В конце концов, я был вынужден приползти к Шерон на четвереньках с мольбой, "Мне действительно необходимо перепихнуться. Иначе, я сойду с ума".

"Нет, ты не можешь, Никки", — сказала она твердо. "Ты подцепишь какую-нибудь заразу".

"Мне плевать на болезни", — кричал я. "Я сделаю прививку. Мне просто нужно трахнуться".

"Хорошо", — смягчилась она. "Но только один раз".

"Спасибо, Мамочка".

Она отвела меня за руку к заграждению, где толпились фанатки, и спросила, "Ну, какую ты хочешь?", будто я был маленьким ребенком, выбирающим конфеты.

"Можно, я возьму вон ту в красном?".

Той же самой ночью Кармин Эппис покинул тур. Он играл с «Vanilla Fudge», «Cactus» и Родом Стюартом (Rod Stewart) и, в какой-то степени, был звездой со своими собственными амбициями, он даже продавал свои собственные футболки. С нетипичным великодушием Шерон предоставила ему разрешение. Но когда фанатам вернули футболки, которые они отдали на подпись Кармину, на всех них спереди зияла огромная дыра: Шерон и Оззи вырезали лицо Кармина из всех его футболок. Это обернулось настоящей войной, которая закончилась уходом Кармина и возвращением в группу Томми Олдриджа (Tommy Aldridge), который занял место за ударной установкой.

Всякий раз, когда Шерон оставляла тур, Оззи возвращался к полному разложению. В Нэшвилле (Nashville) он по всем стенам ванной Томми размазал дерьмо. В Мемфисе (Memphis) они с Винсом украли автомобиль с ключами, висевшими в замке зажигания, терроризировали пешеходов на Бил Стрит (Beale Street), а затем расколотили его, выбив стёкла и распоров обивку. Несколько дней спустя, случилось так, что мы приехали в Новый Орлеан (New Orleans) на вторую ночь Марди Гра (Mardi Gras — праздник масленицы с красочным карнавалом). Весь город стоял на ушах. Томми, Джейк И. и я ввязались в поножовщину в баре на Бурбон Стрит (Bourbon Street), в то время как Винс и Оззи совершали поход по стрип-клубам. Когда все мы возвратились в отель, пьяные и перемазанные кровью, Мамочка уже ждала нас: Шерон прилетела в город, и она снова запретила нам болтаться с Оззи.

Иногда, когда Шерон уезжала, Оззи был сломлен, словно ребёнок, потерявший свою мать. В Италии он купил резиновую надувную куклу, пририсовал ей усы Гитлера и держал её в задней комнате нашего автобуса. На пути в Милан он всю дорогу разговаривал с ней, будто она была его единственным другом. Он рассказал кукле, что существует некий заговор, все настроены против него и разработали план с целью убить его. Когда он вышел на сцену той ночью, на нём были гестаповские сапоги, шорты, лифчик и белый парик. Поначалу казалось, что он в полном порядке, но после нескольких песен, он быстро изменился и начал плакать. “Я — не животное”, — рыдал он в микрофон. “Я — не наркоман”. Затем он попросил прощения у публики и ушёл за кулисы.

Той ночью в гостиничном номере, который делили Мик и я, он спросил, может ли он воспользоваться нашим телефоном. Он снял трубку и сказал, “Англию, пожалуйста”.

Я выхватил трубку у него из рук и повесил её на место. “Чувак, ты не можешь звонить в Англию. У меня нет таких денег”.

Тогда он перевёл оплату звонка на отвечающего абонента. Шерон приняла звонок. “Я просто звоню, чтобы сказать тебе, что я хочу развода”, — сказал Оззи так трезво и серьезно, как только мог.

Глава пятая

ТОММИ

«МАНЕКЕНЩИЦА С ЮГО-ВОСТОКА УЗНАЕТ О ТОМ, ЧТО РЕВНИВЫЙ ХАРАКТЕР ВЕДЁТ К НЕПОМЕРНЫМ СЧЕТАМ ОТ СТОМАТОЛОГА»

Кто-то сказал мне, что на вечеринке в Голливуде будут горячие цыпочки-манекенщицы. Ну, вы понимаете, что я не мог там не присутствовать. Вот так я и познакомился с Хани. Первое, на что я обратил внимание — на что я всегда обращаю внимание в первую очередь — были её огромные титьки. У неё было потрясающее тело с изгибами модели — которой она, собственно, и являлась. У неё было симпатичное лицо, но оно не было мягким и утончённым — оно было покрыто не физическими морщинами, а, скорее, более тонкими, эмоциональными. Я вошел с ней в ванную комнату, чтобы нюхнуть немного кокса, а следующее, что я помню, было то, как я покидал её ванную только следующим утром.

Всё должно было на этом и закончиться. Но, чувак, я как всегда всё испортил: я слишком открыт, слишком легко ведусь, слишком готов трахаться и всё время влюбляюсь. Я запал на Бульвинкля, потому что она могла кончать, как скаковая лошадь, и я потерял голову от Хани, потому что она была моделью, и мне льстило уже одно то, что со мной будет разговаривать настоящая модель. Но я никогда не делал шаг назад, чтобы сначала присмотреться, что они представляют из себя на самом деле: чувак, я, наверное, точно кретин.

Как и Бульвинкль, Хани была чудовищно ревнива. Однажды ночью в «Трубадуре», одна девочка подошла ко мне сзади и ущипнула меня за задницу. Даже не задавая вопросов, Хани, мать её, обошла вокруг стола и засунула свою сигарету прямо в глаз девчонке. Затем Хани вывела её на улицу, заломила ей руку за спину и, чёрт подери, сломала её. “Посмотрим, как ты его теперь ущипнёшь”, - прошипела она и ушла. Я видел эту девочку в «Радуге» двумя неделями позже. Она была так напугана, что даже побоялась сказать “привет”.

И что ты думаешь, я сделал после этого, чувак? Я стал жить вместе с Хани. Мы нашли квартиру на Гауэр Стрит (Gower Street) в Голливуде. В день, когда я пришел домой и принёс мои первые золотой и платиновый диски «Shout at the Devil», она

приревновала к фотографии какой-то девчонки, которую нашла у меня, и запустила в меня тарелкой, которая попала в стеклянный футляр с золотым диском и разбила его.

Я никогда не был таким ревнивым, как она. На одной из вечеринок RTB мы все сидели в джакузи. Она делала мне минет, а затем я сказал ей пососать у RTB. Я думал, что это хороший деловой ход: заслужить расположение со стороны продюсера. Конечно, я был слишком обдолбан, чтобы помнить о том, что он был абсолютно равнодушен к такого рода дерьму. Казалось, что на своих вечеринках он никогда не интересовался ни девочками, ни наркотиками.

Единственный раз, когда я взбесился, был во время тура Оззи. Мы были в Баффало (Buffalo), я был в таком восторге, потому что впервые в своей жизни увидел снег. За сценой ко мне подошел фанат и сказал, “Эй, чувак, у твоей жены такая потрясающая щель. Ты — просто счастливчик”.

Я только что пришёл за кулисы и никак не мог понять, о чём идёт речь, я схватил его, “Что ты сказал?”

“Я сказал, что у твоей жены прекрасная пипка”.

Я не знал, о чем, мать его, он говорит, но это звучало, как откровенное оскорбление. Так что я размахнулся и ударил его кулаком в висок. Он без чувств повалился на землю. Это был хороший плотный удар, и я был горд этим. Мы ждали в автобусе, пока как наш менеджер Дуг Талер (Doug Thaler), разговаривал с этим парнем и пытался убедить его не выдвигать против меня обвинения.

“Ну, и что всё это значило? ” — спросил я Дуга, когда он поднялся в автобус. Оказалось, что Хани продала фотографии того, как мы трахались, журналу под названием «Секс знаменитостей» («Celebrity Sex») и не сказала мне об этом.

Мы остановились у ближайшего «7-Eleven» (сеть маленьких круглосуточных магазинчиков) и купили этот выпуск. Это была полная подборка недвусмысленных снимков, которые я сделал однажды ночью, а заголовок гласил что-то вроде “Томми Ли рассказывает (и показывает) ВСЁ” (”Tommy Lee’s Gal Pal Tells [and Shows] All”). Я, наверное, убил бы эту суку за то, что она торговала моей недавно обретённой известностью за моей спиной. Но что я сделал вместо этого?

После того, как тур Оззи закончился, и автобус высадил меня у нашей квартиры. Я подошёл к двери, потягивая «Джек» из бутылки (мы пили всю предыдущую ночь). Хани ждала меня на кухне в шткарном черном платье с глубоким вырезом. Только я, было, открыл рот, чтобы излить на неё проклятья, как она прервала меня. “Угадай что?”, - спросила она.

“Что?”

“Я нашла священника, я купила кольца, я всё подготовила”.

“Подготовила для чего?..”

“Я хочу выйти замуж”.

“За меня? Но ты только что, мать твою, продала наши фотографии в порно-журнал и даже не сказала мне”.

“Это должно было стать подарком к твоему дню рождения. И мне нужны были деньги, чтобы купить кольца для нашей свадьбы. Так что я не могла тебе сказать”.

Я пытался думать в тот момент, но алкоголь мне этого не позволил. С моего языка слетели самые глупые слова, которые я когда-либо произносил в своей жизни: “Ладно, чёрт с ними, с фотографиями. Давай поженимся”.

Мои родители были напуганы. Они назвали мне сотню веских причин, чтобы не делать этого — я был слишком молод, её ревность со временем только усилится, они не хотели иметь такую невестку, которая продаёт наши интимные фотографии в порно-журналы. Я отказался слушать их, но, к счастью, очень скоро в это дело вмешались обстоятельства.

Настоящие проблемы начались, когда мы подрались из-за того, что какая-то девчонка позвонила нам домой и повесила трубку. Я даже не знал, кто это был, но Хани продолжала настаивать, что я изменил ей с нею. После часа сплошного крика она успокоилась и согласилась, что, возможно, девчонка была просто сумасшедшей фанаткой. Так что я пошел на кухню, чтобы сделать бутерброд с арахисовым маслом. Совершенно внезапно, она вбежала в кухню, открыла ящик со столовым серебром, схватил нож для масла и воткнула его мне в спину. Сучка, мать её, так сильно ударила, что нож фактически пробил кожу и скользнул прямо рядом с моей лопаткой. Я вынужден был везти сам себя в травмпункт с ножом, торчащим из моей спины.

Мы всегда или трахались, как порно-звезды, или дрались, как рестлеры. Однажды ночью мы пошли с RTB на один из первых матчей «WrestleMania» (турнир, организованный Всемирной Федерацией Рестлинга), и она начала драку со мной из-за того, что она нашла клочок бумаги с телефонным номером какой-то девчонки в кармане моих штанов, и, вдобавок ко всему, моя мать, разговаривая с ней по телефону, случайно назвала её Джессикой (Jessica), так звали Бульвинкля. Я никогда прежде не бывал на подобных состязаниях. Но она, мать её, не могла заткнуться и позволить мне насладиться зрелищем.

После матча Винс, Бэс (Beth), RTB, Том Зутот (Tom Zutaut), Хани и я сели в лимузин RTB и приехали в «Тропикана» («Tropicana»), чтобы посмотреть борьбу в грязи (mud wrestling).

Хани всё время ворчала и, т. к. я не реагировал на неё, продолжала становиться всё более и более агрессивной, подстрекая меня на ответные действия. “Как бы там ни было, а твоя мама — долбаная пизда”, прорычала она. “Я не знаю, как ты с ней еще общаешься”.

“Пожалуйста, не называй так мою маму”, вздохнул я.

“Хорошо, она — пизда”.

У меня внутри установлен длинный плавкий предохранитель, который становится несколько короче, когда я выпью. Хани просто сожгла то, что оставалось от этого предохранителя, до самого основания, и я почувствовал, как моё тело приготовилось взорваться. Вся штука в том, что, если вы имеете дело с женщинами подобными Хани, вы не должны позволять им провоцировать вас, т. к. иначе, они непременно одержат победу. И, кажется, я всегда позволял им побеждать. “Слушай ты, сука”. Я впился в неё взглядом. “Я в последний раз повторяю: Не называй мою маму пиздой!”

“Она — пизда, пизда, пизда. Пизда-а-а! “, вопила Хани.

“Ну, вот и всё!” Я обернулся к водителю. “Остановите машину. Эта гребаная сука здесь выходит!”

Водитель притормозил у обочины, и я приказал Хани убираться прочь. Она отказалась и начала бить меня кулаком. Тогда я схватил её и выволок из машины на тротуар. Затем я залез обратно в автомобиль, схватил ее кошелёк и бросил его об стену дома позади нее, рассыпав по всей земле всё то дерьмо, которое было внутри него.

Она побежала за мной, крича. “Твоя мама — долбанная пизда, и ты это знаешь. Вот почему ты такой избалованный маленький слюнтяй, который так любит пизду своей мамочки? Пизда, пизда, пизда!”

Я отвёл руку назад и, прежде, чем я даже смог подумать о том, что я делаю, сжал её в кулак и, чёрт побери, чувак, со всей дури саданул ей прямо в «забрало». Ее руки взлетели ко рту, и она упала на землю. Я стоял потрясенный тем, что я фактически потерял всю сдержанность — прежде я никогда даже не думал, что способен ударить тёлку. Затем я вскочил в лимузин и хлопнул дверью. Пока мы от’езжали, я оглянулся назад и увидел, как она, встав на колени на тротуаре, выплёвывала свои зубы в руку, с которой стекала окровавленная слизь.

“Она вынудила бы любого из нас поступить точно также”, утешительно сказал Том Зутот. “Но кто-то должен помочь ей собрать её зубы”.

Он остановил лимузин и выскочил из машины, чтобы утешить её и собрать зубы.

Помолвка была официально расторгнута.

Глава шестая

НИККИ

«НЕЖНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ПУТЕШЕСТВИЯХ С “VAN HALEN”, “AC/DC”, “IRON MAIDEN” И ДРУГИМИ ЗНАМЕНИТЫМИ ЗАМОРСКИМИ СТРАННИКАМИ»

Когда мы покинули тур Оззи, чтобы отыграть несколько собственных концертов, заодно способствуя продвижению «Ratt» ради собственного удовольствия, мир — наш мир — уже больше не был прежним. Я слышал “Shout at the Devil”, “Too Young to Fall in Love” и “Looks That Kill” повсюду; всякий раз, когда мы оказывались в магазинах звукозаписи, вокруг нас начиналась истерия — все хотели получить автографы на альбомах; когда мы выступали в городах, где никогда прежде не бывали, обнаруживались тысячи подростков, которые приходили посмотреть на нас. Мы находились в новом мире — мире, в котором я всегда хотел быть с тех самых пор, когда увидел первый рок-концерт в гимназии в Джероме. Но я был всего лишь парнем из Айдахо. Я не знал, что делать в этом новом мире и как себя вести в нём. Поэтому я импровизировал.

Во время концерта на стадионе Бронко Боул в Далласе, штат Техас («Bronco Bowl», Dallas, Texas), блондинка и брюнетка в спандексе и топиках, на которых мы наткнулись за кулисами перед началом шоу, сказали, что они хотели бы трахнуться со всей группой. Это был или Винс, или я, кто придумал прекрасную идею и сообщил им, что для этого им придётся поработать. Мы захватили бутылку шампанского со столика с угощениями и сказали брюнетке, что, если она хочет трахнуть нас, то она должна будет запихнуть в себя эту бутылку и сидеть на ней в центре комнаты.

“Если ты не будешь сидеть на этой бутылке, когда мы вернёмся, то вы не сможете трахнуться с группой”, сказал Винс, когда мы пошли на сцену.

После шоу она все ещё была там, сидя на корточках посереди комнаты.

Винс завернул в офис, чтобы получить минет от двух других тёлок (одновременно), а затем мы забрали двух девочек в спандексе в наш фургон.

Винс и Томми залезли на передние сидения, а Мик и я сели назад. Девочки вскарабкались на передние места вместе с Винсом

и Томми и начали раздеваться, что заняло у них добрых пять минут, т. к. вчетвером им там было тесновато. Когда они разделись, Винс и Томми уже трахали их по-собачьи. Девочки перегнулись через верхушки передних сидений таким образом, что блондинка начала расстёгивать мои штаны, пока её трахали сзади, в то время как брюнетка делала то же самое Мику. Они долго возились с застёжками, пытаясь расстегнуть молнии, пока, наконец, не принялись сосать у нас обоих.

Когда мы под'ехали к отелю, мы сказали девочкам, что им придётся остаться голыми. Мы поднялись на лифте в номер Винса и Томми, там мы начали пить и постепенно дуреть. Блондинка сидела на кровати, раскинув ноги, и это подкинуло нам идею.

Томми возвратился из ванной с тюбиком зубной пасты, так что для начала мы запихнули ей в пипку его. Затем мы подумали, что будет не справедливо оставить её с зубной пастой, но без зубной щетки. "Что у нас ещё есть?" спросил Томми.

"Как насчёт долбаного телефона?" предложил кто-то, возможно, это был я.

Мы сняли с рычага телефонную трубку и засунули её внутрь так, что снаружи остался торчать один только микрофон. Девочка сидела и все время смеялась, иногда постанывая, толи потому, что она была возбуждена, толи потому, что она хотела, чтобы мы так думали.

"Я хочу есть", проворчал Мик, который со скучающим видом наблюдал за всем этим с кресла.

Мы сказали ему, чтобы он отвязался, но затем сообразили, что можно найти компромисс. Я набрал на телефоне номер гостиничной службы, и вдруг, через открытые ноги блондинки, мы услышали приглушенный голос: "Здрхфстхфхте, обсхфжхфние нхмхрофф".

Я наклонился и продиктовал наш заказ в промежность девочки.

"Кххакххая кхомнхатха?"

"Комната два-два-семь", ответил я.

Брюнетка начала смеяться. Внезапно, Винс в порыве вдохновения обернулся к ней. "Над чем это ты так смеёшься?"

Она прекратила смеяться и тупо уставилась на него. "Твоя мать знает, где ты?" спросил Винс.

"Нет", сказала девочка.

"А ты не думаешь, что она беспокоится о тебе?"

"Может быть. Я не знаю".

"Возможно, тебе следует позвонить ей". До нас вдруг дошло, к чему он клонит. "Какой у неё номер?"

Она продиктовала номер Винсу, и он набрал его. Её мать

ответила, и брюнетка склонилась над промежностью своей подруги. “Привет, мама. Я просто звоню, чтобы сказать, что я скоро буду дома. Я сейчас в «Черрис» («Sherry’s»). Хорошо? Спасибо”.

Той ночью мы не просто потеряли уважение к этим девочкам, мы утратили уважение к самим себе.

Когда я возвратился в Лос-Анджелес, мне позвонила моя единокровная сестра Сэси (Cecі) и сказала, что моя мать подвинулась рассудком и находится теперь в психиатрической клинике в Сиэтле (Seattle). Я не разговаривал со своей матерью с тех самых пор, как оставил её стоять на автобусной станции Грэйхаунд (Greyhound terminal) шесть лет назад и, хотя я все ещё был ожесточён и сердит, я чувствовал, что должен увидеть её снова, соединиться с какой-то частью моего прошлого прежде, чем потерять её навсегда. Так что я сел на самолёт до Сиэтла, опечаленный тем фактом, что наше воссоединение должно было произойти в психиатрической больнице. Когда я вошел, я едва узнал её. Эти шесть лет не пошли ей на пользу. Когда-то у неё было всё: красота, талант, остроумие. Но теперь она больше была похожа на Оззи, чем на мою мать. Я подошёл и коротко обнял её. Она уставилась на меня своими глазами, и первое, что слетело с её губ, было, “Ты написал песню обо мне?”

“Какую песню?” спросил я, озадаченный…

“«Красота, которая убивает»!”(«Looks That Kill»)

Я был сбит с толку: было так много всего, что я хотел ей сказать; того болезненного, что я хотел от неё услышать. Но это не было ни тем, ни другим. Я забрал её из клиники, посадил в такси и привёз в дом своей сестры. Мы едва ли обмолвились двумя словами за всё это время. Мы были слишком горды и упрямы, чтобы об’ясниться или попросить друг у друга прощения за что-нибудь. Пока мы сидели в гостиной, просвечивая друг друга отвратительными, злорадными взглядами, в то время как моя сестра стояла рядом, осуждая нас обоих, я вдруг вспомнил, из-за чего я уехал тогда. Я уже не принадлежал им. И поэтому я встал, вышел из дома и сел на первый же самолет до Лос-Анджелеса, чтобы вернуться к относительному здравомыслию моих наркодилеров.

НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ МЫ УЕХАЛИ В Англию, чтобы отыграть несколько дат в рамках фестиваля «Monsters of Rock» вместе с «Van Halen», «AC/DC», «Dio» и одно выступление с «Y&T». Ночью мы прибыли в Англию, я лежал на своей кровати в «Новотеле» («Novotel») близ Ноттингема (Nottingham), когда вдруг услышал стук в окно ванной комнаты. Я не обратил внимания,

полагая, что мне это почудилось. Но стук не прекращался. Наконец, я встал, чтобы посмотреть, что там такое, и обнаружил длинноногую, красивую блондинку, стоявшую на карнизе снаружи. Я открыл окно, и она оглядела меня с ног до головы. “Не возражаете, если я войду?” спросила она вежливо и как бы невзначай, будто она была приходским священником, зашедшим на чашку чая.

Она очень изящно ступила в ванную и спросила: “Не возражаете, если я сниму свои трусики?”

“Нет, валяй”, ответил я, захваченный врасплох.

Хоть я и пытался казаться безучастным, никогда в жизни я так не возбуждался. “Вот это, чёрт побери, круто!” думал я про себя. “Я — в Англии, на родине всех моих любимых групп — «Sweet», «Slade», Боуи (Bowie), «Queen», «Sex Pistols» — а тут ещё и цыпочка, входящая через окно ванной, точно как в песне «Beatles»”.

Она сняла свои трусики так, что они остались висеть вокруг одной её ноги. Я сел на унитаз, а она села на меня. Держась одной рукой за вешалку для полотенец, а другой схватив мои волосы, она кончила. Она встала, натянула свои трусики и слегка поклонилась. “Большое спасибо”, произнесла она своим благородным акцентом. “Это была честь для меня”.

Затем она поднялась на подоконник, шагнула на карниз и исчезла. Я снял телефонную трубку и позвонил Мику, Томми и Винсу, чтобы рассказать им, что со мной только что произошло и как я люблю Англию.

Следующий день был началом мини-тура «Monsters of Rock». Когда мы путешествовали по Штатам с «Ratt», у нас появилась привычка кусать друг друга. Томми мог укусить Винса или охранника, он мог вонзить свои зубы в руку так, что прокусывал кожу. Всё это было любя, конечно, но было чертовски больно, если вас кусал кто-нибудь обдолбанный.

Я был настолько пьян и накокаинен на том первом выступлении, что подошёл к Эдди Ван Хэйлену (Eddie Van Halen) и футбольным захватом повалил его на землю. Затем я запрокинул голову, задрал его майку и вонзил свои зубы в его голый живот. “Какого чёрта ты делаешь?” взревела его жена Валери Бертинелли (Valerie Bertinelli). “Кусать моего мужа? Ты, долбаный извращенец!”

Эдди встал, вытер пузо и прищурил свои косые глаза. Не могу сказать, был ли он в восторге или был оскорблен. Но прежде, чем у меня появилась возможность принести ему свои извинения, Винс, словно свирепый пёс, подскочил к нему и вцепился зубами ему в руку. Это бросило Валери в настоящую истерику: никто не

имеет права кусать руку, которой Эдди Ван Хэйлен играет на гитаре.

Я, должно быть, укусил ещё и Ангуса Янга (Angus Young), потому что его брат Мальком (Malcolm) подвалил ко мне в ярости. Я носил ботинки на платформах, и лицо Малькома находилось где-то на уровне моего живота. “Ты грёбаный ублюдок”, ревел он мне в пупок. “Ты укусил моего брата, прекрасно! Но если ты, мать твою, укусишь меня, я откушу твой долбаный нос, ты, собакоголовый педик”.

Думаю, я сказал что-то вроде “не нужна ли ему стремянка”, потому что прежде, чем я это понял, он набросился на меня, карабкаясь вверх по моей ноге и цепляясь за мое лицо, подобно сумасшедшему коту. Док МакГи (Doc McGhee) оттащил его и, взяв за шкирку, вышвырнул его из раздевалки. Мы слышали его шипение и царапание в дверь, пока Дуг (Doug Thaler) рассказывал нам новости.

“Поздравляю”, сказал он. “После этого тура вы открываете «Iron Maiden»”.

“Чёрт, круто, теперь я не должен возвращаться домой”, сказал я, думая о моей полуночной посетительнице.

“Кстати”, продолжал уже Док, “Брюс Дикинсон (Bruce Dickinson) хочет познакомиться с вами”. Брюс был новым вокалистом «Iron Maiden», и, хотя его заумный, галопирующий хэви-метал никогда не был моей любимой музыкой, он оставался для меня легендой.

Док вышел за дверь и, сдерживая правой рукой Малькома, подал знак Брюсу и женщине, которая была с ним. Они вошли в раздевалку: мое сердце упало мне в руки, а мои яйца сжались до размеров крошечных кулаков Малькома. Запинаясь, я попытался приветствовать их, но лишился дара речи. Это была она — девочка, которая вползла ко мне в окно прошлой ночью. И я не знал: была ли она женой Брюса Дикинсона, подругой, менеджером, личным помощником или кем-то ещё.

Именно на «Monsters of Rock» и туре «Iron Maiden» началась скука. В Голливуде выступления (gigging) были образом жизни. Но это не было то же самое, что и тур (touring). Когда вы даёте местный концерт (gig), то после этого непременно оказываетесь дома. Тур — это бесконечный парад анонимности: безликие люди, одинаковые гостиничные номера, неразличимые города, всегда перемены, но всегда одно и то же. По крайней мере, в Америке во время путешествий мы имели утешение наблюдать восхождение нашей звезды. Но в Европе ничто не казалось нам реальным или значимым. Во время прошлых туров я мог сидеть в своём гостиничном номере и писать открытки моим бабушке и

дедушке в Джером, штат Айдахо, с населением четыре тысячи человек, рассказывая им, как я одинок и как я хочу иметь дом, чтобы было куда возвращаться. Но после встречи с моей матерью я больше не хотел иметь дом. Я стал более сумасшедшим и безрассудным, подсознательно ступая на ту же самую самоубийственную дорожку, по которой шла моя мать. Моя рок-н-ролльная фантазия уже не грезила успехом или упадком, она больше не была бунтом, в голове были мысли лишь о боли и смерти. Я был уверен, что умру прежде, чем мне исполнится двадцать пять. Полагаю, мы все так думали.

От скуки Томми и я начали разбивать стеклянные бутылки о головы друг друга и выкручивать лампочки из гримёрных зеркал и глотать их целиком исключительно ради забавы. Когда Винс был в ванной с какой-то поклонницей (groupie) или официанткой, мы прокрались туда, не потому, что мы хотели устроить групповуху, а просто потому, что хотели стащить наркотики из кармана штанов Винса, пока он был занят. Как у певца, у Винса был самый тяжёлый период. Он с трудом приходил в себя после всех этих вечеринок: обычно он был настолько разбит, что единственный способ, который мог заставить его хоть как-то петь, состоял в том, что мы вызывали врача, чтобы тот вколол ему полную задницу кортизона перед выходом на сцену.

В «Рице» в Париже («Ritz» — знаменитый отель) Винс пытался пройти к столику консьержа, чтобы сделать телефонный звонок, но он был настолько пьян, что никак не мог понять, как открывается стеклянная дверь на входе в гостиницу. Тогда он просто ударил по ней ногой, разбив стекло вдребезги так, что медная ручка от двери со звоном упала на пол. Он поднял ручку с пола, вручил её консьержу и стал звонить по телефону, будто ничего не произошло.

В Германии мы зависали с Клодом Шнэллем (Claude Schnell), клавишником «Dio», в его гостиничном номере. Когда он вышел из комнаты за чем-то, мы решили подшутить над ним. Мы взяли две крошечные кушетки, стоявших в его номере, и выбросили их одну за другой из окна, сопровождаемые стульями, столом, телевизором и трюмо. Внизу под окнами его комнаты были припаркованы два новеньких Мерседес-Бэнца (Mercedes-Benz), и каждый предмет мебели сумел приземлиться прямо на них. Внезапно, в дверь Клода постучала немецкая полиция с ротвейлерами. Вся его группа была вынуждена собрать вещи и покинуть гостиницу, которая на многие годы запретила «Dio» останавливаться в ней, в то время как мы, будучи виновными, остались там. Я могу не любить их альбом «Intermission», но я всегда буду уважать «Dio» за то, что они не выдали нас.

В Швейцарии, после тура «Iron Maiden», мы не были столь везучими. Томми и Винс купили ракетницы и стреляли из них в своём номере. Гигантский огненный шар срикошетил от стен и поджёг матрац Томми. Он и Винс так развеселились, что скорее побежали искать Дока, чтобы показать ему пылающую кровать. Но когда они возвратились с ним в комнату, то обнаружили, что заперли ключи от неё внутри. Ко времени, когда горничная открыла им дверь, дым уже валил из-под двери. По каким-то причинам они не вышибли нас из гостиницы до следующего дня, когда мы, при помощи гигантских металлических шаров, прицепленных к ключам от номеров, разбили все стеклянные окна в лифтах. Чёрт возьми, нам действительно было скучно в Европе.

Вдобавок к неловкой натянутости отношений в туре «Maiden» был ещё и тот факт, что загадочная девушка из окна ванной всё время увивалась вокруг Брюса. Каждый раз, когда я видел Брюса, он предлагал преподать мне несколько уроков фехтования, т. к. он действительно был фехтовальщиком. Я, тем не менее, всё время отказывался, потому что был уверен, что он собирается использовать урок фехтования, как повод для того, чтобы случайно нанести мне смертельный удар за то, что я её трахнул.

Когда барабанщик «Maiden» Нико МакБрэйн (Nicko McBrain — в книге фамилия Нико написана с ошибкой: McBain) был арестован на границе между Францией и Германией за провоз гашиша (hash), никто из группы не потрудился предупредить нас об этом. Мы всегда уезжали последними, потому что долго праздновали от'езд. Я всегда думал, что это было целенаправленным актом мести, потому что, когда мы, наконец, достигли границы, таможенники с собаками окружили наш автобус, а мы в это время судорожно нюхали и глотали всё, что они могли найти. Когда они обыскивали сумки Томми, гигантский комок гашиша упал на землю. Он лежал там несколько минут, похожий на кусок грязи, пока мы обливались холодным потом. Затем таможенник, обыскивавший сумку Томми, застегнул её, осмотрел автобус и направился к Винсу. Он наступил на гашиш, и тот прилип к его подошве, словно жевательная резинка. Затем офицеры заставили меня раздеться, положить руки на стену и наклониться так, чтобы они могли осмотреть мою задницу. Я напряг свой сфинктер (круговая мышца, сжимающая задний проход) и изо всей силы пытался нагадить на их головы. Я тужился, и толкал, и снова тужился, но у меня так ничего и не вышло.

После пограничного инцидента мы установили «жучки» (подслушивающие устройства) в раздевалке «Iron Maiden», чтобы

узнать, во-первых, были ли они ответственны за интенсивный обыск на границе и, во-вторых, кто же, чёрт побери, была эта девочка. Кроме Нико, казалось, никто из них нам не нравился. В последнюю ночь тура Брюс даже подошёл к Мику и вызвал его на дуэль. Полагаю, он думал, что это Мик развлекался с той девочкой.

К концу европейского тура мы звучали ужасно. Винс так набирался каждую ночь, что никакой врач и никакие средства уже не могли заставить его хорошо звучать на сцене. Наше последнее выступление в Европе, в «Доминион Фиэйта» в Лондоне («Dominion Theatre» in London), было наихудшим. Мы выглядели просто нелепо потому, что наш стиль начинал трансформироваться от мрачности «Дорожной Воина» до более красочных, театральных шутовских костюмов. Для шоу я одевался в темно-зелёный комбинезон, красил свой бас в тот же цвет и надевал соответствующие мокасины. Я был похож на переросшего гнома. Должно быть, поблизости находилась мясная лавка или что-то в этом роде, т. к. на протяжении всего выступления фанаты забрасывали нас костями конечностей и голов животных, а также странными колбасами. Сначала мы принимали это за комплимент до тех пор, пока барабанный техник Томми, Клайд Данкан (Clyde Duncan), не рухнул на пол. Мы присмотрелись: из его спины торчал дротик для игры в дартс. Томми, не переставая играть, вытащил дротик одной рукой.

Через несколько минут после этого взорвалась машина с сухим льдом (dry-ice machine — генератор тяжёлого дыма для сцены). Сильный аромат, напоминающий запах хот-дога, распространился по всей сцене и пропитал всю мою одежду, вокруг моих ног образовалась мокрая лужа. Я подумал, что это дорожная команда, вылила бульон на сцену в качестве шутки в завершении тура. Я был уверен, что это была милая шалость, но когда я оглянулся, то увидел, что Томми был всерьёз охвачен паникой. Его ударная установка была окружена водой, и я предполагаю, что это был всё тот же бульон.

После того, как Винс прокаркал нашу последнюю песню, я сквозь брызги уже искал Томми. Он наклонился над Клайдом, а запах хот-догов стал просто невыносимым. Я подошёл ближе и обнаружил, что запах фактически исходил от сожженной кожи Клайда. Машина с сухим льдом взорвалась прямо перед его лицом, жаря его кожу, словно раскаленный гриль, и посылая потоки воды вниз по покатой вперед сцене. Клайд был все ещё в мучениях, когда позднее мы прилетели обратно в Америку. К счастью, у нас было много болеутоляющего.

В то время мы не думали о наркотиках как о чём-то, что

завладело нами. Они были просто чем-то, что мы любили делать всё время и что не давало нам скучать. Мы не были зависимы: мы всего лишь были постоянными потребителями.

Пока мы летели домой, я думал о другом полёте. За несколько месяцев до этого, после того, как в Манхэттене мы получили наши платиновые награды за «Shout at the Devil», я прилетел в Нантакет (Nantucket — город в штате Массачусетс), чтобы встретиться с кое-какими девочками. На вручении наград я познакомился с Дэми Мур (Demi Moore — американская киноактриса), и, когда подали трап к самолету, она уже ждала, чтобы поприветствовать меня. Там она снималась в фильме с Бобкэтом Голдтуэйтом (Bobcat Goldthwait — киноактёр), который также был на взлетно-посадочной полосе вместе с горсткой других актеров и членов с'ёмочной группы. Моя голова кружилась, потому что я так надрался за время полёта. Я вышел из самолета на вершину лестницы, ведущей к бетонированной площадке; у меня был стеклянный футляр с наградой в левой руке, бутылка «Джека» — в правой и унция кокаина, сплюснутая в заднем кармане моих штанов. Я вообразил себе, как они смотрят на меня: я был похож на настоящую рок-звезду, как Джонни Тандерс (Johnny Thunders).

Когда я ступил на лесницу, мой ботинок соскользнул с края верхней ступеньки, и я потерял равновесие. Я попытался поймать себя за поручни, но только выронил бутылку «Джека», которая разбилась ступеньки ниже. Я последовал за ней, кувыркаясь головой вперед, как ком из перемешанной массы разбитого стекла, алкоголя и моих конечностей. Первым шлёпнулся на взлетно-посадочную полосу я, за мной последовали рамки с наградами, которые угодили мне прямо в голову.

Я открыл глаза и увидел Дэми, Бобкэта и их друзей, которые склонились надо мной, помогая мне подняться на ноги и глядя на меня очень неодобрительно. Всё это им было уже знакомо. В тот день я впервые услышал об «Эй-Эй» («АА» [«Alcoholics Anonymous»] — общество борьбы с алкоголизмом). Когда Дэми и Бобкэт предложили мне пройти их программу, я не обратил на это никакого внимания. Но по их глазам и тому, как они качали головами и смотрели друг на друга, я понял: они знали, что очень скоро, я стану одним из них. Я продолжал отрываться на вечеринках, не думая о последствиях, потому что для меня не существовало последствий. Мы были «Motley Crue», у нас был платиновый альбом, и мы были больше, чем когда-либо были «New York Dolls». Мы были молоды, пьяны и обожаемы за это. Такие слова как «последствия», «ответственность», «этика» и «самообладание» не имели к нам никакого отношения. По

крайней мере, мы так думали.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ: “СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ”

Глава первая

МИК

«ЧЕЛОВЕК С ОПЕЧАЛЕННЫМ СЕРДЦЕМ, ДВИЖИМЫЙ ОБИДОЙ, ОПЬЯНЕНИЕМ И САМООБМАНОМ, НАПРАВЛЯЕТСЯ К ВОДНОЙ МОГИЛЕ»

У вас когда-нибудь было такое, чтобы кто-нибудь вызывал к вам в дом полицию, охрану или вашего домовладельца из-за того, что вы слишком громко слушаете музыку? Как может такая красивая вещь, как музыка, так сильно кого-то раздражать? Если вы слушаете дома хороший альбом, а какой-то ваш не в меру чувствительный сосед не может расслышать свой долбаный телевизор, почему должна страдать ваша музыка; почему вам слушать музыку нельзя, а ему смотреть телевизор можно? Я отвечаю, “Тем хуже для соседа”.

Музыка строго цензурирована, например: на ваших записях вы не можете сказать “дерьмо” (”shit”) или “моча” (”piss”), или “трахнись” (”fuck”), или “членоголовый уёбок” (”cock-a-doodle dipshit”), если вы хотите, чтобы их крутили по радио и продавали в широкой сети. Это не позволяется. Также, если вы хотите, чтобы ваш клип крутили по телевидению, вы не можете надевать определённую одежду, не должно быть никакого оружия или мешков с трупами. Неужели музыка действительно так опасна? Более опасна, чем смерть, убийство, самоубийство или насилие, которые я вижу по телевидению и в кино каждый день? Однако попробуйте написать старомодную песенку о любви или о вечных ценностях, и никто не будет крутить её по радио. И вы не сможете прокрутить её даже на вашем домашнем стерео, потому что это, видите ли, слишком громко для ваших долбаных соседей. Музыка это довольно мощная штука, но, кроме как громко, я её не воспринимаю. Люди пусть катятся ко всем чертям; музыка — никогда.

Когда я жил в доме в Манхэттен Бич (Manhattan Beach) с Вещью (The Thing — прозвище его подруги), все, что я хотел делать, это слушать мою стереосистему и терзать свою гитару, но я не мог этого делать, потому что мои тупоголовые соседи хотели смотреть убийства и подростковый секс по телевизору. Однако, казалось, они никогда не жаловались и не вмешивались, когда Вещь устраивала мне громкие скандалы и вышибала из меня дерьмо. Это почему-то не доставляло им никакого беспокойства.

Возможно, они полагали, что я заслуживаю взбучки за то, что играю свою музыку слишком громко.

Когда я был ребёнком, меня учили никогда не бить женщину, даже если она первая меня ударила. Поэтому, когда Вещь закатывала мне истерики, я никогда не давал сдачи. Фактически, я привык к ней. Я чувствовал себя настолько старым, что не думал, что у меня будет возможность заполучить другую худо-бедно симпатичную женщину.

Во всяком случае, я действительно никогда не понимал женщин. На «Monsters of Rock» в Швеции один из парней из «AC/DC» вернулся в бар отеля с девочкой. Он был настолько пьян, что облевал её всю с ног до головы. Охранник гостиницы довёл его до его комнаты, но через пятнадцать минут тот возвратился и постучал по стойке бара, требуя ещё пива. После того, как он выпил достаточно, чтобы снова окосеть, он сказал девочке, чтобы она поднялась с ним в его номер. Она всё ещё была перепачкана его рвотой, но, так или иначе, она ответила “да”. Ну, разве это не омерзительно? Это хуже чем Оззи, нюхающий муравьёв. Что же творится с этими женщинами?

Винс и его жена Бэс переехали в дом рядом с нашим в Манхэттан Бич. Вещь дружила с Бэс, и обе они были сучками с крутым нравом, каких ещё свет не видывал. Вещь была из тех, кто сначала бьёт, а потом уже задаёт вопросы, а Бэс относилась к разряду вечно недовольных, сверхтрепетно относящихся к чистоте и параноидально — к микробам. Я не знаю, как Винсу удавалось избегать неприятностей со всем тем дерьмом, которое он устраивал. Он мог пойти в «Тропикана» («Tropicana»), стрип-клуб с рингом, где женщины боролись в масле, и возвращался домой после двух часов ночи. Когда Бэс спрашивала, почему он был весь перепачкан маслом, Винс просто отвечал, “О, я был в «Беньяна» («Benihana» — ресторан), и официантка опрокинула на меня тарелку”. И это прокатывало. Я никогда не ходил в такие заведения. Никакого интереса. Что толку смотреть, если нельзя потрогать?

После возвращения с последнего шоу «Shout» из Англии, Винс устроил вечеринку в своём доме, чтобы отпраздновать начало работы над нашим следующим альбомом. На первый или второй день вечеринки Винса Вещь вошла в нашу гостиную с засученными рукавами. Я сидел на диване, как обычно пьяный, и смотрел эпизод «Нова» («Nova» — научно-популярная программа) о математических теориях. До этого я проглотил несколько таблеток (quaaludes) и пил «Джек» и «бэллар» («bəllar»). «Беллар» — это то, что мы изобрели с моим другом Стиком (Stick): это была смесь «Кайлуа» («Kahlua») и брэнди, которую мы назвали в

честь того, как пожилые дамы в баре строили на глазки.

Вещь ударила меня по макушке и потребовала отвести её к Винсу и Бэс. Я действительно не хотел вставать с дивана, но я полагал, что пойти будет лучше, чем сидеть весь день дома и драться с нею. Поэтому мы пошли к Винсу и, так или иначе, в итоге всё равно подрались. Это было бессмысленно. Не было никакой возможности с ней сладить. Я был так несчастен и раздосадован, будучи униженным. Это была не просто банальная ссора, особенно после того, как её друзья рассказали мне, что она трахается за моей спиной с каким-то спортсменом. Полагаю, она думала, что у него больше денег, чем у меня.

Я был настолько огорчён, что вышел из дома Винса на берег океана. В моей голове звенело: “Прикончи себя, прикончи себя”. На самом деле, я не хотел покончить со всем этим. Просто мне было очень плохо. Я всего лишь хотел мира и покоя. Поэтому я вошёл в воду с «бэллар» в руке. Холодные волны облизывали мою одежду, всё выше и выше, пока они не выбили стакан из моей руки. Скоро мои волосы намокли и прилипли к шее. Затем я погрузился в темноту.

Глава вторая

ТОММИ

«О ВЕЧЕРИНКЕ, КОТОРАЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НЕСЧАСТЬЕМ, КОГДА ПРЕДЛАГАЕТСЯ НЕБЛАГОРАЗУМНЫЙ СПОСОБ НАПОЛНИТЬ ИСТОЧНИК, КОТОРЫЙ ИССЯК»

Это были я, Мик, Винс и парни из «Hanoi Rocks», которые присутствовали на той вечеринке. Мы много пили в доме Винса и просто убивали время. В течение добрых трех или четырех дней мы, кажется, готовили барбекю, бухали и иногда спали, как вдруг у нас закончилось пиво. Винс хотел похвастаться своей новенькой «Пантерой» («Pantera» — автомобиль марки «Ford»), поэтому он спросил, кто хочет сгонять с ним за пивом. Раззл (Razzle) вызвался первым, и оба они исчезли за дверью.

Винный магазин находился всего в нескольких кварталах, но их не было уже чёрт знает сколько времени. Мик тоже исчез и никто не знал, куда он ушел. Но это было типичным поведением для этого хитрого засранца. Никки даже не показался на вечеринке, никто и не догадывался, где его черти носят.

“Чувак”, сказал я, обращаясь к дивану, на котором собрались все жёны, “даже если Винс с Раззлом, мать их, решили покататься, они должны были уже вернуться к этому времени. Винный магазин совсем рядом, так куда, чёрт возьми, они могли запропаститься?”

Тогда мы подумали, что, возможно, они напились где-нибудь или у них украли деньги. У меня не было никаких догадок. Затем мы услышали, как мимо дома пронеслись несколько машин скорой помощи, завернули за угол и с визгом остановились. Я мгновенно протрезвел. Думаю, что то же самое произошло и с остальными, т. к. не было сомнений в том, для кого предназначались эти санитарные машины.

Мы вывалили из дома. Дорога долго изгибалась влево, лишая нас возможности видеть то, что было там, за поворотом. Мы шли, и шли, и шли — это казалось вечностью — наконец, мы увидели отблески красных огней, отражавшихся от близлежащих зданий.

Когда мы повернули за угол, то увидели пожарные машины, кареты скорой помощи, полицейские автомобили и множество зевак в шортах, стоявших на перекрёстке. Я повернулся в ту сторону, куда они таращились, и первое, что я увидел, была долбаная красная «Пантера». Она была вмята — не в лоб, а под

небольшим углом — в другой автомобиль, и со стороны пассажирского сидения она выглядела, как гармошка. Дорога была забросана всяким дерьмом: стекло, металл, пластмасса, и в середине всего этого — грёбаный кед «Chuck Taylor». Это была обувь, которую всегда носил Раззл.

Тем не менее, я никак не мог взять в толк: почему обувь Раззла валяется посреди улицы? Где Винс? Что происходит? Что я должен делать, говорить, думать, кричать?

Затем я увидел его. Винса. Он сидел на обочине, обхватив руками колени и качаясь взад и вперед. Я побежал к нему, и в этот момент краем глаза я увидел Раззла. Его несли на носилках к открытой задней двери санитарной машины. Я думал, что он в порядке, хотя, учитывая состояние той стороны «Пантеры», с которой он сидел, можно было легко догадаться, что нет.

Винс был весь перепачкан кровью, он только раскачивался и издавал этот странный звук, который, казалось, исходил из такого болезненного места, что я даже не могу назвать его криком. Я не знал, было ли ему больно, был ли он в шоке или просто сильно взволнован. Я попытался заговорить с ним, но полицейский не дал мне подойти к нему. Он надел на Винса наручники и запихнул его в полицейскую машину. С Бэс и парнями из «Hanoi» я поехал в больницу.

После двух с половиной часов, проведённых в абсолютной тишине, врач, наконец, вошёл в комнату ожидания. Его перчатки были в крови, а его маска была сдвинута на шею. Мои глаза наполнились влагой прежде, чем он даже заговорил. Слезы просто повисли и застыли, покрывая мои глаза, как контактные линзы, пока грозный врач не произнёс те страшные слова: “Ваш приятель Раззл скончался”. Тут дамбу прорвало, и слезы хлынули мне на лицо.

Глава третья

ВИНС

«ПОДРОБНЕЕ О ЗЛОСЧАСТНОЙ ВЕЧЕРИНКЕ И О ЗАНОСЕ, КОТОРЫЙ СЛЫШАЛ ВЕСЬ МИР, НО КОТОРЫЙ ГРОМЧЕ ВСЕГО ОТОЗВАЛСЯ В СЕРДЦЕ НАШЕГО ВОДИТЕЛЯ»

Это началось как барбекю-пати в честь празднования начала работы над нашим третьим альбомом, но никто не хотел расходиться по домам. Бэс рвала волосы у себя на голове из-за того, что она была просто помешана на чистоте и ненавидела, когда мои друзья приезжали к нам в дом и разбрасывали повсюду свои микробы. Наш брак основывался не на любви, а на наркотиках, алкоголе и её «240Z» (автомобиль) — я был несчастлив. Я старался реже бывать дома и возвращался как можно позже, с момента пробуждения и до момента отхода ко сну я постоянно пил, только чтобы не слышать её ворчания.

Вечеринка напоминала вращающуюся дверь, через которую постоянно входили и выходили люди, но кое-кто присутствовал там постоянно, как, например, несколько девочек из соседних домов нашего жилого комплекса, один ведущий телеканала «Эн-Би-Си» («NBC»), который жил по соседству, и Томми. К счастью, он расстался с Хани; я терпеть не мог находиться с ними в одной комнате — не потому, что они постоянно дрались, а потому, что я трахнул её, по крайней мере, полдюжину раз за его спиной. На третий день пришёл Мик, и я удивился, увидев его, так как он редко пил с нами. Он предпочитал запираться один в своей комнате, где, вероятно, отрывался так, как нам и не снилось, потому что его тело начало распухать от постоянного потребления алкоголя.

На третий день вечеринки я, наконец, немного поспал. Я проснулся следующим днем и посмотрел в окно. На берегу лежало что-то, что было похоже на выброшенного из океана маленького чёрного кита. Я надел джинсы и гавайскую рубашку и побежал вниз, чтобы посмотреть поближе. Это был Мик. Под нещадным полуденным солнцем он лежал, впечатанный в песок, в своих черных кожаных штанах, кожаных ботинках и кожаной куртке. Было ясно, что его одежда была до этого мокрой, т. к. теперь она усохла и обтягивала его, словно старая сморщенная шагрень. Было похоже, будто он разлагается в песок.

Я хотел забрать его в дом, но он бормотал что-то о том, чтобы

его оставили в покое. Так что я оставил его там, похожего на инопланетянина (E.T.), которому нездоровилось, и снова возглавил сабантуй.

Той ночью закончилась выпивка. Я только что купил «Форд Пантера», модель 72-го года («'72 Ford Pantera»), который был быстрым и красивым автомобилем, и Раззл захотел прокатиться на нём, чтобы посмотреть, на что это похоже. Машина была ярко красного цвета снаружи с гладким черным кожаным салоном внутри. Оба мы были сильно пьяны и не должны были садиться в неё, тем более, что магазин был всего в паре кварталов от нашего дома, и мы, возможно, легко дошли бы до него пешком. Но мы даже не задумались об этом ни на секунду. Раззл был одет в высокие кеды, кожаные штаны и вечную, отделанную оборками сорочку, как бог рок-н-ролла, он никогда не носил джинсы и гавайскую рубашку, которые носил я.

Мы с визгом припарковались на стоянке и на пару сотен долларов набрали пива и спиртного для продолжения вечеринки. В машине не было задних мест, поэтому Раззл держал мешки с выпивкой у себя на коленях на пассажирском сидении. По пути домой мы ехали по холмистой дороге, которая огибала побережье. Там было полно небольших холмов и впадин, машина двигалась под небольшой уклон, впереди показался маленький изгиб, как раз перед самой вершиной холма. Было темно, и по каким-то причинам улицы были мокрые. Так как я не выходил на улицу той ночью, я не знал: прошёл ли дождь или это проехала поливочная машина. Пока я приближался к изгибу, я заметил, что сточная канава на одной стороне дороги была переполнена водой, которая стекала через дорогу в противоположную канаву.

Пока автомобиль описывал дугу, я переключился на вторую передачу для прохождения последнего участка дороги к дому. Но, как только я это сделал, колеса защебетали, и автомобиль внезапно начал скользить боком по мокрому асфальту влево — прямо на встречную полосу. Я пытался вывести его из заноса, но пока я боролся с заблокированным рулём, меня ослепила пара огней. Что-то приближалось с вершины холма и двигалось прямо на нас. Это было последнее, что я увидел прежде, чем потерял сознание.

Когда у меня в голове прояснилось, Раззл лежал у меня на коленях. Я с трудом улыбнулся ему и сказал, “Слава Богу, мы в порядке”, но он не отвечал. Я поднял его голову и потряс её, но он не двигался с места. Я продолжал вопить, “Раззл, очнись!”, т. к. предполагал, что он, как и я до этого, был без сознания. Было ощущение, будто мы находимся в каком-то нашем собственном маленьком мирке. Я даже не понимал, что всё это происходит в

«Пантере», пока люди не начали заглядывать и разрезать автомобиль, вытаскивая Раззла на улицу.

Я начал вылезать из машины, но тут же подбежали санитары и положили меня на тротуар. “От них сильно пахнет алкоголем!” заорал один санитар офицерам полиции, пока он перевязал мои ребра и обрабатывал порезы на моем лице. Я думал, что они заберут меня в больницу, но вместо этого они оставили меня сидеть на тротуаре.

Это было похоже на дурной сон, и сначала всё, о чём я мог думать, был мой автомобиль, и как ужасно, что он теперь полностью разбит. Но когда появились Бэс и другие люди с вечеринки и забеспокоились, до меня медленно начало доходить, что случилось что-то плохое. Я увидел раздолбанный «Фольксваген» («Volkswagen») и санитаров, загружающих мужчину и женщину, которых я не знал, в санитарную машину. Но я был в таком состоянии шока, что не понимал, имеет ли всё происходящее какое-либо отношение к реальной жизни и ко мне в частности.

Затем ко мне подошёл офицер полиции. “Как быстро вы ехали? Ограничение скорости двадцать пять”.

Я сказал ему, что не помню, и это было правдой. Только позднее я вспомнил стрелку спидометра, которая застыла на цифре «шестьдесят пять» (65 миль в час = 105 км. в час).

Он протянул мне алкометр, от которого я отказался, если я не ошибался, он должен был показать «0,17». Тогда он зачитал мне мои права и, не надевая на меня наручники, посадил на заднее сидение своей полицейской машины. В полицейском участке офицеры впились в меня взглядами. Они спрашивали меня о том, что случилось, но всё, что я мог сказать, было, “Где Раззл?” Я думал, что они поместили его в другую комнату для дачи независимых показаний.

Телефон зазвонил, и командир вышел из комнаты. Он возвратился и сказал холодно, “Ваш друг умер”. Когда он произнёс эти слова, до меня, наконец, дошло ощущение произошедшего несчастья. Я почувствовал это не только эмоционально, но и физически, как будто об мою голову разбили сотню бутылок виски. Мои рёбра впивались в туловище так, что я едва мог двигаться, а боль простреливала лицо каждый раз, когда я говорил или мигал. Я думал о Раззле: я никогда не увижу его снова. Если бы только я поехал один или мы пошли пешком, или послал за выпивкой кого-нибудь еще, или от’ехал от винного магазина на тридцать секунд позже, или скользил в заносе под другим углом так, чтобы мертвым оказался я, а не он. Чёрт. Я не знал, как теперь буду смотреть в глаза всем — его группе, моей

группе, своей жене. Я не знал, как мне быть.

Когда взошло солнце, полиция отпустила меня домой, и Бэс и Томми уже ждали меня. Они пытались меня успокоить, но я не отвечал. Я был сконфужен. Я не знал, как заставить вписаться эту новую реальность в то, что было моей жизнью всего двенадцать часов назад. Я всё ещё был тем же самым человеком, но, так или иначе, всё изменилось.

На следующий день телефон звонил не переставая: друзья, родные, репортеры, злопыхатели… все звонили и спрашивали о том, что произошло. Затем, также быстро, как это началось, телефон замолчал. После жуткого утра тишины позвонили мои менеджеры: полиция решила арестовать меня за непредумышленное убийство при управлении транспортным средством. Я отправился в полицию и сдался.

Родители пары, которая была в «Фольксвагене», присутствовали на предварительном слушании моего дела. Они смотрели на меня так, будто я был сам Сатана. Лайза Хоган (Lisa Hogan), девушка, управлявшая автомобилем, была в коме с повреждением мозга, а её пассажир, Дэниел Смитэрс (Daniel Smithers), лежал в больнице на растяжке. У него также было повреждение мозга. Пока я стоял там, я понял, что должен отправиться в тюрьму за то, что случилось, даже если это был технически несчастный случай. Если бы я был всего лишь обычным парнем без известности или денег, я бы, вероятно, был тут же заключён под стражу. Но вместо этого я был отпущен под залог в две с половиной тысячи долларов до суда, хотя мне сказали, что, если суд будет не слишком благосклонен, мне светит семь лет тюрьмы и конец моей карьеры.

Когда я пришел домой после слушания, наш менеджер Док МакГи сказал мне, что мне придётся пройти обследование в реабилитационном центре. Я сказал ему, что я не алкоголик и что нет никаких причин обследовать меня так, будто у меня были подобные проблемы. Я не был пьяницей, валявшимся под забором. Но суд требовал, чтобы я прошёл курс лечения, и он нашел место, которое было больше похоже на загородный клуб. Он сказал, что там есть теннисные корты, поле для гольфа и маленькое озеро с прогулочными лодками. Он повёз меня туда на следующий день, и я ехал умиротворённый, рассчитывая на то, что будет неплохо отдохнуть там от всех этих газетных заголовков, называвших меня убийцей. Это находилось на Ван Найс Бульвар (Van Nuys Boulevard), и я входил в жуткое лечебное учреждение с зарешёченными окнами.

“Где поле для гольфа?” спросил я Дока.

“Ладно”, сказал он. “У меня есть две новости — хорошая и

плохая”.

Не было никакой хорошей новости: это был всего лишь маленький госпиталь, где я должен был проходить курс лечения для алкоголиков и наркоманов, а также курс интенсивной психотерапии в течение тридцати дней. Пока я сидел в этом реабилитационном госпитале — снова и снова возвращаясь к этой катастрофе в беседах с психиатрами; читая передовицы газет, где говорилось о том, что я должен провести остаток жизни в тюрьме, дабы воспрепятствовать пьяному вождению; и плача каждый раз, когда я вспоминал Раззла, его высокие кеды и его беспечный британский акцент — я думал, что всё это я заслужил.

Я получил, кажется, всего лишь один телефонный звонок от Томми или Никки, когда меня только поместили в клинику, но не более того. После этого никто из группы не звонил и не приезжал навестить меня. Они или не поддерживали меня больше, или договорились держаться на расстоянии. Я был один, и они, вероятно, решили двигаться дальше уже без меня. Я представлял себе Никки, прослушивающего новых вокалистов для группы, мой от’езд в тюрьму на семь лет и жизнь, полную презрения к ходячему убийце, об’екту колкостей и насмешек на ток-шоу, которые не прекратятся до того самого дня, пока я не отправлюсь прямиком в ад.

Глава четвёртая

НИККИ

«РАЗМЫШЛЯЯ НАД НЕРАЗРЕШИМЫМ ВОПРОСОМ: “ЧЕМ ЗАНЯТСТЬСЯ ПОСЛЕ ОРГИИ?”, НИККИ ПОЛУЧАЕТ ОТ СОМНИТЕЛЬНОГО КУРЬЕРА ИЗВЕСТИЕ О ТОМ, ЧТО ВИНС УЖЕ НАШЕЛ НА НЕГО ОТВЕТ»

Когда я вернулся домой после тура «Shout», я не знал, что мне делать дальше. Мы были в дороге тринадцать месяцев, и за это время я потерял подругу, наш дом и большинство своих друзей. Я спал на дерьмовом матраце и ел из пенопластового ящика со льдом. Я чувствовал себя одиноким, угнетенным и безумным. Это не было похоже на то, как предполагалось, должны жить рок-звёзды.

Поэтому Роббин Кросби (Robbin Crosby), фотограф по имени Нил Злозовер (Neil Zlozower) и я решили поехать на Мартинику (Martinique). Это была сюрреалистическая поездка, т. к. я был в очередном наркозапое (drug binge) и был совершенно не в состоянии делать что-либо самостоятельно. Кто-то отвёз меня в аэропорт и посадил на самолет до Майами (Miami), затем кто-то посадил меня на другой самолет, затем кто-то провёл меня через таможню, и следующее, что я помню, как оказался в баре у бассейна на красивом острове, где повсюду разгуливали обнажённые по пояс женщины. Это было самое восхитительное райское место, которое я видел в своей жизни.

После недели отдыха на Мартинике мы прилетели в Майами. Пока я шёл от самолета, ко мне подбежал высокий человек в синей спортивной куртке. “Никки, Никки”, завопил он. “Ваш певец мёртв”.

“Что?!” спросил я.

“Винс погиб в автомобильной катастрофе”.

Мои колени подкосились, голова закружилась, и я рухнул на стул. Это не входило в мои планы, я даже не предполагал, что такое может случиться. Что произошло? Я не читал никаких газет, не смотрел телевизор и ни с кем не разговаривал, пока был вдали от дома. Я подошёл к телефону-автомату и позвонил нашему менеджеру.

“Произошёл несчастный случай”, сказал Док.

“Боже мой, так значит, это правда!”

“Да”, сказал он. “Винсу сильно не повезло”.

“Я бы сказал, ему совсем не повезло. Ведь он мертв, чувак”.

“Что ты такое говоришь?” спросил Док. Затем он рассказал мне историю: Раззл был мертв, Винс находился в реабилитационной клинике и все были подавлены, сконфужены и расстроены.

Я сел на ближайший самолет до Лос-Анджелеса и приехал в чёртову лачугу, которую делили мы с Роббином. Я позвонил Майклу Монро (Michael Monroe) и Энди МакКою (Andy McCoy) из «Hanoi Rocks», и все мы исчезли, погрузившись в какую-то странную, крепкую дружбу, связавшую нас смертью, наркотиками и самоуничтожением. Майкл сидел весь день, расчесывая свои волосы, накладывая свою косметику, смывая косметику, а затем накладывая её снова.

“Может ты на самом деле трансвестит”, сказал я ему день спустя, когда пошел искать его в уборную в «Радуге», но обнаружил, что он пользуется женским туалетом.

“Нет, мужик”, ответил он, размазывая тональный крем по своему лицу. “Просто мне нравится, когда я так выгляжу”.

“Но это не подразумевает того, что ты должен пользоваться дамской комнатой”.

“Я всегда пользуюсь дамской комнатой”, сказал он мне, “потому, что всякий раз, когда я делаю это в мужской, мне приходится драться, т. к. кто-нибудь непременно обзовёт меня педиком за то, что я накладываю косметику перед зеркалом”.

Я не одобрял внутривенный кокаин с тех самых пор, когда Винс встречался с Лави и появился на концерте в банном халате. Но с парнями из «Hanoi Rocks» я начал постоянно комбинировать его с моим героином. Я даже не позвонил Мику или Винсу. Я не знал, что мне самому теперь делать: с «Криком на дьявола» я воплотил в жизни многие свои мечты. Это была оргия успеха, девочек и наркотиков, именно то, чего я всегда так жаждал. Но теперь жизнь столкнула меня с новой проблемой: чем заняться после оргии?

Единственное, что приходило мне в голову, что после оргии, должна быть другая, ещё большая оргия, но для этого я должен был прийти в себя от предыдущей. Винс был в новостях каждый день, и я был настолько выключен из жизни, что каждый раз спрашивал, “Почему Винса показывают в новостях?” И кто-нибудь отвечал мне, “Это из-за обвинения в убийстве”. И я просто говорил, “А! Ну да!”, и вкатывал себе очередную дозу.

Винс был моим коллегой по группе, моим лучшим другом, моим братом. Мы только что закончили самый успешный тур, который только мог быть у молодой группы в начале её карьеры; мы переживали один из самых лучших периодов вместе; мы

делили всё, от моей подруги до жены Томми, не говоря уже о поклонницах. И я не звонил ему, я не навещал его, я вообще никак его не поддерживал. Меня, как обычно, интересовало только удовлетворение моих собственных желаний. Почему я не был там, рядом с ним? В чём была причина этого? Действительно ли дело было только в наркотиках? Когда я думал о Винсе, то это была не жалость; это был гнев, будто он был плохим парнем, а остальные члены группы были невинными жертвами его проступка. Но все мы принимали наркотики и садились пьяными за руль. Это могло произойти с любым из нас.

Но это не произошло. Это случилось с Винсом. И он сидел в реабилитационной клинике, размышляя над своей жизнью и своим будущим, в то время как всё, что мог делать я, было — сидеть дома и обдумывать следующую дозу кокаина, которую я пущу себе в вену. Томми отсутствовал, зависая в «Радуге» с Бобби Блотзером (Bobby Blotzer) из «Ratt», Мик, вероятно, сидел на ступеньках своего дома, держась за очередной подбитый глаз, а «Motley Crue» умерли прямо на стартовой черте.

Глава пятая

МИК

«О СЛАДОСТНО-ГОРЬКОМ ОТКРЫТИИ МИКА, КОГДА ОН ОБНАРУЖИВАЕТ, ЧТО ВОЗВРАТИЛСЯ ИЗ ВОДНОЙ МОГИЛЫ, В ТО ВРЕМЯ КАК ДРУГ ПРОМЕНЯЛ ЭТУ ЖИЗНЬ НА СВОЙ КРОШЕЧНЫЙ УЧАСТОК ЗЕМЕЛИ»

Я был уверен, что я умер. Я проснулся на берегу, и небо, и море были черны, как смоль. Слепящий свет горел вдалеке, и я пошёл на него. Это оказались окна дома Винса. Я заглянул внутрь и увидел Бэс, Томми, Энди и других парней в гостиной. Но они не веселились. Они сидели в тишине и выглядели грустными, будто случилось что-то ужасное. Когда они говорили, казалось, что они разговаривают шёпотом. В глазах Томми и Бэс были слезы. Я предположил, что они оплакивают меня: то, что я утонул, и они обнаружили мое тело. Теперь я был всего лишь духом, призраком или приведением, застрявшим на этом свете в наказание за все мои земные прегрешения и за моё самоубийство. Но где была Вещь? Почему она не была там, оплакивая меня вместе с ними? В конце концов, это событие должно было в первую очередь удостоиться её внимания. Возможно, она была в морге рядом с моим телом.

Так как я был призраком, материальные объекты больше не могли служить мне препятствием. Поэтому я попытался пройти сквозь стеклянное окно в комнату, чтобы послушать, что говорили обо мне Томми и Бэс. Это был тот случай, когда я действительно сильно ушибся. Звук моего тела, столкнувшегося с окном, заставил вздрогнуть всех в доме. Они в панике подбежали к окну и выглянули наружу, обнаружив всего лишь меня, лежащего спиной на песке.

“Где ты был, чувак?” воскликнул Томми, когда увидел меня.

До меня, наконец, дошло, что я жив.

Когда они рассказали мне о несчастном случае, Бэс сказала, что многие подумали, что это я был в автомобиле: Раззл был настолько сильно изуродован, что походил на меня. Впрочем, не было бы никакой разницы, так как в любом случае для «Motley Crue» всё уже было кончено, поскольку это имело прямое отношение и ко мне. Я привык к тому, чтобы быть бродягой, и я всегда мог вернуться к своим скитаниям, зарабатывая себе на выпивку и на ночлег.

Когда я вернулся домой, я был взволнован. Сначала я подумал, “Алкоголь — это зло”, но затем я начал пить так, как никогда в жизни ещё этого не делал. Вещь вскоре ушла из дома. Я купил «BMW 320i»; и однажды ночью у себя дома я разговаривал с барабанщиком из «White Horse» о том, какой крах терпит моя личная жизнь. Он захотел взглянуть на мой «BMW», я отдёрнул шторы, чтобы показать ему, но машины на месте не было. Я позвонил в полицию и сообщил им, что моя подруга украла мой автомобиль. Они только и могли сказать, что я пьян, и казалось, что на самом деле их это не заботило. “Хорошо”, сказали они мне. “Мы выйдем и будем искать ее. И если мы увидим её с автомобилем, мы её пристрелим, хорошо?”

“Ладно. Не берите в голову”, сказал я.

“Она вернется, не волнуйтесь”, сказал полицейский и повесил трубку.

Но она так и не вернулась. Меня всегда предавали те, с кем я встречался, потому что, если вы изменяете вашей жене или подруге, вы начинаете думать, что она делает то же самое по отношению к вам, и это вызывает страх и недоверие, и, в конечном счете, уничтожает ваши отношения. Но женщины, с которыми я встречался и на которых я женился, не всегда думали также: они могли пойти потрахаться с кем-нибудь, а затем прийти домой и сказать, “Эй, малыш, что случилось?” Я не понимаю, как кто-то может поступать так с любимым человеком, но, если они поступали таким образом со мной, то мне остаётся предположить, что они просто не любили меня. И в случае с Вещью так оно и оказалось. Я нашёл свой автомобиль около дома одного профессионального боксера. Когда я столкнулся с ней лицом к лицу, она сказала, “Пошёл ты. Я теперь с ним. Он намного моложе”. Хотя она никогда не говорила этого, я чувствовал, что она думает, что он будет лучшим выбором, чем я, потому что сможет заработать больше денег. Я всегда говорил ей, что через несколько лет я буду мультимиллионером.

“Удачи тебе в твоей бедности”, сказал я ей самонадеянно, хотя внутри я был так же смущен, как шлюха в церкви. Я отправился в наш дом, за который было заплачено ещё в прошлом месяце, и сказал управляющему, что с’езжаю, и что Вещь будет теперь ответственна за него.

Я чувствовал себя древним, истощенным и бесполезным: слишком старым, чем когда-либо, чтобы найти себе другую молодую, красивую подругу и слишком старым, чем когда-либо, чтобы найти себе другую группу, способную продвигаться наверх также стремительно, как это делали «Motley Crue», получая всё — молодых женщин, мультимиллионы и переполненные рок-арены.

Я мог путешествовать по стране, играя на улицах за деньги, подобно Роберту Джонсону (Robert Johnson — блюзовый гитарист 30-ых годов), но прежде я должен был изменить своё мышление. Так что я переехал на квартиру в Марина дель Рей (Marina del Rey) и начал промывать свои мозги алкоголем. Каждую ночь прежде, чем я ложился спать, я чувствовал, что моё тело всё более раздувается, становясь похожим на потную, отвратительную свинью. Я неоднократно думал о том, чтобы навестить Винса в реабилитационной клинике. Я не был рассержен на него, но я был расстроен. Даже при том, что я знал, что это не его вина, но в то же самое время я не мог заставить себя простить его.

Глава шестая

НИККИ

«ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ГДЕ С ГРУСТЬЮ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ТОМ, КАК НАШИ ГЕРОИ СТАЛКИВАЮТСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ СО СВОИМ ЗЛЕЙШИМ ВРАГОМ: САМИМИ СОБОЙ»

Когда Винс прибыл в студию, не произошло никакого слёзного воссоединения. Смутное чувство печали окутало комнату, как будто в дверях внезапно появилась бывшая супруга. В течение нескольких последних месяцев я, задрав нос, словно король Мира, разгуливал по Лос-Анджелесу с Роббином Кросби и парнями из «Hanoi Rocks» без единой мысли о группе. Я написал песни для альбома, который должен был стать «Theatre of Pain» («Театр боли»), но я абсолютно не соображал, что я делаю, что говорю и что играю; я был настолько обдолбан, что даже едва мог одеться без посторонней помощи.

Когда Винс коротко сказал “привет”, даже при том, что он только что прошёл курс лечения, я предложил ему нюхнуть. Возможно, я сделал это только лишь для того, чтобы снова сойтись с ним, он согласился, скатал в трубочку долларовую бумажку и вдохнул порошок. Несколько мгновений спустя, зажав рот руками, он побежал в ванную и в течение пяти минут выблевал всё, что было у него желудке.

“Что это было, мать твою?” спросил Винс.

“Смэк, мужик”, сказал я ему. (Smack — героин)

“Смэк? Зачем, чёрт побери, ты это делаешь?”

“Потому что это круто”.

“Господи, да ты совсем сбрендил!”

Но мы все к тому времени сбрендили. Чего Винс не понимал, так это того, что пока он лечился от алкоголизма, все мы достигли нового пика нашей зависимости. Мы торчали дома и не знали, чем себя занять после такого интенсивного тура. Наши подруги и жены — Лита у меня, Вещь у Мика и Хани у Томми — покинули нас, и мы остались одни. Поэтому Мик утопил себя в крепких самодельных коктейлях, Томми — в галлонах водки и эйтболах (eightballs — смесь кокаина с героином), что же касается меня, то это был период, когда я начал систематически принимать наркотики.

Каждый раз, когда я приходил домой из студии, я открывал

дверь, повсюду в передней были люди, они слушали музыку, кололись, трахались… Я проходил мимо них, потому что не знал, кто они такие, и падал на свою кровать. По всей моей комнате были разбросаны иглы и книги. Я читал о взаимоотношениях между театром, политикой и культурой, начиная с тех времён, когда шутов, которые не могли рассмешить короля, казнили, заканчивая более новыми идеями, например, эссе Антонина Арто (Antonin Artaud) на тему «Театр жестокости» («The Theater of Cruelty»). Первоначально мы собирались назвать альбом «Развлечение или смерть» («Entertainment or Death»), но спустя неделю после того, как Дуг Талер (Doug Thaler) наколол эту надпись у себя на руке, мы изменили название на «Театр боли». Я украл его толи из эссе Арто, толи у девчонки по имени Дина Кансер (Dinah Cancer), с которой я встречался пару раз (которая играла в группе «45 Grave»), толи у них обоих.

В студии никому не нравился звук, который издавали все наши инструменты. Но мы были слишком пьяны, чтобы что-нибудь с этим поделать. Мик бесился оттого, что должен был использовать усилитель «Gallien-Krueger», вместо своего «Marshall», хотя он чуть было не описался от счастья, когда к нам в студию зашёл Джефф Бек (Jeff Beck) и попросил у него медиатор.

Я написал всего пять песен, и все их мы записали. Поэтому нам пришлось разорить старые демо-записи, чтобы набрать песен на полный альбом. «Home Sweet Home» была одной из первых песен, которую мы поставили на магнитофон, и она унесла наши мысли и чувства в те самые времена, когда мы были ещё без единого гроша, одинокие, безрассудные и смущенные бродяги, жаждущие некой защищённости, возможно, тоскуя по семейным, близким отношениям или по смерти. Но мы записывали её с таким трудом: мы приходили в студию, делали два дубля, отвергали их оба, а затем нам всё это надоедало, и, сытые по горло, мы расходились по домам. И так — каждый день в течение недели только с одной «Home Sweet Home», продвигаясь очень медленно и практически не добиваясь желаемого результата.

Пока мы работали над песней, в студию приехал наш бухгалтер с восходящей актрисой по имени Николь (Nicole). Она была очень симпатична, но её волосы, зачёсанные назад, были залачены таким образом, что лежали густой и плоской лепёшкой на её макушке. На первый взгляд она показалась мне нудной, закомплексованной грымзой, похожей на адвоката. Я всегда был довольно равнодушен к девочкам. Я любил ложиться с ними в постель, но как только я кончал, я выходил из комнаты и, если мы были в туре, стучал в дверь моих коллег по группе, чтобы

посмотреть, чем они занимаются. Я не знаю, за что все они любили меня: я был плохим кандидатом на роль друга (boyfriend). Я был занудой, я обманывал, и я не был заинтересован в том, чтобы кто-то постоянно упрекал меня в этом.

После пары дней наблюдения за Николь на репетициях я спросил её, “Как ты насчёт того, чтобы отведать тайской кухни?” Я привёз её в ресторан под названием «Тои» («Toi»), который находился рядом с домом, где жили мы с Роббином.

После пары бутылок вина, я спросил её, “М-мм, ты когда-нибудь нюхала смэк?”

“Нет”, ответила она.

“А кокаин?”

“Да, кажется, пару раз”.

“Знаешь, что такое льюдс?” (’ludes — депрессант)

“Гм, думаю, знаю. Возможно, однажды пробовала”.

“Хорошо, тогда вот, что я тебе скажу. У меня есть смэк, кокаин и льюдс, если хочешь, поехали ко мне. У меня припасена ещё парочка бутылок виски, т. ч. мы сможем здорово повеселиться”.

“Поехали”, сказала она. Думаю, что она умирала от желания вырваться из своего традиционного окружения яппи, чтобы провести ночь с плохим парнем, а затем возвратиться в свой привычный мир и, сидя в офисе возле ватеркулера (watercooler — охладитель питьевой воды), возможно, сплетничать с другими чопорными сучками о том, как всё это не в её духе.

Мы пришли домой, хорошенько вмазались и трахнулись. Но почему-то она не уехала. Ей нравились наркотики. Они доставляли нам радость, они связали нас неким совестливым чувством: я знал её тайну, а она знала мою. Каждую ночь после репетиций мы возвращались ко мне и кололись. Затем мы начинали просыпаться утром и снова кололись. Потом она приходила на репетиции, и, не смотря на то, что мы делали запись, я брал перерыв, и мы кололись в ванной или в её машине, и, так или иначе, я уже не возвращался в студию в тот день. Внешне мы были другом и подругой (boyfriend and girlfriend), но технически мы были всего лишь приятелями-наркоманами. Мы использовали наши встречи как предлог для того, чтобы проводить всё наше время, принимая вместе героин, мы губили друг друга до такой степени, пока оба не сделались законченными наркоманами. Мы даже почти не занимались сексом: мы просто кололись, а потом сидели и клевали носом на моём грязном матрасе.

С ТЕХ ПОР, КАК С ВИНСОМ ПРОИЗОШЁЛ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, МЫ ВСЕ ЧЕТВЕРО отделились друг от друга и начали вести каждый свою собственную жизнь. Особенно Винс. Когда мы вышли на тур «Theatre of Pain», он как будто пребывал где-то вне группы. Почему-то мы продолжали смотреть на него, как на плохого парня, словно он был изгоем среди нас. У него были неприятности, но у нас их не было. Так, если после шоу я заставал его с бутылкой пива, я устраивал ему разнос. С одной стороны, он заслуживал этого, потому что, если бы его застукали, то судья влепил бы ему срок на полную катушку. Но с другой стороны, я читал ему лекции о вреде пива, а в руках у меня была бутылка «Джека» и шприц в правом ботинке.

Таким образом, пока все были заняты удержанием Винса от употребления слабоалкогольных напитков, никто не замечал, что я постепенно становился всё хуже и хуже. В ночь перед с'ёмками видео на песню «Home Sweet Home» во время тура в Техасе (Texas) я поймал Винса в баре отеля и сказал Фрэду Сондерсу (Fred Saunders), нашему охраннику, отправить его в номер с девочкой. Тем временем, у меня был эйтбол кокса, который я хотел смешать кое с чем. Поэтому я сказал Фрэду, что мне нужны кое-какие таблетки. Он возвратился с четырьмя большими синими шариками в руке и предупредил, “Не глотай больше одной штуки. Иначе, они тебя уничтожат”.

Я поблагодарил его и взял с собой белокурую стриптизёршу в высоких ковбойских сапогах, джинсах «Jordache» в обтяжку, с огромными искусственными сиськами, вылезавшими наружу из её красного корсета. Мы поднялись ко мне в номер, и я вылакал четверть галлона (чуть меньше литра) виски, нюхнул и ввёл себе такую дозу кокаина, какую только можно себе представить, и, вдобавок ко всему, одним махом проглотил все четыре пилюли. Я предложил ей всего лишь несколько крошек оставшегося кокса, т. к. мне было абсолютно плевать на неё. Я привык запихивать в себя всё, что было в моём поле зрения, потому что, должен признать, моим любимым развлечением было: смешать всё, а затем посмотреть, что произойдёт с моим телом.

Той специфичной ночью мое тело повстречало нечто себе подобное. Когда я проглотил пилюли, моя голова начала гореть, и я почувствовал, как сумасшедший толчок энергии вырывается из меня наружу. Образы моих отца и матери проплывали перед моими глазами. Я забыл все о моём папе, начиная с того момента, как сменил имя, но теперь вся моя одинокая обида и гнев, которые всё это время сидели во мне, вылезли наружу, ведь я никогда не препятствовал его возвращению. Мой разум всегда был похож на поезд, всё время мчащийся вперёд на всех парах и

не останавливающийся ни перед чем. Но внезапно этот поезд сошёл с рельсов. Я запрыгнул на стол и начал рвать на себе волосы, крича, “Я — не я! Я — не Никки! Я — кто-то ещё!”

Блондинка пришла ко мне в комнату, возможно, думая, что она ляжет в постель с Никки Сиксом, но теперь она имела дело с уродливым Фрэнком Феранна, кретином из средней школы, который так неожиданно вылупился из кожи рок-звезды. Блондинка схватила телефонную книгу отеля и позвонила Фрэду. Он прибежал в номер и стащил меня со стола. Я упал на пол и забился в конвульсиях, пока белая пена не начала просачиваться сквозь мои губы. Фрэд пытался заставить меня прикусить рулон туалетной бумаги, но я начал кричать. На середине вопля я вдруг потерял сознание.

Когда я проснулся утром, я был уже спокойней, но на самом деле мне было нисколько не лучше. Лимузин привез меня на с’ёмки клипа, и кто-то запихнул меня в мой абсолютно глэмовый костюм «Theatre of Pain». С’ёмки, как предполагалось, должны были состояться в полдень на концертной сцене, и, пока я ждал их начала, я блуждал под сценой. Я встретил там человека, и мы долго разговаривали о семье, музыке и смерти. Когда пришло время для с’ёмок, я был расстроен из-за того, что должен был прервать беседу.

“Никки”, сказал Лузер (Loser), мой бас-техник. “С кем ты разговариваешь?”

“Отстань! Не видишь — я беседую”.

“Никки, там нет никого”.

“Оставь меня в покое!”

“Ладно, ладно… Ты какой-то странный сегодня”.

Мы сняли несколько сцен за кулисами, целуя плакаты с цыпочками, типа Хизэр Томас (Heather Thomas — американская актриса 80-90-ых годов), которые мы развешивали по стенам в каждом городе, а затем пошли на сцену. Я чувствовал себя так, будто принял кислоту и кокаин одновременно, и всё это время я продолжал хлестать виски, чтобы постараться добить себя окончательно. Мои глаза закатились назад так, что я ничего не мог видеть, и во время с’ёмок вынужден был надеть тёмные очки. Я едва мог ходить, поэтому они выстроили в линию человек двадцать по краю сцены для уверенности, что я не свалюсь с неё.

Я восторгаюсь Винсом, потому что он не сказал мне ни единого ехидного слова о том, каким обдолбанным я был тогда. Но, возможно, просто из-за того, что он сам поймал кайф от этих таблеточек. Он, должно быть, просто спокойно принимал один шарик, отходил в сторонку и, таким образом, одним махом избегал сразу всех неприятностей: давления от пребывания с

нами в туре, от чтения лекций о вреде алкоголизма в школах в каждом городе, от вечных разговоров с психиатрами о несчастном случае, от неспособности пить и от постоянного тягостного неведения — останется ли он в ближайшее время в туре или окажется в тюрьме.

Мы всегда думали о себе, как об армии или о банде. Именно поэтому для тура мы купили частный самолет и покрасили его весь в чёрный цвет с гигантским членом и яйцами на хвосте так, чтобы каждый раз, когда мы приземлялись где-нибудь, это напоминало о том, что мы прилетели трахнуть очередной город. Но вместо того, чтобы действовать как единая сила вторжения, мы начали превращаться в конкурирующих полководцев. После каждого шоу каждый из нас вербовал в свои ряды разных солдат. Доходяги, задохлики и парни, которые любили говорить “чувак” (”dude”), облепляли Томми, который входил в свою стадию сценического костюма а-ля “«Sisters of Mercy» в обнимку с Боем Джорджем” (Sisters-of-Mercy-hugging-Boy-George); кретины, помешанные на гитаре, стекались к Мику; наркоманы заманивали в ловушку меня своими долгими разговорами о книгах и записях; а Винс отступал обратно в свою раковину. Он цеплял тёлку, затем возвращался в автобус или свой гостиничный номер и занимался своими делами.

Возможно, именно это позволяло ему чувствовать себя в безопасности. Он больше не мог доверять нам, потому что мы бросили его, но он находил девочку, ночью она любила его всем своим телом и душой, и он был в ситуации, которая была ему знакома, которой он мог управлять, и это помогало ему отвлечься от своей проблемы. Не понимая этого, Томми, Мик и я прочертили черту и вытолкали Винса по другую сторону от неё. И чем дальше мы продолжали веселиться, при возложенном на него воздержании, тем шире становилась эта черта до тех пор, пока земля не разломилась у нас под ногами, и Винс не оказался на маленьком осколке скалы, отделённой от остальной части группы пропастью, которую все в Мире пилюли, девочки и врачи не могли преодолеть.

Глава седьмая

ВИНС

«В КОТОРОЙ ВИНС РЕШАЕТ СЛОЖНУЮ ЗАДАЧУ ЕЖЕДНЕВНОГО ПРОЖИВАНИЯ В КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ С ПОМОЩЬЮ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ: ТРИ ПРОТИВ ОДНОГО»

Я на самом деле никогда не считал себя алкоголиком, пока не прошёл курс лечения. После этого я действительно им стал. Прежде я пил только для того, чтобы весело проводить время. Но после несчастного случая я всё время пытался забыть о том, что произошло. Чтобы функционировать в Мире как нормальный человек, я просто не мог постоянно испытывать чувство вины за судьбы Раззла, Лайзы Хоган и Дэниела Смитэрса.

Однако во время сеансов психотерапии они не позволяли мне забывать ничего: они каждый день вынуждали меня работать через мои мысли о несчастном случае до такой степени, что мне опять хотелось напиться так, чтобы забыть обо всём этом. Это был какой-то порочный круг. Даже оставаясь трезвым, я знал, что это всего лишь вопрос одного глотка пива, одного стакан вина, одной бутылки «Джека», пока я не надирался так, как никогда прежде.

В то время, пока я ждал приговора суда, я летал по всей стране и предостерегал подростков от питья спиртного и вождения транспорта в пьяном виде, и это помогало мне побеждать демонов алкоголизма, которые шевелились у меня в мозгах. Однако чтобы оставаться трезвым, важно, чтобы рядом с вами были люди, которые поддерживают вас в этом. Но рядом со мной не было никого, кроме наших менеджеров, которые пообещали мне золотой «Rolex» (наручные часы), украшенный бриллиантами, если в следующие три месяца я откажусь от выпивки.

В самолете парни потягивали «Джек» и кокс, они могли повернуться ко мне и попросить, “Винс, ты не мог бы передать вон ту тарелочку с коксом?” Они курили марихуану и нюхали кокаин прямо у меня пред носом. Они поступали так на протяжении всего тура, а затем, если я когда-либо срывался и прикладывался к бутылке, устраивали мне разнос и говорили, что я хочу навредить группе. Пока я был в клинике, обдолбанный Томми вёл свой мотоцикл с Джоем Вера (Joey Vera) из «Armored Saint» на заднем сидении. Он упал на автостраде и с полдюжины

раз перевернулся, сломав Джою руку так, что тот не мог играть на басу. И никто не сказал Томми ни слова. Он продолжал пить так, словно никому не было до этого никакого дела, и становился настолько пьяным, что наш тур-менеджер Рич Фиш (Rich Fishe), каждый раз вытаскивал его из кровати, когда приходило время покидать гостиницу, кидал его на багажную тележку, катил вниз к автобусу, а затем в аэропорту находил инвалидное кресло и закатывал его в самолет. Однажды ночью Рич приковал Томми наручниками к кровати, чтобы не дать ему напиться, но спустя час Томми сбежал и был обнаружен внизу, лежащим без сознания в груде битого стекла от перегородки, разделявшей столики в ресторане, которую он только что разбил.

Для парней это было забавно, но всё, что делал я, было неправильно. Одно из правил в самолете гласило: руки прочь от стюардесс. Но мне так надоело быть трезвым, что я, в конце концов, всегда оказывался со стюардессой в ванной или в туалете в хвосте салона, или в гостиничном номере после того, как мы приземлялись. Затем группа узнавала об этом, и её увольняли. Чтобы поставить меня на место, они наняли жену пилота в качестве стюардессы. Наконец, они даже наняли мне второго штатного охранника по имени Айра (Ira), чья единственная работа состояла в том, чтобы выводить и провожать меня до моего номера, если я пил или создавал какие-то проблемы на публике.

Тем временем каждый жил своей собственной жизнью. Пока мы репетировали новый отрезок тура, Томми засветился с кое-какими полароидными снимками, где он запечатлел, как он трахает Хизер Локлир (Heather Locklear). Они внезапно начали встречаться руг с другом, т. ч. теперь мы имели честь любоваться задницей Хизэр Локлир с близкого расстояния.

Женщины также стали моей новой вредной привычкой. Но только не женщины, подобные Хизэр Локлир. Вместо того, чтобы пить и принимать наркотики, я трахал множество поклонниц (groupies). А их были тонны. Я имел по четыре или пять девочек за ночь. У меня был секс перед шоу, после шоу, а иногда и во время шоу. Это никогда не прекращалось, потому что я никогда не отказывался от возможности, а такая возможность была всегда. Несколько раз, когда я действительно нуждался в расслаблении, я выстраивал в линию полдюжины голых девочек на полу моего гостиничного номера или лицом к стене, а затем пробегал эту дистанцию с сексуальными препятствиями. Но всё новое быстро приедалось. Даже при том, что я был женат на Бэс, и у нас была дочь, наши отношения едва ли улучшились с рождением ребёнка. Кроме того, её оранжевый «240Z», который я так любил, был уже

на свалке. Так что это был всего лишь вопрос времени прежде, чем мы расстались.

Казалось, будто все мои отношения, рушатся у меня на глазах. Я понимал, почему группа была так рассержена на меня, но я ничего не мог с этим поделать. Как мои коллеги по группе они должны были поддержать меня. В конце концов, мы только что записали слабый альбом, ведущим хитом которого была кавер-версия песни «Smokin' in the Boys' Room» группы «Brownsville Station», которую я обычно играл с моей старой группой «Rock Candy», и это была моя идея. Но каждый вечер, хотя я любил исполнять её на концертах, Никки сетовал на то, что песня глупая, и отказывался её играть. За исключением «Home Sweet Home», которую MTV прокрутил так много раз, что в пору было устанавливать ограничение срока годности на новые видеоклипы, чтобы прекратить вал заявок, остальная часть альбома была полнейшим дерьмом. Каждый вечер, когда я носился по сцене в своих розовых кожаных штанах со шнуровкой по бокам, я чувствовал себя единственным трезвомыслящим человеком, который понимал, насколько никудышными были некоторые из этих песен. Я был потрясён, когда эта запись стала дважды платиновой, и, вероятно, это только укрепило нас в мысли, что мы настолько великие, что даже можем позволить себе записать ужасный альбом.

Когда между отрезками тура мы прилетели обратно в Лос-Анджелес, мой адвокат инициировал встречу в суде с окружным прокурором и семьями других пострадавших в автокатастрофе. Чтобы избежать суда, он посоветовал мне признать себя виновным в непреднамеренном убийстве и прийти к компромиссу. Он полагал, что, так как люди, выпивавшие в ту ночь в моём доме были главным образом членами «Motley Crue» и «Hanoi Rocks», то вечеринку можно было представить как деловую встречу, и в этом случае мы сможем возместить ущерб семьям пострадавших через страхование гражданской ответственности группы, потому что я был просто не в состоянии выплатить такие деньги самостоятельно. Благодаря этому, семьи жертв согласились на такой, как все посчитали, мягкий приговор: тридцать дней тюрьмы, 2,6 миллиона долларов в качестве компенсации морального ущерба и двести часов общественных работ, часть из которых я уже скостил, читая лекции в школах и по радио. Кроме того, мой адвокат сказал окружному прокурору, что я мог бы принести больше пользы, читая лекций во время тура, чем сидя на заднице в тюрьме, где от меня не будет никакого толку. Прокурор согласился с этим и отсрочил вынесение окончательного приговора до окончания тура.

Такая мера наказания была огромным облегчением, рассеявшим чёрную тучу, висевшую над моей головой. Но это было двойственной радостью, потому что теперь люди ненавидели меня ещё больше, чем раньше. В газетах снова появились заголовки, называвшие меня убийцей, но теперь они были ещё более отвратительными: “Пьяный убийца Винс Нейл приговорён к Мировому турне с рок-группой”.

Глава восьмая

НИККИ

«ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К НАИБОЛЕЕ ПОДВЕРЖЕННЫМ ВЛИЯНИЮ ЧИТАТЕЛЯМ, КАСАЮЩЕЕСЯ НЕУМЕРЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ, ОСОБЕННО ПРИ НАЛИЧИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, БЛЮСТИТЕЛЕЙ ПОРЯДКА И МУСОРНЫХ КОНТЕЙНЕРОВ, ДОСТАТОЧНО БОЛЬШИХ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВМЕСТИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО»

В день, когда был оглашён приговор Винсу, я был дома с Николь. Когда я подошел к телефону, в моей руке торчала игла. Через пару месяцев у нас был запланирован тур по Европе с «Cheap Trick», я же настолько отстранился от Винса, что мне было плевать, какой срок ему дадут, пока не осознал, что это может повредить туру, тем более «Cheap Trick» всегда оказывали на нас большое влияние, а теперь они должны были играть у нас на разогреве. Тем не менее, когда я услышал, что это всего лишь тридцать дней, мое сердце оттаяло, и на глаза непроизвольно навернулись слёзы. С ним будет всё в порядке, и группа останется невредимой даже при том, что мы на самом деле этого не заслуживаем. После этой мысли я укололся и заторчал.

Поскольку героин был моей и Николь маленькой тайной, никто в группе не понимал, насколько плохо обстояли дела. Я никогда не говорил нашему тур-менеджеру и секьюрити, что я колюсь: я всегда добывал героин самостоятельно. И хотя я уже не был наивным подростком, я медленно попадал в зависимость. Ирония состояла в том, что, как я узнал позже от нашего бухгалтера, первоначально он свёл меня с Николь, потому что думал, что влияние этой чистой, восхитительной женщины будет держать меня в определённых рамках. Он очень недооценил мои способности. Признаться, я их тоже недооценил. Я понял это, когда мы отправились в Японию.

Я не взял с собой никакого героина, рассчитывая на то, что это будет хороший способ остановиться, но к концу полёта, я начал заболевать. В гостинице я потел, с носа текло, поднялась температура, и моё тело начало знобить. Прежде я не испытывал ничего подобного в отсутствии дозы. Я всегда думал, что я сильнее любого наркотика, что я слишком умён, чтобы попасть в зависимость от чего-либо, что только идиоты без силы воли становятся наркоманами. Но в моем гостиничном номере я

пришёл к выводу, что либо я неправ, либо я — идиот. Я вытащил из сумки свой маленький кассетный плейер и поставил первый альбом «Lone Justice», который только что вышел. Я прослушал его много раз в течение почти двадцати четырех часов, лёжа на кровати с открытыми глазами, слишком больной, чтобы уснуть.

После двух дней тошноты от лёгких наркотиков я понял, что я — действительно наркоман. Группа изменилась. Из весёлых, любящих позабавиться сорванцов она превратилась в какое-то ожесточённое, обтянутое кожей, мозолистое костлявое бродячее существо. Мы были уставшими, мы не могли остановить время, а я стал грубым и неуступчивым.

Но здесь я был в стране, где фанаты дарили мне куклы, рисовали для меня комиксы, говорили, что им нравятся мои волосы, и плакали, подходя ко мне. Несмотря на свою болезнь, я впервые смог ощутить это, я получал часть любви, которую всё это время искал посредством музыки. А взамен я терроризировал всех вокруг, разрушал всё, что попадалось на моём пути, пил всё, что мог, чтобы только отгородиться от всего этого. Я ослабел от любви, от своей новой зависимости и от отвращения к самому себе.

К тому времени, когда тур завершался в Европе, я был уже мстительным, ненавидящим себя героинщиком. В День Святого Валентина (14 февраля) мы играли с «Cheap Trick» в Лондоне, и парни из «Hanoi Rocks» прибыли, чтобы посмотреть наше шоу. Брайен Коннолли (Brian Connolly) из «Sweet» присутствовал за кулисами, и я был уверен в том, что он не помнит, как он сказал мне, что из меня никогда ничего не выйдет, когда четыре года назад я послал ему свою демо-запись группы «London». Когда я увидел его, то снова почувствовал гнев и обиду от того телефонного разговора с ним. Я впился в него взглядом, надеясь, что он как-нибудь вспомнит и извинится, но он так и не сказал мне ни слова. Я тоже не смог заставить себя подойти к нему и позлорадствовать, потому что я был похож на кусок дерьма из-за того, что с утра не укололся. Я удовлетворился тем, что каждый из группы той ночью сказал мне, каким он оказался козлом. Это было моей валентинкой (valentine — подарок на День Святого Валентина).

После шоу я прихватил Энди (Andy) из «Hanoi Rocks», мы прыгнули в черное лондонское такси и отправились на поиски героина. С песней «Clash» “White Man in Hammersmith Palais”, звенящей у меня голове, мы, наконец, нашли дилера на захолустной улочке в полуразрушенном коммунальном доме.

“Эта достаточно сильная дурь”, улыбнулся мне дилер сквозь большие гнилые зубы.

“Я крут”, сказал я ему. “Я старый профи”.

“Ты, брат, похоже, тёртый калач”, сказал он мне. “Желаешь, чтобы я сделал это для тебя?”

“Да, это было бы прекрасно”.

Он закатал мой рукав и обмотал петлей резиновый медицинский жгут вокруг верхней части моей руки. Я держал жгут туго затянутым, в то время как он заполнил шприц и воткнул иглу мне в руку. Героин побежал по моим венам и, как только он взорвался у меня в сердце, я понял, что мне конец. Я не должен был позволять кому бы то ни было делать мне укол. Это был тот самый случай: я подыхал. Но я не был готов к этому. У меня ещё были дела, которые я должен был закончить, хотя я никак не мог вспомнить какие именно. Ах да. Трахнуться.

Я кашлял, блевал, снова кашлял. Я очнулся, комната была вверх тормашками. Я лежал на плече у дилера, который выносил меня в дверь, как старый мешок с мусором. Меня снова начало тошнить, и рвота полилась у меня изо рта. Он бросил меня на пол. Моё тело посинело, Энди, пытаясь привести меня в чувства, положил мне в штаны лёд, по всем моим рукам и груди были большие рубцы от ударов бейсбольной битой. Это была идея дилера: он думал, что, если он причинит мне сильную боль, то мой организм под действием болевого шока придёт в себя. Когда такая тактика не подействовала, он, очевидно, решил просто выбросить меня в мусорный контейнер позади дома и оставить там умирать. Но тут меня вырвало на его ботинки. Я был жив. Полагаю, что это была моя вторая валентинка за одну ночь.

Конечно же, я не усвоил этот урок. Казалось, никто в группе никогда не учил своих уроков, несмотря на то, что Бог посылал нам массу предостережений. Не прошло и две ночи, как я снова был там.

Рик Нилсен (Rick Nielsen), гитарист «Cheap Trick», хотел представить нас Роджеру Тэйлору (Roger Taylor) из «Queen», который был одним из любимых барабанщиков Томми. Роджер привёз нас в русский ресторан, куда, по его словам, всегда ходили «Queen» и «Rolling Stones». Он провёл Томми, Рика, Робина Зандера (Robin Zander) — вокалиста «Cheap Trick» — и меня в персональный кабинет с резным, ручной работы, дубовым потолком. Мы сели вокруг огромного старинного деревянного стола и прежде, чем насладиться русским обедом, попробовали все виды водки, которые только известны человеку — сладкая, перцовая, малиновая, чесночная. Рик был одет в чёрный прорезиненный пиджак, и я почему-то всё время твердил ему, что испытываю непреодолимое желание помочиться на него.

Мы постепенно становились пьяными и дурными, смеясь, мы

рассуждали о том, какая это великолепная ночь, когда вошёл хозяин ресторана и об'явил, "А сейчас — десерт". Затем в комнату вошла целая команда официантов. Каждый официант предназначался для каждого из нас, и каждый аккуратно нес накрытый крышкой серебряный поднос. Они поставили подносы перед нами и один за другим сняли крышки. На каждом подносе было семь дорожек кокса, соответствующих величине каждой рок-звезды. Хотя я был все ещё слаб от предыдущей ночи, я вынюхал их все и продолжил пить. Следующее, что я помню, мы вернулась в бар нашей гостиницы, и Роджер Тэйлор разговаривал с Риком Нилсеном, пока я сидел на табурете позади них. Я встал на колени на табурет, стянул свои кожаные штаны и сделал то, что обещал сделать всю ночь: помочился на пиджак Рика. Он даже не понял, что произошло, пока моча не начала стекать на его штаны и на пол. В тот момент я подумал, что это довольно забавно, но когда я потом подошел к двери своего номера, я почувствовал себя ужасно: я только что нассал на своего кумира.

Той ночью мне хотелось выбежать и найти героин, но я заставил себя лежать в кровати и ждать, когда придёт сон. Я не собирался отказываться от героина, но, возможно, пришло время притормозить. Я начал пытаться управлять своим потреблением: один день я кололся, затем следующий день пропускал. Иногда я держался целых три дня. Но таким образом я только обманывал себя. Я осознал это в полной мере, когда у меня закончился героин, как раз перед окончанием тура.

Прежде, чем сесть в самолет, который вёз нас домой из Франции, я позвонил своему дилеру в Лос-Анджелес и сказал ему встретить меня в аэропорту. Затем для верности, чтобы он не опоздал, я вызвал лимузин, чтобы тот подбросил его до аэропорта. Весь полёт я ёрзал в своём кресле от нетерпения, мечтая о том первом сладком проникновении героина в мои вены после столь долго перерыва. Меня даже больше не волновали девочки. Винс мог забирать всех их себе, оставив мне только наркотики.

Когда к самолёту подали трап, я был первым на выход. "Пока, парни, увидимся", было всё, что я мог сказать группе, с которой я провёл последние восемь месяцев. Затем я пошёл с моим дилером, запрыгнул в лимузин, и в мою руку вошла игла даже прежде, чем успела захлопнуться дверь автомобиля. Мы встретили Николь на Вэлли Виста Бульвар в Шерман Оукс (Valley Vista Boulevard in Sherman Oaks), где она показала мне мой первый настоящий дом, который она выбрала для меня, пока я был в туре.

Я всегда думал, что возраст и успех помогли мне преодолеть

застенчивость и низкую самооценку, которые развились во мне из-за постоянной смены домов и школ, когда я был ребёнком, но на самом деле я абсолютно не изменился. Я просто утопил эти чувства в героине и алкоголе. Как человек, я действительно никогда не знал, как действовать и вести себя в этом Мире. Я всё ещё был ребенком, который не знал, как играть в нормальные игры со своими кузенами. Пока я взрослел, я просто ставил себя в ситуации, в которых я мог держать всё под контролем. Меня не интересовали желания и стремления других людей в их среде, где я не имел никакого влияния. Но теперь, ступив на порог своего собственного дома, я едва ли мог его покинуть. Мы с Николь тратили на наркотики в среднем от пятисот до тысячи долларов в день. Мы буквально ходили по сумкам с героином, мешкам с кокаином, чемоданам с «Кристал» (Cristal — амфетамин), не говоря уже о таблетках.

Сначала это была большая вечеринка. Иззи Страдлин (Izzy Stradlin) лежал, свернувшись калачиком, перед камином, порно-звезды валялись в отключке в гостиной, а Бритт Экланд (Britt Ekland — шведская актриса), спотыкаясь, выползала из ванной. Однажды ночью заглянули две девочки и сказали, что они с парнем по имени Эксл (Axl), который был в группе под названием «Guns N' Roses», он хотел войти, но был слишком застенчив, чтобы постучаться и спросить разрешения.

“Я думаю, я слышал о нем”, сказал я им. “Я знаю его гитариста, кажется”.

“Так он может войти?” спросили они.

“Нет, но вы можете”, сказал я им. И они вошли.

Поскольку я всё больше и больше накачивался кокаином, у меня развилась паранойя, и скоро я едва ли мог позволить войти в дом кому попало. Николь и я день и ночь сидели голые. Все мои вены были исколоты, и я исследовал своё тело на предмет свежего места: на ногах, на ступнях, на руках, на шее и, наконец, когда все вены иссякли, на члене. Когда я не кололся, я патрулировал свой дом в поисках злоумышленников. Я начал видеть людей в деревьях, слышать полицейских на крыше, снаружи мне мерещились вертолеты с отрядами морской пехоты, прибывшими захватить меня. У меня был «Магнум» («.357 Magnum» — пистолет), и я постоянно охотился на людей в чуланах, под кроватью и в стиральной машине, потому что я был уверен, что кто-то скрывается в моем доме. Я так часто звонил в компанию по безопасности «West-Tech», которая обслуживала мой дом, что у них в офисе было указание, которое предупреждало патрульных выезжать на мои вызовы с предосторожностью, потому что я наставлял заряженный пистолет на многих из их

сотрудников.

На сцене я выступал перед десятками тысяч людей; теперь же я был один. Я довёл себя до нечеловеческого состояния, проводя целые недели, сидя в своём чулане с иглой, гитарой и заряженным пистолетом. И никто из группы не заглянул ко мне, никто не позвонил, никто не пришёл, чтобы спасти меня. На самом деле я не могу обвинять их. В конце концов, Винс был в тюрьме в течение трех недель, и ни одна мысль о том, чтобы позвонить или проведать его, даже не промелькнула у меня в голове.

Глава девятая

ВИНС

«ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ, ПО ПОВОДУ КОТОРЫХ ВДУМЧИВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОГ БЫ ЗАДАТЬСЯ ВОПРОСОМ, КАК БОГИ СЕКСУАЛЬНОЙ ФОРТУНЫ ПОЗВОЛЯЮТ ВИНСУ УЛЫБАТЬСЯ ДАЖЕ ПРИ САМЫХ ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ»

Спустя две недели после тура «Theatre of Pain», я аккуратно положил мой новенький золотой, инкрустированный бриллиантами, «Rolex» за двенадцать тысяч долларов в свой ящичек, взял такси до ближайшего полицейского участка и передал себя в руки правосудия. Я хотел быстрее покончить с этим. Они отвезли меня в тихую тюрьму в Торрэнсе (Torrance), где я должен был отбывать мои тридцать дней.

Мой сокамерник сидел за то, что воровал спортивные автомобили, и мы оба были на хорошем счету за хорошее поведение, это подразумевало, что в наши обязанности входило приносить еду другим заключенным, убирать тюремные камеры и мыть машины полицейских. Взамен мы получали привилегии: не только телевизор и посетители, но и то, что по выходным охрана приносила нам гамбургеры и упаковку пива (burgers and a six-pack). Я только что провёл почти год в туре, пытаясь оставаться трезвым в угоду судьям, а теперь, когда я был в тюрьме, охрана поощряла меня выпивкой. Хотя сержант ночной смены ненавидел меня с потрохами, все остальные желали получить автографы и фотографии. Во многих отношениях клиника, чувство вины, газетные заголовки и безалкогольный тур были намного хуже, чем тюрьма.

Однажды днем одна белокурая фанатка, которая узнала, в какой тюрьме я был, зашла меня проведать. Она была одета в «Дэйзи Дьюкс» («Daisy Dukes» — очень короткие шорты, сделанные из обрезанных джинсов) и лайкровый топик, завязанный узлом спереди, и дежуривший сержант сказал, что я на час могу взять её в свою камеру. Я вёл её по коридору, наблюдая за тем, как у всех заключенных текли слюнки, когда мы проходили мимо них. Я привёл её в свою камеру, закрыл дверь и трахнул её на моей койке. В глазах моего соседа по камере я не мог сделать ничего более подлого.

За день до того, как я начал отбывать свой приговор, Бэс и я

переехали в дом за 1,5 миллиона долларов в Нортридже (Northridge) с нашей дочерью Элизабет (Elizabeth), которой было два с половиной года. В течение первой недели Бэс навещала меня в тюрьме каждый день. Затем она вдруг перестала приходить. На самом деле меня это не сильно обеспокоило: я не любил её, и наши отношения давно катились по наклонной.

Через девятнадцать дней начальник тюрьмы освободил меня за хорошее поведение. Так как я никак не мог связаться с Бэс, я попросил моего приятеля забрать меня от ворот тюрьмы. Мы добрались до Нортриджа, но я не мог вспомнить, где находится наш дом. После часа поиска мы, наконец, наткнулись на него. Я подошёл к двери и позвонил в звонок. Дома никого не было. Я обошёл вокруг и заглянул в окна, но все занавески были опущены. Возможно, мы ошиблись домом.

Я обошёл дом сзади и убедился, что бассейн и двор были мне знакомы. Поэтому я решил проникнуть внутрь. Там была стеклянная дверь, я разбил одно из стекол около ручки, просунул руку и открыл дверь, молясь, чтобы тут же не оказаться снова в тюрьме за взлом и проникновение в чужое жилище. Я вошёл внутрь и осмотрелся. Это был мой дом, но что-то было не так: вся мебель исчезла. Бэс забрала всё, даже формочки для льда из морозильника. Всё, что она оставила, были мой «Rolex» и мой «Camaro Z28» (автомобиль). Единственная проблема состояла в том, что она прихватила с собой ключи от него.

Я позвонил родителям Бэс, её бабушке и дедушке и её друзьям, и все они утверждали, что не получали от неё никаких известий. Меня не интересовал разговор с нею: мне всего лишь были нужны развод, ключи от моей тачки и какая-нибудь возможность поддерживать связь с моей дочерью. Я не видел Бэс почти десять лет к тому моменту, когда она появилась на концерте во Флориде (Florida) со своим мужем и новыми детьми, которых она вела за руку. Наша дочь Элизабет, со временем, переехала в Нэшвилл (Nashville), чтобы попробовать стать кантри-певицей.

Что касается меня, после года принудительной трезвости, тюрьмы, психотерапии и раскаяния, пришло время со всей ответственностью немного позабавиться. Я привёз в дом нескольких приятелей и, вместо того, чтобы купить мебель, мы соорудили яму с грязью для женской борьбы рядом с бассейном. Я пригласил всех наркодилеров, которых я знал, чтобы они зависали в моём доме, потому что везде, где были наркотики, были девочки. На одну из моих вечеринок зашла кучка парней в костюмах, которых я не знал. Когда они уходили, один из них вручил мне кусок кокаина (rock of cocaine) размером, наверное, с

мяч для гольфа, приложил руку к своей шляпе и сказал, словно он был Крестным отцом или кем-то в этом роде, “Спасибо за ваше гостеприимство”. После этого он стал бывать в моем доме каждую ночь. Его звали Уити (Whitey), торговец наркотиками, который, наверное, с’едал больше кокса, чем продавал. Гость дома, который никогда не уходил. Он провёл какое-то время в Нью-Мексико (New Mexico) и довольно скоро начал приводить своих тамошних приятелей, особенно, бандитски выглядящего, добродушного, давно не мывшегося мужика по имени Рэнди Кастэлло (Randy Castillo). Одни ночи заканчивались большим количеством девочек в нижнем белье и Уити, Рэнди и другими избранными друзьями в плавках; в другие ночи я привозил дюжину девочек из «Тропикана» («Tropicana»), чтобы они боролись голыми для меня и моих приятелей. Я ужасно хотел забыть о прошлом годе, перестать быть Винсом Нейлом и стать кем-нибудь ещё, например, Хью Хефнером (Hugh Hefner — основатель и владелец журнала «Playboy»).

Глава десятая

ТОММИ

«ВОСПОМИНАНИЕ О ГЛУПОЙ ВЫХОДКЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ОЦЕНКОЙ ПЕРЕМЕН В ХАРАКТЕРАХ И ТЕМПЕРАМЕНТЕ НАШИХ ГЕРОЕВ, ПОКА ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ СВОИ ДОБЛЕСТНЫЕ ИСКАНИЯ»

Никки, наш охранник Фрэд Сондерс (Fred Saunders) и я два дня бухали, нюхали кокс и “собирали грибы” (take mushrooms — принимать наркотик псилоцибин — психоделик, выделенный из особых грибов). Мы были где-то в Техасе (Texas). Окно было открыто, и ветер колыхал занавески в комнате. Вдруг до нас донёсся звук. Чугачухчухчух Чугачухчухчух. Прикинь, чувак, мимо проходил поезд. Никки посмотрел на меня. Я посмотрел на Никки. Нам даже не нужно было ничего говорить: мы находились в том фантастическом состоянии, когда наши мозги работали в полной синхронности.

“Бежим”, сказали мы друг другу, но не вслух, а телепатически.

Фрэд тоже прочёл наши мысли и заорал, “Нет, нет, нет!” Но мы уже выскочили, оставив его стоять в облаке пыли. Мы промчались через прихожую в лифт, изо всех сил стараясь поволновать Фрэда, потому что он никогда бы не допустил этого. Мы рванули через вестибюль, а затем через длинную, наманикюренную лужайку перед отелем. Мы бежали так быстро, как только могли, пока не почувствовали, что наши легкие вот-вот взорвутся. Фрэд бежал в паре сотен ярдов позади нас, вопя, “Нет, вы, засранцы! Нет!”

Но мы продолжали бежать, пока не увидели впереди поезд, с пыхтением удалявшийся от нас по рельсам, быстрый, как сука. Я сделал рывок и поравнялся с ним.

“Давай, Никки! Давай!” вопил я. Он задыхаясь, всё ещё бежал сзади.

Я схватился за маленькую металлическую ручку позади одного из вагонов, и поезд, дёрнув, оторвал меня от земли. Я поставил ноги на ступеньку в днище вагона и вскарабкался на неё.

Никки почти догнал. “Давай, чувак. Поднажми!” кричал я. Он нырком уцепился руками за ступеньку, на которой я стоял. Теперь поезд тащил его по земле, его тело извивалось, а ноги волочились

по грязи. Я схватил его за руку и вытянул наверх.

“О, Боже, чувак! Это — лучшее, что может быть!” проорали мы оба телепатически. “Мы в самый раз успели на наш первый долбаный поезд!”

Но затем, когда мы увидели Фрэда и гостиницу, исчезавших вдалеке, волнение постепенно начало охватывать нас. Мы не имели понятия, где, чёрт возьми, мы находимся, куда мы едем, и у нас не было с собой никаких денег. Поезд набирал скорость, пыхтя и двигаясь всё быстрее и быстрее. Мы испуганно посмотрели друг на друга. Нам придётся слезать отсюда. Поезд, казалось, не имел ни малейшего намерения останавливаться в ближайшее время. Мы не могли себе этого позволить: на следующий день было намечено шоу.

“Ладно. Давай. Раз, два, три”, подумал каждый из нас. И на “три” мы оба спрыгнули на землю, кувыркаясь по камням, оставлявшим ушибы, рубцы и ссадины по всему телу. Мы побрели по рельсам домой и добрались, наконец, до отеля, когда солнце уже взошло.

До тура «Theatre of Pain» мы никогда бы его не отпустили. Мы позволили бы этому поезду, если бы он мог, увезти нас на край Света. Мы никогда не задумывались о чем-либо прежде, чем сделать это. Мы думали об этом только когда: (А) было уже слишком поздно или (Б) кто-то уже пострадал.

Но после несчастного случая с Винсом всё уже было не так, как раньше. Что-то изменилось. Конечно, мы всё ещё веселились, сходили с ума, напивались вдрызг и совали свои члены куда попало. Но это не было, как прежде: вечеринки вели к зависимости, зависимость вела к паранойе, а паранойя вела ко всяким идиотским ошибкам с чудовищными последствиями. Даже траханье не было прежним: траханье вело к браку, брак вёл к разводу, развод вёл к алиментам, алименты вели к нищете. Всё изменилось после несчастного случая: мы осознали свою собственную смертность — и как человеки, и как группа.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ: “ДЕВУШКИ, ДЕВУШКИ, ДЕВУШКИ”

Глава первая

ТОММИ

«ВОСПОМИНАНИЯ О ТОМ, КАК ВОЗВЫШЕННАЯ ЛЮБОВЬ ОБЕРНУЛАСЬ ПОМОЛВКОЙ, В НЕМАЛОЙ СТЕПЕНИ БЛАГОДАРЯ АКТЁРСКОМУ МАСТЕРСТВУ И ДРЕВНЕЙ ХИТРОСТИ — ЗАСТАВИТЬ СВОЕГО ВОЗДЫХАТЕЛЯ ЖДАТЬ, ЖДАТЬ И ЕЩЁ РАЗ ЖДАТЬ»

“Привет”, сказал я.
“Привет”, ответила она.
“Рад познакомиться”.
“Ну, пока”.
“Пока”.

Примерно так это было, чувак. Это всё, чёрт побери, что мы сказали друг другу. Это было коротко, неуклюже и это, ядрёный корень, изменило мою жизнь. Это было в клубе «Форум» («Forum Club»), там проходил концерт «REO Speedwagon», цыпочку звали Хизер Локлир (Heather Locklear), а парень, который нас познакомил, был мой бухгалтер Чак Шапиро (Chuck Shapiro). Чак взял меня на это шоу, т. к. он был ещё и бухгалтером «REO Speedwagon», он знал Хизер, потому что его брат был её дантистом. Подобные вещи так и происходят — миллион случайных событий выстраивается в одну цепочку. Некоторые называют это удачей, но я верю в судьбу. Мне пришлось поверить. Ведь я совершил миллион ошибок с этой тёлкой, а она всё ещё продолжала со мной встречаться.

Я подумал о ней снова неделю спустя, когда смотрел телевизор и увидел эпизод «Династии» с Хизер («Dynasty» — телесериал). Я тут же позвонил Чаку и попросил узнать её телефон. Он позвонил своему брату-дантисту и, как настоящий друг, достал мне его.

На следующий день я глубоко вздохнул, забросил ноги на диван и позвонил ей. Беседа получилась такой же неуклюжей, как и в первый раз. На заднем плане без звука работал телевизор, и пока мы вели неловкую светскую беседу, я увидел, как на экране появилось её лицо в «The Fall Guy» (сериал). Я посчитал, что это знак свыше, и что нам уготовано судьбой — быть вместе.

“Эй, включи телевизор”, сказал я ей. “Тебя показывают по четвёртому каналу”.

Она щелкнула кнопкой на своём телике. “Хм. Вообще-то, это

Хизер Томас", уведомила она меня (Heather Thomas — актриса, которая внешне действительно чем-то напоминает Хизер Локлир).

Мне в тот же момент захотелось повесить трубку, взять пистолет и отстрелить себе грёбаную башку. Бог так превосходно для меня всё устроил, а я как всегда всё испортил.

Она сжалилась надо мной и, так или иначе, предложила встретиться в эту же пятницу вечером. Я никогда прежде не встречался ни с кем похожим на Хизер. Она была не из тех цыпочек, которую можно было затащить в мой фургон, как Бульвинкля, или с кем можно было заняться групповым сексом в джакузи, как с Хани. Она была настоящая женщина, послушная девочка (a good girl) и она была более знаменита, чем я — это три вещи, которые прежде никогда не были мне доступны.

Перед встречей я нервничал, как дерьмо. Я в течение нескольких часов прихорашивался перед зеркалом, выдавливая прыщи, расчесывая волосы, беспокоясь о воротничке моей рубашки, обильно поливая одеколоном все стратегически важные места своего тела и тщательно маскируя все свои татуировки. Я приехал раньше намеченного времени к дому, где она жила со своей сестрой и болтался снаружи, пока не пробило ровно семь часов. Я чувствовал себя, как дрессированная обезьяна, одетая в накрахмаленную, застёгнутую на все пуговицы, белоснежную рубашку и черные штаны. Невероятно волнуясь, я позвонил в дверной звонок, и дверь открыла девочка, которая как две капли воды была похожа на Хизэр. Я не знал, что сказать, потому что я не был уверен, была ли это Хизер или её сестра. Я застенчиво помахал ей, вошёл внутрь, и стал ждать какого-нибудь знака, который помог бы мне её как-то идентифицировать. Затем наверху лестницы я увидел белое платье. Теперь это точно была Хизер. Она спускалась медленно и молча, как в «Унесённых ветром» («Gone With the Wind» — знаменитый американский фильм 1939-го года с Вивьен Ли в главной роли).

Она выглядела такой жгучей, что я хотел подбежать к ней, схватить и сорвать с неё одежду. "Ты выглядишь великолепно", сказал я ей, осторожно беря её за руку. Её сестра внимательно наблюдала за мной, и я чувствовал, что она оценивает меня, определяя, гожусь ли я для Хизер или я просто клоун.

Мы сходили в итальянский ресторан, затем посмотрели какую-то глупую скучную комедию, потому что я был уверен, что во время свидания так поступают все нормальные люди. Тем вечером мы говорили обо всём. Она встречалась со многими озабоченными богатыми парнями и дрянными актёришками, тип Скотта Бэйо (Scott Baio). Но она никогда не встречалась с

рокером. Я бы сказал, что переломным моментом стало то, когда она попросила меня показать мои татуировки. Она была хорошей девочкой, которая грезила о плохом мальчике, и я знал, что даже мой накрахмаленный воротничок и одеколон «Drakkar Noir» не могли скрыть того факта, что я и был тем самым плохим мальчиком.

Мы вернулись к ней домой и выпили шампанского, но я по-прежнему боялся сделать лишнее движение. Я не хотел, чтобы она подумала, что я в первую же ночь останусь или начну приставать к известной актрисе. К тому времени, когда я уехал той ночью, мы уже построили миллион разных планов вместе.

Постепенно, мы всё чаще стали бывать вдвоём — ходили в рестораны, в кино, на вечеринки. В конце концов, я начал проводить ночи в её доме. Но она не сдавалась, чувак. Я подпаивал её и по-всякому пытался соблазнять её на протяжении многих недель, но она не велась до конца. Это было совершенно другое, чего я никогда прежде не испытывал, и из-за этого мы сблизились и фактически стали друзьями. У неё была живая натура, хорошее чувство юмора и, также как и я, она любила всяческие шалости. Она осыпала меня цветами, и я научился любить их. Я считаю, что на парня, который говорит, что он не любит цветы, нельзя положиться как на мужчину.

Спустя полтора месяца я был уже настолько обработан, что не мог больше терпеть. Мы, наконец, трахнулись. Она заставила меня ждать так долго, что я смаковал каждую секунду, хотя, как вы понимаете, это продолжалось всего лишь несколько секунд. Но той ночью мы делали это снова и снова до тех пор, пока не поверили, что мы действительно влюблены друг в друга, потому что, когда вы с кем-то, кого вы не любите, обычно, хватает одного раза.

На следующее утро я болтался возле её бассейна в своих боксёрских трусах, когда к ней заехал её отец. Хизер была в панике: возможно, она и прославилась, играя на телевидении сексуально агрессивную, властную сучку, но в реальной жизни она была такой скромницей. Она так волновалась, что её папа, который был деканом Инженерного Факультета Лос-Анджелекого Калифорнийского Университета (UCLA School of Engineering), не одобрит, если увидит все мои татуировки. Я накрылся полотенцами. Но даже при том, что чернила кое-где всё-таки проглядывали, её папа, казалось, не возражал.

После того, как мы трахнулись, наши отношения взлетели на совершенно новый уровень. Однажды, мы смотрели по телевидению соревнования по мотокроссу (dirt-bike racing), и я сказал ей, что хотел бы это попробовать. На следующий день

около моего дома стоял кроссовый мотоцикл. Никто — будь то мужчина или женщина — никогда прежде не проявлял ко мне подобной щедрости. Мы постепенно поняли, что мы хотим быть вместе надолго, возможно, даже навсегда.

Когда я покинул её, отправляясь в тур «Theatre of Pain», каждый вечер, играя “Home Sweet Home”, я слышал сигнальный набат, гудящий у меня в голове. Именно этого я хотел всю свою жизнь. Я хотел создать семейный очаг, как мои родители. Я всегда был, что называется, «не пришей кобыле хвост», бегающий по Лос-Анджелесу в поисках кого-то, кто был бы похож на моих отца или мать. Возможно, это происходило от постоянной тревоги, которую, как сказал мой психотерапевт, я унаследовал от своей матери: я боялся быть один, остаться вне общения. Чем дольше тянулся тур «Theatre», тем в большей степени я понимал, что чего я хочу.

Когда во время перерыва в туре я оказался дома на Рождество, Хизер и я ехали по автостраде Вентура (Ventura freeway) на лимузине. Я встал и просунул свою голову в люк на крыше автомобиля.

“Эй”, закричал я Хизэр. “Поднимайся сюда и посмотри, как это здорово”.

“Что?”

“Иди сюда!”

“Что сделать?”

Медленно и неохотно она встала. Как только её голова просунулась через отверстие люка, и её тело прижалось к моему, я спросил её: “Ты выйдешь за меня замуж?”

“Что?” сказала она. “Здесь слишком шумно. Я тебя не слышу”.

“ТЫ ВЫЙДЕШЬ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ?”

“Ты серьёзно?” Она посмотрела на меня скептически.

Я нащупал в моём кармане и вытащил бриллиантовое кольцо. “Я серьёзно”.

“Что?”

“СЕРЬЁЗНО!”

Когда тур закончился, мы поженились во внутреннем дворике в Санта-Барбаре (Santa Barbara). На мне был белый кожаный смокинг, а она была одета в белое платье без бретелек с белыми рукавами от середины её рук до самых запястий, оставлявшими открытыми её загорелые плечи и тонкую нежную шею. Это была самая большая свадьба, которую я когда-либо видел: пятьсот гостей, парашютисты (skydivers) с большими бутылями шампанского и белые голуби, которые взлетели в воздух после того, как мы произнесли свои клятвы. Руди (Rudy), один из наших

техников, произнёс самый лучший тост: “За Томми и Хизер”, сказал он, поднимая бокал шампанского. “Пусть все ваши взлёты и падения будут исключительно в постели” (”May all your ups and downs be in bed”). Затем он взял бокал с шампанским и разбил его о свою голову. Я мельком взглянул на столы, где сидело семейство Хизер, и все они, похоже, в этот момент поменяли своё мнение относительно этого брака.

Это был один из самых счастливых дней в моей жизни. Там были все мои друзья, включая половину рок-сцены Сансет Стрип. Было похоже, что все они теперь играют в одной большой группе: «Ratt», «Quiet Riot», «Autograph», «Night Ranger». Единственной проблемой в тот день был Никки. Я попросил его быть моим шафером, а он устроил бардак. Он был измучен; он постоянно потел; и его кожа была чисто желтого цвета, чувак. Он постоянно извинялся, чтобы отойти в ванную, а затем возвращался и начинал засыпать посреди церемонии. Как шафер, он был столь же нагероинен, как и бесполезен. Я даже не предполагал, что он ширяется на моей грёбаной свадьбе.

Глава вторая

НИККИ

«ВОСПОМИНАНИЯ О ТОМ, КАК БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПОМОЛВКУ, В НЕМАЛОЙ СТЕПЕНИ БЛАГОДАРЯ ТАЛАНТУ МИННЕЗИНГЕРА И ДРЕВНЕЙ ХИТРОСТИ — СНАБЖАТЬ НИККИ НАРКОТИКАМИ» (Миннезингеры — немецкие поэты-певцы XII–XIV веков)

На следующий день после того, как я вернулся домой со свадьбы Томми, я обнаружил в почтовом ящике письмо от нашего бухгалтера Чака Шапиро (Chuck Shapiro), принесённое собственноручно. “Ты тратишь пять тысяч долларов в день”, писал он. “Пять тысяч долларов умножаем на семь, получаем — тридцать пять тысяч долларов в неделю. В месяц это — сто сорок тысяч долларов. Ровно через одиннадцать месяцев ты будешь абсолютным банкротом, если не трупом”.

До свадьбы Томми мне удавалось держать в тайне мою пагубную привычку, т. к. я редко виделся с кем-либо из группы. Теперь банда была раздроблена по разным домам в различных частях города. Мы всё ещё в значительной степени занимались теми же самыми вещами, что и раньше, когда жили все вместе в одной квартире: просыпались, напивались, затем ложились спать, и так по кругу изо дня в день. Но разница была в том, что мы больше не делали этого вместе. Томми был в «Хизерленде» («Heatherland» — шуточная аналогия с Wonderland — волшебная страна), живя в многомиллионном доме в частном секторе с охраняемыми воротами. Он был так взволнован из-за того, что один из его соседей был инвестиционный банкир, зарабатывающий сорок пять миллионов долларов в год, а другой — адвокат, занимающийся, главным образом, делами, связанными с убийствами. Но всё, что я думал об этом, было, “Эти люди всегда были нашими врагами”. Винс был толи в тюрьме, толи зависал в своём доме с владельцами стрип-клубов, с какими-то спортсменами и бизнесменами с сомнительной репутацией. Что же касается Мика, то он настолько скрытен, что в это время он вполне мог продавать оружие в Иран, а мог дефилировать по подиуму. Короче, я ничего о нём не знал.

Сила группы состоит в солидарности её членов. Когда они раскалываются на различные миры, то начинаются проблемы и размолвки, которые в конечном итоге приводят к разрыву.

Изначально Винс и Томми были парнями из Ковина (Covina), я был из Айдахо (Idaho), а Мик был из Индианы (Indiana); все мы были провинциальными безнадёжными неудачниками, которые, так или иначе, превратились рок-звёзд. Мы воплотили наши мечты в реальность. Но мы так крепко ухватились за свой успех, что забыли, кем мы были раньше. Винс пытался быть Хью Хефнером (Hugh Hefner), Томми со своим высокосветским браком и новыми друзьями воображал себя Принцессой Дианой (Princess Diana), а я думал, что я гламурный богемным героинщик, подобно Уильяму Берроузу (William Burroughs — американский писатель и философ) или Джиму Кэрроллу (Jim Carroll — писатель, поэт, мемуарист и музыкант). Предполагаю, что Мик всегда хотел быть Робертом Джонсоном (Robert Johnson — джазовый гитарист) или Джимми Хендриксом (Jimi Hendrix), хотя он так пил, что начинал больше походить на Мит Лоуфа (Meat Loaf).

Правда всплыла после моего провала на свадьбе Томми. Я пытался отказаться идти туда, но безуспешно. Я поставил себя в глупое положение, т. к. у меня не было никаких навыков светского общения, и я не любил танцевать с миллионерами. Во время приёма я проговорился нашему тур-менеджеру Ричу Фишеру (Rich Fisher), что засадил немного героина, будто это не было очевидным. А он рассказал об этом всем в офисе. Когда я не ответил на письмо Чака с предупреждением, моя управляющая компания и адвокат по имени Боб Тиммонс (Bob Timmons) (который помог Винсу отмазаться) ворвались в мой дом и вмешались в дело. Сначала я был взбешён. Но после многочасового разговора они меня убедили. Николь и я согласился поехать в реабилитационную клинику. Фактически, это была та же самая клиника на Вэн Найс Бульвар (Van Nuys Boulevard), где до этого находился Винс.

Как и Винс, я не был готов к лечению. Но, в отличие от Винса, надо мной не висела угроза тюремного заключения. На третий день моего пребывания там, жирная тётка с бородавками на лице пыталась убедить меня в том, что, чтобы очиститься, я должен уверовать в высшие силы. “Пошла ты вместе со своим Богом!” крикнул я ей, наконец. Я выскочил из комнаты, она последовала за мной. Я обернулся, плюнул ей в лицо и снова сказал, чтобы она отвязалась от меня. На сей раз она отстала. Я пошёл в свою комнату, схватил гитару, выпрыгнул из окна второго этажа и начал спускаться по Вэн Найс Бульвар в своей больничной одежде. Я жил в пяти милях оттуда и полагал, что смогу дойти пешком.

Из больницы позвонили Бобу Тиммонсу и сообщили, что я сбежал. Он вскочил в машину и догнал меня на Вэн Найс Бульвар.

“Никки, садись в машину”, сказал он, медленно двигаясь рядом со мной.

“Пошёл ты!”

“Никки, всё нормально. Только залезай в машину. Мы не хотим тебе зла”.

“Пошёл ты! Я не вернусь туда!”

“Я не повезу тебя туда. Я обещаю”.

“Знаешь что? Пошёл ты! Я никогда не вернусь туда. Эти люди — чокнутые! Они пытаются промыть мне мозги Богом и всяким таким дерьмом! ”

“Никки, я на твоей стороне. Я отвезу тебя домой, и мы сможем найти для тебя более подходящий способ избавиться от зависимости”.

Я смягчался и сел в машину. Мы приехали ко мне домой и выбросили все иглы, ложки и остатки наркотиков. Я упросил его позволить мне справиться с зависимостью самостоятельно, без Бога. Затем я позвонил моим бабушке и дедушке в надежде найти у них поддержку, потому что остатки здравого ума, которыми я всё ещё обладал, подсказывали мне обратиться к тем, кто меня вырастил. Но моя бабушка была слишком больна, чтобы ответить на звонок. Той ночью я написал «Танец на стекле» («Dancing on Glass»), упомянув о своей передозировке в строчке: “Валентин в Лондоне/Застал меня в мусорном бачке” (”Valentine’s in London/ Found me in the trash.”).

Николь оставалась в клинике в течение ещё двух недель. Потом, когда она вернулась домой на амбулаторное лечение, что-то изменилось. Мы были трезвые. И будучи трезвыми, мы обнаружили, что на самом деле не так уж и нравимся друг другу. С исчезновением героина у нас не осталось ничего общего. Мы тут же разбежались в разные стороны.

Чтобы удержаться от наркотиков, я нанял себе круглосуточного личного помощника по имени Джесси Джеймс (Jesse James) — двухметровую копию Кита Ричардса (Keith Richards), который всегда носил эсесовскую фуражку, которая, я уверен, просто прикрывала его лысину. Но через какое-то время его работа изменилась: из няни-сиделки он превратился в соучастника преступления. Он уезжал и привозил мне наркотики, а в качестве награды он принимал их вместе со мной. Мы пили и кололи в основном кокс. Но время от времени я вводил немного героина, как память о прошлом.

С уходом Николь я начал менять девочек, как перчатки (в английском варианте: like socks — «как носки»). Джесси и я весь день сидели и смотрели телевизор, я пытался писать кое-какие песни для следующего альбома, и когда у меня ничего не

получалось, мы звонили какой-нибудь девочке из Голливуда, которую нам хотелось трахнуть той ночью. Но как только мы трахнули всех стриптизерш и порно-звезд, которые нас интересовали, нам это быстро наскучило. Мы колесили по окрестностям и бросали кирпичи в окна, но и эта забава нам довольно скоро надоела. Я решил, что мне нужна подруга. Поэтому мы начали в телевизоре выбирать девочек, с которым мы хотели бы встречаться, выдумывая разные весёлые сценарии этих встреч. На местном канале мы увидели симпатичную белокурую дикторшу, мы звонили ей в студию во время рекламной паузы и заводили разговор о всяких непристойных вещах. Затем, когда она возвращалась в эфир, я наблюдал за её реакцией: будет ли она возбужденной, взволнованной или огорчённой. Хотя она так никогда и не приехала, но почему-то она всегда отвечала на наши звонки.

Однажды, в эфире показали видео группы «Вэнити Сикс» “Скверная девчонка” («Vanity 6» “Nasty Girl”), в котором три девочки терлись друг об друга с намеком на то, что они поют. Как протеже Принца (Prince), лидер группы Вэнити (Vanity — сценический псевдоним певицы, актрисы и модели Дэниз Мэтьюс [Denise Matthews]), казалось, была с какой-то другой планеты. “Было бы круто — трахнуть её”, сказал я Джесси.

“Так вперёд, ковбой”, сказал он мне.

Я позвонил в офис нашего менеджмента и сказал им, что хотел бы познакомиться с Вэнити. Они позвонили её менеджерам, и через неделю я уже был на пути к её апартаментам в Беверли Хиллс (Beverly Hills) для нашей первой встречи. Во вторую — она открыла мне дверь и уставилась на меня совершенно безумным взглядом. Её глаза, казалось, сейчас выкрутятся из её черепа, и даже прежде, чем она промолвила слово, я уже знал, что она абсолютно ненормальная. Но в то время я был точно таким же. Она пригласила меня в свою квартиру, которая состояла всего из нескольких комнат, загромождённых разным хламом, одеждой и произведениями искусства. Её дом был полон странных панно с приклеенными к ним вырезками из журналов, картонными коробками из-под яиц и сухими листьями. Она называла эти вещи своими художественными работами, каждая из которых имела свою историю.

“Эта работа называется «Ридемер» («Reedemer»)”, сказала она, указывая на какой-то беспорядочный коллаж. “Здесь изображено пророчество ангела, сходящего на город, что он прилетит, чтобы освободить души, пойманные в колбы уличных фонарей, и маленькие поросятки будут бегать по улице, а дети будут смеяться”.

Той ночью мы не покидали её квартиру. После всех девочек, которых я развратил, настало время для одной, которая развратит меня. Она призналась, что её художества это то, чем она занимается после многодневного фрибэйса (freebasing — курение кокаина).

“Фрибэйс?” спросил я. “Честно говоря, я никогда не умел делать это правильно”.

Таким образом, я угодил прямо в сети паука. Подсев на фрибэйс, я потерял то немногое, что ещё оставалось от моего самообладания, которое я старался укрепить после пребывания в клинике, и стал абсолютно безвольным параноиком. Однажды днём, какие-то люди зависали в моей гостиной, а мы с Вэнити спрятались от них в спальне. Мы включили радио, которое было подключено к колонкам, развешанным по всему дому, и слушали музыку, затем решили закурить фрибэйс. Пока мы курили, музыка прекратилась и по радио началась какая-то беседа. Я вытащил свой «Магнум» («.357 Magnum») и сделал очередную затяжку. Задержав фрибэйс у себя в легких, я заорал на радио, “Вы, ублюдки, я вас пристрелю, мать вашу. Убирайтесь отсюда к чёрту”. Полагаю, мне показалось, что голоса, доносившиеся из радио, были голосами людей в моей гостиной, которая была рядом за дверью. Конечно же, голоса не умолкали, поэтому, выдохнув сладкую затяжку белого дыма в воздух, я разрядил свой «.357-ой» прямо в дверь.

Но голоса продолжали звучать. “Я убью вас, мать вашу, убью!” орал я на них. Я ногой распахнул дверь и увидел, что они доносились из полутораметровой колонки в углу. Я зарядил другую обойму в пистолет, и колонка, покрывшись отверстиями от пуль «Магнума», упала на бок. Но голоса не прекращались: “Здравствуйте, это «КЛОС», с вами говорит Дуг (Doug)… ” («KLOS» — лос-анджелесская классик-рок-радиостанция).

У меня, чёрт подери, практически сорвало крышу, все в панике покинули мою гостиную, когда я расстреливал бедную колонку, пока, наконец, голоса не прекратились. Думаю, что на Вэнити на мгновение снизошло просветление, и она, наконец, поняла, как выключается радио.

Наши отношения были одними из самых странных и самоубийственных, которые у меня когда-либо были с женщинами. Мы могли целую неделю кутить вместе, а затем не видеться в течение трех. Или, пока мы курили крэк (crack), она читала мне лекции о том, как «Кока-Кола» («Coca-Cola») вредит моему пищеварению. Однажды днём, когда я был у неё дома, привезли дюжину роз от Принца с запиской: “Брось его. Вернись ко мне”. Тогда я поверил этому, но сейчас думаю, что она просто

манипулировала мной. Принц, скорее всего, никогда не присылал ей никаких цветов.

В другой раз, я был в её квартире, и она послала меня за апельсиновым соком. Когда я возвратился, охранник не позволил мне в'ехать обратно.

“Но я только что был здесь”, сказал я в недоумении.

“Мне очень жаль, сэр, но я получил распоряжение. Вы не можете войти”.

“Что за …”

“Как бы там ни было, на вашем месте, я бы лучше уехал отсюда. Я не знаю, что происходит в этой квартире, но я не хочу ничего знать об этом”.

В конце концов, один из её соседей рассказал мне, что у неё есть дилер, который живёт за углом и приносит ей целые брикеты кокса, когда я уезжаю. Она скрывала от меня это не потому, что стеснялась своей сильной зависимости, а потому, что волновалась, что я всё это выкурю.

Однажды ночью, Вэнити спросила, женюсь ли я на ней. Я ответил “да” только потому, что был ужасно обдолбан, идея была бредовая, и это было легче, чем сказать “нет”. Отношения строились только на наркотиках и развлечениях, а не на любви, сексе или даже дружбе. Но, будучи под кайфом, она сказала в интервью прессе, что мы помолвлены. Она всегда умела усложнить мне жизнь настолько, насколько это было возможно. Томми был в своём многомиллионном голливудском доме, а я застрял здесь, в этом каменном мешке (rock city). Не было ничего удивительного в том, что он теперь всегда смотрел на нас будто свысока — потому что мы этого вполне заслуживали.

В то время, когда я встречался с Вэнити, наши менеджеры пытались снова наладить общение между членами группы, чтобы приступить к записи следующего альбома. К тому времени, я не только курил фрибэйс, но и снова сидел на героине. Я носил ковбойские сапоги поверх штанов в обтяжку, а внутри сапог у меня всегда лежали шприцы и ампулы с героином. Я хотел завязать с этим, и предпринимал массу усилий, пытаясь встать на праведный путь. Но я не мог ничего исправить. Когда я решил перейти на метадон (methadone), чтобы отказаться от героина, то это только ухудшило положение, и вскоре я уже сидел и на героине, и на метадоне. Каждое утро, прежде чем ехать в студию, я на своём новеньком «Корвете» («Corvette») отправлялся в медпункт и становился в очередь с другими наркоманами, чтобы получить свою дозу метадона. Затем я приезжал в студию, и, постоянно беря перерывы, проводил по полдня в ванной. Иногда Вэнити заезжала в студию и ставила меня в неловкое положение,

читая группе лекции об опасности газированных напитков и поджигая фимиам, который вонял, как конский навоз.

В соседней студии над записью работала Лита Форд, когда она увидела меня, то не могла поверить, насколько я деградировал. “Ты всегда был готов завоевать Мир”, сказала она мне, “но теперь ты выглядишь так, будто позволил Миру поиметь себя”.

И хотя могло показаться, что я не писал песен для «Motley», вместе с нею я сумел написать песню для её альбома, названную соответственно “Влюбляясь и расставаясь” (”Falling In and Out of Love”).

Пока мы медленно возвращались из небытия для записи альбома, мне постоянно звонили мой дедушка и тетя Шэрон. Моя бабушка была очень больна, и они хотели, чтобы я приехал навестить её. Но я был настолько “нагероинен” (smacked out), что постоянно игнорировал звонки, пока не стало слишком поздно. Однажды днем, позвонил мой дедушка и, плача, продиктовал мне адрес, куда я должен был явиться на её похороны, которые должны были состояться в будущую субботу. Я пообещал ему, что буду там. Накануне субботы я не спал двое суток подряд. Я вколол себе немного кокса, чтобы придать себе достаточно бодрости, чтобы передвигать ноги, сполз с дивана, начал одеваться, а затем целый час рылся повсюду, пытаясь найти адрес. Затем я три раза переодевался, искал ключи от своей машины и беспокоился о том, как же я найду этот дом без адреса. Наконец, я решил, что это слишком сложно — делать столько дел одновременно. Я сел обратно на диван, приготовил немного фрибэйса и включил телевизор.

Я сидел там, зная, что, пока я смотрю «Остров Гиллиган» («Gilligan’s Island» — сериал), остальная часть моего семейства сейчас на её похоронах, и чувство вины начало подступать к моему горлу. Она была женщиной, которая приютила меня, когда моя мама не могла оставаться со мной, женщина, которая таскала меня по всей стране от Техаса до Айдахо, словно я был её собственным сыном. Без её готовности брать меня к себе каждый раз, жила ли она на бензоколонке или на свиноферме, я, возможно, никогда не смог бы сидеть в этом гигантском доме рок-звезды и колоться всякой дурью. Если бы не она, я делал бы это где-нибудь под мостом в Сиэтле.

На следующий день я решил протрезветь для того, чтобы написать хоть какую-то музыку для альбома, и, возможно даже, позвонить моему дедушке и попросить у него прощения за мой эгоизм. Первая песня, которую я написал, была «Нона» («Nona»), это было имя моей бабушки. Том Зутот (Tom Zutaut) зашёл ко мне

домой и послушал её — “Нона, я сам не свой без тебя” (”Nona, I’m out of my head without you”) — и на его глаза навернулись слезы. Мне часто снятся кошмары о болезни моей бабушки и о её похоронах, т. к. то, что меня не было тогда там, рядом с ней и моим дедушкой — одна из вещей, о которых я сожалею больше всего в моей жизни.

Том больше не работал в «Электра». Он перешёл на «Геффен» («Geffen») и подписал для них «Guns N’ Roses». Он хотел, чтобы я продюсировал их запись и подумал, мог ли я придать панк-металу (punk-metal), который они играли в то время, более коммерческое и мелодичное звучание не в ущерб их индивидуальности. Они всего лишь панк-группа, сказал он мне, но они могли бы стать самой великой рок-н-ролльной командой в Мире, если бы кто-нибудь помог им найти мелодии, которые сделают их великими. Я испытывал сильные ломки, пытаясь удержаться от приёма наркотиков, чтобы рассмотреть это предложение, но убеждённость Тома мотивировала меня на написание музыки для своего собственного альбома. Я купил старую книгу Бернарда Фолка (Bernard Falk) 1937-го года под названием «Пять лет забвения» («Five Years Dead»), которая вдохновила меня на песню с тем же названием, и заставила включить мой мозг (kickstarting my brain). Я знал, что мой промежуток воздержания будет коротким, поэтому я должен был торопиться.

Также как и «Theatre of Pain», «Girls, Girls, Girls», вероятно, был феноменальным альбомом, но мы были слишком поглощены всякой собственной личной чепухой, чтобы вложить в него хоть какое-то усилие. На этой записи вы фактически можете слышать ту отдалённость, которая образовалась между нами. Если бы мы не смогли вымучить из себя две песни (заглавный трек и “Wild Side”), альбом стал бы концом нашей карьеры.

В студии каждый из нас смешивал наши наркотики с чем-то, что прежде мы никогда не комбинировали: вина, протест и тайна. И эти три слова — то, что отличает наркомана от гедониста (гедонист — человек, который всегда стремится к удовольствиям и избегает страданий). Томми находился в «Хизерленде», который был не только пристанищем рая, но и дисциплины, где он вынужден был скрывать от неё то, что он принимает наркотики. Из-за этого он становился нервной развалиной. Винс пытался оставаться трезвым, но потерпел страшную неудачу, отвлекая себя от своего несчастья с помощью борьбы в грязи и девочек; а Мик толстел где-то за нашими спинами, хотя никто из нас понятия не имел, из-за чего это происходило. В течение нескольких месяцев перед тем, как вернуться в студию, мы были

настолько заняты, борясь с нашими собственными демонами, что совершенно забыли о Мике. Когда мы увидели его снова, было похоже, что кто-то пришил его голову к телу самоанского борца (samoan wrestler): его руки и шея были настолько раздуты, что мы волновались, что он не сможет дотянуться до ладов гитары. Он всегда притворялся, будто он слишком стар для того, чтобы зависать с нами на вечеринках, и что он сожрал свою долю наркотиков, когда был ещё подростком. Он так и не сказал нам, что это было такое.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ: “НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ ЛУЧШИХ ДРУЗЕЙ ТОРГУЮТ НАРКОТИКАМИ”

Глава первая

МИК

«В КОТОРОЙ ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ГРУППЫ БОБ АЛАН ДИЛ ПОДРОБНО ИЗЛАГАЕТ ВСЕ ПЕРЕПЕТИИ ВРЕМЁН СВОЕЙ ДАЛЁКОЙ ЮНОСТИ, КОГДА ПО ЗЕМЛЕ БРОДИЛИ КОВБОИ, А О СРЕДСТВАХ ОГРАНИЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ ЕЩЁ НЕ ВСЁ БЫЛО ИЗВЕСТНО»

В моё время связочная веревка не была сделана из пластика. Это была настоящая веревка толщиной в четверть дюйма (около 7 мм). На самом деле, это, скорее, была бечёвка, и мы использовали её для увязки сена в копны. Я предполагаю, что именно на такой верёвке мы повесили моего старшего брата.

Мой младший брат Тим (Tim) и я сделали полуметровую петлю из такой веревки и завязали её скользящим узлом. Я перебросил петлю через ветку дуба, а другой её конец обмотал вокруг ствола. Тим нашел двадцатилитровый барабан в сарае моей бабушки и поставил его под свисавшую петлю. Затем мы заставили нашего старшего брата Фрэнка (Frank) взобраться на барабан, затянули петлю вокруг его шеи и удостоверилась, что верёвка хорошо натянута. Я выбил барабан у него из-под ног, и мы стали смотреть, как он качается из стороны в сторону.

Мы были индейцами: он — ковбоем. Болтаясь в воздухе, он кричал и изо всех сил пытался просунуть руки в петлю, чтобы ослабить её. Когда нам наскучило с воплями и гиканьем бегать вокруг него, Тим и я пошли в дом.

“Где Фрэнк?” спросила тётя Тельма (Thelma). Тетя Тельма ростом была, наверное, не больше полутора метров, она была самой преданной дочерью моей бабушки и жила с нею до тех пор, пока, наконец, не вышла замуж в возрасте пятидесяти пяти лет.

“Там”, Тим указал в сторону двора.

“О, Боже!” тетя Тельма, задыхаясь, подбежала к дереву, подняла Фрэнка и сняла петлю с его шеи.

Мне было пять лет. И я вовсе не придуривался. Я был рожден ПЛОХИМ (B.A.D. — слово из первых букв настоящего полного имени Мика [Bob Alan Deal], что переводится, как “плохой”). Люди, которые когда-либо пережили клиническую смерть, всегда рассказывают, как они попадают в туннель, в конце которого виден свет. Мне нравится думать, что, умирая, вы проходите сквозь туннель, а когда добираетесь до противоположного конца,

то происходит перерождение. Туннель — это родовые пути женщины, а свет в конце туннеля — лампа в акушерской палате, где вас ждёт ваша новая жизнь. Когда кто-то переживает клиническую смерть, где он видит свет, но не идёт к нему, значит, где-то есть женщина, которая родила мёртвого ребёнка, для которого предназначалась душа этого человека.

Обычно я говорил людям, что в прошлой жизни я был Бадди Холли (Buddy Holly), потом я родился Брайеном Джонсом (Brian Jones) из «Rolling Stones», и, наконец, я вернулся на землю как Мик Марс. Но я шутил. Это не значит, что я исключаю возможность существования прошлой жизни, но на самом деле меня удивляет, почему люди всегда полагают, что они были какой-нибудь знаменитой или исторической фигурой, что же в таком случае стало с трубочистами, нищими и домохозяйками? Разве они не перерождались подобным образом? Что до меня, то я был осведомлён относительно своих прошлых жизней одним старым мудрым прожжённым хиппи, известным как Полуночный Садовник (Midnight Gardener), который обычно останавливался в моём доме в Санта-Моника Маунтинс (Santa Monica Mountains — национальная зона отдыха, горный район практически в городской черте Лос-Анджелеса) и каждую ночь постригал мой газон ровно в час ночи. Полуночный Садовник поведал мне, что раньше я был Королем Борнео, каннибалом и рабом, который работал на строительстве великих египетских пирамид. Мне же кажется, что на самом деле я был каким-то бабником и вором, потому что в этой жизни я наказан за это: женщины и деньги не любят меня. Создатель, казалось, всегда сводил мою жизнь со всякими неудачниками.

С тех пор, когда я повесил моего брата, я уже знал, чего я хочу в этой жизни. Так как позднее, на той же неделе тетя Тельма взяла Фрэнка, Тима и меня на 4-ую ежегодную ярмарку в парке Хайрс в Хантингтоне, штат Индиана, где мы жили (4-H Fair in Hiers Park in Huntington, Indiana). Она купила нам по фруктовому мороженому, и мы сели на траве, чтобы есть его и смотреть концерт. Я был ещё настолько мал, что даже не помню, что это был за концерт. Я увидел высокого, тощего парня в белой шляпе и ярком оранжевом блестящем костюме ковбоя — куда более модном, чем потёртый ковбойский прикид, который был на Фрэнке, когда я линчевал его. Человек на сцене представился как Скитер Бонд (Skeeter Bond) и начал петь. Позади него были и другие ковбои, которые играли на гитарах и барабанах, производя при этом много шума. Моя нижняя челюсть широко открылась, и я совершенно забыл о своем фруктовом мороженом, которое таяло и растекалось по всей моей одежде, я хотел быть

им. Я хотел играть музыку на сцене. Мне, на самом деле, было не важно, что это за музыка. Музыка была музыкой: она вся казалась мне великолепной, будь то ковбойские песни Скитера Бонда или мамины пластинки Элвиса Прэсли (Elvis Presley).

В то Рождество утром мои братья и я побежали вниз, чтобы открыть наши подарки. Там были длинные чулки, висевшие над камином, и в одном из них, как мне показалось, была крошечная гитара, перетянутая сверху резинкой. “Это моё!” заорал я и схватил её прежде, чем кто-либо другой смог это сделать. На следующее Рождество, когда мне было шесть, моя мать, купила мне гитару Мики Мауса (Mickey Mouse guitar), у которой были мышиные уши и маленькая заводная рукоятка, покрутив которую, можно было послушать «мышкетёрские песни» (mouseketeer songs — шуточная стилизация под «мушкетёрские песни» — musketeer songs). Но «мышкетёрские песни» меня совершенно не интересовали. Я узнал, как нужно зажимать струны так, чтобы это звучало более или менее похоже на звонкую гитару Скитера Бонда, и сообразил, как играть на ней настоящие мелодии.

По соседству с нами жил один клёвый бродяга-парень, которому было лет двадцать, я звал его Сандэнс (Sundance). У него была старая гитара, которая называлась «Синяя Луна» («Blue Moon»), и он научил меня играть на «Синей Луне» мою первую настоящую песню: “У моей собаки блохи” (”My Dog Has Fleas”). Иногда я задумываюсь: не была ли кантри-музыка моим истинным призванием.

Со временем, Сандэнс показал мне, как нужно подбирать мелодии, такие, например, как убойная баллада “Что-то ты не весел, Том Дули” (”Hang Down Your Head Tom Dooley”). Мне нравились мелодии, потому что они сами выскакивали из «Синей Луны», и, хотя в то время я не знал терминологии, меня уже больше интересовала ведущая гитара, нежели ритм, которая, казалось, звучит где-то на заднем плане.

Кажется, если бы не чудесное рождение Иисуса, я никогда бы не получил в подарок ничего, имеющего отношения к музыке. Таким образом, ещё на одно Рождество несколько лет спустя мой самый старший кузен купил мне гитару «Стелла» («Stella»), которую он нашел в ломбарде за двенадцать долларов.

Вскоре у моих родителей родилась их первая девочка Сьюзен (Susan) (или Птичка [Bird], как все мы её называли). Птичка родилась с патологией лёгкого, и, чтобы повысить шансы на её выживание, врачи предложили нам переехать в район с более сухим климатом, вроде Аризоны (Arizona) или Калифорнии (California). Поэтому мы все вдесятером — я, мои братья, родители, сестра, тетя, дядя и кузены — втиснулись в «Форд» 59-

го года и отправились в путь. После трех с половиной дней отсиженных задниц и нехватки кислорода мы прибыли в Гарден-Гроув, штат Калифорния (Garden Grove, California). Это было похоже на «Гроздья гнева» («The Grapes of Wrath» — роман американского писателя Джона Стейнбека о великом переселении фермеров в Калифорнию в 30-ых годах XX-го века), только Калифорния действительно оказалась похожей на мечту: повсюду росли апельсиновые деревья, а по ночам мы могли наблюдать, как над «Диснейлендом» взлетают фейерверки. Но в Калифорнии “кантри” и “Скитер Бонд” были иностранными словами. Там господствовала сёрф-музыка — Дик Дэйл (Dick Dale), «Венчерс» («The Ventures»), «Сёрфэрис» («The Surfaris»).

Мой отец работал на фирме «Менаша Контейнер» («Menasha Container» (которая выпускала картонные коробки для одной из моих любимых компаний «Фендер» [«Fender»]), а моя мать, чтобы подзаработать, гладила по выходным рубашки за два доллара в день, если повезёт. И хотя к тому времени у меня появились ещё одни младшие брат и сестра, она всё-таки с’экономила достаточно денег, чтобы купить мне сорокадевятидолларовую электрогитару «Сент-Джордж» («St. George»). Теперь я мог играть сёрф-музыку, которая звучала, подобно катящимся и разбивающимся о берег волнам, точно так, как играл её Дик Дэйл. Но мне была необходима громкость, мои родители не имели достаточно денег, чтобы купить мне усилитель или стерео. Вместо этого я взял громкоговоритель от проигрывателя моей младшей сестры, переключил провода от звукоснимателя и смастерил свою собственную комбинацию усилителя и стереосистемы, таким образом, теперь я мог играть свои любимые сёрф-песни с музыкальным сопровождением.

Мой отец, тем временем, проснувшись однажды утром, внезапно решил стать священником баптистской церкви. В детстве он пострадал от тяжёлой болезни, которая поразила его ноги. Врачи сказали, что ничем не могут помочь, и остаётся только молить Бога о милосердии. Когда болезнь прошла, это, должно быть, привело в действие спусковой механизм веры в Бога в голове моего отца, который сработал тем самым утром, когда он вбежал в кухню, бормоча всякую ахинею о том, что он осознал ошибку своего пути и теперь хочет посвятить свою жизнь служению Богу.

Несмотря на неожиданное проявление религиозности, мой отец никогда не пытался препятствовать мне в создании музыки. Он и моя мать думали, что причина того, что я был так одержим этим, состояла в том, что мой мозг сварился, когда мне было три года. Тогда я слёг со скарлатиной и пролежал с температурой 41

градус в течение трех дней. Врач приехал в дом моей бабушки, где я полумёртвый лежал в кровати, снял с меня всю одежду, накрыл меня холодными полотенцами и обложил всю мою постель льдом. Затем он открыл все двери и окна в доме, пока зимний воздух не наполнил комнату, и после этого через час лихорадка отступила. Они говорили, я был настолько болен, что, возможно, так и не оправился до конца.

Сёрф-музыка, как они думали, была всего лишь ещё одной болезнью. Но вскоре после неё пришло даже более заразное заболевание — «Битлз» («The Beatles»). Буквально за одну ночь, сёрф-рок стал архаичным явлением, а поп с вокалом — мелодиями, гармониями и лирикой, которые моментально застревали в голове — пришёл ему на смену. Я решил, что должен ещё и петь. Я упражнялся каждый день в течение года, пока не был готов продемонстрировать это своему семейству. Я собрал их внизу в холе и спел “Деньги” «Битлз» (Песня “Money” с альбома «With the Beatles» 1963-го года на самом деле была написана и впервые записана Бэрри Горди Джуниором и Джени Брэдфорд [Berry Gordy Jr. & Janie Bradford] в 1959-ом). С кузеном, который купил мне мою первую настоящую гитару, случилась истерика. Когда, наконец, он заставил меня заткнуться и зажал струны, чтобы я не мог продолжать, он сказал, что я вообще не способен петь. Я был настолько сконфужен, что никогда больше не пытался петь снова — всю мою оставшуюся жизнь.

В четырнадцать лет я присоединился к моей первой группе «The Jades». Это была кавер-группа «Битлз» с несколькими композициями собственного сочинения, которые, возможно, тоже были песнями «Битлз». Я начинал на басу, но вскоре сменил их гитариста. Наше первое выступление состоялось в Зале Американского Легиона в Вестминстере (American Legion Hall in Westminster), мы даже заработали двенадцать долларов, разделив их поровну на четверых. Однако нас никогда не приглашали туда снова: толи мы звучали слишком тяжело, толи — слишком ужасно.

У меня был друг по имени Джо Эбби (Joe Abbey), полинезиец, который так и не разочаровался в сёрф-гитаре и играл так превосходно, что мог заставить вас встать перед ним на колени. Я хотел позаимствовать у него усилитель и педаль ревербератора, но он сказал, что они принадлежат «Гарсиа Бразерс» («Garcia Brothers»). Он дал мне их телефон, и с этого-то на самом деле всё и началось.

Я пошел к ним домой и обнаружил там троих из них — Тони, Джонни и Поли (Tony, Johnny, Paulie). Это были здоровенные тупые парни, которые руководили уличной бандой под названием

«Гарсиа Бразерс». Тони был гитаристом, который бил своих братьев, если они говорили, что они играют лучше него; Поли был высоким барабанщиком, который страдал оттого, что чувствовал, что его призвание — играть на гитаре; а Джонни, который в шестнадцать лет был помещён в тюрьму для несовершеннолетних за то, что избил двух полицейских, играл на басу. Также в группе был не брат — Пол (Paul), слепой парень, который играл на губной гармошке и был похож на Иисуса. Их музыка была жёсткой, они не играли сёрф-рок или «Битлз». Они играли блюз. Тяжёлый электрический блюз.

Их соседи ненавидели их, потому что знали, что братья принимают наркотики и дерутся. По каким-то причинам около братьев всегда находились слепые, глухие или неполноценные люди, и я полагал, что это свидетельствует либо об их отзывчивости и сострадании, либо о каком-то тайном умысле. Однажды вечером в 21:00 полицейские арестовали нас всех из-за жалоб на шум, и я получил, как они это называли, летний испытательный срок в основном только за то, что играл на своей гитаре. (Возможно, поэтому я теперь имею зуб на соседей, которые жалуются на шум). Мы сформировали группу с претенциозным названием «Звуки Души» («Sounds of Soul») и играли по клубам для несовершеннолетних по всему Орендж Кантри (Orange County), как «The Sandbox» (судя по всему, название подобной группы).

В школе меня не волновало ничего, кроме музыки. Там я был одним из трех лучших гитаристов: лучшим был Чак Фрэйер (Chuck Frayer), который солировал так, как никто другой из тех, кого я когда-либо видел прежде, вытягивая невероятные ноты и заставляя их повисать в воздухе навечно. Он закончил тем, что был призван в морскую пехоту во время вьетнамской войны, а в последний раз я видел его на «Гонг Шоу» («The Gong Show» — популярное телевизионное шоу конца 70-ых годов на подобие нашей «Минуты Славы»). Он играл на губной гармошке в таком костюме, что можно было подумать, будто у него две головы. И вы можете держать пари на все сбережения вашей матушки, что он получил главный приз.

Другим великолепным гитаристом был Ларри Хансен (Larry Hansen), который закончил тем, что играл в «Gatlin Brothers». И третьим был я. Школа была настоящей пыткой, и всё, о чём я мог думать, возвращаясь домой, были мои упражнения на гитаре. Наш преподаватель английского языка господин Хикок (Mr. Hickock) хотел, чтобы мы написали эссе на тему каких-нибудь стихов. Все другие дети написали о Роберте Фросте и Ральфе Уолдо Эмерсоне (Robert Frost, Ralph Waldo Emerson —

американские поэты), я же выбрал тему “Раздавленная крыса и бородавочник” (”Pressed Rat and Warthog”) группы «Cream». Когда господин Хикок вернул нам наши листы с оценками, то на моём было написано: «”F” — и это с большим снисхождением» (”F” — оценка «неудовлетворительно», т. е. «двойка»). На следующий день у нас была контрольная работа, и я, отвечая на один вопрос, назвал преподавателя консерватором и ненавидящий музыку снобом, а ниже приписал: “и это с большим снисхождением”. Я сдал листок, а когда он прочёл это, то отправил меня к директору, который временно отстранил меня от занятий — что по его словам было “большим снисхождением”, т. к. меня следовало бы исключить из школы. Мне было плевать. Я всего лишь хотел, чтобы меня учили люди, которые хоть что-то понимают в музыке. Но сейчас я жалею, что не уделил больше внимания занятиям английским, потому что, когда я разговариваю с людьми, я всё время волнуюсь из-за того, что выгляжу безграмотным и использую неправильные слова.

Когда я возвратился в школу, лаборант выгнал меня с урока за то, что вместо того, чтобы уделять внимание занятиям, я рисовал таблицы с гитарными аккордами в своей записной книжке. Когда я выходил из класса, я обернулся к нему и заорал, “Я знаю, где вы оставляете ваш автомобиль! Я знаю, где вы живете! Лучше бы вам быть осмотрительнее!” Я не думал, что могу кого-нибудь запугать — я был похож на рыжеволосого Дона Олмана (Duane Allman — американский гитарист) с пушком персикового цвета вместо усов. Но преподаватель так разволновался, что послал полицейских к моему дому.

К тому времени я жил в небольшом сарайчике в саду позади дома моих родителей, который находился на берегу ручья. Это было место, где я мог играть на своей гитаре в любое время, мог оставаться там сколько мне хотелось, приглашать туда друзей и попивать винишко. Когда полицейские увидели это место, они сказали, что оно не пригодно даже для содержания собаки. Они прочли лекцию моим родителям, и, хотя мне разрешали вернуться в школу, я думаю, что как раз после этого я и перестал туда ходить. Если бы тогда школа была похожа на те, что есть сегодня — с художественными мастерскими, с углублённым преподаванием музыки и компьютерными классами — я остался бы. Но тогда там не было ничего, что могло бы меня заинтересовать.

Я никогда не обращал особого внимания на девочек. Я встретил мою первую любовь в доме братьев Гарсиа. Ей было четырнадцать, и кто-то из младших братьев Гарсиа — их была, по крайней мере, дюжина этих братьев Гарсиа, которые постоянно

носились вокруг — привёл её домой из младших классов средней школы. Мы начали околачиваться вместе, и через какое-то время я уже думал, что мы встречаемся.

Однажды вечером я предложил ей прогуляться со мной, но она сказала, что родители заставили её сидеть с ними дома. Так что вместо этого мы с Джо Эбби пошли в боулинг — и вдруг она появилась там с другим парнем. Я был опустошён. Я спросил её, что происходит, а она пробормотала что-то нечленораздельное, потому что была пьяна. Я вдруг почувствовал впрыск тестостерона в моё сердце, заставивший мою кровь вспыхнуть, мои друзья вытащили меня из боулинга и увезли на своей машине. В тот день я разочаровался в женщинах. Все мысли о девочках, свиданиях и сексе покатились ко всем чертям, позволив мне таким образом проводить ещё больше времени, занимаясь гитарой. На Рождество того года моя тетя Энни (Annie), которая всегда верила в меня, даже когда не верили друзья и семья, купила мне раздолбанный «Лес Пол» (a beat-to-shit «Les Paul») за девяносто восемь долларов. Затем в мае один парень, закончив школу, отдал мне свой «Стратокастер» 1954-го года («1954 Stratocaster»), потому что он никогда на нём не играл. К тому времени я больше не был одним из трех лучших гитаристов в своей возрастной группе. Я был лучшим.

Скоро я прекратил играть с «Гарсеа Бразерс»: это стало слишком опасным. Дела банды всегда пересекались с делами группы, и конкурирующие группировки постоянно приезжали, чтобы устраивать разборки. Один из «Гарсиа Братерс» позднее сел в тюрьму за непреднамеренное убийство маленькой девочки при стрельбе из проезжающего автомобиля, а другой закончил, играя в группе Ричарда Маркса (Richard Marx — известный поп-исполнитель конца 80-ых начала 90-ых годов). Я же говорил вам, что они были сквернымi ребятами.

Братья обычно работали с певцом по имени Антон (Antone), который был, наверное, одним из самых выдающихся черных исполнителей, которых я когда-либо слышал. Он рассказал мне о блюзовой группе из Фресно (Fresno — город в Калифорнии), он работал с ними, и им нужен был гитарист. Так что я взял две свои гитары, позаимствовал ревербератор у друга, они посадили меня в тачку и привезли во Фресно.

Сначала это было волнительно, потому что они были абсолютно чёрной группой, и хотели, чтобы я научил их ритм-н-соулу (rhythm and soul — разновидность блюзовой негритянской музыки). Я сидел с ними целыми днями и показывал им всё, что знал, а по ночам я спал на бильярдном столе в здании их клуба. Но по прошествии недели они начали разочаровываться, когда

поняли, что не звучат, как Джон Ли Хукер (John Lee Hooker), хотя я постоянно говорил им, чтобы они не волновались по этому поводу и расслабились, и что терпение — это одна из составных частей соула. Пока я об'яснял им, что ощущение блюза вот-вот придёт, на «Кадиллаке» 60-го года («196 ˚Cadillac») под'ехал какой-то старший черный парень с несчастной акустической гитарой на сидении. Он был таким огромным, что, когда он открыл дверь и вышел из машины, его руки фактически доставали до земли. “Вот это и есть блюз”, сказал я парням из группы. “Вы живёте в блюзе”. Но они просто не способны были играть его, независимо от того, как ужасно они этого хотели. Я был настолько подавлен, я чувствовал себя слишком старым, чтобы так впустую тратить свое время. Полагаю, что я всегда чувствовал себя подобным образом, я был слишком стар даже в семнадцать лет.

Я уехал во Фресно без копейки наличных денег, рассчитывая, что скоро мы будем зарабатывать собственными выступлениями. Но никаких выступлений не последовало, и я остался без гроша. Поэтому я занял десять долларов на пропитание у барабанщика. Спустя несколько дней, я только и слышал, что, “Ты должен мне десять долларов”. Они получали бесплатные уроки, и всё, о чём они могли думать, было только деньги и жадность. В свободное время я собирал арбузы, чтобы подзаработать на продовольствие, но у меня не было достаточно денег, чтобы вернуть свой долг. Поэтому группа закончилась прежде, чем даже началась. Они привезли меня домой, только для того, чтобы взять с моей тёти Тельмы десять долларов, когда та открыла дверь. Жадность, как правило, это самое большое препятствие на пути к успеху, следующее после эгоизма.

(Позднее я смог компенсировать это тёте Тельме, которая потом стала самой большой фанаткой «Motley Crue». Она собирала все вырезки из новостных газет, подписывалась на все металлические журналы, и, несмотря на то, что была частично глухой, ходила на все наши концерты, на какие только могла. Однако, когда её муж умер, она исчезла. В конце концов, я нашел её живущей в доме без отопления, без воды, без ковра, с облупившейся краской и обвалившейся крышей. Я послал ее деньги на ремонт дома, и каждый раз, когда видел её потом, я незаметно подсовывал ей несколько сотен, чтобы она могла заплатить за газ и воду. Она всегда говорила мне, что не понимает, как у кого-то может быть столько денег, сколько давал ей я. Как и мой отец, она так никогда и не утратила своего детского простодушия).

Когда я вернулся домой после Фресно, в сарае за домом моих

родителей жил мой друг Рон (Ron). К тому времени я уже более или менее оборудовал своё жилище. Там был ультрафиолет, которым отсвечивали красные и зелёные психоделические плакаты, висевшие на стенах. У меня был телевизор, который кто-то оставил на углу улицы за ненадобностью, и я всё ещё пользовался самодельной стереосистемой, которую так давно смастерил из проигрывателя своей сестры. Рон и я любили «кросстопс» («crosstops» — таблетки амфетамина), от которых мы ловили глюки (trucker speed — визуальные эффекты, галлюцинации, вызванные приёмом амфетамина) и которые можно было купить в любой аптеке по десять долларов за сотню. Мы глотали их горстями и путешествовали автостопом так далеко, куда только можно было доехать, а затем, когда их действие постепенно ослабевало, на рассвете мы возвращались домой из какого-нибудь Уиттиера (Whittier — город в Калифорнии) или откуда-нибудь ещё.

После амфетамина я увлёкся «Секоналом» («Seconal»), который являлся сильным болеутоляющим средством и который я запивал сло-джином (sloe gin — сливовый ликёр). («Seconal» — таблетки, прямо или косвенно, ставшие причиной смерти Мерлин Монро и Джими Хендрикса). Я так подсел на него, что мой врач сказал мне, что я умру, если я не прекращу это делать. Поэтому я сразу же полностью отказался от него, что было самой большой глупостью, которую я мог совершить, так как резкое прекращение приёма болеутоляющего могло погрузить меня в кому. Когда вы становитесь старше, вы начинаете беспокоиться о смерти и вашей собственной смертности намного больше, чем в молодости. Однако с открытием клонирования (которое, я уверен, в тайне уже произвели с человеком), мы находимся всего лишь в одном шаге от искусственного воссоздания людей для избранных (то есть, для богатых).

Я никогда по-настоящему не был в состоянии психоделии. До тех пор, пока кто-то из тех, кого я встретил, путешествуя автостопом, не предложил мне мескалин (mescaline). Я проглотил примерно половину таблетки, которая была размером с «Rolaid» (мятная таблетка от изжоги). Когда ничего не произошло, я проглотил вторую половинку. И после этого меня будто ударили дубинкой по голове. Я был под кайфом три дня. Я видел, как люди исчезают, проходят сквозь стены и плавают по воздуху, всё было будто неосязаемым. Всё, о чём я мог думать, было, “Когда же я, наконец, приземлюсь?” Однажды я попробовал немного оранжевой мелкозернистой кислоты (orange microdot acid — ЛСД), и со мной произошло то же самое.

Я становился таким диким и ловил на себе так много

неодобрительных взглядов моего семейства, что подумал, что пришло время найти себе собственное жильё. У меня не было никаких денег, поэтому я переехал к каким-то байкерам в Орендж Кантри. Это было похоже на то, чтобы снова оказаться в «Гарсиа Братерс», так как я по-прежнему был слишком тощим и наивным юношей. Когда они проливали пиво на пол, они хватали меня и использовали мои длинные волосы вместо швабры. Они об'ясняли это тем, что не хотят пачкать свой «Левайс» («Levi's»). Я не мог с ними спорить. У каждого из них было оружие, так как другие байкерские группировки могли украсть у них мотоциклы, спилить номера и забрать их себе или продавать им же самим.

Сейчас у меня есть хороший радар от неприятностей. Я просто отслеживаю их. Когда я понимаю, что приближается беда, я уклоняюсь, так как прекрасно знаю, что может случиться, если этого вовремя не сделать. Но в то время мой радар ещё не работал. Поэтому я не смог уклониться, когда мой друг по имени Майк Коллинз (Mike Collins) привёл к нам на вечеринку свою бывшую подругу Шэрон (Sharon). Она была миниатюрной брюнеткой с темно-рыжими крашеными волосами и лицом, как у Али МакГроу (Ali MacGraw — известная актриса 70-ых, сыгравшая главную роль в культовом фильме «Love Story»).

Мы сразу же начали встречаться, но она была настроена куда более серьёзно, чем я. Её мать и отец развелись, когда она была ещё маленькой, и, даже при том, что ей было всего шестнадцать, она хотела надёжности и уверенности, которых ей так не доставало в детстве. Хотя она только что освободилась, я знал, что не смогу быть её мужем. Всё дело было в том, что я хотел быть гитаристом. Мне было всего девятнадцать, и я совершенно не планировал устраиваться на работу или вообще вести оседлый образ жизни. Я знал, что потребуется время, чтобы добиться чего-нибудь в рок-н-ролле, и я был готов к этому. Тем не менее, однажды вечером она пришла домой с работы и с неопределенной улыбкой на лице сообщила мне новость: "Я беременна".

"Нет", сказал я ей. "Я не остановлюсь. Это то, чем я хочу заниматься".

Она сказала, что оставит ребенка, и нашла мне работу в «Лондромат» («Laundromat» — сеть прачечных самообслуживания), где она работала в то время. Я играл в ночных клубах с группой под названием «Ватоши» («Wahtoshi») (что, как мы думали, означает число «один» по-китайски). Мы играли до 6-ти утра, затем я спал два часа, к 8-ми приходил в прачечную и работал, пока не приходило время снова играть музыку. Спустя несколько месяцев после того, как родился мой

сын Лес Пол (Les Paul) (догадайтесь, кто его назвал), Шэрон снова была беременна. Моя мечта, казалось, ускользала от меня всё дальше и дальше.

Я был связан по рукам и ногам, я вынужден был проводить всю свою жизнь, постоянно отбиваясь и уворачиваясь: жена, двое детей, смехотворная работа в прачечной. Вся эта ответственность навалилась на меня, когда я не был готов к этому, и я не смог этого выдержать. У меня начались ужасающие вспышки горячки. Неожиданно мое тело охватывала лихорадка, и я как будто оказывался в другом мире, который выглядел и ощущался подобно аду. Иногда я на несколько часов впадал в беспамятство: я мог очнуться в кровати, на сцене или на улице и понятия не имел, как я там оказался. Я проходил через какую-то трансформацию: или я сходил с ума, или находился в каком-то странном умственном коконе, который был частью процесса превращения из мальчика в мужчину.

Я не знал, какой путь выбрать. Я не мог оставить жену, когда она была беременна, но я нисколько не сомневался, что меня ждёт большое будущее блюзового или рок-н-ролльного гитариста. Поэтому я обратился к единственному человеку, который, как я думал, мог мне помочь: к Богу. Я начал говорить с Ним, молиться, просить о милости, помощи и наставлении. Мне не дано знать, как мы здесь оказались — возможно, нас забросили сюда внеземные цивилизации, или может быть мы — часть биологического эксперимента, который проводит создатель в чашке Петри (лабораторная посуда, стеклянная плоская склянка), под названием Мир — но ведь кто-то или что-то привел всё это в движение, и в то время мне пришлось поверить, что это был Бог. Потому что, если бы я не верил в Бога, я не верил бы ни во что. А если бы я не верил ни во что, то это стало бы концом моей жизни.

Посреди всего этого к нам зашёл друг моего отца. Он был старшим священником, который отрастил бороду, чтобы казаться искушенным, хотя это только заставляло его казаться ещё старше (единственная вещь хуже бороды — это борода у лысых мужчин, потому что создаётся впечатление, что волосы у них растут вверх ногами). Священник быстро почувствовал, что я был на грани серьезного нервного срыва. “Ты хочешь покреститься?” спросил он, поглаживая свою старую седую бороду. Я сказал, что хочу.

Он привёл меня в свою церковь и поставил в жбан с водой. “Я крещу тебя во имя Отца и Сына, и Святого Духа”, сказал он, зажав мне нос и мокнув в воду головой назад. “Надеюсь, это поможет” думал я про себя, выныривая окрещённым.

В настоящее время я не верю в христианскую концепцию Бога, который создал людей с единственной целью — судить и

наказывать их. В конце концов, если одна из заповедей гласит, “Не убей”, то Бог выглядит лицемером, когда делает такие вещи, как всемирный потоп или разрушение Содома и Гоморры? Но тогда я нуждался в прощении. Мне нужен был кто-то, кто сможет смыть мое прошлое и начать меня обновлённого сначала. На какое-то время это сработало. Я даже организовал госпел-бэнд (gospel — негритянская церковная музыка). Но это было всего лишь временным облегчением, подобно «Секоналу». Это убило боль на некоторое время, но боль возвратилась с новой силой. Каждый раз, когда я шел в церковь, в душе я ощущал нездоровое чувство, что это не то, где я должен находиться, и что, возможно, я угодил в ещё большую ловушку общественной морали: теперь у меня были жена, двое детей, чёртова работа, и на вершине всего этого еженедельные службы и посещение церковных мероприятий. Однажды днем я не выспавшийся работал в прачечной, перемещая двухсотсемидясетикилограммовые бадьи с мокрой одеждой от стиральных машин до сушилки. Бадья была подвешена к крюку, который свисал с ленты конвейера на потолке, как на скотобойнях. И когда я транспортировал бадью к сушилке, я потерял контроль, бадья поехала назад и сильно ударила меня по левой руке. Вспышка паники пронзила мой мозг: что, если я никогда больше не смогу играть на гитаре?

Я пошёл в главный офис, мне перевязали руку и отпустили домой. Я так и не вернулся туда снова. И хотя моя рука, в конечном итоге, зажила, «Ватоши» заменяли меня во время моего отсутствия.

Я сказал Шэрон, что никогда больше не буду работать ни дня, и она покрылась всеми цветами гнева, болезненности и раздражения, что стала похожа на тестируемый цветной телевизор. Она с таким трудом выбила для меня работу в прачечной, а теперь я отказывался от неё. Она болезненно воспринимала развод своих родителей, но в то же самое время ей было ясно, что я был неспособен сделать хоть что-то даже для себя самого. Так что на Рождество, в день, когда, кажется, случается всё в моей жизни, она взяла Леса Пола и нашу пятимесячную дочь Сторми (Stormy) (девочка, которая трижды сделает меня дедушкой прежде, чем мне стукнет сорок) и ушла от меня.

Теперь я прежде всего должен был выплачивать алименты на детей: двести долларов в месяц. А музыкой я не зарабатывал ни пенни. Без гроша и весь в долгах я попросил моих родителей позволить мне вернуться в их дом. Они разрешили, и теперь я снова жил в сарае, где начинал. Я долгое время никуда не выходил. Ко всему почему, приехали полицейские и снова

постучали в дверь моего сарая, точно так, как это было в средней школе. Но на сей раз они забрали меня в тюрьму за неуплату алиментов, и я провёл две ночи, препятствуя парням трахнуть меня в задницу и поджечь мою койку. И вот тогда, когда казалось, что ничего худшего со мной уже не может произойти, пришла новость, которая погрузила меня в адский огонь на всю мою оставшуюся жизни.

Глава вторая

МИК

«ГДЕ С НАМИ ДЕЛЯТСЯ БОЛЬШИМ СЕКРЕТОМ, ОТ КОТОРОГО ВОСПРИИМЧИВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ МОЖЕТ ПРОНИКНУТЬСЯ ГЛУБОЧАЙШИМ СОЧУВСТВИЕМ К ТИХОМУ ГЕРОЮ, ОТДЕЛЁННОМУ ОТ НАС НЕОБЫЧНЫМ ПОЛЕМ БИТВЫ»

Впервые я заметил это, когда мне было девятнадцать. Мои бедра начали сильно болеть каждый раз, когда я поворачивал тело, что было похоже на то, будто кто-то взрывает фейерверки в моих костях. У меня не было достаточно денег, чтобы показаться врачу, поэтому я просто продолжал надеяться, что смогу заниматься тем, чем я обычно занимаюсь: через силу воли всё пройдёт само собой. Но мне становилось всё хуже и хуже.

Когда я был женат на Шерон, она заставила меня сходить к доктору. Тот сказал мне, что я веду неправильный образ жизни, и, если бы я делал физические упражнения, то боль прошла бы. Я ушёл от него, обеднев на пятьдесят долларов. Я был уверен, что боль была признаком чего-то ещё, а не просто справедливо указанной лени. Но я не знал чего именно: был ли виноват в этом ремень от гитары? Или кросстопс (crosstops) и «Mini Thins» (таблетки, содержащие эфедрин [стимулирующее средство], продающиеся в аптеках без рецепта), которые каким-то образом уничтожают мои кости?

Потом, однажды днем, когда я работал в моей прачечной, мне вдруг стало тяжело дышать. Сначала я почувствовал себя так, будто кто-то вонзил мне нож в спину. Но прошло несколько недель, а боль продолжала распространяться по всей моей спине. Затем я почувствовал сильное жжение в желудке и забеспокоился, что всё моё тело вот-вот развалится на куски. Мне представлялось, что в моём желудке возникла дыра, и кислоты просачиваются сквозь неё и уничтожают все мои кости и органы. Я брался за дверные ручки, фиксировал ноги на полу и вытягивался свою спину, чтобы ослабить давление на неё. Во время выступлений я уже не мог снять Маршальскую головку (усилитель) с верхушки моего стэка (stack — нескольких колонок, поставленных одна на другую), потому что моя спина болела так, что я даже не был способен дотянуться руками до собственных плеч. Я чувствовал себя так, будто мой позвоночник заменили на окаменевший кактус.

Когда я вернулся домой из тюрьмы, тётя Тельма снова повезла меня показать специалисту. И вот тогда-то я впервые услышал два слова, которые сделают из меня наркомана и уродца на всю мою оставшуюся жизнь: анкилозный спондилит (ankylosing spondylitis). Что поразило меня больше всего в диагнозе — название болезни содержало слово «losing» («проигрыш»). И я действительно проигрывал по всем позициям.

Анкилозный спондилит (ankylosing — дословно переводится, как «теряющий подвижность») — дегенеративная болезнь костей, которую, как мне сказали, я унаследовал, хотя мне не известно ни о каких моих родственниках, которые бы ей страдали. Она обычно затрагивает суставы и связки, которые позволяют позвоночнику свободно двигаться, делая их воспалёнными и неэластичными. Это похоже на то, как будто горячий, быстро сохнущий цемент нарастает на внутренней части вашего позвоночника, и за годы вашей жизни он становится настолько тяжелым, что начинает тянуть вас вниз. Люди думают, что я хожу сутулым, потому что я застенчив, но на самом деле мой позвоночник медленно вынуждает меня склоняться к земле.

Врач сказал, что у меня чрезвычайно редкая форма болезни, которая началась, когда я был в подростковом возрасте, но, которая может прекратиться, когда мне будет лет 35. Но мне так всё ещё и не стало сколько-нибудь лучше, хотя мои тридцатые уже далеко в прошлом. Некоторые люди говорят, что время излечивает все раны, но я думаю, что время — и есть рана.

Пока врачи не начали давать мне болеутоляющие средства, я обычно с'едал по пятнадцать таблеток «Адвила» за раз («Advil» — ненаркотический анальгетик), чтобы остановить боль. Но этого всегда было недостаточно. Я должен был быть всегда на стороже, играя на гитаре, так как это в любую минуту могло вывести меня из строя. Поэтому я стал спешить, как никогда, чтобы успеть сделать свою карьеру прежде, чем болезнь поразит суставы моих рук и отнимет у меня единственное, что волнует меня в этом Мире — способность играть на гитаре.

Я снова начал ездить автостопом. Мой друг Рон женился, погрузился в жизнь, которой я пытался избежать. Поэтому я дрейфовал, как бродяга вместе с Майком Коллинзом. Большинство выходных Майк и я ездили автостопом по ночным клубам по всему Орандж Кантри в поисках хороших групп, с которыми можно было поджемовать. В клубе «Пирс № 11» («Pier 11»), я нашел «Уайт Хорс» («White Horse» — «Белая Лошадь»). Они играли кавер-песни, вроде “Free Ride” и “Rock and Roll, Hoochie Koo” — но они играли их лучше, чем любая другая группа, в которой я был прежде. Когда я услышал, что они подумывают об

увольнении своего гитариста, я стал бывать на каждом их маломальском выступлении, приходя рано и долго ошиваясь поблизости после концерта, и это при том, что моя спина была настолько плоха, что я даже не мог помочь им собрать оборудование. После полугода абсолютной преданности, они, наконец, сказали, “Так и быть, ты это заслужил. Ты получишь это место”.

Я переехал из лачуги моих родителей в наполненную тараканами квартиру в Голливуде вместе с барабанщиком и клавишником «Уайт Хорс». Я спал на полу в своём спальном мешке, который окончательно добил мою спину, я выстраивал стену из музыкального оборудования вокруг себя, чтобы тараканы и крысы не ползали по моему лицу. Я провёл семь лет, играя с «Уайт Хорс», и всё это время боль распространялась по всему моему телу: сначала раздулись мои колени, лодыжки и запястья. Затем это добралось до моих плеч и между лопатками, пока не начал болеть каждый сустав, я больше не мог спать на спине или животе. Я вынужден был начать спать так, чтобы моё тело находилось в полусидящем положении.

Я пытался оказать влияние на «Уайт Хорс», чтобы заставить их играть собственные песни, но парни всегда гонялись за быстрым долларом. Наконец, вокалист сказал мне, что я должен уйти, потому что остальная часть группы хочет уволить меня. Я решил переждать, и спустя два дня клавишник очистил дом. Он уволил вокалиста, басиста и меня и превратил «Уайт Хорс» в диско-группу. Поскольку я не мог позволить себе платить за квартиру, меня тоже вышибли из дома, и я снова стал дрейфовать: ночевал в заброшенном доме в Северном Голливуде (North Hollywood), на скамейках в парке и даже в доме моей бывшей невестки (сестра брата). Я нашел работу на заводе по производству мотоциклов, хотя чаще всего я был в таком плохом состоянии, что был совершенно бесполезен на работе.

Затем, однажды ночью, моя новая подруга Марша (Marcia) (которую я встретил после выступления «Уайт Хорс» в «Pier 11»), пришла домой с неопределенной улыбкой, которую я уже видел раньше на лице другой женщины, и сообщила мне новость, которую мне так много раз сообщали прежде: “Я беременна”. Конечно же, она хотела оставить ребенка. Жизнь сделала полный круг и погружала меня обратно в болото. Я чувствовал, что моя мечта снова выскальзывал из моих рук, хотя, как оказалось, я был к ней ближе, чем я думал.

Я сделал первый шаг в правильном направлении и не женился снова. Потом я дрейфовал через группы, такие как «Вендетта» («Vendetta»), которая включала в себя двух бывших

членов «Уайт Хорс», и поехал с ними на Аляску (Alaska), чтобы заработать немного быстрых денег, играя музыку лучшей 40-овки. Затем я поместил об'явление в «Ресайклер» («Recycler»), на которое откликнулись Томми и Никки, я всего лишь ожидал оказаться ещё в одной кавер-группе, борющейся с самомнением и просто зарабатывающей деньги. Но как только к группе присоединился Винс, я понял — мой почти тридцатилетний поиск, с тех самых пор, когда я впервые увидел Скитера Бонда, три десятилетия езды автостопом через группы, наркотики, чужие диваны и отношения — подошли к концу. Это было то, где я хотел находиться.

Но чем более успешными мы становились, тем тяжелее было наслаждаться наградой. Новые признаки анкилозного спондилита продолжали проявляться: появилось что-то под названием "воспаления радужной оболочки глаза", что вызывало вспышки боли у меня в глазах всякий раз, когда я смотрел на яркие огни, подобные тем, которые я видел каждый вечер на сцене. Мой нижний отдел позвоночника стал абсолютно жёстким и неподвижным, став причиной сколиоза (искривление позвоночника) и продолжая всё дальше скручивать меня вниз и вперед, пока мой рост не стал на три дюйма меньше, чем был в средней школе. Именно поэтому я никогда не снимаю мои ботинки на платформах. Я не хочу выглядеть пигмеем.

Болезнь находит любое свободное место между костей или внутри их — рёбра, суставы, связки — и развивается там. Если вы пытаетесь оперировать и удалить её, она просто вырастает снова, как вросший ноготь. Когда я умру, думаю, мой скелет будет твёрдым, как камень. Если его будут демонстрировать на занятиях по медицине в качестве экспоната, то даже не потребуется проволока, чтобы скреплять кости между собой.

Однако наихудшая сторона болезни — не боль и не сутулость. Это отсутствие возможности легко двигаться по сцене. Глядя оттуда на всех этих возбужденных людей, я даже неспособен изобразить хоть что-нибудь. Я так много раз хотел спуститься вниз к басовым динамикам во время выступлений, но я понимал, что, если я это сделаю, то для меня нет никакой возможности забраться обратно на сцену, если только Винс или Никки не вытянут меня оттуда. И Боже упаси, если кто-нибудь из фанатов вздумает утащить меня в толпу, меня точно придётся госпитализировать. Каждый вечер я так сокрушаюсь, наблюдая за тем, как Никки и Винс носятся по всей сцене. Всё, что могу делать я, когда поклонники в передних рядах начинают меня приветствовать, это с трудом волочиться по сцене, улыбаться, говорить "эй" или пытаться бросить им медиатор.

На днях я наблюдал себя на видеозаписи: я напоминаю статую, руки которой каким-то образом ожили. Когда я пытаюсь двигаться, это выглядит, чёрт побери, настолько глупо. Лучше бы я просто стоял на одном месте. Иногда, когда я играю, ремень от гитары так натирает мою шею, что я чувствую себя так, будто получил тяжёлую травму, и мышцы начинают конвульсивно сокращаться от основания позвоночника до середины спины. Когда это случается, я не могу даже повернуть голову, чтобы выразить свою признательность фанатам на протяжении всей остальной части выступления. Блин, это так обламывает. Люди думают, что я застенчивый, странный или недоброжелательный человек, потому что именно таким они видят меня на сцене. Они думают, что я намеренно создал для себя такой образ равнодушия и отчуждённости. Но правда в том, что я — узник, заключенный в своем собственном теле.

В конце концов, во время тура «Girls, Girls, Girls» я так устал от боли и был так расстроен, что у меня началась хроническая депрессия. Психологи давали мне антидепрессанты, а анестезиологи кормили меня обезболивающим, но ничего не помогало. Поэтому я решил попробовать своё собственное лекарство: алкоголь. Никки снова сидел на героине, Томми половину тура не осознавал себя, а Винс допивался до столбняка. Я же предпочёл держать мои проблемы в тайне. Но проблема с тайнами состоит в том, что никто не может помочь вам, если никто не знает, что с вами что-то не так. А в том туре многое было не так.

Глава третья

ТОММИ

«ДЕТАЛЬНЫЙ ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК С РАПОРЯДКОМ ДНЯ НАШИХ ГЕРОЕВ ВО ВРЕМЯ ИХ СЛЕДУЮЩЕЙ ПОЕЗДКИ, СОДЕРЖАЩИЙ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ И МУЧИТЕЛЬНЫЕ ДЕТАЛИ»

У нас был огромной реактивный самолёт, мы имели неограниченное количество денег, и, чёрт побери, мы могли делать всё, что хотели. «Girls, Girls, Girls» было самым крутым временем, которое когда-либо было в моей жизни, или, по крайней мере, я так думаю, потому что никогда больше оно не было отмечено таким грёбаным порочным безумием. Наши тусовки были расписаны строго по часам, брат. Вы могли сверять по нам часы в любом часовом поясе, где бы мы ни находились, и узнавать точно, где, когда и в какое дерьмо мы вляпались.

Какое-то время у нас даже был собственный нарко-барон (drug kingpin), который всё время следовал за нами во время автобусного тура в своём экзотическом «Экскалибуре» («Excalibur» — марка лимузина) с номерным знаком с надписью «ДИЛЕР». Всякий раз, когда мы выходили из автобуса, он внезапно оказывался тут как тут со своим алмазным «Ролексом» («Rolex»), весь увешанный золотыми цепями, с парочкой сучек в каждой руке, разбрасывая узелки с коксом каждому из группы и дорожной команды. Это был сутенёр и торговец наркотиками, который на своих вечеринках всегда разгуливал в шляпе. Но наша звукозаписывающая компания была вне не в восторге от этого и сказала, что с ним нужно немедленно развязаться, т. к. он был настоящим магнитом для полицейских и неприятностей. Нам было жаль с ним расставаться, но чёртовы дилеры, сутенеры и тусовочные торчки проходили через нас десятками, дюжинами в том туре.

Каждый день был сражением между группой, которая находилась на грани развала, и компанией звукозаписи, которая решила держать нас под контролем. Возможно, мы и выиграли сражение, но проиграли войну. Для нас это был последний подобный тур. И, перефразируя Стивена Райта (Stephen Wright — писатель), ничто не происходит так, как оно кажется. А происходило всё в точности следующим образом:

17:00–18:30: Телефонные звонки. Просыпаюсь. Ни черта не помню. Снимаю трубку. Выбираю между двумя интервью с радио-

ди-джейем и газетным репортером. Если один в кровати, прекрасно. Если не один — тоже хорошо. Если нужно поблевать во время интервью, закрываю микрофон рукой и блюю на пол. Если на полу лежат люди, стараюсь не попасть на них.

Если интервью длится дольше пятнадцати минут, поворачиваюсь на бок и мочусь с края кровати в ближайший угол комнаты. Интервью продолжается.

Во время второго интервью, открываю дверь гостиничной обслуге (заказанной роад-менеджером [road manager]). Пока не тошнит, ем. Снова вырвало. Конец интервью.

18:30–18:45: Вызываю носильщика. Стук в дверь. Посыльный выносит чемоданы, которые даже не были распакованы, с тех пор как предыдущий посыльный принёс их в комнату. Надеваю одежду, оставшуюся с прошлого вечера. Трачу десять минут на поиск солнцезащитных очков.

18:45–19:00: Выползаю из комнаты. Выхожу в вестибюль. Встречаю группу. Говорю: “Эй, чувак, как прошла ночь?” “Это было весело, мать твою”. “Точно”. Залезаю в фургон или лимузин, который везёт нас к месту выступления.

19:00–20:00: Добрались до места. Саундчек. Похмеляюсь за кулисами. Заказываю обед. Получаю сеанс массажа, чтобы вывести токсины из организма. Выпиваю. Слушаю музыку. Оттягиваюсь. Возвращаюсь к жизни. Встречаю придурков с радио и с лейбла. Слышу их вопрос, “Ты разве не помнишь, как ты обоссал полицейскую машину?” Искренне отвечаю: “Гм, нет”.

20:00–21:00: Выступает открывающая группа. Нахожу гардероб. Снимаю уличную одежду: черные кожаные штаны и черную футболку. Надеваю одежду для сцены: черные кожаные штаны и черную футболку. Вызываю смех у Винса, потому что он единственный из группы, кто принял душ. Сажусь на табурет от ударной установки перед зеркалом и открываю коробку с косметикой. Жирно обвожу глаза карандашом, крашу губы и накладываю грим. Размышляю: побриться или нет…

21:00–21:15: Выпиваю или нюхаю кокаин с открывающей группой, когда те возвращаются за кулисы.

21:15–21:20: Импресарио дает пятиминутную готовность. Поднимаю тяжести за кулисами, чтобы разогреть мышцы и вывести токсины с потом. Импресарио вопит, “Представление начинается!”

21:20–22:00: Пытаюсь поймать кураж. Играем “All in the Name of”, “Live Wire” и “Dancing on Glass”.

22:00–23:00: Кровь побежала по жилам. Адреналин ударил в голову. Играем “Looks That Kill”, “Ten Seconds to Love”, “Red Hot”, “Home Sweet Home” и “Wild Side”, и играем их хорошо. На пару с

Никки высасываем четверть галлона виски: я — во время бас-, он — во время драм-соло. За кулисами Винс запивает пивом снотворное; Мик выпивает стакан чистой водки и улыбается, потому что остальная часть группы наивно полагает, что это просто вода.

23:00–23:15: Заканчиваем выступление с “Helter Skelter” и “Girls, Girls, Girls”. В полуобморочном состоянии и тяжело дыша, вхожу за кулисы. Хватаю кислородную маску. Смотрю на нетронутый обед.

23:15–23:45: Жду кого-нибудь, чтобы спросить: “У кого-нибудь есть нюхнуть?” Разделяю порцию кокса на две дорожки. Вдыхаю. Меняю потную сценическую кожу назад на потную уличную. Нахожу зал для встреч. Приветствую фанатов. В часы отдыха группа ищет простых человеческих радостей. Решаю отделиться от всех. Иду в офис менеджмента. Звоню Хизер.

23:45–24:00: Спрашиваю у менеджмента разрешения остаться в городе. Умоляю менеджмент разрешить остаться в городе. Обвиняю их в преднамеренно спланированной поездке группы в следующий город именно в те часы, когда открыты бары и стрип-клубы. Пытаюсь их побить, когда те это подтверждают. Сажусь в фургон или лимузин до аэропорта.

24:00–03:00: Прибыли в аэропорт. Жду Винса, чтобы закончить с девочкой в уборной аэропорта. На взлётной полосе встречаю наркодилеров. Сажусь на борт «Гольфстрим 1» («Gulfstream One») — самолет с черным кожаным салоном. Нахожу место, предназначенное для меня. Удостоверяюсь, что бортпроводница заранее и правильно разложила на подносах наркотики и напитки для каждого. Для Никки — белое вино и «ангельская пыль» (zombie dust).[3] Для Винса — снотворное. Для Мика — водка. Для меня — коктейль и «ангельская пыль».

03:00–04:00: Прибываем в новый город. Если законы городских властей позволяют продавать алкоголь до 4 утра, спрашиваю представителя компании, как далеко до ближайшего стрип-клуба. У меня вырывается стон, когда тот отвечает, “Сорок пять минут”. Спрашиваю, спланировала ли компания это специально. Угрожаю насилием, когда те это подтверждают. Как бы там ни было, говорю водителю лимузина везти группу туда.

04:00–09:00: Прибыли в гостиницу. Ищу наркотики и выпивку в вестибюле. Если не нахожу, говорю роад-менеджеру доставить всё это в номер. Выпиваю. Принимаю дозу. Буяню в номере, на крыше или на стоянке. Меня ловят. Роад-менеджер запирает меня в комнате или пристёгивает наручниками к кровати. Кричу. Ору. Угрожаю забастовкой. В одиночестве вкалываю себе героин..[4]

09:00–17:00: В отключке.

17:00–18:30: Телефонные звонки. Просыпаюсь. Ни черта не помню. Весь цикл повторяется снова.

Глава четвёртая

МИК

«ПОКА ЕГО СОРАТНИКИ ПО МУЗЫКЕ СКАТЫВАЮТСЯ ОТ УВЛЕЧЕНИЯ К ЗАВИСИМОСТИ, МИК ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕСПОСОБНЫМ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ ПРИСОЕДИНЕНИЮ К НИМ НА ЭТОМ ПАГУБНОМ ПУТИ»

Один из моих любимых фильмов — «Перекресток» («Crossroads» — фильм 1986-го года с Тимом Рассом [Tim Russ] в главной роли) — легенда о том, как однажды ночью на перекрестке в Миссиссипи (Mississippi) Роберт Джонсон (Robert Johnson — американский чернокожий блюзовый гитарист 20-30-ых годов XX-го века) продал свою душу дьяволу за то, чтобы он мог играть на гитаре, как никто другой до той поры. В конце дьявол приходит к глубоко несчастному Роберту Джонсону и злорадствует, “Ты получил то, что хотел. Ты хотел быть блюзменом”.

Я обычно говорил себе то же самое: “Ты получил то, что хотел. Ты хотел быть звездой рок-н-ролла. Так пользуйся этим”. Мои мечты осуществились, но это не было тем, к чему я стремился.

Когда мы делали запись «Girls», Том Зутот (Tom Zutaut) зашёл в студию и увидел меня пьяного, сгорбленного и наглотавшегося болеутоляющего. Когда он впервые подписал с нами контракт, он обычно называл меня «пожирателем фиолетовых человечков» (purple people eater), потому что он говорил, что у меня фиолетовая аура. Но теперь он смотрел на меня, как безумный: “Твой пожиратель фиолетовых человечков исчезает”, сказал он печально. “Он превращается в зловещее и алкоголическое существо”.

“Нет, это не так”, пробормотал я ему в ответ. Но он был прав. Сделав запись гитарного стаккато в конце песни “Girls, Girls, Girls”, я свалился со стула — настолько я был пьян (так или иначе, мы взяли именно этот дубль, потому что нам понравилось, как это звучит, к тому же, у меня были такие боли, что я был просто не в состоянии играть ещё).

Мы продали миллионы дисков, но я по-прежнему был на мели. Остальные парни кутили во всю и тратили все деньги на наркотики, я же был повязан адвокатами, бухгалтерами и жадными бывшими жёнами (exes), требующими от меня уплаты

алиментов. Когда я уезжал в тур, я оставлял свой автомобиль в доме моего друга, так как доверял ему, но на этот раз у него вдруг хватило наглости потребовать с меня пятьсот долларов за присмотр за тачкой. Когда вы начинаете преуспевать, все думают, что вы богач. Я же не имел денег даже на то, чтобы купить другой автомобиль. И, вдобавок ко всему, я потерял последнего парня, который, как я полагал, был моим настоящим другом. С тех пор у меня нет друзей.

Перед выходом на сцену я выстраивал в линию шесть рюмок водки рядом с открытой банкой «Коки» («Coke»), а затем опрокидывал всё это разом. Во время шоу я в сторонке выпивал стакан чистой водки, когда другие парни думали, что это вода. Позднее, я придумал флягу с коктейлем собственного изготовления под названием “Марс-эйд” (”Mars-ade”) — смесь текилы, апельсинового сока и гренадина (густой сладкий красный сироп) — и высасывал её за время выступления.

Алкоголь открывал такие стороны моей личности, о существовании которых я никогда даже не подозревал. Однажды ночью в «Лексингтон Куин» в Японии («Lexington Queen» in Japan) я был просто никакой, и случилось так, что у владельца заведения нашлась маска Годзиллы (Godzilla). Я надел её, выскочил на танцпол и начал делать то, что мы называем «танец ягодиц» («crack dancing») — я тряс своей задницей, демонстрируя всем щель между «булками», высовывающимися из моих штанов (обычно мы делали это в избытке, играя в боулинг). Внезапно мне пришла в голову идея: всё в той же маске Годзиллы я выскочил из бара на улицу и начал терроризировать ничего не подозревавших мирных японцев, возможно, заодно я разрушил несколько близлежащих небоскрёбов. Я спустил штаны до лодыжек и ходил вверх и вниз по улице в своей маске Годзиллы, рыча и кусая прохожих. Остальные парни, смеясь, ходили за мной, потому что они никогда не видели, чтобы прежде я вёл себя подобным образом. Кто-то рассказывал мне, что в Японии считается нормальным, если человек остановится где-нибудь и пописает прямо на тротуар. Поэтому я решил проверить, так ли это на самом деле.

Я думал, что выгляжу забавным. Но, вернувшись в свой гостиничный номер, я посмотрел на себя в зеркало и увидел всего лишь уродливого, отвратительного парня с огромным животом. Я начал сильно пить с тех пор, как с Винсом произошёл несчастный случай, и стал медленно раздувался, как воздушный шар. Я бы не удивился, если бы кто-нибудь насадил меня на вертел и засунул мне в рот яблоко. Такой свиньёй я был.

Вот почему я должен был заподозрить неладное, когда Эми

Канин (Emi Canyn), одна из двух бэк-вокалисток, которых мы наняли (среди претенденток были Мэрри Клэйтон [Merry Clayton], работавшая с «Rolling Stones» и Мэделин Бэлл и Дорис Трой [Madeline Bell, Doris Troy] из «Humble Pie»), начала по-настоящему сближаться со мной. Она была стройна, спортивна и красива, а я был стар, уродлив и болезнен. Ни одна женщина в здравом рассудке не польстилась бы на меня.

Парни взяли за правило: “Ты не должен гадить на своём заднем дворе”, что Никки об’яснял как, “Ты не спишь ни с кем, кто с тобой работает”.

Поэтому, когда они начали слышать голос Эми, в любое время доносящийся из моей комнаты, то были вне себя от злости. «Джек Дэниелс» и «Хальцион» ослепляли их гневом, и они наказывали нас больше, чем мы того заслуживали. Они мешали нам общаться, бросали на нас злобные взгляды, проливали на нас напитки и пачкали едой весь наш багаж. Эми была очень религиозна, и по отношению к ней они вели себя просто безжалостно. Всякий раз, когда самолет во время полёта попадал в турбулентность, они вскакивали со своих мест, спускали штаны до лодыжек и начинали петь, “К чёрту Бога! Давайте разобьёмся!” (”Fuck God! Let’s crash!”) только для того, чтобы напугать её, хватали её ожерелье с распятием и начинали крестить себя и молиться. Если я пытался их остановить, они швыряли в меня бутылку «Джека».

Это было так лицемерно, потому что прежде, чем мы наняли Эми (и Донну МакДэниэл [Donna McDaniel], другую бэк-вокалистку из «Nasty Habits»), мы работали с вокалисткой по имени Бри Хауорд (Brie Howard). У неё был хриплый, блюзовый голос, как у Тины Тёрнер (Tina Turner), она пела с Робби Невилом (Robbie Nevil) и ездил в тур с Джимми Баффеттом (Jimmy Buffett). Но как только она собиралась присоединяться к группе, Никки начал встречаться с ней.

После такого я почувствовал разочарование и отвращение из-за того, что Никки и парни так жестоко наказывали меня. Я полагаю, что они утратили всю веру и доверие, которое они испытывали ко мне раньше, а я определенно потерял всякую веру и доверие, в отношении их как друзей и коллег по группе. Если бы я так не любил играть на гитаре, я ушёл бы от них.

Я всегда был готов отступить туда, откуда пришёл. Большинство же людей — нет: они думают, что плохое случается только с другими людьми. Именно поэтому я стараюсь надеяться только на себя самого. С нашим обществом может произойти всё, что угодно, и, возможно, произойдёт, от глобального землетрясения до ядерной атаки или краха фондовой биржи.

Большинство людей говорит, “О, у меня отличная работа, много денег, большие льготы и медицинская страховка. Я чувствую себя могучим и защищённым”. Но что, если депрессия или продовольственный кризис поднимут цены на хлеб до пятидесяти долларов. Как вы прокормите свою семью? Вы умеете выживать, как это делали ваши предки? Вряд ли!

Когда вы бегаете повсюду выпрашивая подаяния и собирая об’едки, наркотики и девочки в один момент перестают казаться такими уж важными вещами. На самом деле я никогда не имел склонности и не баловался тяжёлыми наркотиками, как делала остальная часть группы. Они обычно называли меня Эйтбол Марс (Eightball Mars) потому, что я говорил, “Дайте мне эйтбол (смесь кокаина с героином) и не спрашивайте меня зачем”. Кокаин был для меня новым ощущением, и когда это стало проблемой, я остановился. Не как Никки.

Я был взбешён, когда впервые увидел, как он принимает героин. Мы играли на Лонг-Бич Арена (Long Beach Arena) во время тура «Shout at the Devil», он нюхал что-то из маленького узелка. Я спросил, “Что это такое, чёрт побери?” Он сказал, что это смэк (smack — героин), и я спросил, “Ты начал принимать это дерьмо?” Он сказал, что никогда больше не будет этого делать, но я был в ярости. Я точно знал, ЧТО с ним произойдёт, и во время тура «Girls» это случилось.

Но как Вы можете спасти такого, как он, от него самого? Никто не мог остановить меня в моём пьянстве и опухании; никто не мог предостеречь Элвиса (Elvis) от таблеток, которые его убили.

Вот о чём я думал, когда в перерыве между отрезками тура мне позвонили и сообщили то, чего я так боялся услышать. Наш тур-менеджер был пьян в говно и плакал, рассказывая мне новости. Он попросил меня позвонить в Англию вместо него и отменить европейский этап тура. Почему я?

У меня раскалывалась голова с похмелья, я был сбит с толку, расстроен и взбешён — из-за Никки и из-за себя самого, т. к. я не сделал большего, чтобы остановить его. Я позвонил в редакцию журнала «Керранг» («Kerrang») и сказал первое, что мне взбрело в голову: “Мы не можем приехать, потому что мы слышали, что у вас там повсюду сильный буран и, м-м-м, у нас так много оборудования, и мы боимся, что мы просто рухнем со всем этим. Потому что, м-м-м, на крышу самолёта налипает снег и всё такое”.

Я понятия не имел, что я такое несу. Но я не мог сказать им то, что я знал — то, что сообщил мне Рич (Rich) на самом деле: Никки был мертв.

Глава пятая

НИККИ

«ГДЕ СУДЬБА ЯВЛЯЕТСЯ НИККИ В ОБЛИКЕ БИЗНЕСМЕНА-ЯПОНЦА, СТАРЦА-ПРЕДСКАЗАТЕЛЯ, УСЛУЖЛИВОГО ДРАГДИЛЕРА, ПАРЫ ФАНАТОК И ВОСЬМИСОТ ПРОСТИТУТОК»

В начале тура «Girls» я перестал встречаться с Вэнити (Vanity). Всякий раз, когда она приходила повидать нас, она раздражала меня, остальную часть группы и дорожную команду тем, что прямо посреди репетиции раз'езжала по сцене на мотоцикле или надоедала нам каким-либо ещё образом. В любом случае, это не были высокие отношения, из-за наркотиков она потеряла почку. Она даже начала терять зрение и слух. Тем не менее, годы спустя, я узнал, что она смогла изменить себя. Она избавилась от зависимости, увеовала в Бога, стала священником и сменила своё имя обратно на то, которое дала ей мать — Дэниз Уилльямс (Denise Williams) (странно, что Никки называет фамилию «Уилльямс», т. к. настоящее имя Вэнити — Дэниз Катрина Мэттьюс [Denise Katrina Matthews]).

Теперь я на самом деле остался один. У меня не было никакой подруги, моя бабушка умерла, мой папа, вероятно, тоже был мёртв и я не общался со своей мамой. Так что я был единственным в группе без семьи, подруги, жены и каких-либо планов на будущее, но я был слишком «нагероинен» (smacked out), чтобы придавать этому хоть какое-то значение. Что касается музыки, я еле вытянул последние два альбома, которые я написал. А как же успех, спросите вы? Не было никакого успеха. Критики презирали нас. Я ощущал себя «МакДональдсом» рок-н-ролла: моя жизнь была одноразовым продуктом. Употребите меня и выбросьте.

После шести месяцев тура «Girls» мое существование распалось на отдельные события, где каждый момент, который остался у меня в памяти, был связан с наркотиками: я выходил на сцену, чтобы обдолбаться, я возвращался за кулисы, чтобы обдолбаться ещё больше, я тратил все свои суточные на покупку дури и я отправлялся в каждый новый город только для того, чтобы узнать, нет ли там ещё каких-нибудь неизвестных мне наркотиков. Героин, кокс, фрибэйс, «Джек», «ангельская пыль» (heroin, coke, freebase, Jack, zombie dust): все они непосредственно управляли моей жизнью в течение года. И, подобно любым

скверным отношениям, чем дольше они оставались в моей жизни, тем более несчастной и неконтролируемой она становилась.

Вскоре все уже знали, что происходит: однажды ночью после шоу мы возвратились к нашему самолёту и на стекле кабины пилота нашли записку от Стивена Тайлера и Джо Пэрри (Steven Tyler, Joe Perry) из «Aerosmith», в которой говорилось, что мы горим и падаем (crashing and burning), что им это знакомо и они могли бы помочь нам справиться с этим. Несмотря на то, что когда-то мы боготворили их, теперь мы просто посмеялись над ними, проигнорировали их предостережение и продолжали "гореть и падать".

Непосредственно перед тем, как мы отправились в Японию, в Лос-Анджелесе произошло землетрясение. Накануне этого я три дня подряд был под кайфом, и, когда я спешно покидал дом, единственной вещью, которую я прихватил с собой, была моя фрибэйс-труба (трубка для курения кокаина). Настолько это было важным для меня в тот момент. Я даже не взял ключи от своего дома, и мне пришлось ломать боковую дверь, чтобы снова попасть внутрь. Я знал, что качусь вниз по спирали. Но я не понимал, как низко я нахожусь на самом деле, пока мы не начали наш второй тур по вежливой и цивилизованной Японии, где наши проделки заставили нас выглядеть подобно клоунам на похоронах.

По дороге из Осаки (Osaka) в Токио (Tokyo) на сверхскоростном пассажирском экспрессе у Томми и у меня случился сверхмощный приступ собственного альтер эго (alter ego — второе «я») под названием «Близнецы Террора» (the Terror Twins). Под действием волшебной «ангельской пыли» мы чувствовали себя сильнее, чем несущийся сверхскоростной экспресс. Способные поглощать длинные дорожки кокса одним единственным вдохом, мы обладали способностью рентгеновского видения, которое позволило нам обнаружить и уничтожить каждую бутылку сакэ (sake — японская рисовая водка), находившуюся в поезде. Мы бегали взад и вперёд по проходам между сидениями, спасая мир, проливая виски и опрокидывая пончики с сахарной пудрой на наших главных противников — на ту совокупляющуюся парочку суперзлодеев — Эми и Мика (или, как мы предпочитали их называть, «Неудачница» и «Кит» [Jonah and the Whale]).

"Надо было поубивать вас всех ещё в ту войну", внезапно заорал Томми. Мы схватили бутылки с сакэ и устроили некоторым пассажирам искупительное омовение. Томми был в стадии костюма — смесь Индианы Джонс с доминатрикс (Indiana-Jones-hugging-a-dominatrix). Пока он бегал по проходам, никто не мог видеть его тело, а только низко надвинутую на глаза шляпу,

плотно облегающие руки перчатки и пальто, тянувшееся за ним словно шлейф некоего ангела мести, сотканный из джинсовой ткани, кожи и кокаина.

Наш японский промоутер, господин Удо (Mr. Udo), был в ужасе. “Вы должны успокоиться”, серьезно сказал он нам. “Пошёл ты”, крикнул я, схватил бутылку «Джека» и бросил в него. «Ракета» не прошла даже близко к намеченной цели. Вместо этого она угодила в испуганного жителя пригорода, который рухнул на пол с кровью, сочившейся из его головы.

Господин Удо даже не повёл бровью. “Я хочу для вас кое-что сделать”, сказал он спокойно. “Но сначала вы должны сесть”.

Я сел обратно на своё место, и он надавил своим большим пальцем на заднюю часть моей шеи. Поток какой-то жидкости или крови побежал по всему моему телу, и я резко обмяк в своём кресле совершенно умиротворённый. Вся моя сверхмощь мгновенно улетучилась. Затем господин Удо подошёл к Томми и сделал ему то же самое. Сидя там, мы поняли, что всё это выглядело отнюдь не смешно. Мы действительно всех огорчали, особенно Мика, который, похоже, был готов уйти от нас в любую минуту. Это был почти конец тура, и нас всех уже тошнило от выступлений. Не от концертов, а от самого шоу, где я и Томми были «Близнецами Террора» — парочка кретинов, не способных развлечь никого, кроме самих себя.

Когда мы сошли с поезда в Токио, нас встречали тысячи фанатов. Я пошёл поприветствовать их, но вдруг откуда-то появился наряд полиции и направился прямо ко мне. “Никки-сан”, сказал господин Удо. “Вы будете вынуждены проследовать в тюрьму. Вы понимаете это, не так ли?”

“Пошёл ты!”

“Нет, Никки-сан, это не шутка. Вам придётся отправиться в тюрьму”.

Док МакГи (Doc McGhee) попытался вступиться за меня. “Я — его менеджер”, сказал он полицейским, но они повалили его на землю и надели на него наручники.

Затем они строем подошли ко мне и на глазах у всех фанатов сбили меня с ног, надели на меня наручники и посадили в полицейскую машину. Томми бежал следом, цепляясь за полицейских, и кричал.

“Возьмите и меня! Если он идёт в тюрьму, то и я, чёрт возьми, тоже!”

“Нет, нет, нет”, лаял Док, пытаясь выглядеть так, будто контролирует ситуацию, хотя сам он сидел с надетыми наручниками на заднем сидении полицейской машины. “Успокойся. Через час его выпустят”.

Спустя несколько часов они привели Дока и меня к столу сержанта в полицейском участке. На мне были кожаные штаны, высокие каблуки, порванная футболка и косметика. Я был весь потный и всё ещё абсолютно пьяный. Дело было после полуночи, и в помещении было темно, поэтому я снял свои солнечные очки.

“Я бы на твоём месте не снимал очки”, сказал Док. “У тебя кроваво-красные глаза, и грим растёкся по всему лицу”.

Я надел очки обратно и забросил свои ноги на стол сержанта. Мне было абсолютно насрать, что будет со мной дальше. Вошёл сержант и сказал что-то по-японски. Переводчик, которого прислал господин Удо, перевёл: “Он сказал, чтобы вы убрали ваши ноги со стола, пожалуйста”.

“Эй, могу я вас спросить?” огрызнулся я на сержанта.

Переводчик поговорил с сержантом, а затем сказал мне, что я могу задать свой вопрос.

“Хорошо”, сказал я. “Если бы мои яйца лежали у вас на подбородке, то где, по-вашему, был бы мой член?”

Сержант с надеждой посмотрел на переводчика. Переводчик вздохнул и начал переводить.

“Аригато гозаймасу”, сказал сержант. “Большое спасибо”.

“Пожалуйста”, кивнул я. Эти двое ещё немного поговорили, затем переводчик схватил меня за руку и вывел из участка.

“Что, чёрт возьми, только что произошло?” спросил я его по пути в гостиницу.

“Я сказал ему, что вы сказали, что бутылка случайно выскользнула у вас из руки и разбилась, что вы действительно сожалеете о случившемся, потому что вы любите Японию и японцев, и с нетерпением ждёте, чтобы отправиться домой и рассказать американской прессе о том, насколько японцы — гостеприимный народ”.

“Так вы что, ничего не сказали про мои яйца?”

“Нет”.

“Выходит, что вы — не очень хороший переводчик, не так ли?”

Следующей ночью была очередь Винса позорить нас. Он покончил с кувшином «камикадзе» («kamikazes» — водочный коктейль) в ресторане в Роппонги (Roppongi — район Токио) и был настолько пьян, что болтал безумолку. Единственная проблема состояла в том, что никто не понимал ни слова из того, что он говорит. За столиком рядом с нами сидели четверо бандитов «Якудзы» в костюмах («Yakuza» — японская мафиозная организация). Винс вдруг вскочил со своего места и процедил сквозь зубы, “Чё за хрень!” Затем он подошёл к столику «Якудзы», взял его руками за низ и перевернул прямо на них. «Якудза»-

парни повалились на пол, выхватили из-за поясов пистолеты и подняли дула на край стола, целясь прямо в Винса. Фрэд Сондерс (Fred Saunders), наш телохранитель и нянька, прыгнул на Винса, будто тот был гранатой, которая должна была вот-вот взорваться, и вывел его из ресторана.

“Зачем ты это сделал, мать твою?” спросил Фрэд Винса.

“Т-те п-парни г-говорили всяк-к-кое д-дерьмо п-про м-м-меня”, нечленораздельно произнёс Винс.

“С чего ты взял, что они говорили про тебя дерьмо? Они говорили по-японски”.

“П-по яп-п-понски?” Винс непонимающе посмотрел на Фрэда.

“Да, мы в Японии”.

“О”. Винс нахмурил брови и вдруг затих. Я не думаю, что он вообще понимал, где он находится — и это в то время, когда, как предполагалось, он всё ещё находился на испытательном сроке.

Позднее той же ночью мы отправились в «Лексингтон Куин» («Lexington Queen» — знаменитый ночной клуб в Роппонги), где даже тихий Мик вышел из-под контроля, бегая повсюду со спущенными до колен штанами и маской Годзиллы на лице, топая по стёклам и пытаясь извергнуть огонь из собственной задницы. Винс вернулся в гостиницу с подругой какого-то «Якудза»-парня, а я слонялся по округе, завязывая кулачные бои: первый из которых с Томми (он до сих пор настаивает на том, что я дал ему по зубам, хотя он был настолько пьян, что упал прежде, чем я смог его ударить) и последний с американским туристом, чья голова в итоге повстречалась с железным прутом. Следующим утром я проснулся и вдруг осознал, что накануне я был так занят драками и освобождением из тюрьмы, что совершенно забыл отметить свой день рождения. Винс проснулся следующим утром на полу своего номера голый и без своего дорогого «Ролекса». Это была месть «Якудзы».

После трех выступлений в «Будокане» («Budokan» — спортивная арена в центральном Токио), мы, как предполагалось, должны были отправиться домой на Рождество перед началом нашего европейского тура. Томми не мог дождаться, чтобы встретить первое Рождество в своём многомиллионном особняке вместе с Хизер. Мик и Эми были в восторге оттого, что смогут, наконец, начать нормальные отношения дома. Винс постоянно рассказывал о том, как он трахает Шариз (Sharise), рестлершу из «Тропиканы» («Tropicana»), с которой он начал встречаться. А я… у меня не было никого. Никакой тёлки, никакой семьи и никаких друзей, кроме торговцев наркотиками. Поэтому, какой мне был смысл ехать домой, чтобы провести Рождество, ширяясь в одиночестве?

Я объявил всем, что отправляюсь в свой сольный тур. Не музыкальный тур, а тур по наркотикам и проституткам. Я собирался поехать в Гонконг, Малайзию, Пекин (Kong, Malaysia, Beijing), а затем закончить грёбаным траханьем в Бангкоке (Bangkok) (здесь имеет место игра слов — bang in Bangkok). Я сказал Доку отправить мой чемодан обратно в Лос-Анджелес. Всё, что мне требовалось, было: пара черных кожаных штанов, футболка и мой бумажник. Если мне нужно было сменить одежду, я мог просто купить её, поносить, а затем выбросить в мусор, и я так и делал. К чёрту всё. Мне вообще ничего не было нужно.

“Я ни за что не соглашусь на это”, сказал Док.

“Чёртов надзиратель”, со злостью выпалил я. “Если ты встанешь у меня на пути, считай, что ты уволен, мать твою”.

Мы спорили друг с другом в течение получаса, пока не вцепились друг другу в глотку. Наконец, вмешивался господин Удо. “Я поеду с вами”, сказал он.

“Что?!” Док и я, мы оба посмотрели на него с недоверием.

“Мы едём в ваш тур вместе”.

“Хорошо”, Док вскинул свои пухлые маленькие ручонки. “Я поеду тоже”. Затем он вышел прочь из комнаты, бормоча что-то про испорченное Рождество.

На следующий день мы втроём сели в самолёт до Гонконга. Я был настолько отвратителен, что никто даже не сел со мной в одном ряду. Наконец, господин Удо, одетый в строгий деловой костюм, занял место рядом со мной.

“Никки-сан, я должен поговорить с вами”, мягко сказал он мне на ухо. “В прошлый раз, когда мой друг был таким, он умер”.

“Я сожалею это слышать”, сказал я ему, не особо придавая этому значения.

“Моим другом был Томми Болин (Tommy Bolin)”.

“В самом деле?” заинтересовался я вдруг.

“Вы очень похожи на Томми-сан”, продолжал он. “Вы держите в себе много боли из вашего прошлого. А когда вы держите такую боль внутри себя, то иногда она травмирует вас. Она заставляет вас вредить себе. Я вижу, что вы — очень творческий человек, как и Томми-сан. Но вы убиваете ваш творческий потенциал. Я проводил много времени с Томми-сан, и я сказал ему, что я его друг и что он должен скоро умереть. Он ответил мне, что он не может умереть. Он умер меньше чем через год после этого. Так что сейчас я говорю вам, что вы должны умереть. Вы умрёте. Я — ваш друг. Вы для меня как Томми, и я не хочу потерять вас тоже”.

“Ай, господин Удо”, отмахнулся я от него. “Я просто дурачусь”.

Он нахмурился. Можно было сказать, что, хоть я не доставил

ему ничего, кроме хлопот и огорчений, этот профессиональный японский бизнесмен, как бы там ни было, проникся ко мне симпатией и решил спасти меня от могилы, куда я так стремительно направлялся. Он видел, что где-то в земле прямо подо мной уже вырыта могила, и он знал, что она предназначена именно для меня. Только пути наши неисповедимы, и никто, кроме моего создателя, не знает, когда земля вдруг разверзнется у меня под ногами, и я упаду в неё так быстро, что у меня даже не будет времени, чтобы пожалеть о том, что я выбрал в своей жизни такую опасную стезю без единого путеводного просвета.

ТОЙ НОЧЬЮ В ГОНКОНГЕ я вышел из гостиницы и в одиночку отправился в стрип-клуб, который, по словам консьержа отеля, на самом деле был публичный домом. Внутри было четыре разных зала: в одном китайская группа играла американские песни из лучшей сороковки, в другом находились кабинки, полные бандитов из «Китайской Триады» («Chinese Triad» — криминальное сообщество), ещё в одном на сцене работали танцоры. Я занял место в четвертом, где женщины шествовали по всему залу под номерами от единицы до восьмисот. Здесь были всякие разные азиатские цыпочки на любой вкус и фетиш, который вы только могли себе вообразить, от миниатюрных нимфеток в детских чепчиках, сосущих леденцы на палочке, до женщин в ремнях и коже с атрибутами «садо-мазо» (S&M). Я подозвал хозяйку и заказал их как блюда в ресторане. “Я возьму номер четырнадцать, номер семь и номер восемь. Пошлите их в мой номер”. Затем я заказал десять девочек для Дока и дюжину для господина Удо. Я действительно считал, что окажу им услугу и отплачу за оказанную мне любезность сопровождать меня в моем сольном туре.

Я заплатил за девочек, вернулся к себе в номер и отключился. Если кто-нибудь и стучал в мою дверь той ночью, то я этого не слышал. Или, возможно, я на самом деле слышал, впустил их и был отшлёпан какой-нибудь жирной кореянкой. Я действительно не мог вспомнить, но секс был последнее, что отложилось в моей голове. Когда я проснулся следующим днём, я проблевался, засадил последний кокаин из своего запаса, надел свои кожаные штаны и встретил Дока и господина Удо в вестибюле.

“Вы, парни, получили от меня свои подарки?” спросил я.

“Никки”. Док скорчил гримасу. “Ты больной. Я открыл дверь, а там стоят две тёлки: одна в нацистской форме, другая монахиня. Ты что рехнулся?”

“Чёрт, Док. Я просто пошутил. А вы, господин Удо? Вы насладились вашими подарками?”

“Моя жена для меня как воздух”, сказал он.

“Чего?..”

“Без неё я не могу жить. Она — мой воздух”.

Я стоял там и чувствовал себя огромной жопой. Я чуть было не испортил ему воздух.

“Теперь вы отправитесь домой”, сказал господин Удо. “Вы не поедете в Бангкок, хорошо?”

“Хорошо”, проскрипел я. Наконец, я нашёл хоть кого-то, кто взял на себя роль моего отца, и за двадцать четыре часа я уже разочаровал и раздосадовал его. Я заслуживал того, чтобы быть снова покинутым.

В тот же день господин Удо возвратился к Токио, а Док заказал билеты на самолёт на следующее утро: для себя до Нью-Йорка, а для меня до Лос-Анджелеса. Той ночью я был занят тем, что блуждал по узким улочкам Гонконга со своей переводчицей в поисках наркотиков. Мы свернули с Ванчай Роад (Wanchai Road) в длинный переулок, в конце которого светился одинокий фонарь, раскачиваясь на ветру. Перед ним была видна крышка люка, из которого валил пар, поднимаясь в воздух. Это напоминало кадр из фильма ужасов, и, конечно, я сказал переводчице, что хочу пойти туда вниз по переулку.

В конце него под фонарем не было никого, кроме маленького старого китайца в коричневой одежде. “Кто он?” просил я переводчицу.

“Он — провидец”.

“О, круто”, сказал я. “Может он предскажет мне мою судьбу?”

Она поговорила с ним, а затем попросила меня дать ему четыре гонконгских доллара и показать ему свою ладонь. Я сунул свою руку прямо ему под нос. Он провёл своей рукой по моей, затем вдруг свернул мою ладонь и оттолкнул её от себя. Его лицо исказилось, будто он только что выпил кислого молока. Он что-то сказал ей, а затем подал ей знак уйти.

“Что он сказал?” спросил я переводчицу.

“Вам этого лучше не знать”, сказала она, отворачиваясь и идя вперед.

“Нет”, преследовал я её. “Что он сказал?!”

“Он сказал, что до конца года вы умрёте, если не измените себя”. Было 21-ое декабря. “Он также сказал, что вы не способны ничего изменить”.

Не думаю, что Бог мог ниспослать мне предостережений больше, чем Он послал мне за последние несколько недель. Моя жизнь скатывалась к печальной, одинокой зависимости, и каждому, от такого честного бизнесмена, как господин Удо, до сумасшедшего старого предсказателя, это было ясно, как белый

день. Всем, но только не мне. “Помилуйте”, заорал я переводчице. “Я только что впустую потратил десять долларов на это!”

Когда мы возвратились в гостиницу, я позвонил моему дилеру в Лос-Анджелес, чтобы как обычно договориться с ним о встрече. “Я прилетаю завтра”, сказал я ему. “Встреть меня с товаром на штуку баксов: смэк и немного кокса, шприцы и коробочек «Кристал» («Cristal»). У меня будет немного свободного времени прежде, чем я отправлюсь в Европу, и я хочу максимально его использовать”.

Я прилетел в международный аэропорт Лос-Анджелеса, тут же вмазался в серебристом лимузине, который уже ждал меня, и возвратился домой. Порой вы не можете сказать, насколько вы изменились, когда вы далеко от дома и не видите себя в своём домашнем зеркале. Это хороший способ сравнить себя с тем, каким вы были раньше, когда в последний раз смотрелись в него. Мне захотелось заплакать. Моё лицо опухло от алкоголя, как у Джимми Пэйджа (Jimmy Page) или Мика Марса. Мои руки стали тонкими, как прутья, и были покрыты выцветшими следами наколок, а остальная часть моего тела была чем-то мягким и дряблым. Моё лицо напоминало одну из силиконовых детских кукол, у которой под кожей слой жидкости. Хотя игрушка, которую напоминал я, явно принадлежала какому-то невоспитанному малышу, который жестоко с ней обращался. Мои волосы выпадали клоками, а концы выглядели секущимися и опалёнными. Я разлагался прямо на глазах.

Мне необходимо было выйти на сцену, чтобы убежать от собственного распада и одиночества. Я пролистал свою телефонную книжку в поиске старых друзей. Я позвонил Роббину Кросби (Robbin Crosby), затем Слэшу (Slash), потому что «Guns N’ Roses» должны были открывать нас в Америке после европейского тура. Я захватил Роббина из его дома на серебристом лимузине, который я любил арендовать, и дал ему немного кокса. По пути к «Фрэнклин Плаза Отэль» («Franklin Plaza Hotel»), где жили «Guns N’ Roses», т. к. все они были бездомными, я облевал весь лимузин. Я вытерся куском бобровой шерсти, которой был отделан цилиндр, который я купил в подарок Слэшу, и у его двери вручил его ему вместе с бутылкой виски. Кое-кто из парней «Megadeth» также остановился в гостинице, так что все мы погрузились в лимузин. Роббин раздобыл немного героина у своего дилера, который был не слишком рад, увидев у своего дома бросающийся в глаза лимузин. Мы засадили героин, затем наступил провал в памяти.

Мы добрались до «Кэтхаус» («Cathouse» — ночной клуб), устроили заваруху и, шатаясь, погрузились обратно в лимузин, с

ордами фанатов, преследующих нас. Мы вернулись во «Фрэнклин», где нас ждал дилер Роббина. Он сказал, что, пока нас не было, он получил немного сладкого персидского героина, и спросил, не хочу ли я его попробовать. “Да”, сказал я ему. “Только это сделаешь ты”. Тем вечером я был слишком обдолбан, чтобы сделать это самостоятельно. Единственный раз, когда я позволил кому-то сделать мне укол, был на с’ёмной квартире в Хаммерсмит (Hammersmith), где меня чуть было не выбросили в мусор.

Он закатал мой рукав, перетянул мою руку резиновым жгутом и ввёл «перса» в мои вены. Героин добрался до моего сердца, взорвался по всему моему телу, и я мгновенно посинел.

Я потерял сознание. Когда я открыл глаза, всё, что я увидел, было пятно света, цветное и движущееся. Я лежал на спине и двигался сквозь какой-то коридор. В ушах были слышны звуки, сначала неразличимые, но медленно выделяющиеся из белого шума.

“Мы теряем его, мы теряем его”, говорил кто-то.

Я попытался сесть, чтобы выяснить, что происходит. Я думал, что будет трудно подняться. Но, к моему удивлению, я взлетел вертикально вверх, словно был невесом. Затем я почувствовал, будто что-то очень нежное захватывает мою голову и тянет меня вверх. Надо мной всё было ярко-белого цвета. Я посмотрел вниз и понял, что я покинул своё тело. Никки Сикс — этот грязный татуированный контейнер, который когда-то вмещал меня — лежал теперь накрытый простынёй от лица до пальцев ног на каталке, которую санитары заталкивали в машину скорой помощи. Фанаты, которые следовали за нами всю ночь, толпились на улице, вытягивая шею, чтобы посмотреть что происходит. Затем я увидел припаркованный поблизости серебристый лимузин, который возил нас всю ночь, которая уносила меня теперь к моему…

Вдруг я почувствовал на своей голове что-то уже не столь нежное, а чью-то руку, что-то грубо и бесцеремонно схватило меня за ногу. Я молниеносно понёсся вниз сквозь воздух, сквозь крышу санитарной машины и с болезненным ударом приземлился обратно в свое тело. Я изо всех сил попытался открыть глаза, я увидел иглы с адреналином — не одну, как в «Криминальном чтиве» («Pulp Fiction» — культовый фильм Квентина Тарантино), а две. Одна из них торчала из левой части моей груди, другая — из правой. “Никто не умрёт в моей грёбаной «реанимации»”, услышал я мужской голос. Затем я потерял сознание.

Когда я очнулся, я увидел прожектор, который светил мне

прямо в глаза. “Где ты берёшь свою наркоту?” рявкал голос. Я стонал и пробовал освободиться от тумана и боли в моей голове. “Ты — наркоман!” Я пытался отвернуть голову, чтобы избежать мощного потока света, который, казалось, прожигает мой череп. “У кого ты взял эту дурь?” Я не мог ничего видеть. Но я чувствовал, что у меня из носа торчат трубки, и иглы приклеены пластырем к моим рукам. Единственное из всех ощущений, которые я мог распознать в бреду, была игла в моей руке. И полицейский. “Отвечай мне, ты, чёртов наркоман!”

Я открыл рот и втянул в себя то, что ощущалось, как первое дыхание моей новой жизни. Я почти задохнулся от него. Я закашлялся и задумался, почему мне подарили второй шанс. Я был жив. Что я мог сделать, чтобы прославить это драгоценное чудо второго рождения? Что я мог сказать, чтобы выразить свою благодарность?..

“От***ись!”

“Что?! Ты — долбанный ублюдок, наркоман, подонок!” завопил мне в ответ полицейский. “Кто дал тебе эти наркотики!”

“Пошёл ты!”

“Вот именно. Если ты не скажешь нам…”

“Я задержан за что-нибудь?”

“Мм, нет”. К счастью, когда я потерял сознание, у меня при себе не было никаких наркотиков. Должно быть, Роббин или кто-то ещё прибрали всё в комнате.

“В таком случае, идите к чёрту”. Я снова потерял сознание.

Следующее, что я помню, как стоял без майки на парковке автомобилей возле больницы. Там были две девчонки, которые сидели на бордюре и плакали. Я подошёл к ним и спросил, “Что случилось?”

Их лица побелели. “Ты жив!” запинаясь, сказала одна из них.

“О чем вы говорите? Конечно, жив”.

Они вытерли свои глаза и безмолвно уставились на меня. Они были настоящими фанатками. “Скажите, ребятки, вы не могли бы отвезти меня домой?”

Их лица аж взмокли от волнения, и, страшно нервничая, они усадили меня на пассажирское сидение своей «Мазды» («Mazda»).

Глава шестая

ВИНС

«НОЧНОЙ ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК РОЖДАЕТ УЖАС В СЕРДЦАХ НАШИХ ЖИВЫХ ГЕРОЕВ»

Я перевернулся в кровати и, полусонный, снял телефонную трубку. Я был первым, кому позвонили.

“Никки в больнице. У него передозировка (OD — overdose)”. На проводе был наш тур-менеджер Рич Фишер (Rich Fisher).

“Господи. Что? Он жив или мертв?”

“Я точно не знаю”, сказал Рич.

“Перезвони мне сразу же, как только что-нибудь станет известно. Хорошо?”

Я начал одеваться, чтобы поехать к нему в больницу — если он был жив. Телефон зазвонил снова. Это был Борис (Boris) — водитель лимузина, который всегда возил Никки. Он сказал, что он видел, как дилер Никки выпрыгнул из окна номера в гостинице и побежал по улице с криком, “Я только что убил Никки Сикса!” Затем он увидел, как под’ехала карета скорой помощи, и санитары вынесли Никки на носилках, его лицо было накрыто простынёй.

Я никогда не плачу. Но той ночью я рыдал. Слезы катились у меня по лицу, и впервые за всё время, сколько я себя помню, я не думал о самом себе. За всё то дерьмо, через которое мне пришлось с ним пройти, я действительно любил этого заносчивого сукиного сына. Я уставился на телефон, не зная, кому звонить и что делать. Затем он зазвонил снова. Звонил Чак Шапиро (Chuck Shapiro). Репортер разбудил его с просьбой привести цитату для некролога Никки. Значит, это была правда.

Встревоженный, но как всегда уравновешенный, Чак оставил меня ждать на линии, а сам тем временем позвонил в Сидэрс-Синай (Cedars-Sinai) — больницу, куда «скорая помощь» отвезла Никки.

“Я звоню узнать насчёт Никки Сикса”, выпалил Чак, когда ответила регистратор.

“Он только что ушёл”, сказала она ему.

“Он только что ушёл? Что вы имеете ввиду? Я думал, что он умер”.

“Да, он только что ушёл. Он выдернул трубки из носа, вытащил капельницы (IV) из рук и сказал всем, чтобы катились ко

всем чертям. Он так и ушёл в одних кожаных штанах”.

Глава седьмая

НИККИ

«В ДОВЕРШЕНИЕ ВСЕГО, РАЗРЫВАЯ СЕРДЦА НАШИХ НАИБОЛЕЕ СЛАБОНЕРВНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ, НИККИ ОБНАРУЖИВАЕТ, ЧТО СУДЬБА — ЭТОТ БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ГОНИТЕЛЬ — ВСЕ ЕЩЁ ПРЕСЛЕДУЕТ ЕГО ПО ПЯТАМ СО СВОЕЙ КОСОЙ НАИЗГОТОВКУ»

Во время поездки домой радиостанции сообщали о моей смерти. Девочки смотрели на меня большими влажными глазами и спрашивали с неподдельным участием, “Ты ведь не будешь больше принимать наркотики, правда, Никки?”

В туре я чувствовал себя настолько одиноко и отвратительно, так, словно у меня нет никого, кто беспокоился бы обо мне, и никого, о ком беспокоился бы я. В том автомобиле я вдруг осознал, что я был одним из самых счастливых парней в мире. У меня были миллионы людей, которым я был небезразличен, и миллионы людей, которые были небезразличны мне. “Никогда”, сказал я им от чистого сердца.

Мне было настолько забавно, что все думают, будто я умер, что, как только я вернулся домой, я подошёл к своему автоответчику и изменил сообщение. “Привет, это Никки. Меня нет дома, потому что я умер”. Затем я вошел в ванную, вытащил пакет героина из аптечки, закатал свой рукав, перетянул руку жгутом и после первого же нажатия на поршень шприца понял, что вся любовь и забота тех миллионов фанатов всё ещё не способны доставить мне такое удовлетворение, как один хороший укол героина.

Я проснулся следующим днем распластанный на полу ванной с иглой, всё ещё торчавшей у меня из руки. Плитка на полу была залита кровью. Моей кровью. Я снова потерял сознание.

Где-то далеко зазвонил телефон.

“Привет, это Никки. Меня нет дома, потому что я умер”.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ: “НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАШИХ ЛУЧШИХ ДРУЗЕЙ ТОРГОВАЛИ НАРКОТИКАМИ”

Глава первая

ДОК МАКГИ

«В КОТОРОЙ ГЛАВНЫЙ ОПЕКУН “MOTLEY CRUE” ОСВЕЩАЕТ НАИБОЛЕЕ ТОНКИЕ МОМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ В ПОЛНОМ КОНТАКТЕ»

Как менеджер, я больше всего жалею о том, что позволил Винсу думать, что он сможет избежать неприятностей, связанных с убийством. Я помню, как я сидел с Винсом после того, как произошёл несчастный случай с Раззлом (Razzle), и адвокаты сказали ему, “Судья хочет, чтобы ты отсидел какое-то время в тюрьме”. Винс поднял на них глаза, и я никогда не забуду сказанных им слов: “Я не могу”.

“Что ты хочешь этим сказать, чего ты не можешь?” спросил я его.

“Я должен ехать в тур”.

“Ах, чёрт”, хлопнул я себя по голове. “Почему же я не подумал о том, чтобы использовать это обстоятельство для защиты в суде? Мой клиент — Винс Нейл — невиновен в убийстве и не может сесть в тюрьму, потому что он должен отыграть несколько концертов. Дело закрыто”.

По мнению Винса, он находился над законом. И уход от настоящего наказания в виде нескольких недель, проведённых в роскошной тюрьме, и «Ролекс» за двенадцать тысяч долларов, конечно же, не преподали ему никакого урока. Теперь у него были все в мире оправдания, чтобы делать то, что ему хочется, т. к. ничто не могло его остановить. Такие парни как Мик, который не сказал мне более семи слов за мои первые пять лет руководства группой, так долго питались всяким дерьмом, что знали, каково это — быть ничем. (Конечно, Мик был довольно депрессивным парнем и, к тому же, таким доверчивым, что я всегда думал, что у него должно быть своё собственное телевизионное шоу: «Хотите обмануть меня?»)

Мой настоящий кошмар начался, когда я пытался удержать Винса от выпивки во время его испытательного срока. В Орландо, штат Флорида (Orlando, Florida), во время тура «Theatre of Pain» нам так надоели его выходки, что мы оставили его в гостиничном номере с двумя телохранителями и сказали им просто вышибить из него всё дерьмо. Самым большим врагом этого парня всегда был он сам; в туре «Girls» он делал себе бутерброд за кулисами в

Рочестере (Rochester — город в штате Нью Йорк), и с ним случилась истерика, когда всё, что он смог найти, была банка горчицы «Гульден» (Gulden's mustard), и не было горчицы «Фрэнч» (French's mustard). Тогда он хлопнул стеклянную бутылку об стену и порезал сухожилия на нескольких пальцах своей правой руки. Мы вынуждены были отменить шоу и срочно перебросить его по воздуху к специалисту в Балтимор (Baltimore).

Конечно, Винс не может полностью нести ответственность за своё поведение. Как его менеджеры, Дуг (Doug Thaler) и я, в какой-то степени, потворствовали ему, позволяя многое, возможно, потому что группа была так популярна. Но, в конце концов, нам всё-таки пришлось принять жёсткие меры. Но то, что потрясло нас больше всего, не было связано с Винсом. Это было связано с Никки.

Теперь уже Никки — король неудачников — в туре «Girls» предстал пред нами во всей красе. Ни Дуг, ни я не хотели находиться рядом с ним, поэтому мы тянули спички, чтобы определить, кто будет сопровождать группу в гастролях по Японии. Я вытянул короткую: японский промоутер господин Удо — один из моих лучших друзей. Каждый раз, когда он везёт какую-нибудь группу в Японию, он ставит на карту свою репутацию. И с «Motley Crue» не было по-другому. За исключением того, что самим «Motley Crue» было абсолютно на это наплевать. Они — дикари с полными карманами денег, которых не волнует никто, даже они сами.

Первое, что случилась, когда мы прибыли в Японию, было то, что Томми поймали с марихуаной, которую нашли в его оборудовании. Господин Удо отмазал нас от этого, а несколько дней спустя мы все, сразу после выступления, отправились из Осаки на сверхскоростном пассажирском экспрессе. Эти клоуны были в полной экипировке, в гриме, который растёкся по их лицам, с цепями и татуировками повсюду. Никки и Томми были абсолютно неконтролируемы. Если бы вы летели над поездом в вертолете, вы бы видели, как все эти японцы, словно тараканы, выскакивали из вагона, в котором мы ехали. Если бы вы смогли заглянуть внутрь, вы увидели бы, как Никки бросил бутылку «Джек Дэниэлс» и попал в затылок какому-то бизнесмену-японцу. Если бы вы опустили туда микрофон, вы услышали бы, как кричал этот парень, и как пульсировала кровь, вытекая из его головы. Это было очень жестоко. Просто зверски.

Прибывая на вокзал в Токио, мы увидели сотни полицейских, бегущих рядом с вагоном. "Эй, Никки", сказал я. "Ваш фэн-клуб уже здесь". А он был настолько невменяем, что даже не понял, что они послали спецназ, чтобы арестовать его. Он был уверен, что

это была восторженная японская публика.

Они отвезли Никки и меня в тюрьму. И, пока мы сидели там, он спросил меня, “Ну, чувак, как тебе нравятся мои татуировки? Как, по-твоему, что подумают о них «копы»?” (cops — полицейские)

Я думал о моей жизни в Майами (Miami): у меня был довольно неплохой бизнес до того, как я переехал на Западное Побережье (West Coast) руководить этими парнями. Я играл на гитаре, продюсировал альбомы «Styx», «The Ohio Players» и «The Average White Band», управлял такими хорошими ребятами, как Пэт Трэверс (Pat Travers). Жизнь там была такой мирной и простой. “Не знаю”, ответил я Никки. “Но вот, что я тебе скажу: если они снимут с меня наручники, я вышибу из тебя всё твоё дерьмо”.

Наконец, несмотря на идиотское остроумие Никки, его освободили в пять утра. Я остался в участке, весь день подписывая всякие бумаги. Когда я, наконец, вернулся в свой гостиничный номер той ночью, готовый рухнуть от изнеможения, кто ещё, как не Винс, мог постучать в мою дверь. Он был пьян вдрызг и пытался трахнуть подругу какого-то бандита из «Якудзы». Но в это же время его глупая подруга из Лос-Анджелеса прилетела в Японию и была в его номере. Поэтому он слинял от неё, т. к. не хотел иметь дело с разборками, в которые его снова втянул его собственный член.

“Уволь тур-агента”, процедил он, пуская слюни.

“Что?”

“Уволь грёбаного тур-агента!”

В тот день все способы были хороши для меня. Я ударил его прямо в лицо, закрыл дверь и погрузился в мирный сон. Вот так я и управлялся с этими парнями: мы всё время вышибали дерьмо друг из друга. Я называл это «управление в полном контакте» (full-contact management — по аналогии с боевыми искусствами).

Когда, несколько дней спустя, Никки сказал, что он отправляется в Гонконг, Таиланд и Малайзию с одной только пачкой презервативов, я уже предвкушал дальнейшее применение силы. Я знал, что должен буду ходить за ним по пятам и нянчить его, потому что, если бы я этого не делал, он бы себя убил или потерялся, или был продан в белое рабство. К счастью, он не поехал дальше Гонконга, где он заказал что-то около 150-ти проституток в течение двух дней. Я, наверное, убил бы его, когда он послал дюжину хихикающих проституток к моей двери, в то время как я разговаривал по телефону со своим семейством.

Конечно, Никки не был сексуально активен тогда. Он, вероятно, просто говорил, и говорил, и говорил с бедными

шлюхами, пока они не приходили к выводу, что никакая сумма денег не стоила этой пытки. Он был абсолютно отмороженным героинщиком (stone-cold junkie), и ему становилось всё хуже и хуже. Когда в декабре мы вернулись в Калифорнию, мне начали звонить посреди ночи из компании безопасности, которая охраняла его дом, потому что они приезжали на его вызовы и обнаруживали его ползающим по двору с дробовиком.

За несколько дней до Рождества я отправился на обед с Бобом Красноу (Bob Krasnow) из «Электры». “Ну”, сказал он. “Как твои парни?” “С ними всё будет хорошо”, сказал я, “если они смогут остаться в живых”.

Затем, сразу после обеда, позвонил Дуг. У Никки случилась передозировка в каком-то гостиничном номере, и они полагали, что он умер. Это не должно было стать сюрпризом для меня, но всё-таки я был удивлён. После шока наступило раздражение. Затем пришло разочарование. Я был огорчён самим собой из-за того, что связался с такой группой, как эта, и из-за того, что позволял этим парням избегать неприятностей, когда они вели себя, как животные. Особенно теперь, когда одно животное уже убило себя.

Когда я узнал, что Никки на самом деле жив и сбежал из больницы, я понял, что я должен делать. Я пришёл в офис, вызвал Дуга к своему столу и сказал ему, “Я больше этого не потерплю. Я не собираюсь смотреть, как люди гибнут”.

У них был намечен тур по Европе, и это был наилучший шанс, прилететь домой, скорее, в мешках для трупов, чем на «Конкорде» («Concorde» — сверхзвуковой пассажирский самолёт). Мы отменили тур и начали искать Никки. Никто не отвечал по его номеру, но он изменил своё сообщение на автоответчике, поэтому мы знали, что он был там. Мы приехали к нему домой и нашли его в ванной с кровью, размазанной по всем стенам. Он лежал там, в кожаных штанах, без майки, обдолбанный и невменяемый. Я сказал ему, что он поедет ко мне домой для детоксикации. Проблема с Никки состоит в том, что он очень заинтересован, чтобы ничто его не контролировало. Он управляет всем. Но в этом случае, героин обладал намного большей властью, чем та, с которой он готов был считаться.

Никки пробыл у меня в Тарзана (Tarzana) почти неделю. Боб Тиммонс (Bob Timmons) приезжал каждый день, чтобы пытаться удержать его от наркотиков, и Стивен Тайлер из «Aerosmith», который проявлял внимание к Никки, звонил каждый день, чтобы поизмываться над ним. “Ты умрёшь”, говорил он ему. “Ты должен это понимать”. Наконец, Никки сломался. Он впервые признался нам, что не может управлять своей привычкой. Мы вызвали

остальную часть группы и провели большое собрание в моей гостиной. Они выглядели жалкими. Был Никки, который умирал; Томми, который всё больше пил и дрался со своей женой; Винс, который абсолютно вышел из под контроля; и Мик, который обычно просыпался каждое утро, пил и рыдал над самим собой, пока не отрубался. И это, как предполагалось, была одна из самых великих, величайших рок-групп в мире.

Во-первых, Дуг и я сообщили им, что они должны будут заплатить европейским промоутерам за отмену тура из своего собственного кармана. Во-вторых, они либо берутся за ум, либо находят себе новых менеджеров. Мы представляли об'единенный фронт. Никки признал, что он должен лечь в больницу на обследование — то, на что он никогда прежде не соглашался. Томми, который так легко на всё ведётся, что готов был выпить яду, если бы Джим Джонс попросил его об этом, сказал, что он, конечно же, в деле. (Jim Jones — американский проповедник, после проповеди которого в 1978 году, около девятисот человек совершили массовое самоубийство, приняв яд) Винс упрямился и не хотел ничего признавать, вытянув вперёд свои пятки и болтая всякий вздор. А Мик просто посмотрел на нас каким-то странным весёлым взглядом.

Глава вторая

ТОММИ

«БИТВА С ХОЛЩОВЫМ МЕШКОМ И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РАСПЛАТЫ ЗА АВАНТЮРЫ, СЛИШКОМ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ, ЧТОБЫ О НИХ УПОМИНАТЬ»

Я был первым, кто пошёл туда. Часть меня не хотела этого делать, но все мы слишком погрязли в нескончаемом веселье. Поэтому мы заключили договор и, будучи игроком команды и куском дерьма одновременно, я первым отправился в реабилитационную клинику.

Я не был так плох, как Никки или Винс, но я пил как маньяк, курил марихуану и время от времени застреливал грёбаный героин с Сиксом. Этот наркотик был настолько чертовски хорош, что меня это пугало.

Тем не менее, я не думал, что у меня есть какие-то проблемы, пока я не оказался в этом месте в Тусоне под названием «Коттонвуд» (Tucson — город в штате Аризона, «Cottonwood» — название клиники). Там был этот врач, который сумел поднять на поверхность всё это дерьмо, о котором я на самом деле даже не догадывался.

На второй день моего пребывания там, он заставил меня сидеть в комнате, в то время как сам стоял у меня за спиной. В комнате не было ничего, кроме пустого стула, который стоял напротив меня. Врач сказал, что я должен смотреть на пустой стул и представить себе, что на нём сидит моя пагубная привычка. Когда он сказал это, я, как предполагалось, должен был вообразить, что моя привычка разговаривает со мной.

Сначала это казалось какой-то глупостью, но через некоторое время я начал в это верить. “Я знаю, что ты любишь меня”, сказала моя привычка. “Ты всё время думаешь обо мне. Ты не можешь жить без меня”.

Внезапно весь этот гнев поднялся на поверхность, и я вскочил и разволновался: “Минуточку”, заорал я пустому стулу. “Пошла ты. Я могу жить без тебя, мать твою”.

“Очень хорошо. Я хочу, чтобы вы возражали вашей привычке”, сказал врач. “Я хочу, чтобы вы рассердились на неё. Я хочу, чтобы вы уничтожили её. Это — не друг. Это — ваш враг”.

Затем он заменил стул тяжелым брезентовым мешком и вручил мне грёбаную бейсбольную биту. Я подбежал и начал

выбивать дерьмо из этого долбаного мешка-привычки, чувак, и слезы градом слетали с моего лица.

“Покажите то, что вы чувствуете”, врач продолжал держать меня за яйца. “Она хочет причинить вам боль. Выбросьте её из вашей жизни”.

Я продолжал сходить с ума, колотя по мешку, и рыдал во всю глотку, как ребёнок. Это было похоже на изгнание нечистой силы, брат. Я никогда не забуду этого грёбаного эксперимента, потому что я понял, что существует некая другая сила, которая управляла мной в течение многих лет, и впервые я вступил с нею в контакт. До той поры я не знал, насколько мощной была эта сила, и насколько в то же самое время она была немощной. Просто привычка настолько сильна, насколько вы ей это позволяете, а я позволил ей стать слишком сильной.

На стене в «Коттонвуд» была надпись, которая гласила “Молчание = Смерть”. И я никогда не забуду этой фразы, потому что она заставила меня вспомнить о моем детстве. Мои родители всегда были классными, но всякий раз, когда я делал что-то не так, меня наказывали молчанием. Они отправляли меня в мою комнату, и, когда я спрашивал, что я такого сделал, они ничего не говорили. Так что я сидел в своей комнате, задаваясь вопросом, что, чёрт побери, я сделал, и почему никто не хочет со мной разговаривать. Мои родители думали, что именно так они, как предполагалось, преподавали мне урок. Так с раннего возраста я приравнивал молчание к наказанию. Когда я стал старше, ничто не бесило меня так, как, если кто-то не хотел со мной разговаривать. Это всё ещё достаёт меня, когда какая-нибудь девчонка не перезванивает мне или когда я делаю что-то не так и получаю молчаливый укор от друга. Чувак, я всякий раз хочу заползти в какую-нибудь нору и умереть там. Поэтому, когда я увидел в клинике эту надпись, “Молчание = Смерть”, сказал я самому себе, “Знаешь что? Это именно то, что, чёрт возьми, заставляет меня чувствовать себя ребёнком”.

Каждый из группы занимался по индивидуальной программе. Но спустя неделю или около того Боб Тиммонс подумал, что мы должны быть вместе как группа. Поэтому все они слетелись, чтобы встретиться со мной. Обнявшись, мы стояли в кружок с другими людьми из клиники, и пели, “Ты не всегда получаешь то, что хочешь” (”You Can’t Always Get What You Want”), что, вероятно, было идеальным посланием для такой группы, как мы, потому что все мы настолько привыкли получать именно то, что хотим, и каждый раз, когда мы этого хотим.

Задвижки, управляющие моими слёзными железами, снова открылись, и, рыдая, я обратился к Никки, “Это не самая красивая

песня, чувак?” Он посмотрел на меня, словно я был сумасшедшим, затем посмотрел на Мика и прошептал ему что-то обо мне, верящем всему этому дерьму Джима Джонса. Не думаю, что кто-нибудь из группы когда-либо относился ко мне серьезно. Я был похож на щенка, чьи лапы были слишком большими, и который всё время спотыкался и падал.

Но затем после пения мы все сели. Консультант попросил нас мысленно представить себе, будто мы — маленькие мальчики, и вдруг сломался Никки. Его лицо покраснело, и он был настолько встревожен, что не мог вымолвить ни слова. Позднее он сказал, что представил себя стоящим на одном конце улицы, а на другом — стояла его мать, и он понял, что вся его неразрешённая горечь и негодование к своим матери и отцу всё ещё часто посещают его. Если я был дурилка картонная, под маской которого, как они выяснили, скрывалась неподдельная печаль, то Никки был безумно заряженный таран, который, как мы узнали, имел уязвимое место, где помещались истинные чувства и эмоции.

Даже Винс, наиболее непроницаемый из всех нас, начал открываться и плакать. Впервые я увидел в «Motley Crue» слабость, которую никогда прежде не замечал. Все мы превратились в слабых маленьких детей за исключением Мика, который был необычайно упрям и отказывался открываться. Каждый раз, когда мы пели вместе или медитировали, или делали какие-нибудь упражнения, чтобы войти в контакт с нашими эмоциями, я смотрел на него, и у него было такое выражение лица, будто его сейчас стошнит на пол.

Глава третья

МИК

«В КОТОРОЙ МИК ПРЕУСПЕВАЕТ В ОСКОРБЛЕНИИ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ, СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА И ЖИЛЬЦОВ ДОРОГИХ МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТ»

Этого нельзя было не замечать: я видел, каким уродливым и раздутым я выглядел. Я видел, как близко Никки подошёл к смерти. И я видел, как наши менеджеры были настолько сыты по горло нами, что собирались уходить. Фактически, меня самого так тошнило от нас, что я был готов уйти, если хоть что-нибудь не изменится.

Так что я бросил пить. Вы можете просто остановиться, когда вы хотите остановиться. И я был готов это сделать. Мне не нравилось чувство уязвимости, когда я был пьян, потому что в таком состоянии люди легко могут обмануть вас. И у меня ужасно болели кости, потому что я бывал настолько пьян, что мог сделать одно неосторожное движение, а на следующее утро проснуться с чудовищной болью, которую я заглушал большим количеством спиртного, пока опять не пьянел настолько, чтобы снова не сделать какую-нибудь глупость.

Бросив пить, я в течение нескольких недель сбросил девять килограммов веса и избавился от сотни складок на теле. Всякий раз, когда я жаждал выпить или чувствовал себя неважно, я сворачивал свои пальцы в кольцо, как будто держу в руке стакан, орал “бум” и резко подносил руку ко рту, словно опрокидывал туда порцию текилы. Это было моим бумом, моей терапией. Я думаю, что это пугало многих людей, но это делало меня счастливым. К тому же, это было намного дешевле чем, курс реабилитации.

Тем временем Никки, Томми и Винс помещались в клинику и выписывались из неё уже так много раз, что я никак не мог уследить, кто из них где находится в данный момент. Никки думает, что реабилитация сильно помогла группе. Но я в это не верю. Я посещал их в клинике и видел, что врачи разлучали парней до тех пор, пока они не начинали чувствовать себя полными нулями. Они становились униженными и оскорблёнными, их помещали в комнаты с людьми, у которых были реальные проблемы, с людьми, которых изнасиловал их

собственный отец или с теми, кто видел, как убили их мать. У Томми, Винса и Никки не было таких проблем: они, чёрт побери, были так молоды, что ещё даже не начали жить. Весь процесс был наиболее труден для Томми, я думаю, потому что его забрали туда на грани нервного срыва, когда он буквально чахнул после разноса, который устроили ему в его доме в Сочельник (ночь накануне Рождества), он должен был вылечиться, чтобы спасти свой брак. Когда группа вышла из клиники, он был просто как ребенок, а я полагаю, что человек теряет ощущение какой-либо перспективы, если он — миллионер-подросток.

Сделка, которую мы все заключили, состояла в том, что прежде, чем мы начнём делать запись нового альбома, каждый из нас должен избавиться от своей зависимости. Поэтому парни помещались в клинику, выходили оттуда, продолжали пьянствовать, затем снова помещались в клинику, чтобы в очередной раз на неделю протрезветь. Это было похоже на дорогостоящие каникулы, потому что все эти врачи и владельцы клиники, брали так много денег с этих парней, что могли продолжать лечение, несмотря на то, были ли парни уже здоровы или нет. Возможно, если бы вам повезло, то по прошествии девяноста дней воздержания на ваши десятки тысяч долларов они купили бы вам личный ключ от собственной цепи. Единственный путь, который вижу я — вы можете просто завязать, если вы этого действительно хотите, а иначе все клиники Мира не в состоянии будут вам помочь. Это мое мнение, потому что на меня это никак не действовало. Сейчас моя единственная слабость — коллекционирование старых гитар. Возможно, именно поэтому я — самый скучный парень в группе.

Даже при том, что я избавлялся от своей напасти самостоятельно, я всё ещё должен был ходить на встречи с группой и на групповую терапию. Наш менеджмент пытался сделать группе некую обширную пластическую операцию, и мы вынуждены были видеть всех этих врачей, которые пытались промыть нам мозги, чтобы изменить наше поведение. Один раз в неделю мы должны были входить в отношения, дискутируя друг с другом на манер старой надоевшей друг другу женатой пары. Там, мы узнавали, как разговаривать друг с другом, а не драться, или мы обсуждали наши чувства, или что произошло за минувшую неделю.

Меня это просто задалбывало. Во-первых, у меня пропадал весь день, т. к. я вынужден был ехать туда и просиживать там, слушая то, что меня не касалось и во что я не верил. А, во-вторых, мне было больно видеть то, что остальная часть группы не была достаточно адекватна, чтобы разглядеть сквозь всю эту ерунду

мнимой терапии, что можно работать над собой самостоятельно. Каждый психотерапевт хотел, чтобы мы чувствовали себя слабыми и плакали, а я ненавижу плакс. Взрослые мужчины, которые плачут посреди грёбаного кризиса, погибают, потому что, можете поспорить на что хотите, враг не будет плакать. Он прикончит вашу слабую задницу, в то время как вы плачете! Мой отец учил меня, “Когда ты — ребенок, будь ребенком. Когда ты — мужчина, будь мужчиной”. Меня настолько тошнило от вида группы, что я хотел проорать им в глаза. Возвращайтесь во вторую категорию, или вы хотите плакать, слюнтяи (suckass).

Смысл дорогостоящей терапии состоял в простой вещи: воздержание от алкоголя и наркотиков, а также от вещей, которые заставляют вас плохо себя вести; думать прежде, чем действовать, реагируя на негативный импульс; и делиться чувствами вместо того, чтобы держать их в запечатанной бутылке, где они уничтожают вас и тех, кто находится рядом с вами. Обо всём этом мы и так знали. Единственная вредная привычка, которая была у нас, это сама терапия. Но, так или иначе, я ходил туда каждую неделю, не будучи при этом больным, потому что мне не нужен был врач, который бы говорил мне, что, если мы хотим снова стать великой группой, мы должны оставаться вместе как группа.

Мы отправились в Канаду для записи нашего следующего альбома, и врачи-наркологи поехали с нами — естественно, за наш счёт (on our dime). Когда мы закончили запись и вернулись в Лос-Анджелес, я ходил как-то по торговому центру в Беверли Хиллс, присматривая мебель для нового дома, в который мы с Эми переехали, и которую я на самом деле не мог себе позволить. Какая-то женщина на другой стороне улицы вдруг заорала, “Мик!” Она была похожа на бездомную нищенку (bag lady), и от неё сильно несло алкоголем. Она была настолько пьяна, что едва могла идти. Я сказал ей привет и пошёл дальше.

“Кто эта наркоманка?” спросила Эми.

“Эта?” ответил я. “Она была нашим психотерапевтом”.

Глава четвёртая

НИККИ

«ЛЮБОВЬ НАСТИГАЕТ НАШЕГО ГЕРОЯ НЕОЖИДАННО, КОГДА ОН МОЛИТ СВОЮ МУЗУ НИСПОСЛАТЬ ЕМУ ВДОХНОВЕНИЕ, О КОТОРОМ ТАК НАДОЛГО БЫЛО ЗАБЫТО, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПИСАТЬ ПЕСНИ»

Как только я появился “чистым” после месяцев периодического попадания в клинику, одной из первых, кого я увидел, была Дэми Мур (Demi Moore — киноактриса), тот самый человек, который впервые прошептал мне на ухо буквы «А.А.» («Общество анонимных алкоголиков»). Она была в Ванкувере (Vancouver), снимаясь кино, в то время как мы начинали работать над альбомом «Dr. Feelgood». И на улицах поговаривали, что Дэми и Брюс Уиллис (Bruce Willis — киноактёр, бывший муж Дэми Мур) расстались. Мы обедали в доме моего продюсера Боба Рока (Bob Rock), и после этого она спросила, не хочу ли я прокатиться с ней в её гостиницу. Иногда поездка домой это всего лишь поездка домой, но, будучи рок-звездой, я, естественно, предположил, что мне предлагали поездку несколько другого рода.

Я понимал, что я трезв, и, следовательно, относиться к этому стоит серьёзно, поэтому я отверг это предложение. Причиной была Брэнди Брандт (Brandi Brandt). С тех пор, как в возрасте семи лет я начал курить «травку» в Мексике, трудно припомнить день, чтобы я не принимал какую-нибудь дурь. В течение двадцати лет кряду я успешно избегал действительности. Поэтому, когда я, наконец, завязал с героином, я не знал, что мне теперь делать с самим собой. Трезвость была ужасающей. У меня была целая жизнь, чтобы наверстать упущенное. И я не знал, с чего начать и чем заняться.

Я больше не ходил по клубам, и я не занимался сексом так долго, что я и моя правая рука были фактически помолвлены. Я стал настолько зажатым и агорафобным (агорафобия — боязнь открытого пространства, антипод клаустрофобии), что пошел на приём к психиатру. Процесс восстановления и терапии очистили мою «луковку» (onion — на сленге означает «голова») настолько глубоко, что я больше не чувствовал себя Никки Сиксом. Я чувствовал себя пацаном из Айдахо, суперпомешанным другом Аллана Уикса (Allan Weeks — друг детства Никки из города

Джером). Я снова должен был учиться быть мужчиной, потому что я понял, что всё это время я был просто маленьким мальчиком: незрелым, импульсивным и очень восприимчивым к злу всего Мира.

Врач предложил, чтобы я пробовал новый препарат под названием «Прозак» («Prozac»). Хотя я не хотел принимать никаких наркотиков, даже законных, он сказал, что у меня нарушен химический баланс. Моя токсикомания, как он объяснил, парализовала выработку в моем мозгу чего-то под названием «серотонин» (серотонин — вещество в человеческом мозге, отвечающее за аппетит, сон, настроение и эмоции человека). Он дал мне две коробки, в каждый из которых было по десять образцов этого нового чудесного препарата. Когда я вышел за дверь, то сунул себе в рот две пилюли, и к тому времени, когда я был дома, почувствовал себя спокойным.

Возможно, это была плацебо (placebo — таблетка-пустышка, эффект которой основан на самовнушении пациента), но в течение двух дней я уже был способен выходить из дома и даже немного общаться. Я начал встречаться с Лизой Хартман (Lisa Hartman — киноактриса), но она была слишком занята для меня (хотя, очевидно, она была не слишком занята для Клинта Блэка [Clint Black — кантри-певец]). Фактически, у большинства моих так называемых друзей больше не было на меня времени. Кое-кто из парней «Metallica» подошли ко мне в «Кэтхаус» («Cathouse») и предложили угостить меня выпивкой, но когда я сказал, что завязал, они ушли и больше со мной не разговаривали. То же самое со Слэшем (Slash), то же самое со всеми остальными.

К счастью, один старый друг по имени Эрик Стэйси (Eric Stacy), который играл на басу в «Faster Pussycat», тоже только что прошёл курс реабилитации. Я пригласил его жить к себе, так что мы всё время сидели вместе и чувствовали себя, как два идиота. Время от времени мы решались отправиться в клуб и попытаться подцепить каких-нибудь тёлок. Но толи мы забыли, толи мы на самом деле никогда знали, как это делается. Мы говорили, “Привет”. Они отвечали, “Привет”. Затем следовала неловкая пауза, и мы говорили, “Нет… Ничего… Не обращайте внимания”.

В конечном счете, Рикки Рэктман (Rikki Rachtman), который забежал как-то в «Кэтхаус», так проникся сочувствием ко мне и моей правой руке, что устроил нам свидание вслепую (blind date) с «Мисс Октябрь» (хотя свидание нельзя назвать слепым, когда ты знаешь, что это человек с фотографии на развороте журнала «Плэйбой»). Я был эмоционально ранимой рок-звездой, сидящей на «Прозак» и познающей новый мир трезвости, а она была восходящей «плэймэйт» (Playmate — звезда журнала «Плэйбой»).

Это была плохая комбинация. Брэнди — чувственная брюнетка с искрящимися невинными глазами, только что порвала с Тайми Дауном (Taime Downe — вокалист группы «Faster Pussycat») после того, как обнаружила использованный презерватив в его мусорном ведре.

В первую ночь, когда мы спали вместе у неё дома, зазвонил телефон. Это была мать Брэнди. Из трубки доносился голос её мамы, которая говорила о парне, с которым она познакомилась какое-то время назад по имени Никки, и как она думает о том, чтобы позвонить ему, потому что он ей по-настоящему нравится.

Я узнал этот голос: это была Бри Хауворд (Brie Howard) — одна из девочек, которых мы прослушивали на место бэк-вокалисток для тура «Girls». Я совершенно забыл о ней. Мы провели пару весёлых ночей вместе, покатываясь со смеху. Но я понятия не имел, что Брэнди была её…

“М-м, мам”, сказал Брэнди. “Я бы не советовала тебе звонить Никки. Может быть, ты лучше позвонишь тому классному продюсеру, с которым я видел тебя на той неделе”.

Моя жизнь казалась такой опустошённой без наркотиков, что я позволил Брэнди заполнить эту пустоту. Как это ни странно, но было настолько возбуждающе зависать с кем-то противоположного пола и наслаждаться тем, как ты бросаешься в отношения с головой. Но я был ребенком: мне необходимо было любить кого-то, и я должен был чувствовать, что кто-то любит меня. Трезвость позволила мне чувствовать эмоции по-новому, но она не научила меня понимать их.

Всего через пару недель после того, как Брэнди и я познакомились, я должен был отправляться в Ванкувер для записи альбома «Dr. Feelgood», и расставание только подлило масла в огонь иллюзии того, что я влюблён. Хотя я чувствовал себя одиноким и подавленным без неё, но в то же самое время, не имея больше потребности принимать наркотики и каждую ночь гоняться за «кисками», я фактически всё своё время занимал чем-то продуктивным, а именно — я снова начал писать песни. События прошлого года дали мне более чем достаточно материала, моя почти смертельная передозировка вдохновила меня на написание первой песни для альбома — “Kickstart My Heart”. (Из каждой своей передозировки я всегда умел сделать песню.) Это не было, как с «Girls, Girls, Girls», когда я просто отказывался от своей привычки на какое-то время, чтобы написать какой-то наполнитель для альбома. У меня было время и ясность ума, чтобы срезать жир со своих песен, собраться с группой и пропустить их через механизм «Motley» (Motley machine), обсуждая и внося изменения в каждую из них до тех

пор, пока они не начинали нам нравиться.

За несколько месяцев наших встреч, где группа обвиняла меня в том, что я — фашист в моих песнях и образах, я впервые послушал их и принял это к сведению. Дружба между Томми и мной углублялась, т. к. он погрузился в процесс написания песен и начал будить меня каждое утро, чтобы пробежаться по новым идеям. Возможно, из-за того, что мои проблемы с отцом препятствовали мне завязать какую-либо настоящую дружбу, Томми в то время стал моим первым и единственным лучшим другом. Здравомыслящие, мы теперь имели терпение слушать группы не только «Sweet», «Slade», «T. Rex», «Aerosmith» и «New York Dolls»: я открыл для себя много всего от Майлса Дэвиса (Miles Davis) до Уитни Хьюстон (Whitney Houston), и я узнал целую вселенную звуков и эмоций, замысловатых мелодий, басовых и ритмических линий, которые я пропустил за всю мою предыдущую жизнь.

Вместе мы все написали то, что, как нам казалось, могло стать нашим лучшим альбомом до той поры. На этот раз студия не была местом для веселья и привода девочек, это было место для работы. И работа эта шла полным ходом. Мы ввели Боба Рока (Bob Rock) в качестве продюсера, потому что нам нравились альбомы, которые он сделал с «Kingdom Come», «The Cult» и Тэдом Нюджентом (Ted Nugent). Это была его работа — заставить нас снова стать «Motley Crue» после десятилетия наркотиков, смертей, браков и лечения.

Где Том Верман (Tom Werman — прежний продюсер «Motley Crue») просто говорил, “Хорошо, довольно неплохо”, Боб хлестал нас, как каторжных рабов. Его курс был, “Это не самое лучшее, на что вы способны”. Он всегда был чем-то не доволен. Мик сделал запись всех гитарных партий для «Shout at the Devil» за две недели, но теперь Боб Рок заставит его потратить две недели, дублируя гитарные партии снова и снова, пока это не начинало звучать идеально синхронно. И хотя этот процесс раздражал и разочаровывал Мика, ему было гораздо легче, чем Винсу, который за несколько дней мог записать на плёнку всего лишь одно единственное слово, которое бы понравилось Бобу. Боб был критичным и требовательным сторонником точности. Шесть месяцев суровости в купе с шестью месяцами трезвости вымотали из нас всю душу, и всем нам приходилось сносить сильные и внезапные перепады настроения друг у друга. Каждый день прежде, чем войти в студию, мы никогда не знали, покинем ли мы её тем вечером, чувствуя себя самой лучшей группой в мире или четырьмя раз’ярёнными клоунами, которые даже не умеют играть на своих инструментах.

За восемь лет вместе, с миллионами проданных альбомов, мы никогда не делали запись должным образом. Прежде никто никогда не показывал нам пределы наших возможностей и не продолжал требовать большего, чем мы могли, по нашему мнению, дать, пока мы не обнаружили, что фактически мы способны на большее. Просто прежде мы никогда даже не пытались этого делать. В соседней студии «Aerosmith» делали запись альбома “Pump” и встречались с тем же самым адвокатом Бобом Тиммонсом, услугами которого пользовались и мы. Поэтому после работы мы занимались всякими смешными вещами, которыми занимаются трезвые рок-звезды вместе, например, пили «Перье» («Perrier» — минеральная вода) или бегали трусцой вокруг озера.

Конечно, весь этот процесс был полной противоположностью всем принципам панка, которых я так прочно придерживался, когда был подростком. Я всё ещё любил громкий, сырой, небрежный, полный ошибок рок-н-ролл. Я хотел, чтобы из “Same Ol’ Situation” струилась брань, чтобы в “Dr. Feelgood” был ритм (groove), который мог сорвать крышу, чтобы “Kickstart My Heart” казалась такой же отвратительной, как спидбол и чтобы в “Don’t Go Away Mad (Just Go Away)” был такой припев, что под него ты мог вдребезги разнести свою комнату. Но в то же самое время я хотел, чтобы это был альбом, которым я, наконец, мог гордиться.

В клинике мне сказали, что единственный способ получить избавление от зависимости — верить в это и искать помощи у высшей силы, которая могла вернуть здравый смысл в мою жизнь. Множество людей выбирает: Бог или любовь. Я выбираю единственную женщину, которая не покидала меня всю мою жизнь: Музыку. И настало время отплатить ей за её веру и стойкость.

Тем не менее, я всегда избегал слепой веры. Переполненные возбуждением относительно нового материала, мы работали над ним с таким упорством, и мы даже не догадывались, что музыкальная индустрия практически заявила, что после «Girls, Girls, Girls» нам настал конец. Мы находились в этой сфере почти целое десятилетие, пока они были заинтересованы в нас, и это весьма большой срок. Восьмидесятые были почти на исходе, нечто назревало в Сиэтле (Seattle), а мы были всего лишь металлической группой с налаченными волосами (hairspray metal band), которой повезло с парой синглов. В их умах мы были уже мертвы. Они рано нас списали.

Глава пятая

ТОММИ

«АВАНТЮРА, В КОТОРУЮ ВВЯЗЫВАЮТСЯ С ЧУВСТВОМ ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, А ВЫХОДЯТ С ГОРЕЧЬЮ РАССТАВАНИЯ, ПРЕДАТЕЛЬСТВА И ЖАРЕНОГО АРАХИСА НА БОРТУ САМОЛЁТА»

Перед самым началом тура «Girls, Girls, Girls» Хизер и я явились причиной краха одного из самых крупных долбаных торговцев кокаином в стране. И всё это из-за того, что мы не хотели ехать на Ямайку (Jamaica) одни.

У нашего менеджера Дока МакГи было множество подозрительных друзей, которые жили на Кайманах (Caymans — Каймановы острова). Это были сумасшедшие, похожие на сутенёров, парни, которых звали только по именам — Джерри, Лей, Тони (Jerry, Leigh, Tony) — и они приезжали с огромными грёбаными чемоданами, полными кокса, а на острова увозили их набитые наличными деньгами, где они отмывали их, уходя от уплаты налогов, и хорошо поднимались на этом дерьме.

Лей — загорелый, вежливый и безумно богатый южанин — был одним из наикрутейших друзей Дока. Впервые мы с Винсом познакомились с ним, когда отдыхали на Кайманах. Лей направлялся в арендованный Доком дом с дипломатом, и первыми словами, которые мы сказали ему, было, “Дай мне, дай мне, дай мне!”, т. к. мы прекрасно знали, что находится в этом грёбаном дипломате: горы белого порошка, чтобы наполнить наши носы.

Лей открыл дипломат и дал нам щепотку кокса (a little rock).

“Это всё, что ты нам даёшь?” заорал на него Винс.

“Вот, что я вам скажу”, сказал Лей. “Если вы сможете открыть этот дипломат, то получите больше”. С этими словами он подмигнул нам, захлопнул кейс, защёлкнул замки и перекрутил на них цифры таким образом, чтобы мы не могли его открыть.

Мы поймали кайф от той щепотки, которую он нам дал, но через десять минут, как это всегда бывает, нам начало хотеться большего.

Винс и я схватили чемодан и перепробовали все комбинации. Мы были так возбуждены действием кокаина и на самом деле считали, что проверили все существующие сочетания трех цифр. “Подожди”, вопил Винс в порыве вдохновения. “Мы уже

пробовали шесть-шесть-шесть?”

Наконец, я пошёл на кухню, схватил нож для разделки мяса и отрезал верхушку от кожаного портфеля Лейя стоимостью в тысячу долларов. Внутри, искрясь, как белое золото, лежали, мать их, десятки огромных полиэтиленовых пакетов, наполненных коксом. Мы надрезали их ножом и начали просто нырять лицом в кейс, словно ловили яблоки (bobbing for apples — игра, в которую играют дети во время Хэллоуина, когда игрок пытается поймать зубами яблоки, плавающие в корыте с водой).

Спустя час белоснежного рая, вошел Док. “Что вы делаете, вашу мать?”

Винс посмотрел на него, его лицо было всё белое от кокса, а изо рта текли слюни. “Ну, Лей сказал, что мы можем это взять, если откроем. Ну, мы и открыли”.

Док был в такой ярости, что вышиб нас из дома. Я думаю, что, если бы мы заплатили за все эти наркотики, то на это не хватило бы и всех наших гонораров вместе взятых.

Вскоре после этого Лей был арестован. К нему на Кайманы частенько прилетали суперапетитные цыпочки, чтобы провести там несколько дней — это всегда были разные тёлки, приезжавшие по две за раз — и мы просто думали, что он был их грёбаным сутенёром-папочкой. Но правда была в том, что он использовал их как мулов для переправки наркотиков в США. Один раз эти убийственные блондинки прилетели из Нового Орлеана (New Orleans) и оттягивались в обществе Дока, Лейя и парней из «Bon Jovi», у которых Док тоже был менеджером. Когда пришло время девочкам уезжать, Лей примотал к их телам наркотики с помощью скотча и высадил их у аэропорта. Это был их первый раз, когда они занимались контрабандой, поэтому у одной из них возникла гениальная идея — прилепить к телу ещё и ножницы. Это на тот случай, что, если ей вдруг будет грозить опасность быть пойманной, она могла бы просто разрезать скотч и сбросить наркоту.

Ну, в общем, этот “Эйнштейн” (Einstein) и её подруга проходили через металлоискатель, и, конечно же, ножницы “зазвенели”. Они обыскали её, нашли кокс, затем обыскали её подругу. Это маленький остров, и они знали, что девочки отдыхали с Лейем и парнями из «Bon Jovi», которые покинули остров на предыдущем рейсе. Поэтому они заставили самолет, на котором летели «Bon Jovi», развернуться, чтобы они могли проверить весь багаж на предмет наличия наркотиков. Затем они послали полицейских, чтобы те нашли Лейя, который запрыгнул в свой самолет и спрятался на другом острове прежде, чем они смогли его поймать.

И это как раз в то время, когда туда прилетели Хизер и я. Мы хотели поехать на Ямайку. Но мы никого там не знали, а у Лейя, естественно, были связи со всеми на Карибах (Caribbean). Так что Док связался с ним и попросил его встретить нас на Ямайке и всё нам показать. Однако в тайне от него “федералы” (feds — агенты ФБР) заключили соглашение с ямайским правительством, и, когда второй его самолет приземлился в Кингстоне (Kingston — столица Ямайки), они окружили самолёт, вытащили его оттуда, посадили в самолет до Тампы (Tampa — город во Флориде) и уже там взяли его под арест. Мы с Хизер чувствовали себя ужасно: у нас не было никого, кто бы мог показать нам Ямайку.

Тем не менее, это дерьмо круто обернулось для Лейя. Он был приговорен к пожизненному заключению, послал нам пару писем, а затем мы не получали от него больше никаких известий. Следующее, что я узнал о нём, когда мы были в Тампе во время тура «Decade of Decadence», Лей присутствовал на нашем шоу, одетый в долбаный “Армани” (”Armani” — марка престижной одежды). Он не сказал мне, как ему меньше чем за десять лет удалось избежать пожизненного заключения, но он заявлял, что держит свой нос чистым. К тому времени я тоже уже держал свой нос чистым.

Короче, был у нас менеджер — Док МакГи. Прежде, чем он встретил нас, он жил таинственной жизнью, которая потерпела крах, когда его арестовали за содействие контрабанде сорока тысяч грёбаных фунтов (около 18-ти тонн) марихуаны из Колумбии (Colombia) в Северную Каролину (North Carolina — штат США). Это не был его единственный арест, потому что он также обвинялся в связях с некоторыми высокопоставленными психопатами, которые в начале восьмидесятых сговорились провезти более полумиллиона фунтов (около 230-ти тонн) кокаина и «травки» в Соединенные Штаты. В то время когда мы проходили курс реабилитации, суд приговорил Дока к пятнадцати тысячам долларов штрафа и к пяти годам тюрьмы условно и обязал его учредить организацию, направленную против злоупотребления наркотиками, под названием «Make a Difference Foundation», после того, как он был признан виновным в деле с Северной Каролиной.

Док понимал, что в течение, по меньшей мере, лет десяти кто-нибудь ещё наверняка окажется в тюрьме по этому же делу, поэтому он должен был сделать что-нибудь выдающееся, чтобы показать суду, что на свободе он принесёт Миру намного больше пользы. Итогом его “мозгового штурма” стала идея отпраздновать двадцатую годовщину «Вудстока» («Woodstock» — знаменитый американский музыкальный фестиваль) проведением

«Московского Музыкального Фестиваля Мира» («Moscow Music Peace Festival») — гигантского представления, пропагандирующего трезвый образ жизни и любовь между народами, которое включало нас, Оззи, «Scorpions» и «Bon Jovi». Все деньги, как предполагалось, шли на нужды наркологических и антиалкогольных учреждений, включая «Make a Difference Foundation».

Но неприятности начались уже с того момента, как мы ступили на борт самолета. У нас был заключен договор, что мы как группа должны оставаться трезвыми, и как трезвая группа, мы должны поднять нашу музыку на самый высокий долбанный уровень. Альбом «Dr. Feelgood» выходил через пару недель, и Док сказал нам, что разминочное шоу в Москве будет великолепной репетицией перед его запуском. Он объяснил, что все группы будут равноправными участниками проекта, что не будет никаких хэдлайнеров, и каждый будет играть сокращённый пятидесятиминутный сэт без реквизита и спецэффектов. Выступать должны были в следующем порядке: «Scorpions», Оззи, мы, а затем «Bon Jovi».

Но как только мы оказались в самолете Дока, который изнутри был увешан глупыми психоделическими хипповскими картинками Питера Макса (Peter Max), воспоминания о турах «Theatre» и «Girls» снова нахлынули на нас. Весь полёт, продолжавшимся почти целый день, мы пялились в иллюминатор и абсолютно не знали, чем себя занять. На борту самолёта был так называемый врач, который усердно потчевал группы, которые не были в завязке, любыми наркотиками, которые они только желали. Было ясно, что это будет грандиозный фестиваль лицемерия. Даже Мик на протяжении всего полёта был в дерьмовом настроении: в течение целого года он помогал нам оплачивать все наши счета за клиники, а теперь он летел в Москву, чтобы помочь своим менеджерам — этим парням, которые должны бы были платить нам — оплатить их проблем с наркотиками.

Когда мы прибыли на место выступления, начало становиться ясным, что всё было полной туфтой, и Док пообещал каждой группе что-то своё, чтобы заставить их выступать. Джон Бон Джови (Jon Bon Jovi) думал, что это просто ещё одна остановка в его мировом туре в качестве хэдлайнера, в то время как мы думали, что это всего лишь мелкомасштабное мероприятие с укороченным сэтом. Затем продакшн-менеджер (директор мероприятия) сообщил нам новость, что мы понижены в звании. Теперь мы шли перед Оззи и «Scorpions». Я, чёрт побери, просто посинел от ярости. Док, как нам думалось, был нашим

менеджером, который должен отстаивать наши интересы, но он больше благоволил одному из своих новых клиентов — «Bon Jovi», а не нам, и «Scorpions», которые в России пользовались колоссальным успехом.

“Пошёл ты, Док”, сказал ему Никки. “Мы летели в Россию не для того, чтобы “разогревать” «Бон-грёбаных-Джови» («Bon-fucking-Jovi»), которые играют полтора часа как хэдлайнеры. Что, чёрт возьми, происходит?”

“Чувак, мы едем домой, мать твою!” проорал я Доку. Я был просто взбешён. “Это даже не наше шоу. Это шоу «Bon Jovi»”.

“Парни, не подводите меня”, умолял Доктор. “Иначе, будет полный облом”.

“Эй”, сказал Никки. “Мы соблюдаем договор и не делаем ничего плохого. Ты сказал нам то, что не соответствует действительности. Ты сказал, что на этом шоу все будут находиться в равных условиях, а теперь все группы получают больше времени, чем мы. Мы превращаемся в грёбаное посмешище”.

Наконец, Док успокоил нас, и больше из уважения к Оззи (который взял нас в свой тур, когда никто ни черта о нас не знал, а теперь он играл с нашим другом Рэнди Кастэлло [Randy Castillo] на барабанах), мы всё-таки согласились.

В первый вечер мы играли приличное выступление, и всё шло настолько хорошо, что мы впервые живьём выдали “Dr. Feelgood” и “Same Ol’ Situation”. Оззи, мать его, был безумен и великолепен, как всегда, а под «Scorpions» русские встали на уши. После выступления «Scorpions», аудитория, которая составляла приблизительно 125 000 человек, постепенно начала вытекать со стадиона. Но в этот момент старина Джон (old Jon) совершил свой коронный выход прямо в середину публики, когда шеренги русских полицейских разрезали толпу перед ним как Красное море (здесь имеет место аналогия с книгой «Исход» Ветхого Завета Библии, когда Красное море расступилось перед Моисеем, чтобы дать народу Израиля бежать из Египта). Как только он взобрался обратно, вся сцена сделала БУМ — фейерверки, фонтаны огней и пиротехника, взлетели в воздух. Толпа неистовствовала, в то время как я чуть было не наделал в штаны.

Чтобы ввезти пиротехнику в Россию, необходимо было получить на это разрешение, и было ясно, что Док всё это время знал о том, что «Bon Jovi» планировали использовать её во время шоу. Как только утихла канонада, все из дорожной команды и других групп посмотрел на нас. Они знали, что кому-то сейчас не поздоровится. Я выследил Дока и нашел его за кулисами. Я подошёл прямо к нему и толкнул его в его жирную маленькую

грудь, повалив его на землю, как сломанную неваляшку (Weeble). Пока он так лежал, Никки сообщил ему новость: “Док, ты снова солгал нам. На сей раз ты уволен, мать твою”.

Мы поступили благородно и играли на следующий день, затем наш тур-менеджер, заказал нам билеты домой на самолёт компании «Эйр Франс» («Air France»). Нам больше не хотелось помогать Доку оплачивать его судебные счета.

Обратно мы летели через Париж и Нью-Йорк, и говорили с Дугом Талером (Doug Thaler) о том, что мы уходим от Дока, и поможем ему (Дугу) открыть его собственную компанию, которая будет работать с нами. Всю поездку домой мы чувствовали себя как лохи не только из-за того, что поехали в Россию, но ещё и из-за того, что нам, кретинам, хватило ума скинуть менеджера накануне выпуска первого альбома, которым мы по-настоящему гордились. Я прятался от людей вместе с Хизер, был подавлен и каждый день боролся с желанием сделать большой заказ в винном магазине. Я давал интервью, немного слушал радио и постепенно набирался сил. Но я даже представить себе не мог, когда 3-го октября в свой двадцать седьмой день рождения я получил факс. Он был от Никки. (Далее в стихах)

Если всё, чего желаешь в день рожденья,
Чтоб всему Миру как-нибудь сказать,
Что всё по жизни будет хорошо,
Тогда тебе от всей души желаю
Альбом под номером один в «Биллборде».

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ТОММИ. ТВОЙ АЛЬБОМ НА ПЕРВОМ МЕСТЕ.

(If you could have just one thing on your birthday,
Some way for the world to say,
That it will all be okay,
Then I would wish for you with all my heart,
A number one album on the Billboard chart.

HAPPY BIRTHDAY, TOMMY. YOU HAVE A NUMBER ONE ALBUM.)

Я метнулся к газетному киоску, купил журнал «Billboard», открыл таблицу и увидел наш альбом на самой верхней строчке. После этого я позвонил всем, кого я только знал.

Глава шестая

ДОК МАКГИ

«МЕНЕДЖЕР С ГОРЕСТНОЙ РАДОСТЬЮ ГОВОРИТ “АДЬЮ” СВОИМ НЕИСПРАВИМЫМ ПОДОПЕЧНЫМ»

Это было тёмное время в моей жизни, и я пытался что-то с этим сделать. Я хотел сделать что-нибудь для всех: для Мира, для групп и для себя самого. «Московский Музыкальный Фестиваль Мира» не был похож на фестивали в Покипси (Poughkeepsie — город в штате Нью-Йорк) или Вудстоке (Woodstock). Это было чем-то совершенно новым. И никто за это ничего не получал. Все группы интересовали только они сами, кто в какое время будет выступать, кто получит самую большую гримёрку и каким образом можно будет незаметно запустить фейерверки.

К тому времени, как началось шоу, я уже устал выслушивать все эти жалобы и нытьё. Начиная с момента передозировки Никки, я знал, что «Motley» и я должны расстаться по одной простой причине: я не любил их. Не было ничего, что мне нравилось бы в них. Я должен был начать, наконец, заниматься своей собственной жизнью и теми группами в моей жизни, которые позволяли мне помогать им. «Motley» никогда не позволяли мне этого: вместо этого мы просто вышибали дерьмо друг из друга.

Мне потребовалось десятилетие, чтобы дойти с «Motley Crue» до этой точки. С момента, когда я впервые увидел их в «Santa Monica Civic Center» и ехал домой в грузовике с мерчендайзом (merchandise — разнообразные товары и атрибутика с логотипом группы), который был совершенно пуст, потому что парни распродали всё до единой заклёпки, я знал, что они начинают карьеру, которая будет продвигаться только вверх. Но я понятия не имел, что как люди они катились по крутой спирали вниз. Я управлял Минком ДэВилем (Mink DeVille), Джеймсом Брауном (James Brown), «Scorpions», «Skid Row», «Bon Jovi» и «Kiss». Все виды психически больных людей протащили меня через глубочайшее дерьмо. Но я никогда не испытывал того, через что мне пришлось пройти с «Motley Crue». В одни день Мик мог попытался выпрыгнуть из окна. “Зачем ты это сделал?” спросил бы я.

“Я не зна…” (”I dunno”.)

На следующий день Никки мог столкнуть с табурета в баре

какого-нибудь парня в костюме.

“Зачем ты это сделал?”

“Я не зна…”

На другой день Томми, этот самый весёлый парень из второго класса начальной школы, мог дать мне пинка под зад.

“Зачем ты это сделал?”

“Я не зна…”

Каждый день был таким. Это происходило постоянно. Нас вышвыривали из гостиниц в каждом городе. В этом и есть отличие куриного дерьма от куриного салата. Они не были похожи на «Poison», которые устраивали скандал только потому, что думали, что именно так поступают все настоящие рок-звёзды. «Motley Crue» делали всякие глупости исключительно потому, что они были «Motley Crue». Для этого не было никакой причины, была только одна причина — «Motley». Им даже не нужно было что-то выдумывать: их жизнь и была рок-н-роллом.

Эта группа была готова стать «Цеппелинами» («Zeppelin») своего времени. Но они никогда не смогли бы достичь этого вместе. Даже сегодня я все ещё верю, что они могли бы снова выйти и наделать много шума с чем-то новым, значительным и соответствующим их уровню, где они вновь заняли бы своё место в жизни. Но если они и достигнут этого, то только не со мной. Я уже потратил десять лет своей жизни, постоянно извиняясь за эту группу. Как их менеджер, я, на самом деле, только и делал, что просил прощения. Как-то, несколькими годами позже, я вошёл в вестибюль одной гостиницы, и меня окликнул регистратор, “Господин МакГи”. Я подбежал, бухнулся на колени, “О, Боже, простите, я действительно сожалею…”.

Они странно посмотрели на меня и сказали, “Нет-нет, всё в порядке. Просто, вам звонят”.

Я вздохнул, и это был вздох облегчения и благодарности милостивому Господу, по воле которого я больше не был менеджером «Motley Crue».

Глава седьмая

ВИНС

«ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НЕРЫЦАРСКОМ ПОЕДИНКЕ С ЭКСЛОМ РОУЗОМ И О ЦВЕТКЕ С ДРУГИМ ИМЕНЕМ» (намёк на фамилию Эксла)

Шариз (Sharise) была рестлером в среднем весе (речь идёт о женской борьбе в грязи): белокурые волосы, большие титьки и потрясающе крепкое тело. Когда девочки из «Тропиканы» приходили ко мне домой, чтобы побороться для моих друзей, она всегда была самым неистовым бойцом. Она побеждала всегда и всегда делала это красиво. В общем, она была в моём вкусе.

Когда мы начали встречаться, она бросила танцы. Вместо этого, у ней появилась привычка иметь в кошельке, как минимум, двадцать тысяч долларов в месяц. И вместо того, чтобы драться с другими тёлками, она всё время дралась со мной. Трезвость, возможно, была легкой для других парней, но мне приходилось напиваться каждую ночь.

Перед выходом альбома «Feelgood», я позвонил кое-кому из моих приятелей и отправился с ними на рафтинг (rafting — сплав на лодках) вниз по реке Снэйк (Snake) в Айдахо (Idaho) на десять дней. Это был лучший способ, который я мог придумать, чтобы оставаться трезвым: вдалеке от Шариз, телефона, группы и баров. Были только солнце, пороги и занятия спортом.

Как только мы возвратились к цивилизации, я позвонил Шариз, она была в слезах.

“Я была в «Кэтхаус»”, рыдала она. “И Иззи ударил меня”.

“Иззи Страдлин?” (Izzy Stradlin)

“Да, он был абсолютно пьян. И я сказала ему, чтобы он убрал от меня свои руки, потому что я твоя жена. Тогда он схватил меня за майку и стащил её с меня”.

“Ах ты, грёбаная жопа!”

Но это даже не самое плохое. Я, конечно же, влепила ему пощёчину. После чего он по-каратистски ударил меня ногой изо всей силы. Прямо в живот. Он просто выбил из меня дух. Это было действительно больно. И все вокруг это видели”.

“Вот дерьмо! В следующий раз, когда я увижу этого засранца, я убью его!”

“Ой, да, чуть не забыла”, добавила она. “Ваш альбом на первом месте”.

Никогда бы не подумал, что это событие могло так вывести меня из себя. В последний раз такое было, когда много лет назад заезжие байкеры избили Бэс (Beth) и Литу (Lita). Но Иззи не был байкером. Он был гитаристом «Guns N' Roses». Я взял эту долбаную группу в тур в качестве разогревающей на нескольких шоу «Girls…», когда никто не воспринимал их всерьёз. Тогда они были паиньками: Эксл (Axl Rose) был забавным, застенчивым и скромным парнем. Но теперь, похоже, они сами начали верить тому, что о них пишут в газетах, и этот парень, который, как мне казалось, был моим другом, теперь унижает мою жену.

"Ты слышал меня? Ваш альбом — номер один…"

Иззи выбрал не самое удачное время для того, чтобы поссориться со мной, потому что приближалась церемония вручения наград «MTV Video Music Awards» в зале «Universal Amphitheater». Во время шоу я оставил группу ждать в своих лимузинах снаружи, а сам зашёл за кулисы в то время как «Guns N' Roses» выступали на сцене с Томом Петти (Tom Petty).

Когда Иззи вернулся за кулисы, он был похож одновременно на Эрика Штольтца (Eric Stoltz) в «Маске» («Mask» — фильм-драма 1985 года с Эриком Штольцем и Шэр в главных ролях) и Нила Янга (Neil Young), я ждал его. "Ты, чёрт побери, ударил мою жену!"

"И что теперь, мать твою?", со злостью выпалил он.

Вся моя кровь хлынула мне в кулак, и я приложил его. Приложил хорошенько, прямо в лицо. Он рухнул на пол, как подкошенная корова.

Фрэд Сондерс (Fred Saunders) схватил меня за руки. "В следующий раз, если ты её тронешь, я тебя убью!" Я что-то орал, склонившись над распластанным телом Иззи, а Фрэд оттаскивал меня прочь.

Я освободил руки, и мы пошли к двери. Прежде, чем мы достигли выхода, сзади появился Эксл, рыча нам в спину, словно разодетый доберман. "Так-так, ублюдок, сейчас я тебя убью!" — завопил он нам вслед.

Я повернулся к нему. Его лицо было потным и перекошенным от злости. "Ну же, давай, мать твою!" — сказал я ему. И я не шутил. Кровь всё ещё пульсировала у меня в кулаках. Он смотрел на меня и пищал как сучка: "Только не вздумай снова приставать к моей группе, понял?" И… он ушёл.

После этого Эксл вдруг развернул целую кампанию в прессе, направленную против меня. Если бы я был звукозаписью, то он продал бы миллионы моих копий. В каждой статье, которую я читал, каждый раз, когда я включал телевизор, он утверждал, что я избил сосунка Иззи и оскорблял «Guns N' Roses» на протяжении

многих лет, и он во всеуслышание обещал поставить меня на место, которое находится на глубине шести футов под землей. Это было похоже на рок-н-ролл, который внезапно превратился во Всемирную Федерацию Реслинга (World Wrestling Federation).

Это было таким предательством. Я имел полное право надрать задницу Иззи, и Эксл не имел к этому абсолютно никакого отношения. В туре «Girls…» Эксл пришёл ко мне, когда у него болело горло, и я показал ему несколько приёмов, которые я изобрёл для того, чтобы петь, когда голосовые связки отказываются это делать. Теперь же он посылал мне весточки с инструкциями для встречи то на стоянке «Тауэр Рекордс» («Tower Records») на Сансет, то на набережной Венис Бич (Venice Beach). Даже при том, что это был достаточно детский способ выяснения отношений, я каждый раз давал понять, что единственная вещь, которая доставит мне большее удовольствие, чем первое место нашего альбома в чартах, это сломанный нос Эксла Роуза.

Но Эксл так ни разу и не появился. Наконец, дошло до того, что всякий раз, когда он затевал где-нибудь драку, я сразу же посылал туда людей, чтобы они звонили мне, как только он появится. Возможно, кто-то захотел бы спустить это дело на тормозах после того, как Эксл пошел на попятный, тем более, что прошло уже довольно много времени. Но я был в бешенстве: в прессе он действовал так, будто он — король Мира, говоря, что я испугался драться с ним, т. к. у него был красный пояс по тому-то и тому-то. Но в реальной жизни он был слишком труслив, чтобы ответить за свои слова. В конце концов, я пришёл на «MTV» с посланием для него: я сказал, что, если Эксл хочет драться со мной, то он должен сделать это на глазах у всего Мира. Я предложил встретиться в понедельник вечером для ночного боя в «Форуме» («Forum» — спортивная арена). Мы провели бы три раунда, и потом Мир узнал бы, кто из нас слабак.

Я был готов сделать это. Мне даже уже было плевать на Иззи. Им я всегда успел бы заняться. Он даже позвонил мне и извинился за то, что он сделал с Шариз. Что касается Слэша (Slash) и Даффа МакКагана (Duff McKagan), несмотря на этот инцидент, мы остались друзьями — они-то знали, каким говнюком был Эксл. Я хотел выбить дерьмо из этого маленького панка и заставить его заткнуться навсегда. Но я так и не получил от него ответа: ни в тот день, ни в том месяце, ни в том году, ни в том столетии. Но моё предложение все еще остаётся в силе.

Глава восьмая

ТОММИ

«ПОДОБНО ОТВАЖНЫМ УЛИССАМ, ПРИПЛЫВШИМ ДОМОЙ С ВОЙНЫ, НАШИ ГЕРОИ ОБНАРУЖИВАЮТ, ЧТО ВЫСШИЕ СИЛЫ УСЛОВИЛИСЬ СЧИТАТЬ ИХ ПОРОПАВШИМИ В МОРЕ» (Улисс — латинизированная форма имени Одиссей)

Мы больше не тусовались, не устраивали вечеринок, не совали свои члены, куда не следует. Мы просто летали из города в город, играли свои чёртовы концерты и скорее сваливали оттуда. Впервые мы функционировали, как механизм, а не как четверо диких животных. Но вскоре мы даже начали мыслить, как машина.

Тур начинался как красивый сон: мы имели наш первый альбом на первом месте, который был так безумно популярен, что каждая чёртова песня с него, в конце концов, была выпущена в виде сингла. Мы были на обложках всех журналов. У нас было такое грандиозное сценическое шоу, оборудование для которого перевозилось дюжиной грузовиков, и ещё много всего такого, чего мы, возможно, даже не могли себе представить, сидя в Пёстром доме (Motley house) и поджигая Никки. Там было тридцать шесть стэков «Marshall», тридцать шесть стэков «SVT» и, чёрт побери, летающая ударная установка, о которой я мечтал всю свою жизнь.

Концерты посещали фантастические толпы народа. Они знали каждую строчку, каждый аккорд, каждую сильную долю с каждого альбома. И впервые мы были достаточно вменяемы, чтобы по-настоящему оценить всё это. А также, достаточно женаты. У всех нас были новые жёны или невесты, которым мы хотели оставаться верными: я был с Хизер, Мик — с Эми, у Винса была Шариз, а Никки сделал предложение Брэнди (хотя он, вероятно, не очень сильно ждал празднования Дня Благодарения в доме её матери). «Motley Crue» теперь были четырьмя чуваками в наилучшей своей физической форме, с тех самых пор, когда они только появились на свет.

Но затем осень увяла в зиму, зима обернулась весной, а весна зацвела к лету, а мы всё ещё были в дороге без каких-либо признаков остановки. «Электра» по-прежнему выпускала синглы с альбома, и Дуг Талер, который теперь управлял нами один, распланировал для нас туры и фестивали на весь следующий год.

Через некоторое время уже не имело значения, сколько денег мы приносим или сколько недель наш альбом находился в лучшей сороковке, мы просто не могли заставить себя снова надеть эти кожаные штаны для очередного выхода на сцену. Возможно, если бы нам разрешали совершить тур с крутой группой на разогреве, типа «Iggy Pop» или «Husker Du», вместо того, чтобы быть вынужденными способствовать низкопробным поп-метал позёрам, таким как «Warrant» и «Whitesnake», мы чувствовали бы себя намного лучше. Возможно, если бы у нас время от времени была неделя отпуска на Багамах (Bahamas), где мы могли бы просто ничего не делать, то мы провели бы нормальный тур. Но звукозаписывающий лейбл волновался, что мы можем потерять импульс. Мы были машиной для зарабатывания денег, и они хотели, чтобы мы продолжали работать до тех пор, пока не сломаемся. И мы, чувак, действительно сломались.

Началом конца стало соло на летающей ударной установке в Нью-Хейвене, штат Коннектикут (New Haven, Connecticut). Как мне казалось, для людей это всегда было ключевым моментом — видеть то, что я делаю, когда играю. В ранние времена «Motley» я пробовал использовать зеркала, но это никогда по-настоящему не работало. Затем, перед туром «Girls, Girls, Girls», мне приснилось, что я играю на барабанах в клетке, которая вращается вокруг своей оси, подобно гироскопу (гироскоп — быстро вращающееся тело, ось вращения которого может изменять своё положение в пространстве). Так что мы построили это хитро устроенное гетто, где автокар подвозил барабаны к переднему краю сцены, и двигатель по-всякому вращал ударную установку, в то время как я играл вверх тормашками и прочее такое дерьмо. На самом деле, поначалу у меня жутко кружилась голова, но затем я вспомнил то, чему меня учили на уроках балета, когда я был ребенком, и начал выбирать точку на стене, чтобы при вращении фиксировать на ней взгляд.

В туре «Feelgood» я хотел быть ещё ближе к братьям из публики, поэтому мы построили летающую ударную установку. И всё было превосходно — до Нью-Хейвена. Я до сих пор не понимаю, что там произошло. Всё началось как обычно. Во время соло Мика, я незаметно для публики пролез в эту длинную трубу, закрепил свои ноги в ремни, висящие там, и обмотал вокруг руки веревку, соединённую с лебёдкой, которая медленно подняла меня до верхних стропил крыши «Нью-Хейвен Колизей» («New Haven Coliseum»). Я передохнул там некоторое время, наблюдая с высоты восьмидесяти футов (около 25-ти метров) за размахом соло Мика и публикой, которая всё ещё не могла меня видеть.

Затем, вместе с техником по имени Норман (Norman), который держался за меня, я перепрыгнул по воздуху в ударную установку и пристегнул себя к сидению. Внизу Мик выбивал сумасшедшее дерьмо из своей гитары, и его стэки грохотали, будто вот-вот взорвутся — ггхттччггхттччч — и тут появляются барабаны — хуууушшш — прямо над головами зрителей посреди всей этой по-настоящему волнующей музыки.

Пока публика сходила с ума, я начал колотить по всем этим электронным барабанам — блаууу, бламмм, бламмм, блаууу — в то время как установка спускалась к толпе по тридцатипятиметровоой невидимой направляющей. Я пролетел над головами людей в партере, затем полетел к самым задним местам, чтобы чуваки в переполненном секторе для Стиви Уандера (Томми так шутит, Stevie Wonder — знаменитый слепой певец) могли вдруг почувствовать себя сидящими в первом ряду. Там был один чувак в джинсовом пиджаке, который, клянусь Богом, чуть было не наделал себе в штаны, когда я внезапно появился в каких-то нескольких дюймах от его лица, играя на барабанах и вися в воздухе. Я облетел весь зал по кругу, направляющая была настроена таким образом, что я должен был вернуться на самый верх под купол арены. Я приготовил звуковой сэмпл долгого падающего звука, будто кто-то прыгает с моста — А-а-а-а-а-а-а-а-а — затем сунул свою ногу в ремень, схватил веревку, которая поднимала меня в самом начале, и приготовился прыгать. Работа Нормана состояла в том, чтобы в последний момент потянуть за ручной тормоз так, чтобы я мог резко остановиться на высоте полутора метров над головами публики, а затем просто подпрыгнуть на этом эластичном тросе. Я люблю, когда это выглядит безумием. Какой там, к чёрту, Джин Симмонс (Gene Simmons) со всем этим дерьмом, что “я летаю над грёбаной публикой, как Питер Пэн”. Я хотел летать по-настоящему в стиле свободного падения.

Я прыгнул со стропил — А-а-а-а-а-а-а-а-а. Воздух хлестал мне в лицо — ффшшшшшшшш. Затем я мысленно подготовил себя к тому, что Норман должен сейчас потянуть за тормоз. Но пока я приближался к земле, по каким-то необ’яснимым причинам я вдруг перестал ему доверять. Я не был уверен, что он вовремя меня остановит, поэтому я запаниковал и попробовал освободиться. Я отпустил веревку и попытался вытащить свою ногу из ремня. Я думаю, что полное истощение от плотного графика выступлений притупило мои чувства. Как только Норман увидел, что я изо всех сил пытаюсь освободиться, он ударил по тормозам. Тут же моя нога, которая всё ещё была в ремне, чёрт побери, остановилась в воздушном пространстве, в то время как

остальная часть моего туловища продолжала падать. Я был всего в нескольких футах от публики и ккрррэкк. Мой череп ударился о голову какого-то чувака в толпе. А затем, т. к. трос была очень упругим, я прямо головой шлёпнулся о землю и потерял сознание. Следующее, что я услышал, было риирррр-риирррр (Томми имитирует сигнал машины скорой помощи). Я не мог вспомнить ничего, кроме того факта, что что-то пошло не так, как надо.

“Что со мной случилось?” спросил я.

“Ты только что упал, приятель”.

“Правда?”

“Да, прямо на голову”.

“Где?”

“На концерте”.

“Концерт. Я должен быть на моем концерте”. Я запаниковал. Я ни черта не соображал. Я не помнил, что упал. Я только знал, что должен находиться на сцене. А не в …

“Где я?”

“Ты в санитарной машине. Мы везём тебя в больницу”.

“Но… ”

“Шоу закончилось, приятель. А теперь расслабься”.

В конце концов, мы отменили одно или два шоу, пока я оправлялся от моего сотрясения. Три дня спустя я снова оказался лицом к лицу со стропилами арены и упругим тросом. Теперь Норман нажимал на тормоз так, чтобы я спускался очень медленно, похожий, скорее, на волшебную фею-крёстную, вместо сумасшедшего рок-н-ролла, и остановил меня на высоте метров семи над публикой, вместо полутора. Мне потребовалось какое-то время, чтобы побороть свой страх.

Остальная часть группы была благодарна за эти дополнительные дни отдыха, но потом всё снова вернулось к бесконечным переездам и выступлениям. Пока истощение и безумие овладевали нами, наша жизнь начала снова раскрываться не с лучшей стороны. Сначала в неё вошли тёлки. Перед выходом на бис мы маринова лись под маленьким тентом позади сцены, где посасывали холодную минералку. Однажды мы отдыхали там, когда Никки указал на коробку с наполнителем для кошачьих туалетов, которая загадочным образом стояла посреди комнаты. Пока мы пытались выяснить, кто был таким идиотом, чтобы держать кота за кулисами, мы услышали громкое мяуканье. Появилась девочка, которая ползла к коробке на четвереньках. На ней был надет кошачий воротник и ошейник с поводком, который держал в руках наш технический менеджер. Винс посмотрел на меня в поиске об’яснений, я посмотрел на Никки, Никки

посмотрел на Мика, а Мик снова оглянулся на Винса. Никто не знал, что происходит. Девочка вползла в коробку, задрала своё платье, помочилась в песок, а затем начала скрести наполнитель, пока не зарыла то, что она наделала.

Вскоре мы начали находить способы отвлекаться от тяжелой работы, забавляя себя глупыми человеческими шалостями и наблюдая за нашей дорожной командой, опустившейся на самое дно. Начала развиваться целая кошачья тема, основанная на строчке “кис-кис-кис, иди ко мне” (”here kitty, kitty”) из песни “Same Ol’ Situation”. Технические менеджеры становились в кружок и мастурбировали, в то время как какая-нибудь бедная, но согласная на всё девочка, мяукая, ползала по кругу на четвереньках и слизывала это с их рук, словно молоко. Никки думал, что это весело, но затем у Никки снова начались проблемы, связанные с воспоминаниями о матери.

То, что начиналось, как трезвый и здоровый тур, ближе к концу, превратилось в больной сексуальный цирк. Мы были трезвые, и нам нечем было себя занять, так что девочки стали нашим единственным развлечением. Как только мы начали смотреть на девочек, мы заметили, что они из кожи вон лезут, чтобы только обратить на себя наше внимание: кожаные маски с шаром во рту, одежда монахини с прорезями спереди, откуда высовывались груди, униформа медсестры с клизмами, обтягивающие костюмы красного дьявола с пенисами вместо рогов и ковбойское одеяние с флаконами крема для бритья в кобурах вместо пистолетов. Мы не выдержали и сломались под таким натиском, выбирая девочек за кулисами, которые предлагали нам что-то, чего мы не пробовали прежде.

Во время шоу мы выпрыгивали на сцену перед 25000-100000 человек при помощи хитрого устройства, находящегося под сценой, словно четыре гигантских жареных хлебца («Pop-Tarts») из тостера. Эти хитрые приспособления, в конечном счете, стали метафорой всего тура. Всякий раз, когда мы хотели отдохнуть или поспать, кто-то будто бы дёргал за рычаг и — хлоп — мы снова стояли перед стадионом, полным приветствующих нас людей, готовых посмотреть ту же самую песню и танец, которые мы исполняли уже сотни раз. Всю нашу жизнь мы, чёрт возьми, мечтали о таком туре, как этот; но после двух лет мы пришли к тому, что ненавидели и боялись своих рабочих мест. Никки любил сравнивать это с эрекцией: несколько минут чувствуешь себя восхитительно, но когда она не спадает после нескольких часов траханья, это начинает причинять такую боль, какую только способен выдержать мужчина.

Поэтому мы убивали боль, как только могли. В Австралии

Винс снова начал пить. После того, как они отскребли нас от пола в Австралии и сплавили в Японию, Никки споткнулся. А когда они потащили нас на Гавайи, я пошел в стрип-клуб с Винсом и пал жертвой большегрудой официантки с подносом алкогольных напитков ядовитого цвета в пробирках (Day-Glo alcohol shooters in test tubes). Вскоре наши отношениями с домом начали оборачиваться пренебрежением, мы все украдкой начали пить, покупать наркотики, возвращаясь к нашим старым самоубийственным привычкам, возможно, за исключением Мика, невеста которого находилась с нами в дороге в качестве бэк-вокалистки.

Ближе к концу тура «Электра» послала к нам съемочную группу. У них была массовая коммерческая конференция с покупателями всех сетей по распространению звукозаписей, и они думали, что для нас это будет хорошая идея — записать на пленку послание, чтобы подлизаться к продавцам и поблагодарить их за их поддержку. Поэтому мы собрались за кулисами перед всей дорожной командой, они включили камеры, и мы вели себя, как послушные марионетки: “Привет, парни, мы — «Motley Crue», и мы хотели бы поблагодарить вас за то, что сделали наш альбом альбомом номер один”. Но затем вдруг кукольные нити порвались. “И мы хотим сообщить, что мы ненавидим вас, и мы ненавидим «Электру». Вы, парни, не даёте нам перерыва. Вы все — сборище жадных грёбаных жоп, и мы знаем, где вы живете, и мы приедем и перережем вам всем горло, если вы не позволите нам увидеть наши семьи”.

Когда выключились камеры, мы, чёрт побери, рухнули на пол и заплакали навзрыд. Мы даже не могли говорить. Настолько мы были истощены, исчерпаны и лишены всех мыслей и эмоций.

Дуг Талер посмотрел на нас, покачал головой и сказал, “Вероятно, действительно, пришло время, дать вам отпуск на короткое время”.

Чувак, ты никогда ещё не видел четверых ублюдков, которые разбежались каждый в свою сторону быстрее, чем мы.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ: “НЕ УХОДИ ВО ГНЕВЕ”

Глава первая

«В КОТОРОЙ ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОК-Н-РОЛЛЬНЫХ НАУК, ПРЕДЛАГАЮТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ДИССЕРТАЦИЮ, РАЗРАБОТАННУЮ ВО ВРЕМЯ ОДНОГО ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ГАСТРОЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ, КОГДА РОК-Н-РОЛЛЬНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ ОБРЁЛ УНИЧИЖИТЕЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ “СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ”»

ПРИМЕНЕНИЕ «ТЕОРИИ ШЕСТЕРЁНКИ» («COG THEORY») К РАЗВИТИЮ И СТАНОВЛЕНИЮ ОБЫЧНОЙ РОК-ГРУППЫ

Авторы: Томми Ли, Мик Марс, Винс Нейл, Никки Сикс — Доктора Философии Центра Изучения Популярной Акустики, Института Раздоров, Лос-Анджелес, Калифорния (Center for Studies in Popular Acoustics, Discordia University, Los Angeles, CA)

Краткое изложение: Введение в «Теорию Шестерёнки»

«Теория Шестерёнки» это попытка приподнять завесу бизнеса популярной музыки и исследовать механизмы успеха.

Существует некий механизм, в дальнейшем именуемый “Машина” (см. рисунок), через который проходят все музыканты. Успех артистов в прокладывании своего пути через замысловатые шестерёнки, механизмы, молоточки и дробилки Машины определяет рамки, возможности и курс развития их карьеры. Такая навигация требует таланта, умения выбирать нужное время, удачи и сильных волевых качеств.

«Motley Crue» и «Теория Шестерёнки»: Анализ стадия за стадией

А) Стадия первая: Платформа и Лента Конвейера

У основания Машины находится Платформа. На этой Платформе имеется длинная цепочка артистов, которые ждут своей очереди, чтобы подняться на лестницу, которая ведет к Ленте Конвейера. Пока артисты движутся по Ленте Конвейера, они делают и выпускают некую запись. В конце Ленты Конвейера находится первая из нескольких связанных друг с другом шестерёнок, каждая последующая из которых больше по размеру и располагается выше предыдущих. Если артисты успевают вовремя подпрыгнуть в конце Ленты Конвейера, то они могут приземлиться на Первой Шестерёнке. Но большинство из них промахиваются мимо неё и снова оказываются на Платформе (в

самом конце очереди) или в некоторых случаях падают ещё ниже — в пропасть. Альбом «Too Fast for Love», т. к. он был выпущен независимой фирмой звукозаписи, не достиг даже Первой Шестерёнки.

B) Стадия вторая: Первая Шестерёнка

Как только артисты оказываются на Первой Шестерёнке и достигают определённой степени успеха, они становятся пленниками Машины. Движение передаётся от одной части механизма к другой, шестерёнка вращается, и нет никакого способа остановить Машину (см. фигуру 1a). Вскоре вторая, ещё большая шестерёнка, вырисовывается впереди, её зубья примыкают к Первой Шестерёнке и приводят её в движение. Артисты должны точно уловить момент, чтобы запрыгнуть на Вторую Шестерёнку, иначе они будут раздроблены внутри механизма между шестерёнками и снова упадут обратно на Платформу или начнут вращаться по кругу на шестерёнке, пытаясь начать всё заново. «Shout at the Devil» уцепился за Первую Шестерёнку, которая зашвырнула группу на Вторую.

C) Стадия третья: Вторая Шестерёнка

Как только артисты поднимаются на уровень Второй Шестерёнки, начинается долгий путь вниз к основанию (см. фигуру 1b). Они осознают, что механизмы намного сильнее, чем плоть, что они находятся в ловушке, и оттуда не существует никакого выхода. Машина разрывает кожу, размалывает члены, медленно заражает и овладевает мозгом. Если артист — группа, Машина легко может разлучить её членов и сокрушить их поодиночке. На Второй Шестерёнке группа переживает истинную популярность. Но достигнуть следующей шестерни — Большой Шестерёнки, последней шестерёнки, шестерёнки, предназначенной для настоящих феноменов — это не только вопрос выбора нужного момента для долгого и трудного прыжка. Попасть на Большую Шестерёнку — это что-то, что является неподконтрольным группе. Эта власть находится в руках могущественного бога шестерёнок — причудливого, гневного и непредсказуемое божества, которое находится на самом верху Машины и вращает механизмы.

«Motley Crue» долго крутились по кругу на Второй Шестерёнке с альбомами «Shout at the Devil», «Theatre of Pain» и «Girls, Girls, Girls», и с каждым оборотом они тщательно избегали крушения и падения к основанию. «Dr. Feelgood», однако, достиг Большой Шестерёнки.

D) Стадия четвёртая: Большая Шестерёнка

Большая Шестерёнка — это шестерёнка, которую «Guns N' Roses» завоевали с альбомом "Appetite for Destruction", а «Metallica» — со своим черным альбомом. Мерайя Кэри (Mariah Carey), «Backstreet Boys» и Эминем (Eminem) — все они достигли этой шестерёнки. Большая Шестерёнка — это огромный перемалывающий механизм, и, оказавшись там, артисты не в силах ничего с этим поделать. Они могут встать и крикнуть, "Я ненавижу весь Мир, катитесь все к чёрту, и если вы купили всего один мой альбом, то я вас убью". И всё, что происходит дальше, — большее количество людей бегут и покупают их записи. Любая попытка выйти из игры бесполезна: это только делает процесс ещё более болезненным (см. фигуру 1c).

Большая Шестерёнка возбуждает, но одновременно и подавляет. Там, где Вторая Шестерёнка могла впиться под кожу артиста, эта отрывает конечность за конечностью. Шестерёнка дает артистам всё, о чём они только мечтали, всё, чего они только могли хотеть, за исключением права на частную жизнь, уединения, дружбы, стабильности, любви (как семейной, так и романтической) и душевного спокойствия.

С альбомом «Dr. Feelgood» на Большой Шестерёнке «Motley Crue» не могли прогадать. Каждый сингл, который они выпускали, терроризировал радиостанции, о каждом распроданном шоу, о каждом их шаге сообщалось в газетах. Когда группа впервые достигла Большой Шестерёнки, она начала вращаться вместе с ней. Но люди устают; Машина никогда не прекращает двигаться. Когда группа больше не могла держать темп, Большая Шестерёнка разлучила их, разрушила их браки и уничтожила все шансы на то, чтобы они вели нормальную жизнь, имели друзей и знали, чем себя занять, не играя в игру записи альбомов и гастролей, навязываемую Машиной.

Всё же, даже когда группа устаёт от бега вокруг Большой Шестерёнки, жестокая и безликая Машина продолжает вращать их на вершине. Группа производит компиляцию своих любимых песен под названием «Decade of Decadence», и она продаётся количеством 2.5 миллиона копий, практически без какой бы то ни было рекламы. Позднее, деловые люди, работа которых происходит вне Машины, которые контролируют её поведение и наблюдают, кто на какой шестерёнке находится в данный момент, чтобы они могли инвестировать в них свои деньги (подобно фондовой бирже) сказали «Motley Crue», "Вы, парни, летом поедете в самый большой тур". Это была последняя вещь, которую группа хотела услышать. Потому что, когда артисты находятся на Большой Шестерёнке, те, кто вкладывает в них свои

деньги, не хотят, чтобы они писали новую музыку или записывали новые альбомы, потому что это — самый быстрый путь от шестерёнки к Дробилке.

Е) Стадия пятая: Дробилка

В конце Большой Шестерёнки находится длинный тяжелый брус диаметром со ствол большого дерева, который падает сверху с разными интервалами, круша артистов и скидывая их с Большой Шестерёнки. Некоторые артисты обладают большой стойкостью и могут бегать по Большой Шестерёнке и избегать Дробилки в течение многих лет. Но большинство всё-таки стираются в порошок Большой Шестерёнкой. Они сбиваются Дробилкой и попадают на низшую шестерёнку или на Платформу, где снова ждут своей очереди, чтобы возвратиться на Ленту Конвейера, или улетают в пропасть. Некоторые — как Курт Кобэйн (Kurt Cobain), Джимми Хендрикс (Jimi Hendrix) и Дженис Джоплин (Janis Joplin) — полностью разбиваются Дробилкой. И, в каком-то смысле, они побеждают. Единственный способ побороть Машину состоит в том, чтобы умереть, потому что это единственный путь выхода из игры. Когда вам повезло, и вы оказались на Большой Шестерёнке, вы, в конечном счете, всё равно проигрываете. Другого пути, кроме как вниз, попросту не существует, и это очень болезненное падение независимо от того, что вы из себя представляете.

Те, кто выживает после падения, это уже не те же самые люди. Они испытывают постшестерёночный стресс, подобно Экслу Роузу (Axl Rose), они дурачат сами себя, думая, что они всё ещё находятся на Большой Шестерёнке.

Что касается «Motley Crue», то в последующих главах мы увидим, как группа была уничтожена и сброшена вниз Большой Шестерёнкой, как были разрушены жизни и отношения, и как постшестерёночный стресс привёл к трагическому повороту событий.

Заключение: Новое начало

Нет никакого способа покинуть Машину, кроме смерти. Как в сексе, вы хотите этого снова и снова, даже когда ваши органы уже не работают. Успех или жажда успеха — это тяжёлая пагубная зависимость. В Машине артист может получить второй, третий и восемнадцатый шанс. Нет ничего, что препятствовало бы группе достигнуть Первой, Второй или последней шестерёнок снова. «Rolling Stones» долгие годы танцевали между шестерёнками. Мадонна (Madonna) взбиралась на Большую Шестерёнку, по крайней мере, три раза. А Сантана (Santana) примерно в 1969-ом

году провёл несколько лет на Второй Шестерёнке, затем катался по кругу на Ленте Конвейера в течение многих десятилетий прежде, чем его альбом “Supernatural” вдруг достиг каждой шестерёнки, пока это не вытянуло его на вершину.

В следующих главах мы также увидим, как «Motley Crue» возвратились на Ленту Конвейера, как они снова достигли шестерёнок и как они были сокрушены и разбросаны механизмами, как никогда прежде, что привело их к тюремным камерам, больничным койкам, бракам со знаменитостями и к ещё более наихудшим последствиям.

Ссылки

Dannen, Frederic, «Hit Men». Vintage Books, 1991.

Kravilovsky, William M., and Sidney Shemel, «This Business of Music». Billboard Books, 1995.

Sanjek, Russel, «Pennies from Heaven: The American Popular Music Business in the Twentieth Century». Da Capo, 1996.

Whitburn, Joel, «Top Pop Albums: 1955–2000». Record Research, 2000.

Guns N’ Roses, «The Spaghetti Incident?» Geffen Records, 1992.

От тех же авторов вскоре ожидается

“Развод и «Теория Скачивания»: Исследование системы беспроводной связи, которой пользуются все женщины, позволяющей вести постоянное телепатическое наблюдение за действиями своих супругов”.

Глава вторая

ДУГ ТАЛЕР

«В КОТОРОЙ БЫВШИЙ МЕНЕДЖЕР “MOTLEY CRUE” СО ВСЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ И ТОЧНОСТЬЮ ВСПОМИНАЕТ ХРОНИКУ ЖЕСТОКОЙ МЕСТИ, КОТОРУЮ БОЛЬШАЯ ШЕСТЕРЁНКА ОБРУШИЛА НА НАШИХ ГЕРОЕВ»

Ронни Джэймс Дио (Ronnie James Dio) изменил мою жизнь дважды. В первый раз, когда я закончил Кортландский Университет в Нью-Йорке (Cortland State in New York) в 1967-ом и присоединился к его группе «Ronnie Dio and the Prophets». По дороге в Грэйт Баррингтон, штат Массачусетс (Great Barrington, Massachusetts), мы на нашем фургоне столкнулись лоб в лоб с другой машиной, и я чуть было не потерял ногу. Я лежал на вытяжке в клинике в Хартфорде (Hartford), когда получил мою повестку во Вьетнам (Vietnam). Я посмотрел на врача, и он сказал, чтобы я не беспокоился: мне не грозило попасть на эту войну.

Годы спустя, летом 82-го, я работал в Манхэттене (Manhattan), занимаясь организацией туров в компании «Contemporary Communications Corp.», когда мне позвонил Том Зутот (Tom Zutaut). Он сказал, что подписал этих «Motley Crue» на «Электру» и хотел бы поместить их в тур с «Aerosmith». Он намекнул, что есть возможность стать их менеджером. Однако я только что подрядил для «Aerosmith» своих старых добрых клиентов «Pat Travers», так что Зутоту не повезло. Кроме того, Дэвид Крэбс (David Krebs) — глава нашей компании — не думал, что для компании, находящейся в Нью-Йорке, имеет смысл брать клиента из Лос-Анджелеса.

Однажды я уже слышал о «Motley Crue» ещё до того, как мне позвонил Зутот, когда Эрнандо Кортрайт (Hernando Courtright) из «A&M Records» показал мне пластинку, выпущенную фирмой «Leathur Records», под названием “Too Fast for Love” и сказал, что он в восторге от этого и хочет подписать эту группу. Фотографии на обложке, которые, как я узнал позже, были сделаны свадебным фотографом, который прилепил парням накладные волосы, были просто смехотворными. Это выглядело настолько комично, что я не придал им особого значения.

Именно тогда Ронни Джэймс Дио вернулся в мою жизнь. Он рассказал мне о группе с роскошным барабанщиком, который ему понравился. В то же самое время менеджер «Pat Travers», Док

МакГи (Doc McGhee), пожелал, чтобы я присоединился к его компании. Я принял его предложение, полагаясь на слепую веру, т. к. я никуда не продвигался в своей прежней должности. Первое, что Док и я сделали вместе, это отправились в Лос-Анджелес, чтобы посмотреть на эту группу, о которой говорил Дио. Это снова были «Motley Crue», и они сразили нас наповал. Они совсем не выглядели такими убогими, как при первом моём впечатлении. У вокалиста был уникальный голос и неукротимая энергия, музыка имела большую тенденцию к популярности, а шоу было просто невероятным. Это был сплошной хит в действии: можно было привезти их в любую точку Мира, поставить перед публикой, и они уделали бы кого угодно. Как только я увидел их, мне сразу стало понятно, что вся работа, которую я делал прежде в этом бизнесе, была похожа на учёбу в колледже, поэтому теперь я точно знал, что делать с этой группой.

С начала тура группы с «Kiss» этическая сторона моей работы материализовалась самым неожиданным образом. Парни превратились в настоящих животных. С Винсом, носящимся по всей сцене, и Никки, изображавшим из себя плохого парня, они устраивали такое нокаутирующее шоу, что отодвигали на задний план «Kiss». На протяжении туров «Shout», «Girls», «Theatre» и первые две трети «Feelgood», за исключением только двух или трех выступлений, группа была так неизменно хороша живьём, что в тот или иной момент волосы на загривке вставали дыбом во время каждого их выступления.

Но управление этой группой за сценой никогда не было легким занятием. Это — четыре испорченных индивида. Винс — калифорнийский сёрф-рок-парень, павлин из павлинов, которому никогда не нужно было по-настоящему работать для своей славы. Думаю, что неприязнь к нему началась после того, как произошла автокатастрофа с Раззлом (Razzle), т. к. группа была вынуждена из-за него давать благотворительные концерты, а он уходил в запои и трахался направо и налево, ставя тем самым под удар будущее группы. Тем не менее, справедливости ради нужно сказать, что никто в то время не осознавал алкоголизм как болезнь.

Мик Марс был полной противоположностью Винса: парень, который всю свою жизнь вытирал дерьмо со своей головы и был благодарен за простой луч солнца, даже если бы это закончилось бы на следующий день. Никки в основном был занудой, за исключением тех моментов, когда внутри него не плескался «Джэк Дэниелс». А плескался он там почти каждый вечер. И Томми, который был похож на маленького ребенка, бегающего вокруг в поисках тех, кто мог бы заменить ему отца и мать. Он

мог быть самым милейшим и добрейшим или же самым избалованным и надоедливым ребенком в Мире. Но это присутствовало всегда: либо поведение Винса, либо наркомания Никки, что подвергало группу опасности.

Тем не менее, всё изменилось, когда группа протрезвела для записи «Feelgood», который стал громадным триумфом. Сочетание новой для них трезвости, напряжённости в их браках и достижения такого уровня успеха, о котором они даже не могли мечтать, привело к тому, что в группе начали происходить изменения. Появились страхи, усталость и перепады настроения, и Томми, и Винс снова начали пить. Никки, который женился на девочке, которую он даже едва мог видеть, потому что был всегда занят, стал по-настоящему неприятным, чтобы иметь с ним дело. Каждый дышал ему в задницу, и он начинал им верить. С высоты своей значимости он был гением маркетинга, но теперь он звонил в офис в бешенстве от того, что его плотник, видите ли, считает, что «Feelgood» должен был продаться количеством в семь миллионов копий, вместо всего четырёх с половиной. И не было ничего, что мы могли бы сделать или сказать, чтобы успокоили его.

Я хотел, чтобы у группы было много времени для работы над их следующим альбом. Я знал, что будет очень трудно написать продолжение «Dr. Feelgood», и был шанс, что в ожидании записи они смогут получить новый контракт с «Электрой», что позволит им заработать двадцать пять миллионов долларов. В то же самое время, они нуждались в отдыхе, чтобы повидаться со своими новыми детьми: в течение нескольких месяцев у Винса и Шариз родилась их первая дочь Скайлэр (Skylar), а у Никки и Брэнди — их первый сын Ганнер (Gunner). Томми же упустил момент, хотя он по-настоящему начал задумываться о том, чтобы заиметь собственного ребенка с Хизер.

Пока обсуждались условия нового контракта с «Электрой», отношения в группе становилась всё более непрочными. Винс снова начал пить. Он приезжал на репетиции нового альбома в хлам, а затем рано уезжал, потому что по пути домой ему нужно было перепихнуться с какой-нибудь порно-звездой. К весне 1991-го я вынужден был позвонить ему и сказать, что он может не появляться на репетициях до тех пор, пока у него не появиться желание работать вместе. Поэтому Винс, прихватив с собой какую-то порно-звезду, улетел на Гавайи, не сказав нам ни слова, и опустошал там все свои кредитные карточки до тех пор, пока ему не пришлось возвратиться домой, где его с нетерпением ждала Шариз, чтобы убить. Он быстро успокоил её — он был настолько хорош, что, если бы вы вошли в вашу спальню и

увидели, как он трахает вашу жену, он за пять минут мог убедить бы вас в том, что вам всё это померещилось. Затем он сел в самолет до Тусона (Tucson — город в штате Аризона) и лёг на обследование в реабилитационную клинику.

Все мы летали туда и встречались с Винсом, уговаривая его сделать для себя группу приоритетом и объясняя, что мы будем поддерживать его столько, сколько потребуется. Винс поклялся, что он приехал туда не просто так, и обещал сделать над собой усилие.

Позже мы играли на фестивале «Monsters of Rock» в Европе с «AC/DC», «Metallica» и «Queensryche», и это был первый раз, когда от их выступления не пробежал по спине приятный холодок. Хотя у них было так много хитов и они должны были размазать практически все остальные группы по сцене, что-то отсутствовало: они больше не были искренними, и плёнки с фонограммами, которые они использовали для замены своих бэк-вокалисток, звучали в толпе очень фальшиво.

По возвращении домой, когда вышел «Decade of Decadence», Никки начал проводить половину ночей в гостиницах из-за того, что он дрался со своей женой. Винс, тем временем, пропадал на гоночных попойках. Казалось, это всегда было его большим увлеченицем (a great little hobby), пока какой-то придурок в Лонг-Бич (Long Beach) не убедил его участвовать в гонках серии «Инди Лайтс» (Indy Lights team), где я был уверен, что какой-нибудь водитель, увидев эту рок-н-ролльную задницу на своём пути, попытается его убить. Он начал проводить свои уик-энды на конференциях гоночного клуба, где, как мы слышали в репортажах, он всю ночь пил.

Я посадил их в студию в декабре 1991-го с графиком: две недели работы, две недели отдыха. Но каждый раз, когда я навещал их в студии, Винса там не было. Он покидал студию через нескольких часов после начала репетиции, утверждая, что он слишком устал, чтобы петь.

Наконец, в феврале, группу это начало бесить.

Глава третья

НИККИ

«ВСЕ, ЧТО БЫЛО КОГДА-ТО ВЕЛИКИМ, СМЫТО ДОЖДЁМ»

В понедельник начались наводнения. Воды хлынули на автостраду Вентура (Ventura freeway), затопили Сепульведа Бэйсн (Sepulveda Basin), убили шесть человек и оставили более сотни людей висеть на телеграфных столбах и антеннах, спасая свои жизни. По радио губернатор Пит Уилсон (Pete Wilson) об'явил чрезвычайное положение и сказал, что мы находимся в центре самого страшного урагана за последние сто лет. Как бы там ни было, для меня и Томми это не имело никакого значения. Мы два часа добирались от Уэстлэйк Вилладж (Westlake Village) до Бёрбанк (Burbank), чтобы попасть на репетицию, в то же самое время у Мика, который находился где-то в горах, была ещё более изнурительная поездка. Мы встретились в холле студии и ждали Винса. В телевизионных новостях мы наблюдали, как люди выплывают из своих автомобилей на Бёрбанк Бульвар (Burbank Boulevard). Прошёл час. Другой. Третий. Четвёртый. Мы звонили Винсу каждые полчаса, но всякий раз его номер был занят.

То, что в тот день мы все прорвались сквозь бурю только для того, чтобы приехать на репетицию, и после этого вынуждены были ждать Винса — который жил всего в половине того расстояния, которое пришлось преодолеть нам — нас всё больше начинало бесить. Это был решающий альбом — продолжение к самому большому успеху, который мы когда-либо имели — и он, казалось, не относился к этому серьезно. Он начал брать четверги и пятницы, чтобы уехать на гонки, а возвращался обычно поздно в понедельник. Поэтому каждую неделю у нас было, самое большее, два с половиной дня для работы в студии, т. к. его там никогда не было.

Наконец, Майк Амато (Mike Amato), который сменил Рича Фишера (Rich Fisher) в качестве тур-менеджера, послал Винсу факс, в котором говорилось, чтобы он немедленно тащил свою задницу на репетицию. Пятнадцать минут спустя в студии зазвонил телефон.

“Мужик, я сожалею”, сказал он.

“Где ты был? ” спросил я. “Мы пытались дозвониться до тебя целых четыре часа. Что за фигня?”

“Я знаю. Телефонные линии оборваны”.

Это вывело меня из себя. “Телефонные линии оборваны? Тогда как, чёрт побери, прошёл факс? Ты просто снял трубку с рычага, чтобы не отвечать на звонки, мать твою! Несмотря на наводнение, мы все приехали, чтобы быть здесь, а ты не мог даже побеспокоиться об этом!”

“Чувак, успокойся. Я думал, что репетицию отменили в связи с наводнением и всем прочим”.

“Хорошо, но её никто не отменял. Поэтому мы хотим видеть твою задницу здесь прежде, чем мы по-настоящему разозлимся”.

Пока мы ждали, когда он приедет, кто-то в студии сказал, что прошлой ночью в три часа он видел Винса на улице совершенно никаким. Была ли это правда или нет, не имело значения. Разговор с ним уже обещал быть не из приятных. За исключением Мика, мы все снова начали пить, но Винс был единственным, кто при этом не делал свою работу, кто всё время попадался на этом и постоянно лгал. К тому времени, когда он приехал, в наших умах уже зародились семена той мысли, что он мешает нам двигаться вперёд.

Возможно, если бы Винс вошел и извинился за то, что он накануне поздно вернулся домой и поэтому проспал репетицию, всё бы было прекрасно. Но он этого не сделал.

“В чём дело, чёрт побери!?!” с раздражением заорал Винс, когда дверь в холл распахнулась. Он стоял на пороге весь мокрый и угрюмый.

“Знаешь что?” сказал я. “Мы снова ведём переговоры по поводу нового вокалиста. Мы погружены в работу, и мы хотим находиться здесь. Этого бы не случилось, если бы у тебя было желание присутствовать здесь, а мы вынуждены каждый день силком вытаскивать тебя из кровати, потому что ты всю ночь бухал”.

“Возможно, я и вошёл бы в работу с большей охотой, если бы мне нравился материал”.

“Хорошо, ты мог кому-нибудь сказать об этом”.

Томми больше не мог сохранять спокойствие: “Может быть, материал нравился бы тебе куда больше, если бы ты хоть иногда появлялся в студии, чтобы поучаствовать в его создании. Каждый раз, когда ты, мать твою, приходишь, чувак, ты постоянно смотришь на свои часы, потому что тебе нужно ехать на грёбаный турнир по гольфу или в школу автогонщиков. Что, чёрт возьми, происходит?”

“Я смотрю на свои часы, потому что я не выдерживаю находиться здесь. Альбом абсолютно тупой. Из-за клавишных, которые вы накладываете, мы звучим теперь, как педики” (sound like pussies).

“Винс, мы используем клавишные с 83-го года”, выпалил я в ответ.

Какая-то чушь прилетела от него обратно, и дальше, как в теннисе, пока он, наконец, не швырнул свою ракетку в сетку. “Я не собираюсь оставаться здесь и выслушивать всю эту ерунду!” проорал он нам. “Я ухожу отсюда, мать вашу! Я увольняюсь!”

Он рванул к двери и на пороге оглянулся. “Позвоните мне, если передумаете!”

Он говорит, что его уволили, я говорю, что он ушёл сам. В любом случае, его голова лежала на колоде для рубки мяса, и он дал нам хорошее оправдание, чтобы опустить топор.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, я понимаю, что мы погорячились. После выхода «Feelgood» и «Decade of Decadence» мы гастролировали без остановки, а затем нас забросили назад в студию без какого-либо перерыва. Не знаю, был ли виноват в этом менеджмент или лейбл, или наша собственная ненадежность, но мы продвигались слишком тяжело. Кто-то должен был просто вмешаться, понять, что мы находимся под слишком большим давлением, и дать нам месяц поваляться под солнышком где-нибудь на Багамах (Bahamas). Винс не был проблемой: он был просто козлом отпущения. Но «Motley Crue» всегда были похожи на гоночный автомобиль в ожидании старта, как только мы видели зеленый свет, мы топили педаль газа в пол и выстреливали через шлагбаум так быстро, что у нас не было времени, чтобы оглянуться назад. Пока не становилось слишком поздно.

Глава четвёртая

ДУГ ТАЛЕР

«ГДЕ НЕИЗВИНЯЮЩИМСЯ ТОНОМ УПУСКАЮТ ПОСЛЕДНЮЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДОТВРАТИТЬ ТРАГЕДИЮ»

Встречу назначили в доме Никки на утро среды, 12-го февраля 1992 года. Там были Чак Шапиро (Chuck Shapiro), Дэвид Рудич (David Rudich), Мик, Никки и Томми. Винсу накануне вечером никто не позвонил, и он не был приглашен. Наверное, мне следовало бы позвонить ему, но я не знал, что ему сказать, т. к. не вполне понимал, что именно происходит. Мы пытались препятствовать тому, чтобы группа избавилась от Винса. Они только что получили свой контракт на сумму 25 миллионов долларов, и коль уж «Электра» выбрала их, то если Винс уйдёт, это вызовет тревогу у представителей фирмы и они могут денонсировать сделку, что послужило бы провалом всей их карьеры.

Но Томми и Никки настаивали: их тошнило от Винса, и они не намерены были терпеть это дальше. Они взяли слово, и их мнение было единодушным: Винс уходит. Я приехал в офис, рассказал сотрудникам о том, что случилось, и сел за свой стол. Спустя несколько минут зазвонил телефон. Парень по имени Тони (Tony) представился и сказал, что он адвокат и совладелец клуба «Roxy».

“Ваш клиент, Винс Нейл, был в моем ночном клубе в субботу, где праздновал свой день рождения”, расстроенным тоном начал Тони. Он продолжил об’яснять, что Винс был с Робертом Патриком (Robert Patrick), актером, который играет получеловека — полуртутного злодея в фильме «Терминатор-2» («Terminator 2»), завязалась драка, которая напоминала сцену из вестерна. Летали столы, бились стаканы, и посреди всего этого Винс разбил бутылку и порезал лицо менеджеру «Roxy». Его вышвырнули из клуба, орущего, что они не имеют права этого делать.

“Так что вы видите мою проблему”, продолжал Тони. “Причинён большой ущерб. Потребуется, по меньшей мере, пятьдесят тысяч долларов, чтобы привести помещение в порядок, чтобы оно снова могло функционировать, и я не хотел бы выдвигать какие-либо обвинения по поводу пьяного дебоша или вандализма против вашего клиента”.

Я выслушал всё это, а затем ответил. “Я не знаю, как вам это

лучше сказать. Но вот уже два часа, как это — больше не моя проблема”.

Я повесил трубку и моментально почувствовал, как гора упала с моих плеч.

Глава пятая

МИК

«О ТИПИЧНО НЕМНОГОСЛОВНОЙ РЕАКЦИИ МИКА НА ПОТЕРЮ, О КОТОРОЙ УЗНАЛ ВЕСЬ МИР, КОТОРЫЙ, КАК ОН ВСЕРЬЁЗ ПОЛАГАЛ В ДЕТСТВЕ, ЯВЛЯЕТСЯ ПЛОСКИМ, НЕСФЕРИЧЕСКИМ ОБ'ЕКТОМ»

Я забыл, что произошло. Думаю, Никки рассердился на Винса за то, что тот опаздывал, и ему пришлось посылать факс или что-то вроде этого. Напряженность была опасной, и она нарастала годами. У каждого человека в Мире есть свои преимущества и недостатки. И я считаю, что мы совершили ошибку, начав фокусироваться на недостатках каждого из нас, вместо того, чтобы больше обращать внимание на его лучшие стороны и то, какой вклад он внёс в группу.

Когда Винс приехал на репетицию, он был безумно высокомерен. И Никки не уступал ему в том же. Хотя я тоже в последнее время не испытывал удовольствия от общения с Винсом, но для меня не имело значения, присутствует он на репетиции или нет. Я работал над музыкой, а вам необходимо сначала закончить музыку, прежде чем вы даже подумаете о добавлении вокалов.

Глава шестая

ДЖОН КОРАБИ

«ОБ ОСЛОЖНЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ, КОГДА ЖЕНА РАБОТОДАТЕЛЯ ПРЕДЛАГАЕТ НАШЕМУ ГЕРОЮ, НАХОДЯЩЕМУСЯ НА ИСПЫТАТЕЛЬНОМ СРОКЕ, ВОЗМОЖНОСТЬ НАРУШИТЬ ОДНУ, ВОЗМОЖНО ДАЖЕ ДВЕ, ИЗ ДЕСЯТИ ЗАПОВЕДЕЙ БОЖЬИХ»

Стивен Тайлер (Steven Tyler) сказал мне, что я — парень в цирке, которым собираются выстрелить из пушки. И именно так я себя и ощущал. Я надел свой защитный шлем, повязал на шею плащ супергероя, залез в ствол и ждал, в то время как трое служителей манежа (ringmasters) суетились где-то позади меня, поджигая фитиль. Пока я летел, рассекая воздух, не было никакого другого чувства, с которым это могло бы сравниться. Это был самый счастливый момент в моей жизни. Но когда я приземлился, то испытал такую боль, о которой не знал никогда прежде.

Всё началось с журнала «Spin». Никки Сикс сказал в интервью репортёру, что он — большой поклонник первого альбома, “Let It Scream”, моей группы «Scream». Я никогда не был большим фанатом «Motley Crue», у меня не было никаких их альбомов, и я не видел ни одного их концерта — но я хотел позвонить ему и поблагодарить за то, что он упомянул мою группу. У меня также был скрытый мотив: выяснить, не хочет ли он написать со мной несколько песен для следующего альбома «Scream».

Мой менеджер дал мне телефон офиса Дуга Талера. Я позвонил, и мне ответила его секретарша, Стэфани (Stephanie). Я представился и сказал ей, что хотел бы сказать Никки, что высоко ценю его слова. Я ожидал, что она сбросит меня с линии, как навязчивого фаната, но вместо этого повисла неловкая пауза, словно она была взволнована тем, что я позвонил. “Гм, пожалуйста, оставьте ваш номер, где вы…”, она запнулась. “… И я передам ему, ваше сообщение”.

Я повесил трубку и начал готовиться к нашему выступлению, которое должно было состояться тем вечером в Орэндж Кантри (Orange County), последнему в нашем совместном туре с «Dangerous Toys». Я оставил записку и цветы для моей жены Валери (Valerie), т. к. это был День Святого Валентина (Valentine’s Day), и взял ключи от своего «Форда Таурус» («Ford Taurus»), за

который мне предстояло ещё два года погашать кредит. Пока я закрывал за собой дверь, зазвонил телефон. Я запер дверь, затем передумал, отпер её и помчался к трубке.

“Привет, как дела, мужик, это Никки Сикс”.

“…и Томми, чувак!”

Я совсем не ожидал, что он перезвонит мне, не говоря уже о том, что это произойдёт так скоро. “Гм, привет, как дела?” спросил я, неуверенный, была ли это какая-то шутка или нет.

Мы поболтали немного о статье в «Spin», а затем Никки прервал меня. “Есть дело. Ты должен пообещать, что никому ничего не скажешь, т. к. мы ещё не сделали официального заявления, но Винс покинул группу. Поэтому Томми и я хотели поинтересоваться, не хочешь ли ты как-нибудь заскочить к нам и поджемовать вместе”.

“Вы имеете в виду прослушивание для вас, парни?”

“Ну да, прослушивание. Типа того”.

“Хорошо, мужик. Конечно. Без проблем. Гм, спасибо”.

Я позвонил своему менеджеру и спросил, что мне делать. Он сказал, чтобы я играл концерт со «Scream» тем вечером и хранил всё в тайне, пока не выяснится, что же происходит на самом деле. Я встретил группу в клубе, мы отстроили звук (sound-checked), и я сказал им, что разговаривал с Никки и поблагодарил его за то, что он упомянул наш альбом. Это было всё, что я сказал.

Перед выступлением мы заехали на «KNAC» (лос-анджелесская хэви-метал-радиостанция) для радиоинтервью и акустического сэта. Когда мы вышли в эфир, кто-то вручил ди-джею Лонг Полу (Long Paul) клочок бумаги. Он прочитал его, поднял свои брови и об’явил, “Нам только что пришёл факс. В нём говорится, что «Motley Crue» избавились от Винса Нейла. Вы можете в это поверить?”

Никто из нас не ответил. Вместо этого вся группа повернула головы и уставилась на меня. Они догадывались, что что-то происходит. Но я прикинулся дурачком. “Вы серьёзно?” спросил я. “Они избавились от него?”

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ МОЕ ВРЕМЯ пришло. Прослушивание. Я понятия не имел, как я собираюсь это осуществить, т. к. помимо моей полной некомпетентности относительно материала «Crue», голос Винса был намного выше моего. У него был высокий и чистый, а мой — мрачный и скрипучий. Когда я вошёл в студию на Бербанк, они уже были там. Загадочные, они джемовали на тему песни “Angel” Джими Хендрикса (Jimi Hendrix). Это звучало громко, грязно и поразительно. Они были крепкой группой. И у них было так много оборудования в комнате, что это напоминало

«Guitar Center» (сеть магазинов по продаже музыкальных инструментов).

Чтобы сломать лёд, я сказал им, что хотел раздеться и прийти на прослушивание голым. Это была глупая ремарка, но Томми засмеялся. “Чувак, тебе так и надо было поступить! Это было бы потрясающе!”

Я выдохнул и расслабился. Мне понравились эти парни. Я не был хорошо знаком с их песнями, но в моем родном городе Филадельфия (Philadelphia) я переиграл более чем в пятидесяти кавер-группах, так что я знал все каверы, которые они сделали. Мы начали с “Helter Skelter”. Я схватил микрофон, начал петь, но после первой же строфы они вдруг прекратили играть.

Мои легкие застыли, я ждал, что меня сейчас вышибут из комнаты.

“Чувак, это просто чума”, сказал Томми и рассмеялся, не веря собственным ушам. Ему понравилось.

Мы закончили “Helter Skelter”, а затем ещё глубже погрузились в каверы — “Jailhouse Rock” и “Smokin’ in the Boys Room”. Они вручили мне лирику “Dr. Feelgood” и “Don’t Go Away Mad”. Томми пребывал в приятном возбуждении, потому что это звучало настолько тяжелее, чем обычно — скрежещущий голос и вторая гитара, но Никки и Мик хранили молчание. Они сказали, что должны будут порепетировать с другими певцами на следующий день, и я должен был прийти позже.

Когда я пришёл на второе прослушивание, там были Дуг Талер, Чак Шапиро и Дэвид Рудич. Рудич, адвокат группы, усадил меня и начал нести какую-то юридическую околесицу, в которой я ничего не понимал, а затем мы снова прошли те же самые песни. После этого, «пиджаки» пожали мне руку и поблагодарили за то, что я заглянул. Всё это выглядело сухо, деловито и осторожно, чтобы не показать никаких эмоций, ни положительных, ни отрицательных.

“Чёрт”, сказал я группе после того, как «пиджаки» удалились. “Мы здесь всего сорок пять минут. Хотите поджемовать, парни, или как?”

Мик и я какое-то время обменивались блюзовыми фразами, а затем я показал им риф, над которым работал. К концу репетиции мы уже написали основу одной песни, “Hammered”, и акустическую часть другой, “Misunderstood”. У Никки были какие-то новые тексты, т. ч. я пел их, а затем взял перерыв, чтобы сходить в уборную. Когда я вернулся, все трое они сидели на подиуме для ударной установки.

“Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять это”, сказал мне Томми, вставая. “ТЫ, парень!”

“Но ты всё ещё не должен никому ничего говорить”, сказал Никки. “Потому что предстоит много юридической работы прежде, чем это осуществится”.

“Я могу сказать моей жене?” спросил я их.

Они улыбнулись. “Да, конечно ты можешь ей сказать”.

Дома меня ждали Валери (Valerie) и мои друзья: там были Роберт (Robert), барабанщик моей первой настоящей группы, «Angora», со своей подругой, Джиной (Gina); и Нил Злозовер (Neil Zlozower), который фактически тоже был другом Никки, зависал со своей женой, Дэниз (Denise). У них было две бутылки «Dom Perignon» (сорт элитного шампанского). “У меня две новости: хорошая и плохая”, сказал я Валери. “Хорошая новость — я прошёл прослушивание, и это было круто. Плохая — перед вами новый певец «Motley Crue»”.

Хоть я и шутил, но фактически оказалось, что для неё это действительно были плохие новости. Я стоял, засунув голову в пасть льва, и мы оба это знали. Всё начиналось прекрасно. На следующий день группа послала Валери красивую хрустальную вазу с двумя дюжинами роз с запиской, которая гласила, “Добро пожаловать в семью”. Но по мере того, как продолжались репетиции, я начал бывать дома всё реже и реже, что было особенно тяжело для Валери, т. к. нашему сыну только что был поставлен диагноз — диабет. Никки мог завалиться в наш дом с одной спальней совершенно пьяным после драки с Брэнди и пробурчать, “Так, Краб (Crab), или ты идёшь со мной, или ты уволен”. Или Томми заезжал за мной на лимузине посреди ночи, и мы вместе отправлялись делать татуировки. Я решил наколоть название альбома, “Till Death Do Us Part”, у себя на руке, но вскоре они изменили его на просто “Motley Crue”.

Однажды ночью я вытащил Валери вместе с нами, и она была не слишком рада, когда увидела, что все эти тёлки роились вокруг нас, словно мухи вокруг дерьма. Мы закончили тем, что приехали в «Мондриан Отель» («Mondrian Hotel»), и Никки снял для себя номер, потому что не хотел ехать домой. Я ждал в «Скай Баре» («Sky Bar») внизу с Валери, которая была так пьяна, что уснула. Пока я был в уборной, она проснулась и подумала, что я ушел в номер Никки, поэтому она пошла меня разыскивать. Когда я вернулся из уборной, кто-то в баре сказал мне, что она ушла наверх. Так что мы целый час преследовали друг друга по всему отелю до тех пор, пока, наконец, в дверь номера Никки, где я находился в тот момент, не постучали. В коридоре, держа мою жену, стоял охранник отеля. “Эта женщина говорит, что она замужем за Джоном”, сказал он, держа её за шею, словно пьяную шлюху. “Мне вышвырнуть её?”

“Валери!” закричал я, и охранник отпустил её. Она пролетела через всю комнату и по-девчачьи ударила меня кулаком в лицо. Я покраснел от гнева, схватил её, спустился с нею вниз и бросил её в машину. Всю дорогу домой мы дрались.

Мы жили в скверном районе, и люди, как, например, Томми, боялись, заезжать к нам, потому что частенько слышали там стрельбу. Однажды вечером я пошел в «7-Eleven» (сеть продовольственных магазинов), чтобы купить молока. По пути домой ко мне подскочили три мексиканца. Один ударил меня пистолетом по затылку, а другой нанёс мне несколько ударов большой отверткой в руку и в спину. Странно, они сорвали только украшения с моей шеи, но не тронули мой бумажник. Я приковылял домой весь в крови и рухнул на пол в гостиной. Я был расстроен: ко всему прочему я забыл на улице молоко.

Когда группа услышала о том, что произошло, они одолжили нам с Валери денег, чтобы мы могли переехать в Таузенд Оукс (Thousand Oaks — один из самых безопасных городов не только в Калифорнии, но и в США в целом), где были намного лучшие школы для детей. Парни также добавили к этому новенький «Харлей» («Harley-Davidson Heritage Softtail Classic»), чтобы мы могли вместе кататься. Но для Валери и меня было уже слишком поздно.

Я встретил Валери, когда мне было восемнадцать, и я играл в кавер-группе с её братом. Два года спустя мы уже были женаты, и у нас рос сын. Следующие четырнадцать лет я провёл, будучи мужем и отцом, подрабатывая в рок-группах. Но, стоя в пасти у льва, которым были «Motley», я глядел в черную, зияющую яму и видел много сумасшедшего, декадентского дерьма, которое прошло мимо меня за все эти годы моего брака. Вдобавок ко всему, как новый фронтмен этой зверюги, я должен был быть больше, громче и порочней остальной части парней. Ни Валери, ни я не знали, как справиться с тем, что происходит, и, после стольких лет испытаний нищетой и всякими невзгодами, мы позволили богатству разлучить нас.

По каким-то причинам все браки в группе разваливались: Мика, Никки, Томми, мой и даже Винса. Как раз перед тем, как Валери и я развелись, мы с группой зависали в Каталине (Catalina). В поле слышимости Мика, его жена Эми подошла ко мне, схватила мою руку, и прошептала что-то о кооперативном доме, который был у неё с Миком в Марина дель Рэй (Marina del Rey). Я не был уверен, пыталась ли она сдать мне его в наём, заставить меня выкупить его для неё или пригласить меня провести там ночь.

Я поблагодарил её за любезное предложение и отвернулся. Я

всего лишь месяц был в группе, и не знал, что мне делать. Я не хотел, чтобы кто-то из них подумал, что я приударяю за одной из их жён. Но после этого каждый раз, когда я видел Эми пьяной, она начинала говорить о том, как её экстрасенс сказал ей, что красивый мужчина с вьющимися темными волосами войдёт в её жизнь. В следующий раз, когда я увидел Томми и Никки, я сказал им, “Послушайте, это шанс всей моей жизни, и я не хочу его упускать. Но я думаю, что жена Мика втюрилась в меня. Я только хочу, чтобы вы знали, что если это когда-то станет проблемой между Миком и мной, вы будете знать, что я невиновен настолько, насколько этим озабочена его жена”.

Брак Мика не продлился долго после этого. Он один из самых милейших людей, которых я когда-либо встречал в музыкальном бизнесе; но именно потому, что он такой замечательный и никогда не хочет никому создавать проблем, он обычно заканчивает тем, что его попросту трахают. В случае с Эми, у неё была группа под названием «Alice in Thunderland», и Мик купил для них «маршальские» стеки, басовые колонки, новую ударную установку, «Flying V» (название модели гитары фирмы «Gibson») для гитариста и много студийного времени. После этого, пока он был в Ванкувере (Vancouver), работая над альбомом «Motley», он начал подозревать, что его жена спит с гитаристом, которому он только что купил «Flying V».

Мик был настолько пассивен, что, когда его жена спросила, может ли она насовсем переехать в тот дом на пляже в Марина дель Рэй, он позволил ей это сделать. Сам же он остался в своём старом доме, а я переехал в гостиницу, потому что я, наконец, развёлся с Валери. Эми, казалось, хотела получить всё, и Мик вынужден был отдать ей это, кроме, пожалуй, самого ценного своего имущества — себя самого.

Готовые начать запись нового альбома, мы прилетели обратно в Лос-Анджелес, чтобы обсудить с Бобом Роком наши идеи. Однако в день встречи я не мог найти никого из группы. Я приехал к дому Томми со своим сыном и увидел на дороге автомобиль Никки, поэтому я подумал, что встреча проходит без меня. Когда никто не ответил на звонок, я перелез через забор и начал колотить во все двери. Наконец, появились Томми и Никки — они были пьяны вусмерть (hammered). Все, что вы могли видеть на Никки, были черные волосы и ряд усмехающихся белых зубов. “Чёрт, брат, что ты здесь делаешь?” спросил Томми.

“Что со встречей?” спросил я.

“Ай, чувак, мы как раз ждём, когда сюда приедет Боб Рок”.

Оказалось, что накануне ночью Никки и Томми выбрались погулять со своими жёнами. Они вместе выпили по бокалу вина,

затем решили покурить “травки”. Одно за другое, и в итоге они закончили тем, что отправили своих жён домой, а сами тем временем позвонили своему старому дилеру, заказали два эйтбола (eightballs) и всю ночь маньячили (fiended), готовя кокаин в туалете Никки, пока оба не отрубились.

Когда Рок (Bob Rock) появился в полдень, его глаза чуть не вылезли из орбит от ужаса. Когда он в последний раз видел Томми и Никки, они были трезвые, но теперь от них сильно пахло алкоголем, с носов у них текло от кокаина и они не могли даже связать двух слов. Когда Никки покинул встречу и отключился на диване в соседней комнате, Рок вскинул вверх свои руки: нет никакой возможности, делать этот альбом, сказал он, пока группа не возьмётся за ум. Он уехал и насвистел Талеру и Бобу Тиммонсу, которые тут же примчались спасать положение. Но, к счастью, это была всего лишь однодневная попойка — запланированный срыв. Никки и Томми просто необходимо было выпустить пар, хотя я не знаю, действительно ли их жёны когда-либо прощали им это.

Глава седьмая

ТОММИ

«КАК ПРИКЛЮЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НУДИСТСКИМИ ПЛЯЖАМИ И С ВРАЩЕНИЕМ ГЛАЗАМИ, ПРИВОДЯТ НАШЕГО ДОБРОСЕРДЕЧНОГО ГЕРОЯ К ПОТЕРЕ ЛЮБВИ»

Чёрт возьми, это происходит каждый раз. Тёлка начинает встречаться со мной, потому что она видит, что этот татуированный чувак-рокер ведёт дикое, сумасшедшее, непредсказуемое существование, и она влюбляется в этот образ жизни. Но через какое-то время она начинает не одобрять то, что я представляю из себя на самом деле, и пытается это изменить.

Любой, кто влюбляется в меня, должен понимать, что, чёрт побери, музыка для меня — номер один. Когда вы говорите это девочке, она задается вопросом, не означает ли это, что она — номер два. Нет, мужик, Хизер тоже была номером один. У меня было два первых номера, и любая девчонка, с которой я знакомлюсь, должна привыкнуть к тому, чтобы ездить со мной на переднем сидении (riding shotgun with me), и к музыке. Потому что мне нужен партнёр, а не вожак. Так что тусуйся со мной и моей музыкой, и всё будет в порядке.

С Хизер всё было по-другому. Это был типичный брак знаменитостей: сначала мы думали, что всё просто идеально, потому что мы оба переживали известность, испытывали на себе её бремя, и думали, что нам нужно всего лишь свить гнёздышко с кем-то, кто понимал бы нашу работу и был так же занят, как мы сами. Но к концу, наша самовлюбленность и зацикленность на собственной карьере преградили нам путь (got in the way).

Мне было трудно заставить её расслабиться на людях. Когда мы совершали круиз по островам Греции, первое, что я хотел сделать, это поваляться на нудистском пляже. Поэтому, когда мы пришли туда, я скинул с себя всю одежду и нырнул в воду. Я уже приплыл обратно, а она всё ещё стояла там в своём купальнике на этом красивом острове, полном голых людей. Она так беспокоилась, что где-нибудь в скалах может прятаться фотограф, и, возможно, она была права, но лично мне в тот момент было на это наплевать. По многим причинам рядом с ней я чувствовал себя закомплексованным: она закатывала истерику всякий раз, когда я снова начинал пить, что, впрочем, было вполне обоснованным, и она наотрез не разрешила мне сделать большую

татуировку на спине, которую я очень хотел.

Я чувствовал себя особенно ограниченным, из-за того, что она хотела, чтобы я остепенился, но в то же самое время не хотела обращать внимания на другие стороны благоустройства совместной жизни. У Никки уже был ребёнок, и второй на подходе; у Винса было трое детей от трёх разных женщин; а Мик уже был грёбаным дедушкой. Я любил детей. Я ужасно хотел иметь ребёнка от Хизер. Но каждый раз она говорила «нет». Она была обеспокоена своей карьерой, и не могла позволить себе забеременеть. Кроме того, она, казалось, не любила детей: всякий раз, когда они приходили, она сердилась, потому что они прыгали по диванам или из-за того, что все руки у них были перепачканы шоколадом.

Может быть, она была слишком молода или у неё был неверный взгляд на жизнь, или, возможно, она не хотела иметь детей от кого-то вроде меня (предположение, которое меня по-настоящему задело, когда она забеременела сразу же после того, как сошлась с Ричи Самборой [Richie Sambora]), но меня это начало сильно угнетать. На протяжении многих лет я инвестировал средства в отношения, и если не было никакой возможности продвинуть их вперёд, то лучше всего было сократить свои потери. Когда я родился, мой папа был уже настолько стар, что он с трудом мог играть со мной в бейсбол. Я же хотел быть достаточно молодым, чтобы бегать повсюду со своими детьми, иметь те же интересы, что и они, не отставать от них и быть частью их жизни, пока они не вырастут.

Когда я влюблен, у меня на глазах будто шоры. Я даже не смотрю на других женщин. Но как только я начал переоценивать свой брак с Хизер — также, как я уверен, она переоценивала меня — мои глаза начали блуждать. После того, как ваши глаза начинают блуждать, начинают блуждать ваши мысли. А после того, как начинают блуждать ваши мысли, начинают блуждать ваши руки. Ну, а после того, как начинают блуждать ваши руки, это всегда заканчивается плохо. Мы выдержали семь лет сумасшествия — пройдя через взлёты и падения наших карьер, через мою безумную наркотическую и алкогольную зависимость и грёбаную пытку реабилитацией, через оглушительный успех «Dr. Feelgood» — и было что-то, что нам необходимо было сказать друг другу. Но мы слишком затянули с этим, долго взвешивая все «за» и «против».

Странно, после того, как Хизер и я расстались, несколько пьяных козлов вышибли дерьмо из нас с Кораби, когда мы шли по улице. Когда я, выздоравливая, лежал в кровати в отеле, у моей двери послышался шум, я взглянул и увидел Хани (Honey),

прорвавшуюся в мой номер. Это был первый раз, когда я увидел её спустя девять лет. Она подошла к кровати, склонилась над ней, сделала мне минет и ушла, не сказав ни слова. С тех пор я её больше не видел.

Пока я лежал там после этого сконфуженный и опустошённый, я вдруг понял, насколько одинок я был без Хизер, потому что после семи лет брака вы оглядываетесь вокруг в поисках ваших друзей и понимаете, что они давно ушли. Но в то же самое время я был взволнован. Я был готов влюбиться снова, но не в ещё одну девчонку, а в музыку. Была целая новая школа групп, которые появились на свет — жёсткое, тяжелое дерьмо, вроде «Pantera» и «Prong» — и с уходом Винса и приходом такого татуированного падла (dirtbag), как Кораби, у нас, наконец, появились средства и инструменты, чтобы войти в это реальное дерьмо.

Глава восьмая

ДЖОН КОРАБИ

«НОВИЧОК, НАД КОТОРЫМ ЗЛО ПОДШУЧИВАЮТ ЕГО СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ, ОБНАРУЖИВАЕТ ИХ ИСТИННУЮ СУЩНОСТЬ ПОСЛЕ УНИЗИТЕЛЬНОЙ НОЧИ В РУКАХ ГОРОДСКИХ ПРОСТИТУТОК»

После попойки Томми и Никки они обязались вести трезвый образ жизни, так как хотели повторить успех «Dr. Feelgood» с Бобом Роком в Ванкувере (Vancouver). Такого понятия, как «золотая середина», для них не существовало. Мало того, что были запрещены алкоголь и наркотики, но также под запрет попали красное мясо, сигареты и кофеин. Целыми днями мы трескали витамины, а по утрам занимались с тренером.

Но неизбежно случались ночи, когда мы слетали с катушек (fell off the wagon). В первый раз это произошло, когда нас навестил Снэйк (Snake) из «Skid Row». Томми, Никки, Снэйк и я завалились в стрип-клуб, а затем в местный бар. Никки, который был уже абсолютно никакой, спросил у официантки, сколько стоит «камикадзе» («kamikaze» — коктейль на основе водки). Она сказала ему, что он стоит три с половиной бакса. Тогда он сунул руку в свой кармана, вручил ей горсть мятых банкнот и сказал, “Я хочу столько «камикадзе», на сколько здесь хватит денег”.

Пятнадцать минут спустя прибыла группа официанток с девятью подносами «камикадзе», которые они выстроили на нашем столике. Мы пили их до тех пор, когда в нас уже перестало вливаться, а затем погрузились в наш фургон. “Краб”, спросил меня Томми, “Ты когда-нибудь был с проституткой?”

“Нет”, икнул я.

“Ладно, тогда давай возьмём тебе проститутку”.

Жизнь была настолько нормальна и легка, когда эти парни были трезвые, но когда они были под кайфом, они могли втиснуть целую жизнь, полную приключений, погромов и декаданса, в двенадцатичасовой промежуток времени. По пути на Ричардс Стрит (Richards Street — улица в Ванкувере), где собирались проститутки, мы сложили все наши деньги. У меня было сто долларов, у Томми — восемьдесят, у несчастного Снэйка — шестьсот, а у Никки было двенадцать долларов, оставшихся от пирушки с «камикадзе». Мы затащили четырех действительно хорошеньких проституток в наш фургон и повезли их в отель,

чтобы устроить там вечеринку. Томми присовокупил к девочкам “травку”, Никки вытащил пару бутылок «Джека», и мы начали веселиться. Томми был разведён с Хизер, но, как бы там ни было, он хотел позвонить ей, чтобы отметиться. “Грёбаная вечеринка начнётся, как только я вернусь”, - сказал он.

Полчаса спустя он распахнул дверь и вошел со штанами, спущенными до лодыжек, крича во всю глотку (yelling at the top of his lungs) и вышвыривая вон (bum-rushing) одну из проституток. В тот самый момент одна особенно озлобленная проститутка посмотрела на свои часы и сказала, “Это будет стоить ещё двести долларов с каждого”.

Внезапно вечеринка затихла, и какая-то тёмная, мрачная туча, которая появляется всякий раз, когда кто-нибудь упоминает про деньги, повисла над комнатой.

“Что это значит, двести долларов?” спросил я.

“Час стоит двести долларов, а час уже прошёл”.

Никки взбесился. Он кинул через всю комнату свою бутылку «Джека Дэниелса», и она разбилась о стену прямо над головой ожесточённой шлюхи. Он бросился за нею, грозя разрезать её пополам. И быстрее, чем вы можете произнести “Не уходи во гневе” (”Don’t go away mad”), в комнате не осталось ни одной девочки.

Только мы четверо, покинутые, сидели на диване. Проститутки уехали со всей нашей “шмалью” и деньгами, а Никки разбил об стену нашу последнюю бутылку «Джека». Снэйк хлопком открыл пиво из мини-бара и покачал головой. “Чуваки, знаете, что только что произошло?” спросил он. Затем он злобно улыбнулся: “Да, плохим рок-н-ролльным парням «Motley Crue» и «Skid Row» пришлось заплатить девочкам восемьсот долларов, только за то, чтобы те с нами поболтали. Мы такие романтики… (We’re pathetic)”.

Без моего ведома Томми и Никки решили, что ночь ещё не закончена. В то время, пока Снэйк занимал меня какой-то светской беседой, они прокрались в кухню отеля и украли оттуда двухсотлитровый чан с томатным соусом. Затем они выкрали из конторки консьержа ключ от моей комнаты, сняли простыню с моей кровати, намазали мой матрас томатным соусом и снова застелили постель.

Когда я вернулся в свой номер той ночью, то заметил, что в нём как будто пахнет спагетти, но я не придал этому особого значения. Я стянул простыню и положил руку на кровать, она с хлюпаньем в чём-то утонула. Я посмотрел на свою руку, она была покрыта чем-то красным, как в фильме «Изгоняющий дьявола» («The Exorcist»). Однако я был настолько пьян, что подумал, если

я смирюсь с томатным соусом, что, так или иначе, продемонстрирует Томми и Никки, что лучше меня им всё равно никого не найти. Так что я так и уснул прямо в нём.

На следующее утро я оставил коробку с дюжиной пирожных со сливочным кремом у двери Никки и позвонил в звонок. Он открыл дверь, окинул взглядом коридор, затем заметил пирожные. Час спустя, я увидел, что пустая коробка из-под пирожных стояла в коридоре. Затем, позднее тем же днём, в спортзале я наблюдал, как он об'яснял тренеру, почему он чувствует себя слишком вялым, чтобы выполнять какие-либо упражнения.

После этого началась тотальная война с Никки. Он мог вытащить меня в бар, угостить меня выпивкой, а затем, пока я разговаривал с какой-нибудь девчонкой, он брал такси до отеля, наполнял мою замочную скважину клеем «Элмер» (Elmer's glue) и сломанными спичками и возвращался обратно в бар. Как только я был "готов", он привозил меня домой, а сам наблюдал в свой глазок, как персонал отеля снимал мою дверь с петель, так что я потерпел поражение той ночью.

Я принял ответные меры — прилепил на дверь Никки надувную резиновую куклу из секс-шопа с надписью, которая гласила "Добро пожаловать, морячки" ("Welcome sailors"), и расклеил по всему отелю об'явления, приглашавшие одиноких мужчин в его номер. После этого Никки пускал в ход любые средства (pulled out all the stops): пока я спал, он потратил несколько часов, приклеивая целый сервировочный поднос к двери моей комнаты, включая каждую тарелку, салфетку, столовые приборы и даже наполнил стакан клеем «Элмер» так, чтобы это было похоже на молоко. Затем он обрызгал всю мою дверь лаком для волос, поджёг её, постучал и скрылся в своём номере. Мик всегда был слишком умён для любого, кто хотел над ним подшутить: он посыпал коридор, ведущий к его комнате, пудрой (мукой), чтобы можно было отследить отпечатки ног каждого, кто посмел проникнуть в его владения.

Тот год был, наверное, самым лучшим временем в моей жизни. Все мы находились на новой для себя творческой территории и просто наслаждались глупыми, безобидными забавами. Мик никогда не работал со вторым гитаристом, Никки никогда не работал со вторым текстовиком, а группа никогда не писала песни, просто джемуя на репетициях. Мы не могли дождаться момента, когда поклонники «Motley» услышат то, что мы сделали. Мы полагали, что мы записали по-настоящему интеллектуальный альбом «Motley Crue» с массой комментариев относительно всего этого безумного дерьма, творящегося в мире,

от бунтов Родни Кинга (Rodney King) в Лос-Анджелесе до бешенства по поводу недавнего введения цензуры в музыке. (Родни Кинг — темнокожий водитель лос-анджелесского такси, которого в 1991-ом году остановили офицеры полиции за превышение скорости и жестоко избили. Этот факт был зафиксирован на плёнку и попал в прессу. В 1992-ом году состоялся суд, на котором полицейские, принимавшие участие в избиении, были оправданы, что на фоне расовой напряжённости, безработицы и бедности среди темнокожего населения вызвало волну погромов, убийств, поджогов и насилия в нескольких крупных городах США. На третий день беспорядков сам Родни Кинг выступил по телевидению и призвал бунтарей к спокойствию).

Последняя песня, которую я написал для альбома, называлась “Дядя Джек” (”Uncle Jack”), она была о моём родственнике, который на почве секса досаждал моим братьям и сестрам. Когда мы начали делать запись, он был арестован и обвинён в половой связи с несовершеннолетними и в изнасиловании двадцати маленьких детей, всё это он собственноручно документировал, делая снимки. Но два месяца спустя его выпустили из тюрьмы, т. к. тюремное начальство и суд боялись, что другие обитатели тюрьм убьюты его. Поэтому теперь, когда он был на свободе, где, как вы думаете, он нашёл себе новую работу? Католическая начальная школа.

Когда мы заканчивали запись, позвонила моя мать и сказала, что он снова арестован. Работая в католической школе, он сблизился с одной женщиной и двумя её сыновьями восьми и трёх лет. Она работала по ночам, и он днём, так что большую часть времени он проводил с ними без всякого контроля. Спустя всего несколько месяцев женщина, с которой он жил, погибла в автомобильной катастрофе. Когда её бывший муж вернулся домой, он обнаружил, что парень насиловал обоих мальчиков. Я мертвенно побледнел, когда узнал о том, что он по-прежнему уничтожал жизни всех этих людей, так что Никки сказал, “Почему бы тебе не написать песню об этом?”

Я хотел выпустить песню в виде сингла и пожертвовать деньги от его продаж центрам помощи детям — жертвам насилия. Мы были готовы оказать содействие и показать миру, что «Motley Crue» хоть и были по-прежнему цирком, но цирком с душой и сердцем.

Когда мы закончили запись, мы отправились в пресс-тур (press tour). Всюду, где мы появлялись, фанаты впадали в исступление. В Милане (Milan) группа победителей телеконкурса (contest winners) напала на меня и начала отрывать кусочки от

моей одежды себе на сувениры. Я поверх толпы нашёл глазами Никки. “Будь готов к этому, Краб”. Он сиял. “Отныне так будет всегда”.

Глава девятая

ВИНС

«ОДИН В ЦЕЛОМ МИРЕ, БЕДНЫЙ ВИНС БРОСАЕТСЯ В ОБ'ЯТИЯ ФОТОМОДЕЛЕЙ, ЛЮБИМЫХ ИГРУШЕК И ПОПУЛЯРНЫХ АКТРИС И УЗНАЁТ, ЧТО ЖИЗНИ ЛУЧШЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ»

Это было идеальное время для кризиса середнего возраста. Мне только что перевалило за тридцать, что не казалось мне такой уж старостью. Но появлялись все эти молодые рок-группы, и я начал чувствовать себя каким-то динозавром. Вдобавок ко всему меня только что выперли из группы, в которой я провёл последние десять лет, и ещё я оставил свою жену. С тех пор как Шариз (Sharise) и я переехали в огромный особняк в Сими Вэлли (Simi Valley), чтобы растить там нашу дочь Скайлэр (Skylar), наши драки становились всё ожесточёнее. Особенно незабываемым выдался мой день рождения, когда она застала Роберта Патрика (Robert Patrick) и меня за разговором с будущей порно-звездой по имени Линей (Lenay) в клубе «Рокси» и ударила меня в нос стаканом, после чего начался такой гвалт, кончившийся тем, что нас обоих вышибли из клуба.

Я долго просил Дуга (Doug Thaler) помочь мне. Я говорил ему, что у меня много проблем между мной и моей женой, а также проблем, связанных с моим смятением, которое чувствует любой рок-музыкант, достигший тридцатилетнего возраста. Я об'яснил ему, что я крайне нуждаюсь в помощи. Группа была обижена на меня из-за того, что я пропускал репетиции, но я хотел, чтобы они понимали, что это никак не связано с ними. Я любил «Motley Crue». Я сделал бы для них всё, что угодно.

Я не знаю, говорил ли Дуг когда-нибудь группе о нашем с ним разговоре. Но следующее, что случилось после нашей перепалки на репетиции во время ливня — Дуг позвонил мне домой и сказал, "Группа больше не хочет тебя видеть. Я готов сегодня же освободить тебя от твоего контракта с менеджментом, если ты хочешь". Я был ошеломлён. Я ожидал, что в течение недели всё устаканится, что мне позвонит Никки, и мы снова начнем работать вместе. Я только пробормотал, "Хорошо", и повесил трубку. Я не знал, что ещё на это сказать.

Если бы Дуг был больше, чем подпевала (yes-man), он, возможно, сохранил бы группу. Всё, что ему нужно было сказать,

“Возвращайся и давай поговорим об этом. Мы наймём тебе адвоката, и обсудим твои проблемы”. Безусловно, то, что происходило со мной, не было проблемой алкоголизма, это была психологическая проблема, следствием чего была выпивка и пропуск репетиций. Но вместо этого он позвонил и уволил меня, а также сказал, чтобы я не общался ни с кем из группы. Так всё и было. Что мне было делать после того, когда со мной так обошлись? У меня было два выхода: я мог покончить с собой либо мог улететь на Гавайи (Hawaii) со стриптизершей и быть выше всего этого. Я выбрал последнее.

Я захватил с собой первую же цыпочку, которая мне попалась — порно-звезду по имени Саванна (Savannah) — и повёз её на Гавайи. Она была великолепной платиновой блондинкой с плавными, идеальными формами. Несмотря на тот факт, что каждый день миллион парней дрочили, глядя фильмы с её участием, она была чрезвычайно неуверена в себе, словно потерянная маленькая девочка. Будучи вне группы (With the band out of my hair), я больше не видел никакой причины оставаться трезвым, поэтому мы привезли все эти пилюли и кокс, которые только могли взять с собой. После четырех дней пребывания в отеле «Хилтон» («Hilton») на Мауи (Maui — второй по величине остров гавайского архипелага), Саванна приняла слишком много каких-то таблеток и упала на пол в конвульсиях. Я вызвал скорую помощь и последовал за ней в больницу. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь выглядел так восхитительно и невинно, лёжа на носилках с передозировкой.

Когда на следующий день она вернулась в отель, мы немедленно проглотили ещё по таблеточке прямо там, где накануне закончили вечеринку, и начали веселиться снова. Но я был старше, и по определённым причинам не только не мог уже глотать дурь в прежних количествах, но и не мог быстро восстанавливаться после этого. К тому времени, когда я возвратился в Лос-Анджелес, я снова прочно сидел на наркоте. Я опять полетел в клинику в Тусоне (Tucson), чтобы избавиться от зависимости. Саванна каждый день посылала мне разные порнографические фотографии со своим изображением, пока смотрители клиники не обнаружили мой тайник и не отняли их у меня. Ко времени, когда я закончил лечение, она уже встречалась с Поли Шором (Pauly Shore — американский комедийный актёр).

Несколько лет спустя она попросила меня быть её спутником на церемонии вручения наград за лучшие порно-фильмы в Лас Вегасе (Adult Video News porno awards in Las Vegas). Я сказал ей, что пойду с ней, но в последнюю минуту променял её на другую девочку. Несколько дней спустя её нашли мёртвой в её гараже. В

тот день она изуродовала себя в автомобильной катастрофе, затем приехала домой, вытащила «Беретта» («Beretta» — марка автоматического пистолета) и выстрелила себе в голову. В то время в её жизни было много других проблем, и я знал, что причина была не в том, что я подвёл её, но я чувствовал себя ужасно. Там, где большинство девочек её профиля работы только и делают, что опустошают чужие кошельки, она никогда не была такой. Она просто хотела, чтобы кто-нибуль любил её.

Саванна была началом моего погружения в голливудский Вавилон (”Hollywood Babylon” — название культовой книги Кеннета Энгера [Kenneth Anger], повествующей о жизни и нравах, царящих в Голливуде). На самом деле я не болтался на тусовках с тех самых пор, когда все мы жили вместе в Пёстром Доме и были законодателями моды на Стрип (Strip). Тогда нам казалось, что мы на вершине Мира, и, хотя на самом деле это было далеко не так, мы были куда более счастливы в этом своём неведении. По прошествии десяти лет Голливуд был уже совершенно другим местом.

Оставив Шариз и Скайлэр в нашем доме в Сими Вэлли, я переехал жить к Робу Лоу (Rob Lowe — американский киноактёр), чьё холостяцкое жилище располагалось на Халливуд Хиллс (Hollywood Hills — голливудские холмы). Мы подружились, потому что по понедельникам мы оба посещали вечера трезвости для знаменитостей, что, наверное, было самым подходящим местом, где могла встретиться такая парочка, как мы. Мы были командой мечты (dream team) для таблоидов: плохой парень, певец из «Motley Crue» и актер, секс-символ для старшекласниц, который на днях был арестован за видеоплёнку с записью группового секса (menage a trios) с участием шестнадцатилетней девочки. С тех пор, как недавно Роб и его подруга расстались по вполне понятным причинам, мы вместе с ним словно сорвались с цепи. Я водил его в «Rainbow» (музыкальный ночной клуб), чтобы он мог подцепить кого-нибудь из рок-группиз, а он брал меня на декадентские кинематографические вечеринки, которые проходили в огромных особняках Халливуд Хиллс и Бэль Эйр (Hollywood Hills, Bel Air — престижнейшие районы Голливуда). Наш дом был всегда полон девочек, точно так же, как это обычно бывало в Пёстром Доме, за исключением лишь того, что здесь было чисто. По уик-эндам я приезжал, чтобы поиграть со Скайлэр, что было необходимо как ей, так и мне, т. к. это была моя единственная пауза в вихре страстей, которые засасывали меня и Роба.

По прошествии шести месяцев холостяцкая жизнь Роба закончилась, когда его прежняя подруга возвратилась домой. К

тому времени я нашел менеджера, Брюса Бёрда (Bruce Bird), который запихнул меня в студию с Томми Шоу (Tommy Shaw) и Джеком Блэйдсом (Jack Blades), чтобы написать песню для саундтрека к фильму с участием Поли Шора под названием «Encino Man» (в российском прокате фильм назывался «Замороженный калифорниец»). Это в значительной степени опровергло теорию Никки и Томми о том, что меня больше не интересовала музыка, потому что к тому времени они даже ещё не выпустили свой альбом. Я припомнил эту обиду, когда пред'явил им иск на 25 процентов их будущей прибыли и пять миллионов в качестве компенсации ущерба. Мои адвокаты сказали, что это было бы по-джентельменски.

Мой юрист также заключил для меня контракт на четыре миллиона долларов с «Уорнер Бразерс» («Warner Bros.»), где Мо Остин (Mo Ostin — в то время президент «Warner Bros. Records») сказал: "Знаете, что нам нужно сделать? Мы должны взять Винса и этого другого рок-парня, Дэвида Ли Рота (David Lee Roth), и поместить их в одну группу".

"Но папа", возразил его сын Майкл (Michael). "Ведь они оба певцы".

На самом деле, я по-прежнему не знал, чем мне себя занять. У меня не было никакого дома, и я всё ещё не собрал никакой группы. Так что я переехал в роскошный отель «Бэль Эйдж» («Bel Age Hotel»). Они разрешили мне припарковать на территории отеля мои три «Феррари» («Ferrari»), «Роллс-Ройс» («Rolls-Royce») и мотоцикл (я же вам говорил, что переживал кризис среднего возраста) и предоставили мне полный карт-бланш в их ресторане «Дягилев» («Diaghilev») в часы после закрытия.

Так как я в любом случае постоянно кутил, я решил, что мог бы делать то же самое в своём собственном клубе. Поэтому я и несколько моих приятелей купили амбициозный ночной клуб в Беверли-Хиллс (Beverly Hills) под названием «Bar One», который удобно располагался напротив отеля, в котором я жил. В одном крыле клуба находился пятизвёздочный ресторан, а в другом — бар и танцпол. Папарацци всегда выстраивались в очередь, снаружи поджидая знаменитостей. Довольно скоро я позабыл про «Motley Crue». В «Bar One» было слишком много всего, что могло отвлечь меня. Это было прекрасное место для встречь с людьми. Я мог обедать с Сильвестром Сталлоне (Sylvester Stallone) или удалиться в дальний отдельный кабинет с Тори Спеллинг и Шеннен Доэрти (Tori Spelling, Shannen Doherty — киноактрисы). С Шеннен у себя дома я впервые посмотрел нескончаемых «Унесённых ветром» («Gone With the Wind»), потому что она, как предполагалось, должна была играть в кино автора книги,

Маргарет Митчелл (Margaret Mitchell — американская писательница, автор знаменитого романа «Унесённые ветром»), хотя всё, о чём я мог думать в тот момент, это засунуть свой член в её задницу, потому что мы лежали на диване, и он (член) фактически там и находился. Мы расстались хорошими друзьями, и я разрешил её "пятимесячному" мужу (husband of five months), Эшли Хэмилтону (Ashley Hamilton — актёр и музыкант), играть в клубе. После Шеннен я несколько раз встречался с Ванессой Марсил (Vanessa Marcil — киноактриса) из «Главной больницы» («General Hospital» — телевизионный сериал). С ней мы ходили на «Отверженных» («Les Miserables» — по роману Виктора Гюго) или что-то вроде этого. Затем, в баре я познакомился с Кристи Тарлингтон (Christy Turlington — американская фотомодель) и взял её с собой в Лас-Вегас (Las Vegas) на открытие казино. Случилось так, что там я столкнулся с Томми Ли, и мы даже вроде бы кивнули друг другу и обменялись улыбками. В тот момент Кристи сидела у меня на коленях, и я учил её играть в рулетку, но из этого так ничего и не вышло, потому что я так набрался в тот вечер, что отрубился, и друзьям пришлось тащить меня в мой номер.

Как только я вернулся в Лос-Анджелес, в «Bar One» я встретил фотомодель (Playmate) и актрису по имени Памела Андерсон (Pamela Anderson). Оказалось, что её брат отдраил некоторые из моих спортивных автомобилей, т. к. он работал в автосервисе. Пэм (Pam) в то время снималась в «Большом ремонте» («Home Improvement» — телесериал), поэтому в наше первое свидание она взяла меня посмотреть, как работает Тим Аллен (Tim Allen — американский комедийный актёр, снимавшийся в том же сериале). Памела встречалась со многими людьми, в том числе и со мной. Так как я снимал видео на свою сольную песню, которую я записал к тому времени, "Can't Have Your Cake" (строчка из этой песни: "You can't have your cake and eat it, too" — это пословица, смысл которой: "Нельзя иметь и то, и другое одновременно"), я поместил Памелу в клип наряду со Скайлэр и тремя девочками, с которыми я встречался в тот же самый период, хотя ни одна из них этого не знала. Думаю, этим я хотел показать, что иногда всё-таки удаётся иметь и то, и другое, хотя очень скоро убедился в том, что это совсем не так. После ещё нескольких встреч со мной Памела ушла к Брету Майклзу (Bret Michaels) из «Poison», а я начал устраивать вечеринки с участием фотомоделей (playmate jag).

В текущем выпуске журнала «Плэйбой» («Playboy») на развороте была её фотография, а в списке её амбиций значилось: "Когда-нибудь я хочу выйти замуж за рок-звезду". В том же

месяце Хью Хефнер (Hugh Hefner — основатель и владелец журнала «Playboy») устраивал свою ежегодную вечеринку под названием “Грёзы Летней Ночи” (”Midsummer Night’s Dream”), на которую каждая дама должна была явиться в женской ночной сорочке, а мужчины — в купальных халатах. Я надел шелковый халат и боксерские трусы и приехал на вечеринку в своём «Тэстэроса» («Testerosa» — модель автомобиля марки «Ferrari»). Моя миссия была пряма и проста: я пришёл на вечеринку, нашёл свою “фотографию с журнального разворота” (centerfold) и сказал, “Я — твоя рок-звезда”.

Она была одета в белое тэдди с чулками (teddy — обтягивающее ночное женское бельё) и выглядела просто невероятно. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

“Ну же, мы теряем время”, - продолжал я. “Давай уйдём отсюда”.

Мы оставили вечеринку и поехали в «Bar One» как были в своей спальной одежде. К концу ночи она так набралась, что танцевала на бильярдном столе в своём пеньюаре. Я отвёл её в отель и попытался взять её в свой номер. “Нет”, закричала она. “Сначала я хочу поводить «Феррари»”. Я вздохнул и отдал ей ключи от машины. Она выехала из отеля, доехала до Сансет (Sunset), затем повернула на юг на Сан-Висент Бульвар (San Vicente Boulevard). Когда она начала поворачивать на Фонтэйн (Fountain), она вдруг резко надавила на газ. Думаю, что она хотела проверить, как быстро автомобиль может разгоняться, но не делать же этого, когда вы входите в поворот. Машину развернуло на полные 360 градусов, и она хлопнулась о грузовик, пересекавший перекрёсток. Грузовик, ударивший машину, двигался на север по Сан-Висент, а мой “журнальный разворот” так встревожился, что попытался поскорее скрыться с места преступления. Но, не проехав и пяти футов, она врезалась в фургон, что окончательно довершило разрушение моего «Феррари».

Она выползла из машины в своём нижнем белье и, шатаясь, направилась к бордюру. Я вышел из машины, посмотрел на дым, валивший от груды металлолома, которая когда-то была моей радостью и гордостью, и, стоя там в своих боксерских трусах, развевавшихся на ветру, я начала проклинать её, обзывая всеми именами, которые только могли прийти мне в голову. Она разрыдалась и плакала до тех пор, пока не появилась полиция и не увезла её в тюрьму для “DUI” (сокращение от “Driving Under the Influence” — управление автомобилем в нетрезвом состоянии). На кожаном заднем сидении полицейской машины она смотрелась просто восхитительно: в своём дамском белье, в

наручниках, со спутанными белокурыми волосами и косметикой, полосами размазанной по её лицу. Другая полицейская машина привезла меня обратно в «Бэль Эйдж». Я переоделся, внёс за неё залог, вернул её в отель и лёг, наконец, в постель. Нас так связали события той ночи, что, встречаясь с ней ещё какое-то время после этого, я понял, что на самом деле она не была из тех девочек, которые разрушают всё, к чему прикасаются. Она разрушала только то, что принадлежало мне.

Посреди всего этого хаоса я быстро и без особых проблем закончил запись своего первого альбома, «Exposed», на студии «Record Plant» со Стивом Стевенсом (Steve Stevens) из группы Билли Айдола (Billy Idol) на ведущей гитаре (который только что покинул группу с Майком Монро [Mike Monroe] из «Hanoi»), Викки Фоксом (Vikki Foxx) из «Enuff Z'Nuff» на барабанах, Дэйвом Маршалом (Dave Marshall) на ритм-гитаре и на басу с Робби Крэйном (Robbie Crane), который обычно работал со звуком для порнофильмов. В итоге, я уволил Фокса и взял Рэнди Кастэлло (Randy Castillo) — сумасшедшего длинноволосого рокера, который когда-то приходил на мои вечеринки посмотреть на борьбу в грязи и который сделал себе имя, играя с «Motels» и Литой Форд (Lita Ford), а позднее Томми "сосватал" его Оззи Осборну (Ozzy Osbourne).

Когда я работал над сведением барабанов с Роном Невисоном (Ron Nevison), мы получили неожиданный телефонный звонок: у моего менеджера, Брюса, произошло кровоизлияние в мозг (brain aneurysm). За то короткое время, проведённое вместе с Брюсом, я полюбил его, как родного отца. Рон и я пошли в ближайший бар и, рыдая на плече друг у друга, здорово нагрузились, а затем отправились в больницу, чтобы навестить его. Мы прибыли слишком поздно: он был мёртв. Когда наш общий друг, Берт Стейн (Bert Stein), услышал о том, что случилось, он предложил мне свою помощь, пока я не найду себе нового менеджера. Он так и не перестал быть моим менеджером, и вместе мы пережили чёрных дней и смертей больше, чем возможно себе представить за всю человеческую жизнь.

КОГДА Я ВЕРНУЛСЯ В СТУДИЮ, кто-то привёл туда порно-звезду с киностудии «Vivid Video» по имени Джанин Линдмюльдер (Janine Lindemulder), с которой я начал встречаться, а позднее снял её в одном из моих клипов. Каждая модель, которая появлялась в каком-нибудь из моих сольных видео, это кто-то, с кем я встречался.

Как только мы закончили запись альбома, я повёз её и мою подругу, модель журнала «Пентхаус» (Penthouse Pet), на Гавайи,

чтобы отпраздновать это событие. Кто-то из них прихватил с собой видеокамеру, и, когда однажды ночью мы все хорошенько подпили, установил её и отснял всё, что там происходило. После поездки я не видел ни одну из этих девочек, пока месяц спустя я не отправился в поездку в Палм-Спрингс (Palm Springs). Обе они были там, и при этом они были любовницами. Я подцепил их обеих. Вы, наверное, удивляетесь тому, как часто это происходило.

Я не вспоминал о них обеих до тех пор, пока годы спустя, после того, как просочилось домашнее видео Памелы и Томми, моя видеопленка вдруг всплыла на рынке. Я подумал, что Джанин продала её ради денег, потому что у меня никогда не было копии. Я был зол на неё, но воздержался от пред'явления ей иска или публичного разбирательства, т. к. не хотел привлекать ещё большего внимания к сексуальной пленке. К счастью, я ничего этого не сделал, потому что позднее через распространителя пленки я узнал, что это сделала другая девочка, что было очевидно, потому что, когда я, наконец, посмотрел видео, то увидел, что её лицо было замазано.

После Палм-Спрингс я начал наведываться в клуб под названием «Denim and Diamonds», где вперемешку собирались байкеры и модели. И я решил, что нужно устроить в «Bar One» вечеринку, подобную тем, что происходили там. Мы договорились с «Джагермейстер» («Jagermeister» — марка популярного немецкого крепкого ликёра, настоянного на травах) об их спонсорской поддержке и об участии девочек с их стороны. Я никогда прежде не пробовал «Джагермейстер», поэтому я даже не предполагал, насколько это сильная штука. Большую часть того, что случилось позднее той ночью я не помню: почему-то я вышел на улицу, взабрался на свой «Харлей» («Harley») и с мостовой в'ехал прямо в двери клуба. Клуб был битком набит людьми, и когда я поддал газу и заехал на танцпол, колёса выскользнули из-под меня, мотоцикл упал, заскользил по полу и врезался ряд столиков. Я шлёпнулся на спину на танцпол и потерял сознание.

Я проснулся больной, сконфуженный и благодарный за то, что не убил никого и себя в том числе. Не думаю, что я когда-либо прежде мог так нажраться ликером. Блюя и потея, я два дня пролежал в кровати с алкогольным отравлением. Так закончился мой кризис серднего возраста. Я просто не мог больше вести себя подобным образом. Я должен был повзрослеть и принять, наконец, тот факт, что я — взрослый человек с определёнными обязанностями, хотя, конечно, это не означало, что я не могу по-прежнему весело проводить время.

Я с'ехал из «Бэль Эйдж» и купил свой собственный дом — огромный готического вида особняк под названием Си Мэйнор (Sea Manor) в Малибу (Malibu — пляжная зона в пригороде Лос-Анджелеса). Не только потому, что мне нужно было убраться из Голливуда, но ещё и потому, что мне хотелось иметь дом, где было бы хорошо Скайлэр. Навещая меня в Голливуде, она никогда не была особенно счастлива. В доме я устроил для неё комнату с маленьким столиком и детским компьютером. Она любила бывать в этом доме, и каждое утро вытаскивала меня из кровати и тянула на пляж, где мы строили замки из песка высотой с неё и часами рассказывали сказки о королях, королевах и рок-звёздах, которые жили в них.

В спокойной обстановке Малибу, я, к тому же, смог собрать новую группу для того, чтобы продвигать «Exposed». Альбом достиг тринадцатой позиции в чартах популярности, поэтому мы оказались в нашем первом туре в качестве открывающей группы для «Van Halen». Это был унизительный опыт, потому что, во-первых, за все эти годы я ни разу никого не "разогревал", а во-вторых, я был в туре с группой, которая сменила своего вокалиста и при этом чувствовала себя превосходно. Сэмми Хагар (Sammy Hagar), который заменил Дэвида Ли Рота, быстро стал моим хорошим другом, и мы взяли за правило опрокинуть по стаканчику «камикадзе» перед моим выступлением и по «маргарите» — перед его. Он кончил тем, что его контракт с группой не продлился долго, потому что он постоянно напивался перед выходом на сцену.

После того, как мы вышли из тени «Van Halen», мы возглавили свой собственный тур по клубам, что было ещё более унизительно, потому что я не играл в таких маленьких залах с тех самых пор, как был в «Rock Candy». Теперь, когда я был сольным артистом, мне приходилось давать все интервью, писать все песни, составлять сет-листы, постигать азы маркетинга, утверждать художественное оформление, в общем, заниматься абсолютно всем. На том альбоме и туре я узнал больше, чем за всё время, проведённое в «Motley». Но однообразная работа быстро утомила меня, и как только представилась возможность выйти из тура, я снова вернулся к комфорту Малибу и Скайлэр.

Мой дом был самым роскошным местом, в котором я когда-либо жил, со спиральной лестницей посередине, увенчанной куполом из цветного стекла. Он выглядел, как идеальная декорация для порнофильма, поэтому, когда моей дочери не было рядом, я начал предоставлять его в аренду для с'ёмок порно и для фотосессий «Пентхауса». Позднее я встречался с их моделями (Pets — девушки журнала «Penthouse», Playmates — девушки

журнала «Playboy»). Жизнь будто бы вернулась во времена, предшествовавшие моей встрече с Шариз, и я играл роль эдакого мини-Хью Хефнера. Я каждый раз приглашал своих приятелей, и мы расслаблялись, наблюдая за с'ёмками. Если с'ёмочная группа была классной, мы устраивали вечеринки на пляже, и соседи, такие как Йон Ловиц (Jon Lovitz — комедийный актёр) и Чарли Майнор (Charlie Minor — известный голливудский музыкальный промоутер), присоединялись к нам.

На одной из фотосессий «Пентхауса» была художник по гриму по имени Алексис (Alexis), которая также работала для большого «Плэйбоя». Она показала мне свои полароидные снимки, и холодок пробежал по моему телу, когда я увидел модель для обложки апрельского выпуска «Плэйбоя». Она была настолько худощавой, белокурой и большегрудой, насколько только можно было себе представить. И это было всё, что мне нужно было видеть. "Я должен познакомиться с этой девочкой", сказал я Алексис.

Алексис не могла ничего обещать, потому что девочка была актрисой из Палм-Бич (Palm Beach). Но вскоре после этого она приехала в город и остановилась в Плэйбой Мэншн (Playboy Mansion — название дома, в котором живёт Хью Хефнер, резиденция «Плэйбоя»). Она позвонила мне, представилась как Хайди Марк (Heidi Mark) и сказала, что мы могли бы встретиться тем же вечером, но только ей нужно было рано возвращаться, т. к. на семь часов утра у неё была назначена фотосессия. Я заехал за ней в Плэйбой Мэншн и повёз её на вечеринку по случаю дня рождения одного моего друга. Я был поражен, когда Хайди не испытывала отвращения, наблюдая за тем, как мы осыпаем стриптизерш стодолларовыми купюрами, словно конфетти. Она была девчонкой-сорванцом (tomboy), заключённой в оболочку куклы Барби, и она наслаждалась всем этим зрелищем. Позднее я предложил отвезти её назад к Хефу (Hef — сокращённое от Хефнер), но она сказала, "По правде говоря, мне не нужно возвращаться туда. Тем более что Хеф женат, а его особняк мёртв".

"А как же утренняя фотосессия?" — спросил я.

"Я выдумала это на тот случай, если ты мне не понравишься", - улыбнулась она.

Мы поехали ко мне домой, и она осталась там на неделю, пока ей не пришлось уехать в Орландо (Orlando), чтобы принять участие в с'ёмках шоу под названием "Гром в Раю" ("Thunder in Paradise").

Наша вторая встреча состоялась на Багамах (Bahamas). Майкл Питерс (Michael Peters) — владелец сети стрип-клубов «Pure

Platinum» — стал моим хорошим приятелем. Давно, когда мы записывали сингл “Girls, Girls, Girls”, я поставил ему плёнку с этой песней в его «Ламборгини» («Lamborghini» — марка автомобиля), и он тут же пообещал мне, что эта песня будет крутиться каждый час во всех его клубах — и на тот день он сдержал своё обещание. После моей недели с Хайди в Лос-Анджелесе, я и Майкл прилетели с пятнадцатью девочками — каждая из которых провозила контрабандой пакетики с коксом во всех “полостях”, куда их только можно было засунуть — на двух самолетах «Learjet» (модель маломестного реактивного пассажирского самолёта вместимостью 7–8 человек) в местечко под названием Харрикейн Хоул (Hurricane Hole), где на якоре стояла его двадцатисемиметровая яхта со с’емочной группой, которая должна была всё это документировать. На третий день я мчался по заливу на водном мотоцикле (waverunner) с обнаженной по пояс блондинкой на заднем сидении, как вдруг я случайно бросил взгляд в сторону пляжа. Сидящая там на вершине груды багажа с сердито сложенными на груди руками девушка показалась мне очень знакомой. Это была Хайди. Я забыл, что она должна была приехать в тот день. Инстинктивно я ткнул своим локтем назад и спихнул блондинку с заднего сиденья водного мотоцикла, а затем поспешил к берегу. Я почему-то решил, что когда она увидит, что я приплыл один, то подумает, что топлес-блондинка была шуткой, которую сыграло с её глазами ослепительное полуденное солнце.

После нескольких дней, проведённых в обществе обнажённых женщин на лодке Майкла, Хайди решила, что, если мы хотим иметь хоть что-то напоминающее здоровые отношения, то нам просто необходимо найти место, где мы смогли бы уединиться. Поэтому мы переместились в дом Майкла, служивший нам любовной хижиной (love shack) до тех пор, пока несколько дней спустя, мой «Jet Ski» (модель водного мотоцикла фирмы «Kawasaki») не врезался в коралловый риф, и я, перелетев через руль, не сломал себе два ребра о твердые кораллы.

Наши отношения довольно скоро стали преследовать неприятности одна за другой: после Багамов Майкл взял на себя обязанность недвусмысленно льстить папаше Хайди. Он отыскал адрес офиса её отца в Палм-Бич и послал ему базовый пакет товаров от «Doll House», «Pure Platinum» и «Solid Gold» (названия стрип-клубов): всё — от футболок до кассет с мягким порно. Он так долго был в этом бизнесе, что считал, что любой здоровый мужчина будет счастлив получить такие “сюрпризы”. К сожалению, он не знал, что папа Хайди был адвокатом по бракоразводным делам, а её бабушка работала секретаршей в его

офисе. Когда пожилая леди открыла его посылку, с ней случился удар. Чтобы усугубить ситуацию, Майкл приложил к посылке записку, где было написано: “Дорогой Джон, спасибо за то, что вырастил такую восхитительную девочку. С любовью, Майкл”. Так что всё семейство Хайди думало, что она встречается с Майклом. Когда они прочли в местных газетах, что Майкл арестован за нарушение закона штата Флорида о противодействии рэкету (RICO), за хранение наркотиков, отмывание денег и нарушение лицензии на торговлю спиртным, они фактически отреклись от неё. Единственное хорошее, что из этого вышло — когда они узнали, что Хайди встречается со мной, то вздохнули с облегчением.

Теперь, когда моя одинокая жизнь была закончена, я отказался от участия в предприятии «Bar One»; мои партнеры продолжали пытаться получить лицензию на управление единственным стрип-клубом в Беверли-Хиллс (Beverly Hills) — «Beverly Club». Вместо этого я проводил своё время с Хайди в Малибу в ресторане под названием «Moonshadows», где зависали Фрэн Дрешер (Fran Drescher — киноактриса), Гэри Бьюзи (Gary Busey — киноактёр) и Келси Граммер (Kelsey Grammer — киноактёр). Всё начинало возвращаться к нормальной жизни, если бы не моя почта: один раз в неделю я получал “манильский” конверт (manila envelope — большой конверт из “манильской” бумаги желтоватого цвета, используется для пересылки крупной корреспонденции), который содержал фотографию меня и Хайди, лежащих у бассейна или в кровати. Я думал, что нас преследует какой-то ревнивый фанат, пока Хайди не рассказала мне, что её экс-жених в прошлом был полицейским, и он посылал вертолеты “DEA” (”Drug Enforcement Agency” — служба по контролю за применением законов о наркотиках), чтобы шпионить за нами. Я интерпретировал это как предупреждение и спустил в унитаз весь кокаин, который только мог найти у себя в доме.

Мой представитель в «Уорнер Бразерс», Майкл Остин (Michael Ostin), свёл меня с парочкой продюсеров, которые называли себя «Даст Бразерс» («Dust Brothers» — продюсерский дуэт: “E.Z. Mike” [Michael Simpson] и “King Gizmo” [John King]), для работы над моим следующим альбомом. Они сделали великолепный альбом с «Beastie Boys», но успех с «Beck» и «Hanson» (названия рок-групп) был ещё впереди. Однако работа с ними меня очень разочаровывала. Я мог делать какую-нибудь запись с одним из них, в то время как другой выходил из комнаты покурить “травку”. Когда мы заканчивали, парень, который выходил, возвращался и говорил, что всё, что мы сделали — полный отстой. Затем они менялись местами, и мы проходили ту

уже самую процедуру сначала. Это было похоже на попытку сделать альбом с Чичем и Чонгом (”Cheech и Chong” — дуэт двух артистов-комиков: Чича Мартина [Cheech Marin] и Томми Чонга [Tommy Chong]). Они ничего не понимали ни в написани песен, ни в музыкальной индустрии вообще. Они были парнями, которые занимались исключительно компьютерным сэмплированием (computer cut-and-paste guys), поэтому, если однажды вечером я заканчивал какую-то работу и покидал студию, то на следующее утро это могло звучать уже совершенно по-другому.

Это был печальный опыт, но, как бы там ни было, будто по велению волшебной Феи Марихуаны, мы записали довольно крутой альбом. За восемь лет до Кид Рока (Kid Rock) и «Limp Bizkit» он сочитал в себе ритмы рэпа и рок-гитары. И, так как никто в то время не играл подобную музыку, «Уорнер Бразерс» не знала, что с этим делать. Пока они это решали, в кабинетах начальства развернулась драматическая борьба за власть в компании, закончившаяся массовыми увольнениями. Вдруг оказалось, что на лейбле не осталось никого, кто был бы на моей стороне, и дата выпуска уже законченного альбома продолжала отодвигаться месяц за месяцем.

Я был готов снова отправиться в тур, но я был скован этой неопределенностью. Начиная с того момента, как я покинул группу, я с головой погрузился в мир гонок. Я полсезона проездил в «Indy Lights» (название американской гоночной серии) и очень полюбил это дело. Ажиотаж, болельщики и напор — всё это было сравнимо с тем, когда находишься на сцене во время рок-концерта. Если ты делаешь ошибку, все это видят. На Гран-При в Лонг-Бич (Long Beach Grand Prix) машина ударила меня за три круга до финиша. Мой автомобиль занесло в сторону, и он крылом врезался в стену, сломав скобы, которыми кузов крепится к шасси. В боксах команда сняла с моего автомобиля заднее анти-крыло, которое во время езды прижимает машину к дороге, не давая ей взлетать, и я попытался закончить гонку без него. Я выехал из боксов на трассу, и, входя в поворот, переключился на третью передачу. Автомобиль тут же потерял управление и врезался в стену. Толпа взревела, а я выбрался из машины невредимый, если не считать пунцового румянца стыда на моём лице.

Команда (team), за которую я ездил, называлась «P.I.G. racing», и в основном она состояла из полицейских и бывших полицейских. Обслуживающая команда (crew) была сформирована из парней спецназа (S.W.A.T.), и я вложил миллионы долларов в мои автомобили, двигатели и трейлер.

Однажды один из офицеров, который управлял командой, исчез, и я получил известие, что он был арестован за продажу кокса из полицейских хранилищ вещественных доказательств (что, вероятно, служило источником финансирования команды) и обанкротился, так что всё, что я имел, было конфисковано. Я больше никогда не видел своих автомобилей, хотя позднее я видел, как этот парень присутствовал на гонках.

После окончания альбома с «Даст Бразерс» я перешёл в любительские гонки для знаменитостей. В апреле того года после празднования четвертого дня рождения моей дочери Скайлэр, я отправился в Лонг-Бич, чтобы снова участвовать в Гран-При. Я занял второе место, и покинул трассу в приподнятом настроении. Той ночью в отеле, где остановилось большинство гонщиков, была вечеринка, и я стал праздновать свой успех. После часа кутежа ко мне подошёл служащий отеля. Он сказал, что мне звонят по телефону в вестибюле.

Я взял трубку, ожидая услышать Хайди. Мне ужасно хотелось рассказать ей, как хорошо я гонялся. Но это была вовсе не Хайди. Это была моя бывшая жена, Шариз, она так сильно плакала, что едва могла закончить фразу.

“Скайлэр в больнице”. Между рыданиями она изо всех сил пыталась выговаривать каждое слово. “У неё разрыв аппендикса. Она хочет видеть своего папу”.

Глава десятая

ДУГ ТАЛЕР

«О БИТВЕ МЕЖДУ ОПТИМИЗМОМ И ПЕССИМИЗМОМ, И О НЕИЗМЕННОМ ПОБЕДИТЕЛЕ»

На запись «Theatre of Pain» мы потратили меньше двухсот тысяч долларов. «Dr. Feelgood» обошёлся нам в шестьсот тысяч. И оба раза мы не переплатили ни цента. За прошедшие несколько месяцев альбом с Кораби стоил уже столько, сколько все предыдущие альбомы «Motley» вместе взятые. Но никто больше не мог общаться с этими парнями. Даже Чак Шапиро боялся их.

Поэтому я вызвал группу на встречу в Ванкувер (Vancouver) и продемонстрировал им некоторые финансовые выкладки, которые подготовил Чак. “Парни, вы работаете над этим альбом уже пять месяцев, и мы потратили на него уже более миллиона долларов”, сказал я им. “Это то, на что пошёл миллион, не принимая во внимание счетов, пришедших за последние пять недель”.

Никки взял все эти ведомости и швырнул их в меня. “Ты видишь только одни минусы”, бушевал он. “Ты губишь весь мой творческий процесс, рассказывая мне о каком-то дерьме”. И он в гневе вылетел из комнаты. На этом встреча и завершилась.

Спустя четырнадцать месяцев и два миллиона баксов, альбом, наконец, был закончен. На той неделе, когда он вышел, он попал на седьмую строчку поп-чартов. Я утёр пот со лба, думая, что, вероятно, все усилия были не напрасны и стоили того, и у новой группы ещё полно пороху. На следующей неделе мне позвонил друг, который получал сводки хит-парадов раньше других. “Ты не поверишь в это”, сказал он. “Ваш альбом опустился с седьмой сразу на двадцать восьмую позицию”.

Тогда-то и началось настоящее безумие.

Глава одиннадцатая

«В КОТОРОЙ НАШИ ГЕРОИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ВСЯКОГО СОДЕЙСТВИЯ В СЛОЖИВШЕЙСЯ КРИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СО СВОИМ СОМНИТЕЛЬНЫМ ПРОЕКТОМ, ВСТУПИВ В СХВАТКУ, ГДЕ НЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ, С ЭТИМ ЗАБАВНЫМ ЗВЕРЕМ ПО ИМЕНИ “MTV”»

ТАБИТА СОРЕН (TABITHA SOREN), ВЕДУЩАЯ НОВОСТЕЙ «MTV»: До нас дошли слухи, что в июне в тур отправятся «Motley Crue», которые недавно вернулись на сцену с новым, одноимённым альбомом: первым за последние четыре года и первым с Джоном Кораби, который заменил оригинального вокалиста Винса Нейла. Недавно мы побеседовали с «Crue» о новом альбоме, новом звуке и новом парне. Однако когда мы завели разговор о былых временах, всё пошло наперекосяк. Смотрите.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: «Motley Crue» вернулись. Они говорят, что с новым альбомом и вокалистом они теперь круче, чем когда-либо. Но сейчас, когда металлические группы испытывают трудности с попаданием в лучшую десятку (Top Ten), волнует ли это фанатов? Всего каких-то несколько лет назад, у группы был фронтмен Винс Нейл. Новый фронтмен — бывший лидер группы «Scream», Джон Кораби.

ТОММИ: Это довольно естественное развитие. Когда Джон пришёл на прослушивание, мы искали певца. Он вошел и взял в руки гитару. Мы, типа, “Стоп, что происходит?” Мы начали джемовать, а он, типа, “Эй, а как вам вот этот рифф?” Это действительно оказалось для нас настолько естественным — подхватить рифф всей группой и джемовать вместе, и звук внезапно сделался вдвойне сочнее. И всё это начало происходить так естественно, музыка словно струилась сама собой, вот таким образом мы и сделали эту вещь.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: И Кораби теперь занял своё место в группе, мы думали, что речь идёт лишь о временной размолвке с Нейлом, которая получила огласку.

РЕПОРТЕР: Что случилось с Винсом?

НИККИ: Мм, мы прибережём это для книги.

ТОММИ: {Смеётся}.

НИККИ: Мы не хотим говорить об этом. Во всяком случае, это никому не интересно.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: Хорошо, но интересно ли им то, что их бывший коллега по группе несколько недель назад пережил

перелом нескольких рёбер и повреждение внутренних органов во время катания на водном мотоцикле?

НИККИ: {Смеётся}.

МИК: Мое сердце рвётся к тебе (My heart goes out to you — похоже, что это строчка из какой-то лирической песни). {пауза} Э, а что случилось с коралловым рифом тогда?

НИККИ: О, мужик. Ха, когда триста фунтов (~ 136 кг) жира приземляются на коралловый риф, знаешь, вокруг только пыль летает.

МИК: {поёт строчку из песни “Girls Just Wanna Have Lunch” ["Девочки просто хотят перекусить" — песня известного музыкального пародиста "Weird Al" Yankovic]} — “… как они ещё не весят тонну?” (”. how come they don’t weigh a ton?”)

НИККИ: Ладно, давайте вернёмся к нашему разговору. Итак, теперь вы знаете, что скоро должно произойти.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: По крайней мере, группа показала, что они по-прежнему обладают чувством юмора, когда их спрашивают о женщинах, огне и лаке для волос — главных компонентах их видео минувших лет.

НИККИ: Чувак, это [бип] глупый вопрос.

ТОММИ: “Dr. Feelgood” не был похож на это! “Same Ol” не был похож на это!

НИККИ: Знаете что? Давайте закончим интервью. Это [бип] действительно становится скучным. Женщины, лак для волос и огонь?! {снимает клипсу микрофона с лацкана пиджака и встает, чтобы уйти}

{В эфире демонстрируются сцены из видео «Motley Crue»: Женщины в стрип-клубе из клипа “Girls Girls Girls”, лак для волос, распыляемый из баллона в об’ектив камеры, из клипа “Home Sweet Home” и огонь, вспыхивающий вокруг ударной установки Томми Ли, из клипа “Wild Side”. На заднем плане звучит закольцованная недовольная реплика Никки, “Женщины… лак для волос… и огонь?”, синхронизированная с соответствующими картинками на экране.}

НИККИ: Чувак, кто писал эти вопросы? {остальные участники группы выходят с интервью}

Глава двенадцатая

НИККИ

«КАК НАШИ ПЁСТРЫЕ БОЛВАНЫ ОБНАРУЖИВАЮТ, ЧТО ГОРЬКИЙ ПЛОД НЕУДАЧИ ЕСТЬ НИ ЧТО ИНОЕ, КАК ОТРАВЛЕННОЕ ЯБЛОКО»

Мы сделали великолепный альбом с Джоном Кораби и были уверены, что он будет продаваться миллионными тиражами и намного переплюнет «Dr. Feelgood». Мы собирались совершить тур без всякой пиротехники, танцующих девочек и вращающихся барабанов, и, как и раньше, надрать публике задницу. Мы собирались показать им, что без фронтмена, скачущего по сцене в центре внимания, мы вчетвером можем играть тяжёлый рок-н-ролл, как никогда прежде. С этими текстами и фотографиями в фашистской форме мы собирались бросить вызов им и стереотипам, которые разрушают их умы. В конце концов, мы собирались сделать то, что мы хотели сделать, потому что, несмотря ни на что, мы были «Motley Crue».

А были ли мы ими?

Потребовался всего один концерт — первая же остановка в нашем туре — для того, чтобы все эти надежды и ожидания рухнули и сгорели у моих ног. На шоу в Тусоне, штат Аризона (Tucson, Arizona), в пятнадцатитысячный зал было продано всего четыре тысячи билетов. Перед концертом я пошел на радио и сказал фанатам, “Слушайте, это премьера тура. Поэтому я приготовил для вас нечто особенное. Встретьте меня на улице возле радиостанции после шоу, и каждого из вас я занесу в гостевой список”.

Если бы я сказал это в 1989-ом, то на стоянке перед радиостанцией собралась бы десятитысячная бушующая толпа подростков. В тот день пришли всего двое мексиканских пацанов. И тогда я понял: это конец.

С тех пор, как вышел «Dr. Feelgood», прошло четыре с половиной года, у нас был новый вокалист, и мы играли альтернативный рок, который как пришёл в то время, так и пошёл на спад. Мир не ждал нового альбома «Motley Crue», затаив дыхания.

Дело усугубило то, что наш звукозаписывающий лейбл покинул нас, потому что, пока в кабинетах начальства велась массированная битва за власть, Красноу (Krasnow) и основная

часть верхушки «Электры» и «Уорнер Бразерс» ушли со своих постов. Плюс ко всему, мы, как это нам свойственно, только что оттолкнули от себя единственных людей, которые всё ещё могли спасти альбом: «MTV». (Они без труда вырезали ту часть интервью, где я угрожал выбить зубы ведущему, если он ещё хоть раз спросит нас о женщинах, лаке для волос и огне.)

На следующем нашем выступлении из тысячи шестисот человек появились только восемьсот. Вскоре мы отправили грузовики домой, а сами от стадионных шоу возвратились к театрам, а от театров — к клубам. В прошлый раз мы летали на самолетах и играли на полностью распроданных стадионах. Теперь же на некоторых выступлениях мы вынуждены были переодеваться в нашем автобусе, потому что за кулисами не было никакой раздевалки, ползать через проход автобуса со своими инструментами и выходить на крошечную сцену, освещенную тусклыми фонарями (beer lights), чтобы играть для пятидесяти подростков.

Тем не менее, время от времени, мы бывали приятно удивлены. В Мехико (Mexico City) двадцать тысяч человек полностью забили арену, и мы играли такой сет, который, казалось, заставил нас поверить в то, что не всё ещё потеряно. Позднее Чак Шапиро (Chuck Shapiro) позвонил нам и сказал, что тур гибнет. “Что?” я отказывался признавать поражение. “Сегодня вечером здесь было двадцать тысяч орущих людей, которым сорвало крышу. Ты с ума сошёл?”

На следующий день состоялась встреча группы. Я выписал чек на семьдесят пять тысяч долларов на поддержание тура, Томми выписал чек на семьдесят пять тысяч долларов, Кораби лишился своего заработка — десять тысяч долларов в неделю — до конца тура, а что касается Мика — он не мог внести ничего, потому что Эми (Emi) забрала все его деньги. (Он не мог сказать, что мы не предупреждали его о том, что не нужно срать у себя на заднем дворе.)

Но наши усилия были тщетны. Мехико оказался счастливой случайностью, и потребовалось ещё несколько унылых клубных выступлений прежде, чем мы вынуждены были отменить тур и отправиться домой, пытаясь найти рациональное об’яснение тому, что с нами произошло.

Десять лет подряд мы были неуязвимы. Никто не мог нас тронуть. Томми и я изнасиловали пьяную девочку в коморке, и она забыла об этом. Винс убил кого-то в автомобильной катастрофе, и ему всё сошло с рук. Мы выпустили два альбома, которые мы даже с трудом помним, как записали, и они все ещё продавались, как сумасшедшие. У меня случилась передозировка,

что повлекло за собой отмену нашего европейского тура, а наша популярность только возросла. Наше эго не имело границ. Томми и я думали: к черту Винса Нейла. Он не пишет песен, он много пьет, и от него одни неприятности (he can be a pain in the ass). Мы думали, что всем были мы — Никки и Томми, «Близнецы Террора». Мы забыли, что мы были командой, и Винс был куотербэком (quarterback — основной игрок нападения в американском футболе, разыгрывающий мяч). Мы забыли о том, что сделало нас «Motley Crue»: случайное столкновение четырёх безумно заводных, безнадёжно испорченных и абсолютно разных личностей.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ: “БЕЗ ТЕБЯ”

Глава первая

ВИНС

«ВИНС ОГЛЯДЫВАЕТСЯ НА СОБЫТИЯ СВОЕЙ МОЛОДОСТИ, СОПОСТАВИМЫЕ С ВЕЛИКИМИ ДРАМАМИ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ, ОСОБЕННО С “ПАРНЯМИ ЮЖНОГО ЦЕНТРАЛА” И “БЫСТРЫМИ ПЕРЕМЕНАМИ В ШКОЛЕ РИДЖМОНТ”»[5]

Пока я оставался сам по себе, я старался избегать двух вещей: первое — слушать какие-либо песни Джона Кораби, что было нетрудно, т. к. их, в любом случае, никогда не крутили по радио. Второе — газетные вырезки обо мне. Меня настолько утомило то, что группа постоянно трердила, что я эгоист, что я живу с таким отношением к жизни, будто весь мир у меня в долгу, и что я — избалованный симпатичный мальчик, который всем причиняет одни только страдания, и им приходилось терпеть это каждый день. Никки был крут, потому что он был парнем с улицы, Мик был крут, потому что за все свои годы он переиграл в куче групп. Но никто ничего не знал обо мне. Никому не было дела, откуда я взялся. А я появился из худшего места, которое вы только можете себе представить: Комптон (Compton — город на юге Округа Лос-Анджелес, штат Калифорния).

Мой отец, Оди (Odie), был наполовину индеец и бабник из города Пэрис, штат Техас (Paris, Texas). Он работал автомехаником в Механизированном Отряде Округа Лос-Анджелес (L.A. County Mechanical Division), занимаясь ремонтом автомобилей шерифов. Моя мать, Ширли (Shirley), была наполовину мексиканка, леди из Нью-Мексико (New Mexico — штат США), которая работала на фабрике «Max Factor» (знаменитая косметическая марка). Вдвоём они зарабатывали так мало денег, что каждый год им приходилось переезжать и перевозить меня во всё более убогие районы: из Инглвуда (Inglewood) в Уоттс (Watts), а затем в Комптон, где они отдали мою младшую сестру, Валери (Valerie), и меня в детский сад. В начальной школе мы с Валери впервые поняли, что отличаемся от других: мы были единственными белыми детьми не только в нашей школе, но и во всём районе.

Несколько десятков «Крипс» («Crips» — название уличной банды) занимали помещение, которое находилось через улицу от нас, и использовали его для своих сходок, а в конце квартала был дом, где зависала другая банда «Эй-Си Дьюсис» («AC Deuceys»).

«Крипс» и «Эй-Си Дьюсис» постоянно враждовали друг с другом, что нередко сопровождалось перестрелками, и всякий раз, когда мы выходили из дома, моя мать крестилась и молила о том, чтобы никто из нас не повстречался с шальной пулей.

С каждым днём наш район, казалось, становился всё более опасным. Но мои родители отказались переехать даже тогда, когда посреди ночи, пробив стекло, в окно комнаты моей сестры влетела пуля. Однажды я шёл домой из школы и увидел, как четверо ребят подошли к хорошо одетому подростку, выстрелили в него, сняли с него кеды и оставили его лежать на улице. Он даже не мог говорить — так много было крови, которая с бульканьем вытекала у него изо рта.

Несколько дней спустя я стоял перед моим домом и ждал мороженщика, когда увидел тех же самых четверых парней на другой стороне улицы, болтавшихся возле дома «Крипс». Я взглянул на свои кеды и подумал, что они не подойдут этим ребятам, а значит, я в безопасности. Они посмотрели на меня и начали переходить улицу по направлению прямо к тому месту, где стоял я. Я мысленно помолился о том, чтобы им тоже хотелось мороженого. Высокий парень, шедший с левой стороны группы, в черной футболке, с рельефными красными шрамами на руках, не отрываясь, смотрел прямо на меня. В горле у меня пересохло, пот катился по моему телу, я стоял, как вкопанный.

Он отделился от своих друзей, подошёл ко мне и улыбнулся. Затем он схватил меня, повернул меня таким образом, что я оказался к нему спиной, засунул свои руки мне в карманы и вытащил мои деньги на мороженое. Всё произошло так быстро, что я даже не успел почувствовать, как лезвие рассекло мою кожу от уха до уха. Я подумал, что он перерезал мне горло, и когда он отпустил меня и убежал, я рухнул на землю. Я был уверен, что я мёртв.

Никто из нашего района даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне. Они только уставились на меня, словно я был мешком с мусором, который забыл забрать мусоровоз.

Я встал и положил руку себе на шею. Я был весь в крови. Но парень не задел основную артерию, а лишь порезал часть лица и подбородок. И всё это из-за пятнадцати центов. Так или иначе, но в больнице, я получил своё мороженое бесплатно.

Когда на следующий день я вернулся в класс, моя учительница, миссис Андерсон (Mrs. Anderson), окружила меня такой заботой, что это почти того стоило. Даже до наступления половой зрелости у меня был нюх на фотомоделей (I had a nose for Playmates), и не только потому, что миссис Андерсон в прошлом была ею, но и потому, что она всё ещё выглядела, как

фотомодель. У неё были длинные отглаженно-прямые каштановые волосы и фигура, которая заставляла меня чувствовать себя волком-деревенщиной из мультика компании «Уорнер Бразерс», у которого при виде столичной актриски (big-city showgirl) изо рта по полу выкатывался язык. Благодаря миссис Андерсон, я сделал открытие, которое должно было стать руководящим принципом всей моей жизни: тёлки — это круто (chicks are hot). Я не понимал, что такое сиськи или что такое секс, но где-то глубоко внутри я знал, что независимо от того, что означают все эти слова, их определением является миссис Андерсон. Я использовал каждую возможность, чтобы быть рядом с нею. (У меня всё ещё хранится каталог «Плэйбоя», где есть её фотография). [«Playmate book» — книга, где собраны фотографии всех девушек месяца за всю историю журнала «Playboy», начиная с 1954-го года].

В её классе, если вы вели себя хорошо, сидели, сложив руки должным образом на парте, и читали вслух с надлежащей дикцией, миссис Андерсон удостаивала вас чести ходить на обед и на перемену впереди строя. А когда миссис Андерсон вела колонну учеников, она держала вас за руку. В тот день в школе я снова держал руку миссис Андерсон: кажется, она подозревала, о чём я думаю. На родительском вечере (parents' night) я был так смущён, что представлял её всем, как свою мать. Я хотел быть её любовником или её сыном. Мне было всё равно кем.

Она открыла во мне что-то, что никогда больше не закрывалось. Благодаря ей, на следующий год, когда мне исполнилось десять, я очутился в собачьей конуре с девочкой по имени Тина (Tina). Засунув руки ей под юбку, я исследовал то, что там находилось. Я не знал, какой он — секс, поэтому, по моим представлениям, это было именно то, чем нужно заниматься с девочками. Однако, несмотря на то, что мы были так юны, мы вовсе не были невинны. Дети в моём классе входили в банды. Некоторые из них даже носили ножи в коробках из-под завтрака, а у кого-то в шестом классе уже был пистолет. Я быстро усвоил главное правило выживания: дружить нужно с теми, кто больше тебя самого. Одним таким гигантом был Эндрю Джонс (Andrew Jones), мой одноклассник, брат которого был лидером «Крипс», таким образом, это защитило меня от беспокойного соседства с ними.

Как только я был принят крутыми парнями, я в значительной степени стал таким же преступником, как и они. Я бросал камни в окна автомобилей и поджигал урны с мусором в школе. У некоторых из детей были пневматические пистолеты («BB gun» — пистолет, который стреляет металлическими шариками

посредством балончика со сжатым воздухом), и мы собирались на пустыре и играли в “войнушку”. Я почти каждый день возвращался домой с кровоточащими ранами на голове, груди и руках. Со временем, пока криминальная обстановка в нашем районе продолжала ухудшаться, пустыри превратились в дешёвые склады. Однажды после школы трое чёрных парней, один полинезиец (samoan) и я перелезли через забор с колючей проволокой и прокрались мимо двух охранников, чтобы взломать склад, который был набит всякими сувенирами с побережья — гигантскими раковинами моллюсков, морскими губками и ожерельями из кораллов. Мы взяли всё, что только могло поместиться в наши рюкзаки и продали это на углу улицы. Возможно, если бы я вырос в нормальном районе, я продавал бы лимонад в киоске, вместо того, чтобы торговать ворованными вещами (hot merchandise).

На толкучке в Комптоне на заработанные таким образом деньги я купил свою первую кассету — “Cloud Nine” группы «Temptations» (сингл, выпущенный в 1968-ом году). Вскоре я увлёкся музыкой всей душой: Эл Грин (Al Green), «Spinners», «Temptations», «Four Tops». В то время это была музыка гетто. С моими дополнительными деньгами (и с пятью долларами еженедельного заработка за чистку «Форда» и мойку окон для моего папы), я начал покупать себе миниатюрные модели автомобилей (matchbox cars) и синглы, такие как: “Smoke on the Water”, “Dream On”, “Hooked on a Feeling”, “The Night Chicago Died” и мою любимую “Clap for the Wolfman”.

Но моему богатству скоро пришёл конец, когда полиция поймала меня на выходе со склада с коробкой украденных товаров для сада, на меня надели наручники и вернули родителям. Когда на следующий день я пришёл домой из школы с рассказом о том, как какие-то дети выбросили учителя из окна, с моих родителей, наконец, стало достаточно всего увиденного и услышанного. Оба они работали целыми днями и не хотели иметь двух безнадзорных детей, бегающих по Комптону с краденными цветочными луковицами и наблюдающих, как их учителя вылетают из окон. Они перевезли мою сестру и меня в дом моей тёти в Глендора (Glendora) до тех пор, пока они не смогут продать дом в Комптоне.

В итоге, моя мама нашла себе более выгодную работу на фабрике по производству зубных скоб и место в Глендора, куда я перешёл учиться — «Санфлауэр Джуниор Хай» («Sunflower Junior High»). Если не считать уроков миссис Андерсон, я всегда был ужасным учеником, и, по сравнению с Комптоном, занятия в «Санфлауэр» давались мне с большим трудом. Оказалось, что я

практически не могу написать даже простое предложение — выяснилось, что я страдаю некоторой формой дислексии (дислексия — неспособность к чтению). Вместо того, чтобы работать над этой своей проблемой, я предпочитал прогуливать школу, учиться сёрфингу и зарабатывать деньги способом, которым я делал это в Комптоне. Однажды по дороге в школу я нашел книгу в мягкой обложке полную откровенных сексуальных фотографий. Когда я рассказал об этом другим детям, все они захотели на это взглянуть. Но книга была не их: она была моя. И если им так ужасно хотелось её посмотреть, то они должны были заплатить за это. Я спрятал книгу в куче всякого барахла в сарае в саду нашего ближайшего соседа, и каждый день вырывал оттуда по десять страниц, приносил их школу и продавал им по четвертаку за каждую (quarter — 25 центов). Примерно после семьдесяти страниц меня поймал наш учитель физкультуры, когда кто-то из ребят, развесивших фотографии по стенам раздевалки для мальчиков, рассказал ему, где он взял порно.

Когда я был временно отстранен от занятий, я решил, что нужно просто избавиться сразу от всей книги за пять долларов. Т. ч. я пошел в сарай моего соседа, открыл дверь и обнаружил, что книга исчезла. Я так и не узнал, кто её взял. Наверное, это был Томми Ли.

Когда мне было пятнадцать, и хотя у меня ещё не было водительских прав, мой отец отдал мне свой пикап «Чеви» 54-го года (’54 Chevy pickup truck), чтобы я мог ездить на нём в «Джуниор Хай». С движением пришла свобода, и я открыл для себя наркотики, алкоголь и траханье. Я отправлялся на пляж, всё утро рассекал волны на доске, пил “отвёртку” (screwdriver — коктейль, смесь водки с апельсиновым соком), а затем отрубался прямо на берегу. Я всегда засыпал, положив руку себе на живот, т. ч. большую часть моих подростковых лет я проходил загорелым с ног до головы, за исключением белой “татуировки” в форме руки у меня на пузе.

Мой приятель по серфингу Джон (John) подогнал мне мой первый наркотик — «ангельскую пыль» (angel dust). Я попробовал его, когда мы с четырьмя друзьями, втиснувшись в «Нова» 65-го года (’65 Nova — модель автомобиля марки «Шевроле»), смотрели «Серебрянную стрелу» в кинотеатре для автомобилистов на открытом воздухе. («Silver Streak» — приключенческий фильм 1976-го года). Джон смешал марихуану с «ангельской пылью» и вручил мне косяк. Я не знал, сколько нужно выкурить, но я не хотел отставать от Джона, так что кончилось всё тем, что на меня напал такой ступор, что я даже едва мог двигаться и говорить. Мне хотелось, чтобы это поскорее закончилось. Подошёл

охранник, постучал в окно, и я был уверен, что сейчас он заберёт нас в тюрьму, особенно когда Джон опустил стекло, и из салона наружу повалил дым.

“Сэр”, сказал охранник. “Пожалуйста, снимите вашу ногу с тормоза. Ваши задние фонари мешают людям в автомобилях позади вас”.

“А, я не знал”, сказал Джон и убрал ногу с педали.

Я вышел из машины, чтобы сходить в закусочную, которая находилась позади автостоянки. Хотя тротуар совсем немного поднимался наверх, я чувствовал себя, будто взбираюсь на гору. Я начал потеть и задыхаться, стараясь изо всех сил передвигать ноги. По времени это заняло целую вечность, т. к. я постоянно останавливался, чтобы прислониться к какому-нибудь автомобилю и передохнуть. На обратном пути улон казался настолько крутым, что я едва мог идти. Я упал примерно восемь раз и ободрал себе все колени и руки, пытаясь завершить спуск с этой горы Эверест (Mount Everest), которая, если бы мне так не вставило, казалось, была совершенной равниной. Не преодолев и половины обратного пути, я просыпал весь попкорн и пролил всю содовую, которые нёс в руках. Конечно, я был настолько обдолбан, что, спотыкаясь и курсируя по направлению к нашему автомобилю, я продолжал судорожно сжимать пустые стаканы и картонные коробки, будто они всё ещё были полны.

Вскоре Джон дал мне покурить прямо в школе. На уроке английского я чувствовал себя настолько потерянным в пространстве, что всякий раз, когда учительница обращалась ко мне, я сидел неподвижно за своей партой без малейшего признака того, что я её слышу. Когда она отправила меня в кабинет директора, я туда не пошёл. Два часа спустя, директор обнаружил меня, блуждавшего по футбольному полю. Я понятия не имел, где я нахожусь.

Затем Джон принёс «уайт кросс» (white cross) или «кросстопс» (cross tops) (маленькие белые таблетки с маркировкой “X” наверху) [наркотики амфетаминовой группы], которые в соединении с «ангельской пылью» превращали меня в психопата с пеной у рта. Однажды днем, нажравшись таблеток и «пыли» на стоянке перед школьной столовой, я заметил, что с крыши моего пикапа пропали крепления для сёрферных досок. Я неистово искал их повсюду, пока не обнаружил их в машине одного футболиста по имени Хорэс (Horace). Я рванул в школу, нашел его возле его шкафчика и встал с ним лицом к лицу. Он был грудастым (steel-chested), стриженным под горшок (bowl-cutted) качком, который всё время навострял свои ногти и зубы, превращая их в когти и клыки, чтобы терроризировать

младшеклассников (underclassmen). После того, как он сказал, что не видел моих креплений, он подошёл ко мне вплотную, притиснул моё лицо своей грудью и посмотрел вниз. “Ну, и что ты будешь теперь с этим делать”, рявкнул он, пыхтя своим звериным дыханием прямо мне в макушку.

Даже не колеблясь и не раздумывая ни секунды, я сжал свой кулак и ударил его прямо в лицо. Удар был настолько сильным, что я услышал хруст. Он рухнул на землю, словно подстреленная обезьяна с дерева, треснувшись головой об пол. Его зрачки в глазницах закатились наверх, и он отключился. Меня, чёрт возьми, так потрясло, что я уложил его подобным образом — со сломанным носом и свёрнутой скулой.

Я пошёл в школьную столовую, теребя и потирая свои кровоточащие суставы и делая вид, будто ничего не случилось. Десять минут спустя, вошёл директор, посмотрел на мои суставы, отвёл меня в свой кабинет и арестовал за нападение. Мама забрала меня из полицейского участка, и хотя мне не было пред’явлено никаких обвинений, я на четыре дня был отстранен от занятий. Когда я вернулся в школу, никто со мной больше не связывался, и все другие футболисты, которые по каким-то причинам ненавидели Хорэса, смотрели на меня, как на героя.

Около школы в Сан Гэбриэл Вэлли (San Gabriel Valley) был роллердром (roller-skating rink) под названием «Роллер Сити» («Roller City»), где Джон и я пытались цеплять девчонок. Там я впервые понял, что мне нравится выступать на сцене. Каждый день они устраивали конкурсы пения под фонограмму (lip-synching contest). Так что я, Джон и ещё один приятель по сёрфингу записались туда. Мы напялили на себя брюки клёш (flared pants), кричащие полурасстёгнутые рубашки из полиэстера (loud open-buttoned polyester shirts), парики и другие причиндалы, которые, как мы предполагали, должны носить рок-звёзды. Песня дня была “Let It Ride” группы «Bachman-Turner Overdrive», так что я скакал по всей сцене, дурачился (goofed off), играл на воображаемой гитаре и раскручивал микрофон. Толпа проглотила это с восторгом, и мало того, что мы победили, но мне ещё и удалось перепихнуться тем вечером. Вскоре я и мои друзья начали раз’езжать по роллердромам в Кукамонга (Cucamonga — город в Округе Сан-Бернардино, штат Калифорния) и ярмаркам в Даймонд Бар (Diamond Bar — город в Округе Лос-Анджелес, штат Каллифорния), чтобы участвовать в подобных состязаниях. В следующий раз, две недели спустя, я победил, нарядившись нечто средним между Рэйем и Дэйвом Дэвисом (Ray and Dave Davies) из «Kinks» для исполнения “You Really Got Me”. Но отличием этого конкурса от других было то, что я пел по-настоящему. И звучал я

весьма достойно. Я никогда и не думал, что во мне это есть.

Теперь, когда у меня была машина, длинные волосы и когда я был почти что певцом, девочки преследовали меня повсюду. Так как мои доверчивые родители весь день работали, я водил девочек домой и трахал их там во время обеденного перерыва. Какое-то время я встречался с наркоманкой (stoner) по имени Джоди (Jodie) и девчонкой, чьё настоящее имя, как ни странно, было Кэнди Хукер (Candy Hooker — можно перевести, как "Сладкая Шлюха"). (Её отец изобрел "Hooker Headers" [особые выхлопные трубы] для гоночных автомобилей). Я полагал, что для школьника я довольно крут, возможно, даже слишком крут.

Во время одного обеденного перерыва я отправился на автостоянку с девочкой по имени Тами (Tami), которая начала проявлять ко мне внимание после того, как я сломал себе ногу, катаясь в скейт-парке в Глендора. Я трахал её прямо на капоте свего пикапа, а полуденное солнце сверкало на моей заднице. Этим всё и кончилось. Я не вспоминал о ней до тех пор, когда два месяца спустя она оттащила меня в сторонку после занятий, и я естественно предположил, что она хочет ещё. Но вместо этого она сообщила мне, что беременна и что она хочет оставить ребенка. На самом деле я не любил её и не хотел иметь подругу, но когда я понял, что она собирается это сделать, я попытался заставить это работать. Я провёл с нею много времени и поддержал её, когда её выгнали из школы, потому что беременным девочкам не позволялось посещать занятия. (В итоге, мы закончили с ней одну и ту же школу для взрослых [continuation school]).

Когда мне было шестнадцать, она родила мальчика, Нейла (Neil). Я работал в звуковой команде (sound crew), разгружая оборудование для концерта «Runaways», когда моя мама примчалась на стоянку и сообщила мне, что у меня родился сын. Несмотря на то, что я провёл последние семь месяцев с Тами, до меня так не дошло, что на самом деле происходит, пока я не увидел этого симпатичного лысого слюнявого крошку, которому моя сперма дала жизнь. Я посмотрел на него, влюбился, а затем впал в шоковое состояние. Мне казалось, я не знал, что с ним делать. К счастью, родители Тами и мои родители помогли поставить его на ноги, а я стал единственным парнем в «Чартер Оук Хай Скул» («Charter Oak High School»), который получал пособие на ребенка.

В тот год в мою школу перешёл парень по имени Джеймс Олверсон (James Alverson). Он был гитаристом, и было похоже, что он пришёл в школу не учиться, а формировать группу. Как только он переступил порог школы, он начал высматривать и оценивать каждого более или менее подходящего парня, словно

он был искателем талантов (talent scout). Наконец, его выбор остановился на мне. Я даже не должен был петь для него: я понравился ему просто потому, что у меня были самые длинные волосы во всей школе.

Он нашёл басиста по имени Джо Маркс (Joe Marks) и барабанщика по имени Роберт Стоукс (Robert Stokes), оба чувака были сёрферами с длинными бакенбардами. От нашей первой репетиции осталось хорошее впечатление. Джеймс был великолепным гитаристом, у него были длинные белокурые волосы, как у меня, он моделировал свою манеру игры под Эдди Ван Хэйлена (Eddie Van Halen) и причудливо двигался, напоминая на сцене Рика Нильсена (Rick Nielsen — гитарист группы «Cheap Trick»). Когда я начал петь, то отлично его дополнил, т. к. мой голос звучал подобно Робину Зандеру с его зажатыми яйцами (Robin Zander — вокалист группы «Cheap Trick»). Джеймс назвал нас «Rock Candy» и заставил разучивать “I Want You to Want Me” «Cheap Trick», “Sweet Emotion” «Aerosmith» и “Smokin’ in the Boys Room” «Brownsville Station» для нашего первого концерта на местном школьном балу.

Вскоре мы придумали великолепную афёру для того, чтобы иметь наличные: мы выбирали какого-нибудь идиота в школе, у которого не было друзей, узнавали, когда его родители уезжают из города, и делали ему коммерческое предложение, которое звучало примерно так: “Эй, слушай, мы знаем, что ты хочешь быть популярным в школе. Есть легкий способ этого добиться. Когда твои родители уедут, устрой вечеринку у себя дома. Мы бесплатно сыграем и, можешь быть уверен, придёт куча тёлок. Все, что тебе нужно делать — быть дома и, возможно, купить алкоголя, если сможешь, тогда у тебя будет бесплатная группа, и ты сможешь подцепить любую девчонку, какую только захочешь отвести в спальню своих родителей. Ну, что скажешь?”

Они всегда соглашались. Затем мы распространяли по школе слух о предстоящей вечеринке, собирали с каждого по доллару за вход, и после того, как приходило триста или четыреста человек, сами же вызывали полицию и срубали, таким образом, примерно по сто долларов на брата.

Разрываясь между «Rock Candy», сёрфингом, Тами, Нейлом, «кросстопс» и «ангельской пылью», у меня совершенно не оставалось времени на учёбу, и вскоре меня выгнали из школы. Я работал, подметая студию звукозаписи в обмен на репетиционное время для «Rock Candy». Но когда я понял, что стримительно двигаюсь в никуда, я решил послушать моих родителей и попытаться закончить школу. Выдав адрес студии за свой собственный (так, чтобы мои родители не видели моих табелей

успеваемости и дисциплинарных уведомлений), я поступил в «Ройал Оук Хай» в Ковина (Royal Oak High in Covina), где по утрам пил пиво, а затем прогуливал дневные занятия, джемуя с Томми Ли — худым, легковозбудимым парнем, который играл на закрытых вечеринках с другой группой «U.S. 101». Хотя я был знаменитостью в школе, благодаря «Rock Candy», Томми был единственным парнем, который мне действительно нравился, и кто был мне небезразличен. Со всеми остальными я дрался.

Когда мои родители уехали на уик-энд, я заказал концерт «Rock Candy» в своем собственном доме и пообещал группе, что на сей раз не буду вызывать полицию. Пришло около четырёхсот человек, но посреди всего этого безумия вместо полиции неожиданно возвратились мои родители. Странно, но они не рассердились; они смотрели, как я пел, а потом мой папа ухаживал за девочкам из школы, а моя мама готовила напитки.

После вечеринки они никогда не говорили мне ни слова об этом. Возможно, мои родители, так много повидавшие в Комптоне, были только рады тому, что я росту живым и жизнерадостным. Или потому, что знали, что, если бы они попытались осудить меня, я ушёл бы из дома и ночевал бы в студии или у Томми. Независимо от того, что они думали, мне удалось избежать каких-либо неприятностей даже тогда, когда меня окончательно выгнали из школы.

Мои родители не могли меня остановить, директор моей школы не мог меня остановить и Хорэс, самый здоровенный футболист в округе, не мог меня остановить. Наверное, именно это и внушило мне ощущение неуязвимости, которое не смогло рассеять даже то, что происходило со мной в «Motley Crue». Без этого, вероятно, я никогда бы не был уверен в себе настолько, чтобы, когда появилась такая возможность, стать лидером такой противоречивой и ошеломляющей группы, как «Motley Crue». Первое, что я сделал, когда «Motley Crue» стала знаменитой, я сел в длинный белый лимузин и попросил водителя отвезти меня в мой старый школьный двор, где я показывал всем учителям средний палец (flipped off) и орал, “Пошли вы…, задницы!” (”Fuck you, assholes!”) из окна так громко, как только мог. По моему мнению, они обманули меня. Они не были мне нужны вообще.

Я не думал, что могу усвоить какой-то урок, потому что я считал их бесполезными. Я не читал, не писал и не думал. Я просто жил. Что было в прошлом, оставалось в прошлом, что должно было случиться в будущем, так или иначе, случится. То, что происходит в настоящий момент, всегда интересовало меня больше всего. Поэтому, когда пришло время платить по счетам, миновало уже тридцать четыре года моей несокрушимой жизни.

Мало того, что я не ожидал этого, но я не мог даже предположить такой возможности. Однако судьба всегда находит ваше слабое место, там, где вы меньше всего этого ожидаете, указывая на него, чтобы вы поняли, насколько это вызывающе очевидно, а затем беспощадно наносит удар прямо в его самый уязвимый центр.

Глава вторая

ТОММИ

«О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО МЕЖДУ ТОММИ И ВИНСОМ, И КАК ЭТО ПРИВЕЛО К ПЕРЕСМОТРУ МНЕНИЯ ОБ УМЕСТНОСТИ ВЫСВОБОЖДЕНИЯ ЖИДКОСТЕЙ НА ПОРТРЕТ ВЫШЕУПОМЯНУТОГО ПЕВЦА»

Наше отношение было таким: К чёрту Винса, чувак. Он ленивый, ему на всё насрать, он не вносит никакого вклада в «Motley Crue» и у него нет ни малейшего грёбаного уважения к кому-либо из нас. Мы об'единились против долбаного Винса: он стал для нас боксёрской грушей. Мы даже прикрепили его фотографию на задней стенке унитаза, чувак, чтобы, каждый раз отправляясь в уборную, мы могли помочиться на его лицо.

Но суть была в том, что, Винс никогда не опускал нас, когда покинул группу. Это мы опускали Винса. Так кто из нас был козлом (asshole)?

Я не разговаривал с Винсом три года, шесть месяцев и шесть дней после того, как он ушёл — пока не услышал, что его дочь Скайлэр впала в кому и умерла. Той ночью я позвонил ему домой. Его голос не был даже похож на Винса, которого я знал. По телефону в течение часа или более того он то рыдал, то лепетал что-то, то принимался бранить самого себя. Всё это было ужасно.

“Это против законов, мужик”, кричал он, колотя телефоном обо что-то. “Это против правил вселенной”.

Я не мог понять ни единой вещи из этого безумного разговора, кроме того факта, что парень испытывал чрезвычайную боль и, вероятно, прятался сейчас на дне бутылки. Я даже не знаю, как он смог это прежить и сумел снова стать человеком. Не думаю, что он даже помнит этот мой звонок.

Глава третья

ВИНС

«ОТНОСИТЕЛЬНО СОБЫТИЙ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ БЫТЬ СЖАТЫ ДО ЛАКОНИЧНОЙ ФРАЗЫ ИЗ АНОТАЦИИ К БЕЗДЕЛУШКЕ В АНТИКВАРНОЙ ЛАВКЕ»

Сначала Шариз подумала, что это грипп. Скайлэр жаловалась на боли в животе, головную боль и тошноту, поэтому Шариз уложила её в постель. Той ночью Скайлэр стало хуже. Боль стала настолько сильной, что она складывалась пополам (doubled over), хватаясь за живот. Когда Шариз попыталась отвести её в туалет, то обнаружила, что Скайлэр стало на-столько плохо, что она даже не может идти. Она убрала светлые (dirty blond) волосы с лица Скайлэр, промокнула слёзы бумажной салфеткой («Kleenex») и отвезла её в больницу.

Она позвонила мне, как раз в тот самый момент, когда я был на послегоночной вечеринке на Гран-При в Лонг-Бич (Long Beach Grand Prix). Я примчался в медицинский центр «Уэст Хиллс» (West Hills Medical Center) с ещё большей скоростью и адреналином, чем во время гонки, и присоединялся к Шариз, которая плакала на плече у своей матери в реанимационном отделении (emergency room) больницы. Последний час был просто кошмаром, сказали они. Врачи предположили, что у Скайлэр произошёл разрыв аппендикса. Но когда они сделали ей анестезию и начали операцию по удаления аппендицита, то обнаружили, что её аппендикс цел и невредим. Вместо этого они увидели злокачественную опухоль, разросшуюся по всему её животу и распространяющую рак по всему её телу. Они сказали, что опухоль была размером с софтбольный мяч (softball — разновидность бейсбола). Я не мог понять, как такая большая опухоль могла появиться в теле Скайлэр: я всегда связывал рак и опухоли со стариками, но никак не с моим четырёхлетним ребёнком.

Спустя час они позволили Шариз и мне пройти в отделение интенсивной терапии (intensive care unit), чтобы видеть Скайлэр. Когда я увидел её со всеми этими трубкам, присоединёнными к аппаратуре, то впервые в своей жизни я не знал, что делать. Это была моя дочь, подключенная к системе жизнеобеспечения. Когда я видел её всего неделю назад, она бегала вокруг моих ног, пытаясь закружить мне голову.

Впервые за два года Шариз и я сидели рядом, не говоря ни слова, в ожидании, когда Скайлэр пошевелится. Спустя ещё час она заворочалась, забормотала что-то о Золушке и снова уснула. Мы с Шариз смотрели друг на друга и хотели плакать от облегчения.

На следующий день Скайлэр была практически в полном сознании. Как и я предыдущей ночью, она так перепугалась, увидев все эти трубки и аппаратуру. Она спросила, где она и почему она здесь, и что это за такие штуковины. Мы об'яснили так осторожно, как только смогли, что у неё в ее животике выросло что-то вроде цветка, но он не должен расти там, и поэтому врачи его вынули. Она слабо улыбнулась и сказала, что хочет поехать домой.

Я спросил у врачей, когда я смогу забрать Скайлэр домой, и они ответили, что сначала её необходимо перевезти в лос-анджелесскую детскую больницу (Children's Hospital in Los Angeles), чтобы удостовериться в том, что они удалили все фрагменты опухоли. Я слышал об этой больнице, потому что ею управлял фонд Ти Джея Мартэлла (T. J. Martell Foundation), который помогает детям больным лейкемией, раком и СПИДом. Так как за эти годы «Motley Crue» внесли немалый вклад в этот фонд, сыграв, например, против «Fleetwood Mac» в софтбол в первой благотворительной игре их турнира «rock-and-jock» (мы победили), я позвонил Тони Мартэллу в слезах, и он уверил меня, что о Скайлэр позаботятся самым лучшим образом.

Я ехал в детскую больницу в санитарной машине со Скайлэр, и как только мы приехали, они сделали ей сканирование при помощи компьютерной томографии (CAT — Computer-Aided Tomography). Мысль о том, что в таком юном возрасте её облучают радиацией, вызывала у меня отвращение, но у меня не было выбора. Хайди вернулась из Флориды, поэтому вместе со мной и Шариз она ждала результатов. Сидя там, мы испытывали такую неловкость и стеснение, что сжевали все свои ногти до кожи. Когда возвратился врач, вся ревность и неприязнь, которые всё ещё оставались между нами троими, были навсегда вытеснены новостями. Врач сказал, что на обеих почках Скайлэр имеются опухоли. Они должны были работать снова, чтобы удалить их. Когда мы сказали об этом Скайлэр, она уткнула своё личико в грудь Шариз (she buried her face in Sharise's chest) и снова спросила, когда она сможет поехать домой. "Скоро", сказали мы ей. "Очень скоро".

Музыкальные студии, стрип-клубы, концертные залы и всякое подобие моей прежней жизни исчезли, т. к. больница стала центром моего существования. Даже бракоразводный процесс, по

которому мы с Шариз вели тяжбу вот уже два года, был приостановлен. Каждый день Шариз, я, наши родители или Хайди сидели со Скайлэр в её палате, упрашивая её потерпеть ещё немного. Мы постоянно говорили ей, что ещё только одна операция, ещё только одна процедура, ещё только один день и всё это закончится. Но с каждым днём новости становились всё хуже и хуже.

Когда врачи привезли Скайлэр в операционную, чтобы удалить опухоли на её почках, они откинули лоскуты её кожи и были в ужасе от того, что они там увидели. Опухоли были на-столько большие, что простое их удаление было бы смертель-ным. Они зашили её обратно и сказали нам, что она должна будет подвергнуться более интенсивной лучевой терапии (more radiation treatment). Они сказали, что таким образом опухоли сожмутся до такого размера, когда их можно будет благополучно удалить.

Постепенно я снова начал пить, чтобы справиться с болью. Я оставался в детской больнице до тех пор, пока это было позволено, а затем отправлялся прямо в «Муншэдоуз» («Moonshadows» — ресторан на берегу Тихого Океана) в Малибу (Malibu) и напивался там до такой степени, что не мог вспомнить собственное имя. Следующим утром я просыпался, ехал в больницу, проводил там весь день и, возможно, даже спал там, а затем снова нарезался в «Муншэдоуз». Я знал, что было неправильным пить в такое время, но для меня это был единственный способ избежать полного помешательства. Всё моё существо сжалось всего до трех эмоций: тревога, депрессия и гнев. Я все время был зол. Когда какой-то парень в синем «БМВ» («BMW») подрезал меня на Пасифик Кост Хайвэй (Pacific Coast Highway), я ударил по тормозам и заорал, "… твою мать!" ("Fuck you!") Парень вышел из своего автомобиля, я вышел из своего. Хайди, которая сидела на переднем сидении, в ужасе крикнула, "Что с тобой такое?!" Я снова сел в машину, в гневе плюнул на лобовое стекло и приготовился ехать дальше, когда парень бросился к моему капоту и отказался двигаться с места.

"Он сам напросился, мать его!" ("That's fucking it!") крикнул я Хайди. Я выскочил из машины, хлопнул дверью так, что от неё отлетело зеркало, за воротник рубашки оттащил парня от капота и ударил его кулаком в лицо прямо на глазах у толпы зевак. Я ударил его так сильно, что на суставах моей руки оголились кости. Парень рухнул на землю, кровь струилась у него из лица, будто оно было раздроблено топором. Прохожие были вынуждены вызвать карету скорой помощи, чтобы отскрести его от асфальта. Я уехал прежде, чем прибыли полицейские и отвезли его в

больницу. Я не собирался больше тратить время на этот кусок дерьма.

Как только я вошёл в больницу, врачи заметили гнев, все ещё кипящий на моём лице, а затем сгустившуюся кровь на моей руке, и им не нужно было спрашивать о том, что произошло. Они привели меня в рентгеновский кабинет и вскоре сообщили, что я сломал себе руку. Они наложили мне повязку и сказали, что за это не нужно будет платить. Они понимали, через что я проходил, т. к. уже много раз видели это прежде, хотя, возможно, не в такой степени самоуничтожения.

Всё чаще я засыпал у кровати Скайлэр в слезах и смущении с мыслью о том, что эта неподвластная мне болезнь растёт и пожирает мою дочь, мою жизнь и наше будущее вместе. Каждый раз, когда я возвращался в больницу, Скайлэр испытывала всё большую боль и смятение. В больнице мы могли смотреть «Женатый… с детьми» («Married… With Children» — телевизионный сериал). Всего месяц назад в то время, когда он шёл, она обычно бросала все дела и танцевала по дому под мелодию песни Фрэнка Синатры (Frank Sinatra), “Love and Marriage”. Те-перь же она только вяло глядела в телевизор в полузабытьи от морфия. Если нам везло, улыбка проскальзывала по её лицу и заставляла наши сердца биться от счастья.

С опухолью на правой почке, которая начала давить на её легкие, пытаться сохранить эту улыбку — было проигрышным сражением. Я привёз Скайлэр её любимые игрушки и одежду, в которой она любила танцевать. Мы смотрели диснэевские мультики (Disney videos) и вместе пели детские песенки. Так как теперь я был подписан на «Уорнер Бразерс Рекордс» («Warner Bros. Records»), я использовал свои связи, чтобы пригласить в больницу актёров в костюмах Багза Банни и Сильвестра (Bugs Bunny, Sylvester — персонажи мультфильмов компании «Уорнер Бразерс») с большими корзинами подарков для Скайлэр и других детей из её палаты. На Пасху (Easter) Хайди и я поехали в «Сав-он» («Sav-On» — магазин товаров для проведения праздников) и купили полные мешки леденцов и наборы для раскрашивания пасхальных яиц (Easter egg painting kits). Затем я сделал что-то, чего я никогда не сделаю для «Motley Crue», даже если они будут умолять меня об этом: я снял свою одежду и надел гигантсий пушистый костюм пасхального кролика.

Скайлэр даже не узнала меня, пока я не начал говорить, тогда она разразилась смехом. Я плакал, под душным костюмом слезы смешивались с потом, я обернулся и сказал, “Шариз, подай мне вон те пасхальные яйца”.

“Как ты назвал меня только что?” послышался резкий, колкий

и сердитый голос Хайди. Шариз даже не было в больнице, и если есть что-то, что не может простить подруга, так это то, когда её назвают по имени бывшей жены (ex's name), даже если это происходит у постели больного ребенка. За несколько минут Пасха превратилась в Хэллоуин (Halloween), когда мы устроили целое шоу с переодеваниями для детей. Для относительно молодой девушки в этих новых отношениях со мной Хайди находилась под очень большим давлением, на которое она никогда не рассчитывала, между тем фактом, что технически я всё ещё был женат, и тем, что все наши свидания проходили в присутствии медсестёр и Шариз, вместо официантов и друзей. Сначала все видели в ней просто белокурую чувиху (blond bimbo). Но после месяцев того, как Хайди нанимала актёров в образе Белоснежки (Snow White), каждый день сидела у кровати Скайлэр, держа её за руку, будучи при этом очень осторожной, чтобы не конкурировать и не сталкиваться с Шариз, врачи и семья Шариз, в конечном счете, принял её, хотя и не до такой степени, чтобы считать её членом семьи.

"Папа", спросила Скайлэр, когда она проснулась однажды утром, "Я ведь больше никогда не поеду домой, правда?"

"Конечно же ты поедешь домой", сказал я. И я не лгал. Врачи сказали мне, что мы можем забрать Скайлэр домой и просто привозить её на химиотерапию. После месяца, проведённого на больничной койке, Скайлэр, наконец, вернулась в свою собственную спальню. К сожалению, ей не пришлось наслаждаться этим долго. Каждую ночь она спала всё меньше и плакала всё больше, говоря, что у неё болит живот. Когда она ходила в туалет, она кричала от боли, что было более мучительно, чем что-либо из того, что я испытывал в жизни восемь раз до неё (than anything I'd experienced in a life eight times as long as hers).

Мы вернули Скайлэр в больницу всего после четырёх ночей, проведённых дома. Врачи сказали, что ткани рубцов на её кишечнике, образовавшихся после операции, скрутили его и затрудняли его работу. Когда Шариз сказал нашей дочери, что ей предстоит ещё одна операция, Скайлэр сказала самым сла-бым, самым грустным и самым невинным голосом, который я когда-либо слышал: "Мама, я не хочу умереть". Она знала, что то, что происходит с нею, ненормально, что все улыбки и шутки от нас с Шариз вызваны лишь тем, что родственники и друзья, которые посещали её, обычно плакали при виде её.

"Хорошие врачи помогут тебе заснуть ненадолго, а сами тем временем сделают ещё одну операцию", сказала Шариз, вытерая пот со лба Скайлэр. "А когда ты проснёшься, мама и папа будут

ждать тебя прямо здесь. Мы любим тебя, солнышко. И всё будет хорошо. Мы все скоро снова будем дома". Мне ужасно хотелось верить, что то, о чём говорит Шариз, непременно сбудется.

После операции Скайлэр выглядела ещё хуже, чем прежде. Я впервые заметил, как вся жизнь ушла с её лица, каким напряжённым и прирывистым стало её дыхание, как каждая унция детского жира сменилась обтянутыми кожей костями. "Папа", попросила она. "Пожалуйста, не позволяй им больше меня резать".

Я не знал, что на это ответить: врачи уже сказали мне, что придётся удалить её правую почку. Три дня спустя она снова лежала в операционной. И когда врачи привезли её обратно, это не было похоже на телешоу. Они так и не сказали: "По-здравляем, операция прошла успешно". Они сказали, "Мне очень жаль, Винс. Но произошло нечто неожиданное. Рак рас-пространился на её печень, кишечник и мышцы спины".

"Вы удалили почку?"

"Нет. Мы так и не смогли удалить опухоль. Она не реагирует должным образом на химиотерапию (chemo). Она так сильно опоясывает её почку, что удаление привело бы к фатальной потери крови. Однако это не подразумевает того, что нет никакой надежды. Есть другие доступные нам способы, и, если на то будет Божья воля, один из них избавит её от этой штуки навсегда".

Но "эта штука" продолжал расти, с'едая девочку, которую я любил слишком сильно и слишком поздно. 3-го июня я получил телефонный звонок от онколога, отвечающего за врачей Скайлэр. Когда вы каждый день проводите в больнице, по-следнее, что вам хочется сделать — дома поднять трубку и ус-лышать голос врача, потому что это может означать только одно. Скайлэр прекратила дышать, сказал мне онколог. Врачи только что подключили её к аппарату искусственного дыхания и ввели ей вещество, которое парализовало её с той целью, чтобы она не расходовала лишнюю энергию. Она не могла смеяться, она не могла двигаться, она не могла говорить. За четыре месяца из счастливого четырехлетнего ребёнка она превратилась в грустный, доверху зашитый манекен. У неё даже не было шанса выжить, и теперь она была в худшем состоянии, чем большинство людей в домах престарелых (nursing homes). Ради всех этих практических целей, она была теперь трупом с бьющимся сердцем, хотя я пытался убедить себя в том, что это всего лишь временный сон.

Тем не менее, она была сильной девочкой, и её тело продолжало бороться с раком. Её жизненные показатели стабилизировались, её сердечный ритм усилился, и время от времени её

легкие самостоятельно качали немного воздуха. После полутора месяцев такого состояния неопределенности, врачи решили, что у них нет выбора. Было лучше попытаться удалить опухоль, чем просто оставлять её внутри и медленно убивать Скайлэр. Операция была чрезвычайно опасной, но если Скайлэр её выдержит, сказали они, то есть вероятность, что она поправится.

Семья Шариз, моя семья, Шариз и мой сын Нейл присоединились к нам с Хайди в больнице, и все мы нервно сидели вместе, беря перерывы, чтобы перекусить, в ожидании вердикта врачей, оперирующих её. Все это время мы пребывали в тревожном волнении, неспособные даже произнести фразу без того, чтобы не разрыдаться. Я думал о том, что рак пришёл со стороны семьи моей матери, и размышлял о том, была ли здесь моя ошибка. Или, возможно, я не должен был позволять врачам подвергать Скайлэр химиотерапии. Я должен был сказать им, чтобы они удалили почку. Я должен был привезти Скайлэр в больницу, когда полгода назад она жаловалась на боль в желудке. Различные мысли мелькали у меня голове, и все они содержали всё те же два отравляющих и бессильных слова: “должен был”.

Наконец, после восьми часов тревожного ожидания, врачи вышли к нам, чтобы сказать, что Скайлэр вернулась в свою палату. Они успешно удалили опухоль: она весила шесть с половиной фунтов (почти 3 кг). Столько весила Скайлэр, когда появилась на свет. Я даже не мог себе представить, что в ней могло вырости нечто такое огромное.

Я захотел посмотреть на то, что убивало мою дочь, поэтому я попросил врачей, чтобы они сохранили опухоль. Они привели меня в лабораторию патологии и показали её мне и моему рефлексирующему желудку. Прежде я никогда не видел ничего подобного: это было олицетворение зла. Она лежала в металлической кастрюле — перламутровое месиво всякого дерьма. Она напоминала студенистый футбольный мяч, который прокатили сквозь глубины преисподней, собирая рвоту, желчь и другие испражнения всех проклятых, которые лежат на его пути. Всеми постижимыми путями, это была полная противо-положность нашей с Шариз дочери, которую мы вырастили.

В процессе удаления рака врачи также должны были вынуть правую почку Скайлэр, половину её печени, часть диафрагмы и мышц её спины. Сколько ещё органов могла потерять девочка и оставаться при этом в живых? Но она дышала, а рак ушёл. Каждый день она поправлялась чуть больше, пока не начала говорить и улыбаться. Каждый жест, который она делала — моргала ли она, зевала или говорила “папа” — воспринимался как подарок. Я думал, что теперь всё будет хорошо, что кошмар

кончился, что Скайлэр снова сможет быть ребенком. Я прекратил пить в «Муншэдоуз» и начал приводить в порядок дом и свою жизнь, готовясь к возвращению Скайлэр.

Спустя шесть дней после операции я пришёл в больницу с гигантским плюшевым пандой, когда меня встретили врачи. У них был тот самый взгляд… взгляд, который говорит всё и абсолютно ничего, взгляд плохих новостей, которые нужно неизбежно и с прискорбием сообщить. Я напрягся, и прежде, чем они даже промолвили слово, я уже знал, что этой ночью я вернусь в «Муншэдоуз».

“Винс”, сказал онколог. “Это похоже на инфекцию, которая распространяется вокруг оставшейся почки Скайлэр”.

“Это всё, что у неё осталось. Что это означает?”

“Я боюсь, это означает, что мы оказываемся перед необходимостью работать снова, чтобы очистить ткани вокруг почки”.

“Господи. Вы оперировали моего ребёнка уже пять раз. Сколько же ещё она может выдержать?”

Оказалось, что большего она выдержать не смогла. После операции она начала быстро слабеть: её легкие, её левая почка и её печень все взбунтовались, отказываясь функционировать должным образом. К счастью (mercifully), скоро она впала в кому. Её маленькое тело просто не могло больше этого выно-сить. Его так много раз разрезали и зашивали снова; оно было настолько накачано лекарствами и наркотиками; оно было пронизано таким большим количеством радиации, которое не выдержал бы ни один человек; оно перенесло расчленение, рассечение, восстановление, очистку и удаление столь многого из его содержимого, что, подобно тормозным колодкам, на ко-торые нажимали много раз, части истёрлись и больше не знали, как функционировать вместе. Когда ваше тело начинает разваливаться, нет никого, кто может починить механизм. Они могут только задержать этот процесс на какое-то время. И я иногда размышляю, поступил ли я правильно, удерживая Скайлэр в таком состоянии так долго, заставляя её терпеть такую боль целых пять месяцев — десятую части всей её жизни.

Я начал пить настолько сильно, что не выдерживал более часа в «Муншэдоуз» без того, чтобы не отрубиться или не облевать Келси Грэммера (Kelsey Grammer — американский киноактёр) с ног до головы. Я был воплощением самой патетической фигуры: отец, который просто не мог справиться с болью от осознания того факта, что скоро он должен будет пережить самую страшную трагедию, которая может выпасть на долю родителя — необходимость хоронить свою собственную дочь. Я дал Скайлэр всё, что у меня было, даже мою собственную кровь для

переливания. Я готов был положить свою собственную жизнь, если бы это помогло. Я никогда не думал так прежде — ни о своих женах, ни о моих родителях, ни о ком. Возможно, именно поэтому я пытался убивать себя пьянством, чтобы таким образом я мог чувствовать себя мучеником и обменять свое страдание на её. Каждое утро я сидел в её комнате у её кроватки, испытывая похмелье, читал её сказки и проговаривал её шутки, и притворялся храбрым, словно всё ещё, возможно, будет хорошо.

Для меня не было неожиданностью, когда онколог сказал мне начинать приводить её родственников и друзей для прощания. Но это был первый раз, когда я услышал, как врачи сказали, что больше нет никакой надежды. Прежде всегда был маленький шанс или хороший шанс, или крошечный шанс, или об'ективный шанс. Но никогда — никакого шанса. Возможно, я так много раз заверял Скайлэр, что однажды она вернётся домой, и мы снова будем строить замки из песка на берегу, что начал верить в это сам. Позднее я пришёл в палату Скайлэр с Хайди и увидел капельку крови на её губе. Хайди была возмущена тем, что медсестры просто оставили её лежать там в таком состоянии. Она вытащила платок из своей косметички и наклонилась, чтобы вытереть её. Но кровь так и осталась на губе Скайлэр. Она запеклась. Хайди продолжала вытирать её и кричала, "Остановите её, остановите её". Мы оба были просто сломлены.

Мы оставались со Скайлэр до позднего вечера, а затем уехали, чтобы немного перекусить в «Муншэдоуз». Тем временем приехали Шариз и её родители, чтобы сидеть со Скайлэр. Как только мы уселись за стол, бармен сказал, что мне звонят по телефону. "Винс, приезжай в больницу немедленно", послышался дрожащий голос Шариз на другом конце провода. "Ее жизненные признаки снижаются. Быстро". Я не запаниковал и не заплакал, я просто поспешил.

Но я прибыл слишком поздно. К тому времени, когда я добрался до больницы, Скайлэр скончалась. У меня так и не было шанса попрощаться с ней и ещё раз сказать ей, как я люблю её.

ШАРИЗ СКАЗАЛА, ЧТО СКАЙЛЭР умерла тихо. Когда её пульс начал замедляться, её глаза открылись, вспыхнув на мгновение страхом, и посмотрели на мать в поиске ответа или об'яснения. "Не бойся, милая", успокоила её Шариз, сжимая её руку. "Теперь засыпай. Всё в порядке". Так Скайлэр и уснула. В это время я ехал в потоке машин по Пасифик Кост Хайвэй, и на мгновение моё сердце подскочило у меня в груди. Но я так спешил, чтобы быть у кровати Скайлэр, что не придал этому значения. Но позднее я понял, что, когда женщина, которую я любил больше всего в этом

мире, умерла, моё сердце узнало об этом и на мгновение захотело догнать её и присоединиться к ней.

Я покинул больницу, приехал прямо в «Муншэдоуз», позаимствовал пару болеутоляющих у актера «Джо Исудзу» («Joe Isuzu» — телевизионный сериал), Дэвида Лейжа (David Leisure), и выпил их. Без больницы бар полностью стал центром моего существования. В ночь, когда умерла Скайлэр, я погрузил себя в туман выпивки и таблеток для того, чтобы не думать об этом. Я был её отцом, и предполагалось, что я должен был защитить её. Я сделал для Скайлэр всё, что было в моих силах — ВСЁ — и правда состояла в том, что я оказался бессилен. Она ушла, я был здесь, и ничто не могло этого изменить. Единственная вещь, которая могла всё изменить, была для меня в том, чтобы не быть здесь, но у меня кишка была тонка, чтобы покончить с собой (I didn't have the balls to kill myself); я надеялся, что выпивка и пилюли сделают это за меня. За день я мог принять двадцать десятимиллиграммовых доз валиума (valium — успокоительное средство) и выпить пива и виски на сотни долларов. Меня абсолютно не заботило, что со мной будет. Иногда я представлял себе, как меня сбивает машина или как какой-нибудь маньяк отрезает мне голову, или как я выбрасываюсь в окно. Так ужасно я хотел быть с нею.

Хайди и торговец алмазами, с которым я познакомился через Томми и Хизер, Боб Прокоп (Bob Procop), который остановился в моём доме после того, как его дом был разрушен землетрясением, организовали похороны и заботились обо мне, как об инвалиде. Я был не в состоянии самостоятельно принять душ, переодеться или сделать что-либо для себя самого. Прежде у меня никогда не было близкого мне родственника, который бы умер. Раньше я даже никогда не бывал на похоронах, а теперь здесь я хоронил свою собственную дочь. Это были вещи, которые происходили со мной впервые.

Бабушка и дедушка Скайлэр устроили так, чтобы её хоронили в закрытом гробу, но кто-то что-то перепутал и гроб оказался открытым. Внутри лежал кто-то, кто даже отдалённо не напоминал мою дочь: её глаза так раздулись, что я мог видеть корни её ресниц. Я не хотел, чтобы это было моим последним воспоминанием о ней, поэтому всю службу я простоял в отдалении. Я не мог заставить себя смотреть на её розовый гробик. Он был такой маленький. Она была такой маленькой.

После службы меня практически похитили, запихнули в лимузин, и следующее, что я помню, была реабилитационная клиника под названием «Анакапа» («Anacapa») в Окснарде (Oxnard — крупнейший город в Округе Вентура, штат Калифор-

ния). Хайди позвонила по нашей персональной кризисной горячей линии Бобу Тиммонсу. В тот день я сбежал, вернулся домой в Малибу, проглотил коктейль из таблеток из аптечки и отрубился. Когда я проснулся, я лежал в другой кровати. Каким-то образом я покинул дом и снял номер в отеле «Шератон» в Юнивёрсал Сити (Universal City Sheraton Hotel), где я продолжал себя анестезировать.

Но сколько бы я не глотал, этого никогда не было достаточно. Каждую ночь я с криком просыпался от ужасных кошмаров. Мне грезились демоны и дьяволы, танцующие на могиле Скайлэр. Надгробный камень Скайлэр был заказан, но он всё ещё не был готов, поэтому мне продолжали являться страшные видения о том, что его там нет и том, что там нет ничего, что обозначало бы её могилу. В других кошмарах я видел, что её опухоль вырастала до размеров человека и нападала на меня, опутывая меня своими метостазами. И пока опухоль душила меня, она испускала сильный аромат: не запах гниения или смерти, а сладкий, теплый запах Скайлэр. Я взял из больницы одеяло, в котором она умерла, и каждую ночь я спал под этим одеялом, потому что этот запах заставлял меня думать о ней, как о всё ещё живущей в этом мире.

Я провёл, по крайней мере, неделю в этом состоянии кошмара, неуверенный, когда именно я был в сознании, а когда нет, пока Хайди и Боб Тиммонс, наконец, не уговорили меня лечь на обследование в «Бэтти Форд Сэнтр» («Betty Ford Center» — крупнейшая клиника, специализирующаяся на лечении от наркомании и алкоголизма). Но прежде, чем я отправился туда, я сказал им, что сначала я поиграю в гольф. Я думал, что это каким-то образом вернёт меня к жизни. Я прилетел в Палм Дезерт (Palm Desert — город в Округе Риверсайд, штат Калифорния), который находился в паре сотен миль, и снял номер в «Мэрриотт» («Marriott» — название отеля). Целую неделю я пил один, один играл в гольф и один отрубался. Затем я запер свои клюшки и свою одежду у себя в номере и взял такси до «Бэтти Форд Сэнтр».

После того, как я провёл в клинике три дня, я был готов действительно сойти с ума. Я не мог иметь дело с врачами, с дисциплиной, с чувством вины, которым они грузили меня. Я пошёл в главный офис и сказал, “Я уезжаю отсюда”. Они захотели получить полную плату в размере пятнадцати тысяч долларов. Я подписал чек и вызвал такси до «Мэрриотт». Пошли они…

Я пил, играл в гольф и отрубался, что продолжалось, вероятно, ещё месяц. Я был потерян для мира. Я сам заточил себя в тюрьму: всё вокруг напоминало рай, и я чувствовал себя, как в аду. Однажды я набрал семьдесят шесть очков и настолько

обрадовался, что сам испугался. Я не мог даже предположить, что могу быть настолько счастливым. Скайлэр умерла. А чем занимался я? Я убегал, я прятался, я играл в гольф на курорте.

Я снова позвонил Хайди и Бобу Тиммонсу, и на сей раз они привезли меня в Лос-Анджелес, чтобы пройти повторное обследование в «Анакапа» в Окснарде. Лечение, сказали они, будет не столько от алкоголя, таблеток или гольфа, сколько от печали. Я должен был найти способ работать через свои эмоции, рассматривать их в связи с чем-то другим, помимо бутылки и «файв-айрон» («five-iron» — название клюшки для игры в гольф). Я писал Скайлэр записку, а затем поджигал её, наблюдая за тем, как дым поднимается в небо. Это для меня было началом примирения с прошлым, которое я не мог изменить. Я начал думать о жизни Скайлэр на том свете и благодарить Бога за те четыре года, которые он подарил ей и позволил мне провести их с нею. Я поклялся посвятить большую часть своей оставшейся жизни благотворительности, помогать другим детям и родителям, которые страдают и таким образом быть уверенным в том, что смерть Скайлэр не была напрасной. Когда я позвонил моим родителям и Хайди, они просто сказали, что слышат мой голос, который меньше дрожит и рыдает, что я нашёл другой выход и что теперь я могу посетить её могилу и украсить её конфетти и цветами на день её рождения, и что я могу, наконец, улыбаться, вспоминая те забавные вещи, которые она обычно делала.

Всё это время я не думал о «Motley Crue», и, понятное дело, они тоже не думали обо мне. Несомненно, мы находились в состоянии войны, но, чем дольше я был вовлечён в свою трагедию, тем наш истеричный гнев казался настолько глупым и мелким по сравнению с тем, через что мне пришлось пройти. Ни разу, однако, никто из этих парней, которые были ближе мне, чем моя собственная сестра, мне не позвонил. Возможно, они просто не знали, как позвонить и что сказать при этом. Но скоро они вынуждены были что-то сказать, потому что та неделя, когда я выписался из клиники, стала неделей, когда мы, как и предполагалось, встретились впервые через четыре с половиной года — в суде. Во всей этой драме за последние полгода я позабыл, что пред'явил им иск.

Пока я был в клинике, мы с Шариз завершили наш бракоразводный процесс, и Хайди, которая после всего, что случилось, стала мне ближе, чем мы могли этого ожидать, наконец, переехала в мой дом в Малибу. После всего, что случилось, мне было трудно общаться с Шариз. Болезнь Скайлэр создала сильные обязательства между нами, но как только она умерла, эта связь

полностью оборвалась.

Однако недавно эта связь восстановилась. Я постоянно спрашивал врачей, каким образом Скайлэр могла заболеть раком. И они сказали мне, что некоторые пищевые продукты, химикалии и солнечные лучи могут стать причиной раковых заболеваний. “Но ей четыре года”, сказал я им. “Ей четыре. Что, чёрт побери, такое мог сделать четырехлетний ребёнок, чтобы заработать такую опухоль? Она не ест много сахара. Она пользуется солнцезащитныйм кремом. Она — нормальный обычный ребёнок”.

Я никак не мог найти ответ. Я просто смирился с ситуацией. Но однажды я посмотрел по телевизору программу новостей о правительственных испытаниях ракеты и сбросе химических отходов как раз в районе северного Малибу, именуемом Сими Вэлли (Simi Valley). Это было как раз то место, где жили Шариз и я. Одна из причин, по которой мы купили там дом, была в том, что это место находилось на вершине холма, и агент по торговле недвижимостью сказал мне, что вся прилегающая область принадлежит правительству, поэтому она никогда не будет развиваться, что было замечательно, т. к. я не хотел видеть с вершины холма какую-нибудь уродливую строительную зону или участок земли, застроенный одинотипными домами. Каждое утро нам нравилось смотреть на красивое поле, долину и широкий простор. Мы даже не догадывались, что компания под названием «Rocketdyne Propulsion and Power» демонтировала старые ядерные реакторы и захоранивала там отходы, и что несоизмеримое количество жителей этого района умирало от различных раковых заболеваний, включая и нашу Скайлэр. Это было в воздухе, это было в воде, это было в наших домах. Больше двухсот тысяч человек подали коллективный иск против «Rocketdyne», и мы с Шариз наняли адвоката, чтобы ини-циировать собственный судебный процесс.

Конечно, это не вернёт Скайлэр. Это даже не заставит нас чувствовать себя лучше. Но, возможно, это повлияет на корпорации, чтобы они работали с большей ответственностью, и убережёт кого-то от того, через что пришлось пройти нам. Я часто представляю себе, что Скайлэр всё ещё со мной — сидит рядом со мной в автомобиле или лежит при тёплом свете ноч-ника (warm lump) со мной на кровати. Полагаю, что это признак безумия, но это и то, что позволяет мне оставаться в своём уме.

Глава четвёртая

МАЙК АМАТО (Mike Amato)

«РОУД-МЕНЕДЖЕР, ДАВНО ПРИВЫКШИЙ К ШУТОВСТВУ НАШИХ ГЕРОЕВ, ВСЕРЬЁЗ ОБДУМЫВАЕТ БУДУЩЕЕ ТЕЛА БЕЗ ЕГО ГОЛОВЫ»

Гм, Никки и я сидел на полу лифта в Лондоне. Лифт продолжал ходить вверх и вниз, вверх и вниз, вверх и… Представьте себе картину. Никки говорил, “Что мне делать с Джоном? Что делать с этим парнем? Вернуть ли Винса? Уволить ли Джона?”

Я был в полушутливом настроении, но нас обоих в одно и то же время посетила одна и та же идея: Почему у нас не может быть два вокалиста?

Гм, больше мы никогда не говорили об этом.

Глава пятая

НИККИ

«О ПРЕЛЕСТНОЙ БЕСЕДЕ, КОТОРАЯ СОСТОЯЛАСЬ МЕЖДУ “MOTLEY CRUE” И ВОРОТИЛАМИ ШОУ-БИЗНЕСА, ЧЬЯ БЛАГОСКЛОННОСТЬ ВЕСЬМА СУЩЕСТВЕННА ДЛЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАШИХ ГЕРОЕВ»

Мы уволили всех. Чак Шапиро (Chuck Shapiro), бухгалтер, который был рядом с нами в течение почти пятнадцати лет — до свидания! Боб Рок (Bob Rock), продюсер, ответственный за наш самый большой успех и наш самый большой провал — прощай! Дуг Талер (Doug Thaler), менеджер, который был с нами с тех самых пор, когда мы были лос-анджелесскими дебилами, мочащимися в полицейские машины — пока! Из-за нашей неудачи в туре с Кораби мы обвиняли и увольняли всех, кто находился вокруг нас. Это был первый раз, когда мы потерпели такой крах… эй, а может это была не наша ошибка. Как бы там ни было, возможно, они были рады уйти от нас в тот момент, потому что мы были самой плохой группой в мире: теми, кто падает в пропасть и отказывается видеть и остановить это.

Пока мы решали, какое из ста различных направлений выбрать для на нашего следующего альбома, мы наняли нового менеджера по имени Аллен Ковач (Allen Kovac), потому что искренне были восхищены его безжалостностью. Он вытащил из могилы новой волны «Duran Duran», и не только отвоевал для Мит Лоуфа (Meat Loaf) его авторские отчисления у «Epic Records», но и сделал ему очередной хит. Мы сказали ему, что «Motley Crue» — группа с Джоном Кораби в качестве певца, и что мы надеемся, что ни на каких других условиях он с нами работать не будет. “Конечно”, пообещал он. Но в глубине души я понимал, что единственная причина, по которой он согласился быть нашим менеджером, состояла в том, что он мог вывести Кораби из состава группы и вернуть Винса.

Несколько недель спустя Дуг Моррис (Doug Morris), генеральный директор (CEO — Chief Executive Officer) «Уорнер Мьюзик» («Warner Music») (который владел «Электрой» [«Elektra»]), вызвал нас в Нью-Йорк для встречи. После всех тех миллионов долларов, которые мы принесли его компании, это был первый раз, когда они оказали нам такую честь: в день встречи к каждому из наших домов были поданы лимузины,

которые доставили нас в частный аэропорт, где корпоративный самолет «Уорнер» — «G4» (в котором мы никогда прежде не бывали) ждал нас на взлетно-посадочной полосе.

Они не пригласили Кораби на встречу, но мы полагали, что просто произошла какая-то оплошность, и взяли его с собой вместо Мика, который хотел остаться дома и посмотреть повторный показ «Three Stooges» (популярный американский комедийный кино-сериал 30-50-ых годов, в нашем прокате известен под названием «Большой переполох»). Кораби и я поднялись на борт самолета и обнаружили там Аллена Ковача, его секретаря, Томми и Памелу Андерсон (Pamela Anderson), на которой Томми только что женился после бурного романа, что застало нас всех врасплох. Она вела себя странно и отказалась садиться. Вместо этого она всё время лежала на спине, что-то бессвязно бормоча и перекатываясь с боку на бок, словно ей не здоровилось. Пока она это делала, Томми и я смотрели на своих компьютерах фотографии на тему зоофилии (bestiality pictures), пытаясь вызвать тем самым отвращение у секретаря Ковача. Как нам казалось, всё шло просто превосходно. Мы были здесь с новым менеджером, поглощали креветки и шампанское, находясь на борту корпоративного реактивного самолета, который вёз нас на лейбл, который давал нам 4,5 миллиона долларов каждый раз, когда мы давали согласие на запись очередного альбома. Мы полагали, что Дуг Моррис хочет оказать нам некоторую поддержку и сказать, насколько он гордится нами за то, что мы остались верны себе (sticking to our guns), несмотря на провалившийся тур и реорганизацию на лейбле. В конце концов, нам казалось, что наша карьера вот-вот снова пойдёт в гору. Мы ещё никогда не были так глупы.

Первое, что случилась, когда мы прибыли на «Уорнер», Кораби не позволили войти в офис Морриса. Его заставили ждать снаружи в вестибюле с секретарем Ковача.

Офис, вероятно, стоил столько, сколько стоил мой дом. Он был отделан тиковым деревом чудесной работы, и там было пианино XIX-го века, которое элегантно и величаво располагалось в углу. Моррис сидел на роскошном бархатном диване перед столом из тика, куря сигару, которая стоила, наверное, не одну сотню долларов. Мы вошли и сели напротив него. Для нас было поставлено четыре стула: один для Томми, один для меня, один для Ковача и один пустой. Моррис был очень умным и проницательным человеком.

Он сидел, откинувшись назад в бархат, и выглядел очень лысым, уверенным и богатым, затем он перенёс свой вес вперёд и уставился прямо на нас. “Так”, начал он, выдохнув облако

ядовитого газа от сигары. “Мы думали о том, что мы должны сделать”.

Он сделал паузу и посмотрел в кончик своей сигары, будто раздумывая, зажечь её снова или нет. Мы сидели неуверенные, был ли нам только что задан вопрос, и должны ли мы на него отвечать. Затем он продолжал: “И вот, что мы должны сделать — избавиться от парня, который не звезда”.

Потом он продолжил рассказывать нам о разных временах, когда он давал группам, находящимся в том же положении, что и мы, идеи, которые обернулись для них успехом. “Вот, что я вам скажу. Позовите старого парня. Верните его. Это всем понравится. Мы выпустим живой альбом и отправим вас, парни, в тур. После этого мы посадим вас в студию для записи нового альбома”. Он даже не потрудился назвать Джона или Винса по именам.

Когда мы не согласились и попытались об’яснить ему все причины, почему Винс сдерживал нас, и что Кораби более крут, потому что идёт в ногу с тем, что происходит сейчас в рок-музыке, он оборвал нас. “Мы покончили с этим”, сказал он грубо. “Всё это — чушь”.

Я был близок к тому, чтобы взорваться. Я встал и уже было начал своё обычное, “Пошёл ты…, мы в тебе не нуждаемся”, когда секретарь Морриса об’явил, что пришла Сильвия Рон (Sylvia Rhone). Рон сменила Боба Красноу (Bob Krasnow) на посту главы «Электра Рекордс» («Elektra Records»). Она была женщиной, занимающей ведущее положение в звукозаписывающем бизнесе, и, что бы мы ни говорили, ей не обязательно было постигать глубокое философское и гуманистическое значение таких песен, как “Girls, Girls, Girls”.

Но, к нашему удивлению, она выступила на нашей стороне. “Им не нужен Винс, Дуг”, сказала она. “Они великолепны так, как они есть. Они очень востребованы с Джоном. Джон очень популярен”.

“Да, да”, начали вмешиваться мы все. “У Джона более органичный голос. То, что мы делали в восьмидесятых, осталось в восьмидесятых, но сейчас девяностые. Совсем другое время”.

“Точно. Совсем другое время”, как попугай повторила Рон.

Моррис погасил свою сигару и посмотрел на Сильвию. “Ты действительно так считаешь?”

“Абсолютно”, сказала она ещё более убедительно.

“Ну, тогда”, сказал он. “Я соглашаюсь с Сильвией”.

Я взволнованно посмотрел на Ковача. Встреча, которая началась как катастрофа, превращалась в триумф. Но Ковач не разделял мой энтузиазм. Его лицо выглядело мрачным и озабоченным, как семафор, высвечивая мне предупреждение:

“Здесь … воняет… крысятиной”. (”I… smell… a … rat”)

Когда мы покинули встречу, Ковач и я последовали за Сильвией и по дороге в нижний холл зажали её в углу.

“Вы действительно верите в это?” спросил её Ковач. “Потому что если вы собираетесь выпускать этот следующий альбом «Motley», вы должны понимать, что наш контракт обязывает вас вкладывать большие ресурсы лейбла в его продвижение и продажу. Думаю, что вы точно знаете, какого количества денег это потребует. Поэтому я хочу удостовериться, что это серьезно”.

Рон продолжала кивать головой, говоря, “Да, детка. Да, да. Абсолютно. Мы сделаем это”. Это звучало очень не убедительно, особенно когда она постоянно поглядывала на свои часы. Наконец, она прервала его: “Не волнуйтесь, всё в надёжных руках”, сказала она. “Теперь мне нужно идти. Я опаздываю на встречу”.

“Хорошо”, сказал Ковач, мы повернулись, спустились в холл к выходу, посмотрели друг на друга и оба одновременно произнесли одни и те же слова: “Нас поимели”. (”We’re fucked”)

В вестибюле, сгорбившись на своём стуле, сидел Кораби, заломив руки и буквально обливаясь потом. Я слабо улыбнулся ему и сказал, “Ты в деле”.

Он вяло усмехнулся мне в ответ, и все мы вышли на улицу и поймали такси. Ковач сел на переднее сидение и сердито обернулся к Кораби: “Ты — не звезда”, сказал он ему. “И мы в гребаном аду. Ты должен сделать это вместе с ними! Остальные парни, вы прямо сейчас должны сделать самый величайший альбом за всю вашу жизнь, потому что, если вы этого не сделаете, мы все утонем. Нет никакого способа, которым эта женщина собирается продвигать этот альбом. Мы списаны со счетов, мы в полном ауте. Я чую это. Она хочет нас подставить”.

Дуг Моррис протянул руку, чтобы спасти нас от потопления, а Сильвия Рон неожиданно ворвалась, отстранила его руку и заставила нас падать обратно в пучину. На следующей неделе мы продолжали просить у неё деньги, чтобы начать новый альбом. Она дала нам немного, и мы начали работать. Но деньги быстро иссякли, и мы вынуждены были остановиться. Было похоже, что она пытается шантажировать и деморализовать нас, возможно, потому что она унаследовала контракт от своего предшественника, который обязывал её платить огромные суммы группе, с которой она, постольку-поскольку, вынуждена была иметь дело, и которая была на последнем издыхании. Если мы распадались, то наш контракт автоматически аннулировался, и деньги могли быть перенаправлены певцам и группам, которые пользовались её поддержкой.

За этим последовало то, что нам пришлось умерить своё непомерное самолюбие. На средства от успеха «Dr. Feelgood», и с подачи моей жены Брэнди (чей материализм, казалось, возрастал пропорционально затуханию нашей любви), я приобрёл шикарный драгдилерский особняк (a full-on drug-dealer mansion). Мои накладные расходы составляли сорок тысяч долларов в месяц. Столько стоило просыпаться и ложиться спать каждый день среди всех этих выплат за дом и платежей за коммунальные услуги. Последние составляли 2,5 тысячи долларов в месяц только за электричество, расходуемое на кондиционирование дома, плюс я настаивал, чтобы температура воды в бассейне поддерживалась на отметке 95 градусов (35 градусов по Цельсию) круглый год. Когда мы с Томми оказались перед необходимостью оплачивать запись альбома из наших собственных карманов (Мик, благодаря Эми, давно был банкротом), то эти вещи начали иметь значение. Как раз в тот момент родился мой третий ребенок — каждый раз, когда Брэнди и я подходили к тому, чтобы расстаться, появлялся очередной ребенок, чтобы удержать нас вместе — в то время как единственная дочь Винса и Шариз, Скайлэр, умирала. Я вдруг узнал, что не всё и не всегда в этой жизни складывается хорошо. Жизнь была полна капканов, и моё будущее, мое счастье и «Motley Crue» — все мы очень скоро в них очутились.

Томми и я решили сопродюсировать альбом с парнем по имени Скотт Хамфри (Scott Humphrey) у него дома, который делал кое-какую техническую работу с Бобом Роком на «Feelgood». В чем мы нуждались, так это в ком-то, кто мог бы сказать нам, что мы дурачим самих себя, пытаясь записать какой-то электро-гранжевый альбом (electro-grunge record) с Кораби. Но Скотт Хамфри не был этим “кем-то”. Инженер, очень хорошо разбирающийся в программе для компьютерной студии под названием «Про-Тулс» («Pro-Tools»), Хамфри никогда прежде не продюсировал группу. Он усаживал меня и говорил, “Ты написал все великие песни «Motley Crue». Мне не нужен Томми, пишущий песни. Он думает, что он может писать, но всё, что он делает — всю неделю слушает кого-то, а потом копирует их. Его тексты не имеют ничего общего с тем, что называется «Motley Crue»”.

Затем Скотт оттаскивал Томми в сторонку и шептал ему на ухо: “Никки устарел. Он всё ещё цепляется за 80-ые. Тебе нужно самому писать песни. Тебе необходимо использовать барабанные сэмплы (drum loops) и техно-ритмы (techno beats) и делать более современную музыку. Ты же видишь, что происходит”.

Он был абсолютно не способен иметь дело с двумя такими гигантскими эго, как Томми и я. Кто находился в комнате, тому

он и целовал задницу. За исключением Мика, у которого не было никакого эго. Скотт начал убеждать нас в том, что Мик — плохой гитарист. Когда Мик покидал студию, Скотт утягивал меня в сторону и заставлять сыграть что-нибудь на гитаре. Затем он делал из этого сэмпл, пропускал его через какие-то шумовые фильтры и заменял им партию, сыгранную Миком. Так, впервые за нашу карьеру, мы начали настраиваться против Мика, думая, что он фактически тот, кто сдерживает нас, потому что считает, что блюз и классический рок это единственные жанры музыки, которые имеют значение.

Довольно скоро «Motley Crue» превратились в дикое шизофреническое животное, настолько уродливое, что это звучало так, будто «Beatles» смикшировали со всеми этими пятыми и третьими гармониками «Alice in Chains». Мы понятия не имели, что мы делаем. Я предполагаю, что именно поэтому мы решили назвать наш девятый альбом «Personality #9» («Индивидуальность № 9»). (Хотя позднее гонзо-писатель Хантер С. Томпсон [Hunter S. Thompson] вдохновил нас на то, чтобы изменить его на «Generation Swine» [«Поколение свиней»]). (Книга Хантера Стоктона Томпсона «Generation of Swine» увидела свет в 1988-ом году).

Со временем, мы перебрались в мой драгдилерский особняк. Мы установили барабаны в моем кабинете с дубовыми стенами, микшерский пульт в ванной, а маршальские стэки вдоль коридоров, отделанных мрамором, в то время как трое моих детей терроризировали нас, а Брэнди кричала на меня с регулярностью будильника в противосонном режиме (snooze button). Я постоянно выключал её, но десять минут спустя она снова ревела мне на ухо.

Тем временем мы с Томми продолжали работать в двух совершенно разных направлениях; Мику промывали мозги, чтобы он поверил, что нет ничего, чем бы он мог посодействовать группе; а на Кораби все смотрели так, будто он был преступником, который украл все наши достижения. Каждый день мы вымещали на нём всё наше неудовольствие: мы говорили ему, что он должен обрезать свои волосы или что он должен петь в совершенно другом стиле. И каждую неделю мы меняли своё мнение обо всём. Мы слишком с большими усилиями пытались сделать великий альбом, но мы понятия не имели, в чём именно должно состоять его величие, потому что мы слишком боялись быть самими собой.

Наконец, однажды, Кораби сказал нам, что с него довольно. “Я не певец”, пожаловался он. “Я — гитарист. Я больше не могу этого делать”.

Так что теперь у нас было два гитариста и ни одного певца. Мы были абсолютно перевёрнуты с ног на голову. И именно в этот момент Ковач, который всё это время тихо скрывался где-то на заднем плане, неожиданно сообщил нам новость.

Глава шестая

ТОММИ

«ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА РАЗЛУКИ ПРИШЛИ К СТРЕМИТЕЛЬНОМУ И ВЫГОДНОМУ ОКОНЧАНИЮ, ХОТЯ И НЕ К ВСЕОБЩЕЙ РАДОСТИ»

Я был категорически против встречи с Винсом, когда Ковач поднял эту тему. Также и Никки, этот маленький панк, который отправился на встречу в футболке, на которой большими грёбаными буквами было написано “Джон”.

Но адвокаты и менеджеры обманули нас, сказав, что если мы встретимся с Винсом, то он прекратит судебный процесс против нас. Они устроили тайную встречу в номере гостиницы «Хайатт» («Hyatt») у автострады № 405 (405 freeway). Никки и я вошли в сопровождении двух толстозадых адвокатов (big-ass attorneys) и обнаружили Винса, развалившегося в кресле, с его менеджером и двумя другими адвокатами. Это было похоже на грёбаный бракоразводный процесс с миллионером или что-то вроде этого. В их планы входило не только то, чтобы Винс отозвал свой иск в суде, но и чтобы мы вместе начали делать альбом и снова стали одной группой. Все эти скользкие грёбаные людишки хотели получить свои деньги, и им было абсолютно насрать на нас и на наше счастье. Это выглядело примерно так: «Motley» плюс Винс — равняется деньги; «Motley» минус Винс — не равняется деньги.

С тех пор, как я видел Винса в последний раз, он стал таким толстым, что был похож на Розин Барр (Roseanne Barr — американская комедийная актриса) или типа того. Его голова была размером с воздушный шар, а складки жира выступали поверх его наручных часов. Он был одет в синие слаксы (slacks — широкие брюки) и рубашку с коротким рукавом, заправленную в штаны, а его кожа была странного тёмно-жёлто-коричневого цвета, что, возможно, было вызвано сочетанием проблем с печенью из-за алкоголя и загара от постоянного пребывания на Гавайях. Было около четырёх часов дня, и я был готов поклясться своими грёбаными сосками (I was willing to bet my fucking tits), что он был пьян (he was plastered). Я думаю, что на самом деле он тоже не хотел нас видеть, но он фактически был сломлен смертью своей дочери, тем, что он покинул «Уорнер Бразерс» («Warner Bros.»), распадом его сольной группы, его разводом и миллионами долларов, которые он должен был выплатить за свой

дом в Сими Вэлли (Simi Valley) после того, как Шариз буквально развалила его на куски.

“Я не хочу иметь никаких дел с этим парнем”, прошептал мне Никки. “Если хочешь знать что такое омерзение (uncool), то достаточно взглянуть на него”.

Мы с Никки пытались быть милыми. Я сказал что-то вроде, “Хорошо, что мы, наконец, видим тебя снова, чувак”, хотя я вовсе так не думал. И, когда он причмокнул (piped off — на сленге: “отсосал”), как это может только Винс, и сказал фальшивое, что-то вроде, “Не сомневаюсь, что так оно и есть, дружище”, нам с Никки снесло крышу.

“Пошёл ты…, мы уходим”, сказал Никки и схватил меня за руку. Все эти грёбаные адвокаты вдруг протянули к нам своими сальные ручонки, словно мы были чеками на миллион долларов, отправлявшиеся в печь для сжигания мусора. “Нет!” завопили они. “Потребуется много времени, чтобы об’единить вас, парни”.

“Я ухожу”, огрызнулся на них Никки. “Мне не нужен этот жирный кусок дерьма, который похож на какого-то отщепенца из флоридского приюта для пенсионеров”. (Florida retirement community).

Двое адвокатов схватили Никки и увели его в другую комнату, чтобы успокоить, в то время как двое других успокаивали Винса. Было похоже, будто мы марионетки, которые каким-то образом взбунтовались и начали думать самостоятельно. Они хотели, чтобы мы были послушными куклами и позволяли им дёргать нас за нужные ниточки.

“Если Никки скажет ещё хоть слово, я дам ему в морду (knock him out)”, кипел Винс в гневе.

Никто из нас так и не извинился, даже после того, как мы ещё два часа потом мололи всякую чепуху. Мы сказали Винсу, что у нас есть альбом, который почти готов, но у нас нет вокалиста. Наши менеджеры, Ковач с нашей стороны и Берт Стейн (Bert Stein) со стороны Винса, продолжали подталкивать нас всё ближе и ближе к тому, что нам необходимо работать вместе, их совместное слюноотделение увеличивалось по мере того, как они всё больше понимали, что их дойная корова сможет снова давать грёбаное молоко.

К концу встречи я начал успокаиваться и даже соглашаться с этой идеей: когда группа, которая была вместе в течение пятнадцати лет, заменяет свой главный элемент, у некоторых от этого может поехать крыша. Раньше в интервью я всегда говорил, что, если кто-либо из нас покинет группу, то мы просто развалимся, потому что это уже не будут «Motley Crue». Поэтому я понял, почему это было необходимо, хотя в душе я был доволен

тем, куда мы двигались с Джоном.

Прежде, чем уехать, мы назначили время, когда Винса заглянет в студию, пообещав оставить весь наш негативный багаж за дверью.

Хотя Кораби официально покинул группу, мы продолжали работать с ним в студии. В воскресенье, когда Кораби не должен был появиться в студии, приехал Винс. В голове я продолжал твердить, “Это неправильно, это неправильно, это неправильно”. Но я не произнёс ни слова, потому что все наши кристально-чистые обиды и разногласия, как предполагалось, были оставлены на пороге — я сомневаюсь, что он был настолько большим, чтобы выдержать весь этот груз. Я попытался признать тот факт, что «Motley Crue» — это четыре человека: Никки, Мик, Винс и Томми. Вспомнив об этом, первое, что мы сделали, это начали удалять голос Кораби на каждой песне для того, чтобы Винс мог их перепеть.

После того, как Винс покинул студию тем вечером, я позвонил Кораби и вытащил его на “суши” (sushi). Я буквально плакал. “Чувак”, сказал я, и слезы стекали по моим щекам. “Я не могу поверить в то, что это происходит. Они действительно хотят, чтобы ты ушёл”.

Кораби дал этому об’яснение, сказав, что они ухватились за возможность вернуть Винса и забыли про него (left him in the dust). Я не думаю, что он на самом деле хотел уйти из группы. Ему нравилось петь с нами, но он просто не мог сносить то противоречивое давление, которое мы оказывали на него в студии. Он думал, что он, по крайней мере, сможет остаться в качестве второго гитариста и певца.

“Мне очень жаль”, сказал я ему десятый раз за тот вечер. “Я — всего лишь четвертая часть этого механизма. Грёбаные законы большинства и их полномочия вынуждают нас к этому. Я просто хочу, чтобы ты знал, что это совсем не то, чего я хотел”.

Это был тяжелый день, чувак.

Глава седьмая

ДЖОН КОРАБИ

«В КОТОРОЙ ЗАМЕНЯЮЩИЙ ЗАМЕНЯЕТСЯ ТЕМ, КОГО ОН ЗАМЕНЯЛ»

Думаю, впервые я почувствовал, что что-то происходит, когда мы закончили наш тур в Японии. По каким-то причинам, всюду, где проходили эти парни, беда следовала за ними, словно черное облако: никогда прежде у меня не было никаких проблем, пока я не присоединился к этой группе, но теперь это были кулачные драки, трагедии (drama) и неприятности с полицией практически каждый день. Наш японский промоутер, господин Удо (Mr. Udo), затрясся от ужаса (shook in his patent-leather shoes) в тот момент, когда увидел нас. Очевидно, у него уже был опыт общения с этой группой до меня. К концу тура — посреди разгромов гостиничных номеров, Никки, приглашавшего на сцену тысячи фанатов каждый вечер и самого ужасного, когда Томми, решив пошутить, сыграл “Ты скинул на меня бомбу” (”You Dropped the Bomb on Me” — песня группы “The Gap Band”) в качестве вступления к нашему шоу в Хиросиме (Hiroshima — японский город, подвергшийся атомной бомбардировке со стороны США 6-го августа 1945 года) — господин Удо заказывал себе не по одной порции «камикадзе», а по целому кувшину каждый вечер. У него так сильно тряслись руки, что, уверен, в тот момент, когда мы покинули Японию, он лёг в санаторий на обследование.

После нашего последнего выступления в «Будокане» («Budokan» — центральная арена в Токио), я оставил трясущегося господина Удо в баре гостиницы с его кувшином «камикадзе», пошёл к «Лексингтон Куин» («Lexington Queen» — ночной клуб) и хорошенько набрался. Там на стене висел большой стенд, на котором были об’явлены даты выступлений разных американских и британских групп, которые должны были выступать в городе, чтобы все молоденькие модели могли туда прийти. Я заметил, что «Vince Neil Band» будут играть в Токио на следующей неделе. “О, чёрт”, выпалил я. “Винс Нейл будет здесь”.

Со мной была высокая, худая, как тростинка (twig-thin), венгерская модель с каштановыми волосами, с которой я познакомился той ночью. “Я знаю”, ответила она. “Я иду на шоу”.

Тогда я в шутку сказал ей, “Ну, если увидишься с ним, передавай ему привет от меня”.

Примерно в 3 утра мы пришли к ней. Там было три комнаты, двенадцать кроватей и одиннадцать моделей, её соседок по квартире, которые пьяные и голые резвились вокруг. Повсюду валялись парни, которых они подцепили, дорожки кокса и использованные презервативы. Это была одна из самых ужасных, но самых захватывающих сцен, которые я когда-либо видел. Так что я трахнул эту цыпочку и двух её подруг (в конце концов, я играл в «Motley Crue» — у меня была соответствующая репутация) и ушёл только следующим утром, чтобы успеть на свой самолёт.

Неделю спустя я сидел дома, когда зазвонил телефон. Это была моя модель-венгерка, и она была в бешенстве. “Ты хочешь выставить меня полной идиоткой?” спросила она.

“Что?”

“Винс Нейл пришёл в «Лексингтон Куин» после выступления, и я сказала, ‘Привет, как поживаешь? Джон Кораби хотел, чтобы я передала тебе привет, ‘Кто? ‘, на что я ответила ему, ‘Джон Кораби — певец «Motley Crue» — сказал мне, чтобы я передавала тебе привет’. И после этого он просто обезумел”.

“Что он сделал?”

“Он сказал мне: ‘Я — певец «Motley Crue»’. Потом он обозвал меня шлюхой. Затем он кинул в меня бутылкой пива. Потом он сказал, чтобы я убиралась из клуба. Затем кинул в меня второй бутылкой пива. Я думаю, он был пьян”.

Эта новость поставила меня перед фактом, что Винс по-прежнему считал себя певцом «Motley Crue», а меня — человеком, влезшим не в своё дело, чьё время на исходе. Когда мы снова начали делать запись, план состоял в том, чтобы вернуться к нашим корням, к сырому бескомпромиссному рок-н-роллу (straight-ahead rock-and-roll). Мы с Бобом Роком начали писать песни “The Year I Lived in a Day” и “La Dolce Vita”, и к концу каждого дня мы расхаживали гордые (we’d walk around carrying our huge cocks in our hands) оттого, что музыка выходила такой тяжёлой (music rocked so hard). Но внезапно всё начало становиться странным. У Никки и Томми сорвало “крышу” (flipped out), и они уволили всех, включая Боба Рока, потому что, по их словам, он обходился им слишком дорого и был диктатором в отношении музыки (he was too expensive and over¬produced the music).

Поэтому Томми, Никки и Скотт Хамфри решили продюсировать альбом вместе, что было своего рода эго-приключением (ego trip) для Никки и Томми. Работая с этим трехголовым продюсером, я очень скоро начал рвать на себе волосы. Песни видоизменялись каждый день: Томми и Скотт регулярно накладывали всякие эффекты на барабаны, которые

полностью меняли рисунок игры ударных, что приводило к изменениям партий баса и гитары, изменения которых, в свою очередь, требовали, чтобы Никки написал новую лирику. Затем приходил я, чтобы спеть мелодию, которую репетировал целую неделю по нашим демо-записям, но это уже не была та же самая песня.

Они всё равно заталкивали меня в кабинку и говорили, “Просто попробуй что-нибудь сымпровизировать”.

Так что я сидел там, дома у Никки, где половина оборудования не была даже правильно подключена, и предпринимал суетливую попытку угодить им. Никки встревал по селекторной связи и говорил, “Краб, я тут подумал о чём-то вроде раннего Боуи (old Bowie) и «Sisters of Mercy»”. Затем Скотт нажимал на кнопку и добавлял, “Но с небольшим уклоном в «Cheap Trick» и «Nine Inch Nails»”. Наконец, вмешивался Томми, “Да, но сделай это сочно, как «Oasis»”. И когда я начинал пытаться изобразить всё это, Томми вдруг снова прерывал меня и говорил, “Ах да, чувак, я забыл добавить, что трек должен звучать тяжело, как «Pantera»”.

У меня не было ни одного ключа к разгадке того, чего хотят от меня эти парни. Вообще никакого. Я просил их напеть хоть что-нибудь, чтобы подать мне идею относительно того, что они хотят услышать, но они не могли. Они только говорили, “Ну, это трудно об’яснить, но то, что ты только что спел — это не то”.

После нескольких недель такого, Томми, который всегда был моим самым большим сторонником, сказал, “Чувак, чем ты, мать твою, занимаешься, когда приходишь домой? Это полный отстой!” (You suck!)

Я был просто уничтожен. Два года назад, стоило мне пёрнуть, эти парни считали, что это самый великолепный звук, который они когда-либо слышали. Теперь же в их глазах я был самым дерьмовым (shittiest) певцом в мире. Это было похоже на отношения, в которых ваша подруга понимает, что хочет быть свободной от вас, но не хочет ранить ваши чувства. Так что вместо этого она просто становится капризной, критичной и придирчивой, надеясь таким образом оттолкнуть вас. Если время, когда мы делали запись альбома «Motley Crue» в Ванкувере (Vancouver), было самым лучшим годом моей жизни, то это время быстро становилось самым худшим. Вдобавок к серьёзным неладам с парнями, скончалась моя мать. Два года она болела раком, и ей абсолютно не были предоставлены медицинская страховка и социальное обеспечение. Поэтому я продал свой «Харлей» и кое-что ещё из того, что можно было продать, чтобы помочь ей оплатить медицинские счета. В отчаянии я даже занял

денег у дяди из Филадельфии (Philadelphia) на том условии что, когда я получу свой первый аванс за новый альбом «Motley», то всё ему верну.

Также мне пришлось переехать, чтобы жить со своей подругой, великолепной моделью по имени Робин (Robin), в которую я был безумно влюблен. Но между нами всё начало идти не так, как надо. Она не знала, чего она хочет в этой жизни, и просто сидела дома целыми днями, пугая меня своими нервными срывами. В то же самое время мой сын успел попасть и выписаться из больницы из-за своего диабета. Это было похоже на то, что вся моя система поддержки — моя мать, моя подруга, мой сын, мои лучшие друзья и моя группа — всё это рушилось. Я был заперт в комнате, наблюдая за тем, как стены вокруг меня падают одна за другой.

Каждый день с «Motley» продолжали происходить всё более невероятные вещи: у нас была встреча в Нью-Йорке с каким-то парнем — важной шишкой на нашем лейбле, и в последнюю минуту (at the eleventh hour) он даже не позволил мне войти. Так что, покинув встречу, они обвинили меня в том, что я — не звезда ни под каким соусом. Никто не может сделать себя звездой: ваши фанаты — вот люди, которые делают из вас звезду — только взгляните на всех этих несчастных личностей, которые стали секс-символами, благодаря своей популярности. Тем не менее, они сказали, что я должен буду начать учиться вокалу, брать уроки хореографии и нанять стилиста, потому что мой внешний вид не соответствует имиджу остальной части группы. Они хотели сделать со мной практически всё, за исключением, пожалуй, того, чтобы зачислить меня в «Школу знаменитостей» («Fame school» — что-то вроде нашей «Фабрики звёзд»).

Спустя неделю после встречи, я, как предполагалось, должен был появиться с группой на открытии «Хард-Рок Казино» в Лас-Вегасе («Hard Rock Casino» in Las Vegas). Хотя я был на мели и постоянно боролся с Робин, мы решили, что поездка будет полезна для нас обоих, и для такого случая мы купили себе новые наряды. Но за день до события позвонил Никки и сказал, чтобы я не волновался. Казино не оставило прохода для меня, сказал он, потому что они хотят видеть только самых выдающихся членов группы (the more high-profile members of the band). Эти слова жалят меня и по сей день, потому что прошло не так много времени с того момента, как они уверяли меня в том, что я равноправный член группы, и утверждали, что «Motley Crue» — это демократия, где каждый имеет одинаковое положение.

Каждый день я боялся входить в студию, чтобы мне напомнили о том, что я ничтожный и бесполезный, а затем я

боялся идти домой, чтобы моя подруга напомнила мне о том же самом. Однажды я, наконец, огрызнулся. После нескольких часов того, как мне твердили, что я пою неправильно, я взял гитару и придумал несколько аккордов, которые помогли сочинить песню “Confessions” вместе с Томми. Он был в восторге. “Краб”, сиял он. “Это удивительно. Это превосходно, чувак”.

Я обернулся и произнёс надломленным голосом, “Может мне тогда нужно быть просто долбаным гитаристом. По крайней мере, хоть это я могу делать правильно в ваших глазах”. Он рассмеялся, я рассмеялся тоже и больше особо не думал об этом до следующего дня.

Я вошёл в студию, вся группа сидела там вместе с нашим новым менеджером, Алленом Ковачем. “Краб”, сказал Никки. “Я не могу поверить, что ты такое сказал. Ты действительно хочешь бросить петь, чтобы быть гитаристом?”

Я сказал им, что это замечание было саркастическим, но думаю, что они всё время ждали, чтобы я ушёл. Даже если я просто шутил, этого было достаточно.

Несколько недель спустя мы с Томми отправился поиграть в бильярд (shoot some pool) и попить пивка. Мы разговаривали о будущем альбоме и следующем туре, о том, как нам найти золотую середину (middle ground) между тем, кто мы есть и кем мы хотим быть. Казалось, всё было нормально. На следующий день, когда я вошёл в студию, они удостоили меня очередным своим собранием. После вечера с Томми я был готов к обсуждению того, что нам необходимо сделать для альбома и тура. Но была пятница, 13-ое сентября. Ковач сообщил мне новости: “Слушай, тут такое дело”, сказал он. “Компания звукозаписи не будет продвигать ничего из того, что делает группа, если у нас не будет оригинального состава. Конец цитаты (End of story). Я хочу, чтобы ты знал, что это не имеет никакого отношения к тебе и ничего против тебя; мне насрать, даже если бы в этой группе пел сам Пол Маккартни (Paul McCartney). Они не хотят ничего слышать. Так что мы собираемся вернуть ﻉинса”.

Я был уничтожен и, в то же самое время, освобождён. Я больше не должен был стоять перед ощущением неполноценности и абсолютной нежеланности в руках олимпийской сборной по запугиванию (Olympic browbeating team) в составе Скотта, Никки и Томми. Кошмар закончился.

Странно, но даже тогда группа была не согласна с этим решением. Никки подошёл и сказал, что он сожалеет, но они вынуждены были так поступить, потому что они просто не могли получить от меня то, что им было нужно в студии. Затем Томми вытащил меня на “суши” и сказал, что это не имеет никакого

отношения к группе или к компании звукозаписи, и что это была ошибка Ковача. Он сказал, что хотел бы видеть меня в составе группы в качестве её пятого члена и гитариста, но я знал, что этому не суждено случиться.

Достаточно странно то, что несколько дней спустя парни начали звонить мне с просьбами, приехать в студию, говоря, что они ничего не могут добиться от Мика, и спрашивали, не мог бы я утром записать кое-какие гитарные дорожки перед тем, как приедет Винс. Я делал это в течение нескольких дней, пока однажды днём в студию не позвонил Мик и не спросил, “Краб, что ты там делаешь?”

“Я просто играю кое-какие гитарные партии”, сказал я ему. И тогда он взбесился: очевидно, они не сказали ему, что ввели меня, чтобы перезаписать (to redo) его треки.

Одним из щекотливых моментов стало то, что они позвали меня даже для того, чтобы я обучил Винса моей вокальной партии в песне “Kiss the Sky”. Это был странный разрыв, потому что я стал единственным парнем, к которому они могли обратиться, когда у них были проблемы с вокалом или когда Винс и Томми устраивали разборки. Однажды, после одной из таких перебранок, мне позвонил Томми или Никки (не помню, кто именно) и сказал, “Я больше никогда в жизни не буду записывать альбом с Миком Марсом и Винсом Нейлом”.

Спустя несколько недель телефонные звонки стали раздаваться всё реже. А затем они и вовсе полностью прекратились. В моих услугах больше не нуждались.

По совпадению или нет, вскоре после того, как «Motley» меня отпустили, моя подруга Робин сказала мне, что между нами всё кончено, и уехала. Четыре дня спустя наш общий друг позвонил мне и сказал, что он только что вернулся с её свадьбы: она вышла замуж за видеорежиссёра (video director), парня, о котором я никогда даже не слышал прежде. Ради собственного душевного равновесия я притворился и продолжаю притворяться, что она встретила его после того, как мы расстались.

Медленно я погрузился в чёрную дыру, которая зияла в моей душе (I crawled into a dark hole in my mind). Посреди всех этих событий с моей подругой, моей матерью, моим сыном и моей бывшей группой, я не мог понять, что я сделал неправильно, чтобы заслужить всё это. Я приехал в дом моей бывшей жены, чтобы побыть со своим сыном и рухнул на диван, прокручивая в голове каждое мгновение моей жизни, как плохой киносценарий. Мой сын смотрел телевизор, и внезапно он повернулся ко мне, запрыгнул мне на колени и обнял меня, сбив с меня эту жалость к самому себе. “Спасибо, что приехал и смотришь со мной

телевизор, пап", сказал он. "Я тебя люблю".

Я улыбнулся и сказал ему, что тоже его люблю, а затем я сказал самому себе, что никакое дерьмо не имеет значения, когда мой сын любит меня.

Если бы я мог перемотать годы назад и вновь пережить все эти события с «Motley Crue», я не изменил бы ничего из их первой половины: встреча с ними, запись альбома в Ванкувере, раз'езды по всей стране в нашем рекламном туре. Но во второй половине — записывая второй альбом — я, возможно, сделал бы несколько вещей по-другому. Во-первых, я определённо дал бы отпор. Во-вторых, что наиболее важно, я сказал бы им то, что я действительно хотел сказать им в то время, но так никогда и не решился на это (but never had the balls to). Я так боялся, что меня уволят, поэтому держал свой рот на замке и так и не произнёс эти пять слов, которые жгли мне губы.

Глава восьмая

ДЖОН КОРАБИ

«В КОТОРОЙ БЫВШИЙ ПЕВЕЦ “MOTLEY CRUE” ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ МОЛЧАНИЯ РАСКРЫВАЕТ ТО, ЧТО ОН НА САМОМ ДЕЛЕ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ГРУППЕ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЕГО ЗЛОКЛЮЧЕНИЙ»

ПРИМИТЕ, НАКОНЕЦ, СВОЁ ДОЛБАНОЕ РЕШЕНИЕ! (MAKE YOUR FUCKING MINDS UP!)

Глава девятая

ВИНС

«В КОТОРОЙ ГОЛОВУ ВОЗВРАЩАЮТ ЕЁ ТЕЛУ»

Аллен Ковач был хитрым маленьким ублюдком (bastard), “ублюдком” в хорошем смысле этого слова, потому что у меня, вероятно, есть много детей, о которых я даже не подозреваю (I am probably a father to many). Я был в Манхэттене (Manhattan) с моим менеджером, Бертом Стейном, общаясь с прессой (doing press) относительно моего последнего сольного тура, когда в вестибюле нашего отеля мы столкнулись с Ковачем. Ковач, который довольно убедительно сделал вид, что его присутствие там было чистой случайностью, пригласил нас подняться к нему в номер, чтобы поговорить и заказать что-нибудь. Он усадил Берта и меня и начал предлагать свой товар (sales pitch):

“Винс, ты, конечно, можешь сердиться на меня, если хочешь, но ты должен задать себе вопрос, ‘Действительно ли я звезда как сольный артист?’”

В ответ я пристально посмотрел на него, что не выражало ни да, ни нет, а только лишь ненависть. “Я продолжу”, продолжил он. “В окружении четырёх парней в группе под названием «Motley Crue» ты — настоящая звезда. И публика, которая приходит посмотреть на вас, получает за свои деньги нечто большее. На самом ли деле публика, которая приходит посмотреть на «Vince Neil Band» получает то, за что она платит?”

Он всё говорил и говорил, и говорил, пока я не начал понимать, что он нарисовал себе масштабную картину (big picture), и эта картина была совсем не тем, чем я собирался заниматься как сольный исполнитель, а «Motley Crue» не будут делать это как группа, играющая альтернативный рок. Я спросил его, обсуждал ли он это с Никки или Томми, и он сказал, что они пока ничего не знают, но что он может поспособствовать тому, чтобы это произошло.

До встречи я действительно не хотел возвращаться в «Motley Crue». Я просто хотел зарыть топор войны, получить четвёртую часть прибыли от брэнда группы (brand name), которую я заслужил, и двигаться дальше. Но этой своей чепухой Ковач удобрил почву вокруг семени, которое просто продолжало расти. Когда месяцы спустя, я увидел Никки и Томми в «Хайатт», мы в итоге вернулись к той идее, что мы должны быть вместе, а вся

остальная ерунда — адвокаты, ругань (name-calling), пред'явление иска — всё это был вздор. Счета за услуги моих адвокатов уже превысили 350,000$, и они были уверены, что эта сумма удвоится, если я продолжу судебный процесс. Так что к концу встречи я сказал своим адвокатам, "Мы хотим снова быть вместе. Вы, парни, сделаете всё, что для этого потребуется, если же нет — вы уволены".

Неделю спустя я приехал в дом Никки, где они записывали альбом, и послушал несколько треков. Странно, Никки и я очень быстро начали сближаться. Но Томми, с тех пор как он женился на Хизер, думал, что он — кинозвезда. А теперь, когда он был женат на Памеле Андерсон, дела обстояли ещё хуже. Он думал, что он лучше всех остальных, и он очень чётко давал понять, что моё возвращение в группу было против его воли. Несколько раз, когда он так важничал, я говорил, "Пошли вы, парни. Продолжайте в том же духе и делайте альбом без меня. Мне насрать". Возможно, он ревновал к нашей дружбе с Никки. Я не знаю, что это было.

Я никогда не слышал альбом, который они сделали с Кораби, но несколько недель спустя, после того, как я начал делать с ними запись, зашёл Кораби. Мы выпили по паре пива и поболтали немного о всякой всячине. Он сказал, что он рад моему возвращению в группу, потому что последний год был для него ужасным. И я удивился, т. к. фактически я полюбил его. Он был очень классным парнем (pretty cool guy).

После недели записи большинство из нас начало чувствовать себя довольно глупо (pretty stupid). Всё звучало должным образом. Всё звучало, как «Motley». Мы снова были группой. И это было именно то, что подразумевалось. Даже Томми, казалось, смирился со своей судьбой и, ворча поначалу, полюбил эти песни. Все были счастливы, за исключением Мика, который, казалось, был готов положить свою гитару и уйти из группы.

Глава десятая

МИК

«О ВАЖНЫХ ВОПРОСАХ, КАСАЮЩИХСЯ ДИНОЗАВРОВ, КОМОДСКИХ ДРАКОНОВ, БЕЙСБОЛЬНЫХ КЕПОК И СПЕЦИФИЧЕСКОГО СПОСОБА СТРЕЛЬБЫ ПО ЖЕНЩИНАМ»

Кто или что погубило динозавров? На мой взгляд, это был вирус Эбола (Ebola virus — редкое, но очень опасное заболевание, летальность в 50–90 % клинических случаев), вирус, который, как нам говорят, такой же древний, как и сама Земля. То, что этот плотоядный вирус мог легко и без всяких проблем передаваться от особи к особи, об'ясняет, почему динозавры исчезли так внезапно и полностью. Вирус может уничтожить большую часть живой плоти, органов, кровеносных сосудов и мозговой ткани за 5-10 дней, вызывая разрушение и кровотечение, при которых органы превращаются в жидкость и вытекают через все отверстия. Этот смертельный вирус — более вероятный виновник, чем метеоритный дождь, который, как предполагается, уничтожил динозавров, но покинув Землю, не повредил другим её обитателям.

К разговору о динозаврах, какой-то яппи-придурок (yuppie asshole) решил, что их нужно рисовать во всех этих ярких сверкающих красках? Может это была Марта Стюарт (Martha Stewart — известная телеведущая и автор публикаций по дизайну домашнего интерьера)? Совершенно понятно, что мы восстановили облик динозавров по их костям, поэтому нет никакого подтверждения тому, что они были цветов детских игрушек. Посмотрите на Комодского дракона (Komodo dragon — крупнейшая из современных ящериц). На этом чрезвычайно ядовитом потомке динозавров вообще нет никаких цветов. Если бы динозавры действительно были окрашены так ярко, они просто не смогли бы эффективно охотиться или прятаться от хищников.

Я много думаю о динозаврах с тех самых пор, когда меня заставили чувствовать себя подобно им после того, как Кораби ушёл из группы. Но вместо вируса Эбола, у меня был Скотт Хамфри, Великий Инвалидатор (Great Invalidator — от глагола “invalidate”, что означает “аннулировать”, “признавать несостоятельным”). Он вытеснил Кораби из группы. Когда он покончил с Кораби, то взялся за меня. Было похоже, что он всегда

вымещает свои недостатки на других людях.

С каждой новой песней, которую мы начали писать в студии, я брал плёнку домой и работал над новыми партиями до двух часов утра. Затем я приходил на следующий день, чтобы сыграть их, и Великий Инвалидатор говорил, “Нет” (”Nope”). Я спрашивал его, знает ли он, чего он хочет, чтобы я сыграл, и он говорил, “Нет”. Я спрашивал его, знает ли он в какой тональности эта песня, и он говорил, “Нет”. Любой звук, который я издавал на гитаре, приветствовался хором, “Нет, нет, нет, нет”. Великий Инвалидатор сделал так, что я стал выглядеть плохим в глазах Томми и Никки, чтобы они думали, будто от меня нет никакого толка (I wasn’t bringing anything to the table). Он убедил их в том, что я тот, кто тянет группу назад со своей динозавр-рок гитарной игрой (dinosaur-rock guitar playing) и моей любовью к блюзу и Хендриксу (Hendrix), которые, как я считал, были вне стиля или что-то вроде этого. Я хотел напомнить им, что я дал название группе, что я превратил Никки в настоящего песенника (songwriter), что я избавил группу от слабых звеньев (weak links) и что я выбрал Винса. Но как всегда я держал свой рот на замке. Если есть что-то, что я понял: самонадеянность — то же самое, что и высокомерие. А высокомерные и эгоистичные люди — самые слабые, самые глупые люди из всех. Если в вас это есть, вы не должны этим кичиться. Эгоистичные люди, по моему мнению, самые некомпетентные неудачники, бродящие по поверхности Земли со времён бронтозавров, у которых мозг был размером с горошину (pea-brained brontosaurus).

У некоторых людей в той студии была проблема с высокомерием, и, чтобы подкреплять свою самоуверенность, им необходимо было вымещать свои проблемы на других людях, что и является причиной того, почему я был готов уйти из группы. Сколько раз вам нужно услышать “нет” прежде, чем вы начнёте верить этому сами? Я действительно был убежден в том, что я плох как гитарист, что, возможно, вместо того, чтобы выгнать Кораби, они должны были дать пинка мне. Тогда они смогли бы иметь Винса в качестве певца и Кораби в качестве гитариста, и все они были бы счастливы.

Но, если бы я ушёл, Великий Инвалидатор, вероятно, начал бы обрабатывать Никки, а затем выгнал бы из группы и его. Этот парень, Скотт Хамфри, не знал, чего он хочет. На «Dr. Feelgood» его работа заключалась в том, чтобы загонять материал в «Про-Тулс» и изменять высоту тона звучания вокалов. Это то, в чём он был хорош. Но теперь он начал верить в то, что он музыкант. Я хотел сказать: “Тогда напиши песню, мудила (prick)”. Я никогда не был так огогрчён за всё моё время, проведённое в группе.

Он даже сказал Томми, что он играет на гитаре лучше, чем я, и заставил Никки, который басист, играть мои гитарные партии. Я купил стопки книг по инвалидации (invalidation — бизнес-термин, означающий “лишение законной силы”), пытаясь выяснить, как мне следует пережить этот опыт, сохранив при этом уверенность в том, что я всё ещё могу играть на сцене. Каплей, переполнившей чашу (last straw), стало то, когда Великий Инвалидатор созвал большой совет менеджеров компании. Причина встречи: моя шляпа. Он сказал, что ему не нравится бейсболка, в которой я ходил каждый день. Для него это была проблема. Вот чем этот говнюк был озабочен на самом деле (That’s how fucked-up this asshole was). Затем он сказал всему менеджменту компании, что от меня нет никакого проку.

“Так что?” огрызнулся я. “Почему бы вам тогда не избавится от меня?” Я был готов присоединиться к Джону Кораби. Возможно, мы могли бы создать новую блюзовую группу или что-то вроде того. Есть только два случая, когда я пишу: первый — когда у меня есть мысли о политике или Мире. Это может быть что угодно, от размышлений о значительных событиях (например, что если «Титаник» («Titanic») на самом деле столкнулся с айсбергом намеренно, т. к. в преддверии мировой войны капитан Смит [Captain Smith] имел секретное предписание проверить новые на тот момент броневые плиты из высоко-углеродистой стали и водонепроницаемые каюты) до просто случайных мыслей о том, как люди глупы (к примеру, толстые люди, которые упрямо надевают красное, выглядя при этом, как старик Санта Клаус [ol' St. Nick]). Другая причина, по которой я пишу, это когда я бываю зол (pissed off), а после той встречи я был зол.

> Дорогой Никки,
>
> Я провёл с вами много лет, играя на гитаре на всех наших хитах. Вдруг оказалось, что я больше не могу играть на гитаре. Давай посмотрим, в чём разница между тогда и теперь. Что изменилось? Есть только один признак, в котором я вижу отличие, и это — Скотт Хамфри. Вы отлучили меня от процесса написания песен, потому что вы не хотите, чтобы они были ориентированы на гитару, вам не понравилось ничего из того, что я пытался вам предложить, и вы заменили всю мою игру на альбоме. Мне кажется, единственное, чего вы не сделали — это не заменили меня в группе. Вероятно, Скотт Хамфри мог бы войти в состав и играть на гитаре, потому что он сказал Томми, что делает это намного лучше меня. Поэтому теперь я вверяю это в твои руки: я

стал хуже как гитарист или ты стал хуже как знаток людей (judge of character)?

Твой друг и товарищ по группе,
Боб Дил

Я не мастер складно писать, поэтому написал, как смог, пытаясь сказать им и донести до них то, что происходит на самом деле. Скотт засунул свой нос так глубоко в задницы Никки и Томми, что они даже не могли разглядеть дерьма, размазанного по его лицу. После письма у нас состоялась ещё одна из наших знаменитых встреч, и я сообщил группе, что это мой последний альбом, потому что я больше не могу с ними работать.

Но я предполагаю, что я превратился в старого слабого труса. Где я действительно был готов покинуть группу, это когда они вели себя, как козлы, из-за того, что я встречался с Эми в туре «Girls», теперь же я слишком боялся пройти через это. Что ещё мне было делать? Я видел то, что произошло с сольной карьерой Винса, и я видел десятки других групп, где парень отделялся, и ничего из этого не выходило. Для меня не существовало иного выбора, кроме как быть гитаристом в «Motley Crue». Даже если это означало просто сдерживаться и терпеть плохое отношение (hanging in and taking the abuse).

Так каждый день после студии я жаловался Джону Кораби, который после своих последних проблем с женщинами снова поселился в моём доме для гостей (guest house). Затем мы отправлялись в лес и выпускали пар, стреляя по мишеням (target-shooting). Прежде чем он покинул группу, он познакомился с несколькими стриптизёршами и пригласил их поехать пострелять с нами.

Мы проехали с ними мимо Ланкастера (Lancaster) и оказались в голой пустыне (open desert). Мы надели свои защитные очки, перчатки и затычки для ушей и столкнулись с двумя местными шерифами, которые восхищались моим оружием. Один из них взял стальную пластину, установил её на расстоянии в двадцать пять ярдов (около 23-ёх метров), и сказал, “Вот, стреляй сюда”. Он стрелял в неё весь день из 22-го калибра (0.22 ~ 5,6 мм), и хотел посмотреть, что будет, если выстрелить из большого оружия.

Пластина была наклонена вверх, и я прицелился (nailed) прямо в её центр. Когда я выстрелил, то услышал, как голос позади меня вскрикнул, “Ай” (”Ouch”). Это была подружка Джона. “Меня только что ужалила пчела”, проскулила она. Но я понял, что произошло: крошечный осколок медной шрапнели от оболочки пули срикошетил от пластины, просвистел мимо моего

лица и попал ей в бок.

“Это была не пчела”, сказал я ей. Я отнял её руку от её живота, и кровь потекла струёй. Я промыл рану, которая оказалась просто поверхностной царапиной шириной примерно одна шестнадцатая дюйма (около 1,5 мм). Осколок шрапнели был размером с ноготь, но у меня было достаточно опыта общения с людьми, подобными ей, чтобы понимать, что, если я не позабочусь о ней, она возбудит дело против моей задницы. Я привёз её в больницу на своей машине, пока Джон держал её за руку, и она сказала, что с ней всё будет в порядке, и пообещала не пред’являть иск.

Я привёз её домой из больницы и сказал ей, что оплачу медицинские счета, достану пластического хирурга, чтобы не осталось никаких шрамов, и уверил её в том, что я обо всём позабочусь. По пути к моему дому я извинился перед Кораби.

“Всё в порядке”, сказал он. “Она всё равно была сучкой”.

Пока она была в больнице, ей звонили сотни адвокатов. Внезапно она стала утверждать, что её изуродовали, и что этот полуторамиллимитровый шрам разрушил её многообещающую карьеру стриптизёрши (exotic dancer). Она стала таким же жадным врагом, как бывшая жена, утверждая, что в тот день мы с Кораби пили и курили “травку”, что было полной ерундой (bullshit). В итоге, по решению суда я заплатил ей что-то около десяти тысяч долларов, это было почти всё, что оставалось на моём счету. Она, наверное, потратила эти деньги на то, чтобы сделать себе сиськи или что-нибудь вроде этого.

Когда история с судебным процессом выплыла наружу, газеты сообщили, что я пошёл и намеренно выстрелил в свою подругу. Именно поэтому я никогда не доверяю тому, что читаю. Поверьте мне, если бы я хотел подстрелить кого-нибудь, то это не был бы край живота. Это был бы один выстрел в голову. К чёрту выстрелы в тело (Fuck body shots).

Глава одиннадцатая

СКОТТ ХАМФРИ

«КОРОТКАЯ БЕСЕДА, В КОТОРОЙ СТОЛЬ ОБСУЖДАЕМЫЙ ПРОДЮСЕР ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ ОТ СВОЕГО ИМЕНИ»

Каковы были твои первые впечатления от работы с группой?

Они, знаешь ли, очень уникальные люди. Сначала было круто работать с ними, потому что это всегда было драматично (drama). Когда я впервые с ними встретился, этот драматизм носил характер веселья. И я любил наблюдать за тем, как Томми играет на своих барабанах, просто разбивая тарелки вдребезги и разбрасывая сломанные барабанные палочки направо и налево. Но затем, неожиданно, сидя в своём продюсерском кресле, я осознал, что никого из них (кроме Мика) невозможно заставить приходить в студию вовремя. Через какое-то время мы ввели систему штрафов: сто долларов за каждый час опоздания. Потом была другая битва за то, чтобы каждый из них отключал свои пейджеры и сотовые телефоны. Дни просто проходили впустую, без какой бы то ни было результативной работы.

Дела стали обстоять ещё хуже, когда мы переместились в навороченный (gated) особняк Никки. Каждый день Никки мог улизнуть с записи, занявшись делами с садовником или парнем, который следит за бассейном (pool guy), или со специалистом по разведению рыб (fish lady), или с автомехаником, или с горничными (maids), которые приходили два раза в день, чтобы приготовить завтрак и ужин и сделать уборку. Это был нескончаемый поток людей, работавших на поддержание дома.

Одна из вещей, о которых я хотел бы поговорить с тобой — шляпа Мика.

Шляпа Мика? Что?

Он сказал, что ты созвал целое собрание менеджмента, чтобы пожаловаться на его шляпу?

Это определенно подтверждает всякую чепуху, которую мне уже приходилось слышать изо рта Мика Марса. Потому что это смешно.

Значит, у тебя никогда не было проблем с его шляпой?

Это просто невозможно. Мик Марс всегда носит шляпу, за

исключением тех моментов, когда он находится на сцене. Но кому какое дело, носит он её или нет?

Тем не менее, Мик не из тех, кто просто так выдумывает.

Я бы запомнил, если бы такое произошло, никто больше не упоминает об этом, кроме Мика. Я думаю, что это какая-то причуда (it's kind of weird). [пауза] На самом деле, знаешь что? Он всегда носил эту гоночную кепку с надписью «Motley Crue» (Motley Crue racing hat), и мне это нравилось. Я сказал, "Эй, Мик, ты можешь достать мне такую же?" И несколько месяцев спустя он мне её достал. Я сейчас посмотрю у себя в шкафу, думаю, что она всё ещё там. Я акцентировал внимание на его шляпе, потому что хотел такую же, а не потому, что она мне не нравилась.

Вот она. Нашёл. Сейчас, я только сдую с неё пыль. На ней нарисованы череп и кости и гоночные флаги. Это чёрная кожаная кепка. Теперь я это отчётливо припомнил. Он, должно быть, всё перепутал: кепка была клёвая. Наверное, что-то другое было не так.

Хорошо, он действительно ощущал себя так, будто ты лишил его законной силы гитариста.

На самом деле, это не имело ко мне никакого отношения. Томми и Никки нравился стиль, которым Джон Кораби играл на гитаре, и они всегда поощряли игру Джона. Как продюсер ты хочешь быть абсолютно открытым и позволять каждому вносить свой вклад в общее дело (bring their parts to the table). Но Мик просто не хотел, чтобы кто-то ещё играл на гитаре. Он кричал, "Я гитарист". Я говорил, "Ладно, ты гитарист, но два других парня из вашей группы хотят слышать игру Джона Кораби". Иногда, когда два разных гитариста одновременно играют одну и ту же партию, это звучит превосходно, как в случае с «AC/DC».

Забавно, что он упомянул меня как парня, который не желал слышать его гитарные партии, т. к. я хотел сделать альбом «Motley Crue», который звучал бы подобно раннему материалу. Что мне действительно нравилось, так это чистая сырая гитара Мика Марса. Фактически, я всегда поощрял Мика, и он приносил мне эти кассеты, так называемые "отходы со стола" (table scraps), где были куски и фрагменты вещей, над которыми он работал дома. Что действительно заставляло эту группу хорошо работать, так это когда Мик писал гитарные риффы, Никки сочинял на них какие-то вещи, а Винс всё это пел. Это была идеальная формула. Большинство риффов, над которыми мы работали, базировалось на гитарных партиях Джона Кораби, и это были те самые блюзовые "цеппелиновские" гитарные риффы (bluesy Zeppelin

guitar riffs). Практически, было похоже, что механизм сочинительства «Motley Crue» заглох (Motley Crue writing machine had shut down). Кораби, вероятно, ненавидел меня с самого начала (from the get-go), потому что джемминг был тем, что он привнёс в группу, а я хотел, чтобы они снова вернулись к написанию песен.

Выходит, ты был тем, кто хотел сделать сырой альбом «Motley»? А остальная часть парней хотела звучать более современно?

Совершенно верно. Никки в один день хотел звучать, как «Nine Inch Nails», на следующий день — как “Zooropa” группы «U2». Мы с Никки всегда наезжали друг на друга. У нас были постоянные споры относительно содержания текстов. Никки не любил тщательно исследовать свою лирику. Была такая строчка в этой песне под названием “Glitter”, где пелось, “Давай заделаем ребёночка внутри тебя” (”Let’s make a baby inside of you”). А я сказал, “Это не то. Ты не можешь вставить эту строчку в этот альбом”. Это была полная несуразица. А он, по сути, пытался убедить меня в том, что это его лучшая вещь, которую он когда-либо написал.

Какие вещи Никки говорил обо мне?

Думаю, он ощущал себя так, будто ты втянул его в хитроумную игру (head games) и играл им против Томми. Он сказал, что ему нужен был сильный продюсер, который мог бы сказать ему, что он иногда бывает полным дерьмом.

В самом деле? Я думаю, что большинство людей могли бы вспомнить, что я был парнем, который постоянно твердил, “Хватит пытаться быть Трэнтом Рэзнором [Trent Reznor — вокалист «Nine Inch Nails»]. Просто садись за гитару и пиши песни”. Всё, что я пытался сделать — получить хит: меня не заботило ничего, кроме продаж альбома. После всех этих неудач и драм, в которых все мы побывали, минимум, что нам было нужно, это хит.

Мне кажется, группа думала, что по твоему мнению всё всегда было не достаточно хорошо.

Это то, как я чувствовал. Альбом звучит, как какая-то мешанина, и то, что он не продавался, служит доказательством тому, что он не был достаточно хорош. (That is the way I felt. The record sounds like a bit of a mishmash, and that it didn’t sell is proof that it wasn’t good enough).

Возвращение Винса облегчило работу?

Нет, написанные песни не были ориентированы ни на стиль пения Винса, ни даже на его диапазон. Так что в тот момент нам тем более был нужен грёбаный Мик, занимающийся своим привычным делом, чтобы сплотить группу. Они были так хороши, когда работали вместе как группа, а не как кучка долбаных дисфункциональных партнеров (dysfunctional partners).

С Джоном проблема состояла в том, что его голос всегда затухал (his voice was always blown out). С Винсом был совершенно другой набор проблем. У нас было то, что мы обычно называли “окном возможностей Винса Нейла” (Vince Neil window of opportunity). Это было где-то между третьей и шестой пива, когда он был уже “тёпленький” (he’d be warmed up), но ещё не настолько пьяный, чтобы не держаться на ногах.

И это окно могло очень быстро захлопнуться. Иногда у нас было всего полчаса или двадцать минут с Винсом. И если вы просили его спеть более двух раз, он говорил, “Пошёл ты…”, и уезжал. Моим впечатлением от Винса было моё поднятое запястье и взгляд на часы. Ему не хотелось находиться в студии: он предпочитал поле для гольфа.

Значит, даже когда он вернулся, он не вёл себя так, будто он — часть группы?

Я думаю, что была ревность, потому что Никки и Томми были сопродюсерами альбома, и он тоже хотел быть сопродюсером. Он мог бы им быть, но мы не могли заставить его петь в студии, а что уж говорить о продюсировании. Винс один из тех парней, на кого вы не можете надавить (guys who you can’t push too hard). Если он появляется и случайно делает что-то, и случайно это “что-то” получается хорошо, ну, и в итоге, вы имеете то, что имеете.

Памела Андерсон была поблизости во время записи?

Ну, все мы прошли через по-настоящему хорошие времена с Памелой и по-настоящему дерьмовые (shitty) времена с Памелой во время записи этого альбома. Она обычно делала это каждую пятницу, когда она заглядывала в студию с бутылкой водки. Она говорила, “Ладно, сегодня пятница, вам, парни, нужно выпить”. Она так настаивала на этом, что Томми каждую пятницу напивался в стельку. А в скором будущем, когда прошло всего несколько месяцев, у Джея Лино (Jay Leno — ведущий телевизионного ток-шоу) она говорила, “Мой муж — алкоголик”. Я тогда ещё подумал, “О чём она говорит?”

Так, что же, по-твоему, происходило на протяжении всего

этого процесса записи? Тебе не приходило в голову, “Вытащите меня из этого кошмара”?

Это было действительно тяжело, потому что, когда им было удобно, у меня было два сопродюсера; когда их не было, всю работу приходилось делать самому. В конечном счёте, я сорвался на крик. Я никогда этого не забуду, потому что моя мать сидела рядом со мной на Рождество, а я разговаривал с Никки по телефону. Я сказал, “Если ты не предложишь лучший вариант первого сингла, считай, что ваша карьера закончена, а через шесть месяцев вы обвините во всём этом меня “. А он, “Нет, я точно знаю, что я делаю, и я всё делаю правильно. Это идеальный первый сингл”. В тот момент я был уверен, что воссоединённые «Motley Crue» не станут бомбой (wasn’t going to blow up) просто потому, что материал был паршивым (material wasn’t good). Если бы у них был правильный альбом (right record), они, возможно, легко бы взяли и двойную и тройную “платину”.

Значит, ты решил, что умываешь руки?

Что ещё я мог поделать? Устаёшь от постоянного, “Нет, нет, нет, нет” и вечных препираний с людьми. Когда первый сингл потерпел неудачу, я получил звонок от Никки, который сказал, “Мне кажется, мы выпустили не тот сингл”.

“Грёбаный ты козёл!” (”You fucking asshole!”) заорал я на него.

Как бы там ни было, но это уже не имело значения, потому что к моменту выхода альбома, «Motley Crue» стали знаменитостями такого масштаба, чего они, вероятно, не могли себе представить даже в самых своих ужасных кошмарах. Это действительно было странно для меня, потому что, внезапно, их личная жизнь стала более важна, нежели их музыка.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ: “ПУШКИ, ЖЕНЩИНЫ, ЭГО”

Глава первая

ТОММИ

«БЕЗУМНАЯ ИСТОРИЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ВИЛКЕ И ПОСУДОМОЕЧНОЙ МАШИНЕ»

Я думал, что она самая весёлая девушка на планете. Ей нужно было стать комиком. Она постоянно была в движении и говорила быстрее, чем любая другая девчонка из тех, кого я знал. По существу, она была маньяком, и я, чёрт побери, тащился от неё (flipped out over her).

Первая ночь, которую мы провели вместе, случилась во время перерыва в туре с Кораби. Она жила в Ресида (Reseda) со своей дочерью, Тэйлэр (Taylar), от её брака с вокалистом «Warrant» Джени Лэйном (Jani Lane). Помню, я смотрел клип на песню “Cherry Pie” и думал, что она самая горячая тёлка из всех (hottest chick on wheels). У неё были идеально белые волосы, огромные самичьи глаза (huge doe eyes), большие лоснящиеся губы и громадные титьки — кому какое дело, были они настоящие или нет. Её звали Бобби Браун (Bobbie Brown), и она украла моё сердце. Второе, что она сделала, открыла свой рот.

Я спал в её кровати после нашего первого свидания примерно в четыре утра, когда внезапно здание начало раскачиваться. Я понятия не имел, что происходит: сначала я подумал, что это какой-то безумный сон, затем я подумал, что какой-то чувак пытается проникнуть внутрь. Когда я медленно вернулся в сознание, я вдруг понял, что весь дом ходит ходуном. Мы лежали голые в её кровати, не зная, что делать, как вдруг её большой платяной шкаф (armoire) рухнул на пол, разбив при этом экран телевизора на тысячу мелких кусочков.

“Тэйлэр!” закричала вдруг Бобби. Её дочь находилась одна в другом крыле дома, и никто не знал, что там происходит. Мы соскользнули с кровати и упали на пол, практически наложив в штаны. Мы распахнули дверь и выскочили в коридор. Всё валилось на пол, а дом так жутко раскачивался, что нас постоянно кидало от стены к стене, когда мы пытались ползти. Чем ближе мы подбирались к двери Тэйлэр, тем сильнее грохотал дом, и нам казалось, что сейчас он просто рухнет, мать его. Пока мы ползли до её комнаты, я оглянулся назад и увидел, что весь дом разваливается на части. Кухня и гостиная просто полностью откололись и исчезли, оставив после себя зияющую дыру

темноты. Я был уверен, что мы погибнем.

Тэйлэр лежала на полу и плакала, в то время как землетрясение бросало её по всей комнате. Я схватил её и закричал, “Чёрт, давайте выбираться отсюда”. Затем Бобби и я выскочили из комнаты в направлении передней, осторожно, чтобы нас не выбросило в оторванную часть дома, где нас, в любом случае, внизу поджидала пропасть. Входной двери не было, так что мы выбежали в тот проём, где она обычно находилась, и оказались на улице. Снаружи земля дрожала не так интенсивно, и мы присоединились к её соседям, которые оплакивали то, что осталось от их домов.

После такого первого свидания, пути назад не было. Бобби и Тэйлэр переехали в моё жильё (pad) на берегу, и после шести месяцев совместного веселья (partying together), я положил обручальное кольцо за пятнадцать тысяч долларов на верхушку шоколадно-орехового пирожного (brownie), которое она заказала во время обеда, затем встал на колени и попросил её стать моей женой. Она сказала “да”, и это был момент, когда всё покатилось под откос. Но покатилось медленно, так медленно, что я едва ли мог это заметить.

Скотт Хамфри однажды прослушивал музыку, которую я написал, а Бобби в это время набросилась на меня за то, что после бритья я не смыл волосы с раковины или что-то типа этого. “Эй, чувак”, сказал Скотт. “И ты позволяешь ей высказывать тебе подобные вещи?”

“Ты о чём?” спросил я его.

“Она обходится с тобой так, будто ты вовсе не человек. Она всегда такая?”

“Ну, да”, сказал я. И вдруг эти любовные шоры упали с моих глаз, и я начал замечать вещи, которых никогда раньше не замечал. Вещи, связанные с ней, которые казались из ряда вон (things about her just seemed off): она крадучись передвигалась по дому, прятала от меня вещи, пропадала в странных командировках (strange errands), получала телефонные звонки от парней, которых я не знал, а когда я просыпался по утрам, её обычно не было в кровати. Можно было подумать, что у неё другой парень, с которым она обманывает меня. Но я был уверен, что Бобби выше всего этого (Bobbie better than that).

После того, как розовые очки были сняты (love goggles off), я также заметил, что она худеет и постоянно испытывает раздражение, мать её. Иногда я приезжал домой из тура или из студии, а она сидела на полу со всеми этими художествами и поделками (arts and crafts), раскиданными вокруг неё. Она склеивала термоклеем фрукты и цветы (hot-gluing fruits and

flowers) или покрывала вазу с композицией (bowl of potpourri) золотой краской из болончика.

В следующий раз, когда я оказался наедине с одной из её подруг, я спросил её, “Чувак, Бобби принимает грёбанный кокс (speed)?”

“Я не собираюсь отвечать на этот вопрос”, сказала она. “Но почему бы тебе самому не заглянуть в её сумочку? Или проверить её косметичку. И помни — мы ни о чём таком с тобой не разговаривали”.

Конечно же, я схватил её сумку и нашел там грёбаный кокс. Сразу же стало понятно, что всё в наших отношениях было полной ерундой, и это об’яснило безумные неожиданные перепады настроения, жертвой которых я всегда оказывался. Когда я поставил её перед фактом, сначала она всё отрицала, затем набросилась на меня из-за выпивки, а потом возложила всю ответственность за это на меня. Конечным результатом явилась чудовищная долбаная драка, которая закончилась тем, что я вынужден был спать на полу, как собака.

После этого всё затаённое негодование, которое росло в Бобби, начало выплёскиваться наружу ежедневно. Всё, что я начал думать о ней, она одновременно думала обо мне. Она почувствовала, что я один из тех, кто подвержен перепадам настроения; потому что, живя с ней, я стал скрытным, подозрительным и несчастным; и поэтому я обманывал её за её спиной — но не с наркотиками, а с другими женщинами. Её особенно бесило то, что я попросил её бросить её актёрскую и модельную карьеру, потому что я был настолько травмирован моим браком с Хизер и хотел иметь детей и полноценную жену (full-time wife). Через какое-то время всякий раз, когда звонила Хизер (т. к. мы остались друзьями), Бобби могла изойти на говно (freak her shit); а всякий раз, когда ей звонил какой-нибудь парень, у меня с’езжала крыша. За несколько дней до Рождества, когда я хотел пойти на праздничную вечеринку, наша взаимная ревность и недоверие вылились в неожиданную безобразную драку прямо на глазах у Тэйлэр.

К тому времени мы дрались каждый день, и это не могло не сказываться отрицательно на развитии Тэйлэр, не говоря уже о моём развитии. Я пытался найти хотя бы единственную причину, по которой она должна была оставаться в моей жизни, и не мог придумать ни одной. Даже её чувство юмора, которое мне поначалу так нравилось в ней, исчезло, и наши отношения стали носить характер постоянного негатива и взаимных обвинений.

Когда я попросил её с’ехать, она пришла в ярость и сказала, что она никуда не поедет без своей одежды, мебели и прочего

дерьма. “Знаешь что”, сказал я ей. “Ты получишь весь свой хлам, когда вернёшь мне моё обручальное кольцо. Потому что грёбаной свадьбы не будет, и это — факт, чёрт подери”.

“Чтоб ты сдох” (”Drop dead”), со злостью проговорила она, добавив примерно сто скорострельных проклятий поверх этого.

“Ну, тогда ты не получишь своё дерьмо”. И с этими словами я схватил её и препроводил к двери. Странно, мне не пришлось принуждать её к этому. Казалось, она шла даже слишком охотно. Я был удивлен, что она снова не устроила драку, потому что она была грёбаной драчуньей (fucking fighter).

Час спустя в мою парадную дверь раздался громкий стук. Я посмотрел на охранный монитор, и там стояла она в сопровождение долбаных полицейских. Я подумал, что полицейские восстановят справедливость, так как дом принадлежал мне, и я имел право потребовать у неё убраться с территории моей собственности. Но я ошибался. Очень ошибался. Она приложила все свои силы, чтобы изобразить самую душещипательную трагедию (the greatest sob story), которую полицейские когда-либо слышали. Она подставила меня (she set me up).

“Мистер Ли”, сказал офицер по селектору. “Вы должны впустить её, чтобы она могла забрать свои вещи”.

“Чувак”, возразил я. “У неё мое кольцо”.

“Меня это не касается”, сказал он. “Она должна войти и забрать своё имущество”.

Я всплеснул руками и открыл грёбаную дверь. Полицейский ввалился в сопровождение Бобби. Она направилась прямиком в спальню. Я хотел последовать за ней, но полицейский остановил меня.

“Не входите туда!”

Я был обескуражен (I lost it). “Что вы хотите сказать этим “не входите туда”? Это моя грёбаная спальня. И там мои личные вещи”.

“Я хочу, чтобы вы ждали снаружи и сохраняли спокойствие”.

“Это чушь какая-то! Я ничего ей не сделаю” (”I’m not going to do shit to her.”).

“Вы слышали, что я сказал, мистер Ли?”

“Я слышал, мать вашу! Я только хочу удостовериться, что она не возьмёт ничего из моих вещей! Я имею на это право, не так ли?”

Полагаю, что я не имел на этого права. Т. к. прежде, чем я узнал об этом, меня бросили на пол, надели наручники и затолкали на заднее сидение их полицейской машины.

“За что вы забираете меня в тюрьму?” вопил я, когда они

от’ехали.

“Нападение”.

“Что?”

“Леди говорит, что вы пытались задушить её”.

Так как это была ночь пятницы, они продержали меня там всю оставшуюся часть уик-энда, что только дало Бобби достаточно времени, чтобы вычистить всю мою грёбаною квартиру. Когда я пришёл домой в понедельник утром, то обнаружил комнаты пустыми — стулья, столы, кровать, всё — я даже не был удивлён. Мне просто было любопытно, где она нашла перевозочную компанию, согласившуюся работать в выходные. Надеюсь, что ей пришлось заплатить им достаточно серьезное вознаграждение за сверхурочную работу, т. к. уверен, что ребята хорошо потрудились. Всё, что они оставили мне, была единственная вилка в посудомоечной машине.

НО ЧТО ЗА БОЛЬНАЯ ШТУКА — эта любовь. Я, чёрт возьми, тосковал по ней. И она, безусловно, скучала по мне тоже. Поэтому спустя всего несколько дней после того, как я был освобождён из тюрьмы, я оказались в квартире, которую она сняла после от’езда из моего дома — трахая её на своей бывшей кровати, чувак. На самом деле, мы больше не испытывали влечения друг к другу, но в то же самое время мы не могли окончательно разбежаться в разные стороны (We weren’t really going out again, but we weren’t quite broken up either). Это превратилось в одни из тех отношений, когда нужно было просто застрелиться и положить конец всем этим грёбаным страданиям (It turned into one of those relationships that just needs to be shot and put out of its fucking misery). Мы удерживали друг друга в стороне от жизни, от встреч с другими людьми, но в то же самое время мы не могли получить достаточно друг от друга.

Во второй или в третий раз, когда мы встретились после тюрьмы, она начала наезжать (bitching) на меня, потому что думала, что я интересуюсь одной из её горячих подружек. Она топала ногами и орала на весь дом в течение нескольких грёбаных часов без перерыва. Я пытался обратить всё это в шутку, но это только ещё больше рассердило её. Я пробовал не обращать на неё внимания, но это только сделало её ещё более безумной. Я пытался урезонить её, но она только становилась всё более раздражённой. Наконец, я больше не мог этого вынести. Я не знал, как прекратить этот ор. Я схватил грёбаную вазу со стола, разбил её об пол, сказал, “Ты — грёбаная дура”, и уехал. Я был так расстроен. Я не мог избавиться от этой сумасшедшей грёбаной женщины и от моих безумных грёбаных чувств к ней, не

было никакой возможности сделать это. Мне нужно было убежать из этого дерьма, выбросить всё это из головы (get my mind off it), остановить весь этот крик. Почему я по-прежнему тратил своё время на эту сучку, которая подставила меня?

Так что я отправился навестить друга по имени Сэдж (Sedge), который был таким же конченым героинщиком, как грёбаный Никки Сикс (who was a full-on fucking Nikki Sixx junkie). Когда я вошёл, он сидел на диване, готовя раствор (juicing up). “Эй, братишка, сделай-ка мне укольчик”, попросил я. “Я хочу обо всём забыть прямо сейчас” (”Hey, bro, hook me up,” I begged. “I don’t want to feel a fucking thing right now.”).

“Нет проблем”, сказал он, пытаясь щёлкнуть пальцами, но он был слишком обдолбан, чтобы вызвать для этого достаточное трение (”No problem,” he said, rubbing his fingers together in what would have been a snap if he wasn’t too junked-out to generate enough friction).

Я закатал свой рукав, на столе перевязал руку куском медицинской резиновой трубки и ждал, пока он приготовит шприц. Я увидел, как он опустил его в ложку и втянул два кубика.

“Брат, я — не ты”, сказал я ему. “Я не занимаюсь этим постоянно. Это может быть слишком много для меня”.

“Нет (naw), не волнуйся”, он оборвал меня на середине фразы. “Всё в порядке. Доверся мне, чувак. Я — героинщик. Я знаю, что я делаю”.

“А к чёрту всё. Будь что будет” (”Fuck it. Whatever”). Эти слова — “Доверся мне, я — героинщик” — должны были послужить путеводной нитью прямо туда (should have been a clue right there). Я имею ввиду то, что он был грёбаным наркоманом, чувак, и, конечно же, его переносимость была сильнее моей (his tolerance was going to be more than mine).

Он уколол мою руку, запустил два кубика в мою кровеносную систему, вытащил иглу и развязал трубку. Я оказался в грёбаном раю. Я, чёрт возьми, был таким счастливым. Я не чувствовал ничего. Мое тело расслабилось, слова, “Бобби” и “Браун” исчезли из моего сознания, и поток удовольствия струился из моего сердца и заполнял всё моё тело. Я откинулся на диван и закрыл глаза.

Глава вторая

НИККИ

«В КОТОРОЙ НИККИ ЧУЕТ НЕЛАДНОЕ И ИЗОБРЕТАЕТ СПОСОБ ДЛЯ ЕГО УСТРАНЕНИЯ»

Когда мы совершали тур с Кораби по Европе, в Италии была пресс-конференция. И эта необыкновенно красивая итальянская журналистка встала и сказала, “Никки, я хочу задать вопрос тебе”. У неё были “рабочие” губы (blow-job lips), гладкие темно-рыжие волосы, и она выглядела точно, как Ракель Уэлч (Raquel Welch — американская киноактриса) в роли Похоти (Lust — воплощение одного из семи смертных грехов) в кинофильме «Bedazzled» (комедия 1967-го года, у нас фильм известен под названием «Ослепленный желаниями»). “Ты благодаришь Господа Бога за то, что он сотворил тебя таким прекрасным?”

“Нет”, ответил я ей. “Я проклинаю его за то, что он сотворил мой член таким маленьким”.

После пресс-конференции она пригласила меня выпить вместе кофе, чтобы мы могли больше поговорить. “Ну, ты знаешь, я женат”, сказал я ей.

“Нет, нет. Просто поговорить”, сказала она, всё ещё выглядя, как Похоть. “Может быть, встретимся завтра”.

“Позвони мне”.

На следующее утро, вместо того, чтобы позвонить мне в номер, она постучала в дверь. Я выполз из кровати, открыл дверь, она ворвалась и мигом сбросила с себя туфли, юбку и обтягивающий свитер. Её тело было просто невероятным: идеальные линии, золотисто-коричневая кожа, каскад волос, как в рекламе шампуня, струился по полным грудям, выпирающим из красного лифчика. Утренний “стояк” натянул мои трусы (My morning wood pushed against my underpants). Она повалила меня на кровать, сказала, “Давай посмотрим, так ли тебя проклял Бог “, и мы начали кувыркаться. Но, как только я собрался её трахнуть, она спросила, “У тебя ведь есть презерватив, правда?”

“Нет, нету”.

“Тогда я сейчас вернусь”, сказала она и скользнула обратно в свою одежду.

Когда она ушла, я на минуту задумался: Что я делаю? Я почти трахнул эту тёлку. Я женат; у меня дети. Трахануть (screwing) эту великолепную итальянку, которая сводит меня с

ума от желания — это бесполезная трата времени. Я влез в свою одежду, прошёл через холл в номер Мика и понаблюдал за тем, как она вернулась с презервативом, только дома уже никого не было.

Несколько недель спустя я был в Лондоне со своей женой, Брэнди. Наш звукозаписывающий лейбл устроил для нас вечеринку, полную всяких уродов, вроде лилипутов, акробатов на ходулях и английских рок-звёзд. Внезапно у дверей началось какое-то волнение, и какая-то женщина заорала, “Я не позволю так с собой обращаться. Я представитель прессы”. Это была изнасиловавшая меня журналистка-итальянка. Она протиснулась через охрану и подошла прямо ко мне. “Куда же ты пропал, мать твою?” спросила она. Брэнди повернулась ко мне, и моё лицо покраснело. Я спасался бегством через чёрный ход, а Брэнди гналась за мной, проклиная меня всю дорогу. Той ночью я усвоил важный урок: Если бы я просто трахнул эту итальянку вместо того, чтобы хранить верность, ничего бы этого не случилось.

Так или иначе, к тому моменту мой брак был в полном дерьме (in the gutter). Любовь, которая расцвела из моего воздержания во время создания «Dr. Feelgood», была просто мимолётной страстью, спровоцированной тем фактом, что я едва мог видеться с нею, поэтому я не знал, что она представляет из себя на самом деле. К тому времени, когда мы обнаружили, что мы — не пара (we weren’t right for each other), она уже была беременная нашим первым ребёнком, Ганнером (Gunner). Я утешал себя тем, что проводил как можно больше времени с нашими детьми; она утешала себя тем, что тратила как можно больше моих денег. Вот так, в конечном счёте, я оказался в особняке площадью пятнадцать тысяч квадратных футов (около 1400 кв.м.), полном белого мрамора, кафельных бассейнов и потолков высотой в шестьдесят футов (почти 20 м). Это был какой-то кошмар.

Но я не мог решиться на то, чтобы бросить её, потому что я слишком хорошо помнил, на что была похожа моя жизнь без отца. Так много моего гнева и жестокости, и вероятной причиной, по которой я всегда толкал себя на грань самоуничтожения с помощью наркотиков, было то, что я всё ещё был зол на своего отца за то, что он обрёк меня на неприкаянное, бродячее существование с моей матерью и её многочисленными мужьями. Я вполне справился с этим, находясь в «Motley Crue», но ничто не могло залечить и затянуть эти рубцы. Я не хотел, чтобы трое моих детей росли с такими же ранами.

Когда мы делали запись бонусного мини-альбома (bonus EP) под названием «Quaternary» («Четвёрка») (что означает “власть

четырёх” ["the power of four"]) с Кораби, я написал песню, которая называлась “Father” (”Отец”), и я просто терял голову от этой музыки, где в припеве я спрашивал, “Отец, где ты?”. Я начал думать, что дыра в моей жизни, вероятно, была зеркальным отражением его жизни, что это, должно быть, очень тяжело для него — знать, что у него есть сын, с которым он не может общаться.

В последний раз я разговаривал со своим отцом в 1981-ом году, когда он фактически отрёкся от меня, и я сменил своё имя. С тех пор прошло более десяти лет. Теперь я сам был отцом, и я думал, что он захочет узнать, что он уже дедушка. Возможно, мы даже могли бы начать восстанавливать взаимные отношения. Теперь, когда мне было тридцать семь, возможно, пришло время, наконец, похоронить юношескую тоску, которая наполняла всю мою жизнь.

Последнее место, где он работал, о котором я знал, была объединённая строительная компания в Сан-Хосе (pool-construction company in San Jose), так что я позвонил в справочную, узнал номер, набрал его и спросил, работает ли всё ещё там Фрэнк Феранна.

“Кто это хочет знать?” спросил голос.

“Я его сын. Я пытаюсь его разыскать”.

“Рэнди?” (Randy)

“Какой Рэнди?”

“Ну, кто бы вы ни были, Фрэнк Феранна умер. Давно уже умер”.

“Подождите”.

“Не звоните сюда больше”.

Они повесили трубку. Я позвонил моей матери в Сиэтл, чтобы выяснить, знает ли она, что случилось с моим отцом. Она утверждала, что он жив. Я попытался вытащить из неё больше подробностей и спросил, говорит ли ей о чём-нибудь имя “Рэнди”, но это было бесполезно. Стихи, которые я написал для песни “Primal Scream” с альбома «Decade of Decadence» постоянно вертелись у меня в голове — “Когда отец был юношей/ Его дом был сущий ад/ А мама так стремилась к совершенству/ Её удел теперь — палата с войлоком обитыми стенами” (”When daddy was a young man/His home was living hell/Mama tried to be so perfect/ Now her mind’s a padded cell”) — и мне пришлось повесить трубку прежде, чем я снова начал бы на неё кричать. Я был слишком стар для того, чтобы позволять моей матери постоянно давить на все эти кнопки, которые выводят меня из равновесия, даже если она та самая, кто изначально их туда заложил. Вся моя жизнь всегда была большой тайной, и не было похоже, что в скором будущем

она поможет мне её разгадать.

На следующий день Брэнди сказал мне, что она хочет отдохнуть. “Куда мы поедем?” спросил я её. Но я ослышался: она хотела поехать одна. Она об’яснила, что какие-то её подруги отправляются на Гавайи, и она хочет присоединиться к ним, чтобы развеяться (clear her head).

“В последнее время было тяжело”, сказала она. “И я не знаю, чего я ищу, но мне нужно это найти”.

“Если есть проблема, может быть нам следует побыть вдвоём какое-то время. Мы можем найти няню для детей, уехать вместе и попробовать разобраться в этом”.

Но она настаивала на поездке на Гавайи без меня, и именно в этот момент я впервые почуял, что здесь что-то неладное (I first smelled a rat). Я нанял частного детектива, чтобы он проследил за ней, и оказалось, что то, что она искала, было не уединение, а парень по имени Адонис (Adonis). Почему всегда так, если другой парень, то обязательно какой-нибудь Адонис или Тор (Thor), или Жан-Клод (Jean-Claude)? Что было ещё более скверно, Адонис был братом администратора (executive), с которым я тусовался. Другими словами, Адонис множество раз бывал в моём доме со своими сестрой и братом, и я невинно принимал его и угощал, как друга. Я почувствовал себя каким-то кретином-рогоносцем. Я тут пытаюсь спасти наш брак (trying to make this marriage work), а она убегает и оставляет меня с детьми, чтобы позагорать с каким-то греческим плэйбоем в Гонолулу (Honolulu) — причём, за мой счёт. Все на «Электре», вероятно, знали о том, что происходит за моей спиной. Я понял, что надо было всё-таки трахнуть ту итальянскую журналистку.

Частный детектив сказал, что у него есть фотографии, но я не хотел их видеть. Всё было очень разумно: Я вспомнил, что у Адониса был дом на Гавайях. Также он имел дом в Санта-Монике (Santa Monica). Частный детектив позвонил мне несколько дней спустя и сказал, что они возвратились в Лос-Анджелес. Брэнди до сих мне не позвонила, и я был настолько взбешён тем, что меня предали, ввели в заблуждение и оскорбили, что я решил убить Адониса — ублюдка, с которым она обманывала меня. Я схватил двуствольный дробовик (double-barreled shotgun), прыгнул в свой «Порш» («Porsche») и помчался по Пасифик Кост Хайвэй (Pacific Coast Highway). Пока я летел с холма, я точно спланировал, что я сделаю, когда приеду: Я постучу в его дверь и скажу, “Привет, может, помнишь меня. Меня зовут Никки, и ты трахал мою жену”. А затем я разряжу оба ствола прямо ему в яйца.

Глава третья

ТОММИ

«В КОТОРОЙ НАШ НАСТОЙЧИВЫЙ ГЕРОЙ ОБНАРУЖИВАЕТ, ЧТО ОН НЕ МОЖЕТ КУПИТЬ ЛЮБОВЬ ЗА ДЕНЬГИ, ПОКА НЕ ПОТРАТИТ ИХ НА УДОВОЛЬСТВИЕ»

Когда я очнулся, всё совершенно изменилось. Очкастая физиономия человека в белом парила в воздухе в нескольких дюймах от моего лица, и первыми словами, которые вылетели у него изо рта, были, “Тебе повезло, что ты жив, сынок. На самом деле, очень повезло”.

Я подумал, что я пребываю в каком-то наркотическом сне (junked-out dream), я захлопал глазами и попытался выяснить, что происходит. “Где я?”

Но никто мне не ответил. Чувак ушёл. Я был не уверен, был ли он видением, безумцем или ангелом-хранителем (guardian spirit), пытающимся передать мне какое-то послание. Я находился в белой комнате, похожей на рай, но всё-таки больше смахивавшей на какое-то служебное учреждение. Это была… больница. Я не только испытывал повсеместную боль, но и вся моя кожа имела какой-то синеватый оттенок. События последних часов возвращались, наполняя мой мозг: Этот придурок Сэдж чуть было не убил меня.

Позднее, той же ночью, Сэдж и мой друг по имени Дуг (Doug) пришли навестить меня. Сэдж бросил мешок с одеждой на кровать и сказал, “Ти (T), мы пришли вытащить тебя отсюда”.

“Зачем, чувак?”

“Потому что, чем дольше ты будешь оставаться здесь, тем быстрее грёбаные репортёры пронюхают об этом и вдоволь поглумятся (have a fucking field day). Поэтому заткнись и следуй за мной. Доверься мне”.

В моем полуобморочном состоянии я вдруг понял, что уже слышал эти слова раньше, но никак не мог вспомнить где. Сэдж и Дуг вытащили трубки из моих рук и отключили провода, с помощью которых я был подключён к различным приборам, на работу которых я даже не обратил никакого внимания. Я волновался, что какой-нибудь из этих проводов или трубок поддерживает мою жизнеспособность, и если они его вытащат, чувак, то я умру. Но затем я осознал, что, если я нахожусь в таком ясном уме, чтобы беспокоиться об этом, то со мной, наверное, всё

в порядке. Они помогли мне надеть мои штаны, ботинки и футболку, затем мы сбежали вниз по лестнице и выскочили из больницы с такой скоростью, на какую только были способны. Никто нас не остановил, никто не сказал нам ни слова и никто так и не узнал об этом, включая Бобби.

В следующий раз мы с Бобби увиделись два дня спустя на праздновании Нового Года. Мы с братишками (best bros) пришли в клуб под названием «Убежище» («Sanctuary»), там нас и повстречала Бобби. Мы все сидели за отгороженным столиком (booth), принимая «экстази» (popping E), выпивая шампанское и маньяча по-страшному (being fucking maniacs). Через час насупил 1995-ый год, но мы, вероятно, были настолько обдолбаны, что даже не знали, что это был за день. Вдруг подошла официантка и сказала, “Томми, это стаканчик «Гольдшлягера» («Goldschlager» — крепкий коричневый ликёр). Это для вас от Памелы Андерсон”.

“Памела Андерсон?”

“Да, она — одна из владельцев клуба”.

“Она здесь!?”

“Она вон там”. Официантка указала на столик в углу, где Памела сидела в окружении своих подруг. Я не мог поверить, что не заметил её раньше. Она была одета во всё белое, её волосы были самого безупречно-белого цвета, который я когда-либо видел, её зубы, в буквальном смысле, пылали сквозь губы, когда она смеялась, и она так блистательно выглядела на фоне тех, кто её окружал, что было похоже, будто на неё сверху светит луч ультрафиолета (black light). Я поднял стакан, сделал что-то банальное, типа, подмигнул или улыбнулся, и залпом выпил. Затем я схватил целую бутылку «Кристал» («Cristal» — марка элитного шампанского) и вылакал её, как счастливый поросёнок. Я поставил бутылку, подошёл к её столику и заполнил собой пространство (blew up the area).

“Привет, Памела, я — Томми”, сказал я вежливо. “Но я полагаю, что ты знаешь, кто я такой, раз прислала мне выпивку”, продолжил я уже не столь учтиво. “Спасибо”.

Я должен был реабилитироваться после такой глупой тирады (line). Поэтому я пролез за отгородку, скользнул по коленям её подруг и втиснулся на место прямо рядом с нею. Затем я схватил её лицо и просто облизал его сбоку, от подбородка до виска. Возможно, если бы я сделал это, будучи трезвым, я был бы похож на какого-нибудь навязчивого козла (some kind of invasive asshole). Но я находился под действием «экстази» (Ecstasy), поэтому всё было довольно мило, и в этом не было никакой грубости, напротив, это выглядело совершенно невинно, и было наполнено любовью и сильным желанием породниться сразу со

всем человечеством. Она, чёрт возьми, засмеялась и без всяких церемоний повернулась и облизнула лицо девочки, сидящей рядом с нею. Затем все, сидящие вокруг стола, мать их, принялись облизывать друг друга.

Под действием «экстази» Джоан Риверс (Joan Rivers — уже не молодая и не самая красивая американская актриса) похожа на Памелу Андерсон, так представьте себе, на кого же тогда похожа Памела Андерсон. Она была настолько прекрасна, что я не мог позволить себе даже мысли о вожделении. Уставившись, я смотрел на неё всю ночь, а она смотрела на меня. Вероятно, мы говорили о чём-то всё это время, но я не могу вспомнить, о чём именно. Я даже не заметил, как наступила полночь, пока к столику не подошла Бобби и не сказала со всей злостью (with all the bitchy attitude), на которую она только была способна, “С Новым Годом”.

Она пыталась пустить в ход все свои грёбаные отрицательные флюиды (vibes), которые излучали её глаза, но моя защитная система под названием «экстази» (Ecstasy defense system) была слишком сильна. Я тоже поздравил Бобби с Новым Годом, а потом снова повернулся к Памеле. Я не хотел, чтобы у Памелы сложилось впечатление, что мы с Бобби встречаемся, тем более что наши отношения давно сошли на нет (our relationship had degenerated to nothing), если не считать передозировок и ночных звонков в полицию (я даже не догадывался о том, что меня ждёт [little did I know what was in store for me]). Я был готов к переменам, и, Господи, как я надеялся, что Памела станет такой переменой.

В час тридцать, в присутствии Бобби, всю ночь испепелявшей нас неодобрительными взглядами (firing dirty looks) от барной стойки, Памела сказала, что она вынуждена уехать. Её подруги устали и хотели поехать домой. За свой многолетний опыт я изобрёл способ отделять женщину, которую я хочу, от её грёбаных подруг, которым надоедает то, что они не удостаиваются никакого внимания. Я проводил Памелу до машины её подруги Мелани (Melanie), в десятый раз за вечер попросил у неё номер телефона (и, наконец, получил его) и наложил на её губы сумасшедший влажный грёбаный поцелуй. После «экстази» и «Кристал» я был достаточно самоуверен. Позднее я узнал, что, когда Памела закрыла дверцу автомобиля, первое, что сделала Мелани, это взглянула на неё и сказала, “Даже не думай об этом”.

“Что ты хочешь этим сказать?” как можно более невинно спросила Памела.

“Послушай меня: Этот парень — грёбаный маньяк”.

Памела виновато улыбнулась. Мелани просмотрела на неё и, чтобы до неё дошло, ещё раз сказала “Нет!”

Проблема познакомиться с кем-нибудь, кто вам нравиться, в Лос-Анджелесе, состоит в том, что все всегда слишком заняты для того, чтобы встречаться. Их приоритет — это их карьера: Завязать дружбу или пойти на грёбаное свидание в их списке стоит на шестом месте. Поэтому, когда я позвонил Памеле, и оказалось, что она не может назначить день, чтобы зависнуть вместе, я подумал, что это станет ещё одними грёбаным лос-анджелесским романом, который так многообещающе начался, но так никогда и не увенчается успехом. Вместо этого он просто будет увядать, и с каждым телефонным звонком и обещаниями попробовать встретиться на следующей неделе, каждый отдалится друг от друга, и искра, которая вспыхнула во время их встречи, угаснет навсегда.

После шести недель такой грёбаной телефонной суходрочки (telephonic fucking cock-teasing), я, наконец, получил сообщение на автоответчик, которого я ждал. “Томми. Чёрт, тебя нет дома. Это Памела. У меня есть двадцать четыре часа, чтобы порезвиться с тобой (to play with you). Позвони мне в отель «Никко» (Hotel Nikko) в шесть вечера, и мы встретимся”.

Чёрт возьми, я чуть с ума не сошёл, чувак. Мой опыт с Хизер научил меня тому, что миленькая цыпочка-актриска предпочитает плохого мальчика, поэтому, вместо того, чтобы купить новую одежду, побриться и попытаться выглядеть абсолютно свежим, как сама Памела, я надел свои самые грязные грёбаные кожаные штаны, влез в старую футболку, которая воняла потом (b.o. - body odor), и даже не потрудился побриться или принять душь. Что я, однако, сделал, так это почистил зубы.

Я заехал в «Плэжа Чест» («Pleasure Chest» — магазин интим-товаров) и набрал там всяких сексуальных игрушек и соответсвующих принадлежностей на сумму в четыреста долларов. У меня была спортивная сумка (overnight duffel) в одной руке, и хозяйственная сумка, полная всяких смазок, клиторальных вибростимуляторов (vibrating clitoral stimulators) и шаров «бэн-ва» (ben-wa) — в другой. Я был готов раскачать её грёбаный мир (I was ready to rock her fucking world). Я позвонил ей в отель в 16:59. Я не мог ждать. Регистратор сказал, что её пока нет.

Я поездил вокруг, убил какое-то время и перезвонил через пять минут. Её по-прежнему не было. Я взял себе еды и позвонил снова. Нет ответа. Я закончил свою трапезу и позвонил опять, но она всё ещё не появилась. Теперь было уже 18:00. Я приехал в отель и прождал в вестибюле весь следующий час; затем я

возвратился к себе домой и начал звонить в отель через каждые пять минут, пока они не начали меня жалеть. “Жаль, но её всё ещё нет”, сказал регистратор. “Всё будет хорошо. Я уверен, что она будет здесь с минуты на минуту. Если хотите, вы можете оставить мне ваш номер, возможно, я мог бы перезвонить вам, когда она появится”.

“Аааааааааааа!!!” (”Аааааrrrgggghhh!!!” — гневное восклицание)

“Извините, я не понял?”

Я оставил сообщения на её автоответчике, в домах её друзей, повсюду. Я просто выслеживал её как маленький грёбаный охотник, точно таким же образом, как я преследовал ту первую девочку, которую я когда-то поцеловал с красной ягодой. Наконец, незадолго до 22:00 Памела сняла трубку. Она даже не была в грёбаном отеле; она была дома.

“Привет, как дела?” спросила она, будто была удивлена тем, что я позвонил.

“Чувак, чем ты сейчас занимаешься?” я был уничтожен. Мне было необходимо её увидеть.

“Я на выходе из дома”.

“Что ты хочешь этим сказать?”

“Я улетаю в Канкун (Cancun — курортный город в Мексике) сегодня вечером. Завтра утром я должна быть там на фотос’ёмках”.

“О, в самом деле! А как же я?”

“О, нет”, сказала она. “Мы должны были встретиться сегодня вечером, не так ли?”

“Полагаю, что так”.

“Мне очень жаль. Слушай. Когда я вернусь. Я обещаю”.

“Мы могли бы встретиться до твоего возвращения”, намекнул я.

“О, нет”, сказала она. “Даже не думай об этом”.

“Что ты имеешь ввиду?” возразил я невинно.

“Даже не вздумай приезжать. У меня будет очень много работы. Они абонировали меня на восемнадцать часов в день (They’ve got me booked for eighteen-hour days), поэтому у меня не будет времени для развлечений”.

“Ладно, успокойся”, смягчился я. “Веселись. Я поговорю с тобой, когда ты вернёшься”.

Я повесил трубку, затем позвонил двум своим друзьям и сказал, “Пакуйте чемоданы. Мы едем в Канкун”.

Я набрал «Американ Эйрлайнс» («American Airlines»), заказал билеты и на следующий день позвонил ей домой из самолета. “Я сейчас в самолете, пью коктейли”, сообщил я её автоответчику.

“И я лечу, чтобы разыскать твою задницу”. Держу пари, что она уже жалела о том, что дала мне свой номер.

Полчаса спустя я проверил свой автоответчик, и там было сообщение от неё. “Ты с ума сошёл!” кричала она. “Не приезжай сюда. Это — не отдых. Это — рабочая поездка. Не смей приезжать!”

Но было уже слишком поздно. Когда я прилетел, я в поисках её начал обзванивать каждый отель на побережье (on the strip). Шестым отелем в моём списке был «Ритц-Карлтон» («Ritz-Carlton»), и когда они сказали, что Памела Андерсон остановилась там, я чуть было не обмочился от волнения. Её, конечно же, не было в номере, поэтому я оставил ей сообщение или штук шесть с вопросом, не хочет ли она встретиться и выпить чего-нибудь тем вечером.

Очевидно, она даже не собиралась мне перезванивать — так сильно она разозлилась. Но, на сей раз, её друзья были на моей стороне: Они видели, как усердно я тружусь, и упросили её: “Просто сходи с ним на один коктейль. Это не может повредить”. Ну, это-то как раз и повредило, потому что через четыре дня мы были женаты.

Я появился в вестибюле «Ритц-Карлтон» в майке с глубоким вырезом без рукавов (tank top), рваных джинсах и с татуировками (tats) повсюду. Мне не позволили войти ни в бар, ни в ресторан, поэтому мы решили послать этот дерьмовый отель ко всем чертям (fuck that piece-of-shit hotel) и поехали в другое место. Пока я усаживал её в такси, я задержался на мгновение, чтобы посмотреть на неё. Я так и не перестал любоваться ею.

Мы нашли местечко под названием «У Сеньора Фрога» («Senor Frog’s»), где сильно пахло разлитым пивом и блевотиной от «маргариты» (margarita vomit). Мы оба были и застенчивы, и смущены, особенно после всего того нарастания, приведшего к этому первому свиданию, но по мере того, как наступала ночь, «Сеньор Фрог» превращался в «Убежище», волшебство возвращалось без «экстази» и внешний мир постепенно растворился. У неё был один коктейль, который она мне обещала, за ним последовал ещё один коктейль, а за ним — какие-то другие коктейли, а за всеми этими напитками вместе, последовала её кровать в отеле. Когда мы, наконец, заснули, это был первый раз за всю ночь, когда мы перестали смотреть друг другу в глаза.

После этого мы зависали каждую ночь. Мы ходили по клубам, по ресторанам, по барам, по пляжам, и всё, что мы делали, — глядели друг на друга и целовались весь вечер. Затем мы отправлялись домой и занимались восхитительной любовью

(made golden love). Она жила в шикарном номере в пентхаусе (penthouse suite), и лифт открывался прямо в её комнате, где находились бассейн и водопад, оба из них мы использовали с определёнными целями.

Я поверить не мог, что можно чувствовать себя таким счастливым. Это было сильнее, чем любой «экстази», который я когда-либо пробовал: Я, в буквальном смысле, не способен был думать плохо — ни о себе, ни о «Motley Crue», ни о Винсе. Из, так называемого, плохого мальчика, я превращался в какого-то пентюха (pansy). Это было похоже на то, будто наши сердца сплавлены вместе (hot-glued together). Когда она работала, я просто сидел в своём гостиничном номере, как мертвец, и ждал, когда она позвонит, чтобы снова вернуть меня к жизни. Я даже позвонил своим родителям и поблагодарил их за то, что они вырастили такого избалованного маленького негодника (spoiled little brat), у которого всегда было всё, что он хотел, потому что иначе у меня никогда бы не было такой самоуверенности, чтобы преследовать Памелу, подобно тому, как я это делал.

Когда её с'ёмки закончились, мы решили остаться в Канкуне ещё на два дня. Той ночью на дискотеке под названием «Ла Бум» («La Boom») я снял своё розовенькое колечко, надел его ей на палец и попросил её выйти за меня замуж. Она ответила “да”, обняла меня, и засунула свой язык прямо мне в горло. На следующее утро мы решили, что всё должно быть всерьёз, и попросили отель найти кого-нибудь, кто совершит церемонию бракосочетания. Мы сдали кровь, получили разрешение на брак (sniffed out a marriage license) и прежде, чем закончился день, мы, женатые, уже валялись на пляже в наших купальных костюмах. Вместо обручальных колец, мы выбрали нечто более долговечное: Татуировки с именами друг друга вокруг наших пальцев.

На следующее утро мы сели в самолет, чтобы лететь обратно в Лос-Анджелес. Чем ближе мы подлетали, тем больше жестокая действительность всё больше начинала настигать нас. Это была реальность. Мы были женаты.

“М-м”, спросила она меня. “Куда мы поедем? Ты хочешь поехать к тебе домой или ко мне?”

“У меня есть дом в Малибу, прямо на берегу…”

“Ладно, тогда мы едем к тебе”.

В момент, когда мы вышли из самолета в международном аэропорту Лос-Анджелеса (LAX–Los Angeles International Airport), нас ждал совершеннейший хаос (shitstorm). Аэропорт был наводнён грёбаными фоторепортёрами. Мы с трудом продрались сквозь толпу к моей машине и приехали ко мне. Я окинул взглядом холм, возвышавшийся над домом, повсюду под

открытым небом расположились чуваки с камерами. Было похоже, будто мы уехали из рая полной свободы Канкуна, а приехали в адскую тюрьму Голливудского Вавилона (Hollywood Babylon). Мы наняли круглосуточного охранника, но мы по-прежнему не могли ступить и шагу без этой толпы линчевателей (lynch mob), которая преследовала нас повсюду.

Дела стали обстоять ещё хуже, когда Памела позвонила домой, чтобы сообщить новость своему семейству. Её мать, мать её, взбесилась и сказала ей немедленно подавать на развод (to file for divorce), в то время как её брат спросил мой адрес, чтобы он смог приехать и лично надрать мне задницу. По существу, они лишили её наследства и отказались признавать наш брак. Тем временем, Бобби оставила двадцать сообщений на моём автоответчике. Она услышала в новостях о том, что мы с Памелой поженились, и пришла в ярость. Настолько она была убеждена в том, что мы с ней по-прежнему вместе (As far as she was concerned, we were still going out).

Глава четвёртая

НИККИ

«ГДЕ, РАСПУТНИК, КОТОРЫЙ В ПРОШЛЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ, ГЛАЗОМ НЕ МОРГНУВ, ЛИШИЛ ДЕВУШКУ НЕВИННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКИ, ТЕРЯЕТ ГОЛОВУ ИЗ-ЗА ПРОСТОГО СВИДАНИЯ»

У подножья холма, где Пасифик Кост Хайвэй пересекается с Кэнан-Дьюм Роуд (Kanan-Dume Road), с моих глаз вдруг слетела пелена, и наступил момент просветления. Я резко затормозил у остановки перед «World Gym» (фитнес-клуб), выскочил из машины и разрядил своё оружие прямо в знак остановки (stop sign — ещё может означать красный сигнал светофора). Я всё ещё был в ярости, но я не был так глуп, как О. Джей. (имеется ввиду О. Джей. Симпсон [O. J. Simpson] — известный американский киноактёр, который, как предполагается, застав свою жену с любовником, убил их обоих). Я не позволю Брэнди разрушить мою жизнь ещё больше, чем она уже это сделала.

Я сел на обочину и заплакал. Я больше не мог этого выносить. Она уничтожала меня и уничтожала детей. Эти новые сведения, которые обошлись мне не дёшево, сделали невозможным продолжать терпеть её безмерную расточительность (shopping sprees) и домашние подлости (meanness around the house). Я должен был уйти от неё. Я так сильно хотел, чтобы у нас с Брэнди было всё, чего никогда не было у моих родителей, но это стало невозможным, когда наши отношения выбили почву у меня из-под ног (my relation¬ship had crumbled from beneath me).

Когда я поставил Брэнди перед фактом, наши отношения от брака перешли к войне, и она уехала из дома, угрожая забрать у меня всё, что я имел и любил. Я никогда не думал, каким одиноким может быть этот особняк. Мало того, что теперь я жил в одиночестве, ведя судебную тяжбу за опекунство над собственными детьми, но я по-прежнему не разговаривал со своей матерью, и не знал, жив мой отец или нет. Что касается моей группы, единственная реальная система поддержки всей моей жизни превратилась в полнейший бардак: каждый день в студии, пытаясь делать «Generation Swine», я чувствовал себя, как в эпизоде «Династии» («Dynasty» — телесериал), где каждый за спиной друг у друга плетёт всякие интриги.

После того, как я показал одному другу звукоинженера песню, которую я написал, находясь в глубочайшей депрессии, под названием “Песня порезанных запястий” (”Song to Slit Your Wrists By”), он настоятельно порекомендовал мне почаще выходить из дома. Он начал упрашивать меня встретиться с его подругой из Пасадены (Pasadena). “Она удивительная девушка”, пообещал он.

“Я не знаю”, сказал я ему. “На самом деле, мне сейчас не до свиданий. Я просто хочу попытаться вернуть моих детей”.

“Никки, тебе непременно нужно с кем-нибудь познакомиться (you need to go out with someone). Соглашайся (Snap out of it). Она хорошая девушка. Она тебе понравится”.

Я сдался и позвонил ей. Она оказалась довольно милой, так что я пригласил её вместе поужинать (for some food). Это было настолько не в моём духе по сравнению с тем, как я знакомился с девушками до того, как женился, когда всё, что я должен был сделать, — просто прислонится к стене «Старвуда» (Sheetrock of the Starwood) и выглядеть круто (look cool). Путь к её дому в Пасадене занял полтора часа. Я приехал, открыл дверь и, конечно же, сучка оказалась косоглазой (cockeyed). Прямо как бывшая соседка по комнате Энджи Саксон (Angie Saxon). Она была похожа на пьяную Джину Дэвис (Geena Davis — американская киноактриса). Как только я ступил в её обшарпано-элегантное жилище (Shabby Chic house), я тут же захотел повернуться и бежать оттуда. Это было совсем не в моём вкусе (This was not my style at all).

Но я проделал такой путь, а она выглядела такой безнадёжной и в то же самое время обнадёженной… Так я решил отвезти её в соответствующее жалкое местечко, такое как «Чили’с» (suitably pathetic like Chili’s). Она глушила «скотч», в то время как я сидел и просто наблюдал, не мог же я ехать домой пьяным. Чем больше она нагружалась, тем всё более громкой и отвратительной она становилась. Обычно я тоже бываю таким же пьяным и громким, но трезвый, я не знал, как на это реагировать. Я просто с’ёжился и вжался глубже в свой стул.

Я отвёз её обратно домой, она затащила меня внутрь и спросила, не хочу ли я посмотреть телевизор. Я извинился, но она всё равно усадила меня и включила «Фокс» («Fox» — телеканал). “Это мой любимый сериал”, сказала она. Это были «Полицейские» («Cops»).

Я сел на диван как можно дальше от неё. Во время рекламы она перебралась на среднюю подушку. Ещё после нескольких минут молчания она спросила, “Хочешь чего-нибудь?”

“Мм, мне бы водички”.

Когда она возвратилась из кухни, то села ещё ближе ко мне. Мне так ужасно захотелось уехать, что у меня по лицу потёк пот. Она подсела ещё ближе. Наконец, я сказал: “Я должен идти. Мне далеко добираться”.

“Ты должен остаться и досмотреть «Полицейских»”, настаивала она. “Это действительно хорошая серия”.

“Нет, мне на самом деле нужно идти. Мне долго ехать”.

Я встал, а она вскочила передо мной, вся такая высокая и косоглазая. Я попытался обойти её, но она втиснулась между мной и дверью и наморщила свои губы. Я отстранил её, но она только становилась ещё более агрессивной. Мне нужно было срочно выбираться оттуда: на меня напала косоглазая Джина Дэвис. Я готов был убить своего друга. Я добежал до своей машины и рванул с места, забыв даже попрощаться и сказать “спасибо, было очень весело”. Минуту спустя зазвонил мой сотовый телефон. Это была она. Это превращалось в фильм ужасов.

“Почему ты уехал?” спросила она.

“Ну… ”

“Ты можешь остаться на ночь, если хочешь. Я сделаю всё, что ты захочешь. Всё, что угодно”.

“Нет, я действительно не могу”.

“Я буду твоей рабыней”, сказала она. “О, я буду такой послушной”.

“Мне очень жаль. Возможно, в другой раз”.

“Но почему?”

“Ну, ты знаешь. Ты, гм, косоглазая”.

В значительной степени в этом состоял весь мой жизненный опыт свиданий вслепую. Я встречался с косоглазой Джиной Дэвис, затем я встречался с косоглазой Мэг Райен (Meg Ryan). Но с косоглазой Мэг Райен я, по крайней мере, спал.

Томми был женат на Памеле Андерсон, поэтому он чувствовал себя достаточно крутым и могучим (high and mighty). “Чувак, ты должен перестать знакомиться с этими обычными (regular) девчонками”, сказал он мне. “Тебе нужно найти кого-то, кто понимает тебя, кто такой же занятой, как и ты, и, как и ты, варится во всём этом дерьме (who goes through the kind of shit you do). Тебе нужна какая-нибудь знаменитость. Полистай журналы: найди кого-нибудь, кто тебя заинтересует”.

Я пошел в газетный киоск и взял «Детали» и «Премьер» («Details», «Premiere» — журналы о знаменитостях моды и кино). Дрю Бэрримор (Drew Barrymore — киноактриса) казалась забавной; Синди Кроуфорд (Cindy Crawford — модель и актриса) была хороша в качестве спутницы на банкетах (was good arm

candy); а Дженни МакКарти (Jenny McCarthy — американская модель и актриса) напоминала дикую девочку, которая могла заставить меня смеяться в постели. Я составил текст письма и с факса Ковача разослал его каждому из их менеджеров, не обращая внимания на тот факт, что Дженни МакКарти фактически была подружкой своего менеджера. Мало того, что я не получил ни одного ответа, но те письма потом ещё и вышли мне боком (those letters would come back to haunt me).

Когда мы заканчивали альбом в студии, я увидел валявшийся номер «Плэйбоя» с фотографией блондинки а-ля «Baywatch» (название телесериала, в России шёл под названием «Спасатели Малибу») на задней обложке. Я отметил, что она была симпатичной девочкой, но больше об этом не думал. На следующий день Томми сказал, “Пэм (Pam) хочет тебя кое с кем познакомить”.

“О, нет, с кем? С каким-нибудь косоглазым Дэвидом Хассельхоффом?” (David Hasselhoff — американский актёр и певец, снимавшийся в «Baywatch»).

“Нет, с девочкой, с которой она работает в «Baywatch». И она — просто конфетка (she’s hot), чувак”.

Я действительно не хотел встречаться с какой-нибудь самовлюбленной бабой-актрисой (narcissistic actress bimbo), т. ч. я попытался уклониться от этого (I tried to back out of it). Кроме того, Памела, на самом деле, никогда мне не нравилась, и когда я пытался заставить её подружиться с Брэнди, это было всё равно, что смешивать масло с водой. Однако, как обычно, вмешался Скотт Хамфри и сказал, что, если я не хочу идти, то пойдёт он. Так что по старшинству пошёл я (I pulled seniority).

Проклиная себя за то, что согласился на ещё одно идиотское свидание вслепую, я приехал на с’ёмочную площадку «Baywatch». Я стоял позади, наблюдая сцену около вышки спасателей из их фильма, когда на площадке с бессловесной ролью (a woman walked on set) появилась женщина с красивыми белокурыми волосами, в цветастой саронге (sarong — индонезийская национальная одежда). Это была женщина, которую я видел в «Плэйбое». “Это она, чувак”, толкнул меня Томми.

“Никогда. Эта девушка никогда не будет со мной встречаться”. Я представил себе её скучающий вид, когда во время обеда я буду молоть ей всякую чушь о том, как мы записываем «Generation Swine». Я был уверен, что получу от ворот поворот, и предпочёл отползти подальше, чтобы избежать конфуза. Она была слишком породистой типичной американкой (too wholesome and all-American) для такого грязного распутника, как я.

После с'ёмок я спустился по длинной грязной дорожке к пляжу и на полпути встретил её, тогда-то Пэм и представила нас друг другу. Её звали Донна (Donna), и она оказалась, наверное, наименее возбуждённым от знакомства со мной человеком. Она даже не посмотрела на меня. Она просто кивнула и пошла в свой трейлер. Думаю, последнее, чего она хотела, так это связаться с татуированным, употребляющим героин, бабником (a tattooed heroin-shooting womanizer) с тремя детьми, который, несомненно, всё ещё находился в депрессии от своего ужасного брака (messy marriage).

Я вернулся в трейлер Пэм и ждал, размышляя о том, не поздно ли ещё сбежать. Донна, ясное дело, думала о том же самом, потому что она вошла и сказала, "Знаешь что? Я не могу пойти. Мне нечего надеть".

Всё, что было у Донны, — длинный просторный верх от пижамы (a long, loose-fitting pajama top), который был изрядно потрёпан. "Так надень его", сказал я. "Это то, что надо". Она одарила меня ядовитым взглядом, покинула трейлер и через десять минут возвратилась в пижаме.

"Отлично", сказала она. "Плевать (Fuck it). Пошли".

Свидание вслепую уже становилось бедствием. Томми и Пэм ехали впереди по направлению к «Стрекозе» («Dragonfly» — ночной клуб в Голливуде) в своём «Сабурбане» («Suburban» — модель джипа фирмы «Шевроле»). Я следовал за ними на своём «Сабурбане», а Донна ехала сзади на своём «Пасфайндере» («Pathfinder» — джип фирмы «Ниссан»). Это было типичное (stereotypical) лос-анджелесское свидание — автомобильная колонна сопровождения (conducted by motorcade). Я всё время делал резкие повороты и проезжал на жёлтый свет светофора (racing through yellow lights), надеясь, что она отстанет. К тому времени, когда мы под'ехали к «Стрекозе», я уже не наблюдал её в своём зеркале заднего вида. Я был спасён. Но спустя минуту после того, как я вышел из своей машины, она припарковалась позади меня. Деваться было некуда (I was stuck).

Мы зависли во внутреннем дворике и начали разговаривать. Потом мы пошли в клуб, где все были пьяные и танцевали. Но мы оставались трезвыми и в уголке говорили о музыке и о наших детях. Как это ни странно, я просто наслаждался этим общением.

Около полуночи я проводил её к её автомобилю. Я исчерпал все темы для беседы, поэтому рассказал ей о моем доме и плавательном бассейне, который я строил.

"О, в самом деле, бассейн?" зевнула она, делая вид, что ей интересно.

"Да, и он будет сделан в форме пипки (pussy). Я всегда хотел

иметь плавательный бассейн в форме пипки, так что я мог бы… а, впрочем, не бери в голову".

Она закатила глаза, и я понял, что все шансы заполучить её одним махом вылетели в трубу (fly out the window). Я оставил её одну в её автомобиле и был так смущён, что даже не попытался её поцеловать.

Однако, вернувшись в свой большой, обособленный (isolated) дом, я почувствовал себя таким одиноким и опустошённым, что позвонил ей. Мне захотелось провести с ней ещё какое-то время и посмотреть, действительно ли она такая классная (cool), как мне показалось. Мы условились встретиться следующим вечером, чтобы сходить в ресторан в Малибу под названием «Бамбук» («Bamboo»).

Тем утром я повёз своих детей на ярмарку в Малибу (Malibu Fair), где столкнулся с Томми и Памелой. Памела несла на руках их сына Брэндона (Brandon), и её лицо было красным от гнева. Томми был в жопу пьян (drunk off his ass) и плёлся позади неё, а она, ясное дело, была в бешенстве. Я сказал ей, что собираюсь снова увидеться с Донной, и она заботливо потрепала меня по голове.

Я высадил детей у Брэнди, переоделся в свой единственный приличный костюм и заехал за Донной. За обедом в «Бамбуке», состоящим из месива какой-то лапши (messy noodle dinner), на меня нахлынули чувства, которые были то ли настоящей любовью, то ли всего лишь желанием забыть мою прежнюю любовь (rebound obsession). Я не был ни в чём уверен, особенно после того, как обжёгся на Брэнди (I had fallen for Brandi) так быстро и так несправедливо. Я слишком боялся смотреть на Донну, потому что я был взволнован одним лишь видом того, насколько она была красива. Когда она отошла в уборную, к нашему столику подошли какие-то парни, чтобы поздравить меня с тем, что я был с такой штучкой (with someone so hot). Двенадцать лет назад я не придал бы этому значения. Но брак иссушил всё моё самолюбие.

В отличие от моих "косоглазых" свиданий, с Донной мне хотелось увести её на берег моря и проговорить с нею всю ночь. У нас было так много общего: Мы оба были из маленьких городков, мы любили детей, и она была почитаема миром как секс-символ «Baywatch», в то время как я предполагал, что являюсь тем же самым в рок-н-ролле. Но в глубине души мы знали, что мы всего лишь кретины, абсолютные грёбаные неудачники из средней школы, которые засветились и оказались удачливыми (put on a good act and gotten lucky). Наконец, я сказал Донне, "Слушай, я живу здесь совсем рядом. Не хочешь поехать ко мне домой? У

меня есть вино, мы сможем расслабиться (kick back), и я смогу показать тебе красивые гравюры и бассейн в виде пипки, который я строю".

"Хорошо, если это близко", сказала она.

"Конечно, это займет всего минуту".

До моего дома было двадцать пять миль, и я это знал. Она проследовала за мной на своём «Пасфайдере» от Пасифик Кост Хайвэй до Кэнан-Дьюм. Когда мы в'ехали в холмы, она посигналила мне, чтобы я остановился. "Сколько нам ещё ехать?" спросила она сердито.

"Мы почти на месте".

Я провёз её через весь Уэстлэйк Вилэдж (Westlake Village) и Норс Ранч (North Ranch), надеясь, что ей это не наскучит, и она не повернёт обратно. Наконец, мы затормозили на моей под'ездной дорожке.

"Что это, чёрт побери, такое?" спросила она, когда увидела мой особняк Ричи Рича (Richie Rich — богаты парень, персонаж комиксов).

Она вошла, села на диван за десять тысяч долларов, который Брэнди заставила меня купить, и начала пить вино. Я слишком онемел даже для того, чтобы выпить: Я не мог поверить, что эта красивая девушка сидит на моём диване в этом доме, который я ассоциировал только с браком, детьми и наихудшим опытом работы в студии за всю мою жизнь. Это казалось настолько неправильным, и всё же я так наслаждался этим моментом. Я хотел поцеловать её, но я даже не знал, как и с чего начать, потому что я так давно этого не делал. Я был такой неудачник, Фрэнк Феранна младший. В конце концов, как настоящий кретин, я спросил, "Могу я тебя обнять?"

Она сказала, что могу, и я целых пять минут таял в её об'ятиях. Я уткнул свою голову в её белокурые волосы и просто забылся, словно какой-то старый, развратный, сентиментальный дурак, впервые за полвека вдыхающий аромат восемнадцатилетней девушки.

Она быстро справилась с большей частью вина, поэтому я предложил ей остаться на ночь. Слишком взволнованный тем, что она может заподозрить какое-то намерение, я быстро сказал, что я буду спать в своей спальне, а она может занять комнату для гостей. Я проводил её в свободную комнату, и прежде, чем я смог уйти, она потянула меня на кровать. Трезвый, я был способен наслаждаться каждой секундой и каждой лаской. Пока мы вместе кувыркались, я совершенно потерял голову от страсти. Я, вероятно, напоминал пса, который совокупляется с дверной ручкой. Прошло так много времени с тех пор, как меня в

последний раз обнимала красивая женщина, которую я действительно любил и уважал. Я так сильно хотел её трахнуть, но я был настолько возбуждён, что понимал, что это будет длиться всего лишь какую-нибудь секунду. И тогда она возненавидит меня, потому что я буду самым никудышным любовником (the lamest fuck) в её жизни.

“Я должен идти в свою комнату”, сказал я ей.

“Нет”, прошептала она. “Останься”.

Я был никакой, потому что не привык ложиться спать так поздно, но я был так возбуждён, лёжа рядом с этой полуобнажённой соблазнительной женщиной (panty-clad bombshell), что мне потребовалось несколько часов, чтобы уснуть. Когда я проснулся, солнце уже поднялось, а её не было.

Я скатился с кровати, надел свой халат и обнаружил её на веранде, она курила сигарету, обозревая место для моего будущего гигантского бассейна в форме пипки. Она сидела ко мне спиной и пристально разглядывала многомиллионные особняки моих соседей. “Чем ты занята?” спросил я, переступая порог веранды.

Вздрогнув, она обернулась и увидела эту уродливую рок-звезду в халате, выходящую из гигантского дома из белого мрамора, освещённого лучами восходящего солнца. Это напоминало сцену из фильма «Лицо со шрамом» («Scarface» — фильм 1983-го года с Элом Пачино в главной роли, а также — кличка главного героя).

“Это слишком круто для меня (”This is way too much for me to handle”)”, сказала она. “Я поехала”.

“Ты не можешь уехать, ты не можешь уехать”, умолял я.

Она схватила остальную часть своей одежды и побежала к своей машине, а я остался стоять в своём халате, сулившем ей всё что угодно, если бы она всё-таки осталась. Она рванула с места по под’ездной дорожке, а я стоял там один, в точности представляя себе, что, должно быть, чувствовала косоглазая Джина Дэвис, когда я уехал. Я был монстром, которого примерно на два часа вино сделало привлекательным в глазах этой девочки. Я сел на кровать и начал писать: “Она так боится любви / Так боится ненависти / От чего же она бежит / С этих пор?” (”She’s so afraid of love / Is so afraid of hate / What’s she running / From now?”)

Песня называлась “Afraid”, и она была о нас двоих. Меньше, чем за сорок восемь часов, от состояния неприятия этой девушки я пришёл к тому, что влюбился в неё, затем к тому, что моё сердце разбилось, и, наконец, к тому, что теперь я был противен самому себе. На несколько часов я впал в беспокойный сон, затем

оставил ей сообщение. В нарушение всех правил того, чтобы заставить женщину хотеть вас, не выдавая своего нетерпения, я сказал ей, что я давно не чувствовал себя таким живым, и попросил её позвонить мне. Она позвонила и извинилась за свой испуганный побег. Она была настолько пьяна, сказала она, что даже не может вспомнить, трахнулись мы или нет. Я сказал ей, что мы трахались всю ночь, и что потом она сказала, что это был самый лучший секс, который был у неё когда-либо.

Ещё после нескольких встреч, когда только всё начало идти на лад, Донна, взвизгнув тормозами, резко остановилась на под'езде к моему дому и набросилась на меня, размахивая факсом, который я написал. Очевидно, менеджер-любовник Дженни МакКарти, работал вместе с менеджером Донны. И когда он услышал о новом мужчине в жизни Донны, он дал ему копию письма, которое я написал Дженни МакКарти с просьбой о встрече. В понимании Донны я неожиданно превратился из одинокой, симпатичной рок-звезды в женоненавистника-трахальщика (misogynist star-fucker).

Ко всему прочему, в тот день мы играли с моим сыном Ганнером, когда Брэнди ворвалась в дом, сказав, что на этой неделя он должен быть с ней. Ганнер хорошо проводил время и не хотел уезжать, но Брэнди настаивал. Несмотря на то, что Ганнер начал кричать и плакать, её, казалось, это совершенно не волновало. Перед Донной и Ганнером она начала орать и оскорблять меня. Я выбежал из комнаты, зарядил девятимиллиметровый пистолет в своей спальне, и поклялся, что на этот раз я это сделаю. Я прострелю башку этой бессердечной сучке. Я слышал крики Ганнера, доносившиеся через весь дом. Вся моя логика отключилась, и мой разум почернел от гнева.

Я выбежал в коридор, но Донна перехватила меня. “Успокойся, Лицо со шрамом”, сказала она.

После нескольких минут уговоров, я отдал ей пистолет и понёсся мимо неё в комнату моего сына. Но Брэнди и Ганнера нигде не было. Она уже уехала с ним. Я рухнул на кровать Ганнера и разрыдался. Меня трахнули со всех сторон: Вероятно, я отпугнул Донну навсегда.

Тем не менее, забавная штука с этими девчонками состоит в том, что, чем чаще вы поступаете неправильно, тем больше они вас любят. Между всеми этими глупыми факсами и моим неконтролируемым приступом гнева, она смогла разглядеть, что я был просто потерянным маленьким мальчиком, которому очень нужна была помощь. Поэтому она начала мне помогать. На следующий день она приехала в мой дом с красиво упакованным подарком: Набор из пятнадцати компьютерных дисков (a fifteen-

disc CD-ROM), под названием “Составитель генеалогического древа” (”Family Tree Maker”). Я напечатал своё имя, затем имя моего отца. Привод компакт-диска затрещал, и на экране появились имена моих родителей. Ниже их было написано моё имя, данное мне при рождении, и имя моего брата, Рэнди Феранна (Randy Feranna). Постойте! Мой брат Рэнди? У меня не было никаких братьев.

Глава пятая

ТОММИ

«В КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЁТ О СУДЬБЕ СЕЙФА ТОММИ ЛИ И ВИДЕОКАССЕТЫ, ХРАНИВШЕЙСЯ В НЁМ»

Никто не думал, что это может сработать. Но это работало — какое-то время. Памела и я были так невообразимо счастливы (so rucking happy) — казалось, что мы поймали друг друга в сети. Она больше всего в мире хотела ребенка, точно того же желал и я, с тех самых пор как женился на Хизер. Но находиться рядом с Памелой было куда более спокойно (easygoing) и весёло. Вместе у нас возникала масса различных идей — от мебельных компаний, которые мы хотели начать, до линий одежды и сценариев. Вместо того чтобы сдерживать наши амбиции, наш брак только подстёгивал их. Её мать и брат, в конце концов, извинились и поддержали наш брак, и всё складывалось прекрасно. Если бы не фотографы, которые, чёрт побери, преследовали нас повсюду.

Мне действительно было не понять папарацци, потому что я никогда не испытывал на себе такого сумасшествия, находясь рядом с Хизер. Тогда это дерьмо происходило как-то более организовано. С Памелой же это был совершенно другой уровень преследования. Фотографы выскакивали из кустов, когда мы выходили из дома, и на большой скорости начинали преследовать нас по автостраде. Я не мог понять — зачем людям столько её фотографий. Возможно, если бы мы были голые на пляже, я бы ещё понял, но что было такого захватывающего в том, что мы просто идём по улице или выходим из наших автомобилей?

Всюду, где мы проходили, кто-нибудь обязательно вскрикивал “Памела” или “Томми”, и если мы оборачивались, нас ослеплял миллион фотовспышек. Если же мы не оборачивались, они начинали освистывать и проклинать нас. Попытки придумать сложные схемы, чтобы избегать их, превратились в какую-то больную игру: отправка её помощницы из дома в парике блондинки в качестве приманки или смена автомобилей, чтобы сбить их с нашего следа. После нескольких недель такого собачьего дерьма по отношению к нам со стороны папарацци, мы начали воспринимать их как грёбаных червей (maggots). Мне хотелось давить их всех: не столько из-за их назойливости (invasiveness), сколько из-за недостатка уважения к нам как к людям. Когда Памела потерпела неудачу и из-за выкидыша

потеряла нашего первого ребенка (проклятие семьи Ли, как сказала моя мать), папарацци были так заинтересованы в получении фотографий, что даже подрезали машину скорой помощи по пути в больницу. Чёрт, чувак, я ещё могу понять, когда они пытаются пролезть без приглашения на наши вечеринки (trying to crash our parties), но когда они пытаются разбивать нашу санитарную машину — это уже совершенно другая история.

Это выбило меня из колеи, потому что я так долго хотел иметь детей. Я так ревновал к Никки, потому что у него, чёрт возьми, были такие красивые дети. Всякий раз, когда я бывал у него дома, я превращался в двухлетнего ребёнка и играл с ними по многу часов подряд. Я любил возвращаться в то время, когда всё в моей жизни было невинно и бессмысленно.

После выкидыша у Памелы я несколько месяцев находился в депрессии. Чтобы подбодрить нас и развеяться, Памела устроила грандиозный сюрприз — вечеринку стоимостью в триста тысяч долларов по случаю моего тридцатитрёхлетия. Я пришел домой тем вечером, и она сказала, “Я хочу, чтобы ты оделся, как король!”

Она схватила огромную фиолетовую мантию и безумную корону, которую она купила, затем художник по гриму покрыл меня белой пудрой так, что я стал похож на индейца племени Кроу или что-то вроде этого (Crow — название североамериканского племени индейцев, отличавшихся высоким ростом). Памела нарядилась в костюм циркового конферансье (ringleader) в большом старомодном цилиндре (big ol’ top hat), она схватила меня за руку и повела к под’ездной дорожке нашего дома, где стоял припаркованный наш тур-автобус, увешанный праздничными баннерами по случаю дня рождения. Внутри были девять карликов, которые пели “С днем рождения” (”Happy Birthday”), струящееся шампанское и десяток моих друзей, одетых в женские платья (dozen of my friends were dressed in drag).

Мы ехали минут десять до близлежащего места под названием Сэмлер Ранч (Semler Ranch), и я сошёл с автобуса в свой собственный персональный фильм Феллини (Fellini) (Федерико Феллини — великий итальянский кинорежиссёр). Два ряда огней протянулись передо мной на сотни футов. Повсюду были карлики, которые говорили своими тонюсенькими голосами (helium voices), “Добро пожаловать в Томмилэнд (Tommyland), добро пожаловать в Томмилэнд, хи-хи-хи”, пока сами они раскатывали красную ковровую дорожку между полосками огней. Тут же появились разные клоуны и акробаты, наполняя воздух конфетти. Я даже не был ещё под действием наркотиков, но я

чувствовал себя так, словно я уже их принял.

Памела — конферансье — процессией вела меня и моих друзей по ковровой дорожке. Перед нами гигант на ходулях в костюме дьявола шёл сквозь толпу карликов, рассекая её, словно море. Позади него был огромный щит с надписью «Томмилэнд» и нарисованным на нём безумным клоуном. Когда я приблизился к надписи, я понял, что Памела фактически устроила для меня целый луна-парк. Там были грёбаные «Чёртовы колёса» (Ferris wheels), «американские горки» (roller coasters), «люди-змеи» в ящиках, львы в клетках и машины, пускающие мыльные пузыри (bubble machines). Под огромным шатром была оборудована профессиональная концертная сцена с барабанами и прочими инструментами для джема. Также на сцене стоял мой детский рояль, который Памела причудливо украсила золотистыми листьями с изображением рыбки кои (koi fish) и ножками из кованого железа. Там был грёбаный Слэш (Slash) и чуваки из «Guns N' Roses», также был наш друг Бобби (Bobby) из «Orgy» с группой, в которой он играл в то время, «Electric Love Hogs». Она пригласила чуваков из «Цирк дю Солей» («Cirque du Soleil» — цирковая труппа), который нам очень нравился, а из колонок звучала наша любимая группа «Radiohead». Там были все виды гурманских блюд, красиво выложенные наркотики (designer drugs), таитянские танцовщицы, барабанщики с острова Бали, движущиеся прожектора, плюс с'ёмочная группа с 35-тимиллиметровой кинокамерой и грузовик со звуковой аппаратурой, чтобы документировать всё это. В 3 часа утра она вынесла мне торт с долбаным Майти Маусом (Mighty Mouse) на нём, потому что ему всегда достаётся девчонка, чувак, а затем мы все играли в лилипутский футбол, бегая на коленках.

Это была удивительная грёбаная вечеринка из преисподней. Но к концу ночи, когда я был уже совершенно никакой от наркотиков и алкоголя, на ранчо прибыла дюжина машин скорой помощи. "Что, чёрт возьми, происходит?" запаниковал я, схватив Памелу.

"Не волнуйся", сказала она. "Я наняла санитарные машины, чтобы развести всех по домам, т. к. знала, что все будут слишком обдолбаны, чтобы ехать домой за рулём". В 7 утра меня на огромных носилках принесли в мою спальню.

Я всегда говорил ей, что однажды, когда я больше не буду играть в рок-группе, а она прекратит сниматься в кино, мы начнём компанию по организации вечеринок (party-planning company). Она получала такое неописуемое удовлетворение от организации сумасшедших, детально проработанных вечеринок, которые проходили без сучка и задоринки.

Спустя десять дней после моего дня рождения Памела сказала мне, что она беременна уже четыре недели. Я никогда не был так счастлив, чувак. Мы хотели, чтобы у нас были абсолютно естественные, домашние роды без всяких лекарств. Мы не хотели никаких грёбаных мерзких больничных ламп, никаких этих шлепков по попке, весов со шкалой из нержавеющей стали и уколов с обезболивающим, которые вы получаете по программе материнской опеки. В сопровождении лёгкой музыки, при свете свечей и акушерками с обеих сторон, после семнадцати часов её родовых мук и четырехсот моих сигарет, в 3:02 утра 6-го мая 1996 года Памела родила Брэндона Томаса Ли (Brandon Thomas Lee). Слезы хлынули у меня из глаз, когда я увидел, как, чёрт побери, это существо выходит из моей жены прямо в грёбаной хозяйской спальне, где мы его зачали. Я даже помог вытащить его, чувак. Это определённо был самый счастливый день в моей жизни, а полчаса спустя я сел за пианино, и песня “Brandon” просто вылилась из меня.

В тот момент я не понимал этого, настолько я был вне себя от радости, но была ещё и оборотная сторона всего этого. Мы с Памелой так быстро заимели детей, что это не дало нам возможности построить твёрдые отношения. Когда вы совмещаете время, которое требуется для того, чтобы быть родителями, со временем, которое мы посвящаем нашим карьерам, то у вас едва ли остаётся свободная минута. Много позже я спросил её, “Почему мы перестали развивать наши отношения?”

“Мы не могли”, ответила она. “Я всё время была беременна”.

Когда вы любите кого-то, то нет большего желания, чем желание родить ребёнка, и эта вещь обоюдная. Но как только это происходит, вы отправляете вашу любовь в мусорное ведро. Заводя ребенка, вы создаете себе самого большого конкурента — человека, которого ваша жена будет любить больше, чем вас. Если отношения муж-жена полностью подчинены условностям (контракты, лицензия на брак, анализы крови), то отношения мать-дитя основываются исключительно на безоговорочной любви. Как бы там ни было, получив то, чего мы хотели больше всего на свете — прекрасного мальчика (а вскоре и второго сына), мы обрекли сами себя ещё до того, как это произошло.

Кроме того, были и другие факторы, которые были вне нашей власти. Как-то за обедом мы с Памелой, переключая телевизионные каналы, услыхали свои имена, которые были упомянуты в каком-то новостном шоу. На экране мы увидели чувака возле полок, набитых видеоплёнками «Tower Video». И мы поняли, что это были за плёнки.

За несколько месяцев до этого мы совершали пятидневное

путешествие на экскурсионном судне в Лэйк Мид (Lake Mead) в качестве отдыха. Как обычно, я взял с собой видеокамеру. Мы не пытались снять порнофильм, а просто документировали наши каникулы. По возвращении домой мы посмотрели эту плёнку один раз, а затем я положил её в наш сейф. Сейф был пятисотфунтовым (около 230 кг) монстром, спрятанным под ковром в аппаратной студии в моём гараже, где мы записывали часть альбома «Generation Swine».

Памела и я провели то Рождество в Лондоне, в то время как в нашем доме производились кое-какие работы. Позднее я перестал записываться в подвале, а затем демонтировал студию. Когда оторвали ковёр, где когда-то был сейф, я увидел только пустое место. Замки и окна были целы, так что, должно быть, работали изнутри. Единственные люди, у которых были ключи, мой помощник и бригада строителей, где, подумать только, работал один электрик, который снимался в порнофильмах и хорошо знал этот бизнес. Как я себе это представляю, они, должно быть, вытащили сейф под'емным краном, отвезли его к кому-то из них домой и вскрыли или разрезали его. Вероятно, они охотились за оружием и драгоценностями, которые находились в нём, но также у них в руках оказались личные вещи, которые были важны для нас, от семейных реликвий до фотографий.

Я был так взбешён, что уволил помощника и натравил (sic'ed) своих адвокатов на строительную компанию. Следующее, что случилось, мне позвонил один распространитель порно-продукции из компании под названием «Internet Entertainment Group». Он сказал, что он купил плёнку и собирается опубликовать её в Интернете. Адвокаты Памелы послали им ордер о запрете на продолжение противоправных действий (cease and desist order), но по каким-то причинам он не был доставлен вовремя. Наши адвокаты и менеджеры посоветовали нам, что лучший способ минимизировать потери состоит в том, чтобы подписать контракт, в котором бы оговаривалось, что, т. к. компания держит нас за яйца (since the company had us by the balls), мы против своего желания дадим согласие на разовую демонстрацию плёнки в Интернете, а они в свою очередь не будут продавать оригинал, тиражировать запись, торговать копиями или повторно демонстрировать плёнку. Мы думали, что мы победили: Едва кто-нибудь увидит видео в Интернете, и мы сможем вернуть плёнку и таким образом уладим дело.

Поэтому, как только мы увидели в новостях полки с видеокассетами «Tower», мы поняли, что парень нарушил соглашение и ведёт массовое тиражирование плёнки, которую он, между прочим, нам так и не вернул. Я немедленно позвонил

своему адвокату, и мы вызвали их в суд.

Всё это свалилось на нас в самое тяжёлое время: Мы с Памелой всё время ссорились. Попытка иметь детей, продолжать свою карьеру, которая поглощала нас полностью, строить новые отношения и иметь дело с бесконечным нагромождением всякой ерунды в прессе оказалось более сложной задачей, чем мы ожидали.

Ещё до рождения Брэндона у нас была ужасная ссора из-за того, что всё сразу навалилось на нас, мы оба стали сверхчувствительны (extrasensitive) к малейшему изменению в настроении друг друга. Если один говорил или делал что-то не так, другой с ненавистью и негодованием вставал на дыбы. У нас постоянно возникали стычки из-за ничего. “Ты эгоистичный маленький ребёнок, который не думает ни о ком, кроме себя”, вскипела Памела однажды вечером из-за какой-то ерунды, которую мы раздули в большую проблему. Я даже не помню, с чего всё началось.

“Я не хочу больше этого слышать”, огрызнулся я в ответ. “В этом нет никакого грёбаного смысла. Я слишком устал от того, что мы тратим время на вечные споры”.

“Ты никогда не хочешь ни о чём разговаривать”, кипятилась она. “Я-то думала, что ты такая прелесть (sweet). Ты обманул меня”. И с этими словами, она выскочила из дома и отправилась ночевать на свою кооперативную квартиру. Несколько часов спустя зазвонил телефон. Я снял трубку, ожидая услышать Памелу на другом конце провода. Но вместо этого я услышал мужской голос. Он назвался доктором и сказал, что Памела проглотила полбанки аспирина у себя дома и потеряла сознание. Без сознания на кровати её обнаружила подруга, которая приехала, чтобы побыть с ней ночью и утешать её. Я помчался в больницу, чтобы увидеть её, хотя передозировка в меньшей степени была попыткой самоубийства, чем просьбой о внимании. Но это сработало, потому что я даже не догадывался, насколько наши разногласия ранили её.

Чтобы сбить газетчиков со следа, но дать им хоть что-то правдоподобное, что они могли бы сообщить, мы выпустили заявление для прессы, в котором говорилось, что Памелу поместили в больницу с признакам, как она думала, гриппа, но обнаружилось, что она беременна.

Я изо всех сил старался сохранять спокойствие после этой драмы. Но это было делать всё сложнее по мере того, как новости продолжали ухудшаться. Сначала «Internet Entertainment Group» начала продавать плёнку, на которой Памела занимается сексом с Бретом Майклзом из «Poison». Затем судья по делу о нашем видео

отклоняет все наши с Памелой претензии о вмешательстве в частную жизнь и разрешает продажу плёнки, постановив, что её содержание заслуживает освещения в прессе. Меня это взбесило, потому что я не хочу, чтобы мои дети когда-нибудь пришли домой к друзьям и нашли видео со своими трахающимися родителями.

Наконец, я не выдержал и посмотрел эту штуку. Я не увидел там ничего грандиозного: Это действительно всего лишь плёнка с нашими каникулами. На ней есть только маленький кусочек траханья. Тем не менее, это не удержало Рона Джереми (Ron Jeremy — американский порно-актёр) от попытки заполучить меня для с'ёмок в его порно-фильме. Думаю, если моя карьера музыканта когда-нибудь провалится, я всегда смогу стать порно-звездой.

Глава шестая

НИККИ

«В КОТОРОЙ ВСЁ, ЧТО НАШ ГЕРОЙ ЗНАЕТ О СВОЕЙ ЖИЗНИ, СВОЕЙ МУЗЫКЕ, СВОИХ ДЕНЬГАХ И СВОЁМ ОТНОШЕНИИ К ОРАЛЬНОМУ СЕКСУ, РУШИТСЯ ОДНО ЗА ДРУГИМ»

“Привет, я звоню Рэнди. Я предполагаю, что ты мой единокровный брат (half brother). Если твой отец Фрэнк Феранна, не мог бы ты позвонить мне? Я не знаю, жив он или мёртв. Моей матерью была Дина (Deana). А меня зовут Никки, то есть Фрэнк”.

Это было сообщение, которое я оставил Рэнди Феранна. Час спустя мне перезвонила его жена и сказала, что она смутно помнит, как его отец упоминал о полуродном брате. Я разговаривал с Рэнди позднее тем же вечером. Он был на четыре года старше меня, управлял домом отдыха (vacation resort) в Сан-Хосе (San Jose) и вырос на альбомах «Motley Crue», хотя он и понятия не имел, что забивает себе голову (banging his head) музыкой ближайшего родственника.

“Я знал о леди по имени Дина”, сказал он, “и я слышал, что у них с моим папой был сын. Но он никогда не упоминал о тебе. Мой папа — наш папа — был бабником и ярым алкоголиком. Мне рассказывали, что он был настоящим распутником (wild man)”.

“Но он хотя бы жив?” спросил я. “Я хочу поговорить с ним”.

“Он умер на Рождество. В 1987-ом. С ним случился сердечный приступ, когда он принимал душ”.

Рэнди сказал мне, что наш отец похоронен в Сан-Хосе. Я действительно хотел встретиться со своим папой после всех этих лет, просто взглянуть на него и узнать больше о том, кто я такой, каким я стану и даже к каким болезням я предрасположен генетически. Больше всего я хотел знать, почему он за всю мою жизнь никогда не хотел иметь со мной никаких отношений. Так как он был мёртв и похоронен, я посчитал, что теперь со всеми этими вопросами покончено. Возможно, мне даже повезло, что я не нашёл его живым, потому что я только снова подвергся бы осуждению и ещё больше озлобился бы. Я помнил все те радужные мысли, которые я лелеял, когда летел в Сиэтл, чтобы воссоединиться со своей матерью, а нашёл только параноидальную женщину в психиатрической больнице, которая никогда не простит меня, и которую я никогда не прощу.

Донна поддерживала меня в осуществлении плана по

примирению с моим отцом. Его смерть не стала неудачей, я, в конце концов, решил, что это даже преимущество, потому что таким образом он не мог возразить мне. Так что мы полетели в Сан-Хосе и посетили его могилу. Донна взяла с собой видеокамеру и снимала, как я иду через кладбище, нахожу его надгробную плиту и плюю на неё. “Пошёл ты… “, крикнул я ему. “Ты, мать твою, ушёл от меня, когда мне было три года. Даже не попрощавшись. Потом ты вернулся с санками, словно ни в чём не бывало. Находясь поблизости, ты даже не захотел увидеть меня. Почему ты никогда не беспокоился обо мне?”

Я сидел там целый час, обвиняя его за всю мою трахнутую жизнь. Тогда я вспомнил всё — бегство от моей матери, кражу одежды у бездомной девушки, драку с полицейскими около «Whisky», передозировку во Франклине (Franklin) — вся эта мизантропия и самоуничтожение сводились к одной единственной вещи — огромной занозе, которая торчала в моём плече всю мою жизнь из-за того, что мой отец оставил меня. Мало того, что он покинул меня в три года, но он оттолкнул меня, когда я обратился к нему за помощью шестнадцать лет спустя.

Когда я возвратился домой, мы готовились отправиться в тур «Generation Swine». Я решил изгнать свои чувства к моему отцу раз и навсегда на сцене. Вместе с Крисом Вренна (Chris Vrenna) из «Nine Inch Nails» я сочинил басовый фрагмент, в котором я солировал на фоне всех этих различных текстур и звуковых эффектов (I soloed over all these different textures and sound-scapes), в то время как на заднем плане появлялась серия слайдов. Там были картинки с изображением эмбриона, новорожденного, фото очаровательного малыша — меня самого — и моя фотография, когда я был счастливым маленьким ребенком в маске на празднике Хэллоуина. Затем музыка мрачнела, и на двух сорокадюймовых экранах по очереди зажигались слова: “отказ” (”abandonment”), “опустошение” (”vacant”), “героин” (”heroin”), “разрушение” (”destruction”). После этого музыка прерывалась, и появлялся большой вопросительный знак, будто бы говоря “Почему я?” или “Что дальше?” В завершении этого куска я играл мрачный реверберирующий шум (dark ambient noise) и короткие минорные мелодии на басу, в то время как на заднем плане демонстрировался фильм, который мы с Донной сняли на могиле моего отца. В тот вечер, когда я впервые исполнил это соло, мои глаза наполнилась слезами. Потом фанаты за кулисами говорили, что они тоже плакали, потому что они также были брошены своими отцами. Конечно же, другие люди подошли и просто сказали, что я чокнутый (freak) и должен разбираться со своими проблемами. Но это был мой способ разобраться с ними.

Именно от Рэнди я узнал о моей родной сестре, Лиса (Lisa). Моя мать всегда говорила мне, что Лиса ушла из дома и не хотела, чтобы кто-либо из нашей семьи отыскал и навестил её, поэтому я особо не думал о ней. Рэнди не мог поверить, когда я рассказал ему об этом: Лиса даже не была способна принять такое решение. У неё был синдром Дауна, и она жила где-то в приюте — он не знал, где точно — вот уже больше тридцати лет. Она была слепая, немая и не могла ходить, самостоятельно одеваться и принимать пищу. Пока я раз'езжал по всему миру, заботясь о своей группе и о том, какие наркотики мне ввести в свой организм, она всё это время сидела в инвалидном кресле в каком-то доме призрения для инвалидов. Я поклялся разыскать её, когда закончится тур «Generation Swine», и сделать всё, что в моих силах, для уверенности в том, что за ней будет самый лучший уход, который только можно купить за деньги.

Я не мог понять, почему моя мать так и не потрудилась сказать правду. Всю мою жизнь меня носило по миру, как молодое деревце без корней. Мои родители были потеряны для меня, а что касается моих детей, каждый день я боролся за то, чтобы быть с ними, пока Брэнди обливала меня грязью в суде (что было не трудно, принимая во внимание моё прошлое). Теперь, опоздав на три десятилетия, я, наконец, узнал, что существуют другие люди, такие же как и я.

Восемь лет трезвости, шесть лет брака и ответственности, требующейся для того, чтобы вырастить троих детей, впервые прояснили мою голову. И когда я оглянулся вокруг, я сделал открытие: моя жизнь — полный отстой (my life sucked). Я стал более озлобленным, чем когда-либо, я хотел снова начать принимать наркотики (to start getting high again), но во время тура у нас было правило, что каждый раз, когда кого-то ловили пьяным или обдолбанным, он должен был заплатить двадцать пять тысяч долларов. Мы хотели быть на вершине наших живых выступлений, не блюя и не отрубаясь на краю сцены. Чтобы удостовериться в том, что никто не мухлюет, с нами в туре был парень, который производил выборочные анализы мочи. Конечно же, Винс разорился в течение первых двух недель.

Трезвый тур «Swine», как предполагалось, должен был стать нашим великим воссоединением. Мир, казалось, должен был встать и скандировать “Motley Crue” только лишь потому, что Винс вернулся. Но правда была в том, что мы всё ещё не были «Motley Crue». Конечно же, все члены были на месте. Но тур был сплошной неразберихой. С метрономными дорожками (click tracks), фонограммными подкладками (backing tapes) и набором эффектов (racks of effects), пытаясь подражать студийным

экспериментам на альбоме, мы были больше компьютером, чем группой на сцене. Когда мы играли “Live Wire”, я чувствовал прилив волнения, потому что песня была органичной. Когда же мы играли “Find Myself”, это звучало так же бездушно, как караоке. Хотя Винс снова пел в группе, я бы сказал, что он не был счастлив.

Часть проблемы состояла в том, что, как предсказывал Ковач, «Электра» кинула (shafting) нас с рекламой, продвижением и продажами. И по мере снижения нашего морального духа — Томми, желающий современного звучания; Мик, всё ещё злящийся потому, что мы потеряли веру в него; Винс, находящийся в финансовой яме; и все мои семейные проблемы — для «Электры» не составляло труда, подстраховавшись, переломить хребет «Motley» (it wasn’t going to be very hard for Elektra to lay on the extra straw to break Motley’s back). Но мы не могли допустить, чтобы это произошло, потому что, если мы распадались, то мы должны были им двенадцать миллионов долларов. Если же мы оставались вместе, то они должны были двенадцать миллионов нам.

«Электра» скоро перестала платить нам, надеясь ввести нас в ещё больший долг и отчаяние. Они пытались добраться до нас через наших жён и адвокатов, насаждая мысли о ненадежности будущего группы. Они даже попытались достать нас через менеджера Памелы, рассказывая ей, что Томми — звезда «Motley Crue», и что он будет более обеспечен самостоятельно. Они нападали на нас со всех сторон. Поэтому мы вступили в войну: Речь о том, что тур «Generation Swine» был не просто попыткой продвинуть альбом и группу, а способом заставить лейбл обратить на нас внимание, отдать нам наши деньги и избавить нас от нашего контракта, чтобы мы могли быть вольны делать всё, что хотим.

Так со сцены я заставлял публику петь, “К чёрту «Электру»” (”Fuck Elektra”). Я согласился на интервью в журнале «Spin» по одной единственной причине — наличию возможности назвать Сильвию Рон “пиздой” в печати. Я решил стать самым болезненным шипом у них в боку. В конце концов, это был лейбл, который делал все свои деньги на рок-н-ролле (на нас, на «Metallica», на «AC/DC»), но теперь отрёкся от этого. Лейбл настолько глупый что, пока они притесняли нас, они ещё и упустили английскую группу под названием «Prodigy», потому что думали, что у неё нет никакого будущего. Меньше чем через год «Prodigy» подписали многомиллионный контракт с «Maverick Records» и стали первой техно-группой, альбом которой стал номером один в Америке.

Мой план состоял в том, чтобы «Электра» настолько устала от нас, что сделает что-то, чтобы отпустить нас. Сейчас я понимаю, что, наверное, это была не лучшая тактика. Я совершил ошибку, пикируясь персонально с Сильвией так, чтобы она почувствовала, что её оскорбляют и обманывают. Это привело её к мысли, что я гнусный тип и заслуживаю всего этого, поэтому она продолжала закручивать гайки дальше, без единой мысли о том, что у нас есть дети и дома, и теперь у всех нас впервые в нашей жизни возникли проблемы с выплатами за них. Это был тёмный период. Я всё ещё многого не знал о бизнесе, как это работает, и как глубоко и далеко зашли иерархические цепочки (how deep and high up the chains of command went). Я никогда прежде не находился по ту сторону баррикад от звукозаписывающего лейбла и не представлял себе, что «Motley Crue» застрянут между шестерёнками машины, которая хочет сокрушить нас.

В то же самое время я терял свою власть над тем, что олицетворяли собой «Motley». Я был так зол на своего отца, свою бывшую жену и свой лейбл, что моя тёмная, безумная сторона взяла верх. Для шоу «Swine» Томми нашёл какую-то нелегальную плёнку, на которой были засняты люди, совершающие самоубийство и сгорающие заживо. Это был ужасный материал, и идея была в том, чтобы показать на экране эти злодеяния во время исполнения нашей антисуицидальной песни “Flush”, продемонстрировав публике что, какими бы несчастными они ни были, всё у них по-прежнему довольно неплохо. Но когда я глянул в аудиторию во время песни, все они выглядели испуганными. Я слишком поздно вспомнил, что подростки ходят на концерт «Motley Crue» не для того, чтобы думать о собственной смерти; они ходят на концерт «Motley Crue» с надеждой получить минет на заднем сидении автомобиля.

А затем, когда наш моральный дух упал ниже некуда, и наши отношения с «Электрой» хуже не могли и быть, Винс решил снова уйти из группы.

Глава седьмая

ВИНС

«ЛЮБОПЫТНЫЙ РАССКАЗ ПИЖОНА, КОТОРЫЙ ПРЕРЫВАЕТ СВОЙ УХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СНОВА УЙТИ»

Я был сыт по горло Томми, который задолбал меня (who had been a dick to me) с тех самых пор, как я воссоединился с группой, и я был сыт по горло этими глупыми правилами. Из самой декадентской и сумасшедшей группы мы вдруг превратились в самую строгую и трезвую группу в мире. Мы пытались быть трезвыми во время тура «Feelgood», и тогда это не работало. Поэтому я не видел никакой причины, почему это должно было сработать сейчас. Время от времени я люблю пропустить коктейльчик, и мне совершенно не нравится, когда они стоят двадцать пять тысяч долларов каждый.

У моего приятеля был большой реактивный самолёт «Gulfstream», и он был весьма любезен, отвезти нас на наше шоу в Сан-Франциско (San Francisco). Позднее он собирался забросить нас в наш следующий пункт: город Бойсе, штат Айдахо (Boise, Idaho). Мы приближались к концу этапа нашего тура по Западному Побережью (West Coast), и я подумывал об уходе, потому что мои сольные выступления доставляли мне куда большее удовольствие, нежели играть сет, почти полностью состоящий из новых электронно-гранжевых (electronica grunge) песен, в присутствии полиции нравов (sobo-police) и Томми Андерсона Ли. Я воссоединился с группой не для того, чтобы чувствовать себя несчастным; это не то, что обещал Ковач, когда он просил, умолял и уговаривал меня. Поэтому после шоу я выпил, отправился в стрип-клуб, а потом взял такси до дома. Очевидно, Никки на следующий день, оказавшись в том же самом такси, узнал от водителя, что я пил, и позвонил в мой номер, требуя от меня двадцать пять тысяч долларов. Я сказал ему, что я не собираюсь давать ему деньги каждый раз, когда он открывает свой рот. Следующее, что произошло, в дверь моего номера постучал парень с анализами мочи. Я сказал ему отвязываться или я надеру ему задницу.

Тем днём группа встречалась в вестибюле отеля в 16:00, чтобы отправиться Бойсе, так что я пошёл вниз и сказал Томми и Мику, что с меня довольно всей этой дребедени и что по завершении тура по Западному Побережью я планирую покинуть

группу. Никки стоял с Донной и его дедушкой у стойки регистрации, поэтому я подошёл сообщить ему новость. “Я ухожу”, сказал я. “Я не могу больше заниматься этим дерьмом”.

Никки повернулся и сказал, “Почему? Потому, что ты не можешь быть честным?” (”Why? Because you can’t be honest?”)

Он заставил меня передумать. Вместо того, чтобы уйти во время перерыва в туре, я решил покинуть группу немедленно. “Пошёл ты…, считай, что меня здесь нет”, огрызнулся я. “Было весело узнать вас снова. Счастливого пути домой”.

Он вручил свой пиджак жене, отдал свою сумку дедушке, повернулся ко мне и спокойно сказал, “Эй, Винс, если ты уходишь, почему бы тебе не взять с собой вот это?” После этого он саданул меня в челюсть апперкотом (в боксе — удар по подбородку снизу). Я не мог в это поверить: Это была реакция, которую я мог ожидать от Томми, но никак не от Никки. Думаю, что он накопил много гнева за время тура с этой его враждой с Сильвией Рон, проблемами с отцом, которые он пытался решить на сцене, и десятимиллионным иском от своей бывшей жены. В тот момент он выместил всё это на мне. В приливе адреналина он повалил меня на пол, схватил мою шею и вонзил в неё свои ногти с криком, что он порвёт мне голосовые связки, в то время как наш тур-менеджер, Ник Куа (Nick Cua), в ужасе наблюдал за всем этим.

Я — парень крупнее, чем Никки, и в лучшей физической форме, так что я ударил его прямо в лицо и сбросил с себя. Я вышел через вращающуюся дверь и отправился в отель моего друга пилота, который находился в паре кварталов оттуда.

“Давай вернёмся в Лос-Анджелес”, сказал я ему.

Мы взяли такси до аэропорта и обнаружили всю группу в зале ожидания, которая была уверена, что всё в порядке, что мы выпустили пар и теперь летим дать жару в Бойсе. Мы с пилотом прошли мимо них; Никки, Мик и Томми взяли свои сумки, чтобы последовать за нами. “Ждите здесь”, сказал я им. Затем я сел в самолет, закрыл дверь, сел у иллюминатора и показал им средний палец (flipped them off). Это было моё самое великолепное выступление за весь тур.

Как и следовало ожидать, пришёл Ник Куа и постучал в дверь. Я впустил его.

“Есть какой-нибудь способ, чтобы всё это уладить?” спросил он.

“Нет”, сказал я ему. “Делай, что хочешь. Отправляйся в Бойсе. Возвращайся в Лос-Анджелес, мне всё равно. Я еду домой”.

Через час я уже выпивал в отеле «Peninsula» («Peninsula Hotel»). Затем я поехал домой, по дороге захватил Хайди, бросил

её на кровать, хорошенько оттрахал и уснул с чувством полного удовлетворения, понимая, что группа всё ещё находится в аэропорту.

ПАРНИ ЗАСТРЯЛИ ТАМ на восемь часов в ожидании коммерческого рейса. Кончилось тем, что они отменили их полностью распроданное шоу в Бойсе и возвратились в Лос-Анджелес. Джордан Берлиант (Jordan Berliant) продолжал названивать мне домой из нашего менеджерского офиса с Никки на линии, но я отказался говорить с ним.

Наконец, спустя день или два наслаждения свободой, когда я, чёрт возьми, делал всё, что хотел, я согласился на одну из встреч с нашими менеджерами, что, казалось, уже было для них слишком жирно. Мы сели в два вращающихся кресла в их офисе лицом к лицу, словно родные братья, которых родители принуждают поцеловаться и помириться (kiss and make up). С тех пор как Томми и Никки вышибли меня из группы той дождливой ночью шесть лет назад, мы действительно никогда не говорили о наших проблемах. Мы просто заметали их под ковёр и старались не замечать их, надеясь, что они уйдут сами собой. Но, в конце концов, ковер стал слишком бугристым от всей этой грязи под ним, и мы постоянно спотыкались об неё всякий раз, когда пытались ходить. Пока мы сидели там, у меня, наконец, появился шанс высказать ему всё, что накопилось за эти шесть лет.

“Твоя проблема в том, что ты на самом деле считаешь людей глупее тебя самого”, сказал я ему. “Ты снисходительно разговариваешь с людьми, будто они не доросли до твоего уровня”.

“Я полагаю, что я могу быть таким”.

“Ты можешь быть таким чванливым по отношению к парням в группе. Не только ко мне: Ты обращаешься с Томми, как с ребёнком, и ты делаешь вид, будто Мика вообще не существует. Ты управляешь этой группой, словно гребаный диктатор, где всё всегда должно быть по-твоему. Но иногда ты ничего не понимаешь; ты тот, кто выставил нас полными кретинами в «Rolling Stone», потому что не знал, кто такой Гэри Харт (Gary Hart — популярный американский политик, юрист, сенатор, дважды баллотировался в президенты США от демократической партии в 1984-ом и 88-ом годах). Тебе бы помогло, если бы ты слушал других людей”.

В течение часа мы сидели там и отрывались друг на друге.

“Тогда я хочу, чтобы ты прекратил лгать (cut the bullshit)”, сказал он мне. “Я имею ввиду выпивку. Возможно, мы даже отменим анализы мочи. Но я не хочу, чтобы ты говорил мне, что

бросишь пить, а затем, переменив правила (moving the goalposts), отправлялся бухать. Я не хочу, чтобы ты лгал мне и злился на меня каждый раз, когда мы говорим об этом. Мы тут покрываем твои долги, и я не возражаю против этого. Но когда мы каждую ночь вступаем в эти идиотские споры из-за того, что ты пытаешься скрываться от нас, это вынуждает нас не доверять тебе. Твоя ложь намного хуже для состояния группы, чем твоё питьё".

"Тогда вот, что я тебе скажу. Я обещаю тебе, что я никогда не буду пить перед выступлением или позволять этому вредить делам группы. Но когда я располагаю своим собственным временем, ты должен позволить мне, делать то, что я, чёрт возьми, хочу, без всяких парней с баночками для мочи, стучащихся в мою дверь в 9 часов утра. Если ты престанешь действовать всё время как полицейский, я перестану чувствовать себя заключенным и буду честным во всём, что касается этого".

"Хорошо", сказал он. "А я постараюсь больше прислушиваться и не быть таким надменным. Так как я не всегда знаю, что было бы правильно для всех. В любом случае, мы будем лучшей группой, если будем слушать друг друга. Я сожалею. В последнее время мне пришлось через многое пройти".

"Именно поэтому мы должны идти и держаться вместе. Потому что правда в том, что вы — всё, что у меня есть. Вы знаете меня лучше, чем кто б это ни было в мире".

Оставив позади шесть альбомов и бесчисленное количество туров, мы с Никки всегда настолько отличались друг от друга: я был вальяжным бездельником (laid-back beach bum), который любил поиграть в гольф и погоняться; он был нездоровым замкнутым рокером, который любил наркотики и андерграундную музыку. Мне нравилось носить шорты и шлёпанцы, он всегда был в чёрной коже и сапогах. Но после той беседы мы с Никки стали лучшими друзьями. Мы стали неразлучны. Спустя семнадцать лет мы, наконец, пришли к истинной симпатии и пониманию друг друга, и с тех пор мы всегда могли контролировать друг друга. Эта ссора была лучшим, что когда-либо случалось с нами.

На следующий день мы перенесли шоу в Бойсе, вылетели туда на самолёте «Gulfstream» моего ужасно растерянного друга и отыграли лучший сет за весь тур. После того, как мы закончили наше последнее шоу, я сделал группе лучший подарок, который только мог: я сам лёг в реабилитационную клинику в Малибу (Malibu) и бросил пить.

Глава восьмая

ТОММИ

«О ТОМ, КАК САМАЯ ЛЕГЕНДАРНАЯ В МИРЕ ЛЮБОВЬ БЫЛА В ОДНО МГНОВЕНИЕ СНИЗВЕДЕНА ДО САМОГО ЗНАМЕНИТОГО В МИРЕ СЛОМАННОГО НОГТЯ»

Я выложу тебе всё, чувак: С тех пор как Винс вернулся в группу, мне не нравилось направление, в котором мы начали двигаться, т. к. это было движением назад. А потеря поддержки со стороны нашего звукозаписывающего лейбла и вовсе усугубила ситуацию. Я так одержим музыкой, чувак, но выходя на сцену, я больше не чувствовал этого. Впервые в моей жизни я не был в восторге от того, что мы делаем. Меня словно заарканили, а барабанщик, который чувствует себя так, словно у него связаны руки, чёрт возьми, никуда не годится.

Тогда у меня только что появился второй ребёнок, и отцовство совершенно не шло в соответствии с тем, как это описано в книжках. Я читал какое-то дерьмо и пытался вникать и учиться, но Памела постоянно твердила, что я всё делаю не так. Обычно я всегда находился на вершине чартов Памелы. Когда родился Брэндон, я опустился на вторую строчку, потому что в этом возрасте ребёнок, конечно же, всё время нуждается в своей маме. Так что я бродил по дому, как человек-невидимка. Я говорил, “Эй, детка, в чём дело? Я люблю тебя”. А она только кивала, не обращая на меня никакого внимания. Я просил её спуститься в гараж и послушать новую музыку, над которой я работал; она обещала быть там через минуту, но потом совершенно забывала об этом. Я не мог даже поговорить с нею, потому что она всё время была чем-то обеспокоена из-за ребёнка (because she had her panties in a wad about the baby all the time). Затем, когда родился Дилан (Dylan), я с’ехал на третью позицию. Теперь меня вовсе не существовало. И я не мог с этим мириться. Я — парень, который любит дарить любовь и любит, когда ему отвечают взаимностью. Но дома всё, что я делал, это дарил. Я не получал ничего взамен (I wasn’t getting jack back). Затем Памела привезла своих родителей из Канады, чтобы те помогали ей с мальчиками. Это хорошо, когда рядом с детьми находится бабушка, но родственники супруги находились в доме каждый грёбаный день круглые сутки, отнимая у Памелы ещё больше времени. Так, неспособный отступить и посмотреть на ситуацию

со сколько-нибудь разумной точки зрения, я превратился в плаксивого, капризного маменькиного сынка (whiny, needy little brat). Возможно, это был мой способ стать третьим ребёнком Памелы, чтобы получить свою порцию внимания, в которой я тоже нуждался. Теперь, совершенно неожиданно, мы с Памелой начали всё время ссориться. Наши отношения постепенно перешли от чистой любви к любви-ненависти.

Если бы у меня была ясная голова, я дал бы ей перерыв и, чёрт возьми, любил бы сам себя (given her a break and fucking loved myself) вместо того, чтобы обращаться к другим людям за одобрением. Но трудно ломать старые привычки: Я провёл всю свою жизнь, ища самого себя в других людях, ища тех, кто скажет мне, кто я такой. И как только я позволял им меня идентифицировать, я становился полностью зависимым от них, потому что без них меня не существовало.

В День Святого Валентина, который мы всецело должны были посвятить грёбаной любви, мы отправились в «Хард-Рок Казино» в Лас-Вегас (Hard Rock Casino in Las Vegas). Я попросил флориста усыпать номер лепестками роз, заказал бутылку «Дом Периньон» и создал отличное настроение для нашей первой за последние месяцы ночи. Но после нескольких бокалов шампанского Памела так забеспокоилась о том, что она далеко от детей, и поэтому даже не может расслабиться. Всё, о чем она могла говорить, это о кормлении Дилана грудью, а всё, о чём мог думать я, это о том, что сейчас моя очередь кормиться грудью. На следующий день мы спустились посмотреть выступление «Rolling Stones», и всё было просто ужасно. Она увидела, как после концерта со мной разговаривала одна стриптизёрша, и мы устроили чудовищную ссору (huge-ass blowout) прямо посреди казино. Я схватил её и хотел отвести в номер, чтобы грёбаная светская хроника не переполнилась новостями о том, как мы ругались на людях, и её это взбесило. Наш взаимный гнев дошёл до того, что она, наконец, выскочила из отеля, взяла машину и ухала назад в Малибу без меня. День Святого Валентина был испорчен (was a fucking wash). Я был вынужден приползти назад домой на четвереньках и умолять её о прощении.

Неделю спустя я был на кухне, готовя обед для детей и Памелы. Всё снова было тихо и мирно, мы распили по бокалу вина (we were splitting a glass of wine), и я вытащил из холодильника пучок овощей для того, чтобы приготовить жаркое. Я облазил все полки в поисках кастрюли, потому что долбаная домработница раскидала нашу чёртову посуду по всему дому. Я был настолько взвинчен и напряжён, что как только малейшая вещь шла не так, как надо, я начинал волноваться, словно это был

конец света. Поэтому, когда я не смог найти кастрюлю, я начал хлопать дверями кухонных полок и разбрасывать вокруг всякое дерьмо, как маленький ребёнок, который плачет, чтобы привлечь к себе внимание в надежде, что сейчас придёт мамочка и решит все его проблемы. Поэтому когда пришла мамочка — Памела — и увидела, что я нахожусь в одном из этих своих состояний, то просто всплеснула руками. “Успокойся, это просто кастрюля”.

Но это была не просто кастрюля. Она значила для меня всё. Всё моё душевное равновесие и здравомыслие зависело от этой грёбаной кастрюли. И независимо от того, нашёл бы я эту кастрюлю или нет, Памела, по моему мнению, оскорбила мои чувства. В моём озабоченном эгоистичном мышлении это подразумевало, что Памела не понимает меня — худший грех, который кто-то может совершить в отношениях между людьми. Я схватил все горшки и миски, бросил их в большой выдвижной ящик, из которого я их вытащил, и закричал, “Это чушь собачья!”

И затем Памела сказала слова, которые вы никогда не должны говорить тому, кто легко теряет самообладание, слова, которые только подливают масла в огонь: “Успокойся. Ты меня пугаешь”.

Мне следовало бы выйти наружу и просто излить накипевшее звёздам в небе или уйти надолго, пробежаться трусцой или принять холодный душ. Но я этого не сделал. Я был слишком поглощён этим моментом, моим гневом из-за отсутствия кастрюли, который на самом деле был гневом из-за непонимания между мной и Памелой, что в итоге свелось к моей незащищённости, неуверенности и страху.

“Пошла ты…! Иди к чёрту! Оставь меня в покое!” завопил я ей, пнув ящик ногой, как идиот, причинив себе боль, потому что забыл, что на мне были мягкие шлёпанцы.

И тут понеслось. Она кричала на меня, я кричал на неё в ответ, и очень скоро начали кричать дети. Дилан плакал в своей детской кроватке, и я мог слышать, как ревел Брэндон в своей спальне. “Ваааaа! Мама! Папа! Что происходит? Ваааaа!”

“С меня хватит”, сказала Памела, подбежав к кроватке и взяв Дилана. Она принесла его в гостиную, схватила телефон и начала набирать номер.

“Кому это ты вздумала звонить?”

“Я хочу, чтобы приехала моя мама. Ты меня пугаешь”.

“Не звони своей матери. Положи этот грёбаный телефон. Мы можем сами во всём разобраться”.

“Нет, не пытайся остановить меня. И не ругайся при детях. Я звоню им”.

“Твои родители здесь всё время, чёрт побери. Это так глупо.

Мы можем поговорить об этом и уладить всё за одну минуту. Посмотри на меня: Я уже спокоен. Я больше не злюсь".

"Я звоню маме. И прекрати сквернословить".

Она набрала номер, и я повесил трубку. Тогда она обернулась и уставилась на меня тем самым неодобрительным взглядом, который говорил о том, что я — гнусный эгоист, тем взглядом, который превращал меня в самого уродливого и тонкого червя на этой грёбаной планете. Я дико ненавидел этот взгляд, потому что он говорил о том, что ситуация вышла из-под моего контроля и никакие извинения и цветы не смогут убедить её в том, что я хороший парень, который снова любит её. Её психотерапевт дал ей глупый совет — не обращать на меня внимания, когда я злюсь, потому что, согласно его заключению, я получаю достаточно внимания как рок-звезда. Но чего он не знал, так это того, что я стал рок-звездой, потому что нуждался во внимании. Молчание равняется смерти. Поэтому, когда Памела начала эту безмолвную терапию — точно так же, как это делали мои родители — это только довело меня до предела. Тем временем Дилан вопил у неё на руках, а Брэндон всё громче и громче выл из своей комнаты.

Она демонстративно схватила телефон и снова набрала номер своих родителей. Я с грохотом нажал на рычаг. "Я же сказал, 'Не звони ей, чёрт подери!' Ну же. Я извиняюсь. Это такой пустяк, мать твою".

Она бросила телефонную трубку, сжала кулак и вслепую махнула им, ударив меня наполовину в нижнюю челюсть, наполовину в самую уязвимую часть моей шеи, что, чёрт возьми, было весьма болезненно. Меня никогда прежде не била женщина, и как только я почувствовал удар, я пришёл в ярость (I saw red). Я так старался разрядить ситуацию, но с каждым шагом она становилась всё более ненормальной, и это только сердило меня ещё больше. Чем больше я старался успокоиться, тем более безумным я становился, когда она не позволяла мне этого сделать. Поэтому, как только она ударила меня, мой "эмоциомер" (emotional meter) накалился докрасна и застил мои глаза. Словно животное, я сделал первое, что инстинктивно пришло мне на ум, чтобы остановить развитие ситуации. Я схватил её и крепко стиснул. "Что, чёрт возьми, с тобой такое?" заорал я, не отпуская её. И снова моя попытка успокоить её только привела к тому, что она запаниковала ещё больше. Теперь она кричала, дети плакали, а телефон трезвонил что есть мочи, потому что её родители волновались из-за всех этих прерванных телефонных звонков. Моё жаркое превратилось в кошмар.

Пока я держал её, молчаливая терапия закончилась. Она проорала всё дерьмо, которое она обо мне думает, обзывая меня

самыми ужасными литературными терминами (every dirty name in the book), нанося удары в каждую мою слабую точку. Я даже не мог себе представить, когда мы всю ночь сидели в «Синьоре Фроге», уставившись друг на друга, что всё закончится таким вот образом, когда мы будем кричать друг на друга, точно демоны. Я отпустил её, и она побежала в спальню Брэндона, словно она была любящей матерью, которая должна защитить свой выводок от их жестокого отца. Пока она пробегала мимо меня, я махнул ногой ей вслед и придал ей ускорения на её пути, шлёпнув её тапкой по заднице. “Ты — чёртова сучка!” “Ах ты дрянь!”

Я последовал за нею. Я испытывал крайне неприятное чувство от того, что мы дрались на глазах у детей. Это было достаточно тяжело — пытаться растить их, когда повсюду были папарацци; самое малое, что мы могли делать — подавать хороший пример как родители. Разозлённый, я направился в комнату Брэндона, чтобы поговорить с ним. Но она взяла его и начала защищать его от меня, в то время как он плакал.

“Отпусти его”, сказал я. “Я хочу погулять с ним. Ты хочешь пойти посмотреть на лягушек, Брэндон?”

Наш пруд на заднем дворе за зиму неожиданно наводнился лягушками, и я подумал, что это хорошее место для того, чтобы отдышаться и успокоиться. “Убирайся отсюда!” истерично закричала она.

“Послушай”, сказал я. “Я хочу показать ему лягушек, чтобы он смог успокоиться. Ты останешься с Диланом, т. ч. вы оба тоже сможете прийти в себя. Всем нужно просто перестать кричать”.

Но все продолжали кричать, кроме Памелы, которая снова со мной не разговаривала, что лишало нас возможности что-либо решать.

Я взял руку Брэндона, но она оттащила его от меня. Внезапно, мы начали бороться за него, и каждый из нас снова обезумел. Независимо от того, что я делал, ситуация только обострялась. Когда я оторвал Брэндона от неё, я толкнул её, и она опрокинулась назад на маленькую доску, на которой наши дети рисовали мелом. Она попыталась ухватиться за доску руками, но лицевая часть доски завертелась вперед, и она сломала свой ноготь.

Прежде, чем она закончила вопить, я взял Брэндона на руки и пошёл с ним на улицу. Я отнёс его к пруду с лягушками и усадил его там. Пока он хлюпал носом, я сказал ему, что мама и папа очень любят друг друга, и его мы очень любим. Я обещал, что мы никогда больше не будем сердиться и повышать голос, если это напугало его. Я взял одного славного лягушонка и посадил его в свои ладони, сложенные чашечкой. Когда мои руки сомкнулись

вокруг него, он начал крутиться и вырываться. “Вот так и папа иногда чувствует себя. Именно поэтому хорошо иногда выйти наружу, вдохнуть свежего воздуха и прояснить свои мысли”.

Успокоившись и высушив наши слезы, мы пошли назад внутрь. мне хотелось думать, что Памела извинится и предложит заказать какой-нибудь обед. Я обыскал все комнаты нижнего этажа и не смог найти её. Я принес Брэндона в его детскую, и пока я усаживал его рядом с его игрушками, я услышал голоса позади меня. Я обернулся и увидел, что там стоят двое полицейских.

“Повернитесь спиной, мистер Ли”, пролаяли они мне.

“Зачем?”

“Повернитесь”.

Это было похоже на то, что снова повторяется инцидент с Бобби Браун. Были двое полицейских, которые собирались арестовывать меня независимо от того, что я говорю. Если требуется два человека, чтобы затеять ссору, то почему я всегда единственный, кого арестовывают?

Я повернулся и почувствовал, как двумя щелчками холодные металлические обручи сомкнулись вокруг моих запястий. “Вы надеваете на меня наручники? Вы разыгрываете меня, вашу мать? Тогда наденьте наручники и на неё. Она ударила меня в лицо”.

“Нас это не волнует, мистер Ли”.

“Но … ”

Они повели меня вниз, мимо гостиной (где я увидел Памелу, сидящую с её родителями), через переднюю дверь и на заднее сидение полицейской машины. Затем они оставили меня там одного, а сами вернулись внутрь, чтобы задать вопросы Памеле. Я расслабился, когда понял, что они, вероятно, просто разделили нас, чтобы расспросить нас в индивидуальном порядке. Меня, вероятно, не заберут в тюрьму. Час спустя офицеры вышли из дома. Один из полицейских нес пистолет времён Гражданской Войны, который висел у меня на стене в качестве украшения, и когда я это увидел, мое сердце ёкнуло. Я понял, что они каким-то образом хотят ввернуть антиквариат в обвинение во владении огнестрельным оружием, что нарушало условия испытательного срока, который я получил четыре года назад после того, как я упаковал полуавтоматический пистолет в свою туристическую сумку и глупо понёс её через рамку металлодетектора в аэропорту.

Безмолвно полицейские сели в машину и вырулили на дорогу. “Эй, куда вы едете?” спросил я в панике.

“Вы едете в центр города”.

Снова я почувствовал, что ситуация, которая могла бы легко

разрешиться, раскручиваясь по спирали, вышла из-под моего контроля и вылилась во что-то, что будет для меня теперь настоящей болью в заднице. “Чувак, вы, парни, даже ещё не поговорили со мной. Вы слушаете только её сторону истории. Как же относительно моей стороны?”

Они не сказали ни слова. Они просто не обращали на меня внимания и продолжали движение. А я, брат, только колотил, чёрт подери, своей башкой в проволочную сетку, отделявшую переднюю часть автомобиля от заднего сидения. Я беспомощно бился о проволоку, вопя, “Почему вы, мать вашу, не хотите меня выслушать? Поговорите со мной, чёрт возьми!” Я снова превратился в ребёнка, потому что мне опять прописали молчаливую терапию. А молчание равняется смерти.

Глава девятая

НИККИ

«О ПЕЧАЛЬНОМ РАЗГОВОРЕ, КОТОРЫЙ ПРОИЗОШЁЛ МЕЖДУ СВОБОДНЫМ ГРАЖДАНИНОМ НИККИ СИКСОМ И ЗАКЛЮЧЁННЫМ ТОММИ ЛИ, КАСАТЕЛЬНО ИСТОРИИ О ТОМ, КАК ГОРИТ КОЖА НА СПИНЕ ПАМЕЛЫ АНДЕРСОН ЛИ» (rug burns on sombody's back — красные следы на спине от занятия сексом)

Томми каждый день звонил из тюрьмы в слезах. Разлучённый со своими детьми и женой, он был в агонии. Как бы он ни был зол на Памелу за то, что она обвинила его в нападении на супругу и впаяла ему шестимесячный срок, он по-прежнему ужасно хотел вернуть её. Но она продолжала заигрывать с ним, сводя его с ума. Он каждый день изливал свою душу в письмах к ней, ни одно из которых он нам так и не показал.

Для группы это было просто ужасно — потерять Томми в такой критический момент нашего спора с «Электрой». Вдобавок ко всему, у Винса возникли серьёзные проблемы с деньгами, и мы запланировали независимый от лейбла тур, потому что, если мы все вместе не помогли бы ему собрать внушительную сумму для его кредиторов, они наложили бы арест на его — а соответственно и на наши — активы. Если Томми оставался в тюрьме в течение всех шести месяцев, то тур должен был быть отменён за наш счёт, Винс был бы признан банкротом, а мы бы предстали перед «Электрой» уязвимыми как раз в тот самый момент, когда им этого больше всего хотелось. Как и любому из нас, Томми был необходим этот тур, потому что деньги помогли бы ему оплатить его судебные издержки и помочь его детям. Но разум Томми пока был далёк от всех этих проблем: всё, о чём он мог думать, это попытки вернуть своё семейное счастье, которым была для него жизнь с Памелой Андерсон — даже при том, что она уже начала бракоразводный процесс, и ни разу не навестила его в тюрьме. Чем больше Томми был заинтересован в этом, тем ближе, однако, «Motley Crue» приближались к заключительной главе своего существования.

Все девушки делают одно и то же в отношении молодой группы. Они всегда говорят, "Вы самые популярные" или "Вы самые интересные", или "Вы те, о ком все говорят". Со старшими, более опытными группами, женщины должны быть более

хитрыми. Они говорят, “Те парни не дают вам продвигаться вперёд” или “Вы должны получать больше денег”, или “Они не проявляют к вам должного уважения”. И каждый раз, парень говорит, “В самом деле? Вы думаете, это так?” Им не хватает смелости, чтобы сказать (They don’t have the balls to say), “Заткнись, твою мать! Мы, чёрт возьми, банда, и мы были бандой с самого начала. Так что, пожалуйста, держись от нас подальше!”

Это происходит из-за того, что каждая девочка хочет, чтобы её парень был “парнем”, а каждый парень хочет услышать от девочки, что он — “парень”. А после этого случается то, что когда один парень, ведущий группу, говорит “налево”, подчинённый ему парень (henpecked guy) скажет, “Нет, давайте пойдём направо”. На самом деле он не будет хотеть идти направо, он просто захочет таким образом самоутвердиться как лидер. Все группы одинаковые: наркотики, женщины, эго. Все эти трое охотятся за вами и уничтожают вашу группу. И после того, как мы справились с наркотиками, женщины и эго продолжали уничтожать нас.

“Я не знаю, смогу ли я делать это дальше”, сказал Томми. “Почему я должен отправляться в тур только для того, чтобы заплатить за ошибки Винса?” Этот тур значил больше, чем Винс и его бумажник; речь также шла о вызволении Томми из тюрьмы. Все промоутеры страны писали письма в суд о финансовых затруднениях, которые они будут иметь в том случае, если срок тюремного заключения Томми повлечёт за собой отмену концертов.

Поэтому я сказал Томми, как я делал это уже миллион раз прежде, что он может делать два дела: организовать свою собственную группу и играть в «Motley Crue». Это то, чем я занимался с моим сторонним проектом «58» (сотрудничество с Дэвидом Дарлингом [David Darling], который по случайности был женат на Бри Ховард [Brie Howard], что делало его моим бывшим тестем-отчимом [ex-stepfather-in-law]).

“Я одно тебе скажу”, сказал я. “Колесить с «Motley Crue» будет чертовски более безопасно, нежели оставаться дома с Памелой Андерсон”.

Т.к. я посещал Томми в тюрьме каждую неделю, я задался вопросом, почему я никогда не делал этого для Винса, когда он отбывал срок после несчастного случая с Раззлом. Он был моим братом, а также коллегой по группе, но тогда я слишком увлекался наркотиками, чтобы думать о ком-то ещё. Я позвонил Винсу и сказал, “Знаешь, в чём вся хрень? В том, что я дюжину раз навестил Томми в тюрьме, но я ни разу не навестил тебя”.

“Да всё в порядке”, сказал Винс. “Ты действительно тогда был

не в себе”.

“Нет, со мной не всё в порядке”, сказал я. “Для тебя это было несчастливое время, а мы не были там с тобой. Тогда мы только-только завершили самый успешный тур, на который могла выйти молодая рок-группа. Мы вместе только начали наслаждаться самым счастливым временем в нашей жизни. А когда ты отправился в тюрьму, мы бросили тебя, как вонючий мешок с дерьмом (a hot sack of shit)”.

“Не переживай об этом”, сказал Винс. “Ведь всё закончилось хорошо”.

“Не знаю, так ли это”, сказал я. “Так ли всё хорошо закончилось”.

Той ночью мы с Винсом решили провести время вместе. В Плэйбой Мэншн (Playboy Mansion) была вечеринка, и мы приехали туда после полуночи. Когда мы вошли, к нам подошёл друг по имени Дэннис Броди (Dennis Brody). Он сказал, что Пэм только что была на вечеринке со своим бывшим бойфрендом, сёрфером по имени Келли Слэйтер (Kelly Slater), заигрывая с ним на глазах у десятков людей.

На следующий день позвонил Томми. Он был возволнован, потому что он только что проверил свой автоответчик, и там было сообщение от Пэм. Он заставил меня позвонить на его автоответчик и прослушать его. “Я очень люблю тебя, малыш”, начиналось сообщение. “И мне так жаль, что ты сейчас там. Хотя я знаю, что это сделает тебя сильнее. Просто помни всегда, что я люблю тебя и очень за тебя волнуюсь”.

Я перезвонил обратно Томми. “Чувак”, сказал он. “У меня есть надежда. Теперь у меня есть хороший шанс, что мы снова будем вместе”.

Я хотел держать язык за зубами, но это не то, что должен был сделать настоящий друг. “Я могу рассказать тебе одну историю”, начал я, “и мне кажется, что всё не так, как тебе кажется”.

Он был ошеломлён. Он отказался верить в то, что пока он сидит в тюрьме, общаясь с тараканами, у ней самой завёлся таракан.

“Знаешь, что”, сказал он мне. “Пэм всегда тебя ненавидела”.

Я всегда знал, что это правда. Кто-то говорил, что это из-за того, что она ревновала к моей дружбе с Томми, но я всегда считал, что это из-за того, что она не могла управлять мной. Каждый раз, когда она шла перекусить с нами, каждый мужик за столом желал продать свою душу, чтобы оплатить счёт или передать хлеб, или поднять салфетку, которую она уронила. Но меня она никогда не интересовала. Я обычно говорил Мику, что я не буду трахать её, даже если он одолжит мне свой член. Просто

она всегда казалась мне странной и безобразной, словно кто-то бил её по лицу уродливой дубиной, хотя и очень дорогой уродливой дубиной (ugly stick — шутка, когда про некрасивого человека говорят, что в младенчестве его побили уродливой дубиной). В действительности, кого она мне напоминала, так это тёлок, которых трахал Винс. А ведь она и была одной из тёлок, которых трахал Винс.

Глава десятая

ТОММИ

«ОТРЫВКИ УТЕРЯННЫХ ПИСЕМ ТОМАСА БАССА ЛИ, НАПИСАННЫХ ВО ВРЕМЯ ЕГО ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ГОДУ 1998-ОМ ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА»

28/5/98
F.E.A.R. (Страх)

False Evidence that Appears Real.
Fear, the enemy of faith.
Where Faith is, Fear isn't.

I shall Fear Not.

Why am I scared?

Is she gonna leave me?
Will she come back?
Does she really love me?
If it's in fact —

(рэп)—> Fear can make a person
See something that's
Hot there — or
Hear something that
Was not said.

My cell is a "one-man submarine."
Worry is "soul-suicide."

If in fact
She really really loves me
Then why did she leave me?
And will she ever come back?

Возможное название альбома: "Feardrops From…"

29/5/98

"Управляй своими эмоциями, или они будут управлять тобой!"

"Разгневанный человек терпит поражение
Как в бою, так и в жизни".

31/5/98 (написано на задней обложке брошюры под названием "Наш хлеб насущный")

Памела,

Мне жаль слышать, что ты считаешь случай, который произошёл между нами, точкой разрыва в нашем браке. Это был ужасный инцидент. И я наказан за это.

Они подловили нас! Пресса, стресс, публика и т. п. Мы позволяем им уничтожать нас!

1/6/98

К П. Ли

Could we dig up this treasure
Were it worth, the pleasure
Where we wrote love s songs
God we have parted way too long

Could the passionate past that is fled
Call back its dead
Could we live it all over again
Were it worth the pain

I remember we used to meet
By a swing seat over the piano
And you chirped each pretty word
With the air of a bird.

And your eyes, they were blue-green & gray
Like an April day
But lit into amethyst
When I stooped and kissed

I remember I could never catch you
For no one could match you
You had wonderful luminous fleet little wings on your feet.

I remember so well the hotel room
Fun in the sun in Cancun

That beat that played in the living room & La Boom
In the warm February sun

Could we live it over again
Were it worth this pain
Could the passion past that is fled
Call it back or is it dead

Well, if my heart must break
Dear love, for your sake
It will break in music, I know
Poets' hearts break so

But strange that I was not told
That the heart can hold
In its tiny prison cell
God's heaven and hell

Недатированное письмо к Джею Лино (Jay Leno — американский комик, ведущий телевизионного ток-шоу)

Джей,

Памела просила тебя не касаться этой темы, но ты всё-таки полез туда! Пэм сказала, что она разговаривала с тобой после шоу, и сказала тебе, что она очень расстроена. Также она сказала мне, что ты посоветовал ей не тревожиться и сказал, что так будет лучше для её карьеры.

У тебя есть, что мне ответить на это? Я считаю, что то, что назвалось нашей дружбой, понесло серьёзный урон.

Томми Ли

P.S. Комик (stand-up guy), я подумал, что тебе следовало бы выйти в эфир и извиниться за то, что ты нанёс мне трусливый удар с дальней расстояния (longdistance sucker punch). Я не предлагаю тебе публично встать на мою сторону, мне не нужно, чтобы кто-нибудь это делал. Не зная всех фактов, моя частная жизнь не должна была стать зерном для перемалывания в твоей программе!

2/6/98

Памела,

Пожалуйста, отведи Брэндона в сторонку и прочти это ему, ладно?

Спасибо.

Брэндон,

Папа работает, играет на барабанах и очень хочет быть рядом с тобой в этот особенный день. Душою папа всегда с тобой и сегодня, и каждый день. (Возможно, ты ещё слишком маленький, чтобы понять, но я хочу, чтобы ты знал об этом.)

"Ты прекрасен сам по себе"
"Любовь — это всё сущее"
и "Теперь это всё, что у нас есть".
Так наслаждайся этим сегодня!
С днем рождения, милый.
Я скучаю по тебе!
Папа!

P.S. Памела, пожалуйста, обними его за меня крепко-крепко, хорошо? (Ты даже не можешь себе представить, что это такое для меня — пропустить этот день).

25/6/98
"My Cell" ("Моя камера")

This tiny room sounds so still
It smells like stale sulfur in the water
It seeps through the walls
It tastes like death
The floor has a sticky slime that
Is detriment to body and soul
I spin not in circles but in squares
From the shape of this room

26/6/98

Ahh Soooo
There was a little geisha girl ho from Tokyo
Said she could blow so I said let's go
Yo! Jump in my limo
Back to the no-tell motel for a little kiss 'n' tell
Damn, my dick's starting to swell
So I gave her two glasses of panty remover
hoping to subdue her
So I could screw her
I had no clue the bitch knew kung fu
Then my rubber blew
Oh my god what's this green goo?

Now I might have AIDS
At least I got laid
Wasn't worth what I paid for this pussy
Should I be afraid
Haw, just spray your dick with some Raid

Чёрт, я схожу с ума. Что, чёрт подери, я такое пишу? Надеюсь, никто этого не видит.

28/7/98

Привет, малышка,

Я сижу в клетке, которая расположена на крыше, впервые за несколько недель солнечный свет коснулся моего лица. Они разрешили мне подняться сюда только в 4 часа дня, и мне достаются всего лишь остатки солнца — красотища! Жмурюсь от лучей, чего обычно со мной не бывает. Я плакал, т. к. печаль и боль постоянно напоминают мне о том, почему я здесь, словно неисчезающий шрам. Я ненавижу это место, и я никогда не вернусь сюда. Господи, я так скучаю по солнечному свету.

Я слышал, как на днях по телефону ты спросила меня, о чём я мечтаю. И я не решался рассказать тебе об этом, потому что не хотел создавать напряжённость! Но я бы хотел поделиться этим с тобой, а письмо более безопасно для этого, чем телефонный разговор. Таким образом ты можешь узнать то, о чём я думаю, не чувствуя при этом груза необходимости сказать что-либо в ответ.

Моя мечта — когда я выйду из тюрьмы… Я смогу увидеть тебя и провести какое-то время наедине с тобой или, может быть, добиться этого. Нам есть, о чём поговорить. Я хотел бы поделиться с тобой тем, как много разных путей лежит передо мной!

Когда я заглядываю в будущее, я вижу большое счастье для Томми. Также я люблю делиться всем тем новым, чему я научился рядом с тобой… Я скучаю по твоим искрящимся глазам. Ещё я скучаю по твоим телефонным звонкам! И по той улыбке, которая обезоруживает меня.

31/7/98

Памела,

Пожалуйста, не присылай мне своих бессмысленных писем! Как ты можешь писать такое дерьмо после того, как ты с кем-то трахалась?

Президент может сознаться в своей неверности, а ты — нет? Я не верю тебе. Пожалуйста, оставь меня в покое. Ты не имеешь

понятия о том, что такое любовь и страсть. Моя любовь сильна. И если бы твоя любовь была такой же, то она заставила бы тебя сидеть дома, быть матерью и не выпрыгивать из трусов (kept your panties on)! Ты права: Тебе действительно лучше держаться от меня подальше — Я не хочу тебя видеть, меня тошнит. Вы отняла у меня мою мечту — мою семью!!

Я не позволю тебе убить мою мечту, однажды я найду кого-то особенного, кто любит меня по-настоящему! И ты права — это больше не будет человек, похожий на меня!

Ты делаешь так, чтобы всё выглядело, будто я втянул тебя во всё это — думаю, ты пытаешься заставить себя думать лучше о себе самой, о неверности и о том, что ты выбрала другого. Но всё это — твой выбор, а не мой!

Скажешь, что я виновен? И это сожрёт тебя заживо! Тебе совсем нечего бояться, и мальчикам, конечно, тоже. Я не буду тебя преследовать! Я отвечу на твоё письмо позже; ты совершила самую большую ошибку в своей жизни и в жизнь детей!

P.S. Надеюсь, в то время, когда тебя трахали, на тебе не было крестика, который я тебе подарил.

7/8/98

Мне осталось быть здесь 4 недели, и мне необходимо прояснить голову.

Ты можешь поговорить со мной об этом?

Я заслуживаю того, чтобы знать!

Мне нужна правда и ясность!

Я созрел для того, чтобы принять какое-то решение!

Каждый человек способен думать, и каждое действие человека основывается либо на любви, либо на страхе. А на чём базируются твои решения?

16/8/98

Нежный, чуткий, заботливый.

Кто я? Отец двоих мальчиков; творческая и талантливая душа со страстью к музыке и любовью к жизни и природе, к океану и его обитателям; закаты — моё любимое время суток. Я всегда любил детей! Ещё я любил секс, кино, музыку, быстрые автомобили, рисование, живопись, водные лыжи, рыбалку, кроссовые мотоциклы, прогулки на яхте, кемпинги.

Одержимой личности следует быть осторожной. Я тоже могу быть управляемым — но только лишь из боязни потерять её.

На ком я женат? Памела — сексуальная, ранимая,

застенчивая, заботливая, любящая, страстная, иногда сумасшедшая и рассеянная! Она — хранительница очага. Также она подвержена влиянию, скрытна, замкнута; ей нужно больше внимания; ей необходимо жить! Пойдём на улицу и будем наслаждаться природой. Я не могу вспомнить, когда мы в последний раз гуляли вместе. Я мог бы о многом расспросить тебя, но не получить ответа!

Не обвиняй себя, Томми.

16/8/98

О, БОЖЕ! Я только что слышал голос Памелы по телефону. Меня всего трясёт от слёз. Я та-а-а-ак по ней соскучился! Возвращаясь к теме прогулок — во многом мы сами попались в ловушку. (Узники своей собственной популярности). Никто не понимает, каково это — быть заключённым в тюрьме в дали от моей семьи! Боль невыносимая! Прошлой ночью Кристи (Christy) провела с Пэм несколько часов и не получила для меня никаких стоящих сведений. Лентяйка. Кое-чем я действительно мог бы здесь воспользоваться! За день до этого я потратил два часа, разговаривая по телефону с Кристи. Она должна была упомянуть обо мне. Тишина убивает меня. (Здесь я чувствую себя, словно в детстве: молчание).

1/9/98

Я буду с тобой, что бы ни случилось.

Когда я выйду:
Каратэ
Стейк
Ванна
Гавайи

Когда я выйду отсюда, есть несколько вещей, которые я хочу сделать: С'есть стейк. Долго любоваться закатом солнца. Долго сидеть в ванне с горою пены (было бы чудесно, и с тобою заодно… ха-ха… на самом деле, с тобой это действительно было бы неплохо). Снова взять несколько уроков каратэ и бокса. А ещё Гавайи на семь дней.

Пэм, я хочу, чтобы ты знала, что я всегда буду рядом с тобой, даже если это ничего не для нас уже не решит… не важно зачем, ладно?

4/9/98 (написано на самоклеющемся листочке бумаги для заметок)

Любить
Быть в центре
Оставаться сильным

Глава одиннадцатая

ТОММИ

«ОБ УНИЖЕНИЯХ ТОМАСА ЛИ И ОБ ОКОНЧАНИИ ЭТОГО ЗАТЯНУВШЕГОСЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

Я никогда не забуду ту поездку в автобусе из зала суда, прикованный к чёртовому сидению, в той же одежде, которая была на мне в суде, откуда меня вывели всего лишь пятнадцать минут назад.

Когда они вели меня по тюремному коридору, первое, что я услышал, был громкий неприятный звук. Я повернул голову и увидел, что маленький чувак-латинос лежит на полу своей камеры, а из его черепа сочится кровь. Я посмотрел на офицеров, которые вели меня в мою камеру, и спросил, "Кто-нибудь поможет этому парню?"

"О, такое происходит постоянно", равнодушно ответили они. "У него просто припадок".

Я оглянулся на него, он так и лежал на полу без малейшего движения. Они привели меня в соседнюю комнату и раздели. Я стоял там жутко напуганный и совершенно голый (scared shitless and butt naked), если не считать колец в моих сосках, в носу и в брови. Офицер сбегал за кусачками. Он перекусил кольца в сосках и в носу, но так и не смог снять мои серьги, потому что они были сделаны из хирургической стали. С досадой, но он всё-таки разрешил мне оставить их. Затем он вручил мне мою тюремную одежду: синюю рубашку, чёрные ботинки, скатка постельных принадлежностей с полотенцем, пластмассовая расчёска, зубная щетка и зубная паста.

Офицеры вывели меня обратно в коридор, и я заметил, что спустя полчаса, они, наконец, отправили заключенного латиноса в больницу. Это было больше похоже на грёбаный удар, чем на припадок. Пока они вели меня мимо других заключенных, передо мной проплывали ряды угловатых ублюдков, орущих что-то вроде, "Добро пожаловать, мужик" и "Я научу тебя обращаться с женщинами". Половина из них были возбуждены, другой половине хотелось надрать мне задницу за то, что я трахался с тёлкой, на которую они, наверное, дрочили каждую ночь. Мне показалось, что эта прогулка была длиною в милю, мне было до того страшно, что мои колени всё время подгибались, и полицейским фактически приходилось тащить меня. Они бросили

меня в изолированную камеру и закрыли тяжелую дверь, которая издала глухой металлический стук, гулким эхом отозвавшийся на весь тюремный корпус. Это был самый одинокий долбаный звук, который я когда-либо слышал.

Это была комната, в которой я, как предполагалось, должен был провести следующие шесть месяцев. По существу это был бетонный мешок, монолит которого нарушала лишь металлическая кровать с бесполезным матрацем толщиной в полдюйма. Мне было не с кем поговорить, нечем писать и абсолютно нечего делать (dickshit to do). Всякий раз, когда приходили охранники, я просил у них карандаш, но они не обращали на меня внимания, давая, таким образом, понять, что ни на какое особое отношение к себе лучше не рассчитывать. Тот избалованный маленький негодник, который сидел внутри меня, должен был, наконец, получить урок. Потому что, если он не превратиться в мужчину здесь, то не сделает этого уже никогда.

Тем вечером меня разбудил охранник, огромное бесшеее существо, который постучал в дверь и пролаял, "Встать к двери" ("Get over here").

Я подошёл к двери, не зная чего ожидать — благосклонности или наказания. "Какого чёрта на тебе серьги?", спросил он.

"Они оставили их. Они не смогли их снять".

"Так ты долбаный педик что ли?" ("What are you, then, some kind of fucking faggot?")

Я приготовился к худшему: к избиению, к траханью, к чему угодно. "О, чувак, зачем ты изводишь меня?"

"Нет, я думаю, что ты всё-таки педик. А ты знаешь, что мы здесь делаем с педиками?"

Я вернулся к своей кровати и проигнорировал его. Я не знал, что делать. Этот подонок (fucker) мог открыть дверь моей камеры, огреть меня спящего по голове, а утром на это будет всем наплевать.

После шести или семи дней простого сидения там, когда я уже начал было сходить с ума от осознания того, что мне осталось ещё пять месяцев и три недели этого дерьма, под мою дверь закатилась половинка карандаша. Днём позже под дверью очутилась Библия. Затем тоненькие религиозные брошюры под названием "Наш хлеб насущный" ("Our Daily Bread") начали появляться каждые несколько дней. Обложившись Библией и вооружившись карандашом, я читал "Наш хлеб насущный" и благодарил того незнакомца, который преподнёс мне эти бесценные подарки, потому что я нуждался в чём-то, что спасло бы мой разум от этой скуки и пытки. Должно быть, я тысячу раз прокрутил у себя в голове каждое мгновение моих отношений с

Памелой.

Я не мог понять, почему Памела пошла на то, чтобы подать на меня в суд. Возможно, она боялась и думала, что я какой-то безумный, неистовый монстр; наверное, она думала, что поступает правильно ради детей; и, вероятно, она хотела найти лёгкий выход из тяжёлой ситуации. Как бы я ни любил Памелу, но у неё была проблема, связанная со следующим: Если что-то в её жизни шло не так, она предпочитала лучше избавиться от этого, чем тратить время на то, чтобы что-то изменить или исправить. Она увольняла управляющих подобно тому, как я менял носки. Ассистенты и няньки проносились через наш дом, как листки отрывного календаря: каждый день появлялся кто-то новый, что всегда бесило меня, потому что я хотел, чтобы у детей был кто-то постоянный в их жизни, кому они могли бы доверять, и кто мог бы любить их почти так же, как любили их мы. Таким образом, я понял, что то, что сделала со мной Памела, по сути, было увольнением. Я был уволен, чёрт побери.

Мне необходимо было прекратить мучить себя и, чёрт возьми, вынести что-то хорошее из всего случившегося, таким образом я пришёл к выводу, что моей миссией был самоанализ. Я должен был покопаться внутри себя и найти ответы, которые так долго искал. И лучшим способом это сделать, было перестать находить из'яны в Памеле и других людях и начать видеть свои собственные недостатки. Сначала я начал просто писать на стенах. Большинство из того, что я писал, начиналось со слова «почему»: "Почему я здесь?", "Почему я несчастен?", "Почему я так обращался со своей женой?", "Почему я причинил такое своим детям?", "Почему во мне нет духовности?", "Почему, почему, почему?"

Спустя несколько недель охранник спросил меня, не хочу ли я подняться на крышу. "Чувак, мне бы очень этого хотелось", сказал я ему. Я с трудом мог вспомнить, как пахнет воздух, как выглядит небо, как чувствуешь лучи солнца на своём лице. Я не мог дождаться того момента, когда буду стоять на этой классной тюремной крыше и вновь наслаждаться видом гор и города.

Они надели на меня наручники, привели на крышу, и моя челюсть широко отвисла, брат. Стены вокруг крыши были такими высокими, что это было то же самое, что находиться в камере. В поле зрения не было никаких деревьев, гор, океанов и зданий. Они поместили меня в клетку под номером «К10», которая по постановлению судьи была полностью изолирована от других обитателей тюрьмы. Было около четырёх часов по полудню, и солнце начинало снижаться, прячась за стену. Его последние лучи освещали верхний угол клетки. Я прижался к переднему краю

клетки и приподнялся на цыпочки так, чтобы лучи солнца падали мне на лицо. Как только его тепло растеклось по моему лбу, носу и щекам, я разрыдался. Я закрыл глаза и плакал, купаясь в солнечном свете десять минут, прежде чем покинуть эту крышу, последние десять минут солнечного света, которые я запомню на многие дни, недели, и месяцы. Чувак, я принял это грёбаное солнце, как величайший дар всей моей жизни. Ведь просидев несколько недель в темной холодной камере, это была самая восхитительная вещь, которую, чёрт подери, кто-либо мог подарить мне. Я почувствовал, что это самый прекрасный день в моей жизни.

Когда последний лучик солнца погас на моём лице, я ухватился за толстые прутья клетки и несколько раз подтянулся. Прежде чем отправиться в тюрьму, будучи ещё на свободе под чёртовым залогом в полмиллиона долларов, я целый месяц непрерывно тренировался, готовясь к самому худшему.

Вне клетки основное население тюрьмы играло во дворе, и я был сидячей мишенью для всякого рода оскорблений. Здоровенные уголовники (huge gang-bangers) бросали в меня дерьмо и орали, "Тебе повезло, что ты не с нами, ты, долбаная щелка (motherfucking pussy). Бьёшь девочек. Дерьмо, так выходи поиграть с большими мальчиками". Это было унизительно, но я просто сидел, опустив голову и держа язык за зубами, и думал о солнце.

По мере того, как шло время, у меня появлялось всё больше контактов с внешним миром. Никому не разрешалось присылать в тюрьму книги, потому что люди посылали романы со страницами, пропитанными кислотой или другим дерьмом. Но через моего адвоката я каждые десять дней мог заказывать три книги на «Амазоне» (Amazon — интернет-магазин). Мне, чёрт возьми, была просто необходима пища для ума. Я подбирал книги по следующим трём критериям, которые мне были нужны для самосовершенствования: отношения, воспитание детей и духовность (relationships, parenting and spirituality). Я развесил по стенам рисунки Тайцзи (Tai Chi — китайская народная гимнастика), узнал о точках надавливания под глазами, которые снимают стресс, и стал экспертом в книгах по самосовершенствованию и Буддизму. Я решительно настроился на то, чтобы обрести полномасштабный психологический, физический и музыкальный настрой. Я хотел решить проблемы, которые сдерживали меня: я, мои отношения с Памелой и моя неугомонность в «Motley Crue».

Хоть судья и запретил мне входить в контакт с Памелой, я не желал ничего большего, чем поговорить с нею и разобраться с

этим. Я всё ещё злился на неё, но я по-прежнему чувствовал себя пойманным в ловушку недоразумения: чёртова пропавшая кастрюля разрушила мою жизнь. Со временем в моей камере установили телефон-автомат, но это был полнейший кошмар — пытаться наладить контакт с Памелой, которая всё ещё кипела от злости из-за нашей драки. Мы три раза пытались общаться в присутствии наших адвокатов и психотерапевтов, но каждый раз разговор быстро перерастал в состязание по обливанию грязью и взаимным обвинениям (mud-slinging fest and blame game). В конце концов, один друг свёл меня с посредником (intermediary) по имени Джеральд (Gerald), который, как предполагалось, должен был уладить все мои отношения — с Памелой, с моими детьми и с группой.

Я не знаю ничего о послужном списке Джеральда и о его образовании, но он обладал здравым смыслом. Он сказал мне, что я вырос с таким же убеждением, как в детстве, будучи ребёнком, я открывал своё окно, чтобы соседи могли слышать, как я играю на гитаре. В некотором смысле, как бы я ни любил Памелу, она была, по сути, такой же гитарой, которую я хотел продемонстрировать всем соседям и похвастаться тем, что я знаю, как на ней играть. Только оказалось, что я не умею хорошо играть на ней. Когда гаснут огни, действие экстази (disco biscuits) улетучивается, и вы оказываетесь в доме наедине с другим человеком, только тогда начинаются ваши отношения; и они будут иметь успех лишь в том случае, если вы способны работать над своими недостатками и учиться наслаждаться другим человеком, который по-настоящему, без всяких похлопываний по плечу и поднятых вверх больших пальцев, как это делают твои братки, способен по достоинству оценить это. Возможно, именно поэтому отношения между знаменитостями так сложны: каждый возводит другого на такой высокий пьедестал, что это практически сродни разочарованию, когда в конце дня вы обнаруживаете, что вы — всего лишь два человека с такими же эмоциональными проблемами и конфликтами между родителями (mother-father issues), как и у всех остальных.

Другой способ, которым Джеральд помог мне, был заказ детских книг для меня через «Амазон» и покупка тех же самых книг для моих мальчиков. После того, как я получил разрешение от суда на разговоры со своими детьми, я читал им сказки по телефону, в то время как они рассматривали картинки в точно такой же книжке. Для меня было важно поддерживать такую связь с моими мальчиками, потому что, пока я был в тюрьме, Памела не только говорила им, что я сумасшедший, но даже пыталась настроить против меня мою собственную мать и сестру. У меня не

было способа защититься: не только от Памелы, но и от СМИ, которые сделали из меня сущего монстра. Тем не менее, больше всего меня ранило то, что я не был дома на День Отца (Father's Day — международный праздник, который празднуется в США в третье воскресенье июня) и на день рождения Брэндона. А это то, что ребенок не забывает.

Время от времени я мог звонить домой, и Памела отвечала мне по телефону. Мы начинали разговаривать, но за несколько минут старая вражда, раздражительность и взаимные претензии снова выплывали на поверхность, и затем вдруг — бах! — один из нас бросал трубку. Конец связи.

После этого я сидел в своей камере и часами плакал. Неспособность что-либо с этим поделать разбивала все мои надежды. И всё же, спустя какое-то время, с помощью моего терапевта в качестве телефонного посредника, мы снова научились общаться. Я начал отвечать на всё, что она мне говорила, не с неуверенностью или защищаясь, а со своей нормальной любовью, что было одной из моих хороших привычек, которую я приобрёл ещё в детстве. Также я усвоил, что, чтобы нормально разговаривать или даже жить с Памелой, я должен прекратить проверять её любовь ко мне, потому что, когда вы проверяете кого-то и не говорите ему об этом, он неминуемо терпит неудачу.

Однажды в четверг у нас была большая беседа по телефону с моим терапевтом, и мы хорошо продвинулись вперёд, когда я вдруг услышал какую-то громкую речь и стук снаружи. Я встал и крикнул, "Эй, парни, вы не могли бы потише!" Но когда эти слова вылетели у меня изо рта, я понял, что этот шум исходит не от заключённых. Это был тот самый здоровенный говнюк-охранник без шеи, который обозвал меня «педиком» в мой первый день в тюрьме. Он ворвался в мою камеру, схватил грёбаный телефонный шнур и вырвал его из стены, прямо во время моего разговора. Затем он подал сержанту рапорт, где говорилось о том, что я оскорбил его. Они приостановили мои телефонные привилегии на четырнадцать дней. Чёрт подери, моя единственная линия связи с внешним миром была оборвана, и я каждый день проводил в слезах.

В течение этих длиннющих (long-ass) недель я работал над песнями для того, что, как я решил, должно было стать моим сольным проектом, читал журналы о воспитании детей и книги по самосовершенствованию и учился писать стихи, главным образом о Памеле. Она начала присылать мне письма. И это так разочаровывало меня, потому что она делала это через своего ассистента, который писал и отправлял письма вместо неё. Из-за

этого они казались безликими, словно я был какой-то рабочий по дому, о котором мог позаботиться её ассистент. Я старался не думать так, не судить о каждом маленьком её поступке, как о признаке того, любит ли она меня или нет, потому что именно так я нажил себе неприятности в первый раз.

Отрезанный от телефона, я впервые начал учиться быть уверенным в себе — для любви, для спасения и для музыки. Я также начал контактировать с другими обитателями тюрьмы и понял, что мои дела не настолько плохи, по сравнению их проблемами. Уборщики (trustees), которые подметали в зале, начали подсовывать мне записки от парней из других камер. Иногда какой-нибудь чувак просил об автографе, другие просто хотели иметь друга по переписке. Большинство из них были куда в более серьезном дерьме, чем я. Там был шестнадцатилетний чувак, мексиканец-мафиози, который, чёрт возьми, убил шесть человек; по-настоящему раскаявшийся двадцатиоднолетний парень, который, чтобы достать денег на наркотики, ограбил круглосуточный ресторана «Нормс» («Norm's»), но, запаниковав, застрелил пожилую даму; и полицейский, у которого нашли конфискованные наркотики, которые он присваивал себе во время полицейских рейдов. Он так волновался, что другие заключённые узнают, что он был полицейским, и убьют его в ту же секунду.

Пока я наслаждался этой внутренней почтовой перепиской, я узнал, что в тюрьме существует целый скрытый мир. И в этой системе было больше чёртовых наркотиков, чем на улице: люди предлагали грёбаный героин, кокс, спид, «травку» (heroin, blow, speed, weed), и всё это в обмен на еду, конфеты, деньги и сигареты. Но, если бы вас поймали, то минимальный штраф составлял один год, добавленный к вашему сроку, так что я с этим не связывался (I wasn't fucking with that). Другие парни делали в камерах что-то вроде выпивки, которую они назвали «пруно» (pruno), который был похож на вино, сделанное из апельсинового сока, сахара и ломтя хлеба вместо дрожжей. Требовалось две недели, чтобы сделать одну партию, и когда она была готова, можно было слышать, как все напивались до чёртиков (drunk as fuck) и устраивали веселье. Фактически тюрьма превращалось в ночной клуб.

Один чувак научил меня, как взять мешок для мусора, наполнить его водой и завязать узлом посередине так, чтобы получились десятифунтовые (~ 4,5 кг) гантели для занятий спортом. Так что я начал делать сгибания с грёбаными водяными мешками, что было запрещено, поэтому я был вынужден прятать их под своей кроватью. Другие чуваки делали игральные кости, обтачивая шары от шариковых дезодорантов о цементный пол до

тех пор, пока они не становились квадратными. Ещё они делали ножи, в течение многих часов всё плотнее и плотнее скатывая газету, пока бумага не возвращалась почти что в своё первоначальное состояние — в древесину — и могла использоваться в качестве кола для того, чтобы пырнуть кого-нибудь.

Один пожилой чувак научил меня, как зажигать сигарету: возьмите карандаш, сгрызите с него древесину, пока не доберётесь до грифеля, который несёт в себе электрический заряд. Затем возьмите одноразовую бритву, сломайте её, раздавив ботинком, и вытащите лезвие. После этого согните лезвие, пока оно не сломается на две части. Возьмите обе части и вставьте их в сетевую розетку, затем проведите лезвиями бритвы вдоль тех, которые воткнуты в розетку, отчего те нагреются (Take both pieces and stick them in the power outlet, then slip the razor blades alongside them in the outlet together, which heats them — полная ахинея!). Оберните часть стержня карандаша в туалетную бумагу, одновременно коснитесь этих двух лезвий в розетке, и, престо (presto — музыкальный термин, означает "быстро"), электрическая энергия зажжёт туалетную бумагу и вспыхнет огонь. Именно так, подобно разному дерьму МакГайвера (MacGyver — герой телесериала, который может выпутаться из любой экстремальной ситуации при помощи подручных средств), люди проводили там годы, совершенствуясь подобным образом. Моё собственное новаторство состояло в том, что я сделал барабанные палочки из карандашей и бритв, а сами барабаны — из лотков из-под еды и водопроводных труб. Сидя там и стуча карандашами по своей миске, я понял, что завершил полный круг, в тридцать шесть лет смастерив то же самое, что я сделал в три года, когда я собрал свою собственную ударную установку в кухне моих родителей.

Однажды, я сидел в своей камере и услышал какую-то суету снаружи. Я подскочил к моему маленькому квадратному окошку и уткнулся в него лицом, пытаясь выяснить, что происходит. По коридору шли два охранника и тащили парня, который был мертв, как пить дать, (dead as fuck): тело его было окоченевшим, а губы были багрово-синего цвета. Я постучал в дверь свой камеры, спрашивая, что случилось у всех, кого видел, но никто не проронил ни слова. Позднее я спросил шерифа, который проходил мимо моей камеры, но он молча прошёл мимо.

Несколько дней спустя кто-то из обслуживающего персонала дал мне газету, редкий подарок. В ней была статья о лос-анджелесской центральной окружной мужской тюрьме (Los Angeles County Men's Central Jail), я находился в центре города (downtown): черный заключённый умер, потому что белые

охранники, избивая его, не смогли вовремя остановиться. В статье говорилось, что группа адвокатов боролась за то, чтобы установить в тюрьме систему наблюдения, потому что условия содержания в ней были ужасны. Читая этот материал, я думал о мертвом парне и обо всех избиениях, о которых я слышал за последние два с половиной месяца, и мне сделалось жутко. Где я нахожусь? Ведь я — грёбаная рок-звезда!

В тюрьме я не был дерьмом. Я был просто червяком (maggot), которого держали взаперти. Я не мог плакаться своему менеджеру каждый раз, когда что-то было не по мне; не было никакой публики, чтобы посмеяться над моим дурацким положением; и некому было выслушивать мои жалобы. Я больше не мог оставаться плаксивым маленьким ребёнком; я должен был быть мужчиной. Ну, или, по крайней мере, крутым червяком (big maggot), потому что меня всё время так и норовили раздавить — как в тюрьме, так и в реальном мире. Памела начала писать мне классные письма и сладким голосом оставляла мне сообщения на голосовой почте. Но как только мои надежды начали воскресать, от чёртового Никки и от некоторых других братков я узнал, что она встречалась со своим старым бойфрендом Келли Слэйтером (Kelly Slater). Чёрт возьми, я не мог в это поверить. Я часами сидел на телефоне, плачась своему терапевту. Я не мог понять, как со мной могло произойти такое дерьмо. Если бы я был дома, то, по крайней мере, я мог бы быть рядом с моими друзьями или приехать к ней, чтобы поговорить об этом. Но здесь, чёрт возьми, я был совершенно бессилен. Я только сидел в своей камере в горячке (on fire). Затем я усвоил свой следующий важный урок: как очень быстро избавляться от вещей. Я понял, что нет на свете дерьма, в которое бы я не вляпался (there wasn't shit I could do about it). Смирись с этим, и будь, что будет (Suck it up and leave it be).

По субботам мне разрешали принимать посетителей. Никки приходил много раз, а Мик заглянул только однажды, но сказал, что больше не придёт, потому что охранники докопались до него и заставили его застегнуть рубашку и снять бейсболку. Винс так ни разу и не пришёл — но я не был этому удивлен. Однако наилучшим из всех был визит моего адвоката, когда он сообщал мне, что, если всё будет идти нормально, то он сможет скостить мне срок с шести месяцев до четырёх — что означало, что мне оставалось пробыть здесь всего только месяц.

Я начал размышлять на тем, что сможет заставить Томми снова стать счастливым. Я провёл много времени, думая о том, как быть хорошим отцом, мужем и человеком, но на самом деле я не придавал значения моим творческим проблемам. Ведь

музыкальная составляющая меня — это 80–90 чёртовых процентов. Я должен был сделать что-то новое, и причиной осознания этого стал тот крах, который обрушился на мою личную жизнь. Поэтому я принял грёбаное решение.

Когда Никки пришёл навестить меня в следующую субботу, я смотрел на него через пуленепробиваемое стекло и ёрзал на своём стуле. Чёрт возьми, он был мне любимым братом, но я должен был сказать ему: "Брат, я больше не могу это делать". Это была самая тяжёлая вещь, которую я когда-либо говорил кому-то.

Его глаза расширились, рот широко открылся, и он только и смог вымолвить, что, "Тпру!" ("Whoa"). Он был похож на парня, считавшего, что он состоит в счастливом браке, который внезапно узнал, что его жена изменила ему. Конечно же, я изменил ему. Ранее в тюрьме я попросил одного друга не стирать сообщения на моём автоответчике, сказав, что это позволит сохранить все звонки. Это был способ всякий раз, когда у меня возникала идея мелодии или стихов, я мог просто записать их на свой автоответчик, чтобы прослушать, когда выйду из тюрьмы. И это не были мелодии или стихи для «Motley Crue». Я был готов к тому, чтобы начать двигаться в каком-то новом направлении.

Я из моей камеры продолжал собирать музыкальный материал на свой автоответчик до 5 сентября — дня, на который было назначено моё освобождение. Я лежал на своей койке и ждал, когда громкоговоритель протрещит, "Ли, с вещами на выход" ("Lee, roll it up!"), что означало бы — сворачивай свою постель, одеяло и прочее дерьмо, потому что ты выходишь отсюда.

Мне сказали, что меня выпустят в полдень. Перевалило за полдень, и ничего не произошло. Медленно время доползло до двух часов. Каждая минута была мучением. Затем пробило три, четыре, пять часов. Следующее, что я помню, был обед. Я постоянно твердил всем, "Чувак, я надеялся, что меня выпустят". Но никто не слушал меня. Минула полночь, а они по-прежнему меня не вызвали. Прежний Томми Ли бился бы башкой о прутья решётки, пока кто-нибудь не обратил бы на него внимание. Но новый Томми Ли понимал, что он ничего не может с этим поделать, кроме как смириться, и ждать своего часа.

Я растянулся на своей койке, по шею укрылся ветхим одеялом и уснул. В 1:15 ночи меня разбудил голос из громкоговорителя: "Ли, с вещами на выход!"

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ: "ГОЛЛИВУДСКАЯ КОНЦОВКА"

Глава первая

СИЛЬВИЯ РОН

«В КОТОРОЙ МОГУЩЕСТВЕННАЯ ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ЗВУКОЗАПИСЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИИ «ЭЛЕКТРА» И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КОРПОРАЦИИ ДОПРАШИВАЕТСЯ НА ПРЕДМЕТ ЕЁ НАИМЕНЕЕ ЛЮБИМЫХ СОТРУДНИКОВ»

Так что вы ответите на первое? Их утверждение, что вас интересовало продвижение на лейбле только исполнителей ар-энд-би (R&B), а не рок-н-ролла?

СИЛЬВИЯ РОН: Имя компании «Электра Рекордс» говорит само за себя, когда речь заходит о продвижении и поддержке рок-исполнителей из нашего списка: «Metallica», «AC/DC», «Motley Crue». «Motley Crue» были главным приоритетом для «Электры» в 1997-ом. Мы провели гигантскую работу по их выдвижению на передний край индустрии. Но рынок рок-музыки, особенно для групп-ветеранов, переживает сейчас значительные изменения. Альбом не оправдал ожиданий, и их разочарование понятно. Но это произошло не из-за отсутствия усилий со стороны компании.

Какие усилия были предприняты?

В январе лейбл потратил существенную сумму на то, чтобы устроить выступление группы на церемонии вручения наград «American Music Awards», после которой мы организовали целенаправленную кампанию. Мы предприняли массированный промоушн в Интернете. В марте мы поддержали и оплатили выступление на рок-радиостанции в Тампе (Tampa). Я могу продолжать и продолжать, рассказывая о различных мероприятиях по продвижению, которые мы провели.

Что вы думаете об инциденте с охранником в Южной Каролине (South Carolina) и о том факте, что они обозвали вас "пи**ой" со сцены?

Подобные высказывания не заслуживают никаких комментариев. По меньшей мере, это неразумно.

Повлияет ли это на то, чтобы иметь дело с группой в будущем?

Это не меняет моего отношения к группе. Я очень профессиональный человек.

Их контракт с «Электрой» истекает после выпуска двух альбомов. Вы его возобновите?

Сейчас мне очень трудно что-либо сказать по этому поводу.

Глава вторая

«ОТРЫВКИ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОВЕСТВУЮЩИЕ О ПОСЛЕДНЕМ СРАЖЕНИИ НАШИХ ГЕРОЕВ, КОТОРОЕ ПРЕМЕСТИЛОСЬ СО СЦЕНЫ В СУД, А В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В ЗАЛ КОРПОРАТИВНЫХ ЗАСЕДАНИЙ»

Через пару недель я планировал засесть в студию и связался с [Сильвией Рон], но она не даст мне моих денег. Я не понимаю. Она трахает фанатов, трахает себя и трахает меня. У меня четверо детей, жена. Я должен выплачивать кредиты за дом, за машину. У меня есть жизнь. Я, чёрт подери, заслужил право иметь один из самых крупных контрактов в рок-н-ролле. Я не хочу, чтобы меня трахала некая тётка, у которой какие-то свои взгляды и свои приоритеты. Она что, расист? Она мужененавистница? В чём её проблема? Мы не можем понять этого, потому что у неё на нас «стояк» (she's had a hard-on for us) с самого первого дня. Ладно, знаешь что, засранка (motherfucker)? У тебя контракт, и если ты хочешь пойти против этой группы, то берегись (we are a loose cannon). Я сделаю твою жизнь несчастной.

— Никки Сикс, цитата из интервью журналу «Spin», март 1998

Каждый, кто читал менее чем лестные высказывания, которые басист «Motley Crue» Никки Сикс сделал в адрес «Elektra Entertainment Group» и её руководителя Сильвии Рон в мартовском номере журнала «Spin», не будет удивлен, услышать, что группа и звукозаписывающий лейбл разрывают отношения. Источники сообщили, что «Motley Crue», которые провели на «Электре» пятнадцать лет и продали более чем 35 миллионов альбомов, изучают альтернативные пути распространения материалов своего каталога. Группа, которая своим альбомом «Too Fast for Love» в 1982 году положила начало направлению глэм-метал, отправится в студию в следующем месяце, чтобы записать новые песни.

— «The Music Daily», 16 апреля 1998

«Motley Crue» намерены снова поднять свои среднемировые продажи. На сей раз средство называется «Greatest Hits», и колеса уже начали гореть, разбрасывая куски резины по всей хромающей и безжизненной музыкальной индустрии. «Электра Рекордс» была отвергнута в пользу собственного лейбла «Motley» и собственной сети распространения. В настоящее время планируется

международный тур по театрам и аренам в поддержку альбома, а Томми, наконец, выйдет из тюрьмы! Всё это, по их словам, не заставить себя ждать.

— Sound420.com, август 1998

Глава третья

ТОММИ

«ОСВОБОЖДЁННЫЙ ИЗ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ, НАШ ГЕРОЙ СНОВА ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ ПРЕЛЕСТИ ГОРЯЧЕЙ ВОДЫ, ТАБАКА И ЧУЖИХ ЖЁН»

Мой друг Боб Прокоп (Bob Procop), который владел собственным ювелирным магазином (diamond store) на Родео-Драйв (Rodeo Drive — улица в Беверли-Хиллс, на которой расположены фешенебельные магазины знаменитых торговых марок), под'ехал за мной к зданию тюрьмы на своём огромном шикарном (big crazy-assed) «Бэнтли» («Bentley»). "Что бы ты хотел сделать в первую очередь?", спросил он.

"Чувак, я, чёрт возьми, ужасно хочу выкурить сигарету. А затем я был бы счастлив, если бы ты отвёз меня в свой дом на побережье".

Мы спускались вниз по автостраде: движение было плотным со всех сторон. После почти четырёх месяцев одиночества, это было слишком волнительно для меня. Я закурил «American Spirit» (марка сигарет) и закрыл глаза, чтобы не видеть взглядов, которые окружающие бросали на машину.

Боб привёз меня к своему дому в Марина дель Рэй (Marina del Rey), который стоял прямо на воде. Он наполнил свою джакузи, вылив туда половину флакона пены для ванн, и сказал, "Всё это твоё, брат". Я сорвал свою чёртову одежду, плюхнулся в ванну, откинул голову назад и просто сидел там два часа, уставившись на звезды. Я и забыл, каково это — чувствовать себя погружённым в фактически, а не метафорически, горячую воду. Это была самая большая роскошь на свете.

Примерно в 4 часа утра я попросил его отвезти меня домой. Я соскучился по своему дому и по своей кровати. Памела и дети уехали, поэтому было тихо и пусто, игрушки и мебель по обыкновению были вывезены. В темноте я споткнулся о кровать, на которой родился Брэндон, и прямо на ней уснул на два дня. В тюрьме всегда было трудно спать из-за всей этой ходьбы и разговоров, грохота и стука, которые отражались от бетонных стен.

Когда я проснулся, мой дом был наполнен людьми. Все эти чуваки приехали, чтобы поздравить меня с возвращением домой. Они целовали меня, обнимали и хлопали по спине. Но я

настолько отвык находиться среди людей, что не знал, что и сказать. Я улыбался, но внутри хотел заползти под камень и спрятаться. Прошло так много времени с тех пор, когда в последний раз кто-нибудь обходился со мной с иными чувствами, нежели враждебность и подозрительность. Это было слишком быстро для меня — смеяться и радоваться беззаботно. Мне всё ещё было очень больно.

Я попросил суд разрешить мне выехать на Гавайи, чтобы помариноваться там. Я взял с собой Скотта Хамфри и просто сидел на пляже, ничего не делая, до тех пор, пока медленно не вернулся на планету Земля. Я снова научился взаимодействовать с людьми, и, в конце концов, улыбка вернулась на моё лицо. Мне больше не нужно было её изображать. Но мир больше не был таким, каким я его покинул. Теперь все смотрели на меня по-другому: люди проходили мимо и шептали, "Это тот самый чёртов парень, который избил свою жену". Мне было по-настоящему стыдно, и потребовалось время, чтобы понять, что весь мир не был против меня.

Другое, что изменилось, было то, что Памела сделала всё, чтобы завершить процедуру развода до моего освобождения. Моя семейная жизнь, которая подарила мне моё самое большое счастье и самое большое страдание, казалось, закончена. Я не мог понять, почему она делает это со мной и с детьми. Но было ясно, что, несмотря на все письма и телефонные звонки, она не хотела иметь дела со мной. Не было никаких шансов на примирение, особенно ввиду того, что она встречалась с чёртовым Келли Слэйтером. Такой вот маленький поворот событий об'единился с тем фактом, что я услышал, что она сменила свою татуировку, которая была у неё на пальце вместо обручального кольца, и вместо «Tommy» написала «Mommy» («Мамочка»), это так расстроило меня, что позднее я удалил своё свадебное тату. Я просто хотел убрать это дерьмо с моего пальца и изменить свою жизнь. Мне пришлось стать одиноким отцом, тем, кем я никогда не хотел быть. Мои родители прожили вместе всю мою жизнь. Мой папа, которому было семьдесят четыре, теперь был болен миеломой и раком крови (myeloma and cancer in his bloodstream). Моя мама, которая была намного моложе, дни и ночи проводила в заботе о нём. Я хотел, чтобы в моей жизни был кто-то, кто мог сделать то же самое для меня, и мне нужен был кто-то, для кого и я мог бы это сделать. Что ухудшало положение отца-одиночки, так это то, что мне не разрешалось видеться с моими детьми без назначенных судом наблюдателей для контроля надо мной. Я чувствовал себя ужасно перед Диланом и Брэндоном, потому что они понятия не имели, кто все эти люди и что происходит.

Вернувшись домой с Гавайев, я наглухо зашторил окна, запер двери и извлёк на свет все записи с автоответчика, которые я сделал в тюрьме. Я пригласил по этому поводу одного вульгарного парнишку, уличного рэпера по имени ТиЛо (TiLo), с которым я познакомился, когда его бывшая группа «hed (pe)» открывала выступление «Motley Crue» в туре «Swine». И мы начали работать над нашим собственным проектом — «Methods of Mayhem». Я похоронил себя в работе, хватаясь за каждую минуту, просиживая до четырёх-пяти часов утра и получая всё то, чего я всегда хотел получать от работы.

На мой день рождения друзья устроили для меня вечеринку, потому что за месяц я так и не смог прийти в себя и расслабиться (I hadn't kicked back and relaxed in months). Кто-то пригласил Кармен Электру (Carmen Electra — американская модель, актриса, певица и телеведущая), мы познакомились и начали болтать о всякой всячине. Четыре месяца назад она вышла замуж за Денниса Родмэна (Dennis Rodman — американский баскетболист), но, при всех практических выгодах этого брака, к тому времени они уже были порознь. Я несколько раз говорил с ней по телефону, и две недели спустя, когда я собирался отправиться с «Motley» в тур "Greatest Hits", мы начали встречаться. Она смогла сказать Родмэну, которого, по её утверждению, она поймала на измене с двумя женщинами одновременно, что собирается навестить больных бабушек и всякое такое дерьмо, а сама тем временем улизнула в тур вместе с нами. Нам пришлось тайком проводить её на шоу и обратно, а также в гостиницы, чтобы бульварная пресса не овладела информацией и не смогла над этим поглумиться. Оба мы были беженцами от двух самых сумасшедших грёбаных браков знаменитостей того года. Ко всему прочему, когда Памела покинула с'ёмки «Спасателей Малибу» («Bay watch») ради своего собственного сериала под названием «V.I.P.», Кармен заняла её место.

Деннис Родмэн подал документы на развод, но это не означало того, что он хотел, чтобы кто-то другой встречался с его женой. Поэтому он начал преследовать группу и появляться на шоу. Мы вынуждены были приказать охране не пропускать его ни под каким предлогом. И как это ни странно, хоть я и пытался, начиная с момента моего выхода из тюрьмы, заставить Памелу поговорить или встретиться со мной, но как только информация о том, что я встречаюсь с Кармен, просочилась в прессу, она загадочным образом снова начала мне звонить.

ПОМИМО ВИЗИТОВ КАРМЕН РОДМЭН, я продолжал работать над своим проектом во время тура с «Motley». Я взял с собой в

дорогу целую студию, после каждого концерта я запирался в своей комнате и работал с «Про-Тулс» («Pro-Tools»). Я считал, что если я буду писать без остановок, то к тому моменту, когда я вернусь домой, альбом «Methods of Mayhem» будет готов. Кроме того, это держало меня в стороне от каких бы то ни было проблем. В каждом городе перед каждым шоу я должен был сдавать мочу в лабораторию. Я целыми днями общался по телефону с надзирающими надо мной офицерами, консультантами по умению управлять своими эмоциями, психоаналитиками и прочими гуру. С таким суровым испытательным сроком, на котором я находился, было похоже, что я по-прежнему нахожусь в наручниках. Я не мог ходить в рестораны, гастрономы, бензоколонки — всюду, где продавался алкоголь, за исключением, конечно, тех мест, в которых мы играли.

С каждым выступлением мне становилось всё труднее играть со сцены наши самые великие хиты. Играя в десятитысячный раз "Girls, Girls, Girls", всё, о чём я мог думать, это вернуться в свою комнату и закончить ту песню, над которой я работал. В туре с Кораби я был намного счастливее. Даже при том, что никто не ходил на эти чёртовы концерты, я, по крайней мере, делал что-то, что мне нравилось. Я всегда говорил себе, что когда моё сердце перестанет отзываться, это и будет время, чтобы уйти. И мое сердце молчало.

Никки, однако, был просто переполнен энтузиазмом относительно «Motley Crue», прямо как в тот самый день, когда мы организовали группу в доме его бывшей подруги в Северном Голливуде, когда я джемовал на грёбаном столе, в то время как он торговал лампочками по телефону. С группой, вернувшейся к своему собственному независимому лейблу, он чувствовал себя властителем своей собственной судьбы, а «Motley Crue» готовы были снова завоёвывать мир. Я полагаю, что он, чёрт возьми, думал, что я соглашусь с ним, приму его точку зрения и останусь в «Motley Crue», выпустив «Methods of Mayhem» как сторонний проект. Но если я собираюсь что-то делать, то делаю это на 100 процентов. А я не мог дать «Methods of Mayhem» and «Motley Crue» по 100 процентов, особенно после того, как Винс ударил меня исподтишка.

Мы были в аэропорту Лас-Вегаса, возвращаясь в Лос-Анджелес после очередного отрезка бесконечного тура "Greatest Hits". Винс был очень пьян, и, как обычно, вокруг не было никаких развлечений.

Я стоял у билетной кассы, разговаривая с Эшли (Ashley), которая работала для нашей компании звукозаписи, заботясь о

наших посадочных местах, когда подошёл в жопу пьяный Винс и нечленораздельно произнёс, "Дай мне мой грёбаный посадочный талон, Эшли. А потом можешь продолжить целовать задницу Томми".

Чувак, я понятия не имею, откуда вдруг взялась вся эта грёбаная враждебность. Думаю, я не был счастлив с тех пор, как он вернулся в группу. И, конечно, он не был моим самым любимым чуваком на планете. Но я, чёрт возьми, никогда не делал ничего плохого этому парню. Просто в нём так много закупоренной боли, и он не делит её ни с кем, и я это чувствую, чувак. Но когда он сказал это дерьмо в аэропорту, это не передало мне никакого сочувственного настроения.

"Что ты сказал только что?"

"Ты меня прекрасно слышал, мать твою", его шатало.

"Чувак, что, чёрт возьми, с тобой не так?!"

"Пошёл ты…!"

"Пошёл я? Нет, это ты пошёл, брат!"

И мы вступили в одну из тех дерьмовых перепалок, которые не были редкостью для нас. "Нет, пошёл ты, ты грёбаный позёр, кусок дерьма", Винс подначивал меня, напирая своим опухшим лицом на моё. "И что ты будешь делать? Ударишь меня?"

Чёрт, он прекрасно знал, что я был на испытательном сроке, и он пытался сделать всё, что мог, чтобы заставить меня нарушить запрет, выбив из него дерьмо. Я отказался проглотить приманку и пустил в ход свои навыки управления эмоциями (anger management training). "Слушай, чувак", сказал я. "Я, чёрт побери, не собираюсь тебя бить. Ты должен успокоиться, крутой парниша (big guy). Давай просто забудем об этом и разойдёмся".

После этого он, мать его, неожиданно саданул меня в челюсть. А когда вы получаете такой удар, всё управление эмоциями внезапно улетучивается в окно, и включается ваша животная защитная система. Моя мгновенная реакция была — убить нахер. Даже при том, что я буквально только что прошёл через обвинения в нападении, тюрьму и адвокатов, рвущих за меня свои задницы, я ничего не мог с этим поделать. Передо мной стоял этот козёл, ни с того ни сего вылезший откуда-то и взбаламутивший моё дерьмо (Here was this asshole coming out of nowhere and getting up in my shit). Я, чёрт возьми, схватил его, повалил на пол и занёс руку, чтобы отправить этого самодовольного мудака (shithead) в больницу. Мне было насрать. Отправите меня обратно в тюрьму? Прекрасно! Но сначала мой кулак встретится с лицом Винса.

Внезапно, Крис (Chris), наш охранник, прыгнул на меня. Ему были даны строгие указания: следить за тем, чтобы со мной не

случилось никаких неприятностей, и для него была бы жопа, если бы меня отправили назад в тюрьму. Он оттащил меня от Винса и сказал, "Томми, садись в самолет и улетай отсюда к чёртовой матери. Быстро!"

Когда я повернулся, чтобы идти к выходу, Винс встал и заорал что есть мочи охранникам аэропорта. "Полиция! Полиция! На меня напали". Чёртов парень только что подло ударил меня, а теперь он хотел, чтобы меня арестовали и вернули в тюрьму. Если бы меня арестовали, это могло потянуть лет на десять тюрьмы. Никогда не делайте такое другому человеку — особенно, если это ваш коллега по группе — как бы он вас ни бесил.

Я вбежал в самолет и сказал Никки, "Брат, я ухожу. Завтра ты меня не увидишь. И послезавтра тоже. Вам, парни, лучше поискать себе другого барабанщика. Этот тур закончен!"

Глава четвёртая

ВИНС

«ПОЕДИНОК МЕЖДУ ДЖЕНТЛЬМЕНАМИ, НАБЛЮДАЕМЫЙ С ДРУГОГО РАКУРСА, ГДЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ ВОЗМОЖНОСТИ УВЕЛИЧЕНИЯ МОЛОЧНЫХ ЖЕЛЕЗ У ОДНОЙ ИЗ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН»

Я беседовал с Эшли Смит (Ashley Smith), менеджером по рекламе (publicist) нашей звукозаписывающей компании, когда Томми, как это ему свойственно (being who he is), встрял в наш разговор. То, о чём мы говорили, его совершенно не касалось.

Когда я сказал ему, чтобы он помолчал, он схватил меня за шею. "Сейчас же убери от меня свои грёбаные руки!" приказывал я ему.

Мы стояли посреди переполненного аэропорта, где вокруг были тысячи свидетелей. Если бы он не уследил за собой (If he didn't watch himself), то его могли отправить обратно в тюрьму. Поэтому я снова предупредил его: "Убери от меня свои чёртовы руки".

И когда он этого не сделал, я ударом повалил его на пол. Так что я бы не сказал, что это был удар исподтишка (sucker punch). Я бы сказал, что это был просто сосунок (sucker), которому дали по морде (who got punched).

Томми может быть самым весёлым парнем в мире. Единственная его проблема состоит в том, что он ужасно боится, что другие люди не будут его любить, поэтому он лжёт, чтобы выглядеть лучше в их глазах. Он всегда так поступает, и всегда будет так поступать. Он — хамелеон. Где бы он ни находился, он вынужден это делать. Он никогда по-настоящему не врубался в то, что его создало, что он такое, а ведь это рок-н-ролл. Если вокруг хип-хоп, он — хип-хоппер. Если вокруг панк, он — панк-рокер. Если бы у Томми были грёбаные сиськи, он был бы "Spice Girl".

Глава пятая

НИККИ

«В КОТОРОЙ РАЗДУМЬЯ О ДВАДЦАТИ ГОДАХ ДРУЖБЫ И ДОСАДА ПРИВОДЯТ К ТРАГИЧЕСКОМУ РАССТАВАНИЮ»

Когда Томми вышел из тюрьмы, он не позвонил никому из группы. Только три дня спустя я узнал, что его уже выпустили. А узнал я об этом потому, что кто-то видел его на улице. Я был в ярости. Я навещал его почти каждую неделю. Я сделал всё, что мог, чтобы он не сошёл там с ума, даже начал кампанию по сбору подписей для его досрочного освобождения. И теперь, когда он даже не сообщил мне о своём выходе из тюрьмы, это было похоже на пощёчину.

Я позвонил ему и сказал, "Что происходит? Почему ты не сказал мне, что тебя выпустили?"

"А в чём проблема?" ощетинился он. "Это не моя работа — докладывать тебе".

В продолжение всего тура "Greatest Hits" он был холоден и замкнут. Он был бомбой негодования с часовым механизмом. И это был всего лишь вопрос времени — когда она взорвётся. Поэтому, когда все восстали против Винса после драки в аэропорту, я увидел, как это было на самом деле: Томми сам подлил масла в огонь. Несомненно, Винс вёл себя как придурок по отношению к нашей сотруднице. Но в то же самое время Томми влез в плохую ситуацию и сделал её ещё хуже, схватив Винса за шею. После этого в самолёте Томми очень разнервничался и начал кричать, в то время как Винс сел как можно дальше, мрачный и возмущенный. Они были похожи на двух маленьких детей.

Я наблюдал миллион раз, как такие вещи случались между кем-либо из нас. Но когда пыль оседала, мы снова становились группой. Каждый совершал ошибки. Каждый иногда вёл себя, как последний засранец.

В самолете я рассказал им о новых замыслах: "Слушайте, мы теперь вправе делать всё, что захотим: теперь у нас есть свой собственный лейбл. Поэтому мы можем переиздать наши старые альбомы со всеми этими нереализованными треками, о чём так просят наши фанаты, записать новый по-настоящему улётный роковый альбом (new album of pure kick-ass rock) и к сентябрю 2001-го взять тайм-аут и поработать над своими сольными

проектами".

Но Томми ничего из этого не устроило. По возвращении в Лос-Анджелес он отказался поговорить с Винсом и помириться. А Винс отказался разговаривать с Томми. Они оба были не правы, но ни один из них не хотел этого признать, и я знал, что, если бы они просто сели, как мы с Винсом после нашей драки в туре «Swine», они смогли бы уладить свои проблемы. Но лучшее, что я мог сделать, это поговорить с Томми по окончании тура.

"Отлично", сказал он мне. "Но я хочу свой личный тур-автобус. И я хочу свою собственную гримёрку. И даже не думайте о том, чтобы сажать меня в один самолёт с этой залупой (dickhead). Я не хочу видеть этого козла, пока не зажгутся софиты. А когда мы возвращаемся за кулисы, то лучше, чёрт подери, везите его в одном направлении, а меня в другом. Я не хочу с ним даже встречаться, мать его. Потому что, чувак, я за себя не ручаюсь".

Когда мы вернулись домой из тура, мне позвонил один друг и сказал, чтобы я включил «KROQ» (название радиостанции), потому что там шло интервью с Памелой Андерсон. Она сказала, что они с Томми снова вместе, и что Томми решил покинуть «Motley Crue», чтобы записать свой сольный альбом.

Именно так я узнал о том, что Томми покинул группу: от Йоко Оно (Yoko Ono — так остальные участники группы прозвали Памелу) на «KROQ». Я звонил Томми, но он не отвечал на мои звонки. Я заезжал к нему домой, но он не открывал дверь. Я писал ему письма и имейлы, но он так мне и не ответил. Он просто ушёл, как будто последних двадцати лет дружбы и музыки вовсе не существовало. Это ужасно больно. Но теперь уже нет.

Глава шестая

МИК

«ОБ ОДНОМ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ПРИКЛЮЧЕНИИ, КАСАЮЩЕМСЯ ТАКИХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ, КАК ПРИВИДЕНИЯ, ПРИШЕЛЬЦЫ И ПСИХИАТРЫ»

Я сказал своему врачу, что тяжело засыпаю и с трудом выползаю из кровати по утрам. Он сказал, "У вас депрессия".

Возможно, я рассказывал ему об этом (I could have told him that). Я пребывал в депрессии уже много лет. Каждый день я испытывал боль и был измотан поездками за 780 миль на каждое выступление с группой, которая по-прежнему ссорилась из-за всякой ерунды, как грудные младенцы. Это становилось просто невыносимым (It was getting pretty hairball). Когда Томми ушёл из группы, моим чувством было: если тебе безразлично то, чем ты занимаешься, то ты перестаёшь прикладывать к этому усилия. А потом ты начинаешь обижаться на людей, которые, как тебе кажется, сдерживают твой рост, поэтому каждая мелочь сносит тебе крышу, как это произошло в аэропорту с Винсом. Поэтому, если Томми хочет покинуть группу, нужно позволить ему это сделать, чтобы он лично мог убедиться в том, прав он был или не прав. Точно так же, когда я был в «White Horse», они постоянно твердили мне, что я играю хуже всех, поэтому я положился на свою интуицию и ушёл, чтобы делать то, что я действительно хочу. В конце концов, я оказался тем, кто смеётся последним. Поэтому, кто знает, что произойдёт с Томми?

От депрессии врач назначил мне «Золофт» и «Веллбутрин» («Zoloft» и «Wellbutrin» — антидепрессанты). Уходя домой, я притворился, что смогу развеять свою апатию, брошу курить, стану активным, буду гулять и выполнять все предписания. Чёрта с два! Я принял таблетки и мгновенно переместился в другое измерение. Ночью я проснулся в панике, думая, что меня похитили инопланетяне или что за мной наблюдают привидения. Но я огляделся вокруг, ничего этого не было. Вдруг какое-то странное дерьмо начало капать с потолка и подниматься с пола.

Я позвонил врачу и рассказал ему о том, что произошло, но он сказал, чтобы я продолжал придерживаться лечения, потому что мой организм скоро привыкнет. Три недели подряд я испытывал бесконечные галлюцинации. С каждым днём я путешествовал всё дальше и дальше от своего сознания. Когда я

ходил по своему бежевому ковру, я видел следы от своих ботинок, которые пылали фосфоресцирующим оранжевым светом. Я был уверен, что в один прекрасный момент что-нибудь щёлкнет у меня в голове, и я либо покончу с собой, либо достану один из своих пистолетов и перестреляю всех соседей. Я знал, что мой мозг работает неправильно, но я ничего не мог сделать, чтобы остановить это.

Наконец, я пошёл на приём к психиатру, и он поставил мне диагноз — шизофрения. Депрессия казалась ничем по сравнению с шизофренией. Психиатр прописал мне ещё одну таблетку для того, чтобы контролировать действие других лекарств. А затем он позвонил моему ортопеду и сказал ему, что необходимо прервать приём обезболивающих препаратов, которые я принимал от болей в спине, так как он беспокоится, что я стану наркоманом. Я не мог стать наркоманом — за последний месяц я прошёл только десятидневный курс приёма лекарств (I was never an addict — I'd make a ten-day supply of pills last a month). Но теперь, благодаря всем этим врачам, я стал шизофреником и испытывал постоянные боли от прогрессирующей болезни костей, которая длилась вот уже тридцать лет. Ко всему прочему, как побочный эффект от приёма одной из их таблеток, мои руки начали распухать, и я не мог играть на гитаре.

Мой брат переехал ко мне, чтобы ухаживать за мной. И той же ночью, мой матрац начал колыхаться и извиваться подо мной. Я думал, что это снова была игра моего воображения, но утром мой брат спросил меня, что такое я засунул в кровать, чтобы заставить её сотрясаться подобным образом. Теперь я понятия не имел, что было реальностью, а что — иллюзией. Я всегда знал, что те вещи, о которых говорят нам учёные и правительство, — неправда, но теперь я впервые видел тому свидетельство. Эти лекарства открыли окно в мир духов, и, несомненно, некоторые вещи, которые я наблюдал, существовали на самом деле; но, чтобы функционировать в повседневном мире, наш разум должен сузить область восприятия до узенькой полоски действительности и исключить всё остальное. К сожалению, как житель планеты Земли я должен был возвратиться к проживанию на ней. Поэтому я снова позвонил врачу и попросил его избавить меня от приёма таблеток. Он посоветовал мне быть терпеливым и ждать, пока мой организм адаптируется.

В тот день я начал очень слабо слышать радио из другой комнаты. Но когда я затыкал уши, музыка и голоса становились громче. Они находились в моей голове. Последней каплей стало, когда я лежал в кровати, вязкий серый призрак придавил меня к матрацу. Я начал орать на него: "Отпусти меня или я сломаю тебе

грёбаную шею". Но он держал меня так целый час. Следующей ночью серый призрак вернулся. Но на этот раз уже я схватил его, и он исчез. Когда на следующее утро я проснулся с обычными болями во всех суставах, то даже едва смог подняться с кровати, тогда я понял, что серый призрак — это мой анкилозный спондилит во плоти. Это то, что мешало мне всю мою жизнь.

В тот день я снова позвонил своему врачу, и он уверил меня, что это нормальные побочные эффекты.

"Я так не думаю", сказал я. "Они больше напоминают действие ЛСД (They feel like acid flashbacks)".

"Ладно", вздохнул он. "Тогда приезжайте".

Когда я вошёл в кабинет, то увидал испуг в его глазах. Я был похож на смерть в ботинках.

Глава седьмая

ТОММИ

«В КОТОРОЙ НАШ ГЕРОЙ, ПРЕВРАТИВШИСЬ ИЗ МАЛЬЧИКА В МУЖЧИНУ, ПРИХОДИТ К СВОЕМУ ПОСЛЕДНЕМУ ОТКРЫТИЮ: ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ ОТ ТОГО, КТО ПРИЧИНЯЕТ ТЕБЕ БОЛЬ»

Думаю, группа всегда обвиняла Памелу в том, что именно она повлияла на моё решение уйти. Они прозвали её чёртовой Йоко (motherfucking Yoko) и повесили мишень для игры в дартс с её портретом в своей гримёрке. Но она никогда не говорила мне, чтобы я ушёл. Да, она видела разлад в группе. Но каждое решение, касающееся музыки, которое я когда-либо принимал, я всегда принимал самостоятельно. Тот факт, что я покидаю группу, никогда не был неожиданностью для Никки; я сто раз говорил ему об этом, но, думаю, он просто не хотел по-настоящему в это поверить после всего того, через что нам пришлось вместе пройти.

По каким-то причинам Никки никогда не нравилась Памела, что всегда раздражало меня, потому что именно она познакомила его с Донной. Она пустила свою Купидонову стрелу, ранила их обоих, что обернулось самой сентиментальной любовью всей его жизнь. Думаю, у Винса тоже были проблемы в отношениях с Памелой, потому что он утверждал, что они трахались, хотя она говорит, что этого никогда не было. Но он не был так зол на неё, как Никки, который до сих пор люто ненавидит Памелу.

Вот, что я тогда чувствовал: после развода и неловкого бездействия, в то время пока она кадрилась со своим бывшим бойфрендом, я решил, что у меня нет никаких грёбаных шансов. Со всей вежливостью, на которую я только был способен, я принял тот факт, что меня уволили. Всякий раз, когда я заезжал повидать мальчиков, оказывалось, что с ними всю неделю сидит няня, а сама она притворялась, будто её нет дома.

Но, как и с Бобби Браун, мы с Памелой не могли оставаться вдали друг от друга. Сначала она вдруг снова начала мне звонить, когда я встречался с Кармен. Затем, однажды днём, когда я приехал забрать мальчиков, там не оказалось няни, а вместо неё вышла сама Памела. Тотчас, несмотря на всё, что с нами происходило, мы почувствовали волшебство, то первоначальное притяжение, которое свело нас вместе в ту новогоднюю ночь пять лет назад. После этого каждый раз, когда я

приезжал за детьми, мы начали понемногу сближаться — пока в один прекрасный день не оказались в её кровати (After that, each time I went over for the kids, we'd kick it a little bit—until one day we found ourselves kicking it in her bed). Затем я начал оставаться на ночь и проводить с нею всё больше времени, пока мы фактически не были снова женаты. Я попросил её переехать ко мне, и в тот же день она пошла в суд, брат, и забрала, наконец, ордер на ограничение моих родительских прав (my restraining order). Мы даже планировали снова пожениться на День Святого Валентина.

Но мы быстро скатились к старым образам мышления, потому что мы никогда по-настоящему не работали над нашими проблемами. Её было трудно заставить говорить о них, что сводило на нет все наши попытки взаимной терапии (our attempts at therapy). Вместо того, чтобы работать над этим, она любила ставить ультиматумы, что-то вроде, "Я не могу быть с тобой, когда ты пьян". Маленький мальчик, которым я был до тюрьмы, ненавидел ультиматумы, но теперь я пытался воспринимать их как часть её натуры. Однако, в то же самое время, в наших отношениях существовало так много мин, которые мы не обезвредили, что всё закончилось тем, что мы оба ходили на цыпочках друг возле друга, чтобы, не дай бог, ни одна из них не рванула, к чёртовой матери.

Всё снова рухнуло в канун Нового года. Мы сидели и пялились в телевизор, когда я сказал, "Знаешь что, сегодня Новый год. Это пятая годовщина с тех пор, как мы познакомились, и завтра наступает новое долбаное тысячелетие. Давай выпьем «Гольдшлягера» («Goldschlager» — крепкий коричный ликёр, которым Памела угостила Томми при их первой встрече) в память о прошлом, залезем в джакузи и хорошенько оттянемся". Она согласилась. Не прошло и нескольких дней, как, оставшись на какое-то время одни, мы уже вместе втихаря потягивали спиртное и наслаждались жизнью (For a few days afterward, when we had some time alone, we'd sneak a drink together and veg out).

Но после этого она вдруг учудила (she freaked), потому что, выпив, мы наступили на одну из тех самых мин. "Боже мой", запричитала она. "Я поверить не могу, что пила с тобой. Я даже в мыслях не могла этого допустить". Таким образом, когда вернулось чувство вины, за ним пришла и прошлая драма. Как раз в то самое время, когда всё это происходило, я должен был отправиться в тур с «Methods of Mayhem». Когда я вернулся домой, её не было в городе, она была на с'ёмках для телевидения. Мы постоянно отсутствовали, и расстояние и нехватка общения уничтожали нас. А затем, в День Святого Валентина, меня снова уволили. Как гром среди ясного неба она вдруг заявила, "Я

больше не в состоянии это выносить". Взяла детей и сбежала. Она абсолютно исчезла: я звонил её семье и друзьям, но никто так и не сказал мне, где она.

Когда неделю спустя она, наконец, позвонила, речь сразу же зашла об опеке над Диланом и Брэндоном. Она хотела, чтобы я подписал одностороннее соглашение, которое, по существу, предоставляло бы ей полный контроль над детьми. Я сказал ей, что этому не бывать, и как только я это сделал, окружной прокурор позвонил моему адвокату и сказал, что у неё есть свидетель, который готов дать показания о том, что я выпивал, нарушив тем самым условия испытательного срока. Но мы-то знали, кем был этот свидетель. Я провёл ещё пять дней в тюрьме, но я добился того, чтобы остаться со своими мальчиками.

В прошлый раз, сидя в одиночной камере, я заглянул внутрь себя и решил проблемы моего грёбаного скудного умственного развития. Затем я выглянул наружу и решил проблемы моего слабого музыкального развития, т. к. тюрьма была одним из тех мест, где никто не мог влезть мне в голову и начать мною манипулировать. На сей раз, я использовал время пребывания в одиночке, чтобы найти последнюю отсутствующую часть головоломки (puzzle): мою трахнутую личную жизнь (my fucked-up love life).

Я дал себе три обещания: первое — никогда больше не жениться, спустя всего лишь четыре дня после знакомства. Второе — я должен быть уверен, что познакомлюсь с её матерью прежде, чем женюсь на ней, что спасло бы меня от многих горестей с Памелой и Хизер, потому что обе они в значительной степени оказались молоденькими копиями своих матерей. И третье состояло в том, что моя будущая подруга не будет кем-то, кто когда-либо снимался в кино, в журналах, и, если уж на то пошло, даже бывал в Голливуде: она будет стоять за прилавком магазинчика косметики где-нибудь в Нортбруке, штат Иллинойс (Northbrook, Illinois — городок с 35-титысячным населением) или будет работать в адвокатской конторе в Роли, штат Северная Каролина (Raleigh, North Carolina — столица штата).

Когда я покинул тюрьму, я был уверен, что не будет никакого третьего раза с Памелой. Я не собирался злиться или мстить ей. Фактически, я всё ещё любил её, и всегда буду любить. У нас двое общих детей, и мы оба всегда будем присутствовать в жизни друг друга, поэтому с таким же успехом мы могли бы попробовать быть друзьями. Также я пообещал себе, что не буду продавать своё жильё (pad), потому что я хотел, чтобы наши дети всегда могли прийти в дом, где они родились и выросли.

В день, когда я вернулся, я наладил у себя дома новую

студию и начал работу над следующим альбомом «Methods of Mayhem». Как-то на днях, я решил сделать перерыв и пошёл за продуктами на рынок, который находится рядом с моим домом. Пока я делал покупки, случилось так, что я столкнулся с бывшей женой Никки — Брэнди. Мы немного поболтали, а потом она позвонила нашему общему другу, чтобы взять у него мой номер телефона. Вчера она позвонила и сказала, что живёт прямо за углом. Так что, наверное, мне стоило бы, чёрт возьми, плотнее этим заняться (So I might have to fucking get in on that). В конце концов, я сейчас — мистер Холостяк (Mr. Single). И, кроме того, я только что пролистал главы Никки в этой книге и прочёл всё о нём и о Хани.

Глава восьмая

НИККИ

«О ПОСЛЕДНЕМ ПРИКЛЮЧЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧАЕТСЯ С НАШИМ НЕСЧАСТНЫМ ГЕРОЕМ, И О ДРУГИХ ТЯГОСТНЫХ СОБЫТИЯХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЯСНОГО ПОНИМАНИЯ ЭТОЙ ИСТОРИИ»

К моему удивлению, с уходом Томми, впервые на моей памяти группа вступила в период стабильности, и мы записали альбом, который должен был стать преемником «Dr. Feelgood» — «New Tattoo». Гневные и мрачные эмоции эры «Generation Swine» начали себя изживать: я по-своему разобрался со своим отцом, отстоял в суде совместную опеку моих с Брэнди детей, поставил группу обратно на рельсы и переиздал наши старые альбомы на лейбле «Motley Records», где они разошлись тиражом в пять раз большим, чем продала «Elektra».

Но затем я получил телефонный звонок от своего брата Рэнди. Он узнал, где жила наша сестра Лиса (Lisa): в пансионе в Санта-Круз (Santa Cruz — город на западе штата Калифорния). Я твёрдо решил повидать её. После всего этого героина, кокаина и алкоголя я, наконец, осознал, кто же я есть на самом деле. Я позвонил моей маме и спросил её, почему она всегда держала меня на расстоянии от Лисы, но всё, что она могла, это повторять снова и снова, "Тогда всё было совсем по-другому" ("It was different back then").

Я был одержим этой идеей и позвонил в клинику. "Что бы вы ни говорили, меня это не волнует", начал угрожать я. "Я приеду туда и увижусь со своей сестрой".

"О чём вы говорите?" дружелюбно спросила медсестра. "Кто вам сказал, что вы не можете повидать Лису? Вы можете приезжать, видеться с нею всякий раз, как только пожелаете".

"Но моя мать сказала мне, что Лиса не хотела видеться с семьёй".

"Вы могли навестить её в любое время, когда захотели бы. Мы всегда ждали вас. Мы удивлялись, почему вы никогда не звонили".

"Вы не могли бы оказать мне любезность? Я хочу знать о ней больше".

Они рассказали мне, что она родилась 12-го ноября, что у неё синдром Дауна, что она слепая и немая и была прикована к

инвалидному креслу. У неё было очень слабое сердце, и весила она меньше шестидесяти фунтов (менее 27-ми кг). "Однако у неё полноценный слух", сказали они. "И странно, что вы выбрали для неё такую жизнь. Потому что она любит музыку. Все, что она делает целыми днями, — сидит возле радиоприёмника".

Я почувствовал, что со мной сейчас случится нервный срыв. Я не мог поверить, что у меня была такая удивительная сестра, которую я мог бы видеть в любое время за все последние сорок лет. Через несколько дней я должен был отправиться в следующую часть тура "New Tattoo", поэтому я сказал медсестре, что я навещу Лису, когда вернусь.

Спустя три дня после того, как я приехал домой из тура, мне позвонил Джефф Варнер (Jeff Varner) из моего управляющего офиса и сказал, "Здесь полиция. Они хотят узнать твой адрес".

"Ну, передай им от меня сообщение", начал я обычный свой ответ. "Скажите им, чтобы шли в жопу (fuck off). Если они приедут ко мне домой, то только впустую потратят своё время. Меня там не будет".

"Слушай, им на самом деле очень нужно тебя видеть", сказал Варнер.

"Да мне насрать (I don't give a fuck)! Я устал от этих арестов и поездок в тюрьму. Кроме того, я ничего не сделал". На самом деле, было много чего, что я сделал. За два дня до этого у меня конфисковали машину, а меня бросили в тюрьму за то, что я ехал без водительских прав. А перед этим на выступлении в Гринсборо (Greensboro) в туре «Swine» я поцапался с охранником, который выдвинул против меня обвинения, так что, возможно полицейские, хотели экстрадировать меня в Южную Каролину (South Carolina).

"Никки", умолял Варнер. "Поверь мне, ты должен сказать им, где ты живёшь, и позволить им приехать".

"Нет, я не вернусь в тюрьму. Знаешь что, избавься от них и закажи мне билет на самолёт, хорошо бы куда-нибудь в Южную Америку. В любом случае мне необходим отпуск".

"Хорошо, Никки", вздохнул он. "Я сейчас тебе перезвоню".

Мой телефон молчал в течение часа. Когда он зазвонил, на другом конце провода оказался Винс. Он говорил, как обдолбанный, но он не был пьян. Он плакал.

"Никки, мужик, я не знаю, как тебе это сказать", начал он.

"Ну же! Что такое?"

"Просто они нашли твою сестру мертвой".

"Кого? Какую сестру?" я не был уверен, шла ли речь о Лисе или о моей единокровной сестре Сэси.

"Я не знаю. Но именно поэтому полиция сейчас в офисе. Они

пытаются сообщить тебе об этом".

Я позвонил в офис и узнал, что Лиса тем утром умерла от сердечного приступа. Я тут же впал в депрессию. Я был зол на самого себя за то, что отложил свой визит к ней, и я был в гневе на своих родственников за то, что, когда я родился, они заставили меня держать её в тайне (I was pissed at my relatives for keeping her a secret was forced upon me when I was born). Но, своим отказом произносить это имя, будучи подростком, я низверг и свою семью, и своё прошлое (But in refusing to keep that name as a teenager, I overthrew my family and my past). Теперь, когда мне сорок один, я хочу это восстановить. Поэтому мы с Донной выбрали имя для девочки: Фрэнки Джин (Frankie Jean). (Джин взяли от имени матери Донны, Дженетт [Jeanette].) Я смотрю на это так: мы взяли наши семьи, склеил их вместе и, в конце концов, замкнули круг на моем отце. В то время как я пишу эти строки, я стою на полу на коленях и молюсь о том, чтобы я смог сохранить этот круг единым и нерушимым, навсегда.

Глава девятая

МИК

«О ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯХ, КОТОРЫЕ ЧУВСТВОВАЛ МИК МАРС, ВХОДЯ В КАБИНЕТ ВРАЧА, И О ДРУГИХ ФАКТАХ, КОТОРЫЕ УКРАСЯТ И ПОДТВЕРДЯТ ЭТУ ДЛИННУЮ ИСТОРИЮ»

Как только врач увидел меня, он тут же отменил приём «Золофта» и «Веллбутрина». Но я продолжал испытывать галлюцинации от болей и напряжения в моих костях. Я по-прежнему слышал радиоголоса, и кровать продолжала колыхаться подо мной каждую ночь.

Я пошел к своему ортопеду, чтобы попросить возобновить мой курс приёма болеутоляющих. Я сказал ему, что мои плечи и шея больше не двигаются, и что я вынужден до предела склоняться над своей гитарой, когда играю, а также, что теперь мне необходимо перемещать всё тело, чтобы просто откинуть голову назад. Ему и не нужно было всё это выслушивать. Он просто посмотрел на меня решительней, чем когда-либо, и сказал, "Вы проигрываете сражение".

И он был прав: анкилозный спондилит брал верх. Серый призрак побеждал. Врач снова назначил мне болеутоляющие таблетки и прописал лекарство, которое служило лёгким антидепрессантом — Валиум (Valium). Серый призрак смог завладеть моим телом, но спасибо на том, что мне удалось сохранить свой мозг (The gray ghost could have my body, but I was going to keep my mind, thank you very much). Постепенно, голоса в моей голове стихли, и моя кровать перестала трястись по ночам. Теперь, половину времени я просто ощущаю безумие; а другую половину — что я безумен (Now, I only feel insane half the time; the other half I am insane).

Несколько лет назад я познакомился с худенькой, загадочной девушкой по имени Робби (Robbie), подводным фотографом, которая повредила своё ухо (who had blown her ear) во время погружения на двухсотфутовую глубину (60 метров), и теперь работала в конторе, которая организовывала туры по наблюдению за поведением морских животных (production office on tour to see how creatures above sea level behaved). Она говорила с умом и рассудительностью сорокалетней, хотя ей было всего двадцать. Она так вела беседу, как я никогда не мог: всё, что она говорила, звучало спокойно и вдумчиво. Я был так очарован ею, что после

тура я записал её телефонный номер, оставил ей сообщение и, в итоге, полетел в Теннеси (Tennessee), чтобы навестить её. Вернулся я не один.

По мере того как мы с Робби проводили всё больше времени вместе, она стала моим единственным другом, и я понял, что она была женщиной, которую я искал всю свою жизнь, но, к сожалению, всё время терпел неудачу. Она не пила, не принимала наркотики и прочую гадость (nasty stuff), и поэтому она помогла мне стать на путь истинный (she has helped me stay on the straight and narrow). Плюс, она не охотилась за моими деньгами, т. к. у неё была своя собственная компания, «Nature Films», которая поставляла фотографии и фильмы для моих любимых после с гитары вещей: телевизионных каналов «Discovery Channel», «Learning Channel» и «National Geographic». У Винса есть Хайди, у Никки — Донна, а у меня теперь есть Робби. Всякий раз, когда я вижу её снимки по телевидению, я улыбаюсь и говорю, "Это моя старушка" ("That's my old lady").

Теперь я старый пердун (old fart), поэтому мне тяжело ездить в туры с группой. Но я не так подавлен, как во времена «Generation Swine», потому что я понял, что делает меня счастливым — играть так, как я написал в том оригинальном об'явлении в «Ресайклер», которое впервые свело меня с «Motley» — "громко, грубо и агрессивно". Никки тоже постарел (old fuck too), но он по-прежнему хочет, чтобы «Motley Crue» правили миром (he still wants Motley Crue to take over the world). В этом его не переделать (That will never change about him). Он всегда говорит, "Я хочу победить". И я знаю, что он всё ещё может победить. Если бы я так не думал, то был бы с Томми.

Когда я вернулся домой из тура «New Tattoo», Робби посмотрела на меня и улыбнулась.

"В чём дело?" спросил я её.

"Он возвращается", сказала она.

"Кто возвращается?"

"Пожиратель лиловых человечков".

Та неистовая пурпурная аура (The wild magenta aura), которую первым увидел Том Зутот и которую я утратил во время тура «Girls», вернулась. Только теперь она в чёрных тонах, фиолетовый как будто тускнеет.

Глава десятая

ВИНС

«В КОТОРОЙ НАШ ГЕРОЙ УСВАИВАЕТ УРОК, ЧТО НИКАКОГО УРОКА ВОВСЕ НЕТ; ЕСТЬ ТОЛЬКО ЖИЗНЬ»

Во время нашего тура по Японии мне позвонила Хайди. Было 5 часов утра, поэтому я сразу понял, что что-то случилось. Она сказала, что мой менеджер Берт (Bert) отчаянно пытается связаться со мной из своего дома в Нэшвилле (Nashville). Я позвонил ему, он с трудом мог произносить слова.

"Ты единственный, с кем я могу поговорить", сказал он. "Когда я видел, как ты проходил через это, я никогда не думал, что это случится со мной".

Минувшим днём сын Берта играл в баскетбол с друзьями, когда он внезапно рухнул на пол. Кровоизлияние в мозг (brain aneurysm) убило его на месте без всяких предварительных симптомов и предпосылок. После Японии я полетел прямо в Нэшвилл, чтобы быть с Бертом. Когда умерла Скайлэр, он был рядом со мной. Теперь была моя очередь, потому что я очень хорошо знал, что ему приходилось испытывать.

Томми, Никки и Мик могут пилить меня сколько угодно по любому поводу (can rag on me about whatever they want). Но они не знают, они даже не способны понять, на что это похоже — наблюдать, как умирает твой ребёнок. Если бы они хотя бы на секунду поставили себя на моё место, они бы этого просто не перенесли (If they just put themselves in my shoes for a second, they would hate it). Они бы никогда не смогли пройти через эту боль. Возможно, тогда бы они поняли, почему я так пил, мать их.

Моё время, проведённое с Бертом, стало ещё одним напоминанием о том, что жизнь коротка, а любовь редка. Когда я вернулся в Лос-Анджелес, я поклялся, что женюсь на Хайди. После семи лет наших отношений, которые продолжались дольше, чем любой из моих браков, я понял, что она была моим самым сердечным другом (soul mate). Другие женщины встречались со мной только в хорошие времена — «Феррари», «Порши», особняки, не говоря уже о невероятном сексе — но в плохие только Хайди оставалась рядом со мной, пройдя через смерть, депрессию и денежные проблемы. Хайди всё знала и не ждала никакой рок-н-ролльной сказки, банковских чеков по двадцать тысяч долларов в месяц на текущие расходы или мужа,

который сможет прожить всю жизнь без глубоких душевных травм, чувства вины и гнева от того, что убил хорошего друга в автомобильной катастрофе и потерял четырехлетнюю дочь, умершую от рака. Возможно, восемьдесят пять процентов пар даже не смогли бы пережить смерть ребёнка, независимо от того, настоящие ли они его родители или нет. Но каким-то образом мы с Хайди пришли к другому исходу и не как любовники, а как лучшие друзья.

Мы назначили день свадьбы, а затем отпраздновали помолвку походом на хоккейный матч с участием «Kings» («Los Angeles Kings» — лос-анджелесская хоккейная команда). После игры, мы столкнулись с Томом Арнольдом (Tom Arnold — американский актёр), который познакомил нас с некоторыми игроками. Все они хотели поехать потусоваться где-нибудь, поэтому я предложил «Havana Room», приватный сигарный клуб в Беверли-Хиллс, где собирались в основном продюсеры, актёры, адвокаты и один или два пластических хирурга. Думаю, что я единственный рокер, который является членом этого клуба.

Мы все хорошенько там поддали — за исключением Тома Арнольда, который не пьет, — когда Мэл Гибсон (Mel Gibson — известный актёр и режиссёр), который сидел один в баре, спросил, нельзя ли ему присоединиться к нам. В конце концов, вечеринка свелась к тому, что в 3 часа утра остались только я, Мэл и Хайди. Персоналу нужно было закрывать заведение, но они не хотели выгонять нас. Так что они разрешили нам остаться там одним и курить сигары.

Мы покинули клуб час спустя и поехали ко мне домой, где до шести утра играли на бильярде и фотографировали друг друга на Полароид, корча рожи. Я отрубился, но Мэл всё ещё хотел зажигать (Mel still wanted to rock). Хайди разбудила меня в полдень, смеясь, "Я поверить не могу, мне пришлось выставить за дверь самого Мэла Гибсона". В какой-то момент после того, как солнце взошло, она вызвала ему такси, чтобы отвезти его в «Four Seasons» (название отеля). Тем вечером мы с Хайди включили новости, где передавали сюжет о том, как клуб «Havana Room» сгорел дотла. Они сказали, что два джентльмена оставались в клубе допоздна и бросили свои непотушенные окурки в мусорное ведро, которое загорелось и подожгло всё здание. Теперь, ко всему прочему, я стал ещё и поджигателем.

Вскоре после этого у нас с Хайди состоялась скромная, но красивая свадьба в Беверли-Хиллс под мелодию «Van Morrison» "Crazy Love" в кругу подружек невесты, почти сплошь состоящего из фотомоделей (Playmates). После того, как я потерял всё, я нашёл женщину, которая была самой красивой невестой, самым

удивительным человеком как внутри, так и снаружи, которую я когда-либо встречал. Она была единственной женщиной, которую я знал, которая с таким же успехом могла бы быть парнем, начиная с того, как она засовывала деньги в стринги стриптизершам на нашем первом свидании, и заканчивая курением дешёвых сигар с Мэлом Гибсоном в нашу последнюю встречу, будучи ещё неженатыми. Я попросил одного из моих самых близких друзей на всём белом свете быть шафером на нашей свадьбе: Никки Сикса. Позднее мы с Хайди вернулись в наш дом в Беверли-Хиллс и завели двух немецких овчарок, которые так любят кусать Никки.

Полагаю, что остальная часть группы могла смеяться надо мной за мою принадлежность к сигарному клубу, за то, что я живу в Беверли-Хиллс, за гоночные автомобили и за то, что я пытаюсь быть кем-то вроде магната индустрии развлечений (недавно я создал компанию с Марко Гарибальди [Marco Garibaldi — голливудский сценарист]; его женой Присциллой Пресли [Priscilla Presley — актриса, бывшая жена Элвиса Пресли]; и кое-какими биржевыми маклерами из Чикаго — мы смогли даже нанять Дуга Талера [Doug Thaler — бывший менеджер «Motley Crue»] для работы с почтой). Но они не понимают того, что я занимаюсь тем же, чем и всегда. Вместо того чтобы напиваться с Томми и Никки и их драгдилерами, я делаю то же самое с Мэлом Гибсоном. Вместо того чтобы расслабляться и жить полной жизнью на побережье, я живу полной жизнью в «Havana Room». Важно быть честным с самим собой и не терять свою индивидуальность в попытке слишком усердно соответствовать ожиданиям и принципам других людей.

После безумств тура «Girls», я думаю, мы потеряли из виду самих себя. «Motley Crue» стала трезвой группой, потом мы стали группой без ведущего вокалиста, затем мы стали альтернативной группой. Но за что все всегда любили «Motley Crue», так это за то, что она была грёбаной декадентской группой: за способность войти в комнату и поглотить весь алкоголь, девочек, таблетки и неприятности, которые попадут в наше поле зрения. Полагаю, что счастливым концом было бы сказать, что мы усвоили наш урок, и что всё это было ошибкой. Но к чёрту это.

Я люблю иногда выпить, и я люблю неприятности. Я не мог бы быть вокалистом «Motley Crue», если бы не делал этого. Я прошёл через судебные процессы, развод, зависимость, попытки самоубийства и больше смертей, чем только возможно себе представить. Пришло время снова повеселиться.

Именно поэтому, когда мы наняли моего старого приятеля Рэнди Кастилло, чтобы он занял место Томми за барабанами, и

заперлись в студии, чтобы записать «New Tattoo», это было так легко. Не было никакой головной боли (brain damage), никакого двухнедельного ожидания, чтобы подобрать нужный тембр гитары или заставить рабочий барабан звучать так, как надо. Мы вернулись к корням и, наконец, осознали тот факт, что мы — «Motley Crue». Мы не рэп-группа, мы не поп-группа. Мы просто группа, которая поёт о радостях выпивки, секса и автомобилей. Мы группа, которая процветает в состоянии полной неуравновешенности (We are a band that thrives on being unsettled). Мы процветаем, когда трое ополчились против одного. Мы процветаем, когда я уволен, Томми ушёл, у Никки передозировка, а Мик — психованный старикашка. Всё, что должно было убить нас, только сделало нас ещё более опасными, сильными и решительными.

Если бы я был на «MTV», когда они спросили группу о тёлках, огне и лаке для волос, я бы не стал защищаться, как Никки. Я бы сказал, "Знаете что, мы — это грёбаный огонь, мы — это тёлки, и мы — это лак для волос. И это гораздо лучше, чем нагонять на всех тоску" ("You know what, we are about fucking fire, we are about chicks, and we are about hair spray. And that's a whole lot better than being about boredom").

Глава одиннадцатая

ТОММИ

«О КОНЦЕ, НОВОМ НАЧАЛЕ И ЗАРЫТОМ ТОПОРЕ»

Я поднимался по ступенькам, чтобы отвести своих детей в школу в их первый день, когда я поднял глаза и увидел силуэт Никки, который возвышался на вершине лестничного пролёта. Это было похоже на сон, который я часто видел о нём. Прошёл год с тех пор как я не виделся и не разговаривал с Никки.

Я встретил его наверху лестницы и сказал: «Привет». Он кивнул мне в ответ.

"Твои дети тоже ходят сюда?" — спросил я.

"Да", ответил он. "Они вон там. В том классе".

"Ну и дела! (What a trip) Наши дети учатся в одном классе, брат".

Мы оба были одеты в широкие брюки и застёгнутые на все пуговицы рубашки (slacks and button-down shirts). Для нас это было неестественно, но мы не хотели, чтобы наши дети смущались из-за своих грязных рок-н-ролльных папаш (dirty rock-and-roll dads). Никки улыбнулся мне, и мы крепко обнялись. Это было прикольно (It was tripped out): два парня, которые вместе уделали всю планету (who fucking killed the planet together), встретились снова на ступеньках грёбаной начальной школы.

"Я никогда не был здесь раньше", сказал я Никки. "Как мне найти этот класс?"

Он провёл меня в здание и указал на коридор. Я сказал ему, что вернусь через минуту; я хотел удостовериться, что моему сыну нашлось место за партой и что он в порядке (my son was settled and happy). Никки сказал, что он будет ждать, и когда я закончу, мы, может быть, позавтракаем вместе и поболтаем о былых временах.

Но кончилось тем, что я остался с Брэндоном ещё на полчаса, потому что он был слишком взволнован и напуган. Когда я вернулся в вестибюль, там уже никого не было. Я выбежал из здания и с вершины лестницы и оглядел всё вокруг. Никки исчез. Я спустился по ступенькам и заглянул в окно класса, чтобы убедиться, что Брэндон нашёл себе друзей. И он действительно нашёл: он сидел там, смеясь над чем-то. Я сделал ещё один шаг вперёд, чтобы посмотреть, над чем же он смеётся, и увидел сына Никки, Дэкера (Decker), который снимал с себя рубашку. Целое

новое поколение Сиксов и Ли — а также Нейлов и Марсов — готовилось выйти в мир.

ТАКИМ ВОТ ОБРАЗОМ, НАШИ ГЕРОИ ЗАКОНЧИЛИ СВОЮ ДВАДЦАТИЛЕТНЮЮ ОДИССЕЮ ГАРМОНИИ И АНИМАЛИСТСКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, УСВОИЛИ УРОКИ, БОЛЬШИЕ, МАЛЕНЬКИЕ ИЛИ ВООБЩЕ НИКАКИХ. ТЕПЕРЬ МЫ ОСТАВИМ ИХ ПРОДОЛЖАТЬ КОЛЕСИТЬ ПО СВОИМ ПЁСТРЫМ ДОРОГАМ: СТАНОВИТЬСЯ МУДРЕЕ, ЛЮБИТЬ СВОИХ ЖЁН И ПЛАТИТЬ ВСЕ СВОИ АЛИМЕНТЫ; ПРОЧЕСТЬ СВОИМ ДЕТЯМ ЭТУ ИСТОРИЮ, ИГРАТЬ ДЛЯ ТОЛП ЛЮДЕЙ В ЗЕНИТЕ СВОЕЙ СЛАВЫ, И СНОВА И СНОВА ВОЗВРАЩАТЬСЯ В ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ, ОГЛЯНИСЬ, ЧТОБЫ ЕЩЁ РАЗ ВГЛЯДЕТЬСЯ В ИХ СПИНЫ, И ТЫ УВИДИШЬ, КАК ОНИ ИСЧЕЗАЮТ ИЗ ВИДА, НЕСЯСЬ ВО ВЕСЬ ОПОР В ЛУЧАХ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА, ЧТОБЫ ЗАВОЕВАТЬ НОВЫЕ ЗЕМЛИ, НАПЕВАЯ НОВУЮ МЕЛОДИЮ, КОТОРАЯ НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ ПРЕЖНЕЙ МЕЛОДИЕЙ. И ЗВУЧИТ ЭТО ПРИМЕРНО ТАК:

Истратить миллион на наркоту,
Иль расфигачить множество машин,
Переебать тупых старлеток Голливуда —
Я это мог легко. Мы все, не я один.

Вы любите не ставить нас ни в грош.
Смешно из ваших частных самолетов
Брюзжание нам слышать и скулеж.
Вы стали жирными, богатыми мешками,
Когда я сдохну, на моем могильном камне
Вы сможете одно лишь начертать.

Я — шарлатан,
Я — маленький поганец,
В говне по жизни и всегда в говно.
Но ты же веришь в этот плоский глянец.
Вранье. Для вас я — маленькая блядь.
Я — всё. И даже больше, так сказать.
Кругом обман, я весь из пустоты —
Насквозь фальшивый. Вот совсем как ты.

Был сорок миллиардов наш тираж.
Мы выжили. Но «Грэмми» нам зажали.
Сто лет мы в Голливуде не играли.
А стоило б явить им свой кураж.

В кольце блестит бриллиант, лежат в кокосе лица,
Всех дивно прет от этих чудо-шприцев.
Мы продавали души, вы — кассеты,
Нас в рабство взяв до окончанья света.

Ты — просто выдумка.
Ты — маленький поганец.
Один из многих безнадежных пьяниц.
За правду принимаешь ты вранье.
Мы схожи. Всё мое — теперь твое.

Я не ожесточился. Я стал лучше.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Если делать что-либо таким образом, как это обычно делают «Motley», — значит обречь себя на жуткий геморрой. И эта книга была сделана именно так. (To do something the Motley way is to do something the hard way. And this book was done the Motley way). Этот бесконечный путь к опубликованию всех этих запутанных споров, драк, вендетт, болезней, адвокатов, тюрем, разводов, наркотиков, выстрелов, стрип-клубов и, в особенности, электронных писем, целиком написанных заглавными буквами (E-mails written in all capital letters — не знаю, о чём идёт речь). Фактически вы сейчас даже не держали бы «Грязь» в своих грязных лапах, если бы не следующие люди:

В «Left Bank Organization» благодарность размером с Бульвинкля всем и каждому (судя по всему, имеется ввиду статуя гигантского Бульвинкля, которая находится в Лос-Анджелесе), особенно Аллену Ковачу (Allen Kovac), который позаботился о том, чтобы «Грязь» осталась грязной; Джордану Берлианту (Jordan Berliant), который свернул горы и совершил множество других по-настоящему невероятных чудес, например, как это произошло с человеческим самомнением (расспросите его о том, как он время от времени посещал Томми Ли в тюрьме); Джеффу Варнеру (Jeff Varner), который, пытаясь усмирять наших детей, успел заиметь собственного первенца (who had his first kid while trying to keep us kids in line); могучей юридической команде Джима Козмора (Jim Kozmor) и Джастина Уолкера (Justin Walker) плюс адвокату группы Дугу Марку (Doug Mark), которые оказались поистине всемогущими; Кэрол Слоат (Carol Sloat), которая многого от нас натерпелась и почти не жаловалась; также Сью Вуд (Sue Wood), которой так нравилось превращать сотни часов аудиоплёнки в печатный текст, что она даже записала одну из реплик Никки Сикса на свой автоответчик: "Привет, я когда-нибудь рассказывал вам о том, как Оззи лизал мою мочу?" Громадная похвала также Рэнди Кастилло (Randy Castillo) и Саманте Мэлони (Samantha Maloney), чьи голоса можно будет услышать в «Грязь. Книга вторая»: о нет, никогда больше.

В «ReganBooks» особая благодарность Джереми Руби-Стросс (Jeremie Ruby-Strauss), которого мы виним в том, что он заварил всю эту кашу (starting this whole mess); Дану Амбарелла (Dana Albarella), которая неутомимо её расхлёбывала; Лорэн Бойл (Lauren Boyle), которая терпеливо сносила всё это; Андреа Молитор (Andrea Molitor) за то, что сделал(а) это чтиво настолько профессиональным, коим оно изначально не являлось; и Джудит

Риган (Judith Regan), нашему неутомимому надзирателю и контролёру качества. Дополнительная благодарность Джону Пелози (John Pelosi), пожалуй, единственному адвокату, который знает, в чём разница между «Monster Magnet» (американская хард-рок-группа) и «The Monster Mash» (песня Бобби Пикета 62-го года).

Также благодарим всех в «Deluxe Management», а именно, Карла Стабнера (Carl Stubner), Джейд МакКуин (Jade McQueen) и Блэйн Клосен (Blain Clausen). А также двух книжных агентов — Сару Лэйзин (Sarah Lazin) и Айру Силверберг (Ira Silverberg), которые, наверное, будут счастливы, если никогда больше не услышат словосочетание «Motley Crue».

Самая большая благодарность от всех нас неутомимым легионам «крюхэдов» (Crueheads), особенно Полу Майлзу (Paul Miles) — автору «Chronological Crue», чей список внесённых корректив оказался почти такой же длины, как сама эта книга; Бренту Хорилуку (Brent Hawryluk), который днём и ночью корпел над своим видеомагнитофоном, записывая классику телевизионных материалов «Crue», в обмен на эту мелкую благодарность; также Лоре Арройо (Laura Arroyo) и Кэйтлин «Кэт» Уекер (Caitlin «Cat» Uecker), которые «зажигали» (who rock).

Что же до тех, кого мы забыли упомянуть… идите к чёрту (fuck you).

От переводчика

Со своей стороны хочу выразить огромную благодарность всем, кто все эти два года помогал мне в работе над переводом этой книги: моим преподавателям английского языка — Наталье Кирилловне Трофимовой и Наталье Юрьевне Космовской; моему другу — учителю английского языка — Олегу Панину, который очень помог мне, особенно на первом этапе работы над переводом; моему лучшему другу и однокласснику Василию Широкову, который в один «прекрасный» день ненароком подсунул мне оригинал «The Dirt», не предполагая, во что всё это может вылиться; бесподобному Дмитрию «Doomwatcher» Бравому за ценные советы, коррективы и неподдельный интерес; несравненной Алёне «Sikki» за стихотворный перевод песни «Fake» и за то, что вернула мне веру в собственные силы, когда было действительно тяжело; тёплой, дружной, отзывчивой и очень доброжелательной армии поклонников «Crue» www.rock.ru и www.motley-crue.ws, которые всё это время с интересом следили, морально поддерживали меня и терпеливо дожидались продолжения книги; всем тем, кто присылал на мой E-mail письма с тёплыми словами и ценными замечаниями; а также моей жене Марине за понимание и терпение.

Если я про кого-то забыл, прошу прощения.

Всегда ваш, Асадчев Антон.

notes

Примечания

1

BORN TOO LOOSE. Здесь, судя по всему, имеет место игра слов, т. к. произношение звучит идентично BORN TO LOSE — рождённый, чтобы терять. — прим. пер.

2

ТОМ ZUTAUT — точно не знаю, как произносится фамилия Тома. Возможно, фамилия немецкая, тогда будет — ТОМ ЗУТАУТ. — прим. пер.

З

«Ангельская пыль»: Смесь «Хальциона» («Halcion») — успокоительного для нервной системы и кокаина — стимулятора нервной системы. Упаковывается и хранится в пузырьках. После приёма тело бодрствует, но мозг отключается.

4

Если приезжала Хизер, что бывало редко из-за её плотного графика, ритуал в гостинице немного отличался. В этом случае сценарий был в точности таким: Встречаю Хизер в вестибюле. Трахаемся. Обнимаемся. Разговариваем. Игнорирую стук в дверь. Через дверь слышу крик Никки, “Томми, у меня есть эйтбол (eightball)”. Игнорирую его. Слышу крик Никки, “То, что она здесь, ещё не означает, что мы не можем оттянуться”. Продолжаю игнорировать его. Еще через десять минут стука и воплей, раздражённо открываю дверь. Слышу недовольство Хизер, “Я здесь всего на один день. Почему мы должны провести его с ним?” Вступаю в драку. В итоге: зол на Хизер, зол на Никки, зол на самого себя.

5

«Boyz n the Hood» — фильм 1991 года, в российском прокате шёл под названием «Парни Южного Централа»; «Fast Times At Ridgemont High» — молодёжная комедия 1982 года. — прим. пер.